Библіотека Романовъ
[Приключенія на сушѣ и на морѣ]

Наслѣдникъ Робинзона

Соч. А. Лори

С.-Петербургъ
Изданіе П. П. Сойкина
12, Стремянная, 12

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 сентября 1900 г.

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.

I. Поль-Луи и его отецъ.

— Письмо, сударь!.. неизвѣстно откуда, но надо полагать, что издалека!—Произнесъ лакей, подавая на подносѣ письмо, или, вѣрнѣе, держа въ лѣвой рукѣ подносъ, между тѣмъ какъ правой онъ подкидывалъ, подбрасывалъ и взвѣшивалъ на ладони увѣсистый конвертъ, испещренный множествомъ марокъ, повидимому, тропическихъ странъ.

Но хозяинъ его былъ слишкомъ поглощенъ въ данный моментъ своимъ разговоромъ, чтобы обратить вниманіе на неподобающее безцеремонное обращеніе его слуги съ этимъ письмомъ.

— Нѣтъ, лучше намъ отправиться въ Англію и посѣтить Бирмингамъ, Манчестеръ, Лидсъ, словомъ, всѣ эти большіе центры промышленности, съ которыми ты такъ желаешь ознакомиться!—убѣдительно говорилъ онъ своему сыну.

— Все это хорошо, но я всегда успѣю побывать тамъ,— возразилъ сынъ,—а вы, батюшка, были бы особенно рады, я въ томъ увѣренъ, повидать Неаполь, Флоренцію, Римъ и его новѣйшія раскопки; потому я полагаю, что мы сдѣлаемъ лучше, если поѣдемъ въ Италію.

На дворѣ стоялъ уже іюль мѣсяцъ, и надо было, не теряя времени, рѣшить вопросъ о томъ, куда на этотъ разъ направить свое обычное ежегодное путешествіе въ каникулярное время. Г-нъ Бенжамэнъ Глоагэнъ сидѣлъ за завтракомъ вдвоемъ со своимъ сыномъ Полемъ-Луи, какъ они это дѣлали всегда съ тѣхъ поръ, какъ послѣдній поступилъ въ Ecole central des arts et manufactures, т. е. въ высшую школу художествъ и промышленности, а первый для того, чтобы не разлучаться съ нимъ,

перенесъ свои пенаты изъ Нанта въ Парижъ, въ прекрасное большое помѣщеніе на площади Вогезовъ.

Въ данномъ случаѣ выраженіе: «перенесъ свои пенаты» являлось отнюдь не обычной метафорой, такъ какъ, въ качествѣ страстнаго любителя греческихъ и римскихъ древностей и серьезнаго археолога, какимъ былъ г-нъ Бенжаменъ Глоагэнъ, онъ являлся счастливымъ обладателемъ цѣлой коллекціи маленькихъ божковъ Ларовъ (Лары—боги домашняго очага), которые, вѣроятно, даже и въ пору полнаго расцвѣта своего культа и въ теченіе всѣхъ 20 вѣковъ своего существованія не видали болѣе страстнаго и горячаго поклонника, чѣмъ ихъ настоящій владѣлецъ.

Все, до послѣднихъ мелочей включительно, въ этой большой красивой залѣ, служившей столовой и обставленной старинной мебелью, свидѣтельствовало о вкусахъ хозяина дома.

На стѣнахъ и повсюду висѣли, стояли и лежали формовки знаменитыхъ барельефовъ, обломки драгоцѣнныхъ античныхъ статуй, бюсты съ отбитыми носами, плиты камня съ какими-то латинскими, греческими или египетскими надписями и всякаго рода обломки, въ которыхъ глазъ непосвященнаго въ тайны археологіи человѣка не увидѣлъ бы ничего, кромѣ никуда негодной старой рухляди, полуистлѣвшихъ безобразнаго, неопрятнаго вида папирусовъ, старинныхъ монетъ и медалей и т. п. вещей, совершенно безполезныхъ и некрасивыхъ.

На каминѣ, между моделью кратера изъ Помпеи и треножникомъ изъ Геркуланума, красовалась статуя чернаго мрамора съ головою ястреба, украшенною головнымъ уборомъ древней римлянки. Буфетъ охраняла отъ нашествія мышей мумія кошки, доставленная прямо изъ Гизеха. Съ средины потолка спускалось, паря на широко распростертыхъ крыльяхъ, превосходное чучело громаднѣйшаго ягнятника. А множество дорогихъ чернаго дерева витринъ, въ которыхъ въ чинномъ систематическомъ порядкѣ были разложены и разставлены всевозможные жучки и букашки, агатовыя и сапфировыя печатки, эмалированныя фигурки зеленыя и голубыя, крошечныя кольцеобразныя животныя и т. д., напоминали скорѣе какое-нибудь Ѳивское

подземелье или Мемфисскія катакомбы, чѣмъ бель-этажъ на бывшей королевской площади въ Парижѣ. И вотъ, среди всѣхъ этихъ свидѣтелей далекой древности, этихъ остатковъ цивилизаціи давно минувшихъ вѣковъ, хорошенькая модель локомотива и электрическій проводъ одни напоминали о современной цивилизаціи и вносили въ этотъ археологическій міръ едва замѣтную нотку протеста и дисгармоніи.

Между тѣмъ эти противоположности свидѣтельствовали, несомнѣнно, о двухъ различныхъ направленіяхъ въ жизни обитателей этого дома.

Бенжаменъ Глоагэнъ, страстный археологъ палеографъ, т. е знатокъ древнихъ письменъ, исконный обитатель города Нанта, получивъ неожиданно крупное наслѣдство отъ какого-то дальняго родственника лѣтъ десять тому назадъ, могъ теперь дать полную волю своей склонности къ изученію древностей и далекаго прошлаго рода человѣческаго.

Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ умнымъ проницательнымъ взглядомъ, высокимъ, открытымъ лбомъ, обрамленнымъ густыми сѣдыми волосами и тонкимъ орлинымъ носомъ. Въ немъ было нѣчто, напоминавшее охотничью собаку въ поискахъ за дичью. Смотря на него, какъ онъ съ жадностью вглядывался въ какую-нибудь заплѣсневѣвшую древнюю монету или медаль, можно было сразу сказать, что страсть къ изученію и собиранію древностей была единственной преобладающей страстью этого человѣка, что окружающая жизнь не представляла для него ни малѣйшаго интереса и что для привлеченія его благосклонности для вещи требовалось по меньшей мѣрѣ два или три вѣка существованія.

И если говорить правду, то даже греки временъ Перикла и римляне временъ Цезаря не пользовались въ его глазахъ особымъ уваженіемъ. Древніе галлы, кельты и длиннобородые друиды до-Цезаревой эпохи, усѣявшіе своими древними памятниками лѣса Бретани и оставившіе по себѣ слѣды повсюду въ Европѣ, вотъ что было предметомъ его восторженнаго культа.

Г-нъ Глоагэнъ сознавалъ себя кельтомъ до мозга костей и чрезвычайно гордился этимъ. Какъ и Жанъ-Масэ, г. Глоагэнъ

находилъ, что современная Францiя слишкомъ мало цѣнитъ своихъ доисторическихъ предковъ—эту благородную отрасль арiйскаго имени, перекочевавшаго съ береговъ Оксуса къ берегамъ Атлантическаго океана съ десятокъ вѣковъ тому назадъ, за долго до того времени, когда у грековъ и римлянъ проявилась государственная жизнь. Онъ находилъ рѣшенiе множества историческихъ вопросовъ въ несомнѣнномъ влiянiи кельтовъ и ихъ цивилизацiи на остальные народы древняго мiра. По его мнѣнiю, этруски были только послѣдователями древнихъ друидовъ; а греки, путемъ вторженiй галловъ въ предѣлы Македонiи, и даже египтяне, черезъ финикiянъ и путемъ торговыхъ сношенiй съ Арморикой (т. е. приморской частью Бретани и Нормандiи), заимствовали и свое примитивное искусство, и всѣ важнѣйшiя основныя открытiя и изобрѣтенiя у галловъ. Онъ утверждалъ, что если-бы не эти варвары, латины и франки, то цивилизацiя ушла бы на цѣлыя двѣ тысячи лѣтъ впередъ, потому что они дважды душили ее въ самой колыбели ея, оберегаемой друидами.

Между тѣмъ, въ силу какого-то закона противорѣчiя, преобладающаго въ жизни людей и природы, сынъ этого страстнаго поклонника сѣдой древности, Поль-Луи, былъ совершенно безучастенъ ко всѣмъ драгоцѣннымъ останкамъ цивилизацiи давно исчезнувшихъ племенъ и народовъ, ко всѣмъ этимъ рѣдкостямъ, которыя въ глазахъ его отца не имѣли себѣ ничего равнаго въ жизни. Для него любой камень или плита представляли ровно на столько интереса, на сколько они могли щегольнуть тщательной отдѣлкой и быть пригодны для возведенiя какого-нибудь зданiя. Онъ не сдѣлалъ бы десяти шаговъ въ сторону, чтобы увидѣть какую-нибудь ниневiйскую хронику, начертанную на камнѣ или египетскiя надписи на столбахъ: и едва-ли бы обернулся, если бы кто-нибудь явился сказать ему, что найдены руки Венеры Милосской.

Въ его глазахъ кранъ Бабинэ являлся несравненно болѣе важнымъ произведенiемъ искусства, чѣмъ самъ Аполлонъ Бельведерскiй, и такого рода мнѣнiе онъ высказывалъ совершенно открыто въ присутствiи своего отца, тѣмъ болѣе, что

таковъ уже былъ отъ природы складъ его ума, а впослѣдствіи и самый родъ избранной имъ карьеры, невольно приводившей его къ такого рода взглядамъ на вещи. Это являлось, конечно, поводомъ къ постоянной легкой пикировкѣ, взаимнымъ шуткамъ и тонкимъ намекамъ на слабости другъ друга между отцомъ и сыномъ. Г. Глоагэнъ называлъ сына своего вандаломъ и янки, а Поль-Луи, въ свою очередь, отплачивалъ ему тѣмъ, что увѣрялъ, будто его отецъ—бывшій верховный жрецъ Изиды или этрусскій горшечникъ, а, можетъ быть, даже какой-нибудь халдейскій древній магъ, какимъ-то чудомъ попавшій въ нашъ вѣкъ электричества и пара.

— Я счелъ бы себя несравненно болѣе счастливымъ, если бы добавилъ какой-нибудь гвоздь или болтъ къ станку Жакара, чѣмъ если бы создалъ своимъ рѣзцомъ фризу Партенона! — восклицалъ Поль-Луи.

— Я же лучше желалъ-бы имѣть право сказать, что моему рѣзцу принадлежитъ кончикъ носа гладіатора, чѣмъ сказать, что изобрѣлъ все ваши дьявольскіе механизмы!—возражалъ на это г. Глоагэнъ.

Затѣмъ оба они весело принимались хохотать, и этимъ оканчивалась обыкновенно каждая подобная пикировка между отцомъ и сыномъ, не оставляя по себѣ никакого слѣда.

По наружности своей Поль-Луи также мало походилъ на отца, какъ и по своимъ вкусамъ и склонностямъ. Это былъ высокій молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати трехъ, съ коротко остриженными густыми волосами, съ прямымъ, открытымъ лицомъ и небольшой бѣлокурой бородкой, въ видѣ подковы, что дѣйствительно придавало ему нѣкоторое сходство съ янки. Онъ только что блистательно окончилъ свои выпускные экзамены и получилъ дипломъ гражданскаго инженера.

Отъ его годичнаго пребыванія въ 20-мъ линейномъ полку, незадолго до поступленія въ высшую школу художествъ и промышленности, онъ сохранилъ строгую выдержку и регулярную методичность привычекъ, присущую солдату.

Несмотря на столь разительный контрастъ, какой представляли между собою эти два существа, они любили другъ

друга до обожанія и каждую минуту готовы были пожертвовать другъ другу своими вкусами и склонностями. Такъ и въ данный моментъ, Поль-Луи всячески старался убѣдить своего отца ѣхать въ Италію, между тѣмъ какъ г. Глоагэнъ, подавляя въ себѣ тайное желаніе уступить настояніямъ сына, ратовалъ за поѣздку въ Англію.

— Избравъ цѣлью нашего путешествія Италію, мы можемъ проѣхать черезъ Сенъ-Готардъ и осмотрѣть работы, которыя тамъ производятся!—замѣтилъ Поль-Луи.

— Неужели ты думаешь, что въ Великобританіи для меня не найдется ничего интереснаго?—возразилъ отецъ.—А древніе римскіе станы, а древности British Museum'а и Эдинбургскаго музея? Да всего этого болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы занять меня во все время этого путешествія.

— Говорятъ также, что новая желѣзнодорожная линія Специи (Spezia) чрезвычайно интересна! — снова замѣтилъ Поль-Луи.

Такого рода великодушное препирательство могло бы продолжаться еще долго, если бы камердинеръ ихъ, Баптистъ, не рѣшился повторить еще разъ и значительно громче, чѣмъ прежде, ту-же фразу:

— Письмо, сударь!.. Неизвѣстно откуда...

— Объ этомъ не безпокойся, любезный... я сейчасъ это узнаю,—съ привѣтливой улыбкой сказалъ г. Глоагэнъ, и такъ какъ Баптистъ стоялъ, недоумѣвая, что ему дѣлать, то господинъ его сдѣлалъ ему знакъ, что онъ можетъ уйти. Но, очевидно, непреодолимое любопытство овладѣло душою Баптиста, такъ какъ едва онъ успѣлъ скрыться за двери, какъ почти тотчасъ-же снова появился съ другимъ подносомъ въ рукѣ и съ особымъ усердіемъ принялся собирать со стола посуду и убирать ее въ буфетъ.

Тѣмъ временемъ г. Глоагэнъ вскрылъ письмо и пробѣжалъ его глазами.

— Калькутта!—воскликнулъ онъ, — чортъ возьми! Кто можетъ мнѣ писать оттуда?—пробормоталъ онъ вполголоса, затѣмъ продолжалъ вслухъ:

— Вотъ такъ новости!.. Полковникъ Робинзонъ, мой beau-frère осмѣлился отдать Богу душу и назначить меня опекуномъ своихъ дѣтей и въ то же время своимъ душе-приказчикомъ. Точно снѣгъ на голову!.. и на что это похоже? Человѣкъ, котораго я ни разу въ своей жизни не видалъ и отъ котораго имѣлъ всего лишь одно письмо, цѣлыхъ тринадцать лѣтъ тому назадъ, въ которомъ онъ увѣдомлялъ меня о смерти моей бѣдной сестры...

Поль-Луи смутно помнилъ, что одна изъ сестеръ, или, вѣрнѣе, сводная сестра его отца, дочь его дѣда отъ другого брака, была замужемъ за англійскимъ офицеромъ, служившимъ въ Индіи. Кромѣ того, онъ вспомнилъ, что слыхалъ когда-то и о томъ, что она скончалась тамъ отъ холеры. Вотъ все, что онъ зналъ о нихъ.

— Письмо это пишетъ solicitor, т. е., иначе говоря, тамошній ходатай по дѣламъ, или адвокатъ, словомъ, нѣчто въ этомъ родѣ,—продолжалъ г. Глоагэнъ.—Эти господа ничѣмъ не стѣсняются! Послушайте только, что онъ мнѣ пишетъ:

Калькутта 14 іюля 1882 г.

Милостивый Государь!

Съ душевнымъ прискорбіемъ имѣемъ честь увѣдомить васъ о томъ, что высокоуважаемый подполковникъ Жоржъ Плантагенетъ Крузо Робинзонъ, командоръ ордена Бани и кавалеръ Индѣйской Звѣзды, командиръ 111-го ея королевскаго величества Королевы Великобританской стрѣлковаго полка, скончался 8-го числа текущаго мѣсяца на мѣстѣ служенія своего въ г. Калькуттѣ. Въ силу собственноручнаго завѣщанія покойнаго писаннаго 19-го марта текущаго года и хранящагося у насъ, копія съ котораго прилагается вамъ при семъ, покойный назначаетъ васъ опекуномъ своихъ дѣтей и въ то же время однимъ изъ своихъ душеприказчиковъ.

Въ ожиданіи вашихъ распоряженій, имѣемъ честь завѣрить васъ, милостивый государь, въ полной нашей готовности служить вамъ

«Сельби, Грахамъ и К°».

Повѣренные по дѣламъ...

— Удивительно пріятно, нечего сказать! — съ видимымъ чувствомъ досады и неудовольствія продолжалъ г. Глоагэнъ.—Я, которому до глубины души противны всякіе счеты и денежныя дѣла, вдругъ ни съ того, ни съ сего, вопреки всякому ожиданію, назначаюсь опекуномъ какихъ-то совершенно неизвѣстныхъ мнѣ дѣтей въ Индіи... И ужъ, конечно, на мою бѣдную шею обрушивается при этомъ уйма всякаго рода запутанныхъ денежныхъ дѣлъ, охраненіе болѣе или менѣе крупнаго состоянія въ рупіяхъ и стерлингахъ, всякаго рода отвѣтственность, хлопоты и обязательства безъ числа... Такого рода казусы случаются только со мною!.. Но, можетъ быть, съ Божьею помощью, мнѣ еще какъ-нибудь удастся отдѣлаться отъ этой непрошенной чести... Да, да... я непремѣнно постараюсь это сдѣлать, постараюсь уклониться отъ этихъ обязанностей, хотя-бы уже только потому, что за дальностью разстоянія и очевидной невозможностью быть настоящимъ добросовѣстнымъ опекуномъ этихъ сиротъ, я не считаю себя въ правѣ принять на себя эту тяжелую отвѣтственность... А вотъ и самое завѣщаніе!..

При этомъ г. Глоагэнъ развернулъ громаднаго формата листъ гербовой бумаги, почти не уступавшій по своей величинѣ №-ру Times'а. Бумага была исписана въ два столбца красивымъ круглымъ почеркомъ; текстъ одного столбца былъ французскій, другого англійскій:

Нашъ археологъ прочелъ вслухъ слѣдующее:

«Калькутта, 19-го марта 1882 г. Таково мое завѣщаніе и послѣдняя моя воля. Хотя я въ данный моментъ нахожусь въ полномъ здравіи и душевномъ, и тѣлесномъ, но имѣю серьезныя основанія думать, что жизни моей угрожаетъ опасность и что мнѣ, можетъ быть, вскорѣ придется проститься съ нею, сдѣлавшись жертвой глупаго чувства мести какого-то невѣдомаго мнѣ врага, который въ послѣднее время не разъ напоминалъ мнѣ о себѣ то угрозами, то неудачными по сіе время покушеніями на мою жизнь. Вотъ почему я счелъ нужнымъ написать это завѣщаніе и изложить въ немъ послѣднюю свою волю, исполненіе которой возлагаю на своихъ ближайшихъ друзей.

«Живя вдали отъ родины уже болѣе тридцати лѣтъ и встрѣ-

чая въ родной семьѣ своей лишь полное равнодушіе и безучастіе къ себѣ, являющіеся у насъ обычнымъ удѣломъ младшихъ сыновей въ противоположность къ старшимъ, я мало-помалу совершенно разошелся съ своей семьей и сталъ ей окончательно чуждымъ, какъ и она мнѣ. Все то счастье, привязанность и любовь, какія выпали мнѣ на долю въ этой жизни, всецѣло дарила мнѣ моя незабвенная, горячо любимая покойная жена, Эмилія Глоагэнъ, которую, увы, слишкомъ рано похитила у меня безжалостная смерть. Съ тѣхъ поръ прошло уже тринадцать лѣтъ, но за все это время образъ ее не переставалъ жить въ моемъ сердцѣ. Зная то чувство глубокаго уваженія и неизмѣнной привязанности, какое покойная жена моя всегда питала къ брату своему Бенжамену, Глоагэнъ, бывшему археологу и палеографу г. Нанта, въ настоящее время поселившемуся въ Парижѣ, и зная изъ отчетовъ различныхъ ученыхъ обществъ и другихъ спеціальныхъ трудовъ о томъ, съ какимъ успѣхомъ мой уважаемый шуринъ предается своимъ научнымъ изслѣдованіямъ и изысканіямъ, я, горячо сочувствуя ему и его дѣлу, рѣшилъ довѣрить ему, какъ единственному человѣку изъ числа всей моей родни, заслуживающему названіе родственника, то, что у меня есть самаго дорогого въ жизни — моихъ дѣтей—дочь мою Флорансъ и сына моего Шандо, и прошу г. Бенжамена Глоагэнъ, во имя той дружбы и любви, какія онъ всегда питалъ къ ихъ покойной матери, принять на себя обязанности опекуна и замѣнить отца моимъ бѣднымъ дѣтямъ вплоть до того момента, когда дочь моя, встрѣтивъ достойнаго ея человѣка, станетъ его женою, а сынъ мой окончитъ свое образованіе и пройдетъ всѣ классы высшаго военнаго училища, къ поступленію въ которое онъ подготовлялся мною.

«Наслѣдіе мое состоитъ: 1) изъ шестисотъ фунтовъ стерлинговъ, помѣщенныхъ подъ надежные проценты, 2) изъ недоимокъ моего содержанія, котораго я не бралъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; 3) изъ пенсіи, отпускаемой государствомъ моей дочери; 4) изъ моей обстановки, лошадей, экипажей, библіотеки и художественныхъ произведеній современнаго и античнаго искусства, и, наконецъ, 5) изъ моихъ рукописей,

преимущественно замѣтокъ и записокъ объ архитектурныхъ памятникахъ Кмеръ, изъ рисунковъ и фотографическихъ снимковъ, привезенныхъ мною изъ моего послѣдняго путешествія въ Камбоджѣ съ цѣлью археологическихъ изслѣдованій...»

— Эхъ, чортъ возьми!—воскликнулъ г. Глоагэнъ, прерывая свое чтеніе,—да это становится весьма интереснымъ! Кмерская архитектура, о самомъ существованіи которой не знали всего какой-нибудь десятокъ лѣтъ тому назадъ, а между тѣмъ это одно изъ наиболѣе блестящихъ проявленій античнаго искусства въ Азіи...

— Подъ этимъ, конечно, подразумѣваются старыя плиты песчанаго известняка или какія-нибудь безрукія и безносыя статуи?—спросилъ Поль-Луи съ едва скрываемымъ оттѣнкомъ легкаго пренебреженія,—такъ какъ, будь у нихъ руки и носы, онѣ, вѣроятно, не удостоились бы вниманія гг. археологовъ.

— Старыя плиты известняка!.. безносыя статуи!.. нѣтъ, сударь мой,—возразилъ г. Глоагэнъ,—знайте, юный варваръ, что наши французскіе моряки недавно открыли среди камышей и въ дебряхъ почти непроходимыхъ лѣсовъ настоящія чудеса архитектурнаго искусства, храмы и дворцы, развалины которыхъ смѣло могутъ соперничать съ современнѣйшими произведеніями Греціи и Рима въ этой области искусства!.. Памятники, свидѣтельствующіе о существованіи великаго генія, какого-то неизвѣстнаго азіатскаго Микель-Анджело, дивныя скульптуры, которыя говорятъ намъ о какомъ-то невѣдомомъ доселѣ Фидіи!..

Поль-Луи молчалъ, не находя возраженій передъ такимъ восторженнымъ энтузіазмомъ отца, и г. Глоагэнъ продолжалъ чтеніе завѣщанія.

«Всѣ эти бумаги и документы находятся въ моемъ кабинетѣ въ Калькуттѣ; убѣдительнѣйше прошу, чтобы все это было опечатано тотчасъ же, какъ я скончаюсь, и чтобы печати были сняты не иначе, какъ въ присутствіи главнаго моего душеприказчика, г. Глоагэна»...

— Какъ такъ въ моемъ присутствіи?—удивленно воскликнулъ археологъ,—неужели этотъ бѣдняга полковникъ полагаетъ,

что для француза путешествіе въ Индію, въ Калькутту все равно, что воскресная поѣздка въ Версаль?

Но завѣщаніе какъ будто предвидѣло это возраженіе.

«Несомнѣнно, что путешествіе въ Индію для европейца представляется далеко не пустяшнымъ дѣломъ, и я сознаю вполнѣ, что, требуя отъ моего уважаемаго шурина, г. Глоагэнъ, подобной поѣздки, требую отъ него очень многаго, но взамѣнъ того я, въ свою очередь, могу поручиться ему, что тотъ несомнѣнный интересъ, какой представляютъ мои записки и документы для каждаго ученаго, съ лихвою вознаградятъ его за то утомительное путешествіе, какое ему придется предпринять ради этого. Ему я довѣряю этотъ цѣнный вкладъ въ область науки и имѣю самыя серьезныя основанія желать, чтобы никто другой до него не прикасался къ моимъ замѣткамъ и др. собраннымъ мною матеріаламъ, а потому настоятельно прошу его лично принять этотъ вкладъ. Во всякомъ случаѣ, прошу гг. Сельби, Грахамъ и К°, которые въ продолженіе цѣлыхъ 25 лѣтъ были моими агентами и повѣренными по дѣламъ, къ обоюдному нашему удовольствію, чтобы они выждали въ этомъ отношеніи дальнѣйшихъ распоряженій г. Глоагэна и ничего не предпринимали помимо его».

Далѣе шла подпись—

Жоржъ Плантагенетъ Крузое Робинзонъ».

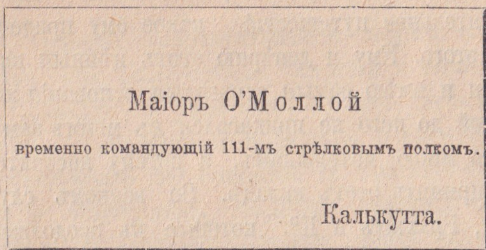
— Да... дѣло затруднительное!—промолвилъ археологъ, докончивъ чтеніе завѣщанія.—Не могу же я сегодня захватить чемоданъ, сѣсть на пароходъ, отправляющійся въ Индію, и отправиться на край свѣта!..

— Отчего же нѣтъ?—мягко замѣтилъ Поль-Луи, — во-первыхъ, Калькутта вовсе не на краю свѣта... теперь туда свободно можно доѣхать въ какихъ-нибудь три недѣли... Мы съ вами не могли рѣшить, куда бы намъ отправиться въ нынѣшнемъ году, а теперь вотъ оно, это рѣшеніе, само собой напрашивается намъ!

— Какъ? неужели ты того мнѣнія, что намъ слѣдовало-бы отправиться въ Индію?

— Несомнѣнно! И я увѣренъ, что вы сгораете отъ нетерпѣнія совершить это путешествіе!

— Я сгораю отъ нетерпѣнія! да кто тебѣ это сказалъ?.. тебѣ нравится такъ думать, ну что-же, — озабоченно промолвилъ г. Глоагэнъ, машинально вертя въ рукахъ документъ, который онъ только что прочелъ. — Ей, да здѣсь есть еще конвертъ!—вдругъ воскликнулъ онъ, замѣтивъ, что онъ не все еще досталъ изъ пакета. Конвертъ былъ адресованъ на его имя, онъ распечаталъ его, и въ немъ оказалась простая визитная карточка

Маіоръ О'Моллой

временно командующій 111-мъ стрѣлковымъ полкомъ.

Калькутта.

и при этомъ была еще приложена маленькая записочка слѣдующаго содержанія:

«Мистриссъ О'Моллой шлетъ свой привѣтъ г. Глоагэнъ и надѣется, что уважаемый г. Глоагэнъ не откажетъ ей въ удовольствіи видѣть его своимъ гостемъ во все время его пребыванія въ Калькуттѣ. Прилагаемая при семъ фотографія должна ознакомить васъ съ дѣтьми покойнаго друга и сослуживца мужа моего, Флорансъ и Шандосомъ Робинзонъ.

— Это вылитая покойная сестра!—воскликнулъ г. Глоагэнъ, съ нескрываемымъ волненіемъ любуясь на миловидную граціозную дѣвушку лѣтъ семнадцати или восемнадцати, склонившуюся на плечо своего брата.—Мнѣ кажется, что я изъ тысячи другихъ дѣтей узналъ бы этихъ двухъ!—прошепталъ какъ бы про себя г. Глоагэнъ.

— Какъ видите, дорогой батюшка, я былъ правъ! — замѣтилъ Поль-Луи, также растроганный, хотя и старавшійся скрыть свое волненіе,—намъ съ вами придется дѣйствительно воспользоваться первымъ мальпостомъ и ѣхать въ Индію.

— И ты увидишь Суецкій каналъ! — какъ-то особенно радостно воскликнулъ г. Глоагэнъ, какъ бы желая привести для своего успокоенія и оправданія какой-нибудь особенно вѣскій аргументъ.

— А вы увидите пирамиды и музей Булакъ! — сказалъ въ свою очередь Поль-Луи.

— Да, не говоря уже о древнихъ памятникахъ Индіи, Камбоджа!.. И, право, меня бы крайне удивило, если бы я не нашелъ несомнѣнныхъ доказательствъ азіатскаго происхожденія всей цивилизаціи древнихъ галловъ. Въ сущности, что такое *дольменъ* какъ не тотъ же индѣйскій храмъ въ самомъ первичномъ его видѣ! И что такое индѣйскій храмъ какъ не тотъ же *дольменъ* съ множествомъ всевозможныхъ украшеній?.. Впрочемъ, покойный зять мой возложилъ на меня священную обязанность, уклониться отъ которой было бы, какъ мнѣ кажется, положительнымъ преступленіемъ... не такъ-ли?..

— Да, я совершенно согласенъ съ вами!

— Въ такомъ случаѣ, это дѣло рѣшенное. Мы ѣдемъ!

Поль-Луи, какъ человѣкъ практическій, уже схватилъ газету и, отыскавъ указатель желѣзныхъ дорогъ и водяныхъ сообщеній, съ лихорадочнымъ вниманіемъ пробѣгалъ его.

— Калькутта, — прочелъ онъ, — компанія «Messageries maritimes» почтово-пассажирскіе пароходы, отправляющіеся изъ Франціи... черезъ Марсейль, Суецъ, Пуентъ-де-Галь, Пондишери и Мадрасъ... ближайшій пароходъ отправляется 27-го числа настоящаго мѣсяца.

— Слѣдовательно уже послѣ завтра!

— Да, я полагаю, что мы можемъ поспѣть на него.

— Мы непремѣнно поспѣемъ!

— А если бы мы пожелали сократить путь, — продолжалъ Поль-Луи, не переставая внимательно изучать указатель, — то можемъ въ Александріи взять билеты прямого сообщенія на Калькутту.

— Мы такъ и сдѣлаемъ!

— Итакъ, сегодня у насъ понедѣльникъ; завтра вечеромъ мы отправимся со скорымъ поѣздомъ въ Марсейль, а послѣ

завтра, въ среду, сядемъ на пароходъ, отправляющійся въ Калькутту...

Въ этотъ моментъ страшный шумъ бьющейся посуды заставилъ невольно обернуться и отца, и сына. Оказалось, что Баптистъ въ своей поспѣшности сообщить скорѣе столь важную новость всему населенію людской уронилъ цѣлую груду тарелокъ, которыя разбились въ мелкія дребезги.

II. Въ Калькуттѣ.

Двадцать пять дней спустя, гг. Глоагэнъ отецъ и сынъ благополучно прибыли на пароходѣ «*Сераписъ*» въ Калькутту.

Программа ихъ осуществилась лишь отчасти: одинъ изъ нихъ видѣлъ въ Египтѣ знаменитыя пирамиды и музей Булакъ, не задолго передъ тѣмъ обогатившійся саркофагами тридцати-двухъ фараоновъ, не упомянутыхъ въ исторіи, а другой имѣлъ случай основательно осмотрѣть Суецкій каналъ, измѣрить скатъ его откосовъ или береговъ и вычислить работу громадныхъ черпаковъ, неустанно борющихся противъ наносныхъ песковъ пустыни. Но съ самаго момента прибытія въ Александрію нашимъ путешественникамъ, волей неволей, пришлось убѣдиться, что если они не желали посвятить цѣлаго мѣсяца на изученіе египетскихъ древностей, то имъ необходимо было, не теряя времени, воспользоваться отходящимъ англійскимъ пассажирскимъ пароходомъ, тѣмъ болѣе, что Поль-Луи не считалъ для себя возможнымъ посвятить этому путешествію въ Индію болѣе трехъ мѣсяцевъ. Онъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, вернуться въ Парижъ къ началу ноября, чтобы поступить въ институтъ путей сообщенія, а потому отецъ его, зная это, не захотѣлъ пробыть въ Египтѣ долѣе двухъ сутокъ.

Такимъ образомъ наши путешественники отправились дальше на англійскомъ пассажирскомъ пароходѣ и, быстро прослѣдовавъ Краснымъ моремъ и Персидскимъ заливомъ, очутились въ виду Цейлона, манившаго своей роскошной растительностью, напоминая какое-то сказочное царство. Затѣмъ, обогнувъ Индѣй-

скій полуостровъ, тринадцать дней спустя по выходѣ изъ Адена, «*Сераписъ*» былъ уже въ виду маяка, возвѣщающаго устья Ганга, и принялъ на свою палубу опытнаго лоцмана, который долженъ былъ провести его между знаменитыми Sandheads, т. е. громадными песчаными мелями, которыя постоянно нагромождаютъ священная рѣка въ Бенгальскомъ заливѣ.

Большой цвѣтущій островъ Сангоръ сталъ выплывать изъ воды, ясно вырисовываясь на глади водной поверхности въ недалекомъ отъ нихъ разстояніи. Семафоръ Діамонтъ-Харборъ указывалъ на устье Гоугли. Въ продолженіе цѣлыхъ пятнадцати часовъ «Сераписъ» шелъ вверхъ по рѣкѣ, между двойнымъ рядомъ всякаго рода судовъ самыхъ разнообразныхъ типовъ и національностей, направлявшихся къ гавани или выходившихъ въ открытое море. И вотъ, наконецъ, на разсвѣтѣ слѣдующаго за симъ дня, взгляду путешественниковъ, утомленному однообразіемъ низкихъ полузатопленныхъ береговъ, вдоль которыхъ уже болѣе сутокъ подвигался ихъ пароходъ, представился величественный рядъ дворцовъ Калькутты за цѣлымъ лѣсомъ мачтъ и трубъ.

Было около шести часовъ утра, и солнце заливало своими яркими лучами всю эту пеструю панораму, красивѣе которой трудно найти, когда «Сераписъ» бросилъ якорь вблизи набережной.

Не успѣлъ еще пароходъ испустить послѣдній клубъ паровъ изъ своихъ желѣзныхъ легкихъ, какъ цѣлая пестрая флотилія лодокъ съ цвѣтами, плодами и разнаго рода товаромъ кольцомъ обступила «Сераписъ»; цѣлыя полчища носильщиковъ, многочисленныя группы родственниковъ и друзей наводняли теперь палубу парохода; бѣлые тюрбаны, яркія и свѣтлыя ткани, бронзовыя лица и оглушительные голоса,—все это сливалось въ одинъ пестрый и шумный хаосъ...

А вдали набережная кишѣла пестрой толпой, среди которой въ живописномъ смѣшеніи выдѣлялись нарядные паланкины и экипажи,—и все это въ роскошной рамкѣ богатой тропической зелени, оживленной бѣлыми залитыми солнцемъ зданіями, колокольнями, коллонами и минаретами.

Г. Глоагэнъ и Поль-Луи, опершись о перила, смотрѣли, какъ эта пестрая, волнующаяся толпа брала приступомъ только что подошедшій пароходъ. Вскорѣ вниманіе ихъ было привлечено маленькой лодочкой, въ которой съ мастерскимъ искусствомъ и ловкостью управлялся, лавируя среди многочисленной флотиліи всякаго рода мелкихъ судовъ, стройный красивый мальчикъ, лѣтъ тринадцати или четырнадцати, готовившійся пристать къ пароходу какъ разъ у того мѣста, гдѣ стояли они.

Мальчикъ этотъ не былъ, очевидно, ни комиссіонеромъ, ни носильщикомъ, которые въ данный моментъ толпились въ такомъ множествѣ вокругъ парохода и на самой палубѣ его. Одѣтъ онъ былъ съ головы до ногъ въ бѣлое полотняное платье, но на европейскій манеръ и съ нѣкоторой претензіей на элегантность. Его свѣжій, здоровый румянецъ и яркій цвѣтъ кожи несомнѣнно свидѣтельствовали о томъ, что если онъ и родился въ Индіи, то ужъ, во всякомъ случаѣ, не отъ родителей мѣстнаго происхожденія.

Въ тотъ самый моментъ, когда Поль-Луи замѣтилъ этого мальчика, онъ поспѣшно и ловко убралъ свои весла и, вытянувшись во весь ростъ, стоя на носу своей лодки и приложивъ руки къ рту ввидѣ рупора, обратился къ нашимъ путешественникамъ на прекрасномъ французскомъ языкѣ:

— Не можете-ли вы сказать мнѣ, джентлемэны, не прибыли-ли съ вами на этомъ пароходѣ гг. Глоагэнъ, отецъ и сынъ?

Поль-Луи поспѣшилъ ему отвѣтить, назвавъ себя, на что красивый мальчикъ высоко приподнялъ свою легкую соломенную шляпу, и радостнымъ жестомъ помахалъ ею въ воздухѣ, обнаруживъ при этомъ цѣлую массу золотисто-рыжеватыхъ кудрей и милое, умное и привѣтливое лицо, громко воскликнулъ:

— Ура! Я—Шандо Робинзонъ!.. Здравствуйте, милый дядя! Здравствуйте, кузенъ... Но не успѣлъ онъ договорить послѣдняго слова, какъ какая-то неуклюжая громоздкая туземная лодка со всего разлета наскочила на легонькую маленькую лодочку и опрокинула ее. Не успѣвъ предупредить неожиданной опасности, Шандо потерялъ равновѣсіе и полетѣлъ въ воду.

Крикъ ужаса вырвался у г. Глюагэнъ и его сына при видѣ

случившагося, кругомъ посыпалась ругань и проклятія по адресу негодяя, а также и по адресу неосторожнаго мальчика; между тѣмъ какъ виновникъ случившагося, усиленно работая веслами, уходилъ со всю скоростью, а на поверхности только расходились въ черной водѣ концентрическіе круги надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ скрылся несчастный мальчикъ.

Поль-Луи смутно, точно сквозь сонъ, замѣтилъ мѣдно-красный могучій торсъ, атлетическаго сложенія руки и выглядывавшіе изъ-подъ высокаго бѣлаго тюрбана большой орлиный носъ и пару блестящихъ азіатскихъ глазъ съ выраженіемъ злобной радости.

— Мальчикъ за бортомъ!.. Живо веревки! спасательные круги! буйки!—кричали со всѣхъ сторонъ; всѣ суетились, всѣ толпились и толкались... и вдругъ среди общаго безтолковаго говора и крика и суетни послышалось грузное паденіе какого-то тѣла въ воду, описавшаго при паденіи параболу въ воздухѣ.

Поль-Луи, не сбросивъ даже своей верхней дорожной куртки, не выжидая, что сдѣлаютъ другіе для поданія помощи пострадавшему, бросился въ воду. Почти въ тотъ же моментъ голова Шандо, смѣющаяся и жизнерадостная, показалась надъ поверхностью. Мальчикъ бодро и легко плылъ впередъ, направляясь къ черной стѣнкѣ парохода и поймавъ одинъ изъ брошенныхъ ему канатовъ, не давъ себѣ даже труда доплыть до лѣсенки, спущенной до уровня воды, съ ловкостью и проворствомъ опытнаго матроса взобрался на палубу и здѣсь, отряхиваясь, какъ только что вышедшій изъ воды щенокъ, съ веселымъ видомъ заявилъ:

— Это сущіе пустяки; лишній разъ выкупаться у насъ никогда не мѣшаетъ!

Тѣмъ временемъ и Поль-Луи, котораго уже успѣли предупредить о благополучномъ исходѣ происшествія, спокойно взошелъ по лѣстницѣ на палубу при громкихъ «ура» и аплодисментахъ всѣхъ присутствующихъ.

Молодые люди заключили другъ друга въ объятія съ вполнѣ искреннимъ чувствомъ взаимнаго сердечнаго расположенія.

— Благодарю васъ, кузенъ, считайте меня своимъ должни-

комъ до перваго случая!—сказалъ Шандо.—Ахъ!—спохватился онъ,—да я потерялъ свою шляпу!.. Ей ты! прѣсноводный морякъ вылови хоть мою шляпу!—крикнулъ онъ, отыскивая глазами темнокожаго гребца, виновника всего случившагося.

Но тотъ былъ уже далеко — слишкомъ далеко, чтобы можно было его нагнать или хотя бы только различить его черты, которыя скрывалъ лоскутъ той же бѣлой ткани, изъ которой состоялъ его тюрбанъ. Опустилъ-ли онъ его на глаза съ цѣлью предохранить ихъ отъ ослѣпительныхъ лучей солнца, или же съ цѣлью скрыть свое лицо, чтобы не быть узнаннымъ, это трудно было рѣшить, но все его грубое безсердечное поведеніе, конечно, говорило не въ его пользу и допускало даже возможность предполагать нѣчто умышленное въ его поступкѣ. Еще минута, и онъ уже скрылся среди безчисленныхъ судовъ, стоявшихъ здѣсь на якорѣ.

— Бѣдный мой мальчикъ, я боялся, что ты погибъ!—съ волненіемъ воскликнулъ г. Глоагэнъ, обнимая своего племянника.

— Берегитесь, дядя, вы замочитесь, вѣдь я весь мокрый!—весело воскликнулъ Шандо.

— Пойдемте, спустимся въ мою каюту, вы тамъ можете перемѣнить платье и бѣлье,—предложилъ Поль-Луи.

— Ба-а!.. на такомъ солнцѣ, какъ наше! стоитъ-ли мѣнять платье, когда не далѣе, какъ черезъ четверть часа, я буду сухъ, какъ спичка. А вотъ и моя шляпа!.. значитъ, ничто не пострадало! Благодарю васъ очень, мой любезнѣйшій,—сказалъ онъ, вознаградивъ нѣсколькими монетами услугу, оказанную ему однимъ изъ матросовъ, принесшимъ ему выловленную шляпу.—А теперь если бы вы потрудились еще перевернуть и поставить на киль мою лодку, то все обстояло бы, какъ нельзя лучше.

Дѣйствительно, легкая лодочка его плавала дномъ къ верху, точно уснувшая рыба. Вскорѣ услужливый матросъ съ другимъ своимъ товарищемъ перевернули лодку, вычерпали изъ нея воду и причалили ее къ лѣсенкѣ.

Тѣмъ временемъ Поль-Луи переодѣлся въ сухое платье и, когда онъ снова вернулся на палубу, то все уже было сдѣлано.

— Ну, вотъ и все готово!—сказалъ Шандо,—и я въ любой моментъ готовъ къ вашимъ услугамъ, чтобы свезти васъ на берегъ, если только вы послѣ случившагося не потеряли всякую вѣру въ мои морскія способности!—смѣясь, добавилъ онъ.

— Напротивъ, мы самаго высокаго мнѣнія о нихъ, но при насъ еще порядочно много багажу, о которомъ намъ слѣдуетъ позаботиться.

— Не заботьтесь о вашемъ багажѣ, я немедленно пришлю вамъ солдата, который позаботится о немъ.

— Но я, право, не знаю еще, гдѣ мы остановимся, намъ очень хвалили отель «Корона».

— Отель «Корона»!.. да неужели вы полагаете, милый дядя, что мистрисъ О'Моллой позволитъ вамъ остановиться въ какомъ бы то ни было отелѣ или гостиницѣ?.. Нѣтъ-съ, это вамъ придется вычеркнуть изъ вашихъ списковъ... вѣдь я забылъ вамъ сказать, что это она послала меня встрѣчать васъ. Сама она вонъ тамъ, на набережной, ожидаетъ васъ вмѣстѣ съ Флорри... Флорри, это моя сестра Флорансъ, мы всѣ ее здѣсь называемъ такъ. Смотрите, видите вы тамъ этотъ желтый экипажъ, въ которомъ сидитъ дама, и подлѣ него другая дама верхомъ? видите?

— Да, да, и я сердечно благодаренъ ей... но вѣдь я не имѣю удовольствія быть съ нею знакомъ и, право, не знаю, долженъ ли я...

— О! Мистриссъ О'Моллой! вы ея не бойтесь, она такая простая... съ ней познакомиться не трудно!.. Кромѣ того, да будетъ вамъ извѣстно, милый дядя, что вы напрасно стали бы отказываться, разъ вы пріѣхали въ Калькутту, вы, волей неволей, подпадаете ея власти, а она шутить не любитъ съ ослушниками...

— Въ самомъ дѣлѣ?—улыбаясь, сказалъ Глоагэнъ.

— Да, да, въ сущности, вѣдь это она—временно командующій 111 полкомъ, а отнюдь не майоръ, — продолжалъ Шандо съ легкимъ оттѣнкомъ ироніи, при чемъ глаза его на мгновеніе увлажились слезою, такъ какъ слово «временно командующій» невольно напомнило ему о его тяжелой утратѣ.

—Маиоръ на парадѣ, вотъ почему его теперь нѣтъ здѣсь; но всѣ офицеры въ полномъ своемъ составѣ, а также и всѣ нижніе чины отлично знаютъ, что съ рапортомъ слѣдуетъ являться не къ майору, а къ мистрисъ О'Моллой...

— Итакъ, вы полагаете, что противиться желанію мистриссъ О'Моллой совершенно безполезно?

— Положительно такъ, милый дядя! Она уже приказала приготовить для васъ прекраснѣйшее помѣщеніе въ казармахъ и скорѣе рѣшится заставить привести васъ туда подъ конвоемъ четырехъ человѣкъ и ефрейтора изъ ея команды, чѣмъ согласится отказаться отъ мысли видѣть васъ своимъ гостемъ!

— Ну, въ такомъ случаѣ, остается только покориться ея волѣ и безропотно капитулировать!—все такъ-же шутливо сказалъ г. Глоагэнъ, спускаясь съ лѣсенки парохода въ шлюпку своего племянника.

Минуту спустя, и онъ, и сынъ его уже сидѣли въ лодкѣ Шандо, который, сидя на веслахъ, быстро направился къ набережной.

Поль-Луи не могъ надивиться и налюбоваться смѣлостью, ловкостью, увѣренностью и силой, какія сказывались въ каждомъ движеніи этого мальчугана. Профессіональный лодочникъ не съумѣлъ бы лучше справляться съ своей шлюпкой, чѣмъ онъ, и съ большей ловкостью направлять ее среди безчисленнаго множества всякаго рода судовъ, стоявшихъ на этомъ рейдѣ. Не переставая болтать со своими спутниками, онъ гребъ сильно и мѣрно, не забывая поминутно оглядываться назадъ въ сторону набережной.

— Вонъ видите, мистриссъ О'Моллой и Флорри машутъ платками!—воскликнулъ онъ.—Онѣ уже увидали насъ!

Г. Глоагэнъ и Поль-Луи поспѣшили, конечно, отвѣтить имъ на ихъ любезный пріемъ, поднявъ высоко надъ головою свои шляпы и помахавъ ими въ воздухѣ, а нѣсколько секундъ спустя, лодка причалила, и наши путешественники ступили на берегъ.

Одна изъ дамъ сидѣла, удобно откинувшись, въ мѣстнаго типа коляскѣ съ кучеромъ, украшеннымъ громаднымъ тюрба-

номъ, на козлахъ и выѣзднымъ лакеемъ, спеціальная должность котораго состоитъ въ томъ, чтобы во время стоянки держать лошадей подъ уздцы и отмахивать отъ нихъ мухъ. Эта было дама, маленькая, кругленькая, какъ шарикъ, съ румянымъ улыбающимся лицомъ и маленькими сѣренькими глазками, ртомъ до ушей, въ соломенной шляпкѣ, украшенной пѣтушьими перьями, ухарски надвинутой на бекрень, и множествомъ крупныхъ драгоцѣнныхъ украшеній въ ушахъ, на груди, у ворота и на рукахъ, словомъ, всюду, гдѣ только можно, не взирая на столь ранній утренній часъ. При всемъ томъ она была одинаково мила и привѣтлива, какъ въ манерѣ, такъ и въ обхожденіи и все еще довольно пріятная на взглядъ, несмотря на то, что сказать, въ чемъ именно заключалась эта пріятность, было весьма трудно.

Она была отнюдь не расположена тратить время въ пустыхъ любезностяхъ, а потому, какъ только наши путешественники, въ сопровожденіи Шандо, приблизились къ ней, она безъ дальнѣйшихъ околичностей обратилась къ археологу со словами:

— Добро пожаловать, г. Глоагэнъ! позвольте мнѣ смотрѣть на васъ, какъ на стараго друга и прекраснаго человѣка, какимъ вы, несомнѣнно, должны быть, такъ какъ человѣкъ равнодушный никогда не рѣшился бы предпринять такого путешествія ради дѣтей, которыхъ онъ никогда не видалъ... Если не ошибаюсь, вашъ сынъ?.. Какъ вы поживаете, г-нъ Глоагэнъ? вы, конечно, военный, не правда-ли? вѣдь во Франціи всѣ военные... въ вашей арміи есть пренарядные полки и отличныя войска... я очень рада съ вами познакомиться... А вотъ и кузина ваша, Флорри... Флорри, дитя мое, поздоровайтесь же съ вашимъ дядей!.. Майоръ поручилъ мнѣ извиниться передъ вами, что не явился лично встрѣтить васъ. Но долгъ службы прежде всего, не такъ-ли?.. Еге, Шандо, ной скверный мальчуганъ, гдѣ же вы были?.. въ какомъ ужасномъ видѣ вы являетесь намъ?.. да вы, какъ вижу, выкупались въ полномъ нарядѣ!.. вѣдь я же строго на строго наказывала мамъ не дѣлать этого... О чемъ же вы теперь смѣетесь? Какой шалунъ! —добавила она, качая головой.

Шандо и не подумалъ похвастать своимъ подвигомъ и если

теперь смѣялся то только потому, что его смѣшили словоохотливость и болтливость мистриссъ О'Моллой, которая за все это время не дала г. Глоагэнъ времени вставить хотя бы только одно слово.

Миссъ Флорэнсъ Робинзонъ, не сходя съ сѣдла, граціозно перегнулась и обмѣнялась съ дядей и кузеномъ крѣпкимъ shake-hands (рукопожатіемъ). Высокая, стройная, съ бѣлокурыми, слегка золотистыми волосами, того красноватаго оттѣнка, который у художниковъ называется тиціановскимъ или венеціанскимъ, она была прелестна въ своей гладко сшитой изъ бѣлаго пике амазонкѣ съ черной креповой траурной отдѣлкой, въ маленькой мужской шляпѣ съ вуалемъ, подобно прозрачной маскѣ, затягивавшей ея строго классическія черты. Ея можно было, пожалуй, упрекнуть въ нѣкоторой холодности, но холодность эта происходила не отъ узкаго эгоистичнаго чувства или пансіонерской робости, а скорѣе отъ строгой сдержанности дѣвушки высшаго тона, которая не даритъ своимъ расположеніемъ всѣхъ встрѣчныхъ, а ждетъ, чтобы его съумѣли заслужить.

Обмѣнявшись первыми привѣтствіями, вновь прибывшіе вмѣстѣ съ Шандо помѣстились въ коляскѣ мистрисъ О'Моллой; кучеръ тронулъ коней, и экипажъ покатился крупною рысью. Флорри скакала впереди на своемъ породистомъ ворономъ конѣ.

Мистриссъ О'Моллой все время продолжала болтать безъ умолка, вставляя англійскія слова въ своеобразную французскую рѣчь. Г. Глоагэнъ и Поль-Луи, оглушенные этой болтовней, ослѣпленные подавляющей яркостью Индійскаго неба, укачиваемые еще морскою качкой, которая, какъ извѣстно, не покидаетъ путешественниковъ еще нѣкоторое время послѣ того, какъ они сойдутъ на берегъ, точно сквозь сонъ слушали мистриссъ О'Моллой и видѣли восхитительную картину Калькуттскаго утра.

Роскошные экипажи, безчисленные паланкины, несомые быстро бѣгущими boys (бойсъ—мальчики) изъ туземцевъ, множество всадниковъ, толпа европейцевъ, сливающаяся съ толпою индусовъ, все это пестрое разнообразіе типовъ и костюмовъ, все это

движеніе моднаго порта и вмѣстѣ съ тѣмъ крупной столицы и шумъ, и крикъ, и говоръ,—все олицетворяло собою современный Вавилонъ, утопающій въ зеленыхъ скверахъ, англійскихъ паркахъ, тѣнистыхъ, аллеяхъ и бульварахъ, по сторонамъ которыхъ тянулись ряды богатыхъ роскошно обставленныхъ магазиновъ и колоннады дворцовъ.

Вдругъ Поль-Луи былъ удивленъ и даже до извѣстной степени шокированъ при видѣ того, какъ Флорансъ понеслась прямо на телѣжечку, брошенную посреди дороги и вмѣсто того, чтобы просто объѣхать ее, заставила свою лошадь перескочить черезъ нее. Шандо замѣтилъ это и засмѣялся.

— Вотъ онѣ, эти корректныя манеры Флорри, а она еще позволяетъ себѣ дѣлать мнѣ замѣчанія!—сказалъ онъ, ставъ разомъ совершенно серьезнымъ.—Я ужъ, конечно, не на общественномъ гуляньѣ заставлю свою лошадь брать барьеры!—добавилъ онъ, какъ бы проникнувшись чувствомъ своего неизмѣримаго превосходства въ отношеніи соблюденія правилъ приличія.

— Нѣтъ, Шандо, вы удовольствуетесь тѣмъ, что пустите своего коня бѣшенымъ карьеромъ на одной изъ авеню, рискуя задавить съ полдюжины прохожихъ! — сказала мистриссъ О'Моллой, фамильярно похлопавъ его вѣеромъ по плечу.

— Ахъ, Господи! Какія вы право! изъ-за одного какого-то ротозѣя и зѣваки, котораго я опрокинулъ въ тотъ разъ, вы уже вдоволь упрекали меня имъ, вѣдь, въ сущности, ничего особеннаго не случилось съ нимъ, онъ самъ говорилъ, что даже нисколько не ушибся!

— Мало того, я убѣждена даже, что онъ нашелъ такого рода сальте-мортале весьма пріятнымъ, что дорожная пыль показалась ему мягче перины!—продолжала безжалостная мистриссъ О'Моллой.

Но увидѣвъ, что слеза униженія и обиды выступила на краю рѣсницъ Шандо, она тотчасъ же поспѣшила добавить:

— Ну, полно, полно!.. я шучу, вѣдь вы знаете, какая я злая, но это не мѣшаетъ мнѣ отдать должную справедливость Шандо въ томъ, что онъ тотчасъ же соскочилъ съ своего коня,

не давъ ему даже времени остановиться, поднялъ бѣднягу парса, проводилъ его до дому и отдалъ ему все, что только было у него въ кошелькѣ, послѣ чего успокоился только тогда, когда вполнѣ убѣдился, что бѣдняга ничуть не пострадалъ, а отдѣлался однимъ испугомъ...

Теперь Шандо казался болѣе сконфуженнымъ отъ этихъ похвалъ, чѣмъ даже за минуту до того отъ насмѣшекъ мистриссъ О'Моллой.

Видя это, г. Глоагэнъ счелъ нужнымъ перемѣнить тему разговора.

— Скажите, что это за крупные голенастые? — спросилъ онъ, указывая на цѣлыя стаи птицъ съ длинными клювами, сидѣвшихъ цѣлыми десятками въ рядъ на крышахъ домовъ.

— О, это мусорщики и уборщики нечистотъ, словомъ, санитары Калькутты,—засмѣялся Шандо, — это наши аисты-марабу, которые столь любезны, что исполняютъ у насъ роль бдительныхъ санитаровъ и очищаютъ наши улицы отъ всякаго рода нечистотъ.

Въ этотъ моментъ коляска завернула, въѣхала на чистый просторный дворъ и, наконецъ, остановилась у нарядаго, красиваго крыльца.

Флигель этотъ, занимаемый теперь маіоромъ О'Моллой въ кавалерійскихъ казармахъ и предназначенный для командующаго полкомъ, былъ до настоящаго времени квартирой покойнаго полковника Робинзона и могъ по истинѣ быть названъ маленькимъ дворцомъ съ великолѣпнымъ паркомъ сзади. Обстановка, правда, была самая скромная, что впрочемъ, является прямою необходимостью въ этихъ тропическихъ странахъ, гдѣ дорогія ткани, мягкіе диваны и софы неизбѣжно превратились бы въ разсадники миріадовъ всевозможныхъ насѣкомыхъ и паразитовъ. Но громадныхъ размѣровъ залы и самое расположеніе ихъ свидѣтельствовало о томъ, что домъ этотъ былъ построенъ для большихъ оффиціальныхъ пріемовъ и торжествъ. Весь нижній этажъ, согласно англійскому обычаю, былъ отведенъ исключительно подъ пріемныя комнаты, столовую, бюро, дѣловой кабинетъ, [парадный вестибюль, бильярдную и т. д. Въ верхнемъ помѣщались спальни и остальныя частныя комнаты, ко-

торыя, всѣ до единой, выходили на большую широкую веранду, между тѣмъ какъ кухня, прачешныя и людскія находились въ подвальномъ этажѣ. Всѣ стѣны и потолки, смазанные особаго рода штукатуркой, изготовленной изъ толченыхъ морскихъ раковинъ, казались отлакированными и переливались самыми богатыми отливами. Тонкаго плетенья циновки изъ ротанга, глянцевитыя и блестящія, застилали полы; массивные бронзовые факелы, монументальные куски красной свѣтлой индѣйской смолы виднѣлись во всѣхъ углахъ. Масса легкой, удобной и красивой бамбуковой мебели съ эластичными сидѣньями со всѣхъ сторонъ открывала свои объятія посѣтителямъ, располагая ихъ къ лѣни и отдохновенію. Большая гостиная съ высокимъ потолкомъ не имѣла дверей, а только широкія арки, затянутыя легкимъ газомъ. Повсюду слуги туземцы, одѣтые во все бѣлое, стояли неподвижно, почтительные и безмолвные, готовые по малѣйшему знаку или движенію исполнить всякій капризъ, всякое желаніе.

Г. Глоагэнъ и Поль-Луи были немедленно отведены въ приготовленное для нихъ помѣщеніе; едва успѣвъ освѣжиться, умыться и переодѣться послѣ дороги, они опять сошли внизъ къ ожидавшимъ ихъ дамамъ, мистрисъ О'Моллой и Флорри, когда явился и самъ маіоръ.

Это былъ маленькій тщедушный человѣкъ, съ блѣдно-желтымъ цвѣтомъ лица и почти совершенно лысымъ черепомъ и глубоко ввалившимися глазами, прямой, какъ жердь, и такой же тонкій и худой. Маіоръ былъ настолько же сдержанъ и молчаливъ, насколько добродушная супруга его была порывиста и словоохотлива. Довольно было видѣть ихъ одну минуту вмѣстѣ, чтобы понять, что тщедушный маіоръ находится подъ башмакомъ у своей живой и энергичной супруги, которая, какъ говорилъ Шандо, фактически командовала полкомъ отъ имени мужа. Что еще болѣе усиливало впечатлѣніе пришибленности и угнетенности этого бѣднаго маіора, такъ это его замогильный, надреснутый голосъ, напоминавшій голосъ чревовѣщателей, такъ что при каждомъ его словѣ получалось такое впечатлѣніе, какъ будто произнести это слово стоитъ ему невѣроят-

ныхъ усилій. Казалось, это не живой человѣкъ, для котораго даръ слова нѣчто обычное, нѣчто совершенно свойственное, а какой-то говорящій мертвецъ или, если принять во вниманіе его вытянутую деревянную осанку и отрывистость движеній, автоматъ, снабженный особымъ аппаратомъ для подражанія человѣческому голосу. Повидимому, вопросы здоровья наиболѣе интересовали его, такъ что и на гостей своихъ онъ смотрѣлъ исключительно съ этой точки зрѣнія, какъ будто онъ былъ членомъ комиссіи, свидѣтельствующей новобранцевъ.

— Прекрасное здоровье!.. Прекрасное сложеніе!.. какъ нарочно созданъ для horse-guards (конной гвардіи)!—вымолвилъ онъ, оглядывая взглядомъ знатока рослую и могучую фигуру Поль-Луи, послѣ того какъ онъ пожалъ ему руку.—Прекрасное здоровье!.. Никакихъ болѣзней, не такъ ли?.. ни малѣйшихъ недуговъ? — продолжалъ, обращаясь опять съ тѣми же вопросами къ г. Глоагэнъ.

— Никакихъ! Мы съ сыномъ, благодареніе Богу, пользуемся отличнымъ здоровьемъ!—отвѣтилъ археологъ.

— Это чрезвычайно важно,—продолжалъ маіоръ,—да, чрезвычайно важно!.. А я—наоборотъ; здоровье мое совершенно расшатано... Климатъ убійственный, изволите ли видѣть... служба, труды, походы... болѣзнь... ну, какъ вы это называете по-французски?.. liver?..

И при этомъ онъ ударилъ себя по правой части живота немного пониже реберъ.

— У майора болѣзнь печени!—поспѣшилъ пояснить Шандо.

— Ахъ да, да... печень... болѣзнь печени!.. Но вы, вѣроятно, желаете выпить чего-нибудь подкрѣпляющаго и прохладительнаго?..

Онъ позвонилъ. На его зовъ немедленно явился слуга въ тюрбанѣ и остановился, какъ вкопанный, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него со скрещенными на груди руками.

— Brandy and soda! (Водки и соды),—скомандовалъ майоръ своимъ слабымъ, надорваннымъ голосомъ.

Слуга скрылся, а минуту спустя явился снова, неся на серебряномъ подносѣ стаканы, бутылки и чашки со льдомъ, и

поставилъ все это на маленькій столикъ подлѣ своего господина.

— Наливайте себѣ, господа,—сказалъ майоръ—прошу васъ!.. вотъ французская водка, вотъ джинъ и виски... что касается меня, то я сторонникъ brandy (брэнди—водка) съ сельтерской водой... Въ нашемъ климатѣ необходимы подкрѣпляющіе напитки... нѣчто стимулирующее дѣятельность организма... слѣдуетъ противодѣйствовать этому убійственному климату... иначе, въ одинъ прекрасный день вы упадете и пѣсенка ваша спѣта...

Говоря это, майоръ налилъ себѣ большой стаканъ водки и разбавилъ ее весьма незначительнымъ количествомъ сельтерской воды. Стаканъ этотъ онъ выпилъ однимъ духомъ, не поморщившись даже, и вслѣдъ затѣмъ, не теряя времени, приготовилъ вторую такую же порцію этого напитка, который онъ называлъ подкрѣпительнымъ.

— Какъ я подумаю, что эти простаки, наши европейскіе гг. доктора и врачи, приписываютъ болѣзнь печени, столь часто встрѣчающуюся въ этихъ краяхъ, неумѣренному употребленію спиртныхъ напитковъ!—говорилъ онъ, ставя обратно на подносъ свой пустой стаканъ. — Право, я желалъ бы ихъ видѣть здѣсь, на нашемъ мѣстѣ!.. Повѣрьте, господа, что здѣсь безъ этихъ подкрѣпляющихъ напитковъ Богъ знаетъ что бы сталось съ нами! Гдѣ былъ бы въ настоящее время я, послѣ двадцатилѣтней службы въ Бенгаліи?.. Ужъ, конечно, давно бы и костей моихъ было не собрать теперь... И майоръ снова налилъ себѣ третій стаканъ спасительнаго напитка.

Г. Глоагэнъ и Поль-Луи, какъ и большинство образованныхъ французовъ, были чрезвычайно воздержаны и съ удивленіемъ смотрѣли на майора, мысленно вопрошая себя, сколько послѣдуетъ еще подобныхъ возліяній, когда, по счастію, явился слуга и доложилъ, что кушать подано. Всѣ перешли въ столовую.

Столъ былъ накрытъ и сервированъ съ чисто-азіатскою роскошью: тамъ была масса дорогого серебра, хрусталю, фарфора и чудныхъ цвѣтовъ; за каждымъ легкимъ бамбуковымъ стуломъ стоялъ слуга въ высокомъ бѣломъ тюрбанѣ съ скре-

щенными на груди руками; когда гости подошли къ столу, стоявшій за стуломъ слуга отодвигалъ и затѣмъ придвигалъ стулъ, развертывалъ на колѣняхъ салфетку, накладывалъ на тарелку и наполнялъ поочередно всевозможными напитками рюмки и стаканы, словомъ, дѣлалъ для все то, что дѣлаетъ заботливая няня или мать для двухъ или трехгодовалаго ребенка. Надъ головой обѣдающихъ безпрерывно качался громадный punkah (пунка—родъ опахала), приводимый въ движеніе посредствомъ цѣлой сложной системы бичевокъ и блоковъ, которыми управлялъ скрытый отъ глазъ слуга. Благодаря этому громадному опахалу въ большой обѣденной залѣ царила пріятная прохлада и легкій ласкающій вѣтерокъ, какъ бы отъ обмахиванія вѣеромъ. Всѣ стаканы и рюмки, а ихъ было великое множество передъ каждымъ приборомъ, были прикрыты серебряными колпачками, въ видѣ китайскихъ соломенныхъ шляпъ; дѣлалось это для того, чтобы мухи и мошки не тонули въ напиткахъ. Какъ блюда, такъ и тарелки ставились на серебряныя грѣлки, наполненныя крутымъ кипяткомъ, чтобы кушанья не остывали отъ безпрерывнаго охлаждающаго вліянія punkah.

Г. Глоагэнъ и Поль-Луи обладали волчьими аппетитами путешественниковъ, Шандо — аппетитомъ здороваго подростка, обѣ дамы—аппетитами истыхъ англичанокъ, такъ что обѣду была сдѣлана полная честь, только одинъ маіоръ рѣшительно ничего не кушалъ.

Зато онъ наверстывалъ свое на напиткахъ, предлагаемыхъ въ удивительномъ изобиліи и исчезавшихъ съ невѣроятной быстротой. Sherry, мадера, pale-ale (свѣтлое пиво), рейнвейны, шампанское, маіоръ пилъ положительно все, что ему наливали, но, несмотря на то, рюмки и стаканы его были постоянно пусты. За дессертомъ, когда дамы уже вышли изъ-за стола, маіоръ довершилъ свои усердныя возліянія тѣмъ, что осушилъ еще цѣлый графинъ охлажденнаго во льду кларета.

Въ тотъ моментъ, когда подали кофе, онъ былъ уже, очевидно, совершенно готовъ для своей послѣобѣденной сіесты, потому что, не сказавъ никому ни слова, повалился на бли-

жайшую софу и почти въ тотъ же моментъ явился слуга съ гука.

Этотъ гука отнюдь не обыкновенная трубка, а цѣлый сложный аппаратъ, состоящій изъ металлическаго или фарфороваго, а не то и хрустальнаго сосуда, до половины наполненнаго душистою водой; отъ этого сосуда идутъ двѣ трубки — одна прямая, съ маленькимъ очагомъ, въ который помѣщается самый чиллумъ, или, иначе говоря, зарядъ трубки, т. е. курева,—другая мягкая, гибкая, оканчивающаяся янтарнымъ мундштучнымъ наконечникомъ, который берется въ ротъ при куреніи. Чиллумъ состоитъ изъ нѣсколькихъ небольшихъ шариковъ, горящихъ одновременно: одинъ goduuk'овый, т. е. состоящій изъ смѣси особаго рода тѣста изъ лепестковъ розы, сахарнаго леденца и сушеныхъ яблоковъ, а остальные, приготовленные изъ толченаго угля и рисовой муки и служащіе исключительно въ качествѣ горючаго матеріала. Все это курево распространяетъ въ комнатѣ своеобразный, въ сущности, довольно тошнотворный запахъ, который, впрочемъ, для посвященныхъ въ прелести этого куренія имѣетъ повидимому, нѣчто особенно пріятное: куреніе гука, какъ и куреніе опіума и табака, становится закоренѣлою привычкой, почти что непреодолимою потребностью для тѣхъ, кто ею занимается.

Наши французы едва успѣли поднести ко рту янтарные мундштуки гука, какъ тотчасъ же оттолкнули ихъ съ отвращеніемъ, что же касается майора, то онъ затянулся съ десятокъ разъ и затѣмъ, уронивъ голову на подушку, спокойно заснулъ. Подстерегавшій этотъ моментъ съ вниманіемъ опытнаго стараго охотника houkabdar поспѣшно подобралъ весь этотъ приборъ и неслышно удалился. Г. Глоагенъ и Поль-Луи вмѣстѣ съ Шандо поспѣшили также послѣдовать его примѣру.—И послѣ этого бѣдный майоръ еще удивляется тому, что у него болѣзнь печени! да, при такомъ режимѣ, чего только нельзя себѣ нажить!—подумалъ про себя археологъ, съ сожалѣніемъ взглянувъ на спящаго мойора.

III. Странности Шандо.

Въ теченіе всего остального дня дамы не показывались болѣе. Согласно общепринятому въ этихъ жаркихъ странахъ обычаю, онѣ проводили все послѣобѣденное время запершись въ своихъ комнатахъ.

Г. Глоагэнъ воспользовался ихъ отсутствіемъ, чтобы написать нѣсколько писемъ и просмотрѣть двѣ-три главы своей санскритской грамматики, тогда какъ Поль-Луи подъ руководствомъ Шандо отправился посѣтить доки и главнѣйшіе промышленные и мануфактурные склады, фабрики и заводы Калькутты.

Молодые люди прекрасно понимали другъ друга и сходились почти во всемъ, а потому успѣли уже стать друзьями къ тому времени, когда вернулись съ первой своей прогулки. По дорогѣ они разговорились по душѣ и обмѣнялись не одной завѣтною тайной.

— Скажите, васъ такъ же, какъ и покойнаго батюшку вашего зовутъ Крузое?—освѣдомился Поль-Луи, чрезвычайно интересовавшійся этой подробностью.

— Да, конечно!—воскликнуль Шандо, при чемъ щеки его вспыхнули легкимъ румянцемъ.—Это прозвище стало для насъ настоящей фамиліей... вѣдь мы происходимъ по прямой линіи отъ знаменитаго путешественника Крузое-Робинзона или, какъ принято говорить въ общежитіи, Робинзона-Крузое!—сказалъ Шандо, краснѣя все болѣе и болѣе,—неужели вы не читали о его приключеніяхъ?

— Нѣтъ, они мнѣ извѣстны съ дѣтства, но признаюсь, я всегда считалъ ихъ, какъ и большинство образованныхъ людей, чистѣйшимъ вымысломъ.

— Это меня не удивляетъ, таково общераспространенное мнѣніе на этотъ счетъ, но оно не имѣетъ ни малѣйшаго основанія!—съ оживленіемъ воскликнулъ Шандо.—Если отрицать существованіе Робинзона Крузое, то почему же не отрицать

Навуходоносора, Ричарда Львиное-Сердце и Христофора Колумба? Вѣдь ни вы, ни я, никто другой не видали царя роскошной Ниневіи, точно такъ же какъ не видѣли и достославнаго отшельника островитянина. О томъ и о другомъ намъ извѣстно лишь по преданію и по книгамъ, а есть ли такое преданіе или разсказъ, которые нашли-бы на себѣ болѣе яркій отпечатокъ искренности и правдивости, чѣмъ разсказъ о приключеніяхъ Робинзона Крузое? Возможно-ли, читая повѣсть его приключеній въ томъ видѣ, какъ намъ передалъ ее Даніель-де-Фоё, не почувствовать, что такого рода вещи не вымыселъ, что герой этотъ, дѣйствительно, жилъ, страдалъ, боролся и писалъ дневникъ своихъ чудесныхъ приключеній. Впрочемъ, увѣренность моя въ этомъ зиждется не на одномъ литературномъ впечатлѣніи этого разсказа, но на семейной традиціи и чисто матеріальныхъ доказательствахъ. Прежде всего, всѣ мы уже въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній носимъ имя Робинзоновъ Крузое, затѣмъ мы родомъ изъ графства Іоркъ, точно такъ же, какъ и нашъ знаменитый предокъ; и кромѣ насъ въ цѣломъ графствѣ нѣтъ никого, кто бы звался Робинзонъ, что особенно замѣчательно ввиду того, что это имя чрезвычайно распространено въ цѣлой Англіи. Замѣтьте, что и въ разсказѣ де Фое прозвище Крузое нигдѣ не выдается за настоящую фамилію и что фамилія Робинзонъ была наиболѣе употребительнымъ наименованіемъ.

— Конечно, это можетъ вамъ показаться немного смѣлымъ увѣреніемъ, но могу васъ увѣрить, что я положительно чувствую въ своихъ жилахъ кровь этого отважнаго путешественника и ничто въ мірѣ не разубѣдитъ меня въ этомъ. Я раздѣляю всѣ его вкусы, склонности, воззрѣнія, я обладаю всѣми его пороками и недостатками въ томъ числѣ и его непреодолимой страстью къ путешествіямъ. Я люблю и уважаю его, какъ родного дѣда, который ласкалъ и нянчилъ меня на своихъ колѣняхъ. И каждый разъ, когда я перечитываю первый томъ этого разсказа, мнѣ кажется, что въ его исповѣди я узнаю себя. Мало того, я почему-то убѣжденъ, что даже наружностью своей похожу на него. У меня есть на стѣнѣ моей комнаты

старинная гравюра XVIII-го вѣка, на которой изображенъ Робинзонъ въ тотъ моментъ, когда онъ открываетъ отцу своему свои тайные замыслы; если хотите, я покажу вамъ ее, и тогда вы сами убѣдитесь, что я его живой портретъ!..

— Но вамъ, вѣроятно, извѣстно, — замѣтилъ Поль-Луи,— что относительно Робинзона существуетъ общепринятое преданіе, которое гласитъ, будто онъ былъ не болѣе, какъ простой шотландскій матросъ, по имени Селькиркъ, выброшенный бурей на островъ Жуанъ-Фернандецъ, который, какъ говорятъ, посѣтилъ во время своего путешествія Даніель де Фое.

— Да, мнѣ извѣстно, что эта версія пользуется большимъ довѣріемъ, но на чемъ, собственно говоря, она основана? На томъ только, что существовалъ нѣкій Селькиркъ, потерпѣвшій крушеніе въ концѣ XVII-го вѣка; и это простого совпаденія было достаточно, чтобы установить эту тождественность личности, самъ же де Фое никогда ни единымъ словомъ не намекаетъ на этого Селькирка, и можетъ быть, де Фое не зналъ даже о его существованіи. А его герой, Робинзонъ, не простой матросъ и вовсе не шотландецъ, а молодой англичанинъ изъ зажиточной образованной семьи, получившій хорошее образованіе и самъ не докончившій его, одержимый непреодолимою страстью къ путешествіямъ. Мало того, это вовсе не какой-нибудь молодой человѣкъ, а именно уроженецъ Іорка, носившій извѣстное имя и фамилію. Почему то, что вы согласны допустить въ качествѣ фактовъ, пережитыхъ Селькиркомъ, вы не желаете допустить въ качествѣ таковыхъ же для Робизона Крузое? Во всякомъ случаѣ, этотъ Селькиркъ и Робинзонъ не единственные люди, потерпѣвшіе крушеніе и пропадавшіе многіе годы безъ вѣсти, такъ какъ, по свѣдѣніямъ «Таймса», ежегодно гибнетъ, разбивается и пропадаетъ безъ вѣсти отъ семи до восьми тысячъ судовъ.

Поль-Луи, конечно, нашелъ бы не одно возраженіе на слова своего молодого пріятеля, но видя, что въ данномъ случаѣ всѣ его возраженія были безполезны, счелъ за лучшее поддаться заразительному увлеченію убѣжденнаго юноши и на половину вошелъ въ роль его единомышленника.

— Но скажите, пожалуйста, какимъ образомъ вы объясняете себѣ это происхожденіе вашей семьи отъ знаменитаго Робинзона Крузое или Крузое Робинзона? Развѣ послѣ него остались дѣти?

— Конечно!—воскликнулъ Шандо,—онъ самъ упоминаетъ объ этомъ въ концѣ послѣдняго тома своего разсказа,—или вѣрнѣе, послѣдняго, дошедшаго до насъ тома, такъ какъ вы, надѣюсь, не сомнѣваетесь въ томъ, что повѣсть эта имѣла еще продолженіе?

— То-есть какъ? Какого рода продолженіе?

— Да это очевидно! вѣдь тотъ разсказъ о Робинзонѣ, который дошелъ до насъ, прерывается на четвертомъ путешествіи Робинзона, когда онъ вернулся въ Іоркширъ и поселился тамъ и жилъ спокойно со своей женой и дѣтьми. Но примите во вниманіе то, что, будь этотъ разсказъ вымышленнымъ романомъ, такого рода развязка была-бы положительно нелѣпой. Человѣкъ съ такимъ талантомъ, какъ Даніель-де-Фое, если онъ могъ придумать такую исторію, никогда не удовольствовался-бы такимъ безцвѣтнымъ концомъ не допустилъ-бы, чтобы Робинзонъ, послѣ стольких удивительныхъ приключеній, вдругъ зажилъ самой заурядной мѣщанской жизнью въ колпакѣ и туфляхъ въ глухомъ углу Іорка! Нѣтъ, это положитетьно невозможно!.. Будь это вымышленный разсказъ, авторъ, несомнѣнно, заставилъ-бы своего героя пасть жертвой его непреодолимой страсти къ скитаньямъ по свѣту, заставилъ-бы его погибнуть трагической смертью послѣ того, какъ счастье нѣсколько разъ ему давалось въ руки... Вотъ почему я утверждаю, что или до насъ не дошелъ полный разсказъ о приключеніяхъ Робинзона, или гдѣ-нибудь существуетъ или долженъ былъ существовать, полный томъ его мемуаровъ, какая-нибудь затерявшаяся рукопись, повѣствующая намъ о его послѣднихъ приключеніяхъ,—или же то, что этого окончанія никогда и не существовало по той простой причинѣ, что никому не было извѣстно, какъ кончилъ свою жизнь знаменитый Робинзонъ, что также весьма вѣроятно.

— Предположеніе это, конечно, тоже довольно смѣлое, —

замѣтилъ Поль-Луи, не будучи въ силахъ удержать улыбки,—но вмѣстѣ съ тѣмъ...

— Ну, такъ слушайте же,— продолжалъ Шандо, подбодренный этимъ одобреніемъ, — замѣтьте, какое странное совпаденіе обстоятельствъ: во-1-хъ—въ графствѣ Іоркъ существуетъ всего только одна семья Робинзоновъ Крузое, или Крузое—Робинзоны, а знаменитый путешественникъ былъ именно родомъ оттуда; во-2-хъ, онъ говоритъ, что, вернувшись на свою родину, тамъ женился и имѣлъ дѣтей, которыя были уже взрослыми, когда онъ предпринялъ свое послѣднее извѣстное намъ путешествіе. Въ 3-хъ, онъ сообщаетъ намъ, что снова вернулся въ Іоркъ въ 1705 г., когда ему было уже 72 года, и на этомъ прерывается то, что намъ о немъ извѣстно. Не имѣемъ-ли мы, послѣ этого, достаточныхъ основаній предполагать, что родъ его продолжался, что мы, внуки, правнуки, праправнуки и т. д., т. д., по прямой линіи рождались и умирали въ Іоркѣ, и что самъ онъ нашелъ смерть таинственнымъ и никому неизвѣстнымъ образомъ гдѣ-нибудь вдали отъ своей семьи.

— Замѣтьте, что столь необычайный человѣкъ, какъ Робинзонъ Крузое, не могъ-бы безслѣдно и незамѣтно исчезнуть въ небольшомъ провинціальномъ городкѣ, и смерть его неизбѣжно должна была-бы надѣлать шума, если онъ скончался въ Іоркѣ своею смертью.

— Все это прекрасно, и выводы ваши весьма основательны и убѣдительны, остается только пожалѣть объ одномъ, что всему этому блестящему зданію недостаетъ только одного, а именно надежнаго основанія!—засмѣялся Поль-Луи.—Докажите мнѣ, что герой Даніеля-де-Фое, дѣйствительно, существовалъ и больше мнѣ ничего не надо!

— Ну, докажите мнѣ, что солнце свѣтитъ! докажите мнѣ, что когда-то была битва при Бовинэ!—весело воскликнулъ въ свою очередь Шандо, уже издавна привыкшій, чтобы ему противорѣчили въ этомъ вопросѣ.—Впрочемъ, я могу вамъ сказать, что вопросъ этотъ интересуетъ меня не со вчерашняго дня, и что я, съ разрѣшенія моего отца, писалъ въ прошедшемъ году Архіепископу Іоркскому, прося его приказать сдѣлать выписку изъ

приходскихъ церковныхъ книгъ г. Іорка свидѣтельствъ о рожденіи и смерти всѣхъ членовъ семьи Робинзоновъ Крузое. И вотъ, хотя выписки эти были сдѣланы по моей просьбѣ, но въ результатѣ оказалось, что нельзя было отыскать ни одного такого свидѣтельства о смерти, которое могло-бы относиться къ личности самого знаменитаго Робинзона Крузое.

— Изъ этого какъ будто слѣдуетъ, что онъ никогда не умиралъ или, быть можетъ, вовсе не родился и никогда не жилъ.

— Отнюдь нѣтъ! это доказываетъ только то, что онъ скончался не въ Іоркѣ...

— Ну, а свидѣтельство о рожденіи найдено? Вотъ документъ, могущій въ данномъ случаѣ имѣть рѣшающее значеніе!

— Нѣтъ и его не могли разыскать,—немного сконфуженно признался Шандо,—но это не имѣетъ особаго значенія, такъ какъ въ то время церковныя книги велись очень плохо, да къ тому въ 1680 г. пожаръ уничтожилъ всѣ церковныя книги и записи церкви Св. Панкратія, въ приходѣ которой онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, состоялъ.

— Словомъ, мы не имѣемъ ни свидѣтельства о его смерти, ни о его рожденіи!—резюмировалъ факты Поль-Луи.

— Да, но зато мы имѣемъ цѣлую серію Робинзоновъ-Крузое отъ начала XVIII вѣка и до сихъ поръ; всѣ поколѣнія идутъ безпрерывно, въ цѣлой Англіи нѣтъ второй семьи, которая носила-бы эти два имени вмѣстѣ; итакъ, не подлежитъ сомнѣнію, что если только существовалъ великій Робинзонъ, то онъ былъ нашимъ предкомъ и что касается меня, то я горжусь этимъ несравненно болѣе и болѣе увѣренъ въ этомъ, чѣмъ въ любой генеалогіи, записанной въ родословной книгѣ.

— Аминь!—докончилъ Поль-Луи, по натурѣ своей не особенно былъ склонный придавать серьезное значеніе такого рода проблематическимъ вопросамъ.

Вечеромъ, когда все маленькое общество снова собралось въ гостиной, Поль-Луи хотѣлъ было подшутить на тему своего утренняго разговора съ Шандо, но съ перваго-же слова замѣ-

тилъ по лицу миссъ Флорэнсъ, что она вполнѣ раздѣляетъ убѣжденіе своего брата и потому не сталъ продолжать.

— Если имъ доставляетъ удовольствіе думать, что они происходятъ отъ моряка Зиндбада, то что изъ этого: я рѣшительно ничего не имѣю противъ!—подумалъ онъ.

Несмотря на свою обычную сдержанность и холодность, миссъ Флорэнсъ была чрезвычайно мила и любезна по отношенію къ своему французскому кузену и какъ-то съумѣла сойтись съ нимъ. Разговоръ ихъ, согласно общепринятому британскому обычаю, слѣдовалъ извѣстной рутинѣ; она по порядку распрашивала его о его вкусахъ и склонностяхъ, о его обычныхъ удовольствіяхъ и занятіяхъ.

— Любите вы играть въ крокэтъ?

— Признаюсь, я совершенно не знаю этой игры.

— А лаунъ-теннисъ?

— Мнѣ никогда не случалось даже видѣть, какъ въ нее играютъ.

— А, можетъ быть, вы предпочитаете поло?

— Я не имѣю даже ни малѣйшаго понятія о томъ, что значитъ это слово.

— Ахъ неужели! — сказала Флорри, немного разочарованная.—Вы, можетъ быть, любитель охоты съ гончими или борзыми?

— Къ немалому стыду моему долженъ вамъ признаться, что и это удовольствіе мнѣ вовсе не знакомо!

— Но вы же ѣздите верхомъ, надѣюсь?

— Хмъ! да, если хотите, мнѣ случалось сидѣть на лошади но, право, я не имѣю претензіи быть первоклассньмъ наѣздникомъ.

Флорри положительно не могла придумать какого рода увеселеніе могло быть по вкусу этому молодому человѣку.

— Ахъ да, вы, вѣроятно, любите танцы,—какъ-бы обрадовавшись, сказала Флорэнсъ.—Всѣ французы хорошіе танцоры и вы, конечно, любитель вальса и польки!

— Сказать по правдѣ, я весьма печальный танцоръ. Съ полькой я еще кое-какъ справляюсь, ну, а что касается вальса или кадрили, то прошу извинить, я каждый разъ сбиваюсь!

На этотъ разъ Флорри признала себя побѣжденной и не стала настаивать далѣе.

По ея мнѣнію, молодой человѣкъ, не умѣющій играть ни въ крокэтъ, ни въ лаунъ-теннисъ, ни въ поло, который не былъ ни наѣздникомъ, ни охотникомъ, ни даже танцоромъ, едва-ли заслуживалъ даже названіе джентльмэна: въ ея глазахъ онъ просто совсѣмъ не существовалъ.

Воспитанная въ блестящей и пустой средѣ оффиціальнаго кружка Калькутты, преувеличивающаго всѣ странности и причуды британскаго общества, съ добавленіемъ всѣхъ причудъ парижскаго beau-mond и креолькаго монда, Флоренсъ Робинзонъ смотрѣла на жизнь, какъ на безпрерывный рядъ празднествъ и увеселеній. Спѣшить верхомъ или въ экипажѣ на пикники и garden-parties, дѣлать визиты и бывать на пріемахъ, на завтракахъ въ лѣсу, на балахъ и танцевальныхъ вечерахъ, участвовать въ охотахъ и рыбныхъ ловляхъ, бывать на скачкахъ, на гребныхъ и парусныхъ гонкахъ, словомъ, принимать участіе во всѣхъ до безконечности разнообразныхъ развлеченіяхъ, какими тѣшитъ себя праздный и богатый людъ — вотъ, что казалось ей главною цѣлью жизни. Она положительно не могла понять, какъ можно быть настолько чуждымъ самой азбукѣ этой странной профессіи свѣтскаго человѣка, какъ ея кузенъ.

А Поль-Луи, имѣвшій несчастіе потерять мать еще въ ту пору, когда былъ малымъ ребенкомъ, и затѣмъ, проводя жизнь съ отцомъ, нѣжно любившимъ его, но всецѣло поглощеннымъ своими научными занятіями, и самъ, серьезно занятый сперва школьнымъ ученіемъ, а затѣмъ болѣе серьезными науками, никогда не вкушавшій никакихъ свѣтскихъ удовольствій, положительно не зналъ имъ цѣны и, въ свою очередь, не понималъ, какъ можетъ интересоваться всѣмъ этимъ его кузина, и чего, собственно, она хочетъ отъ него. Ему случалось бывать въ семьяхъ двухъ-трехъ своихъ товарищей, принадлежавшихъ къ скромной мѣщанской средѣ, гдѣ онъ успѣлъ себѣ составить такого рода представленіе о дѣятельности и обязанностяхъ женъ, матерей, сестеръ и кузинъ, что, будь оно извѣстно миссъ Флорэнсъ, она навѣрное пришла-бы въ ужасъ и негодованіе.

Правда, Поль-Луи представлялъ свою будущую супругу нѣсколько въ иномъ свѣтѣ, но все же этотъ идеалъ былъ неизмѣримо далекъ отъ блестящей, занятой выѣздами и спортомъ дамы.

Онъ мечталъ о женщинѣ, которая была-бы для него и другомъ, съ которымъ онъ могъ-бы дѣлиться всѣми своими мыслями и волненіями, и хозяйкой, аккуратно ведущей домашній обиходъ, и прекрасной матерью его дѣтямъ, а не какъ уже не о разодѣтой куклѣ съ дѣланными улыбками, съ заученными фразами и движеніями.

Какъ-бы то ни было, но миссъ Флорэнсъ была совсѣмъ иного мнѣнія о назначеніи женщины. Ужъ даже и въ пору, когда мистриссъ О'Моллой была супругой скромнаго молодого лейтенанта безъ всякихъ личныхъ средствъ, она никогда въ жизни не принимала дѣятельнаго участія въ изготовленіи какого-нибудь пудинга или котлетъ.

Что же касается Флорэнсъ, выросшей въ роскоши индѣйскаго дворца, то она даже не подозрѣвала, возможно-ли самой наблюдать за кухней или туалетомъ своихъ дѣтей. Она привыкла, чтобы все дѣлалось слугами, которымъ вмѣнялось заботиться обо всемъ, что выходило изъ ряда пріятныхъ развлеченій. Навѣрное туземецъ поваръ былъ-бы ужасно удивленъ и даже скандализированъ, если-бы она вдругъ появилась въ его владѣніяхъ.

Надо замѣтить, что офицеры британской арміи, въ особенности въ колоніяхъ, получаютъ такіе громадные оклады, дающіе имъ полную возможность жить царями, что ихъ жена, дочери и сестры представляютъ собою въ любомъ изъ городовъ Индіи совершенно особый кругъ, который едва нисходитъ до сближенія съ гражданскими чинами англійскаго правительства и проводитъ жизнь въ безпрерывныхъ увеселеніяхъ и чисто царской роскоши. Понятно, что въ вихрѣ этихъ безконечныхъ удовольствій и развлеченій роль женщины-семьянинки забыта, тѣмъ болѣе, что нравы англійскаго общества допускаютъ для молодыхъ дѣвушекъ несравненно большую свободу, чѣмъ какою пользуются онѣ во Франціи. Имѣя возможность принимать дѣя-

тельное участіе во всѣхъ удовольствіяхъ и забавахъ своихъ братьевъ, ѣздитъ съ ними и на охоту, и на рыбную ловлю, на скачки и на гонки, споря съ ними въ ловкости и проворствѣ и даже въ силѣ, онѣ, понятно, начинаютъ относиться презрительно къ болѣе скромнымъ семейнымъ радостямъ молодыхъ француженокъ.

Этимъ-то объясняется, почему въ первое время Флорэнсъ и Поль-Луи никакъ не могли спѣться. Она казалась своему кузену болѣе эксцентричной, чѣмъ привлекательной, а ея свободная увѣренная манера—холодной, разсчитанной аффектаціей, которая ему совсѣмъ не нравилась.

Она же, со своей стороны, не будучи въ состояніи разобраться и оцѣнить по достоинству серьезныя и положительныя качества Поля-Луи, нашла его въ высшей степени не интереснымъ и, предоставивъ его самому себѣ, пошла и присѣла къ роялю, предварительно поласкавъ свою маленькую обезьянку Раки.

Это была маленькая уитсити, ростомъ не больше бѣлки, грызшая съ утра до ночи миндаль и спокойно сидѣвшая на своей изящной бамбуковой жердочкѣ все время, когда не сидѣла на колѣняхъ своей госпожи. Миссъ Флорэнсъ была безъ ума отъ этой маленькой обезьянки, она не довѣряла ее даже своей горничной и сама ходила за ней и держала ее въ своей собственной спальнѣ. Раки платила своей госпожѣ самой примѣрною привязанностью и каждый разъ проливала горькія слезы и скрежетала зубами, какъ только миссъ Флорэнсъ бралась за шляпу и перчатки.

Между тѣмъ мистриссъ О'Моллой занялась дѣловыми разговорами съ г. Глоагэнъ; ей поневолѣ приходилось поговорить съ нимъ обо всемъ этомъ, такъ какъ майоръ поручилъ ей всѣ дѣла, чтобы отправиться по привычкѣ въ свой клубъ. Полулежа въ покойномъ бамбуковомъ креслѣ въ глубокой нишѣ окна, выходившаго въ роскошный паркъ, блиставшій всею красой тропической природы, добродушная болтливая хозяйка трещала безъ умолку, счастливая тѣмъ, что нашла въ г. Глаогэнъ любезнаго слушается

— Вѣдь бѣдный полковникъ умеръ при самыхъ странныхъ

и загадочныхъ обстоятельствахъ,—сообщала она таинственнымъ шепотомъ своему собесѣднику.—Какъ онъ и самъ говоритъ о томъ въ своемъ завѣщаніи, онъ въ продолженіе послѣднихъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ не разъ могъ сдѣлаться жертвой странныхъ покушеній на его жизнь. Собственно говоря, такого рода вещи дѣло весьма не рѣдкое въ этихъ странахъ, гдѣ любой англійскій офицеръ постоянно чувствуетъ надъ собою злобную, коварную месть десятковъ туземцевъ и живетъ въ атмосферѣ, пропитанной ихъ ненавистью и злобой ко всему его народу... Но что всѣмъ намъ казалось чрезвычайно страннымъ въ этихъ безпрерывныхъ покушеніяхъ на жизнь полковника Робинзона, такъ это то, что всѣ эти попытки были не явныя, не открытыя, какъ это почти всегда здѣсь бываетъ, а хитро задуманныя, ловко замаскированныя, могущія быть принятыми за простую случайность. Никто не пытался пустить въ него пулю во время охоты или всадить ему кинжалъ изъ-за угла, что можетъ случиться здѣсь съ любымъ англійскимъ офицеромъ; никогда никакой незнакомецъ не пробовалъ накидываться на него во время сна, чтобы задушить его; никогда ни одинъ изъ страшныхъ ядовъ, знакомыхъ индусамъ, не былъ подмѣшанъ къ его пищѣ, но когда онъ однажды купался, его чуть было не схватилъ громаднѣйшій кайманъ, очевидно, умышленно привезенный сюда, такъ какъ здѣсь никогда не водились крокодилы ни раньше, ни позже этого случая. Въ другой разъ, когда онъ осматривалъ развалины Ферора въ долинѣ Дельи, цѣлая стѣна обрушилась на него, и полковнику удалось спастись только какимъ-то чудомъ. Спустя два мѣсяца, путешествуя въ паланкинѣ по лѣсу Этмадаолахъ, онъ неминуемо долженъ былъ полетѣть вмѣстѣ со своими слугами, несшими паланкинъ, въ западню для слоновъ, иначе говоря, въ настоящую пропасть, вырытую поперекъ проѣзжей дороги и тщательно застланную дерномъ;—только то обстоятельство, что другой паланкинъ, идущій на встрѣчу и подошедшій раньше паланкина полковника Робинзона къ роковому мѣсту, обрушился въ пропасть на его глазахъ, спасло жизнь полковника цѣною жизни тѣхъ трехъ несчастныхъ.

— Да, но все это могло дѣйствительно быть чистой случайностью. Кайманъ могъ самъ придти сюда даже изъ далека; стѣна также могла обрушиться отъ своей собственной тяжести; а яма-западня могла быть вырыта для слоновъ.

— Да да, конечно! вотъ въ этомъ-то именно и заключается странность всѣхъ этихъ покушеній на его жизнь, всѣхъ этихъ мнимыхъ случайностей. Но ихъ частое повтореніе, систематическое упорство, съ какимъ эти случайности преслѣдовали покойнаго, дѣлали положительно невѣроятнымъ предположеніе, что все это не болѣе, какъ сплошной рядъ случайностей, преслѣдующихъ съ такимъ рвеніемъ этого человѣка. Кромѣ того, что я уже сказала вамъ, попытки лишить полковника Робинзона жизни повторялись ежеминутно подъ различными видами: то надъ самой головой его обрушивался потолокъ его спальной, то шлюпка, на которой онъ плылъ, вдругъ безъ причины шла подъ нимъ ко дну, то столѣтнее дерево обрушивалось при его проѣздѣ, то у него подъ одѣяломъ находили громаднѣйшаго скорпіона, то на него накидывалась бѣшеная собака, то вѣчно смирный и спокойный конь его вдругъ, ни съ того ни съ сего, взвивался на дыбы и запрокидывался вмѣстѣ со своимъ всадникомъ... и множество другихъ подобныхъ случаевъ... Ступеньки лѣстницъ обрушивались у него подъ ногами, ружья разряжались или разрывались у него въ рукахъ, словомъ, такого рода предостереженія стали такъ часты, такъ многочисленны, такъ безпрерывны, можно сказать, преслѣдуя его на каждомъ шагу, что всѣ мы въ одинъ голосъ стали совѣтовать полковнику Робинзону бросить службу въ Индіи и просить объ отозваніи его обратно, въ Англію. Даже самъ вице-король торопилъ его отъѣздомъ. Несмотря на свое явное нежеланіе разстаться съ Калькуттой, полковникъ, въ концѣ концовъ, готовъ былъ уступить нашимъ настояніямъ, такъ какъ и самъ онъ отлично сознавалъ, что здѣсь ему на каждомъ шагу грозила смерть. Но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ это сдѣлать, его невѣдомые, таинственные убійцы съумѣли покончить съ нимъ.

...А знаете вы какъ?

— Нѣтъ, признаюсь, я только-что хотѣлъ спросить васъ объ этомъ.

— Всѣ газеты Калькутты только и говорили объ этомъ, и я полагала, что вамъ извѣстны всѣ подробности... Случилось это совершенно неожиданно. Всѣ мы постоянно охраняли полковника и принимали всевозможныя предосторожности, чтобы онъ этого не могъ замѣтить, такъ какъ покойный не желалъ этого. Тѣмъ не менѣе онъ никогда не выходилъ изъ дома безъ того, чтобы его вѣрный солдатъ, деньщикъ Кхасджи, не сопровождалъ его тайно или явно, а ночью этотъ самый Кхаеджи спалъ у дверей его комнаты, но ничто не спасло его. 14-го іюля текущаго года полковникъ былъ найденъ по утру мертвымъ въ своей кровати. Онъ задохнулся отъ того, что въ его комнатѣ въ потолкѣ открылся проводъ свѣтильнаго газа, и комната наполнилась имъ настолько, что покойникъ задохся.

— Да, это, дѣйствительно, странная смерть!—сказалъ г. Глоагэнъ,—и что же, по осмотрѣ оказалось, что проводъ былъ умышленно перерѣзанъ?

— Да, именно такъ!

— Въ такомъ случаѣ, преступленіе это скорѣе можно приписать еврепейцу... Индусъ наврядъ-ли бы додумался до этого способа умерщвленія.

— Это полагаютъ многіе; но мѣстныя газеты, обсуждавшія этотъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, какъ и всѣ мы, первыя высказали мысль, что туземцы далеко не такъ невѣжественны, какъ это кажется—и это, къ сожалѣнію, правда! Какъ бы тамъ ни было, но только виновники преступленія не были открыты, и все это печальное происшествіе осталось для всѣхъ насъ тайной.

Наступило молчаніе. Г. Глоагэнъ погрузился въ печальныя размышленія по поводу только что слышаннаго, но мистриссъ О'Моллой, мысли которой никогда не останавливались по долго на одномъ предметѣ, уже продолжала:

— Полковникъ имѣлъ свои странности... я отнюдь не хочу этимъ сказать что-нибудь дурное о немъ, но, во всякомъ случаѣ, изъ него вышелъ-бы несравненно лучшій ученый, чѣмъ

командиръ полка... У него въ головѣ были только научныя изслѣдованія, различныя археологическія открытія, и все, о чемъ онъ только думалъ и мечталъ, это какая-нибудь полустершаяся надпись на стѣнѣ поросшихъ мхомъ и плѣсенью развалинъ.

— Однако, — робко протестовалъ противъ этого осужденія г. Глоагэнъ,—я не вижу ничего дурного въ страсти покойнаго полковника къ археологическимъ изслѣдованіямъ и вполнѣ раздѣляю его вкусы: что можетъ быть болѣе интереснаго и возвышеннаго, какъ отыскивать несомнѣнные слѣды далекой сѣдой древности и на основаніи этихъ положительныхъ данныхъ созидать камень за камнемъ исторію человѣчества?!

Мистриссъ О'Моллой вытаращила глаза отъ неожиданности, услыхавъ заявленіе своего собесѣдника, но она была не такая женщина, которую легко смутить каждымъ пустякомъ.

— Готова съ вами согласиться!—сказала она,—и охотно вѣрю, что все это очень интересно, но если человѣкъ имѣетъ такого рода склонности и вкусы, то не слѣдуетъ поступать на военную службу. Какой это солдатъ! Пусть онъ будетъ ученый, профессоръ, все, что хотите, но только не полковой командиръ. Вѣдь покойный полковникъ вовсе не занимался своимъ полкомъ и очень мало заботился о немъ, счастье еще, что у него были исправные, знающіе свое дѣло офицеры. Онъ постоянно находился въ разъѣздахъ, справляясь повсюду о томъ, что не имѣло ни малѣйшаго отношенія къ его службѣ... Вы не можете себѣ представить, до чего въ немъ доходила эта страсть къ изслѣдованіямъ... если хотите, я приведу вамъ одинъ примѣръ...

— Сдѣлайте одолженіе!—сказалъ г. Глоагэнъ.

— Ну, вы, конечно, слышали о славномъ походѣ нашихъ войскъ на Кандагаръ во время послѣдней нашей кампаніи въ Афганистанъ, года два-три тому назадъ. Нашъ полкъ состоялъ въ авангардѣ, и надо отдать справедливость, полковникъ Робинзонъ всегда былъ впереди всѣхъ. Мало того, онъ даже немного слишкомъ спѣшилъ, въ особенности же въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣлось въ виду возможность посѣтить какія-нибудь развалины въ концѣ перехода. Такъ было именно и въ тотъ

разъ, когда наши войска прибыли къ стѣнамъ города. Нашъ полкъ прибылъ первымъ, опередивъ всѣ остальныя войска, и долженъ былъ расположиться въ ближайшей долинѣ въ ожиданіи, когда подойдетъ главный экспедиціонный корпусъ. Весь Кандагаръ взялся за оружіе; афганцы знали, что на этотъ разъ дѣло для нихъ будетъ не шуточное, потому что, какъ вы, надѣюсь, помните, они вырѣзали нашу дипломатическую миссію, назначенную англійскимъ правительствомъ къ ихъ эмиру.

— Изъ этого ясно, что авангардный отрядъ могъ ежеминутно очутиться въ самомъ критическомъ положеніи, въ случаѣ, если бы какія либо непредвидѣнныя обстоятельства задержали на нѣкоторое время прибытіе главной дѣйствующей арміи. Всякій другой на мѣстѣ полковника думалъ-бы лишь о томъ, какъ-бы быть наготовѣ во всякій данный моментъ отразить возможное нападеніе афганцевъ или, въ крайнемъ случаѣ, подготовить себѣ возможность временнаго отступленія къ центру главной арміи; но нашъ полковникъ думалъ въ это опасное время совсѣмъ о другомъ: его главнымъ образомъ занимала, съ самаго момента выступленія полка, надежда посѣтить древнюю мечеть, построенную на вершинѣ одного изъ холмовъ, близъ Кандагара, знаменитую мечеть Рамъ-Мохунъ, самое древнее святилище этой страны, нѣчто въ родѣ Вестминстерскаго аббатства. По нѣкоторымъ признакамъ полковникъ полагалъ, что можетъ съ увѣренностью сказать, что эта мечеть, прежде чѣмъ стать храмомъ магометанъ, была посвящена, если не вся, то нѣкоторыя подземныя части ея, другому древнѣйшему культу. И вотъ теперь рѣшеніе этого археологическаго вопроса всецѣло поглощало всѣ его мысли... А надо вамъ сказать, что полкъ нашъ расположился лагеремъ какъ разъ у подножія этого холма и, вѣроятно, не спроста, такъ какъ въ глазахъ полковника Робинзона это была, конечно, главная цѣль похода... Полкъ расположился на ночлегъ, солдаты готовятъ ужинъ, часовые стоятъ на мѣстахъ. Около двухъ часовъ ночи весь лагерь спалъ уже крѣпкимъ сномъ, какъ вдругъ съ восходомъ раздался выстрѣлъ, за нимъ другой и третій... Крики—афганцы!.. афганцы!.. раздались со всѣхъ концовъ. Въ полку пробили

тревогу, но этого нападенія ожидали всѣ, люди спали одѣтые, съ оружіемъ на готовѣ—въ одно мгновеніе всѣ были въ сборѣ и на своихъ мѣстахъ. Недоставало въ полку только одного человѣка,—то былъ полковникъ Робинзонъ! Гдѣ-же онъ? Какъ могло случиться, что его нѣтъ здѣсь въ такой моментъ? Его ищутъ повсюду, но напрасно! Между тѣмъ афганцы уже близко, вотъ они подошли и началось сраженіе сперва горячей перестрѣлкой живого ружейнаго огня, затѣмъ въ сраженіи приняли участіе и два крупныхъ орудія... и вотъ, въ этотъ самый моментъ въ ряды полка, какъ безумный, врывается какой то человѣкъ и спѣшитъ прямо къ фронту подъ непріятельскіе выстрѣлы. То былъ полковникъ.

— Господа, прошу васъ извинить меня... мнѣ очень совѣстно за свою оплошность... — говорилъ онъ, обращаясь къ офицерамъ. — Это положительно непростительное съ моей стороны легкомысліе... Но бой кипѣлъ и никто не имѣлъ времени выслушивать извиненія полкового командира. Въ концѣ концовъ, афганцы были отбиты и принуждены были отступить. Когда же все успокоилось и пришло въ порядокъ, и всѣ гг. офицеры собрались къ полковому командиру, — я говорю только о тѣхъ, которые уцѣлѣли, такъ какъ въ эту ночь у насъ выбыло изъ строя сто тридцать человѣкъ,—полковникъ Робинзонъ разсказалъ о томъ, что съ нимъ случилось.

— Не будучи въ силахъ выждать того момента, когда ему будетъ можно осмотрѣть знаменитую мечеть, онъ отправился на вершину холма въ сопровожденіи своего вѣрнаго Кхасджи, чтобы при свѣтѣ фонаря схватить первое впечатлѣніе этого памятника азіатской древности въ то время, когда всѣ его люди спали мирнымъ сномъ. И вотъ тамъ-то, на вершинѣ холма, его застали первые выстрѣлы завязавшейся перестрѣлки, прервавшіе его археологическія наблюденія...

На этомъ Флорэнсъ и Шандо прервали г-жу О'Моллой радостнымъ восклицаніемъ:

— А! вотъ и Кхасжди!

— Здравствуй, Кхасджи!.. Какъ поживаешь, Кхасджи?

— Позвольте отрекомендовать вамъ, кузенъ, нашего Кхасджи! Знаете-ли вы что, это имя значитъ на нарѣчіи Индостана? Оно значитъ—близкій другъ!..

IV. Приписка къ духовной полковника Робинзона.

Человѣкъ, котораго привѣтствовали съ такимъ радушіемъ, былъ рослый индусъ, съ бронзовымъ цвѣтомъ лица и сѣдыми усами, въ одеждѣ полу-солдата, полу-туземца зажиточнаго класса. Плотно остриженные волоса, постановка головы и плечей, и красный мундиръ ясно говорили, что это бывшій солдатъ британской арміи, а между тѣмъ своеобразная форма лба, линія носа и блескъ глазъ, равно какъ и широкія бѣлыя шальвары, сандаліи и широкій креповый поясъ выдавали въ немъ уроженца береговъ Бенгальскаго залива. И дѣйствительно, Кхасджи былъ одновременно индусъ, и англичанинъ: англичанинъ по отцу и индусъ по матери.

Вступивъ очень рано въ ряды британской арміи и сдѣлавъ нѣсколько походовъ съ полковникомъ Робинзономъ, онъ привязался къ нему всей душой и всегда оставался самымъ преданнымъ человѣкомъ, за что и Чандосъ, и Флорэнсъ были ему признательны и платили ему самой искренней привязанностью.

Кхасджи не оставался у нихъ въ долгу, и лицо его освѣтилось широкой улыбкой, когда онъ вошелъ въ комнату, но при видѣ мистриссъ О'Моллой онъ тотчасъ-же вытянулся въ струнку; лицо его приняло серьезное, почтительное выраженіе солдата въ присутствіи начальства, и мѣрнымъ солдатскимъ шагомъ подойдя къ ней, онъ остановился въ извѣстномъ разстояніи и, приложивъ руку ко лбу, ждалъ, чтобы къ нему обратились съ вопросомъ.

— Ну что Кхасджи?—спросила мистриссъ О'Моллой.

— *Законовѣды* здѣсь!—коротко отозвался онъ.

Но это слово «*законовѣды*» въ его устахъ звучало такъ, что всякому становилось ясно, какое безграничное презрѣніе

питалъ этотъ солдатъ ко всѣмъ «*штафиркамъ*» вообще, а тѣмъ болѣе къ этой квинтъ-эссенціи всѣхъ штафирокъ, къ юристамъ.

Мистриссъ О'Моллой, какъ ни была пропитана духомъ милитаризма, но все же не раздѣляла взглядовъ Кхасджи, и, повидимому, очень оживилась при этомъ извѣстіи.

— Это повѣренные покойнаго полковника Робинзона, гг. Сельби и Грахамъ,—пояснила она своему собесѣднику.—Я извѣстила ихъ о вашемъ пріѣздѣ, и вѣроятно, они явились представиться вамъ. Желаете, я прикажу просить ихъ сюда?

— Сдѣлайте одолженіе, — отвѣтилъ г. Глоагэнъ, немного удивленный такимъ дѣловымъ посѣщеніемъ въ такое время дня.

Но мистриссъ О'Моллой объявила, что часъ этотъ для дѣлового визита не имѣетъ ничего необычайнаго по мѣстнымъ обычаямъ, такъ какъ въ Калькуттѣ всѣ дѣла обдѣлываются или раннимъ утромъ, или же поздно вечеромъ, потому что въ теченіе дня нестерпимая жара мѣшаетъ всякимъ дѣламъ. Но чего не сказала мистриссъ О'Моллой, такъ это-то, что она сгорала отъ нетерпѣнія узнать всѣ подробности завѣщанія покойнаго, что наложеніе печатей на его бумагахъ особенно возбудило ея любопытство и что она отправила Кхасджи къ этимъ гг. повѣреннымъ съ настоятельной просьбой явиться сюда безотлагательно.

— Попросите этихъ господъ сейчасъ сюда! — сказала она.

Кхасджи повернулся на каблукахъ и, сдѣлавъ полъ оборота, вышелъ мѣрнымъ шагомъ, какъ будто подъ звукъ барабана.

Вскорѣ въ гостиную вошли и оба повѣренные, которыхъ г-жа О'Моллой тотчасъ же поспѣшила представить г-ну Глоагэнъ. Какъ почти всѣ юристы цѣлаго свѣта, повѣренные, адвокаты, нотаріусы и т. д., эти господа были оба чисто выбриты, носили крошечныя бакенбарды котлетками, длиннополые черные сюртуки новѣйшаго покроя, туго накрахмаленные воротнички, множество увѣсистыхъ брелоковъ. У каждаго изъ нихъ былъ кожаный портфель подъ мышкой и любезно заискивающая улыбка на устахъ, смѣнявшаяся, смотря по обстоятельствамъ, строгой торжественностью. Мистеръ Сельби, стар-

шій изъ компаніоновъ, обладалъ густой бѣлокурой шевелюрой и носилъ черепаховый лорнетъ и перстень на лѣвой рукѣ, тогда какъ мистеръ Грахамъ, младшій, былъ лысъ и носилъ очки.

Когда они вошли, Флорэнсъ и Шандо вышли, а Поль-Луи счелъ нужнымъ послѣдовать ихъ примѣру. Г-жа О'Моллой также собиралась выдти, хотя и противъ своего внутренняго желанія, но г. Глоагэнъ попросилъ ее остаться, на что она, конечно, съ особымъ удовольствіемъ согласилась.

Первымъ заговорилъ мистеръ Грахамъ на ломаномъ французскомъ языкѣ. Онъ объяснилъ, что, согласно завѣщанію полковника Робинзона, онъ и его компаніонъ распорядились закрыть деревянными ставнями окна и двери кабинета покойнаго, въ которомъ находятся его бумаги, и наложили печати, а теперь, по первому его требованію, готовы снять эти печати въ его присутствіи.

— Сегодня же?—спросилъ археологъ.

— Даже сію минуту! Мы вручимъ вамъ всѣ его бумаги и дѣло наше будетъ кончено!

— Но вѣдь при этомъ необходимо присутствіе какого-нибудь чина полиціи!—замѣтилъ и Глоагэнъ.

На это ему возразили, что здѣсь этого вовсе не требовалось, такъ какъ повѣренные уполномочивались мѣстнымъ закономъ къ снятію печатей. Послѣ этого оставалось только направиться къ кабинету и приступить къ снятію печатей.

Осмотрѣвъ всѣ печати и убѣдившись, что всѣ онѣ нетронуты, гг. Сельби и Грахамъ взломали печати, Кхасджи вставилъ ключъ въ замокъ и, повернувъ его два раза, отворилъ дверь.

Струя горячаго воздуха пахнула въ лицо присутствующимъ. Громадная комната, съ заколоченными ставнями окнами, остававшаяся запертой въ продолженіе цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ, производила какое-то странное впечатлѣніе, хотя все въ ней оставалось въ томъ видѣ, какъ ее оставилъ полковникъ Робинзонъ, т. е. всякая вещь лежала и стояла на своемъ мѣстѣ. Книги—въ полномъ порядкѣ въ громадныхъ библіотечныхъ шка-

фахъ, огромныя папки и альбомы съ серебряными наугольниками и застежками—на складныхъ табуреточкахъ, чернаго дерева ящики для записокъ и образцовъ—на полкахъ и кронштейнахъ и высокое красивое бюро—посреди комнаты.

Прежде всего вниманіе г. Глоагэна было привлечено обломками мрамора и старинныхъ бронзъ, разложенными повсюду на столахъ и этажеркахъ. Почти всѣ они могли быть отнесены къ образцамъ индѣйскихъ археологическихъ древностей, а нѣкоторые даже къ временамъ до-историческаго камбоджійскаго искусства. Въ общемъ, г. Глоагэнъ сразу почувствовалъ себя въ родной его сердцу сферѣ, среди предметовъ, представлявшихъ для него особый интересъ, вслѣдствіе чего онъ слѣдилъ съ живѣйшимъ участіемъ за процедурой, продѣлываемой гг. повѣренными.

— Надо полагать, что всѣ важнѣйшія бумаги покойникъ хранилъ въ своемъ бюро,— сказалъ мистеръ Грахамъ, — а потому, если вы того желаете, милостивый государь, мы начнемъ просмотръ именно съ того, что находится здѣсь!

Г. Глоагэнъ выразилъ свое полное согласіе, и тогда г. Сельби, доставъ изъ кармана связку ключей, поспѣшилъ отомкнуть бюро.

Внутренній ящикъ и первые два ящичка, повидимому, не содержали ничего сколько-нибудь важнаго. Но, приподнявъ доску самого бюро, гг. повѣренные обнаружили потайной ящикъ, на днѣ котораго лежалъ большого формата конвертъ, адресованный на имя г. Глоагэнъ и носившій кромѣ того слѣдующую подпись: «Это мое археологическое завѣщаніе. Ж. П. К. Робинзонъ».

Повѣренный поспѣшилъ вручить этотъ конвертъ г-ну Глоагэнъ, который тотчасъ же вскрылъ его, подойдя къ лампѣ, между тѣмъ какъ осмотръ продолжался.

Въ конвертѣ оказалось: во-первыхъ, маленькій сафьяновый портфель, спеціально сдѣланный для тонкой золотой пластинки величиною приблизительно около одного квадратнаго дециметра, съ полуизгладившимися начертаніями какихъ-то фигуръ. Во-вторыхъ, какая-то рукопись, состоявшая изъ сотни страницъ,

исписанныхъ мелкимъ почеркомъ покойнаго съ рисунками перомъ, исполненными имъ же; въ третьихъ, записка, обращенная къ г. Глоагэнъ, которую тотъ пробѣжалъ тотчасъ же.

«Г-ну Бенжамэнъ Глоагэнъ.

Калькутта, 19 марта 1882 г.

Дорогой зять!

«Если я не ошибся въ васъ, то вы, вѣроятно, лично прiѣдете сюда, какъ я и просилъ васъ о томъ въ своемъ письмѣ, принять завѣщанное мною вамъ научное наслѣдiе. Но въ случаѣ, если бы непредвидѣнныя препятствiя помѣшали вашему прiѣзду, то гг. Сельби и Грахамъ, безъ сомнѣнiя, препроводятъ къ вамъ этотъ пакетъ. Самаго поверхностнаго взгляда на эту золотую пластинку будетъ уже совершенно достаточно, чтобы оцѣнить ея громадное значенiе.

«Это—единственный въ своемъ родѣ памятникъ древности, найденный мною въ подземельѣ мечети Рамъ-Могумъ, близъ Кандагара. Я убѣжденъ, что это древнѣйшiя письмена, какiя нынѣ существуютъ еще на землѣ.

«По извѣстнымъ политическимъ причинамъ я былъ принужденъ сохранять эту находку въ тайнѣ. Причины эти изложены мною подробно въ моей рукописи, но достаточно знать, что эта золотая пластинка, заключавшаяся въ особаго рода каменномъ ящикѣ и на которую магометане смотрятъ, какъ на наслѣдiе одного изъ древнѣйшихъ своихъ марабутовъ, является въ глазахъ этого народа великою святыней, извѣстною среди магометанъ подъ названiемъ Зраимфъ (Zraimph). Узнай о моей находкѣ британское правительство, оно, вѣроятно, принудило бы меня возвратить этотъ священный въ глазахъ афганцевъ предметъ этому дикому народу, который по настоящее время не подозрѣваетъ еще исчезновенiя своей святыни.

«Я же присвоилъ ее себѣ во имя науки съ опасностью жизни, какъ единственный трофей побѣды, одержанной моимъ полкомъ надъ разбойниками Кандагара. Афганцы же, собственно говоря, не имѣютъ даже никакихъ законныхъ правъ на обладанiе этою святыней.

«Она принадлежитъ древнѣйшей цивилизаціи и является святыней болѣе древней религіи, чѣмъ магометанская, а потому принадлежитъ прежде всего исторіи и человѣчеству.

«На этомъ-то основаніи я и рѣшилъ удержать ее у себя по крайней мѣрѣ до того времени, когда окончательно сумѣю разобрать эти начертанія, а затѣмъ увезу ее въ Англію и самъ лично помѣщу ее въ британскомъ музеѣ. И вотъ тогда-то мы увидимъ, присудитъ ли европейскій ученый міръ вернуть эту драгоцѣнную историческую и археологическую рѣдкость негодяямъ, перебившимъ у меня столько славныхъ солдатъ!

«Если же мнѣ не суждено довести до конца эту работу истолкованія и перевода надписи, сохранившейся на этой пластинкѣ, то препоручаю довершеніе этого труда вамъ, дорогой мой и уважаемый зять. Въ такомъ случаѣ вы будете располагать этой золотой пластинкой, какъ вамъ заблагоразсудится.

«Какъ вы увидите изъ моей рукописи, при семъ прилагаемой, я считаю пластинку эту золотой, относящейся ко времени всемірнаго потопа или какого-либо первобытнаго переворота—увѣренный, что это памятникъ халдейской письменности. Завѣщаю вамъ это сокровище, какъ завѣщаю вамъ своихъ дѣтей и мои бумаги, а главнымъ образомъ мои записки и документы, относящіеся къ древностямъ Камбоджи.

Подписалъ: Ж. П. К. Робинзонъ».

При чтеніи этой записочки сердце г. Глоагэнъ билось отъ волненія и радости, понятныхъ только ученому. Прежде чѣмъ убрать драгоцѣнный портфель во внутренній карманъ своего сюртука, ему захотѣлось еще разъ взглянуть на драгоцѣнную пластинку, и онъ приблизилъ открытый портфель къ лампѣ, стоявшей подлѣ него.

Съ перваго же взгляда г. Глоагэнъ призналъ несомнѣнную справедливость предположеній покойнаго зятя своего. Какъ знатокъ халдейской письменности, онъ сразу призналъ знакомыя линіи и, что еще того важнѣе, успѣлъ замѣтить, что нѣкоторые изъ знаковъ на золотой пластинкѣ, казалось, были тѣ же самые, что и знаки друидскаго зодіака! Какое богатое поле для

всякаго рода изысканій и изслѣдованій!.. Сердце археолога переполнилось радостью, онъ готовъ былъ простоять цѣлый часъ въ созерцаніи золотой пластинки, но спохватился, что пора и ему принять болѣе дѣятельное участіе въ дальнѣйшемъ осмотрѣ, и потому, бережно свернувъ портфель, онъ запряталъ его въ свой внутренній боковой карманъ.

Вдругъ онъ совершенно случайно замѣтилъ, что глаза Кхасджи, устремленные на него, выражали не то жалость, не то ужасъ.

— Ну, что, милѣйшій? — сказалъ онъ ему по-англійски, какъ могъ,—развѣ тебѣ знакома эта пластинка?

Кхасджи печально опустилъ голову.

— Знакома ли она мнѣ?—сказалъ онъ глухимъ голосомъ.— Вѣдь я же былъ съ полковникомъ, когда онъ взялъ эту пластинку, и будь проклятъ день, когда онъ взялъ ее, потому что она была причиной его смерти, и я увѣренъ въ томъ, станетъ причиной смерти его дѣтей и даже вашей!..

— Полноте, любезный! все это суевѣрія, недостойныя стараго солдата!—ласково сказалъ г. Глоагэнъ.—Какъ можете вы вѣрить тому, что обладаніе маленькой золотой пластинкой грозитъ смертью тому, кто владѣетъ ею?

— Я не могу вамъ объяснить, почему именно, — сказалъ Кхасджи, почесывая за ухомъ, — я простой солдатъ, но что я знаю, то знаю, и никто не выбьетъ у меня изъ головы, что отъ этой проклятой вещицы произошла смерть полковника и произойдетъ еще немало несчастій...

— Бѣдняга!—подумалъ г. Глоагэнъ, не придавая особаго значенія словамъ Кхасджи и намѣреваясь при случаѣ разспросить его о нѣкоторыхъ подробностяхъ находки этой пластинки,—какъ много суевѣрія у этихъ азіатовъ!—и видя, что г-жа О'Моллой съ особымъ напряженнымъ любопытствомъ слѣдитъ за нимъ и за бывшимъ солдатомъ, онъ подошелъ къ ней.

Между тѣмъ оба повѣренные продолжали свое дѣло, стараясь поскорѣе избавиться отъ возложенной на нихъ отвѣтственности; они, согласно установленному порядку, открывали одинъ за другимъ всѣ ящики, тетради и витрины. Самого поверхно-

стнаго осмотра было достаточно для того, чтобы г. Глоагэнъ могъ убѣдиться, что здѣсь собраны цѣлыя сокровища образцовъ и матеріаловъ для археолога, особенно же для археолога, заинтересованнаго архитектурой кмеровъ. Конечно, о болѣе тщательномъ осмотрѣ всѣхъ этихъ сокровищъ въ данный моментъ не могло быть и рѣчи, да и кромѣ того главная цѣль его поѣздки была уже достигнута, такъ какъ добавленіе къ завѣщанію полковника Робинзона было теперь отыскано и вручено по назначенію.

Г. Глоагэнъ далъ гг. повѣреннымъ росписку въ полученіи отъ нихъ всего, что ему слѣдовало получить по завѣщанію его покойнаго зятя, и затѣмъ всѣ вернулись въ гостиную, предоставивъ Кхасджи снова запереть окна и двери рабочаго кабинета покойнаго полковника Робинзона.

Вернувшись въ гостиную г. Глоагэнъ получилъ изъ рукъ повѣренныхъ всѣ денежные и иные документы покойнаго и, выдавъ имъ росписки, поручилъ имъ препроводить все это къ его нотаріусу въ Парижъ, затѣмъ, покончивъ съ дѣлами, всѣ сдѣлали честь шербетамъ и другимъ прохладительнымъ, послѣ чего оба повѣренные вскорѣ откланялись и удалились.

Едва успѣлъ затихнуть шумъ ихъ шаговъ въ вестибюлѣ, какъ мистриссъ О'Моллой поспѣшно подсѣла къ г. Глоагэнъ, какъ бы желая сказать этимъ: «ну, наконецъ-то, мы одни и вы теперь разскажете мнѣ, что заключалось въ этой знаменитой припискѣ, или добавленіи къ завѣщанію покойнаго».

Но увы! г. Глоагэнъ оказался не сообщительнымъ и даже на ея прямой вопросъ отвѣчалъ, что, повидимому, археологическое наслѣдіе, оставленное полковникомъ Робинзономъ, представляетъ собою громадный интересъ для всего ученаго міра и что на одно ознакомленіе съ содержаніемъ его коллекцій, рукописей и папокъ съ рисунками потребуется нѣсколько мѣсяцевъ. Потому-то, не видя никакой возможности заняться этимъ осмотромъ здѣсь, въ Калькуттѣ, онъ рѣшилъ съ завтрашняго-же дня озаботиться укладкой и отправленіемъ всѣхъ этихъ сокровищъ въ Парижъ.

— Такимъ образомъ я избавлюсь отъ заботы о всѣхъ этихъ

коллекціяхъ и бумагахъ и буду болѣе свободенъ располагать собою во время моего пребыванія въ Индіи, такъ какъ вы, я надѣюсь, не думаете, что мы съ сыномъ станемъ злоупотреблять вашимъ любезнымъ гостепріимствомъ. А такъ какъ дѣла наши здѣсь покончены, то самое лучшее для насъ воспользоваться остающимся въ нашемъ распоряженіи временемъ, чтобы посѣтить наиболѣе интересныя мѣста Индіи.

— Ужъ не намѣрены-ли и вы отправиться въ Камбоджу?— спросила мистриссъ О'Моллой.

— Увы, я полагаю, что намъ придется отказаться отъ этого намѣренія. Кохинхина и Калькутта на картѣ какъ будто близко, но на самомъ дѣлѣ съ береговъ Ганга и до Сайгона цѣлое громадное путешествіе... Я полагаю, что лучше всего будетъ, если мы удовольствуемся простой попутной экскурсіей, тѣмъ болѣе, что вѣдь и Флорэнсъ, и Чандосъ должны будутъ отправиться вмѣстѣ съ нами въ Европу, а потому думаю, что мы отправимся изъ Калькуты на Бомбей, на что потребуется по меньшей мѣрѣ шесть недѣль времени, и за это время успѣемъ, вѣроятно, повидать не мало индѣйскихъ достопримѣчательностей: Бенаресъ, Аллагабадъ, Лукновъ, Дели, Агра, Джейнуръ, Барсунъ, Суратъ, Эллора...

— Не болѣе, какъ простая прогулка! — засмѣялась г-жа О'Моллой.

— О, я отказался отъ многаго изъ моего первоначальнаго плана,—продолжалъ г. Глоагэнъ, внутренно улыбаясь и прижимая плотнѣе къ сердцу безцѣнную золотую пластинку. — Если мнѣ только посчастливится увидѣть хоть нѣкоторые изъ этихъ знаменитыхъ памятниковъ древности, то я буду считать себя вполнѣ удовлетвореннымъ. А моя программа, какъ я надѣюсь, дастъ намъ возможность видѣть Джагернаутскій храмъ идола Мандаръ близъ Багальгора и знаменитую лѣстницу Сешнага и воплощеніе Вишну подъ видомъ медвѣдя въ Удчири, развалины дворца Ранакхумбонъ въ Шитторѣ и подземелье Эллора, и гротъ львовъ, и сотни другихъ классическихъ чудесъ. И право, надо быть черезчуръ требовательнымъ, чтобы не удовольствоваться такою программой. Не говоря уже о

томъ, что такимъ образомъ мы значительно сократимъ наше путешествіе моремъ, сѣвъ на корабль не въ Калькуттѣ, а въ Бомбеѣ.

Мистриссъ О'Моллой, чрезвычайно огорченная тѣмъ, что разговоръ удалился отъ темы приписки къ завѣщанію, пыталась направить его на эту интересную для нее тему, заговоривъ о смерти полковника Робинзона.

— Я часто спрашиваю себя, неужели покойный другъ нашъ никогда не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія относительно того, какого характера была вражда, такъ упорно преслѣдовавшая его... Онъ ничего не говоритъ объ этомъ въ своемъ добавленіи къ завѣщанію?..

— Рѣшительно ничего! Въ этой бумагѣ говорится исключительно о научныхъ вопросахъ.

— Дѣло въ томъ, что если покойный оставилъ какія-либо указанія, могущія служить путеводною нитью для розыска его убійцъ, то нашей священной обязанностью было бы передать ихъ въ руки правосудія, — продолжала мистриссъ О'Моллой. Что онъ умеръ насильственною смертью, это не подлежитъ сомнѣнію; кстати, если это не скромно съ моей стороны, что говорилъ вамъ по этому поводу Кхаджи? Я увѣрена, что онъ высказывалъ вамъ свои безумныя опасенія относительно Шандо!

— Относительно Шандо? Нѣтъ, онъ не говорилъ именно о немъ, но онъ, повидимому, вѣритъ въ существованіе какой-то несомнѣнной опасности, поразившей уже полковника Робинзона и грозящей также и его дѣтямъ, и мнѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Но главнымъ образомъ онъ опасается за Шандо — можете себѣ представить, онъ никогда не спускаетъ съ него глазъ и даже спитъ у порога его комнаты... и его ничѣмъ нельзя разубѣдить въ томъ, что этому мальчику грозитъ ежеминутно какая-то невидимая опасность, вслѣдствіи того, что съ нимъ за послѣднее время случилось нѣсколько такихъ приключеній, какія случаются со всѣми мальчуганами его лѣтъ,— въ родѣ того, что подъ нимъ подломилась трапеція, что онъ свалился съ лошади и т. п.

У г. Глоагэнъ вдругъ пробѣжала дрожь по тѣлу; ему

вспомнилось при этомъ утреннее происшествіе, и это странное совпаденіе невольно поразило его.

— Скажите, съ Шандо дѣйствительно случилось за последнее время нѣсколько такихъ случаевъ? уже послѣ смерти его отца? да?

— Ну да, пустяшные случаи, какіе бываютъ положитеrьно со всѣми...

— Да, но сегодняшній случай носилъ какой-то особенный характеръ! — задумчиво произнесъ вполголоса г. Глоагэнъ, какъ бы говоря самъ съ собою.

— Сегодняшній случай! Какой? — тревожно спросила г-жа О'Моллой.—Сегодня съ нимъ опять что-то случилось, и я ничего не знаю объ этомъ!—На это г. Глоагэнъ разсказалъ о случившемся и о странномъ поведеніи виновнаго, который даже не обернулся назадъ, опрокинувъ лодку Шандо и, повидимому, сдѣлалъ это умышленно.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, это ужасно странно, — сказала мистриссъ О'Моллой, — и какъ это я до сихъ поръ ничего не знала объ этомъ? Да гдѣ-же они, эти дѣти?—засуетилась она, видимо, встревоженная ихъ отсутствіемъ.

И быстро поднявшись съ мѣста, она порывисто нажала кнопку звонка. Оказалось, что миссъ Флорэнсъ, Поль-Луи и Шандо весело болтаютъ между собой въ смежной маленькой гостиной; всѣ три вошли въ большую гостиную веселые, смѣющіеся и цвѣтущіе, такъ что при одномъ взглядѣ на нихъ невольно отлетали всякія мрачныя мысли.

Одна и же мысль мелькнула одновременно въ головѣ г. Глоагэнъ и мистриссъ О'Моллой,—и они невольно обмѣнялись сочувственной улыбкой.

— Вотъ что значитъ страхъ-то! Не даромъ видно говорятъ, что у страха глаза велики! Чего то только не представится?.. Такъ какъ было уже поздно, и гости мистриссъ О'Моллой нуждались въ отдыхѣ послѣ столь продолжительнаго путешествія, то вскорѣ всѣ распрощались и разстались на главной площадкѣ широкой мраморной лѣстницы: дамы направились въ свои спальни, выходившія окнами въ паркъ, или, вѣрнѣе, на веранду

перваго этажа, а г. Глоагэнъ, Поль-Луи и Шандо — въ противоположную сторону, предназначенную длл мужскихъ спаленъ, выходившихъ окнами на передній народный дворъ.

— А вотъ и Кхасджи притащилъ свои матрасы! — смѣясь, замѣтилъ Шандо, указывая на два половичка, скатанные у дверей его комнаты.—Представьте себѣ, онъ во время походовъ привыкъ спать на голой землѣ и съ тѣхъ поръ не можетъ отвыкнуть!.. Покойной ночи, дядя! пріятнаго сна, кузенъ!..

V. Человѣкъ съ коброй.

Въ домѣ всѣ спали крѣпкимъ сномъ. И самый домъ, и смежная съ нимъ казарма погрузились во мракъ, повсюду царили полнѣйшая тишина и покой. Пробило два часа ночи, когда въ чащѣ зеленыхъ кустовъ, въ глубинѣ парка, что-то зашевелилось, и изъ-подъ густой завѣсы крѣпко сплетенныхъ между собой ползучихъ растеній и вьюновъ, опутавшихъ вѣтви кардамона, высунулась чья-то темнокожая голова съ парой блестѣвшихъ особымъ фосфорическимъ блескомъ глазъ, похожихъ на глаза дикой кошки.

Въ первую минуту высунувшаяся голова оставалась совершенно неподвижной, прислушиваясь къ ночной тишинѣ, впиваясь жаднымъ взглядомъ въ окружающій мракъ ночи. Затѣмъ появилась мускулистая шея, широкія мощныя плечи, и вдругъ изъ кустовъ на песокъ дорожки выскочилъ громаднымъ легкимъ прыжкомъ, точно пантера, почти совершенно нагой человѣкъ.

Все одѣяніе его состояло изъ коричневаго пояса, тѣсно прилегавшаго къ бедрамъ, между тѣмъ какъ ноги и весь верхній корпусъ, точно такъ же какъ и голова, оставались ничѣмъ не покрытыми. На головѣ онъ несъ мѣшокъ, тщательно завязанный и казавшійся одновременно и пустымъ, и содержащимъ какое-то живое существо, шевелившееся въ немъ.

Человѣкъ этотъ только мелькнулъ, какъ лучъ молніи, на свѣтлой полосѣ дорожки, залитой луннымъ свѣтомъ, потомъ снова

скрылся въ тѣни кустовъ и деревьевъ и сталъ осторожно пробираться далѣе до широкой прямой аллеи, идущей вдоль стѣны флигеля, занимаемаго маіоромъ О'Моллой и его гостями. Здѣсь онъ на минуту пріостановился, какъ бы рѣшая вопросъ, съ какого пункта вести аттаку.

Весь задній фасадъ дома былъ залитъ ослѣпительно яркимъ свѣтомъ полной луны; только въ одномъ мѣстѣ выдающійся уголъ смежной казармы бросалъ черную тѣнь, точно громадное пятно, на фасадъ флигеля. Веранда, на которую выходили окна перваго этажа, какъ разъ оканчивалась въ томъ мѣстѣ, гдѣ свѣтъ граничилъ съ мракомъ. Взглядъ темнокожаго человѣка остановился именно на этой верандѣ; очевидно, онъ считалъ ее наиболѣе удобнымъ мѣстомъ для своихъ цѣлей.

Широкая водосточная труба, какія всегда устраиваютъ въ этихъ тропическихъ странахъ, гдѣ страшные ливни въ дождливое время года смѣняютъ такую-же засуху, шла вдоль внутренняго угла зданія, и массивныя желѣзныя скрѣпны, придерживавшія эту трубу, показались отважному туземцу удобнѣйшею лѣстницей.

Съ минуту онъ опять оставался неподвижнымъ, прислушиваясь и присматриваясь къ окружающей темнотѣ; затѣмъ однимъ скачкомъ очутился у трубы. Захвативъ въ зубы связанные концы мѣшка, человѣкъ этотъ съ ловкостью и проворствомъ кошки сталъ взбираться съ помощью рукъ и ногъ. Менѣе чѣмъ въ десять секундъ онъ очутился уже на одномъ уровнѣ съ верандой на разстояніи какихъ-нибудь двухъ метровъ отъ перилъ. Онъ присѣлъ на ногахъ, собираясь сдѣлать прыжокъ, и затѣмъ однимъ махомъ очутился по другую сторону перилъ веранды. Привставши на корточкахъ, не вставая на ноги, онъ легъ на брюхо и сталъ ползкомъ подвигаться вдоль перилъ, въ ихъ рѣшетчатой тѣни. Весь фокусъ его удивительно ловкой гимнастической продѣлки заключался въ томъ, что онъ не произвелъ при этомъ ни малѣйшаго шума.

Какъ разъ въ этотъ моментъ внизу послышался мѣрный солдатскій шагъ и лязгъ оружія: шелъ обходъ и смѣна часовыхъ. Человѣкъ на верандѣ притаился и сквозь рѣшетку дере-

вянной рѣзной балюстрады наблюдалъ за тѣмъ, что происходило внизу.

Онъ выждалъ, когда караулъ, смѣнивъ часовыхъ, совершенно удалился, въ разсчетѣ, что теперь ему ничто не помѣшаетъ; но увы, оказалось, что новый часовой, смѣнившій прежняго, вмѣсто того чтобы прохаживаться мѣрнымъ шагомъ вдоль зданія, избралъ для своихъ прогулокъ боковую аллею и, очевидно, изъ пристрастія къ лунному свѣту, дѣлалъ не болѣе пяти шести шаговъ въ тѣни, а остальные сорокъ шаговъ на свѣту, вслѣдствіе чего онъ скрывался изъ вида всего на какія нибудь десять секундъ, а оставался на виду въ теченіе цѣлыхъ трехъ или четырехъ минутъ, и судя по всему, не только былъ виденъ другимъ, но и самъ могъ все видѣть.

Повидимому, обстоятельство это сильно огорчило человѣка съ мѣшкомъ. Лежа плашмя на животѣ, онъ размышлялъ, что ему дѣлать, и пришелъ къ заключенію, что при такихъ условіяхъ для него будетъ одинаково трудно, какъ вернуться обратно въ паркъ, такъ и продолжать свое путешествіе по галлереѣ. Необходимо было дождаться, пока не смѣнится этотъ часовой или не перестанетъ расхаживать въ избранномъ имъ направленіи, или же пока луна не скроется за стѣною сосѣдняго зданія. На все это могло потребоваться не менѣе двухъ-трехъ часовъ выжиданія; но можно ли ему было безнаказанно оставаться столько времени здѣсь, на этой верандѣ, и, быть можетъ, даже дожидаться здѣсь разсвѣта? Тѣмъ не менѣе другого выбора не было, и человѣкъ съ мѣшкомъ, волей не волей, долженъ былъ примириться съ этимъ.

Прошло около часа съ того момента, какъ подкрадывавшійся человѣкъ неподвижно оставался на мѣстѣ, притаившись въ своей неудобной позѣ, когда часовой, которому, наконецъ, наскучило ходить взадъ и впередъ по аллеѣ, остановился въ тѣни и не сталъ болѣе показываться на свѣту. Не теряя ни минуты, человѣкъ на верандѣ поползъ дальше на колѣняхъ, осторожно прижимаясь къ периламъ и подвигаясь вдоль галлереи. Изъ широко раскрытыхъ большихъ оконъ, доходившихъ до пола и задернутыхъ легкими газовыми занавѣсками, доносился слабый

звукъ равномѣрнаго дыханія спящихъ. Весь домъ спалъ крѣпкимъ сномъ. Передъ однимъ изъ такихъ большихъ оконъ человѣкъ съ мѣшкомъ остановился и заглянулъ въ него. Въ глубинѣ комнаты, освѣщенной слабымъ свѣтомъ ночника подъ голубымъ шелковымъ абажуромъ, виднѣлось смутное очертаніе какой-то граціозной женской фигуры въ длинной свѣтло-сѣрой шелковой ночной блузѣ, мягкими складками облегавшей спящую, окутанную прозрачной бѣлой дымкой тонкаго кисейнаго полога. Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе граціозное, болѣе чарующее, чѣмъ этотъ милый образъ мирно спящей дѣвушки при мягкомъ ласкающемъ свѣтѣ голубого ночника.

Человѣкъ на верандѣ притаилъ дыханіе и прислушался, желая убѣдиться, что часовой его не замѣтилъ, что движеніе его не возбудило ничьего подозрѣнія. Затѣмъ онъ осторожно просунулъ голову подъ край сторы и сталъ жадно вглядываться въ полумракъ комнаты. Глаза его сверкнули злобной радостью, злая усмѣшка скривила его ротъ; осторожно развязавъ мѣшокъ, который онъ волочилъ за собой, онъ просунулъ его подъ газовую занавѣску въ комнату спящей дѣвушки и проворно выворотилъ мѣшокъ, при чемъ изъ него вывалился и съ глухимъ шумомъ ударился объ полъ, устланный циновками, какой-то черный клубокъ.

Свернувъ жгутомъ пустой мѣшокъ, ночной посѣтитель, не теряя ни секунды, поползъ обратно, направляясь къ тому мѣсту веранды, откуда онъ могъ добраться до той водосточной трубы, по которой онъ взобрался сюда. Тѣмъ временемъ луна успѣла уже спуститься ниже, и тѣнь отъ сосѣднихъ строеній замѣтно удлинилась. Человѣкъ съ мѣшкомъ счелъ этотъ моментъ наиболѣе благопріятнымъ для своего побѣга и, однимъ прыжкомъ перемахнувъ черезъ перила, очутился на водосточной трубѣ, въ которую онъ вцѣпился, точно клещами, своими сильными мускулистыми руками и ногами и въ одно мгновеніе спустился по ней.

Въ тотъ моментъ, когда онъ готовился однимъ прыжкомъ перескочить освѣщенную луною аллею и скрыться въ кустахъ, отчаянный крикъ ужаса, нечеловѣческій крикъ раздался въ

ночной тишинѣ. Пробужденный отъ своей дремоты часовой невольно содрогнулся при этомъ крикѣ и едва успѣлъ добѣжать до угла флигеля, какъ въ нѣсколькихъ шагахъ передъ нимъ какая-то черная тѣнь промелькнула черезъ аллею и скрылась въ чащѣ кустовъ. Часовой едва успѣлъ крикнуть: «Кто идетъ»? и, не получивъ отвѣта, выстрѣлилъ на угадъ въ кусты, куда только что успѣла скрыться промелькнувшая тѣнь.

Все это произошло въ какихъ-нибудь двѣ три секунды, а тѣмъ временемъ крики ужаса и отчаянія въ первомъ этажѣ флигеля продолжались. Всѣ въ домѣ проснулись, засуетились, стали сбѣгаться люди, солдаты на посту въ казармѣ схватились за оружіе, повсюду замелькали огни. На верандѣ стали появляться люди, спѣшившіе на крикъ, не перестававшій, а все усиливающійся съ минуты на минуту, къ комнатѣ миссъ Флорэнсъ, той самой комнатѣ, которую освѣщалъ своимъ мирнымъ ласковымъ свѣтомъ голубой ночникъ.

Первымъ вбѣжалъ вѣрный Кхасджи, и ужасающее зрѣлище представилось его глазамъ; вслѣдъ за нимъ прибѣжали и мистриссъ О'Моллой, и горничныя, и г-нъ Глоагенъ, а за ними Шандо и Поль-Луи, а послѣ всѣхъ и слуги туземцы.

На пестрыхъ цыновкахъ Раки, любимая обезьянка Флорэнсъ, извивалась въ предсмертныхъ корчахъ ужасной агоніи, обвитая кольцами отвратительной черной змѣи изъ породы кобръ. Несчастное маленькое животное, сдавленное сильными кольцами змѣи, искусанное его ядовитыми зубами, не имѣло даже силы кричать и сопротивляться! Теперь уже кричала обезумѣвшая отъ ужаса и горя Флорэнсъ, призывавшая весь домъ на помощь, не будучи въ состояніи сама помочь своей несчастной любимицѣ. Разумнѣе, конечно, было бы бѣжать, какъ можно скорѣе, отъ страшной опасности, грозившей ей, отъ которой ее спасла бѣдная маленькая обезьянка, ставъ жертвой страшнаго гада.

Кобра-найа, которую называютъ также кобра-капелла, или очковая змѣя, безъ сомнѣнія, самая ужаснѣйшая изъ всѣхъ видовъ змѣй, такъ какъ ядъ ея не поддается никакимъ противо-

ядіямъ и настолько силенъ, что въ 12 минутъ убиваетъ самаго сильнаго и здороваго человѣка.

Къ счастію, Кхасджи былъ здѣсь. Не сказавъ ни слова, не проявивъ ни единымъ звукомъ чувства ужаса или удивленія, онъ схватилъ въ свои мощныя объятія обезумѣвшую дѣвушку и унесъ ее изъ комнаты, какъ ребенка. Затѣмъ, вернувшись назадъ, онъ схватилъ попавшуюся ему подъ руку забытую на креслѣ шелковую шаль и накинулъ ее на извивающуюся черную массу, а затѣмъ кинулся къ окну и, преграждая доступъ въ комнату сбѣжавшимся на крики людямъ, громко крикнулъ: —Не входите никто! Миссъ Флорри спасена!..—потомъ обращаясь къ слугамъ, приказалъ,—скорѣе сюда чашку съ молокомъ и дудку или музыкантсткій рожкоъ изъ казармы! живо!.. нельзя терять ни минуты!

Почти тотчасъ-же явилось то и другое. Поставивъ чашку съ молокомъ у окна, индусъ принялся наигрывать тихонько на дудкѣ какую-то однообразную, монотонную мелодію, прерываемую по временамъ рѣзкими пронзительными звуками. Вскорѣ край шелковой шали сталъ приподниматься, и плоская голова кобры высунулась изъ-подъ него, затѣмъ мало-по-малу отвратительный гадъ, покинувъ свою уже безжизненную жертву, выползъ весь изъ-подъ шали, невольно поддаваясь этому музыкальному призыву, какъ бы дѣйствительно зачарованный этими звуками. Движенія змѣи въ это время были до такой степени автоматичны, что, казалось, будто ее тянутъ какой-то невидимой нитью.

Въ тотъ моментъ, когда кобра доползла до чашки съ молокомъ, Кхасджи пересталъ насвистывать, и животное, почуявъ лакомый напитокъ, вытянуло шею и потянулось къ молоку. Но недолга была радость отвратительнаго гада, потому что мѣткая пуля Кхасджи, пущенная имъ почти въ упоръ въ голову змѣи, уложила ее на мѣстѣ. Тогда всѣ могли войти въ комнату и измѣрить страшную кобру, имѣвшую около 2-хъ аршинъ длины, и развернуть тѣло несчастной ея жертвы, успѣвшей уже похолодѣть.

Флорэнсъ, очнувшаяся отъ своего испуга, горько оплакивала

свою маленькую любимицу, а г-жа О'Моллой была положительно поражена случившимся. Всѣ инстиктивно сознавали, что это печальное происшествіе предотвратило собою другое, еще болѣе ужасное и трагическое. Между тѣмъ не только весь караулъ, но и всѣ люди въ казармѣ всполошились, разбуженные выстрѣломъ часового. Патрули обошли и обыскали весь паркъ и всѣ прилегающія къ нему земли и не нашли ничего, кромѣ пустого холщеваго мѣшка на дорожкѣ, идущей вдоль фасада флигеля. Тѣмъ не менѣе показаніе часового и это вещественное доказательство, не говоря уже о трупахъ кобры и Раки, несомнѣнно свидѣтельствовали о томъ, что какой-то невѣдомый врагъ прокрался въ домъ и умышленно принесъ сюда это страшное животное. Повидимому, вражда, тяготѣвшая надъ покойнымъ полковникомъ Робинзономъ, не умерла вмѣстѣ съ нимъ, а перенеслась и на его дѣтей. Кто же были эти безпощадные, безжалостные враги? Никто не имѣлъ о томъ ни малѣйшаго представленія.

Теперь всѣ собрались въ гостиной и держали совѣтъ по поводу послѣднихъ событій. Особенно встревоженной и перепуганной казалась мистриссъ О'Моллой.

— Нельзя терять ни минуты!—воскликнула она.—Надо, во что бы то ни стало, и какъ можно скорѣе, покинуть Индію, увезти отсюда этихъ двухъ бѣдныхъ дѣтей. Здѣсь имъ угрожаетъ на каждомъ шагу какая-нибудь страшная опасность, отъ которой мы не въ силахъ уберечь ихъ. Никто изъ насъ не знаетъ, откуда она намъ грозитъ, кто тѣ, которые держатъ въ своихъ рукахъ руководящія нити этого тайнаго заговора противъ ни въ чемъ не повинныхъ дѣтей? Но что имъ угрожаетъ здѣсь ежеминутно страшная опасность, это не подлежитъ сомнѣнію. Съ каждымъ днемъ покушенія на ихъ жизнь будутъ возобновляться до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не увѣнчаются успѣхомъ, какъ это было съ покойнымъ полковникомъ. Надо бѣжать отсюда, г. Глоагэнъ! Надо бѣжать сейчасъ же! Лучше я сама увезу отсюда этихъ дѣтей, сяду съ ними завтра же, нѣтъ, сегодня же на первое отходящее судно, чѣмъ допущу, чтобы они подвер-

гались ежеминутной страшной опасности умереть отъ руки неизвѣстнаго убійцы!..

— Я готовъ увезти ихъ немедленно отсюда,—сказалъ г. Глоагэнъ,—какъ вамъ извѣстно, таково было именно мое намѣреніе.

— Да, но надо покинуть не только Кальтутту, но и самую Индію. Надо, чтобы между этими дѣтьми и преслѣдующими ихъ врагами лежалъ цѣлый океанъ, иначе ихъ непримиримая злоба будетъ преслѣдовать этихъ несчастныхъ точно такъ же, какъ она преслѣдовала ихъ отца на всемъ громадномъ пространствѣ этой страны.

— Я согласенъ пожертвовать, если нужно, моимъ путешествіемъ въ Бомбей!—сказалъ г. Глоагэнъ.

Въ этотъ моментъ въ гостиную вошелъ и майоръ О'Моллой, котораго никто не видалъ со времени завтрака вчерашняго дня. Вѣстовому съ величайшимъ трудомъ удалось, наконецъ, разбудить его и объявить ему о случившемся. Онъ явился съ нависшими на глаза волосами, растрепанными усами, блѣдный, со впалыми щеками, едва держась на ногахъ.

— Что я слышу?..Новыя непріятности?..Эти люди не имѣютъ ни малѣйшаго сожалѣнія къ моей болѣзни... Если-бы они только знали, что значитъ, мучиться печенью...Здравствуйте, господа! Здравствуй, жена; дѣти, здравствуйте!.. Мнѣ вчера пришлось праздновать въ клубѣ производство двухъ моихъ товарищей, вотъ почему я былъ лишенъ удовольствія видѣть васъ.

Повидимому, видъ этой живой развалины еще болѣе возбудилъ нервы г-жи О'Моллой.

— О, проклятая страна! проклятая страна!—восклицала она въ припадкѣ нервнаго озлобленія,—покинемъ ее скорѣе всѣ... Мнѣ противны эти деревья, эти коричневыя лица, эта отравленная всякими ядами природа... Мнѣ кажется, что въ каждомъ изъ этихъ слугъ скрывается тайный убійца, что въ каждомъ стаканѣ питья отрава. Ахъ, маіоръ, уѣдемъ, уѣдемъ скорѣй отсюда!

— Но, милая моя...—робко возразилъ было майоръ.

— Не возражайте!.. не возражайте О'Моллой... если вы имѣете ко мнѣ какое-либо чувство, вы тотчасъ же отправитесь

въ свою комнату, надѣнете мундиръ и поѣдете сейчасъ-же къ вице-королю. Теперь четыре часа утра, черезъ часъ онъ васъ приметъ, вы попросите у него немедленнаго отпуска, и съ первымъ пароходомъ, даже съ первымъ парусным судномъ, которое будетъ отходить отсюда, мы покинемъ Индію!

Майоръ не пытался даже воспротивиться волѣ своей супруги. Онъ давно зналъ, что это будетъ безполезно. И потому, не сказавъ ни слова, онъ предоставилъ себя въ распоряженіе своихъ слугъ, одѣлся въ полную парадную форму, и спустя три четверти часа, снова явился въ гостиную на этотъ разъ уже въ полномъ блескѣ.

— Такъ это рѣшено, вы непремѣнно хотите уѣхать?—спросилъ онъ жену.

— Да да, и сегодня-же! Куда бы ни уѣхать, лишь бы уѣхать!—отозвалась Г-жа О'Моллой.

— Она, быть можетъ, и права... это, пожалуй, необходимо для моей печени,—сказалъ майоръ, глядя на г. Глоагэнъ, какъ бы желая оправдаться въ своемъ пассивномъ послушаніи.

И вслѣдъ за этой слабой попыткой выказать свою самостоятельность, майоръ отправился на аудіенцію къ вице-королю.

Съ его отъѣздомъ нервы г-жи О'Моллой стали по немногу успокаиваться. Разговоръ сталъ болѣе покойнымъ; г. Глоагэнъ не могъ не подтрунить надъ своими неудавшимися планами туриста.

— Какъ видно, мнѣ не суждено было видѣть ни подземелій Эмора ни Джаггернаутскаго храма, точно такъ же какъ не было суждено мнѣ увидѣть, въ бытность мою въ Египтѣ, развалинъ Ѳивъ и Мемфиса. Путешествіе это мнѣ придется повторить еще разъ... Но, позвольте васъ спросить, многоуважаемая мистриссъ О'Моллой, желаете-ли вы непременно отправиться прямо въ Европу, или, быть можетъ, считаете достаточнымъ покинуть Индію?

— О, мнѣ все равно, куда уѣхать, въ Европу или какую-либо другую страну. Главное—это покинуть Индію, во что бы то ни стало! Все остальное не важно!..

— О, въ такомъ случаѣ мы все можемъ совмѣстить!—ра-

достно воскликнулъ г. Глоагэнъ.—Какъ вамъ извѣстно, я намѣревался посѣтить Камбоджу, чтобы лично ознакомиться тамъ, на мѣстѣ, съ памятниками Кмерской архитектуры... итакъ, если вы не будете ничего имѣть противъ этого, мы сдѣлаемъ небольшой крюкъ и заглянемъ въ Кохинхину, вмѣсто того, чтобы направиться прямымъ путемъ въ Европу.

— Я ничего рѣшительно не имѣю противъ! - весело воскликнула мистриссъ О'Моллой, которая, какъ и всѣ ея соотечественницы, питала особую страсть къ путешествіямъ.—Я полагаю, что и майоръ не станетъ возражать противъ этого,—добавила она.

Всѣмъ было хорошо извѣстно, что его возраженій нечего было опасаться, и потому всѣ стали съ полной увѣренностью строить планы и обсуждать предстоящее путешествіе въ Камбоджъ. Всѣ страхи и опасенія недавняго времени безслѣдно изгладились подъ новымъ впечатлѣніемъ задуманнаго путешествія. Особенно былъ восхищенъ этимъ планомъ г. Глоагэнъ.

— Какъ знать, быть можетъ, обстоятельства принуждаютъ меня измѣнить свой планъ къ полному моему благополучію. Я, конечно, не безъ нѣкотораго сожалѣнія отказался бы отъ своего намѣренія посѣтить Индо-Китай. Весьма возможно, что именно тамъ мнѣ будетъ дано возстановить безпрерывную цѣпь послѣдовательности развитія арійской цивилизаціи...

Всѣ были въ наилучшемъ расположеніи духа, когда вернулся майоръ съ своимъ отпускомъ.

Завтракъ прошелъ весело и оживленно, затѣмъ Поль-Луи и Чандосъ пошли справиться о судахъ, отправляющихся изъ Калькутты, и узнали, что почтовый пароходъ, отправляющійся въ Шанхай съ заходомъ въ Сайгонъ, отходитъ именно сегодня въ шесть часовъ по полудни. Взяты были немедленно каюты для всѣхъ, въ томъ числѣ и для Кхасджи, съ которымъ молодежь не рѣшалась разстаться. Мистриссъ О'Моллой распустила всѣхъ своихъ туземныхъ слугъ съ небольшимъ вознагражденіемъ. Майоръ простился со своими сослуживцами по полку, извиняясь, что принужденъ оставить ихъ такимъ неожиданнымъ образомъ, такъ какъ его призываютъ въ Европу важныя дѣла, не терпящія отлагательства...

И затѣмъ всѣ занялись укладкой своихъ чемодановъ и сборами въ дорогу.

Наибольше хлопотъ въ этомъ отношенiи было, конечно, г. Глоагэнъ, такъ какъ ему нужно было собрать и уложить въ должномъ порядкѣ всѣ бумаги, записки и коллекцiи покойнаго полковника Робинзона, которые онъ собирался отправить прямымъ путемъ въ Парижъ. Онъ никогда не съумѣлъ бы справиться со всѣмъ этимъ дѣломъ безъ энергичнаго и дѣятельнаго содѣйствiя вѣрнаго Кхасджи. Къ шести часамъ пополудни все маленькое общество собралось на палубѣ *Декана* съ оружiемъ и багажемъ, а въ шесть часовъ пять минутъ пароходъ отошелъ отъ пристани.

Г. Глоагэнъ и Поль-Луи, облокотясь на перила, меланхолически смотрѣли за исчезавшей вдали набережной Калькутты и берегами Хугли.

— Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, не особенно продолжительное пребыванiе въ Индiи!—со вздохомъ вымолвилъ онъ,—всего то навсего тридцать шесть часовъ. Я сильно сомнѣваюсь, чтобы нашлось много такихъ путешественниковъ, которые бы покинули Парижъ ради столь непродолжительнаго посѣщенiя столь далекой страны.

Обернувшись, онъ увидѣлъ подлѣ себя Кхасджи, который также, но съ какимъ-то вызывающимъ видомъ, смотрѣлъ на исчезавшiе вдали минареты и купола Калькутты.

— Ну, что, Кхасджи, вы, вѣроятно, рады, что покинули эту страну и что тѣ, кто вамъ такъ дорогъ, также покинули ее?

— Да, конечно, я очень доволенъ,—отвѣтилъ старый солдатъ,—потому что убѣжденъ, что отъѣздъ этотъ былъ необходимъ, но...

— Но, что?—поспѣшилъ освѣдомиться г. Глоагэнъ—скажите мнѣ, что васъ смущаетъ?

— Но я буду только тогда совершенно покоенъ, когда вы выбросите эту проклятую золотую пластинку въ море!..

Г. Глоагэнъ даже привскочилъ при этомъ словѣ, но не сказалъ ничего. Если бы Кхасджи попросилъ его самого броситься въ воду на глубинѣ ста саженъ, онъ не былъ бы болѣе удивленъ, чѣмъ этимъ предложенiемъ.

VI. Юнона.

Какъ всѣмъ извѣстно, Сайгонъ,—столица или главный городъ французской Кохинхины, юнѣйшей и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе цвѣтущей изъ всѣхъ французскихъ владѣній за предѣлами морей. Это процвѣтаніе Кохинхины нельзя, по справедливости, всецѣло приписать колонизаторскимъ способностямъ французовъ, хотя Франція повсюду оставляла свой слѣдъ и въ Канадѣ, и на островахъ Св. Маврикія, и въ Египтѣ, и даже на берегахъ Рейна. Но въ Сайгонѣ почти все сдѣлала сама природа.

Расположенный превосходно на рѣкѣ Донаи, почти такъ же, какъ Лондонъ на Темзѣ, на одномъ изъ богатѣйшихъ морей земного шара, Сайгонъ неизбѣжно долженъ былъ стать одною изъ важнѣйшихъ морскихъ станцій и мѣновымъ рынкомъ для торговли англійской Индіи, Китая и Японіи, между Маниллой и Явой. Его обширный, прекрасный и удобный рейдъ и его водное сообщеніе съ обширной земледѣльческой страной, богатой строевымъ лѣсомъ, легкость и удобство обороны въ военное время, все это, взятое вмѣстѣ, естественнымъ образомъ должно было способствовать этому городу стать важнымъ торговымъ портомъ и первоклассньмъ стратегическимъ пунктомъ для страны.

Прорытіе Суэцкаго канала, установленіе большихъ пароходныхъ линій и проводы телеграфныхъ кабелей между азіатскими портами и Европой, все это представляло собою цѣлый рядъ благопріятныхъ условій для внезапнаго, можно сказать, расцвѣта, примѣровъ какого мы видимъ только въ расцвѣтѣ Мельбурна въ Австраліи и Санъ-Франциско на Калифорнскомъ прибрежьѣ Тихаго океана.

Сайгонъ не только превосходнѣйшая морская станція, стратегическій пунктъ и торговый портъ, но еще кромѣ того столица богатѣйшей колоніи, такъ сказать, азіатской Франціи. Не мало способствовало процвѣтанію этой колоніи и то странное обстоятельство, что туземное населеніе этой страны было какъ бы издавна подготовлено стать французскимъ. Ихъ природный характеръ, пороки и достоинства, качества и недостатки имѣютъ

столько аналогіи съ характеромъ и особенностями французскаго народа, что они издавно заслужили названіе французовъ дальняго востока. Это народъ остроумный, живой, не подпавшій подъ вліяніе слѣпого фанатизма, свободный отъ всякаго рода кастовыхъ предразсудковъ и проявившій съ перваго раза полную готовность ассимилироваться съ нравами и обычаями французовъ и даже съ пылкою охотой принявшій ихъ языкъ, такъ что, въ настоящее время, эта колонія успѣла уже стать настолько же французской, какъ и старѣйшія изъ провинцій Франціи.

За послѣднее время Сайгонъ сталъ главнымъ центромъ, въ которомъ сосредоточиваются всѣ военныя силы Франціи, разбросанныя въ Китайскихъ водахъ и въ Тихомъ океанѣ. Здѣсь пристаютъ всѣ французскія суда, отправляющіяся изъ Тулона въ дальнее плаваніе, такъ что, наряду съ коммерческимъ движеніемъ судовъ, здѣсь постоянно существуетъ самое оживленное движеніе военныхъ судовъ, и военный кружокъ Сайгона всегда отличается большимъ оживленіемъ и многочисленностью. Проѣзжихъ и заѣзжихъ гостей здѣсь также всегда очень много. Люди, разгуливавшіе всего какихъ нибудь четыре недѣли тому назадъ по бульварамъ Парижа, встрѣчаются здѣсь съ людьми, ѣвшими недѣлю тому назадъ ласточкины гнѣзда въ Гонъ-Конгѣ; только что прибывшіе изъ Новой Каледоніи прощаются съ отъѣзжающими въ Японію.

Здѣсь говорятъ объ Александріи, Тулонѣ, Ниццѣ и Іокагамѣ, какъ о ближайшихъ пунктахъ, съ которыми разстались только вчера.

Въ общественномъ собраніи Сайгона въ этотъ день было особенно оживленно. Объяснялось это тѣмъ, что надняхъ прибыло, на рейдъ большое транспортное судно «Юнона», прибывающее сюда каждую треть года и высадившее значительное число офицеровъ всякаго рода оружія и всѣхъ чиновъ и возрастовъ, между тѣмъ какъ прежній составъ офицеровъ собирался покинуть Кохинхину и вернуться на родину на томъ же суднѣ «Юнона». Вслѣдствіи этого общественное собраніе блистало особенно большимъ числомъ различныхъ мундировъ. Ежедневно давались про-

щальные обѣды, завтраки въ тѣсномъ семейномъ кругу, прощальные балы и т. п. Этимъ объяснялся особо торжественный видъ полковника Гюгона де Кастъ де Тресмале, командира 6-го пѣхотнаго морского полка.

Несмотря на свое дикое имя, это былъ одинъ изъ величайшихъ весельчаковъ французской арміи. Онъ взялъ себѣ за правило смѣяться надъ чѣмъ угодно, лишь бы ни о чемъ не плакать. Истый солдатъ до мозга костей, дѣятельный, энергичный и подвижной, средняго роста, хорошо сложенный, ловкій, обожаемый своими солдатами, находчивый и спокойный въ моментъ опастности, онъ всегда умѣлъ не только найти выходъ изъ любого опаснаго и затруднительнаго положенія, но еще и веселую прибаутку въ трудную минуту, за что его солдаты были ему особенно признательны. Строгій и требовательный въ отношеніи службы, какъ къ другимъ, такъ и къ себѣ, это былъ самый добродушный и безцеремонный товарищъ, самый ласковый и привѣтливый начальникъ и человѣкъ въ обычномъ общежитіи.

Пробывъ около двухъ лѣтъ въ Кохинхинѣ, полковникъ собирался теперь со всѣмъ своимъ штабомъ и двумя ротами своего полка вернуться во Францію, къ чему онъ готовился не безъ удовольствія.

— Ну, господа, черезъ три дня мы съ вами окончательно простимся!—говорилъ онъ, обращаясь къ группѣ офицеровъ, тѣснившихся около него. Говорятъ—«Юнона» ходкое судно, черезъ недѣльку мы будемъ въ Сингапурѣ, а дней черезъ десять прибудемъ въ Аденъ. Положимъ, дней двѣнадцать до Суеца и столько же отъ Суеца до Тулона.. Итакъ, недѣль черезъ шесть я надѣюсь выпить рюмочку мадеры за ваше здоровье въ кафе Гельдера.

Едва успѣлъ полковникъ выговорить это слова, какъ ему подали бальшой пакетъ со штемпелемъ. «Правительственный Кабинетъ».

— Вы позволите, господа?—обратился полковникъ къ офицерамъ, распечатывая пакетъ.—Ого!—продолжалъ онъ,—вотъ такъ новости! я, очевидно, поспѣшилъ въ своихъ разсчетахъ

Получена депеша отъ министра, измѣняющая маршрутъ «Юноны». Вмѣсто того, чтобы идти въ Суецкій каналъ «Юнонѣ» приказано обогнуть мысъ Горнъ и зайти на Маркизовы острова и на Таити... И счастье наше, если мы тамъ не застанемъ распоряженія остаться на мѣстѣ или, по меньшей мѣрѣ, оставить тамъ одну изъ нашихъ ротъ... вслѣдствіе того, что предвидятся какія-то политическія затрудненія.

— Весело, нечего сказать! — воскликнули хоромъ всѣ офицеры.

— Да, хорошенькая прогулка... придется намъ дать крюку, прежде чѣмъ вернуться на родину! И вмѣсто того, чтобы прибыть въ Тулонъ черезъ пять-шесть недѣль, мы должны будемъ считать себя счастливыми, если попадемъ туда черезъ пять-шесть мѣсяцевъ!

— Да, это весело! — сказалъ, въ свою очередь капитанъ Фазелье, честолюбивый господинъ, готовившійся къ конкурсному экзамену въ высшую военную школу.

— Да, забавно! — подхватилъ батальонный командиръ Жерфельтъ, одержимый духомъ противорѣчія. — Если вы, милый мой, поступили къ намъ въ морскую пѣхоту съ тѣмъ, чтобы забавляться, то могу васъ увѣрить, что вы ошиблись въ разсчетѣ.

— Нѣтъ, г. батальонный командиръ, я поступилъ сюда не для того, чтобъ забавляться, но чтобы имѣть производство, — сказалъ капитанъ Фазелье, — но я, конечно, просчитался въ томъ случаѣ, если задержка заставитъ меня пропустить время конкурсныхъ экзаменовъ въ нынѣшнемъ году.

— Слушая васъ, можно подумать, что у насъ производства легче и быстрѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ! Что же вы насъ за дураковъ или за негодяевъ считаете? — пробормоталъ батальонный.

— Отнюдь нѣтъ! — любезно возразилъ капитанъ, — ничего подобнаго я не имѣлъ и въ мысляхъ. Но не забудьте, г. батальонный командиръ, что у насъ здѣсь свирѣпствуетъ желтая лихорадка, которая оставляетъ не одно мѣсто пустымъ въ нашихъ рядахъ...

— Желтая лихорадка, говорите вы, да это просто туфъ—

могу васъ въ томъ увѣрить,—заявилъ батальонный командиръ самымъ рѣшительнымъ голосомъ.—Держите животъ въ теплѣ, опасайтесь сырости, кушайте регулярно четыре раза въ сутки и вы увидите, что желтая лихорадка никогда не коснется васъ! Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ я скитаюсь по Сенегалу, Кохинхинѣ и Габоку, а развѣ у меня была когда-нибудь желтая лихорадка?

— Но тѣмъ не менѣе она существуетъ!

— Ну да, существуетъ для дураковъ, которые сами ей лѣзутъ въ пасть, да для людей слабыхъ и дряблыхъ и не выносливыхъ вообще.

— Но вы не можете, однако, отрицать, что статистика...

— Наплевать мнѣ на вашу статистику!

Разговоръ грозилъ сдѣлаться непріятнымъ, оба собесѣдника начинали горячиться.

Повидимому, извѣстіе объ измѣненіи ранѣе намѣченнаго курса *Юноны* подѣйствовало на всѣхъ не особенно благопріятно, но вотъ явились доложить полковнику о приходѣ полкового капельмейстера, желавшаго его видѣть.

— Просите его сюда сейчасъ-же, чортъ васъ возьми!—весело крикнулъ полковникъ,—это такого сорта человѣкъ, котораго нельзя заставлять дожидаться...

Всѣ офицеры разсмѣялись. Всѣмъ было хорошо извѣстно крайне чувствительное самолюбіе и тщеславіе знаменитаго Рэти, не имѣвшаго въ этомъ отношеніи себѣ подобныхъ.

Спустя минуту, въ комнату вошелъ низенькій, коренастый человѣчекъ съ вывороченными локтями и сдавленной съ боковъ головой, туго затянутый въ нестроевой мундиръ, съ изображеніемъ золотой лиры на воротникѣ. Подойдя къ полковнику, онъ поклонился ему съ чувствомъ собственнаго достоинства, какъ человѣкъ, гордящійся тѣмъ, что онъ является представителемъ всей эстетической культуры полка.

— Вы посылали за мной, г. полковникъ?

— Да, г. Рэти, я хотѣлъ просить васъ измѣнить немного программу завтрашняго концерта. Наши дамы жалуются на то, что вы ихъ угощаете все одними и тѣми же вещами.

— Измѣнить програму!.. Но, г. полковникъ, вѣдь это совершенно невозможно!.. Она уже отпечатана! Эти дамы, право, ужасно требовательны и, притомъ, совершенно не компетентны... долженъ вамъ сказать!.. Неужели же онѣ думаютъ, что можно импровизировать оркестраціи нѣсколькихъ оперъ такъ, съ одного маха!

— Какъ такъ импровизировать?.. Развѣ все то, что вы играете, вещи, написанныя вами, г. Рэти?—не безъ лукавства освѣдомился полковникъ.

— Конечно!--съ невозмутимымъ апломбомъ подтвердилъ капельмейстеръ.—Потрудитесь взглянуть, полковникъ!

При этомъ онъ положилъ на столъ передъ полковымъ командиромъ печатную програму, которую тотъ прочелъ вслухъ:

1-е. Робертъ Дьяволъ . . . . Г-на Рэти
2-е. Севильскій Цырульникъ. . . . . Г-на Рэти
3-е. Вильгельмъ Телль . . . . Г-на Рэти
4-е. Черное Домино . . . . Г-на Рэти
5-е. Гугеноты . . . . Г-на Рэти
6-е. Бѣлая Дама. . . . . Г-на Рэти
7-е. Африканка . . . . Г-на Рэти

— Аа...—протянулъ полковникъ, не отрѣшаясь ни на секунду отъ своего совершенно серьезнаго тона. — Я вижу теперь, что ошибался... всѣ эти вещи написаны вами, какъ это видно изъ того, что здѣсь напечатано ... а я воображалъ до настоящаго времени, что авторами ихъ слѣдуетъ считать нѣкоего Мейербера, Россини и Обера...

— Ахъ, г. полковникъ, они дѣйствительно написали оперы на тѣ-же сюжеты, но для военной музыки, видите-ли, все дѣло въ оркестровкѣ.

— Аа... теперь я понимаю... Ну, значитъ, нечего и думать о возможности услышать что нибудь новенькое на завтрашнемъ концертѣ?

— Положительно невозможно, г. полковникъ. Если бы самъ военный министръ попросилъ меня объ этомъ, то и тогда я

принужденъ былъ-бы ему отвѣтить: клянусь честью Рэти, ваше высоко-превосходительство, это невозможно!

— Ну, въ такомъ случаѣ, намъ придется удовольствоваться тѣмъ, что вы пожелаете намъ дать, г. Рэти, а объясненіе ваше мы передадимъ нашимъ дамамъ, которыя поручили намъ высказать вамъ свою просьбу. А теперь не откажитесь выпить съ нами стаканчикъ *пэль-эля* (свѣтлаго пива)?

— Нѣтъ, очень вамъ благодаренъ, полковникъ, но я никогда не пью ничего между завтракомъ и обѣдомъ, а пью только за столомъ. Когда человѣкъ посвятилъ себя артистической карьерѣ, онъ долженъ постоянно заботиться о томъ, чтобы голова его была совершенно свѣжа, и потому я пью только свѣжую воду.

— Въ такомъ случаѣ, до свиданья, г. Рэти!

И капельмейстеръ удалился, не мало гордясь тѣмъ, что съумѣлъ отстоять себя передъ своимъ прямымъ начальникомъ.

Между тѣмъ какъ офицеры и начальство морского пѣхотнаго батальона проводили такимъ образомъ въ тѣсномъ семейномъ кругу время между утренними и вечерними занятіями, самая горячая работа шла на большомъ транспортномъ пассажирскомъ суднѣ «*Юнона*», стоявшемъ на якорѣ противъ зданія интендантства.

Уже въ продолженіе цѣлыхъ пяти дней весь экипажъ «*Юноны*», при содѣйствіи цѣлаго отряда туземныхъ кули, или иначе говоря, носильщиковъ, работалъ безъ устали, набивая углемъ пустыя угольныя камеры, запасая топливо и провіантъ, а затѣмъ, когда это было окончено, пришлось заняться генеральною чисткой палубы, дековъ, батарей, красить снова снаружи надводную часть судна, словомъ, принарядить судно для новаго плаванія.

Капитанъ Мокарю, командиръ «*Юноны*», старый и опытный морякъ, зналъ лучше чѣмъ кто-либо, всѣ слабости и пороки матросовъ, которыхъ любилъ, какъ родныхъ дѣтей. Онъ зналъ, что тремъ четвертямъ изъ нихъ положительно не возможно вести себя, какъ слѣдуетъ, во время стоянки въ какомъ-нибудь портовомъ городѣ, если у нихъ есть хоть одинъ грошъ

въ карманѣ, а потому у него было принято за правило, во-первыхъ, заставлять свой экипажъ работать день и ночь во все время пребыванія судна на рейдѣ, и во-вторыхъ, уплачивать имъ жалованіе за истекшіе мѣсяцы не ранѣе, какъ наканунѣ или за день до отплытія.

Задержать раздачу жалованія еще на одинъ день было-бы жестоко, такъ какъ всѣ эти добрые родственники, отцы, мужья, сыновья и братья лишены были бы возможности отправить своимъ близкимъ на родину кое-какія посылочки. А на Юнонѣ, такихъ добрыхъ родственниковъ, отцовъ, сыновей, братьевъ и мужей было больше, чѣмъ на какомъ либо другомъ французскомъ суднѣ.

Но вотъ великій день *Св. Уплаты*, какъ говорятъ въ гражданскихъ учрежденіяхъ, или *Св. Доминика,* какъ говорятъ во флотѣ, насталъ! Рано утромъ казначей судна сѣлъ на шлюпку съ *Доминикомъ*, т. е. громаднымъ окованнымъ желѣзомъ сундукомъ, или ящикомъ, чтобы получить отъ казначея необходимые фонды для обратнаго плаванія.

Судовой казначей былъ красивый молодой человѣкъ, принаряженный и припомаженный, по фамиліи г. Жильберъ. Спустя часъ, онъ вернулся обратно.

— Доминикъ!.. Доминикъ прибылъ!—разнеслась повсюду отъ гротъ-марселя и до трюма эта радостная вѣсть, и экипажъ привѣтствовалъ веселыми словами и прибаутками прибытіе желаннаго денежнаго ящика.

Особенно шумно и громогласно выражалъ свою радость по этому поводу Комберуссъ, марсовый матросъ, котораго по выговору сразу можно было признать за уроженца Марсейля, точно такъ же какъ и его подручный матросъ Барбедеттъ.

— Держи крѣпче, старина!.. Гляди, не упусти!—кричалъ Комберуссъ сѣдовласому матросу съ цѣлымъ рядомъ нашивокъ и шевроновъ, завѣдывавшему поднятіемъ денежнаго ящика на палубу.—Смотри, соблюдай всякую осторожность! не утопите Доминика, милліонъ проклятій!.. Подсоби, братецъ!.. Ну, вотъ! тяни дружнѣе! Уфъ! вотъ и дома!.. честь имѣю кланяться ва-

шей милости, г. Доминикъ!.. Прибыли въ добромъ здравіи?.. Никакихъ аварій въ бокахъ?

Всѣ эти шуточки и прибауточки привѣтствовались дружными залпами смѣха со стороны остальныхъ присутствующихъ, но, очевидно, были не по вкусу старшинѣ шлюпки, Керадеку, старому бретонцу, низкому, коренастому и угрюмому, который принималъ всѣ эти слова, какъ личныя обиды, нанесенныя ему.

— Лучше-бы ты поменьше языкомъ чесалъ, да побольше руки къ работѣ прикладывалъ!—рѣзко пробормоталъ онъ.

— Эге, дядюшка ворчунъ, заговорилъ! вѣрно дождь будетъ!—весело засмѣялся ему въ отвѣтъ Комберуссъ, не мало не смущаясь обращеннымъ къ нему упрекомъ въ лѣности, въ сущности, совершенно незаслуженнымъ.

— Почтеннѣйшая публика — продолжалъ онъ, — честь имѣю объявить вамъ, что представленіе сейчасъ начнется!.. Г. Домининкъ намѣренъ оставаться у себя. Торжественная драма въ пяти дѣйствіяхъ съ удержаніемъ эмеритальнаго вычета и раздачей гг. старшимъ въ ротахъ и выдачей на руки гг. капралами нашему брату, рядовому матросу, разнообразный дивертисементъ для тѣхъ, кто получитъ разрѣшеніе съѣхать на берегъ, и финальный актъ сутокъ въ трюмѣ для тѣхъ, которые погрѣшатъ противъ соблюденія благоразумія и умѣренности въ удовольствіяхъ!..

— Паша!.. Закрой свой клапанъ, глупый кашалотъ!..

И вдругъ, точно по мановенію волшебнаго жезла, воцарилась полнѣйшая тишина.

Паша, таково было прозвище капитана Мокарю, дѣйствительно появился на палубѣ въ этотъ моментъ.

— Вотъ теперь какъ разъ время обратиться къ нему съ твоею просьбой, мальчуганъ!—сказалъ Керадекъ молодому юнгѣ съ бѣлымъ и румянымъ лицомъ, слегка поддавъ ему колѣнцемъ въ видѣ дружественнаго подбадриванія.

Кедикъ,—такъ звали юнгу,—покраснѣлъ, какъ піонъ, затѣмъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, при мысли о страшномъ поступкѣ, на который онъ долженъ былъ рѣшиться. Онъ радъ былъ бы провалиться сквозь землю, но всѣ глаза были обращены на

него, и его уважаемый старшій, его менторъ и наставникъ, Керадэкъ, осчастливленный наибольшимъ числомъ медалей изъ всѣхъ марсовыхъ матросовъ сказалъ свое слово—какъ могъ онъ теперь идти на попятный. Дрожа всѣмъ тѣломъ, какъ преступникъ, Кедикъ подошелъ къ командиру, немилосердо комкая въ рукахъ свою шапку. Въ тотъ моментъ, когда Паша, расхаживавшій, точно маятникъ, взадъ и впередъ позади большого люка, подошелъ къ этому мѣсту, гдѣ его поджидалъ юнга, этотъ послѣдній выступилъ впередъ и остановился передъ командиромъ какъ вкопанный.

— Что еще? Что тебѣ надо?—спросилъ командиръ угрюмымъ тономъ, въ которомъ, однако, не трудно было разобрать извѣстную долю добродушія и доброжелательства.

— Я записанъ въ приказѣ на завтрашній день, а мнѣ очень хотѣлось бы съѣхать на берегъ!—робко вымолвилъ онъ.

— А-а, ты внесенъ въ приказъ, попалъ подъ запрещеніе—значитъ нельзя... Впрочемъ, я буду давать разрѣшенія всего на два часа, не больше.

— О, мнѣ довольно было бы и одного часа, командиръ,—продолжалъ все такъ же робко своимъ кроткимъ молящимъ голосомъ Кедикъ, продолжая мять и комкать въ рукахъ свою шапку.

— А-а, въ самомъ дѣлѣ! да какія же у тебя могутъ быть особо важныя дѣла на берегу? что тебѣ тамъ дѣлать?

— Сегодня, видите ли, г. командиръ, день св. Доминика, и я желалъ бы послать свою получку домой, хотѣлъ самъ отправить ее на почтѣ!

— А-а...—промычалъ Паша, замѣтно смягчаясь, и ласково взглянувъ на юношу.—Такъ вотъ зачѣмъ ты хочешь съѣхать на берегъ? А по какому случаю ты попалъ въ наказъ, что ты такое сдѣлалъ?

— Я опоздалъ сегодня на полминуты къ уборкѣ блюдъ.

— Хорошо. Я поговорю съ каптенармусомъ. Ты получишь свое разрѣшеніе, сынъ мой...—уже совершенно отечески ласково промолвилъ командиръ и сталъ снова продолжать свою безмолвную прогулку позади люка.

Кедикъ отошелъ къ своему мѣсту восхищенный и счастливый.

Новость, которую онъ сообщилъ своимъ товарищамъ, мигомъ облетѣла весь фрегатъ и привела въ отчаяніе весь экипажъ.

— Пропали наши разрѣшенія!.. Какъ видно, старый забралъ въ голову не давать намъ разрѣшеній дольше, чѣмъ на два часа... И это, вѣроятно, благодаря этимъ проклятымъ увальнямъ, которыхъ мы должны принять на судно!.. Проклятые пентюхи — сухопутныя собаки!.. Возможно ли лишить цѣлый экипажъ отпуска изъ-за этихъ воробьевъ... Черствый сухарь Паша!.. Ужъ я навѣрное не стану плакать, когда онъ выйдетъ въ отставку!.. Два часа разрѣшенія послѣ цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ плаванія... Нечего сказать, щедро!.. Смотри, берегись командиръ, ты израсходуешь всѣ свои запасы великодушія!.. Проклятая служба! что и говорить!.. Скажи, по правдѣ, Барбелитъ, не согласился ли бы ты лучше сейчасъ же пойти ко дну съ ядромъ, привязаннымъ къ ногамъ, чѣмъ нести такую службу? Эхъ, сотни, тысячи дьяволовъ!.. да отъ этого, право, можно повѣситься на гротъ-марсѣ... Ахъ ты черствая корка!.. Негодные пузаны, пентюхи пѣхотные! все изъ-за васъ, проклятыхъ...

Въ такихъ словахъ выражалось негодованіе и досада экипажа «Юноны», между тѣмъ какъ капитанъ Мокарю, заранѣе увѣренный въ томъ впечатлѣніи, какое должно было произвести на людей объявленное имъ рѣшеніе, посмѣивался въ бороду, разгуливая мѣрнымъ шагомъ взадъ и впередъ по палубѣ.

— Ворчите себѣ, ворчите, сколько вамъ нравится, ребятушки! — мысленно говорилъ онъ, заранѣе наслаждаясь своею хитростью.—Посмотрю-ка я на нихъ завтра, когда имъ всѣмъ объявятъ разрѣшеніе съѣхать на берегъ на пять часовъ!.. Она покажется имъ слаще цѣлаго дня отпуска, доставшагося имъ безъ труда... Знаю я ихъ, этихъ большихъ ребятъ-то...

Тѣмъ временемъ происходила раздача жалованія черезъ посредство старшихъ въ ротахъ и капраловъ, и отвлеченные сложными разсчетами, сопряженными для матросъ съ этой простой операціей, люди мало-по-малу стали забывать свою досаду на капитана. Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ матросы, не было

еще случая, чтобы хотя одинъ изъ нихъ повѣрилъ, что получилъ сполна все, что ему слѣдуетъ отъ казначея. Нѣтъ, каждый матросъ внутренно убѣжденъ, что всѣ лица, причастныя къ казенному ящику, сговорились между собой, чтобы обкрадывать его. Особенно всѣ удержанія и вычеты въ пользу ли ихъ семьи, или же въ кассу инвалидовъ, или въ счетъ будущей пенсіи, все равно, всѣ они даютъ поводъ къ самымъ чернымъ подозрѣніямъ со стороны матросовъ.

— Экій подлецъ, судьба наша горемычная!—ворчалъ Комберуссъ, отходя въ сторону отъ маленькаго столика, у котораго сидѣлъ капралъ его роты, только что вручившій ему горсть разной монеты; есть ли на свѣтѣ справедливость! — что они только дѣлаютъ съ нашими деньгами, вотъ, что я желалъ бы знать!.. Перваго разряда матросъ по 94 су въ сутки — за два мѣсяца долженъ получить 72 франка,— не такъ ли? и за два мѣсяца добавочныхъ, за марсовыя дежурства по 9 франковъ въ мѣсяцъ, составляетъ 18 франковъ—вѣрно?.. выходитъ, слѣдовательно, 90 франковъ, кажется, это ясно! и что же? Эти господа ухитряются какъ-то выдать мнѣ на руки всего только 46 франковъ и 6 су! Ну, какъ вамъ это нравится? Да убей меня Богъ, если я понимаю, какъ они это дѣлаютъ!..

— Да очень просто, первый попавшійся юнга сумѣетъ объяснить тебѣ это,—сказалъ своимъ обычнымъ кроткимъ и серьезнымъ тономъ Кедикъ.—Съ тебя приходится по 16 франковъ въ мѣсяцъ вычета въ пользу твоей семьи, такъ вѣдь?—ну, за два мѣсяца это составляетъ 32 франка вычета, да еще по 3 су въ сутки въ кассу пенсій, что за два мѣсяца, или 60 дней составляетъ 9 франковъ; если присчитать ихъ къ 32 — получится 41 франкъ.—Да 3 процента съ вычетовъ въ кассу инвалидовъ, чтобы ты всегда въ старости своей могъ имѣть обезпеченный уголъ и кусокъ хлѣба.—За два мѣсяца это составляетъ еще 2 франка и 70 сантимовъ. Вычти 43 франка 70 сантимовъ изъ слѣдуемыхъ тебѣ по твоему счету 90 франковъ, и получится ровно 46 франковъ и шесть су, что ты и получилъ сейчасъ на руки!

Всѣ матросы столпились тѣсной группой вокругъ Кедика

и слушали его съ разинутыми ртами, чистосердечно удивленные тою легкостью, съ какой онъ производилъ всѣ эти разсчеты. Но Комберуссъ не сдавался ни на какіе доводы.

— Какъ видно, и изъ тебя выйдетъ капралъ!—сказалъ онъ не то смѣясь, не то сердясь, — по тебѣ сразу видно, что ты былъ въ мореходныхъ классахъ... не даромъ ты такой шустрый, будь покоенъ, ты скоро пройдешь въ чины!

Въ сущности, онъ отлично сознавалъ, что юнга былъ правъ, но только не хотѣлъ сознаться изъ ложной амбиціи закоренѣлаго въ извѣстнаго рода предразсудкахъ, бывалаго матроса.

Теперь всѣ они подходили къ Кедику съ просьбой провѣрить ихъ получку, что тотъ и дѣлалъ при помощи своей маленькой грифельной доски. За этимъ дѣломъ всѣ успѣли на время позабыть такъ сильно огорчившее ихъ рѣшеніе капитана. Кромѣ того, со свойственной всѣмъ почти морякамъ философской разсудительностью, они взглянули теперь на это дѣло съ другой точки зрѣнія и пришли къ убѣжденію, что и двухчасовой отпускъ все же лучше, чѣмъ ничего. А около полудня, когда англійскій пароходъ «Деканъ» пришедшій изъ Калькуты, вошелъ на рейдъ, эти взрослые ребята ни о чемъ другомъ уже не думали, какъ только наблюдать за всѣми его маневрами— за малѣйшими дѣйствіями его экипажа и критиковать ихъ со своей точки зрѣнія, слѣдя за всею этой процедурой спуска якоря съ такой наивной жадностью, какъ будто они первый разъ въ жизни видѣли всѣ эти маневры.

VII. Въ пагодѣ Кита.

Едва успѣвъ расположиться въ гостиницѣ Тайвангъ, на эспланадѣ Сайгона, г. Глаогэнъ тотчасъ поспѣшилъ разузнать, какого рода сообщеніе существуетъ здѣсь съ верхней Камбоджей. Владѣлецъ гостиницы Тайвангъ оказался весьма цивилизованнымъ аннамитомъ, получившимъ образованіе во французской школѣ переводчиковъ въ Сайгонѣ и прекрасно освѣдомленнымъ обо всемъ, что касалось его родной страны. Одѣтый

въ европейское платье и прекрасно знакомый со всѣми нравами и обычаями французовъ, этотъ почтенный содержатель гостиницы сдѣлалъ бы честь любой изъ лучшихъ гостиницъ Европы.

— Вы желаете посѣтить верхнюю Камбоджу?—сказалъ онъ г. Глоагэнъ, — что жъ ничего не можетъ быть легче: у насъ здѣсь регулярно два раза въ мѣсяцъ отправляются казенныя почтовыя суда вверхъ по рѣкамъ и каналамъ!

— А предвидится ли вскорѣ отправленіе такого казеннаго почтоваго судна?

— Да, черезъ шесть дней. Вы можете прекрасно устроиться на этомъ суднѣ, такъ что трудно себѣ представить болѣе удобный и пріятный способъ путешествія въ такомъ жаркомъ климатѣ, какъ нашъ.

— И вы полагаете, что такимъ путемъ мнѣ возможно будетъ доѣхать до развалинъ архитектуры Кмеровъ?

— Не совсѣмъ, но во всякомъ случаѣ вы будете настолько близко отъ этихъ развалинъ, что вамъ будетъ совершенно легко добраться до нихъ... Вамъ будетъ, быть можетъ, немного затруднительно находить по пути европейскій столъ, но если вы того желаете, я могу приготовить вамъ ящикъ съ консервами, совершенно удобный для перевозки, и достать вамъ слугу китайца, умѣющаго готовить французскія блюда и вообще хорошо знакомаго съ французской кухней. Если только вы не предпочтете помириться съ нашей національной аннамитской кухней, что будетъ еще удобнѣе для васъ!

— Все это хорошо, но для того, чтобы примириться съ аннамитскою кухней, мнѣ необходимо прежде всего хоть сколько-нибудь познакомиться съ ней, а я, право, не знаю, какъ это сдѣлать...

— Если вы только пожелаете, то я буду имѣть честь сегодня же предложить вамъ аннамитскій обѣдъ!

Очевидно, человѣкъ этотъ находилъ отвѣтъ на все рѣшительно; г. Глоагэнъ поспѣшилъ изъявить свое согласіе и отправился сообщить полученныя имъ свѣдѣнія своимъ спутникамъ. Въ отвѣтъ на его сообщенія г-жа О'Моллой, а вслѣдъ

за ней и другіе, рѣшили, что всѣ они отправятся вмѣстѣ съ нимъ осматривать развалины, такъ что эта научная экспедиція должна была превратиться въ пріятную partie de plaisir. Все, казалось, устраивалось, какъ нельзя лучше, и даже Кхаджи, поддаваясь вліянію окружающей среды и новой обстановки, пріобрѣталъ вновь совершенно утраченное имъ въ последнее время душевное спокойствіе.

Когда жара немного спала, путешественники отправились всѣ вмѣстѣ побродить по городу, чтобы составить себѣ о немъ нѣкоторое представленіе. Имъ было уже извѣстно, что городъ представляетъ собою форму неправильнаго четвероугольника, ограниченнаго съ одной стороны рѣкой Донаи, съ двухъ другихъ двумя параллельными арройо, упирающимися въ рѣку и съ четвертой поперечнымъ каналомъ, которымъ сообщаются эти два арройо. Часть города, прилегающая къ Донаи, наиболѣе оживленная и блестящая, благодаря своему коммерческому и военному рейду, своимъ общественнымъ зданіямъ, своимъ плавучимъ докамъ и многочисленными судами всѣхъ націй и родовъ, начиная отъ китайскихъ джонокъ, и своей нарядной променадой, т. е. мѣстомъ прогулокъ на стрѣлкѣ Леженъ, надъ которой возвышается маякъ и семафоръ.

Особенно хороша подъ вечеръ рѣка, чрезвычайно оживленная и живописная. Она является мѣстомъ жительства для цѣлаго населенія Кохинхинцевъ, которые никогда не покидаютъ своихъ пузатыхъ барокъ и легкихъ самкановъ, крытыхъ соломой. Женщины здѣсь готовятъ пищу, стираютъ бѣлье, кормятъ грудью своихъ ребятъ, которыхъ онѣ затѣмъ подвѣшиваютъ въ корзиночкѣ подъ сводчатую крышу своего жилища-лодки. Ярко раскрашенныя джонки, разукрашенныя по краямъ цвѣтными фонариками, бумажными зонтами, цвѣтами, перьями и мелкими колокольчиками тѣснятся бокъ о бокъ съ аннамитскими барками съ ихъ треугольными парусами на мачтахъ. Тутъ-же и мелкія пироги туземцевъ, и лодочки, и шлюпки европейцевъ безпрестанно мелькаютъ то здѣсь, то тамъ въ различныхъ направленіяхъ. Кажется, будто всѣ эти люди всегда живутъ на водѣ.

А между тѣмъ и на берегу замѣчается движенiе и оживленiе богатаго большого города и здѣсь множество прохожихъ и торговцевъ, торгующихъ въ разносъ. Здѣсь мужчины и женщины носятъ почти одинаковое платье: длинную свободную одежду, не стянутую поясомъ у талiи, но свободно ниспадающую на широкiя шальвары. Какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ длинные волосы собраны высокимъ шиньономъ на макушкѣ головы. Вся разница заключается только въ головномъ уборѣ.

Видъ этого разнообразiя костюмовъ, новыхъ обычаевъ и нравовъ,—словомъ, все доставляетъ несказанное удовольствiе путешественнику. Особенно интересовало все это Поля-Луи и Чандоса, восхищавшихся всѣмъ, что имъ пришлось видѣть. Они останавливались передъ лавочками, раскинутыми на горѣ и заваленными всевозможными совершенно незнакомыми имъ предметами, странными съѣстными припасами, фантастическими украшенiями; они забавлялись наблюденiями за полунагими ребятишками, которые, сидя на пескѣ, играли въ воланъ, перебрасывая его другъ другу не лопатачкой или рукой, а ногой, локтемъ или головой, съ удивительной ловкостью; они слѣдили, какъ какой-то бѣдный кули покупалъ за одинъ сапэкъ орѣхъ арека или же чашку чая, что должно было представлять собою весь его обѣдъ.

У нихъ произошелъ даже споръ относительно цѣнности одного сапэка, такъ какъ даже послѣднiй бѣднякъ носилъ у себя на поясѣ цѣлыя нити этихъ монетъ, нанизанныхъ, точно четки. Чандосъ полагалъ, что стоимость его равняется англiйскому фарсингу т. е. приблизительно $2^1/_2$ сантимамъ, а Поль-Луи полагалъ, что стоимость его несравненно ниже, хотя и не опредѣлялъ никакой болѣе точной цифры.

Какой-то аннамитъ, прислушивавшiйся уже нѣкоторое время къ ихъ разговору, далъ имъ довольно обстоятельное поясненiе на весьма сносномъ англiйскомъ языкѣ:

— Стоимость сапэка равняется одной шестой сантима; иначе говоря, требуется 600 сапэковъ, чтобы составить 1 франкъ, а 600 сапэковъ представляютъ собою цѣлую лигатуру, т. е. цѣлую такую связку, или нитку,—сказалъ онъ и при этомъ показалъ

имъ цинковые кружечки съ квадратнымъ отверстіемъ по срединѣ, нанизанные на длинный шнурокъ.

Чандосъ и Поль-Луи полюбопытствовали осмотрѣть подробнѣе эту своеобразную монету и увидѣли, что на ней на одной изъ сторонъ стояла всего одна цифра--это была цифра того царствованія, въ продолженіе котораго была вычеканена или вѣрнѣе вылита данная монета. Съ любопытной монеты наши путешественники невольно перенесли свое вниманіе на самого туземца, который такъ любезно разрѣшилъ ихъ сомнѣнія. Это былъ человѣкъ лѣтъ 30, не болѣе, атлетическаго сложенія, одѣтый очень просто по туземной модѣ; черты его лица на половину исчезали подъ полями его громадной шляпы, которую аннамиты весьма справедливо называютъ «высокая гора». Если бы Поль-Луи и Чандосъ были болѣе знакомы съ нормальнымъ типомъ индо-китайской рассы, то они сразу могли бы замѣтить, что стоявшій передъ ними человѣкъ значительно отличался отъ этого типа. У него ни было не расплющеннаго носа, ни выдающихся скулъ, ни узкихъ, наискось прорѣзанныхъ глазъ, обычнаго отличія аннамитовъ; но это почему то не поразило нашихъ друзей, ихъ удивляло только, что Кохинхинецъ такъ хорошо и свободно изъяснялся по-англійски.

— Я много плавалъ въ британскихъ судовыхъ компаніяхъ въ китайскихъ водахъ и обыкновенно служилъ переводчикомъ... въ случаѣ, если бы вамъ могли быть нужны мои услуги во время вашего пребыванія въ Сайгонѣ, я былъ бы радъ служить вамъ.

Поль-Луи подумалъ, что переводчикъ, дѣйствительно, можетъ имъ быть полезенъ, какъ во время ихъ пребыванія въ Сайгонѣ такъ и, главнымъ образомъ, въ пути, во время ихъ экскурсіи въ верхній Камбоджъ. Поэтому, сдѣлавъ знакъ незнакомцу слѣдовать за нимъ, онъ присоединился къ остальной своей компаніи, дамамъ и г. Глоагэнъ, чтобы передать имъ предложеніе аннамита. Майоръ между тѣмъ давно уже отсталъ отъ компаніи и вернулся въ гостиницу, жалуясь на сильную боль въ печени и на томительную жажду.

Подозвавъ аннамита, его стали распрашивать о томъ, о семъ, и убѣдившись, что онъ человѣкъ смышленый и толковый

и хорошо освѣдомленный обо всемъ, что касается этой страны, не заключая съ нимъ положительнаго условія, предложили временно остаться въ распоряженіи маленькаго общества, въ качествѣ проводника и переводчика, такъ что дальнѣйшая прогулка совершилась и окончилась подъ руководствомъ аннамита.

Кра-Онгъ-Динхъ-Ки, такъ звали переводчика, въ продолженіе цѣлаго часа съумѣлъ выказать себя съ самой выгодной стороны въ качествѣ неоцѣненнаго чичероне. Онъ называлъ имя и разсказывалъ примѣненіе всѣхъ незнакомыхъ нашимъ путешественникамъ предметовъ, зналъ цѣну на сепэки каждаго пустяка, пріобрѣлъ для дамъ за нѣсколько франковъ цѣлую коллекцію вѣеровъ, шпилекъ изъ слоновой кости и черепахи и множество различныхъ аннамитскихъ бездѣлушекъ. Словомъ, всѣ вернулись въ гостиницу весьма довольные имъ и рѣшили удержать его для услугъ маленькаго общества.

Обѣдъ былъ уже готовъ и состоялъ, какъ было условлено, исключительно изъ туземныхъ блюдъ. Но, конечно, разумный хозяинъ гостиницы не предложилъ имъ изысканныхъ блюдъ эсцентричной кухни Индо-Китая, встрѣчающихъ только за столомъ богатыхъ мандариновъ, онъ не подалъ имъ ни ласточкиныхъ гнѣздъ, ни салангангъ, или съѣдобныхъ ласточекъ, ни насиженныхъ яицъ, ни тигровыхъ окороковъ, ни слоновыхъ ногъ, вяленыхъ на солнцѣ, ни голотурій, ни филея леопарда, ни даже крокодиловыхъ антрекотовъ, полагая, не безъ основанія, что его гости желали убѣдиться въ томъ, могутъ-ли они освоиться съ туземной кухней въ томъ видѣ, какою они встрѣтятъ ее въ домѣ любого туземца. Потому-то онъ предложилъ имъ нѣкоторые изъ самыхъ обычныхъ и недорогихъ блюдъ кохинхинскаго населенія: вареный рисъ, копченую рыбу, жареныхъ на угольяхъ ящерицъ, пирожки изъ хризалидъ, или златницъ, шелковичныхъ червей, морскихъ черепахъ, обезьяньихъ окорочковъ, собачьихъ котлетокъ, зеренъ лотоса, сушеныхъ на солнцѣ и ломотки ананаса, а на послѣднее горькій чай безъ сахара.

Меню это было единогласно признано отвратительнымъ; дамы прямо заявили, что эта кухня возбуждаетъ въ нихъ одно отвращеніе, майоръ и г. Глоагэнъ хотя и не высказались такъ

откровенно, но тѣмъ не менѣе по всему было видно, что и они раздѣляютъ мнѣніе дамъ. Только Поль-Луи и Чандосъ кушали все съ величайшимъ аппетитомъ и даже похваливали. Но это не помѣшало имъ, наравнѣ съ другими, бѣжать отъ аннамитскаго обѣда къ общему табль-доту и тамъ удовлетворить на славу свой аппетитъ.

Словомъ, кохинхинская кухня не съумѣла завоевать себѣ симпатій маленькаго общества, такъ что было тутъ же рѣшено, что г. Тайвангъ долженъ будетъ озаботиться заготовленіемъ различныхъ съѣстныхъ припасовъ для предстоящей экспедиціи.

Что было дѣлать въ Сайгонѣ въ остающіеся шесть дней ожиданія? Конечно, слѣдовало осмотрѣть окрестности города; г. Тайвангъ указалъ на нѣсколько мѣстностей, въ томъ числѣ особенно рекомендовалъ прогулку на берегъ залива Кокотье, Сайгонскаго Трувиля.

На слѣдующій день, когда слѣдовало уже отправляться въ путь, мистриссъ О'Моллой объявила, что чувствуетъ себя еще слишкомъ усталой для того, чтобы принять участіе въ этой экскурсіи; майоръ никогда и не помышлялъ серьезно объ этой поѣздкѣ, а г. Глоагэнъ разсудилъ такъ, что ему будетъ гораздо пріятнѣе побродить по базарамъ и мечетямъ Сайгона и постараться пріобрѣсти какія-нибудь аннамитскія древности. Такимъ образомъ вся компанія оказалась состоящей изъ миссъ Флоренсъ, Поля-Луи и Чандоса въ сопровожденіи неразлучнаго съ ними Кхасджи. Рѣшено было отправиться въ большомъ парусномъ сампанѣ (туземной лодкѣ), которую Кра-Онгъ-Динхъ-Ки взялся подговорить. Захватили съ собой карзину съ съѣстными припасами и въ десять часовъ вечера готовились отплыть. Туристы должны были провести ночь на сампанѣ и проснуться уже на мѣстѣ, чтобы вернуться обратно на другой день во время прилива.

Г. Глоагэнъ чуть было не передумалъ въ послѣднюю минуту и не отправился вмѣстѣ съ молодой компаніей. Его внутренно мучала мысль, что онъ отпускаетъ безъ себя этихъ трехъ молодыхъ вѣтренниковъ, какъ онъ мысленно выражался, но присутствіе Кхасджи и безусловная увѣренность и спокойствіе, съ

какимъ г. О'Маллой отпускала эту юную компанію, вполнѣ обнадежили археолога, такъ что онъ все-таки остался. Кромѣ того, и переводчикъ Кра-Онгъ-Динхъ-Ки казался такимъ предусмотрительнымъ и заботливымъ человѣкомъ, на котораго, повидимому, можно было вполнѣ положиться. Онъ предвидѣлъ даже возможность солнечныхъ ударовъ и посовѣтовалъ пріобрѣсти большіе салако, родъ громадныхъ островерхихъ шляпъ изъ манильской соломы, и шелковыя перчатки для защиты отъ солнца. Словомъ, сампанъ поднялъ паруса, переводчикъ расположился на носу, Кхасджи на кормѣ, а молодая компанія подъ тростниковой кровлей, и своеобразное туземное судно тронулось въ путь. Заливъ Кокотье находится у самаго устья Донаи и защищенъ мысомъ Св. Якова, на которомъ постоянно виднѣется яркій огонь маяка, привезеннаго изъ Парижа. Это превосходнѣйшій пляжъ съ мелкимъ чистымъ пескомъ, окаймленный живописными холмами, на которыхъ величественно красуются тѣнистыя какосовыя пальмы. Тутъ же вблизи разстилается и долина Ненюфаръ, обязанная своимъ названіемъ сплошному ковру красныхъ лотосовъ, подъ которымъ скрываются стоячія воды гнилыхъ болотъ. Но, несмотря на столь опасное сосѣдство, воздухъ на берегу залива прекрасный, свѣжій и живительный, постоянно обновляющійся вѣтрами съ моря.

Это—любимѣйшее мѣсто пребыванія всѣхъ европейцевъ, живущихъ въ Сайгонѣ, особенно въ жаркое время года.

По мѣрѣ приближенія къ заливу, Донаи и такъ уже широкій и величественный въ самомъ Сайгонѣ, расширяется еще болѣе. Его низменные и песчаные берега, поросшіе на громадномъ пространствѣ корнепусками и затопленные болотами, уходятъ вдаль на такомъ протяженіи, что совершенно теряются изъ вида. Не знаешь, находишься-ли еще на рѣкѣ или уже въ водахъ залива, — когда передъ вами вдругъ выростаетъ мысъ Св. Якова со своимъ громаднымъ маякомъ, позади котраго возвышаются три поросшія лѣсомъ вершины холмовъ.

На самомъ пляжѣ, въ тѣни небольшой рощицы кокосовыхъ пальмъ, возвышается красивая пагода, самая знаменитая во всемъ Индо-Китаѣ — это пагода Кита. Названіемъ своимъ она

обязана скелету кита, хранимому въ этомъ святилищѣ. Аннамитскіе моряки, рыбаки и матросы постоянно прибѣгаютъ къ заступничеству кита, котораго они считаютъ покровителемъ и доброжелателемъ всѣхъ потерпѣвшихъ крушеніе, существомъ, готовымъ во всякое время пріютить несчастныхъ у себя на спинѣ. При выходѣ изъ Донаи въ заливъ они заѣзжаютъ сюда приносить молитвы и пожертвованія остову кита, — но все это бѣдные, скромные дары, отъ которыхъ не богатѣютъ ни самая пагода, ни бонзы, состоящіе при ней.

Трудно себѣ представить пользующійся столь громкой извѣстностью храмъ въ такомъ жалкомъ, убогомъ видѣ, какъ этотъ.

Сюда-то, около семи часовъ утра, присталъ сампанъ, на которомъ находились наши туристы, благополучно проплывъ всю ночь по тихимъ водамъ спокойной и широкой рѣки. Всѣ трое туристовъ были въ восторгѣ отъ своей прогулки, а Кхасджи былъ счастливъ ихъ радостью, только одинъ Кра-Онгъ-Динхъ-Ки казался мрачнымъ и озабоченнымъ.

Вытащили на берегъ корзину съ провизіей и принялись завтракать съ особымъ удовольствіемъ подъ звуки гонговъ и петардъ, неизбѣжно сопровождающихъ всѣ молитвы въ пагодѣ Кита. Весь этотъ шумъ и гамъ производили два-три богомольца, какъ въ томъ успѣли убѣдиться наши друзья при осмотрѣ пагоды.

Въ ней не оказалось никакихъ другихъ достопримѣчательностей, кромѣ знаменитаго скелета кита, тщательно закутаннаго какою-то красною бумажною тканью и опоясаннаго поясомъ изъ мелкихъ камешковъ, посвящаемыхъ кашалотамъ и китамъ. Наши трое посѣтителей, вручивъ дежурному бонзѣ такое количество сапэкъ, какого онъ, быть можетъ, не видалъ во всей своей жизни, удалились, напутствуемые его благословеніями. Обойдя заливъ по направленію тѣнистыхъ холмовъ и опустившись на полчаса въ долину Нспюфаръ, чтобы нарвать букетъ лотосовъ, маленькое общество сочло программу своихъ развлеченій исчерпанной и вернувшись на пляжъ, распорядилось отъѣздомъ въ обратный путь.

Было около полудня и потому, съ помощью отлива, можно было разсчитывать вернуться къ обѣду въ Сайгонъ.

Кхасджи по прежнему расположился на рулѣ, а переводчикъ на носу судна. Вѣтеръ дулъ попутный, и сампанъ дѣлалъ по пяти или шести узловъ въ часъ. Впереди, насколько только могъ видѣть глазъ, разстилалось безбрежное голубое пространство искрившихся на солнцѣ водъ. На югѣ мысъ Св. Якова исчезалъ уже вдали направо, на самомъ краю горизонта, виднѣлись какія-то слабыя смутныя очертанія чего то, точно легкій рисунокъ перомъ, то была линія берега поросшаго корнепускомъ.

Вдругъ непредвидѣнный ударъ сампана обо что-то твердое заставилъ молодыхъ людей и Кхасджи поднять голову, въ тотъже моментъ они увидѣли, какъ какое-то тѣло упало въ воду по правую сторону борта съ передней части судна. Всмотрѣвшись, они увидѣли своего переводчика, совершенно раздѣтаго но все въ той же большой шляпѣ на головѣ, плывущимъ изо всѣхъ силъ къ берегу. Въ первую минуту они не могли ничего понять изъ случившагося, полагая, что несчастный просто помѣшался.

Но затѣмъ всѣмъ имъ вдругъ стало ясно, что сампанъ тонулъ и быстро шелъ ко дну. Причины некогда было доискиваться. Схвативъ Флорэнсъ одной рукой и Чандоса другой, Кхасджи вытащилъ ихъ изъ-подъ бамбуковаго навѣса, подъ которымъ они неминуемо должны были потонуть, онъ толкнулъ ихъ обоихъ въ воду и крикнулъ при этомъ задыхающимся голосомъ — скорѣе въ воду, г. Поль-Луи—скорѣе не то вы погибли!

Поль-Луи не заставилъ себѣ повторять этого, онъ кинулся въ воду и поплылъ. А сампанъ затонулъ тутъ-же на ихъ глазахъ.

Кхасджи плылъ, поддерживая въ своихъ рукахъ молодую дѣвушку, которую Чандосъ подборялъ веселымъ и ласковымъ словомъ. Поль-Луи, унесенный въ первый моментъ волненіемъ, теперь уже всплылъ и догонялъ своихъ друзей. На разстояніи приблизительно пятидесяти саженъ вправо мелкала точно бѣлая точка на водѣ шляпа аннамита, плывшаго прямо къ корнепускамъ.

— Ура!—весело крикнулъ Чандосъ, никогда не терявшій своего прекраснаго расположенія духа, — вотъ мы и всѣ въ сборѣ!—для него подобное холодное купанье всегда было самой пріятной забавой.

Но, въ сущности, веселаго во всемъ этомъ было мало: до берега оставалось по меньшей мѣрѣ двѣ мили, и хотя Флорри прекрасно умѣла плавать, но теперь ее стѣсняла ея одежда и потому она съ Кхасджи совершенно не двигались съ мѣста, съ трудомъ продолжая держаться на водѣ. Послѣ нѣсколькихъ отчаянныхъ попытокъ ей стало вполнѣ ясно, что для нихъ совершенно невозможно не только добраться до берега, но даже проплыть хоть небольшое пространство при данныхъ условіяхъ.

— Оставьте меня, Кхасджи,—сказала она,—я только вамъ мѣшаю плыть, попытайтесь хоть вы спастись, чѣмъ безполезно гибнуть вмѣстѣ со мной!

Но бравый солдатъ только крѣпче прижалъ ее къ себѣ, и мрачный взглядъ его черныхъ глазъ казалось говорилъ: мы или вмѣстѣ пойдемъ ко дну, или вмѣстѣ выплывемъ на берегъ.

Теперь и Чандосъ пересталъ смѣяться. Поль-Луи, согласно складу своего ума, доискивался разрѣшенія этой сложной задачи, и всѣ четверо почти не двигались съ мѣста, дѣлая менѣе 5 саженъ въ минуту.

— Кхасджи,—сказалъ наконецъ Поль-Луи,—вѣдь на васъ есть поясъ?

— Да, конечно, г. Поль-Луи!

— Погодите, я постараюсь развязать его, мы растянемъ его какъ веревку и продѣнемъ подъ руки миссъ Флорэнсъ, а затѣмъ, взявъ концы въ зубы, будемъ плыть сколько хватитъ силъ.

— Да, сударь!

Не безъ труда удалось молодому инженеру выполнить свой планъ, послѣ чего стало замѣтно значительное улучшеніе въ положеніи пловцовъ. Флорри легче было держаться на водѣ, Кхасджи не столько утомлялся, но подвигались они все-таки очень тихо.

Всѣмъ становилось ясно, что всѣ эти усилія тратятся даромъ, и что они никогда не достигнутъ берега.

— Благодарю васъ отъ души, дорогой кузенъ, и васъ, Кхасджи, что вы стараетесь сдѣлать для меня, но вы видете сами, что мы не можемъ добраться до берега, насъ уноситъ теченіемъ и мы не столько подвигаемся впередъ, сколько назадъ. Умоляю васъ, оставьте меня... однимъ вамъ, можетъ быть, удастся спастись и спасти Чандоса!

— Неужели вы думаете, что мы могли бы остаться жить послѣ того какъ покинули бы васъ?—воскликнулъ Поль-Луи,— вы оскорбляете насъ подобнымъ предположеніемъ, кузина!

Флорэнсъ не сказала ни слова, но молча стала плакать. Она чувствовала, что слезы ея истощились и что ей суждено стать причиной гибели этихъ двухъ людей.

— О, если бы я только могла исчезнуть!—думала она.

И въ тотъ моментъ, когда она мысленно произносила эту фразу, мысль ея помутилась, взглядъ потухъ и она потеряла сознаніе. Въ ту же минуту Чандосъ радостно крикнулъ:

— Друзья! налѣво дымокъ!

Кхасджи и Поль-Луи взглянули по тому направленію, куда онъ указывалъ рукой:—дѣйствительно, тонкая струйка дыма, едва замѣтная вдали, подымалась надъ водой.

— Пароходъ! но онъ не подойдетъ сюда ранѣе, какъ черезъ часъ!—сказалъ Поль-Луи.—Ну, все одно, надо бороться, бороться до послѣдней крайности!.. Не станемъ тратить силы, стараясь добраться до берега, это безполезно, будемъ заботиться только о томъ, чтобы продержаться продержатьсядо тѣхъ поръ на водѣ и продержать Флори.

Это было далеко не легкое дѣло. Силы пловцовъ слабѣли съ каждой минутой, мускулы страшно напрягались, глаза наливались кровью, члены отказывались служить, малѣйшее движеніе требовало страшныхъ усилій.

Къ счастью, Поль-Луи ошибся. То былъ не пароходъ, не грузный большой стимеръ, а простой паровой катеръ, который былъ вовсе не такъ далеко, какъ можно было предполагать, и теперь быстро приближался къ погибающимъ. Вскорѣ и головы людей стали видны надъ бортомъ.

Чандосъ сталъ размахивать своей шляпой, подымая какъ можно выше.

Всѣ трое разомъ крикнули, что было мочи. Ихъ замѣтили съ катера и прибавили хода. Въ тотъ моментъ, когда катеръ подошелъ къ утопающимъ, тѣ уже едва держались на водѣ.

— Держись, держись крѣпче!.. мы здѣсь, друзья!—крикнулъ добродушный, веселый голосъ Кедика.

— Ей, ребята! вотъ оказія, да тутъ есть женщина!—отозвался другой голосъ, принадлежавшій Комберуссу.

Еще минута,—и всѣ четверо пострадавшихъ лежали въ рядъ па днѣ катера.

VIII. Таинственный аннамитъ.

Комберуссъ и Кедикъ, подъ командою стараго Керадэка, только что отвезли на паровой шлюпкѣ записку командира Мокарю къ лоцману мыса Св. Якова, обитавшаго на сторожевомъ посту самаго маяка: «Юнона» собиралась уходить въ море, а частыя измѣненія песчанаго дна Донаи дѣлали для всякаго глубоко-сидящаго судна услуги лоцмана необходимыми какъ при входѣ на рейдъ Сайгона, такъ и при выходѣ въ море.

На возвратномъ пути отъ маяка вниманіе матросовъ на катерѣ было привлечено знаками Чандоса и крикомъ о помощи утопающихъ. Катеръ подоспѣлъ какъ разъ во время, чтобы спасти четырехъ друзей, что же касается переводчика, то о немъ перестали даже думать. Маленькая бѣлая точка, какою представлялась на поверхности воды его шляпа, вскорѣ слилась съ отдаленной линіей берега и перестала быть замѣтной.

Дѣлая по 12 узловъ въ часъ, катеръ быстро подвигался къ городу и, часъ спустя, послѣ того какъ Флоренсъ, Чандосъ, Поль-Луи и Кхасджи были приняты экипажемъ «Юноны» и спасены отъ вѣрной смерти, они прибыли вполнѣ благополучно въ гостиницу Тайвангъ, гдѣ, перемѣнивъ мокрое платье, вскорѣ возстановили свои силы нѣсколькими чашками превосходнѣйшаго чая.

Стоитъ ли говорить, что спасители были щедро вознаграждены за свое человѣколюбіе.

— Вотъ такъ ремесло, дядюшка! — воскликнулъ Комбруссъ, многозначительно подмигивая глазомъ и поглядывая на пять ясныхъ золотыхъ на своей испачканной дегтемъ ладони.— Что скажешь, дядюшка Ворчунъ?.. развѣ не въ сто разъ лучше выуживать изъ воды барынь съ кружевами, чѣмъ сплетать канаты, не такъ ли? Эхъ, сотни тысячъ чертей!.. вотъ, право, славное ремесло-то! никакихъ вычетовъ, никакихъ удержаній... жаль только, что въ этомъ дѣлѣ такъ часто бываетъ застой...

Керадекъ не сказалъ ни слова, но и по его лицу было видно, что онъ сильно взволнованъ, что же касается Кедика, то глаза у него блестѣли, и сердце усиленно билось при мысли, какую радость и благосостояніе доставятъ тамъ, дома, эти пять золотыхъ луи, добавочныхъ сверхъ его жалованія, какъ облегчатъ они бѣдной вдовѣ рыбака, его нѣжно любимой матери, существованіе на скалистомъ прибрежьѣ Рекувранс̆ъ.

И мистриссъ О'Моллой, и г. Глоагэнъ были въ ужасѣ отъ случившагося. Всѣмъ казалось страннымъ, что сампанъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, сталъ тонуть безъ всякой видимой причины, вѣдь не было ни порыва вѣтра, ни подводнаго камня, ничего подобнаго. Очевидно, его умышленно хотѣли затопить. По словамъ Кхасджи, аннамитъ, заслоненный парусомъ, могъ безъ труда открыть доступъ водѣ въ судно, а особенно, если онъ заранѣе позаботился приготовить отверстіе, которое заткнулъ на первое время. Что касается его лично, то Кхасджи былъ убѣжденъ, что успѣвшій незамѣтно раздѣться и спастись, не предупредивъ ихъ о грозящей имъ опасности, аннамитъ былъ никто иной, какъ все тотъ же таинственный врагъ, преслѣдовавшій своей непримиримою злобой семью полковника Робинзона и уже ранѣе не разъ покушавшійся на жизнь его дѣтей. Только теперь они находились въ первый разъ лицомъ къ лицу съ врагомъ, облеченнымъ въ осязаемую форму, хотя онъ и принялъ мѣры противъ того, чтобы не быть узнаннымъ, но пусть только онъ снова попадется Кхасджи, и тогда...

— Ты ошибаешься, добрый Кхасджи,—прошепталъ г. Глоагэнъ,—это уже не первый разъ!

При этомъ ему припомнился случай съ лодкой Чандоса въ моментъ встрѣчи «Сераписа». Онъ припомнилъ фигуру и смутно уловленныя имъ черты человѣка въ большомъ бѣломъ тюрбанѣ и что-то общее припоминалось ему между тѣмъ человѣкомъ и переводчикомъ аннамитомъ... Да, несомнѣнно, здѣсь была какая-то аналогія между этими двумя негодяями, но физіономія одного, сколько помнится, мало походила на физіономію другого, да кромѣ того Сайгонъ такъ далеко отъ Калькуты! Какъ мало вѣроятія на то, чтобы одинъ и тотъ же человѣкъ могъ очутиться и здѣсь, и тамъ въ столь короткое время, чтобы повторить однородную преступную попытку. Не подлежитъ сомнѣнію только то, что въ обоихъ случаяхъ единственной побудительной причиной этихъ злодѣяній была слѣпая безпощадная ненависть, преслѣдующая этихъ безвинныхъ дѣтей. Поль-Луи уже во второй разъ попадался за одно съ ними и только чудомъ оставался живъ. Не слѣдовало ли ожидать другихъ покушеній, болѣе вѣрныхъ и опасныхъ, чѣмъ предыдущія.

Всѣ эти мысли проносились въ головѣ г. Глоагэнъ—онъ не сказалъ ни слова, но глаза его, устремленные въ одну точку и необычайная блѣдность лица, все говорило ясно, какой тревогой была взволнована его душа—тревогой не только за другихъ, но и за своего единственнаго сына.

Мистриссъ О'Моллой была взволнована до послѣдней крайности.

— Да развѣ здѣсь нѣтъ полиціи, что подобныя вещи возможны! Этого негодяя слѣдовало бы уже арестовать, предать суду и безъ дальнѣйшихъ проволочекъ разстрѣлять или повѣсить. Я признаю только подобный образъ дѣйствія съ этими дикарями! И если вы хотите, чтобы я сказала вамъ правду, г. Глоагэнъ, то вотъ мое искреннее убѣжденіе — все это наше путешествіе въ Камбоджу чистое безуміе, намъ слѣдуетъ покинуть Азію, потому что только въ Европѣ мы можемъ разсчитывать на безопасность. Кто поручится мнѣ, что черезъ какой-нибудь часъ всѣ мы не взлетимъ на воздухъ вмѣстѣ съ этой

гостиницей, преслѣдуемые ненавистью этихъ демоновъ въ образѣ человѣческомъ! Нѣтъ, какъ хотите, но пока я здѣсь, я не сумѣю ни на минуту сомкнуть глаза, и знайте, что касается вашей затѣи отправиться въ камыши разыскивать какіе-то старые камни и кочки, то я вамъ не товарищъ, прошу извинить!.. Можете ли вы безъ ужаса подумать объ этомъ путешествіи при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ мы съ вами находимся здѣсь...

Нѣтъ, онъ дѣйствительно не могъ объ этомъ думать безъ ужаса и какъ не жаль, какъ не трудно было ему разстаться съ своей завѣтною мечтой, но для него было на свѣтѣ еще нѣчто такое, что было выше науки, выше археологіи—это долгъ, долгъ опекуна и отца, повелѣвавшій ему прежде всего не подвергать опасности жизнь этихъ трехъ молодыхъ существъ. Г. Глоагэнъ приходилъ мало-по-малу къ убѣжденію, что даже пребываніе ихъ здѣсь, въ Сайгонѣ, слѣдовало сократить насколько возможно.

— Сударыня,—сказалъ онъ, берясь за шляпу,—я иду навести справки, и съ первымъ пароходомъ, съ первой возможностью покинуть этотъ городъ, мы отправимся въ Европу!

Десять минутъ спустя г. Глоагэнъ стоялъ уже у окошечка правленія почтоваго пароходства и справлялся, скоро ли можно ожидать отправленія во Францію.

— Отправленія во Францію?—повторилъ за нимъ молодой служащій, выглядывая въ окошечко,—не ранѣе 28-го числа текущаго мѣсяца, милостивый государь, т. е. черезъ 19 дней.

— А въ одинъ изъ азіатскихъ портовъ, въ Сингапуръ, напримѣръ, или въ Шанхай?

— Въ Сингапуръ пароходъ отправляется 18-го числа, т. е. черезъ девять дней, а въ Шанхай пакетботъ изъ Калькутты «Деканъ» отправился только вчера и другого не будетъ ранѣе, какъ черезъ двѣ недѣли.

— Благодарю васъ,—сказалъ г. Глоагэнъ,—но нѣтъ ли еще какого-нибудь пакетбота, который отправлялся бы немедленно отсюда.

— Нѣтъ, милостивый государь — такого нѣтъ! — отвѣтилъ молодой служащій.

Г. Глоагэнъ вышелъ, чрезвычайно огорченный этою неудачей. Чѣмъ труднѣе было уѣхать изъ Сайгона, тѣмъ этотъ отъѣздъ казался ему необходимѣе. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, ждать 19, 15 и даже 9 дней, когда ежеминутно можетъ случиться непоправимое несчастье, когда невидимая, страшная опасность виситъ надъ головой Флорэнсъ, Чандоса и даже Поля-Луи. Отъ одной мысли объ этомъ кровь у него стыла въ жилахъ, но что было дѣлать? Что предпринять?

И погруженный въ эти невеселыя размышленія, онъ брелъ уныло впередъ, вдоль набережной Донаи, не видя и не замѣчая никого и ничего въ этой оживленной безпрерывно движущейся толпѣ прохожихъ.

Вдругъ довольно сильный толчекъ, заставилъ его очнуться.

— Розиня!.. надо смотрѣть куда идешь!—крикнулъ чей-то густой раздраженный голосъ.

Дѣло въ томъ, что г. Глоагэнъ, погруженный въ задумчивость, натолкнулся прямо на какого-то морского офицера, шедшаго навстрѣчу, и чуть было не стукнулся съ нимъ лбомъ, чтобы непремѣнно случилось, не остерегись тотъ во время. Пробужденный этимъ строгимъ окликомъ, г. Глоагэнъ поднялъ глаза и увидалъ передъ собою человѣка лѣтъ пятидесяти, съ сѣдыми бакенбардами и краснымъ цвѣтомъ кожи, живого, энергичнаго, съ горделивой осанкой и добрыми глазами, въ обычной формѣ командира военнаго судна. И вдругъ у обоихъ встрѣчныхъ почти разомъ вырвалось восклицаніе:

— Глоагэнъ!

— Мокарю!

— Такъ это ты такъ со всего размаха налетаешь на людей!

— А ты такъ облаиваешь прохожихъ, какъ цѣпная дворняга!

— Эхъ, чортъ! вотъ кого я не думалъ встрѣтить въ Кохинхинѣ!

— Да, все на свѣтѣ бываетъ, милый другъ!

И друзья обнялись и расцѣловались. Старые школьные товарищи, они до сихъ поръ сохранили самыя дружескія и сер-

дечныя отношенія, хотя и видались лишь изрѣдка. Г. Глоагэнъ сидѣлъ, зарывшись въ свои книги, безвыѣздно въ Нантѣ, а въ послѣдніе годы въ Парижѣ, а Мокарю почти постоянно находился въ морѣ. Но время отъ времени послѣдній навѣдывался въ Нантъ и въ Парижъ и тогда всякій разъ заглядывалъ къ старому товарищу, и въ эти памятныя встрѣчи они обѣдали или ужинали вмѣстѣ, гдѣ-нибудь въ хорошемъ ресторанѣ и далеко за полночь бесѣдовали по душѣ, обмѣнивались новостями, воскрешали воспоминанія, строили планы на будущее, а затѣмъ разставались снова на три-четыре года и даже болѣе.

И вотъ случай ихъ снова столкнулъ и при столь непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ. Друзья разговорились и, какъ и слѣдовало ожидать, г. Глоагэнъ разсказалъ капитану о трагическомъ, теченіи обстоятельствъ, побудившемъ его пріѣхать въ Сайгонъ и теперь принуждавшемъ его покинуть этотъ городъ возможно скорѣе, разсказалъ также и о своей неудачѣ и своемъ глубокомъ огорченіи и затрудненіи по этому поводу.

— Я не вижу другого средства помочь твоему горю,—сказалъ капитанъ Мокарю,—какъ только предложить тебѣ и всей твоей компаніи сѣсть на мой фрегатъ и совершить плаваніе вмѣстѣ со мной. Это, конечно, не совсѣмъ законно, такъ какъ казенныя суда не имѣютъ права принимать пассажировъ и предназначаются только для должностныхъ лицъ, находящихся на государственной службѣ, военной или гражданской, но съ твоими заслугами въ области науки, съ твоими трудами, одобренными академіей, ты имѣешь полное основаніе считаться государственнымъ дѣятелемъ... Пусть меня черти возьмутъ, если, по прибытіи въ Тулонъ, мы не сумѣемъ уладить это дѣло съ морскимъ министромъ! Въ крайнемъ случаѣ, вамъ придется уплатить штрафъ.

Но что самъ онъ рисковалъ при этомъ своею службой, объ этомъ капитанъ Мокарю не упомянулъ ни слова.

— Въ самомъ дѣлѣ? Неужели ты согласился принять всѣхъ насъ на твой фрегатъ? — сказалъ г. Глоагэнъ, глубоко тронутый этимъ великодушнымъ предложеніемъ своего друга.

— И съ величайшей радостью! Помнишь, это была наша

давнишняя мечта провести вмѣстѣ нѣсколько мѣсяцевъ, такъ оно и будетъ теперь,—потому что я долженъ тебя предупредить, что «Юнонѣ» приказано обойти мысъ Горнъ съ заходомъ на Маркизы, Таити и, быть можетъ, на островъ св. Пасхи.

— Неужели! на островѣ св. Пасхи есть замѣчательнѣйшія древности!—радостно воскликнулъ археологъ.—Знаменитые идолы, вотъ было бы любопытно ихъ повидать! Черезъ мысъ Горнъ, это, конечно, дальнее путешествіе, но вѣдь у насъ нѣтъ выбора, а между тѣмъ намъ необходимо немедленно покинуть Сайгонъ!.. Благодарю сердечно еще разъ!

— А сколько васъ всѣхъ-то?

— Семь человѣкъ, считая въ томъ числѣ и стараго преданнаго солдатика, который, вѣроятно, не захочетъ разстаться съ нами.

— Ну, такъ знай, мы уходимъ завтра. Если хотите, можете сегодня же перебираться ко мнѣ на судно. Черезъ два часа я пришлю вамъ шлюпку и самъ устрою васъ на «Юнонѣ». Гдѣ вы остановились здѣсь?

— Въ гостиницѣ Тайвангъ.

— Прекрасно, значитъ, это дѣло рѣшенное?.

— Да, конечно!

— Такъ черезъ два часа я пришлю своихъ матросовъ за вами и за вашими вещами!

Затѣмъ товарищи пожали другъ другу руки и разошлись. Г. Глоагэнъ вернулся чрезвычайно довольный и счастливый въ свою гостиницу, а капитанъ Мокарю отправился побродить по улицамъ Сайгона.

Мистриссъ О'Моллой была, конечно, очень рада, узнавъ, что они могутъ покинуть городъ раньше даже, чѣмъ она могла ожидать, а Чандосъ шумно выразилъ свой восторгъ по тому случаю, что они совершатъ длинное путешествіе на военномъ кораблѣ. Майоръ, конечно, не имѣлъ ничего противъ, да и не могъ имѣть противъ, разъ г-жа О'Моллой была довольна. Поль-Луи и Флоренсъ приняли преспективу провести пять-шесть мѣсяцевъ въ морѣ безъ особаго огорченія, но и безъ особаго увлеченія.

Результатомъ послѣдняго печальнаго приключенія получилось, однако, извѣстнее сердечное сближеніе, какая-то новая тѣсная связь между кузеномъ и кузиной. Ихъ отношенія, натянутыя и холодныя въ Калькуттѣ и даже на «Деканѣ», теперь вдругъ стали теплыми и дружественными. Флорэнсъ, разставшись съ пустой и чопорной свѣтской средой, въ которой она до тѣхъ поръ вращалась, безсознательно дала волю своимъ лучшимъ чувствамъ и побужденіямъ, а ея самоотверженность и спокойствіе въ моментъ страшной опасности и близкой гибели невольно вызвали восхищеніе въ душѣ Поля-Луи. Она же, со своей стороны, разсуждала такъ: «вѣдь онъ прекрасно могъ доплыть одинъ до берега и не идти на встрѣчу вѣрной смерти вмѣстѣ со мной»,и чувство искренней, трогательной признательности къ молодому человѣку невольно пробудилось въ сердцѣ Флорэнсъ.

Въ шесть часовъ вечера воздухъ огласился пріятными звуками военной музыки, игравшей подъ открытымъ небомъ прекрасныя аріи изъ «Роберта Дьявола», доносившіяся и до гостиницы Тайвангъ. То былъ 6-й полкъ морской пѣхоты, прощавшійся съ обитателями Сайгона, такъ какъ въ 9 часовъ послѣ зари полкъ долженъ былъ сѣсть на фрегатъ, чтобы отправиться въ дальній путь.

— Почему бы и намъ не пойти на стрѣлку Лежень и не посмотрѣть сайгонскій бо-мондъ?—предложила Флорри.—У насъ еще есть время, тѣмъ болѣе, что весь нашъ багажъ уложенъ и готовъ.

Поразмысливъ немного, г-жа О'Моллой рѣшила, что, въ сущности, здѣсь не можетъ быть никакой особенной опасности такъ какъ мѣсто людное и, вѣроятно, будутъ и представители полиціи, а потому рѣшила, что прогулка эта возможна. Все маленькое общество направилось къ мѣсту этой модной прогулки, не исключая и Кхасджи, не отходившаго теперь ни на шагъ отъ дѣтей своего бывшаго начальника.

Въ этотъ самый день по утру было объявлено командѣ Юнонѣ разрѣшеніе съѣзжать на берегъ. Въ шесть часовъ утра,

послѣ молитвы, раздался пронзительный свистокъ, и вслѣдъ за нимъ слова команды:

— Получившіе разрѣшеніе всѣ на верхъ!

Всѣ ринулись бѣгомъ на палубу, толкаясь и перегоняя другъ друга, и чинно выстроились въ надлежащемъ порядкѣ. У всѣхъ были веселыя, довольныя лица, но особенно сіяющимъ и счастливымъ смотрѣлъ Кедикъ.

Минуту спустя, послѣдовалъ приказъ командира:

— Люди первой очереди могутъ съѣзжать сейчасъ же и къ полудню явиться на судно. Люди второй очереди отправятся въ пять часовъ пополудни и должны явиться къ десяти часамъ вечера!

Такъ это, значитъ, цѣлыхъ пять часовъ отпуска, а не два, какъ говорилъ этотъ оселъ, Кедикъ! Всѣ разинули рты; глаза у всѣхъ смѣялись. Экипажъ былъ въ восторгѣ. По его мнѣнію, въ цѣломъ французскомъ флотѣ нѣтъ другого такого командира, какъ капитанъ Мокарю. И всякій, кто думаетъ или говоритъ иначе, пустой, нестоющій человѣкъ...

— Садись на шлюпки!—раздалась команда.

Шлюпки стояли въ должномъ порядкѣ, люди стали спускаться и садиться на мѣста.

— Отваливай!—крикнули боцмана.

Мѣрными взмахами веселъ шлюпки стали быстро подвигаться впередъ, по направленію къ набережной.

Кедикъ состоялъ во второй очереди и потому долженъ былъ съѣхать на берегъ только вечеромъ, вслѣдствіе чего и случилось такъ, что онъ былъ посланъ днемъ на паровой шлюпкѣ на мысъ Св. Якова съ письмомъ отъ командира къ лоцману и на возвратномъ пути участвовалъ, вмѣстѣ съ остальными, въ спасеніи нашихъ погибавшихъ друзей.

Уже въ половинѣ шестого онъ былъ на почтѣ, и отправивъ такъ неожиданно полученные имъ пять золотыхъ и большую часть своего содержанія вмѣстѣ съ длиннымъ подробнымъ письмомъ на имя вдовы Кедикъ, въ Рекуврансъ, черезъ Брестъ-Финистеръ, съ сильно опустѣвшимъ кошелькомъ, но съ веселымъ сердцемъ и въ самомъ радостномъ настроеніи духа сталъ

бродить по набережной, поджидая Керадэка, съ которымъ онъ долженъ былъ по уговору вмѣстѣ поужинать въ какомъ-нибудь café. Керадэкъ обѣщалъ придти не ранѣе семи часовъ, слѣдовательно, оставался еще почти цѣлый часъ времени въ его распоряженіи, и онъ положительно не зналъ, куда ему дѣвать это время. Конечно, рейдъ Сайгона могъ показаться интереснымъ даже и болѣе избалованному туристу, но Кедикъ на все смотрѣлъ съ исключительной точки зрѣнія моряка и потому принялся разглядывать оснастку туземной кохинской джонки, мысленно сравнивая ее съ оснасткой французской яхты. Онъ уже минутъ десять стоялъ на одномъ мѣстѣ, погруженный въ созерцаніе, какъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то тихонько тронулъ его за плечо. Обернувшись, онъ увидѣлъ передъ собою довольно странную личность.

Это былъ, повидимому, мужчина, насколько можно было судить по физіономіи, такъ какъ по костюму у туземцевъ весьма трудно отличить мужчину отъ женщины. Это былъ смуглый безбородый человѣкъ съ жесткимъ выраженіемъ рта и глазами, прикрытыми большими китайскими очками съ темно-синими стеклами; громадная широкополая шляпа почти совершенно скрывала его лицо, нижнюю часть котораго незнакомецъ прикрывалъ большимъ бумажнымъ вѣеромъ. Удивленный Кедикъ смотрѣлъ вопросительно на страннаго незнакомца.

Вмѣсто отвѣта этотъ послѣдній указалъ пальцемъ на черную ленточку на матросской фуражкѣ Кедика, на которой было написано золотыми буквами названіе судна «Юнона».

— Французское судно?—спросилъ гортаннымъ голосомъ незнакомецъ, при чемъ, казалось, что голосъ этотъ исходитъ не отъ него, а изъ какого-нибудь подземелья.

— Да,—отвѣтилъ Кедикъ.

— Уходитъ когда?

— Завтра утромъ.

— Пассажиры есть?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ молодой бретонецъ,—это государственное военное судно, на которое принимаютъ только войска и лицъ, находящихся на государственной службѣ.

Незнакомецъ, казалось, остался особенно доволенъ полученными имъ свѣдѣніями.

Онъ снялъ руку съ плеча молодого матросика и, отцѣпивъ отъ пояса вязку сепэкъ, сунулъ ее въ руку Кедику, потомъ, прежде чѣмъ послѣдній успѣлъ сообразить, что это туземная монета, незна- комецъ уже скрылся въ толпѣ.

IX. Комберуссъ не можетъ понять.

Кедикъ продолжалъ разгуливать по набережной безъ всякой опредѣленной цѣли, но вскорѣ, привлеченный звуками военной, самъ того не замѣчая, очутился на стрѣлкѣ Лежень.

Праздникъ былъ въ полномъ разгарѣ. Весь Сайгонъ собрался здѣсь, и европейцы, и аннамиты, и пріѣзжіе купцы, и офицеры въ блестящихъ мундирахъ, и дамы въ нарядныхъ туалетахъ, и мандарины въ затканныхъ шелковыхъ одеждахъ, и жены ихъ съ накрашенными губами и яркими уборами наполняли аллеи и занимали скамейки и бамбуковые стулики, разставленные въ четыре ряда вдоль красивой галлереи, выходившей на рейдъ.

Оркестръ пересталъ играть, окончивъ одну изъ пьесъ репертуара, когда Кедикъ, пройдя въ толпѣ со связкою сепэковъ въ рукѣ, услыхалъ за собою разговоръ:

— Я готовъ биться объ закладъ, на что угодно, что онъ бретонецъ,—говорилъ какой-то пожилой господинъ, прогуливавшійся съ двумя молодыми людьми.—Это чистый типъ кельта, и если онъ не прямой потомокъ друидовъ, то я, право, согласенъ разъ на всегда отказаться отъ изученія антропологическихъ признаковъ,—заявилъ пожилой господинъ, который былъ никто иной, какъ г. Глоагенъ, а молодые люди, бывшіе съ нимъ, Поль-Луи и Чандосъ.

— Не правда-ли, другъ,—обратился археологъ къ Кедику,— ты съ Финистера?

— Да, сударь, изъ Рекувранса,—отвѣчалъ юноша, дотрагиваясь рукой до своей фуражки.

— Вотъ видите! не говорилъ-ли я?—сказалъ Глоагэнъ.—Изъ

Рекувранса, самой конечной точки мыса, настоящій бретонецъ, а я, голубчикъ мой, изъ Нанта,—привѣтливо улыбаясь, добавилъ онъ,—да мы, какъ видно, вмѣстѣ съ тобой будемъ плавать, вѣдь ты изъ экипажа «Юноны», а эти господа и я, мы сегодня же вечеромъ переберемся къ вамъ на судно съ особаго разрѣшенія командира.

Между тѣмъ Поль-Луп и Чандосъ смотрѣли на молодого матросика съ тѣмъ невольнымъ чувствомъ симпатіи, какое возбуждаютъ къ себѣ юные моряки.

— Если не ошибаюсь, вы были сегодня на той паровой шлюпкѣ, которая шла отъ мыса Св. Якова.

— Такъ точно,—засмѣялся Кедикъ. Онъ съ перваго же взгляда узналъ обоихъ молодыхъ людей.

— Вы насъ простите, что мы не сразу признали въ васъ нашего спасителя, но, право, мы были въ такомъ состояніи...

— Это и видно было!—засмѣялся Кедикъ.

— А давно вы плаваете?—спросилъ Чандосъ.

— Да, кажется, съ самаго дня рожденія. Я помню себя крошечнымъ ребенкомъ, когда плавалъ съ отцомъ, служившимъ на каботажномъ суднѣ, которое плавало между Нантомъ и Бордо, а иногда занимался ловлей сардинъ... Когда же онъ скончался, то меня опредѣлили въ школу юнгъ и вотъ теперь скоро годъ, какъ я матросъ...

Затѣмъ, какъ бы набравшись смѣлости во время разговора, онъ вдругъ спросилъ, показывая свою связку сепэковъ.

— Не будете-ли вы такъ добры, господа, сказать мнѣ, что это такое? Какой-то туземецъ сейчасъ далъ мнѣ это, и я не знаю, что съ этимъ дѣлать.

— Это, милѣйшій мой, туземная монета, 6 такихъ штучекъ составляютъ одинъ сантимъ, а вся связка, если она не початая, стоитъ на наши деньги 1 франкъ... Но, до свиданія... мы вскорѣ увидимся съ вами на суднѣ!—сказалъ г. Глоагенъ.

— До свиданія, сударь, до свиданія, молодые господа,—отвѣтилъ Кедикъ, съ особенной радостью отвѣчая на дружескія рукопожатія молодыхъ людей. Онъ вдругъ почувствовалъ къ нимъ особое сердечное влеченіе, какую-то неопреодолимую потребность сдѣ-

лать для нихъ что-нибудь больше того, что онъ сдѣлалъ, доказать имъ свою самоотверженную преданность, онъ хотѣлъ бы не разставаться съ ними, всюду идти за ними, но не посмѣлъ и удовольствовался тѣмъ, что издали слѣдилъ за ними въ толпѣ.

Онъ брелъ задумчиво, провожая ихъ глазами, когда вдругъ снова почувствовалъ, что чья-то рука опустилась на его плечо. Обернувшись, онъ увидалъ передъ собою того-же таинственнаго аннамита въ синихъ очкахъ.

— Ты знаешь этихъ людей?—спросилъ онъ на ломаномъ французскомъ языкѣ, и при этомъ указалъ пальцемъ на г. Глоагэна, Чандоса и Поль-Луи.

— Нѣтъ, очень мало,—нехотя отвѣтилъ Кедикъ, чувствуя, что эти синія очки давятъ его какой-то непонятной силой.

— Что они говорили тебѣ?

— Они спросили, бретонецъ-ли я родомъ,—сказалъ молодой матросъ—и, кажется, думаютъ отплыть на нашемъ суднѣ, а потому-то вѣрно и заговаривали со мной.

При этомъ незнакомецъ схватилъ его руку съ такою силой, что тотъ чуть было не вскрикнулъ. Глаза незнакомца метали молніи даже сквозь темныя стекла его очковъ.

— Они хотятъ отплыть на вашемъ суднѣ? Отплыть завтра по утру?

Кедикъ утвердительно кивнулъ головой.

— А ты говорилъ, что нѣтъ пассажировъ на суднѣ!—въ бѣшенствѣ восклицалъ аннамитъ, сверкая глазами и съ пѣной въ углахъ рта.

— Да, говорилъ, я не зналъ—имъ, кажется, дано особое разрѣшеніе... А впрочемъ, какое вамъ дѣло? что вы ко мнѣ пристали? вотъ ваши деньги и оставьте меня въ покоѣ!

Но незнакомецъ не замѣтилъ перемѣны тона и продолжалъ:

— Хочешь перемѣниться со мной платьемъ, я дамъ тебѣ денегъ много-много...

Кедикъ разсмѣялся:

— Да, меня осмѣяли бы на суднѣ, мнѣ прохода не будетъ отъ товарищей, если я вернусь на корабль въ нарядѣ аннамита, да я попаду въ карцеръ на два мѣсяца!

— Такъ ты можешь остаться здѣсь, тебѣ не за чѣмъ ѣхать!— продолжалъ незнакомецъ.

— Чтобы я сталъ дезертиромъ! Я—Кедикъ!—воскликнулъ новичекъ,—ой, да вы мнѣ начинаете надоѣдать, оставьте вы меня въ покоѣ!—И повернувшись къ нему спиной, мальчикъ зашагалъ въ сторону отъ навязчиваго незнакомца.

Аннамитъ, оставшись одинъ, какъ будто призадумался, затѣмъ, точно принявъ какое-то рѣшеніе, направился въ городъ по одной изъ улицъ, параллельныхъ арроямъ.

Весь вечеръ прошелъ на Юнонѣ въ пріемѣ пассажировъ разнаго рода. Съ семи часовъ вечера подходили шлюпки одна за другою и высаживали пріѣзжихъ: сперва г. Глоагена съ его друзьями, которыхъ командиръ Мокарю встрѣтилъ на трапѣ, а матросы, завладѣвъ ихъ багажами, быстро отправляли ихъ въ трюмъ. Гостей устроили прекрасно въ кормовыхъ каютахъ, выходящихъ въ гостиную командирской каюты, а Кхасджи въ видѣ особой милости, получилъ разрѣшеніе спать поперекъ дверей каюты Чандоса.

Устроивъ своихъ гостей, капитанъ Макарю, сіяющій, въ полной парадной формѣ, простился съ ними на время, такъ какъ долженъ былъ присутствовать на обѣдѣ у губернатора.

— Ахъ, наконецъ-то, я вздохну свободно!—воскликнула мистриссъ О'Моллой, вступая на палубу Юноны,—до настоящаго момента я все чувствовала себя не въ безопасности, но теперь—дѣло другое.

И при этомъ къ ней разомъ вернулся весь ея британскій апломбъ; она обвела лорнетомъ кругомъ себя и оставшись, вѣроятно, довольна своимъ осмотромъ, вымолвила, обращаясь къ капитану Мокарю.

— Ахъ, капитанъ, я положительно удивлена тѣмъ, что вижу; вашъ фрегатъ въ прекраснѣйшемъ порядкѣ, и люди ваши смотрятъ очень хорошо, все бравый, расторопный и толковый народъ, какъ я вижу!.. Право, можно подумать, что находишься на суднѣ англійскаго флота!.. я никогда не повѣрила-бы, еслибы мнѣ сказали... также и музыка сегодня на променадѣ...

прекраснѣйшая военная музыка... ничѣмъ не хуже музыки нашего стрѣлковаго полка, право-же, это ужасно удивительно!

— Вы, какъ я вижу, принимали насъ за дикарей, сударыня!—ворчливымъ тономъ замѣтилъ командиръ, — это объясняется тѣмъ, что вы насъ не знали...

Мистриссъ О'Моллой, сконфуженная тѣмъ, что капитанъ Мокарю такъ вѣрно угадалъ ея мысль, и затѣмъ такъ ловко пристыдилъ ее и оправдалъ своихъ соотечественниковъ, съ минуту не нашлась, что отвѣтить, тотчасъ-же оправилась и сказала:

За дикарей? ну—нѣтъ, но во всякомъ случаѣ вы должны согласиться, капитанъ, что между Англіей и другими націями все-же есть извѣстная разница...

— О, да, Англія менѣе цивилизована, чѣмъ континетъ, это несомнѣнно,—сказалъ капитанъ,—она одна сохранила еще по настоящее время право старшинства въ ущербъ младшихъ въ семьѣ, которые становятся какими-то обездоленными паріями и чужими въ отеческомъ дому; она одна сохранила плети для своихъ моряковъ и для своихъ плѣнныхъ. Она такъ ужасно жестока и безсердечна къ своимъ бѣднякамъ, что они принуждены цѣлыми тысячами эмигрировать или искать спасенія въ самоубійствѣ, чтобы избавиться отъ вашихъ рабочихъ домовъ. Она обращается такъ безчеловѣчно съ присоединенными къ ней народами, что всѣ они питаютъ къ ней самую безпощадную ненависть, самую непримиримую вражду и ищутъ только удовлетворенія въ мести и убійствахъ. По прошествіи цѣлаго столѣтія, она не съумѣла усмирить Индію, несмотря ни на какія мѣропріятія—и черезъ двѣсти лѣтъ Ирландія все еще не можетъ утѣшиться, что стала англійской. Америка празднуетъ, какъ счастливѣйшій день своего существованія, тотъ, когда она отдѣлилась отъ Англіи... и не сегодня, завтра, Австралія сдѣлаетъ то-же.. Да, я вполнѣ согласенъ съ вами, сударыня, что между Англіей и европейскими народами есть извѣстная разница!

Мистриссъ О'Маллой была положительно поражена такимъ отвѣтомъ капитана. Ей никогда даже на умъ не приходило, чтобы какой-нибудь иностранецъ могъ считать себя равнымъ англичанину, а тѣмъ болѣе, думать, что принадлежитъ къ еще

высшей расѣ. Она, конечно, хотѣла возражать, но командиръ Юноны извинился, что не можетъ въ данный моментъ продолжать разговора, такъ какъ долженъ быть на обѣдѣ у губернатора и что ему пора отправляться сейчасъ-же, если онъ не желаетъ опоздать.

Послѣ этого онъ вѣжливо откланялся и удалился.

Въ восемь часовъ большія барки на буксирѣ паровыхъ катеровъ стали подвозить къ судну войска, разомъ человѣкъ по сто. Едва ступивъ на палубу, они спускались внизъ, въ предназначенное для нихъ помѣщеніе, и, подвѣсивъ свои койки, располагались на ночлегъ.

Слѣдомъ за морскою пѣхотой прибылъ отрядъ жандармовъ, который слѣдовало завезти на Маркизовы острова и оставить тамъ, согласно распоряженію высшей администраціи.

Въ десять часовъ вернулись отпущенные второй очереди матросы, а въ полночь и все старшее начальство «Юноны» во главѣ со своимъ командиромъ, офицерами морской пѣхоты и жандармскими начальниками.

Всѣ прекрасно устроились и расположились и уже спали крѣпкимъ сномъ, когда около двухъ часовъ ночи вахтенный матросъ далъ знать, что у борта показалась шлюпка. Вахтенный офицеръ подошелъ къ трапу и окликнулъ шлюпку.

— Слушай!.. какая шлюпка?.. Что надо.

— Шлюпка съ таможеннаго поста... мы привезли вамъ человѣка, найденнаго совершенно раздѣтымъ близъ одного дома на набережной; мы приняли его за матроса Юноны и привезли сюда...

Офицеръ подалъ свистокъ.

— Спустить трапъ!—принять, если окажется нашъ!—скомандовалъ офицеръ.

Въ три минуты приказаніе было исполнено, двое матросовъ спустились на шлюпку и тотчасъ-же признали въ безжизненной фигурѣ, закутанной въ клеенчатый плащъ, Комберусса.

— Нашъ, ваше благородіе!—крикнули они.

— Принимай!—скомандовалъ офицеръ.

Матросы схватили спящаго товарища за плечи и за ноги

и, минуту спустя, бережно опустили его на палубу своего судна.

— Въ карцеръ!..—коротко вымолвилъ вахтенный офицеръ, приказанiе котораго было немедленно исполнено.

Теперь послѣднiй запоздавшiй былъ уже на суднѣ, и «Юнона» могла сняться съ якоря. Было около четырехъ часовъ утра, и пассажиры всѣ еще спали, когда фрегатъ плавно вышелъ изъ водъ Донаи и вскорѣ оставилъ далеко за собою дома, набережныя и сады Сайгона, утонувшiе въ прозрачномъ утреннемъ туманѣ. Сейчасъ «Юнона» должна обогнуть мысъ св. Якова, и лоцманъ въ своей маленькой лодочкѣ только что отчалилъ отъ борта «Юноны», у которой она шла на буксирѣ когда люди праваго борта, бывшiе на очереди, замѣтили на днѣ пустого ящика на носовой палубѣ полную экипировку рядового матроса, которую они тотчасъ-же и представили дежурному боцману. По тщательномъ осмотрѣ оказалось, что вся эта одежда принадлежала Комберуссу,который все еще охалъ и стоналъ въ карцерѣ на днѣ трюма, не успѣвъ еще достаточно протрезвиться, чтобы быть въ состоянiи дать себѣ отчетъ въ случившемся.

Когда же бѣдный марселецъ появился на палубѣ, то товарищи его не давали ему прохода, поддразнивая его и подшучивая надъ нимъ: одни увѣряли, что онъ колдунъ и колдовствомъ съумѣлъ вернуть себѣ свое платье, пропажа котораго, несомнѣнно, довела бы его до военнаго суда. Другiе утверждали, что бѣдняга положительно обезумѣлъ вчера отъ радости, что у него въ карманѣ звенѣли червонцы и, вѣроятно, на радостяхъ, оставивъ на суднѣ одежду, вплавь отправился на берегъ, гдѣ прокутилъ цѣлый вечеръ въ костюмѣ прародителя Адама.

Самъ-же Комберуссъ помнилъ только одно, что пилъ ужасно много бордо, мадеры, шампанскаго, англiйскаго портера, пива французской водки, рому, джину и всякаго рода ликера въ обществѣ очень привѣтливаго и любезнаго туземца - аннамита, съ которымъ онъ встрѣтился и познакомился въ одномъ изъ кабачковъ Сайгона. Но что касается того, какими судьбами онъ очутился въ одной рубашкѣ, спящимъ на тротуарѣ набережной, этого онъ положительно не зналъ. Безъ сомнѣнiя, онъ

слегка задремалъ подъ вліяніемъ выпитаго имъ вина, и какіе нибудь негодяи китайцы, которыхъ всюду во всѣхъ азіатскихъ портахъ, какъ не рѣзаныхъ собакъ, обокрали его.

Все это было-бы весьма понятно, но бѣдняга никакъ не могъ понять, какъ могло случиться, что все его платье отъискалось на суднѣ. И во всю свою жизнь Комберуссъ не могъ уяснить себѣ этой загадки и не могъ вполнѣ успокоиться. Нерѣдко уже впослѣдствіи онъ вдругъ останавливался въ разговорѣ на полсловѣ и, обращаясь къ своему помощнику, Барбедетту восклицалъ:

— Но скажи, наконецъ, какъ это могло случиться? Какъ могло мое платье очутиться на кораблѣ?.. Кому нужно было отнять его у меня съ тѣмъ, чтобы снова возвратить его мнѣ?

На это Барбедеттъ только пожималъ плечами и молчалъ, многозначительно возводя глаза къ небу, какъ бы желая выразить этимъ, что на землѣ есть многое такое, что является намъ необъяснимою тайной.

Но если бы Комберуссъ случайно слышалъ разговоръ, происходившій вскорѣ послѣ этого инциндента на кормовой части корабля, то, быть можетъ, онъ съумѣлъ бы найти весьма простую разгадку къ мучившей его тайнѣ.

Прошло не болѣе трехъ часовъ съ тѣхъ поръ, какъ берегъ Кохинхины скрылся изъ вида, когда боцманъ подошелъ сперва къ вахтенному начальнику, а затѣмъ къ командиру, молча разгуливавшему по своему обыкновенію взадъ и впередъ по палубѣ.

— Честь имѣю доложить вашему благородію,—сказалъ онъ, подходя къ командиру и выждавъ, когда тотъ пріостановился на минуту,—что люди сейчасъ застали человѣка, не принадлещаго къ экипажу и никому неизвѣстнаго, старавшагося пробраться въ одну изъ пищевыхъ камеръ. Насколько можно думать, это, вѣроятно, туземецъ Кохинхины или метисъ малаецъ.— Онъ полу-негръ и, кажется, сильно глуповатымъ. По-французски не понимаетъ ни слова, такъ что отъ него ничего нельзя добиться.

— Какой-нибудь кули, случайно оставшійся здѣсь и работавшій при нагрузкѣ угля?

— Нѣтъ, ваше благородіе, мы спрашивали комиссара, онъ говоритъ, что не знаетъ этого человѣка.

— Ну, такъ это, просто, какой-нибудь бѣднякъ, надѣявшійся безплатно добраться до Сингапура, Шанхая и Кантона.

Боцманъ терпѣливо ждалъ рѣшенія командира.

— Въ трюмъ его и запереть, конечно, въ карцеръ!—произнесъ капитанъ и сталъ продолжать свою прогулку по палубѣ.

X. Судъ на фрегатѣ.

Прошло уже два мѣсяца и десять дней съ того времени, какъ „*Юнона*“ покинула рейдъ Сайгона. Плаваніе ея за все это время совершалось вполнѣ благополучно. Бывшее парусное судно было превращено въ паровое, сохранивъ, однако, свою парусность. При благопріятныхъ вѣтрахъ «Юнона» шла на парусахъ, при штилѣ или противномъ вѣтрѣ подъ парами. За это время «Юнона» успѣла пройти проливъ Малакку и Торресовъ между Новой Гвинеей и австралійскимъ материкомъ, зайти на Маркизовы острова и на островъ Таити, и теперь шла вдоль тропика Козерога, направляясь къ острову Пасхи.

Путешествіе это не отличалось большимъ разнообразіемъ, а стоянки въ Нука-Хива, на Маркизовыхъ островахъ и на Таити были столь непродолжительны, что только командиръ со своими гостями, да старшіе офицеры успѣли съѣхать на берегъ на нѣсколько часовъ.

Ни птицъ, ни даже кашалота или кита не попадалось въ этихъ широтахъ, словомъ, ничего, что могло-бы сколько-нибудь разнообразить жизнь на суднѣ. И, признаться, всѣ, за немногимъ исключеніемъ, изрядно скучали. Особенно томительной являлась эта скука для солдатъ морской пѣхоты, вынужденныхъ, вслѣдствіе судовой обстановки, къ полнѣйшему бездѣйствію во время всего переѣзда.

Нѣкоторые изъ нихъ тайкомъ занимались какой-нибудь запрещенной игрою, проигрывая свою порцію водки, большинство-же томилось, какъ узники въ тюрьмѣ. Матросы питаютъ къ

солдатамъ морской пѣхоты самое явное презрѣніе и не упускаютъ ни единаго случая подтрунить или посмѣяться надъ ними и, только благодаря строжайшему надзору, старшимъ въ ротахъ и начальству удается кое-какъ поддерживать порядокъ, не то въ солдатской похлебкѣ ежедневно оказывались бы самые нежелательные приварки, въ родѣ обрывкомъ промазаннаго дегтемъ и смолою каната, старой негодной матросской фуражки, стоптанныхъ подметокъ и т. п., въ предотвращеніе чего приходится солдатскій котелъ запирать на замокъ и ставить къ нему постоянно часового. Но это не мѣшаетъ, конечно, всякаго рода штукамъ и продѣлкамъ матросовъ надъ солдатами въ чемъ-либо другомъ. Это своего рода священная традиція, и никакія наказанія не въ состояніи искоренить ее. Офицеры знаютъ это и хотя налагаютъ взысканія, но какъ бы шутя, безъ надлежащей строгости.

Они тоже скучаютъ нестерпимо, не зная ничего, кромѣ вѣчнаго виста, который вскорѣ становится положительно несноснымъ. Нѣкоторые читаютъ и изучаютъ иностранные языки, но такихъ мало, большинство же отстаиваетъ свою вахту и наивно ждетъ прибытія въ ближайшій портъ.

Одинъ командиръ, капитанъ Мокарю, никогда не скучалъ въ морѣ:—страстный морякъ въ душѣ, онъ находилъ интересъ въ мельчайшихъ подробностяхъ своей службы, входилъ рѣшительно во все и кромѣ того занимался различными метеорологическими наблюденіями и каждый годъ посылалъ двѣ-три серьезныхъ статьи въ „*Revue Maritime и Coloniale*“. Теперь-же онъ былъ особенно счастливъ и доволенъ тѣмъ, что имѣлъ подлѣ себя своего дорогого друга Глоагэна и нѣсколько человѣкъ другихъ гостей за своимъ столомъ.

Со свойственнымъ ему знаніемъ людей, онъ сразу угадалъ странныя замашки мистриссъ О'Моллой и съумѣлъ при первомъ же случаѣ дать ей понять, что онъ не изъ тѣхъ людей, которые позволятъ ей здѣсь командовать и распоряжаться, какъ она привыкла это дѣлать у себя въ полку. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ умѣлъ цѣнить и ея несомнѣнныя качества, ея материнскую привязанность къ дѣтямъ покойнаго полковника Робинзона, ея

правдивость и добродушіе. Къ Флорри капитанъ относился съ отеческой заботливостью и вмѣстѣ рыцарской любезностью; Поль-Луи привлекалъ его своимъ серьезнымъ складомъ ума и обширными основательными познаніями въ области техническихъ наукъ, а Чандосъ очаровывалъ его своимъ смѣлымъ живымъ и энергичнымъ характеромъ, своимъ пылкимъ воображеніемъ и милымъ дѣтскимъ чистосердечіемъ.

Только майоръ выводилъ капитана Мокарю изъ терпѣнія своими вѣчными жалобами на боль въ печени, своей рабской покорностью женѣ и своей вѣчно неутомимой жаждой. Поль-Луи поглащалъ одно за другимъ техническія сочиненія по кораблестроенію, получаемыя имъ изъ библіотеки капитана, Чандосъ свелъ дружбу съ половиной экипажа и подъ спеціальнымъ руководствомъ Кедика изучалъ въ мельчайшихъ подробностяхъ обязанности марсоваго и рулевого матроса и былъ-бы, вѣроятно, особенно счастливъ, если-бы и ему позволили нести эту службу наравнѣ съ его юнымъ наставникомъ, но французскій военный морской уставъ строго воспрещалъ это. Дамы читали кое-какіе романы или бесѣдовали съ командиромъ, полковникомъ Хюгомъ и другими офицерами. Иногда по вечерамъ г. Рети заставлялъ своихъ музыкантовъ играть на палубѣ кое что изъ Мейербера или Россини—или нисходилъ до того, что соглашался сыграть изъ любезности къ дамамъ, нѣсколько полекъ и вальсовъ, чтобы доставить имъ возможность потанцовать.

Что-же касается г. Глоагэна, то онъ всецѣло погрузился въ изученіе золотой пластинки, завѣщанной ему полковникомъ Робинзономъ. Надпись въ срединѣ была дѣйствительно халдейскій разсказъ о потопѣ или другомъ подобномъ переворотѣ первоначальной эпохи, во всемъ безусловно тождественнымъ съ разсказомъ на каменныхъ плитахъ, найденныхъ въ Ниневіи и хранящихся въ настоящее время въ Британскомъ музеѣ. Не только халдейское происхожденіе этого своеобразнаго документа было теперь внѣ сомнѣнія, но астрономическія фигуры, изображенныя вокругъ надписи, были неопровержимо однѣ и тѣ-же, какъ и фигуры друидскаго зодіака. Здѣсь ясно можно было различить «Кабана», «Орла», «Мед-

вѣдя» и шары, окруженные концентрическими кругами и «треугольникъ» и «зигзагъ».

Увлеченіе г. Глоагэна по случаю сдѣланныхъ имъ открытій было такъ заразительно, что всѣ невольно раздѣляли его, и даже Поль-Луи пересталъ отрицать значеніе археологіи. Только одинъ Кхасджи по прежнему съ недовѣріемъ и недоброжелательствомъ поглядывалъ на эту золотую пластинку, такъ что г. Глоагэнъ, несмотря на полное довѣріе, какое онъ питалъ къ этому преданному и самоотверженному слугѣ, изъ предосторожности никогда не разлучался съ драгоцѣнной пластинкой даже и ночью.

Впрочемъ, теперь уже даже тревожная подозрительность Кхасджи успѣла до извѣстной степени успокоиться: уже два мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ наши путешественники покинули Сайгонъ и Индію; тысячи миль отдѣляли теперь отъ тѣхъ мѣстъ, и сами они находились на государственномъ военномъ суднѣ, окруженные друзьями, такъ что опасность начинала теперь казаться почти призрачной.

Однажды Чандосъ, придя къ завтраку и садясь за столъ, сообщилъ, что онъ только что пришелъ съ носовой части судна, вообще очень рѣдко посѣщаемой пассажирами кормовой части, и тамъ видѣлъ несчастнаго вполнѣ достойнаго всякаго сожалѣнія человѣка.

Это былъ не то негръ, не то метисъ, повидимому, полуидіотъ, содержавшійся въ тюрьмѣ въ кандалахъ съ самаго дня выхода Юноны съ Сайгонскаго рейда. Черезъ каждые два-три дня его выводили на палубу на какой-нибудь часъ времени чтобы дать ему подышать свѣжимъ воздухомъ. Бѣдняга былъ до того худъ, что на немъ были только кожа да кости. Лежать цѣлыми днями на голомъ полу, съ ногами, закованными въ кандалы, это далеко не легко... И за какое преступленіе терпѣлъ онъ эту пытку? Что онъ такое сдѣлалъ?

— Это никому неизвѣстный человѣкъ, забравшійся на судно безъ вѣдома и разрѣшенія кого бы то ни было, и, согласно уставу, дѣйствующему на военныхъ судахъ, его слѣдовало держать, какъ военно-плѣннаго, до момента прибытія въ главный

портъ, гдѣ судно должно разгружаться и гдѣ виновный долженъ быть преданъ въ руки правосудія.

— И все это громадное путешествіе ему придется совершить при такихъ ужасныхъ условіяхъ?—воскликнулъ Поль-Луи, котораго это возмутило до глубины души.

— Безъ сомнѣнія!—рѣшительнымъ тономъ отвѣтилъ камандиръ со свойственной морякамъ безпечной жестокостью.

— Но вѣдь это ужасно! Это безчеловѣчно!.. Человѣкъ, вся вина котораго, быть можетъ, состоитъ только въ томъ, что онъ по глупости или по незнанію вздумалъ проѣхать на даровщину въ одинъ изъ ближайшихъ портовъ, вдругъ, безъ суда и расспроса, заковывается въ кандалы и запирается въ трюмъ на нѣсколько мѣсяцевъ, согласитесь, что это постыдно для такой великодушной и гуманной націи, какъ французская!

— Ага, капитанъ!—воскликнула въ свою очередь мистриссъ О'Моллой,—и вы, французы, умѣете быть безпощадны и жестоки!

Но она была не права—капитанъ Мокарю былъ человѣкъ съ чрезвычайно добрымъ сердцемъ, въ высшей степени справѣдливый и гуманный. Теперь его самого поразила чудовищность такого обращенія съ несчастнымъ бродягой, и ему самому стало стыдно за себя, что онъ, въ данномъ случаѣ, слѣпо исполнилъ требованіе своего устава и при этомъ ни разу не подумалъ о необходимости смягчить до извѣстной степени участь своего плѣннаго.

На военныхъ судахъ всякій плѣнный, при которомъ не стоитъ часового, всегда заковывается въ кандалы, это—общее правило, но дѣло въ томъ, что провести на этихъ условіяхъ день, другой или же нѣсколько мѣсяцевъ громадная разница— и это до сего момента и не приходило въ голову командира привыкшаго поминутно примѣнять это столь обычное наказаніе.

— Знаете, что я думаю сдѣлать,—сказалъ онъ, обращаясь къ Поль-Луи, немного подумавъ,—я созову сегодня-же судебный совѣтъ и сниму допросъ съ этого несчастнаго, а васъ назначаю его оффиціальнымъ защитникомъ.

— Меня? помилосердуйте капитанъ!—воскликнулъ Поль Луи,—я никогда въ своей жизни не защищалъ никакихъ дѣлъ

и даже не изучалъ ни права, ни законовъ; я положительно не считаю возможнымъ принять на себя такую отвѣтственную роль!

— Здѣсь нѣтъ никакой надобности знать право, важна тутъ только справедливость. Человѣкъ этотъ виновенъ въ томъ, что тайно прокрался на судно, но возможно, что въ его пользу существуютъ какія-нибудь оправдательныя причины, которыя вы и постараетесь изложить намъ; вотъ и вся ваша роль. Неужели вы предпочли-бы, чтобы я поручилъ эту обязанность первому попавшемуся, какъ это принято?

— Соглашайтесь, соглашайтесь, кузенъ!—сказала Флорри,— если капитанъ согласится допустить насъ въ качествѣ слушателей, то мы будемъ особенно рады услышать вашу рѣчь!

— Присутствіе публики отнюдь не противозаконно, а потому я не вижу основанія, почему бы вы не могли присутствовать при разборѣ дѣла!

— Такъ, значитъ, вы согласны, кузенъ?

— Я не считаю себя въ правѣ отказываться! — отвѣтилъ Поль-Луи.

— Вотъ и прекрасно!

Флорри принялась съ радости бить въ ладоши, г-жа О'Моллой, повидимому,была весьма довольна предстоящимъ развлеченіемъ— отъ скуки всѣ пассажиры судна были-бы рады учинить судъ не только надъ человѣкомъ но даже и надъ крысой, провинившейся въ кражѣ сухаря.

Поль-Луи получилъ разрѣшеніе видаться и совѣщаться со своимъ кліентомъ, а командиръ сдѣлалъ необходимыя распоряженія, чтобы къ двумъ часамъ пополудни каютъ-компанія была обращена въ залу суда.

Въ глубинѣ каюты былъ поставленъ столъ, накрытый зеленымъ сукномъ, и вокругъ него кресла съ высокими спинками для суда, затѣмъ мѣсто для прокурора и для защитника, скамья для подсудимаго и нѣсколько рядовъ стульевъ для избранной привиллегированной публики, а позади пустое пространство для остальныхъ присутствующихъ.

Ровно въ три часа явились мистриссъ О'Моллой и Флорри;

вслѣдъ за ними пришли и г. Глоагенъ, полковникъ Хюгонъ, майоръ и большая часть офицеровъ. Позади стульевъ толпились боцмана, старшіе въ ротѣ, унтеръ-офицеры и изрядное число матросовъ, кромѣ того всѣ окна и двери оставались открытыми. Судъ состоялъ изъ командира, въ качествѣ предсѣдателя, трехъ офицеровъ судна и паруснаго мастера.

Вошелъ подсудимый, худой, черный, истощенный, полу-нагой человѣкъ, едва прикрытый жалкими лохмотьями. Былъ-ли то негръ, или мулатъ, или простой кули, смазанный съ головы до ногъ извѣстной мазью изъ сала и угольной пыли, трудно рѣшить. Несомнѣнно было лишь то, что онъ былъ отвратительно грязенъ, густые всклокоченные черные волосы, спускаясь на лобъ, скрывали почти всю верхнюю половину его лица и глаза, подбородокъ, обросшій всклокоченной черной бородой, былъ одинаково безобразенъ. Сложенія онъ былъ сильнаго и мускулистаго, но худъ до того, что отъ него оставались только кожа да кости. Съ низко опущенной головой, потухшимъ взглядомъ и отвислыми губами, онъ грузно опустился на скамейку и, опустивъ руки на разставленныя врозь колѣни, оставался неподвижно въ этой позѣ, повидимому, совершенно безучастный къ тому, что вокругъ него происходитъ.

— Обвиняемый, предлагаю вамъ встать... Ваше имя и прозвище?

Несчастный оставался неподвиженъ; двое солдатъ, стоявшихъ позади него, подняли его подъ руки и поставили на ноги.

— Знаете вы кохинхинскій языкъ?—спросилъ одинъ изъ членовъ суда на чистѣйшемъ аннамитскомъ нарѣчіи.

Обвиняемый продолжалъ молчать.

— Кажется, онъ знаетъ всего нѣсколько французскихъ словъ,—заявилъ Поль-Луи,—если не ошибаюсь,—зовутъ его То-Хо, и былъ онъ носильщикомъ угля на пристаняхъ Сайгона.

Предсѣдатель далъ слово прокурору, который заявилъ, что требуетъ только точнаго примѣненія къ этому неизвѣстному подсудимому мѣръ, указанныхъ въ морскомъ военномъ регламентѣ, въ которомъ говорится, что всякій уличенный въ томъ, что тайно прокрался на казенное судно, долженъ содержаться на

положеніи военно-плѣннаго въ продолженіе всего плаванія вплоть до момента возвращенія судна въ Сайгонъ, гдѣ онъ и долженъ быть преданъ мѣстному суду, который одинъ только можетъ выяснить вопросъ о его личности и его прошедшемъ. Затѣмъ лейтенантъ сѣлъ, и предсѣдатель передалъ слово защитнику.

Поль-Луи, не входя въ излишнія подробности, заявилъ, что судъ имѣетъ передъ собою несчастнаго полу-одичалаго парія, полу-идіота, который, повидимому, самъ не знаетъ, какъ онъ попалъ сюда. Вѣроятно, заведенный, а быть можетъ, даже умышленно оставленный здѣсь другими кули, работавшими при нагрузкѣ угля, не заслуживаетъ-ли онъ скорѣе сожалѣнія, чѣмъ наказанія, и справедливо-ли дѣлать его отвѣтственнымъ за проступокъ, коего онъ является только жертвой.

Какъ бы тамъ ни было, но вправѣ-ли люди, являющіеся представителями культурной и гуманной націи, не имѣя полныхъ и несомнѣнныхъ доказательствъ въ умышленной и сознательной виновности, обвиняемаго, обречь его на столь продолжительную предварительную пытку, какъ переѣздъ Тихаго и Атлантическаго океановъ, закованнымъ въ кандалы, безъ свѣта и воздуха, на днѣ трюма?

Уже теперь несчастный, если онъ даже и дѣйствительно виновенъ въ чѣмъ-нибудь, претерпѣлъ достаточно наказанія, а потому,—докончилъ Поль-Луи,—я почти увѣренъ, что судъ рѣшитъ временно возвратить ему свободу и позволитъ ему жить, подобно всѣмъ остальнымъ людямъ на суднѣ, съ правомъ пользоваться и свѣтомъ, и воздухомъ, и въ случаѣ надобности, позволитъ ему даже приносить посильную пользу, помогая рабочимъ носить уголь изъ трюма въ топку...

На этомъ молодой инженеръ закончилъ свою защитительную рѣчь, и судъ удалился для совѣщаній въ сосѣднюю каюту. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, предсѣдатель суда объявилъ, что, за исключеніемъ только одного голоса, голоса парусннаго мастера, судъ единогласно рѣшилъ постановить приговоръ, предложенный защитникомъ въ его заключительной рѣчи.

Спустя дня три послѣ вышеописаннаго событія, Флорри

освѣдомилась у Поля-Луи о томъ, что подѣлываетъ теперь его кліентъ, и узнала, что онъ теперь работаетъ наравнѣ съ другими чернорабочими судна, доставляя изъ трюма въ топку уголь.

— Вотъ, право, господа!—воскликнулъ вдругъ Чандосъ,—мнѣ сейчасъ пришло на умъ, что мы до сихъ поръ еще не были въ машинномъ помѣщеніи. Капитанъ, разрѣшите намъ спуститься въ машину.

— Я рѣшительно не имѣю ничего противъ, и если дамы этого желаютъ, то я готовъ служить имъ въ качествѣ чичероне.

Предложеніе командира было встрѣчено, конечно, съ величайшею радостью, и вскорѣ все маленькое общество, съ капитаномъ Мокарю во главѣ, благополучно спустилось по легкой чугунной витой лѣсенкѣ въ машинное помѣщеніе. Механикъ, высокій худощавый блондинъ, съ энергичнымъ и серьезнымъ лицомъ, молчаливый и сосредоточенный, съ постояннымъ сознаніемъ лежащей на немъ страшной отвѣтственности, носилъ на лицѣ своемъ отпечатокъ какой-то озабоченности и сознанія всей важности несомыхъ имъ обязанностей. Онъ встрѣтилъ дамъ безмолвнымъ, но почтительнымъ поклономъ, и затѣмъ предложилъ объяснить имъ все, что онѣ пожелаютъ узнать.

— Наша машина въ 900 лошадиныхъ силъ, вотъ клапаны, вотъ поршни...а это приводъ.

— Надѣюсь, что эти стальные шесты достаточно прочны для того, чтобы намъ не угрожало ни малѣйшей опасности?— полу-серьезно, полу-шутя освѣдомилась мистриссъ О'Моллой.

— Да, конечно, но между тѣмъ, все-же случается, что они лопаются, и тогда положеніе парового судна становится дѣйствительно довольно критическимъ, но намъ этого нечего опасаться, потому что «*Юнона*» прекраснѣйшее парусное судно и не особенно нуждается въ машинѣ.

Изъ машиннаго помѣщенія посѣтители перешли въ отдѣленіе топки, сіяющее своими полированными стальными приборами, мѣдными кранами, манометрами и т. д. Здѣсь была страшная жара, которую даже два громадныхъ вентилятора не въ силахъ были хоть сколько-нибудь умѣрить, а между тѣмъ

истопники, повидимому, не только не задыхались, но даже прямо чувствовали себя превосходно, какъ въ своей родной стихіи.

Въ тотъ моментъ, когда осматривающіе выходили на огороженную рѣшеткой платформочку топки, имъ попались на встрѣчу двое чернорабочихъ съ ношами угля; одинъ изъ нихъ былъ какъ разъ То-хо, только что вступившій въ очередь. Всѣ посмотрѣли на него съ участливымъ любопытствомъ, онъ же, повидимому, даже не замѣтилъ этого, грузно волоча за собою ноги и низко сгибаясь подъ своею ношей, болѣе грязный и черный, чѣмъ когда-либо.

— И вы говорите, капитанъ, что если только не слѣдить за давленіемъ паровъ, то во всякое время можетъ получиться взрывъ, совершенно подобный пороховому?

— Именно такъ, но мы имѣемъ въ лицѣ г. Губерта образцоваго старшаго механика, на котораго можно положиться, и потому намъ нѣтъ надобности опасаться чего-либо подобнаго.

— Ахъ, г. командиръ!—скромно воскликнулъ старшій механикъ,—конечно, что касается присмотра и наблюденія, то за это я могу ручаться, но бываетъ такъ много разныхъ непредвидѣнныхъ случайностей, могущихъ повлечь за собою взрывъ котловъ, что никогда нельзя быть вполнѣ увѣреннымъ въ совершенной безопасности въ этомъ отношеніи.

— Но, въ такомъ случаѣ, слѣдовало-бы изобрѣсти какое-нибудь средство для предотвращенія этихъ случайностей!—сказала мистриссъ О'Моллой.

— Да, если бы эти случайности были всегда однѣ и тѣже, но, къ сожалѣнію, взрывы бываютъ вслѣдствіе множества самыхъ разнообразныхъ причинъ, — пояснилъ Поль-Луи. — Взрывы котловъ случаются и вслѣдствіе внезапнаго образованія трещинъ или разсѣлинъ въ стѣнкахъ генератора; вслѣдствіе возгоранія и воспламененія газовъ, скопляющихся въ пламени; вслѣдствіе слабой способности сопротивленія стѣнокъ котловъ, изготовленныхъ изъ худшаго матеріала; вслѣдствіе пороковъ или недостатковъ въ самомъ металлѣ или въ спайкахъ и заклепкахъ; вслѣдствіе присутствія пирита въ углѣ... не говоря уже о взрывахъ, вызванныхъ просто засореніемъ трубы, когда въ нее

попадетъ какое-нибудь постороннее тѣло въ родѣ паруса или даже марселя или реи—какъ это бывало не разъ.

— Бррь! какъ страшно! уйдемъ скорѣе отсюда, Флорри, а то мнѣ кажется, что всѣ эти котлы и горшки, того гляди, хотятъ взорвать насъ на воздухъ.

— Полноте! — засмѣялся съ беззаботнымъ добродушіемъ капитанъ Мокарю,—на г. Губерта можно положиться, онъ все съумѣетъ предвидѣть и предупредить—это человѣкъ знающій и чрезвычайно добросовѣстный въ своемъ дѣлѣ.

А новый чернорабочій, неизвѣстный никому угольщикъ, стоя у перилецъ съ лопаткой въ рукѣ, внимательно прислушивался къ этому техническому разговору, какъ будто онъ могъ имѣть для него особый интересъ.

XI. Взрывъ котловъ.

Два дня спустя, ровно въ полдень, всѣ кормовые пассажиры и офицеры судна собрались на ютъ; это былъ моментъ пелингованія (опредѣленіе мѣстоположенія судна на морѣ по солнцу), когда всѣ выходили на палубу, даже майоръ О'Моллой выходилъ на мгновеніе изъ своей обычной апатіи и отправлялся списывать пеленги и отмѣчать ихъ на большой морской картѣ.

Офицеры съ секстантами и часами въ рукахъ выжидали момента, когда солнце станетъ въ закатѣ (надъ головами).

Жара была томительная и при томъ полнѣйшій штиль. Ни малѣйшаго вѣтерка, ни ряби на поверхности океана. «Юнона» шла подъ парами, оставляя за собой длинный хвостъ черпаго дыма, тянувшійся совершенно параллельно бѣлой пѣнистой полосѣ слѣда, оставляемаго ею за собой на поверхности воды.

Наступила минута всеобщей мертвой тишины, офицеры дѣлали свои наблюденія, каждый особо, а пять минутъ спустя, пелингъ былъ объявленъ, и майоръ О'Моллой въ точности нанесъ положеніе судна на свою карту:

19° 51′ 13″ южной широты
121° 43′ 17″ восточной долготы.

— Какая томительная жара, и не малѣйшаго движенія воздуха!—замѣтила Флорри, полу-лежа въ легкомъ бамбуковомъ креслѣ на палубѣ и лѣниво обмахиваясь вѣеромъ.

— Да, жарко и, вѣроятно, это будетъ продолжаться еще нѣсколько дней,—сказалъ капитанъ Мокарю,—такъ какъ мы теперь вошли въ полосу, находящуюся внѣ обычнаго пути вѣтровъ. Это своего рода оазисы, атмосферическіе острова, вокругъ которыхъ движется воздухъ, не проникая въ нихъ. Для парусныхъ судовъ это крайне опасныя мѣста, а потому они совершенно не посѣщаются моряками. Мори называетъ ихъ «пустынныя мѣста». Я готовъ поручиться, что здѣсь не проходитъ пяти судовъ въ теченіе цѣлаго года. Но для насъ это, конечно, не опасно, потому что съ помощью нашего винта мы вскорѣ оставимъ ее за собою.

— Гдѣ-же Чандосъ?—вдругъ спросила мистриссъ О'Моллой, которой хорошо была извѣстна его страсть ко всякаго рода географическимъ подробностямъ, — я уже болѣе часа не вижу его.

— Онъ здѣсь, вонъ въ этой шлюпкѣ, сидитъ и читаетъ какой-то разрозненный томъ «Робинзона Крузое», найденный имъ въ судовой библіотекѣ,—сказала Флорри.

И дѣйствительно, въ этотъ самый моментъ почти на одномъ уровнѣ съ ними показалась надъ бортомъ подвѣшенной на таляхъ шлюпки голова Чандоса.

Приподнявъ прикрывавшій ее брезентъ, онъ устраивался на днѣ шлюпки, какъ въ отдѣльной каюткѣ, гдѣ ему было удобно, спокойно и даже сравнительно прохладно.

— Командиръ,—обратился онъ къ капитану Мокарю,—случалось вамъ посѣщать островъ Робинзона?

— Островъ Робинзона? если не ошибаюсь, это Хуанъ-Фернандецъ, неподалеку отсюда... въ настояще время онъ служитъ мѣстомъ ссылки для преступниковъ Перу... Я заходилъ туда однажды за углемъ, и если мы теперь израсходуемъ больше, чѣмъ я разсчитывалъ, то весьма возможно, что мы и въ этотъ разъ зайдемъ на Хуанъ-Фернандецъ.

— Я говорю о настоящемъ островѣ Робинзона, а Хуанъ-

Фернандецъ,—это островъ Александра Селькирка, какого-то шотландскаго матроса...

— Другого острова Робинзона я не встрѣчалъ на своемъ пути,—продолжалъ, улыбаясь, командиръ,—можете вы указать мнѣ его точное положеніе?

— Вотъ въ этомъ-то и затрудненіе! — воскликнулъ Чандосъ.—Изъ описаній Даніеля де-Фое видно, что островъ этотъ находится близъ устья Ореноко и что это одинъ изъ Караибскихъ острововъ. Но, въ сущности, это едва-ли вѣрно, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не подходитъ подъ описаніе. Кромѣ того, это было бы извѣстно, такъ какъ пребываніе Робинзона—не маловажное событіе и...

Не успѣлъ Чандосъ докончить своей фразы, какъ глухой раскатъ, подобный раскату грома или подземному гулу, предшествующему землетрясенію, раскатился по всему фрегату. Щепки, осколки металла и цѣлый столбъ черпаго густого дыма, паровъ и пепла вдругъ разомъ вырвался изъ средней части судна и бѣшено устремился кверху, обрушиваясь затѣмъ обратно на палубу цѣлымъ дождемъ осколковъ и обломковъ. Страшный ударъ, точно пушечный выстрѣлъ, раздался вслѣдъ за этимъ, сливаясь съ криками ужаса и отчаянія. Затѣмъ по всѣмъ частямъ «Юноны» прошло какое-то странное содроганіе и всѣ ея деревянныя части какъ-будто жалобно застонали и заскрипѣли. Вдругъ винтъ паровой машины бѣшено закрутился и разомъ сталъ. Наступила страшная мертвенная тишина, все оставалось совершенно неподвижно, какъ бы застывъ на вѣкъ.

Изуродованная, измятая и скрученная мѣстами неправильной спиралью труба «Юноны» испускала еще медленно подымавшіеся къ небу клубы паровъ и дыма.

— Взрывъ котловъ,—сказалъ командиръ совершенно спокойнымъ тономъ, точно отмѣчая самое обыденное явленіе.—Но не тревожьтесь, mesdames, я надѣюсь, что ничего особенно опаснаго нѣтъ... Прикажите охранять доступъ въ машинное отдѣленіе,—обратился онъ къ вахтенному офицеру,—никого туда не пускать, я сейчасъ спущусь туда самъ...

Въ нѣсколько секундъ цѣпь часовыхъ выстроилась противъ

средняго люка, ведущаго въ машину, преграждая доступъ любопытнымъ. Командиръ уже успѣлъ скрыться въ дымящейся черной глубинѣ люка. Когда, четверть часа спустя, онъ снова появился на верху, лицо его было серьезно и озабочено, но движенія совершенно спокойны и голосъ твердъ.

— Старшій механикъ раненъ, не опасно, впрочемъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ вахтенному офицеру,—одному изъ истопниковъ снесло голову, винтовая ось переломилась... Я жду подробнаго доклада второго механика, который теперь осматриваетъ поврежденія. Будьте любезны послать его ко мнѣ немедленно...

Офицеръ поклонился, выражая этимъ готовность исполнить приказаніе командира, между тѣмъ какъ послѣдній направился къ кормовой части, гдѣ его съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидали его гости и другіе пассажиры.

— Не безпокойтесь, господа, опасности нѣтъ!—сказалъ онъ просто, самымъ спокойнымъ и увѣреннымъ тономъ, окидывая присутствующихъ яснымъ взглядомъ, и, повернувшись, направился въ каютъ-кампанію, откуда прошелъ въ свою комнату, затворивъ за собою дверь.

Этихъ немногихъ словъ ее было вполнѣ достаточно, чтобы обнадежить и успокоить всѣхъ.

Оставшись одинъ, онъ досталъ изъ стола и собралъ коекакія бумаги, двѣ-три морскія карты, подзорную трубу, секстантъ, морскіе часы, ручной компасъ и сложилъ все это въ старенькій ручной чемоданъ, куда сунулъ еще немного бѣлья. Затѣмъ, взявъ изъ стола револьверъ, внимательно осмотрѣлъ его, зарядилъ снова и захватилъ патроны, которые и опустилъ вмѣстѣ съ револьверомъ въ карманъ своего сюртука.

Покончивъ съ этими приготовленіями, онъ сѣлъ передъ своимъ бюро и ждалъ.

Кто-то тихонько стукнулъ въ дверь его каюты.

— Войдите!—сказалъ онъ.

Вошелъ Бундесшутцъ, второй механикъ, родомъ эльзасецъ, съ кроткимъ, пріятнымъ лицомъ, голубыми глазами и свѣтлыми бѣлокурыми волосами.

— Ну, что?—спросилъ командиръ, при чемъ ни одинъ мускулъ его лица не дрогнулъ.

— Винтовая ось переломилась у самаго винта,—и водѣ открытъ доступъ въ судно... Въ трюмѣ уже въ настоящій моментъ до трехъ четвертей аршина воды.

— Въ теченіе всего какихъ-нибудь 20 минутъ уже на три четверти воды въ трюмѣ?.. Насосами тутъ ничего подѣлать нельзя... Прикажите вахтенному офицеру вызвать людей на верхъ, а главное никому ни полслова о положеніи дѣлъ — прошу васъ!

Механикъ вышелъ. Капитанъ Мокарю взглянулъ на часы; было 35 минутъ перваго. Онъ взялъ карандашъ и наскоро сдѣлалъ какія-то вычисленія, затѣмъ придвинувъ къ себѣ листъ бумаги, написалъ на ней крупнымъ характернымъ почеркомъ:

Приказъ Командира.

«Ровно въ часъ пополудни всѣ шлюпки должны быть изготовлены и спущены на воду. Въ каждой должно быть по 3 ящика сухарей, по 1 боченку вина, по 2 боченка воды и по 100 килограммовъ сушенаго мяса Кромѣ того, при каждой шлюпкѣ должны имѣться на готовѣ парусъ, небольшая мачта, секстанъ, морскіе часы, два сигнальныхъ фонаря, походная аптечка и т. д.

«Ровно въ часъ всѣ пассажиры, военные и статскіе, станутъ садиться на шлюпки; въ часъ 35 минутъ все должно быть кончено. Каждый долженъ будетъ занять мѣсто, указанное ему его ближайшимъ начальникомъ; каждый долженъ будетъ захватить съ собою въ узелкѣ смѣну платья и бѣлья и ничего болѣе: ни чемодановъ, ни одѣялъ, ни какихъ-бы то ни было багажей или поклажи. Военные и моряки оставятъ свои ранцы и сумы, но захватятъ свое оружіе и заряды. Каждая шлюпка будетъ находиться подъ командою одного изъ судовыхъ офицеровъ.

«Всякая попытка возбужденія безпорядковъ или нарушенія требованій субординаціи будетъ строго наказана.

Да здравствуетъ Республика!

Подпись: Капитанъ *Мокарю.*

Управившись съ этимъ, командиръ вышелъ изъ своей каюты, вручилъ вахтенному офицеру только-что написанную имъ бумагу, приказавъ прочитать ее во всѣхъ ротахъ, и затѣмъ вернулся на корму, гдѣ его ожидали гости, страшно встревоженные сознаніемъ, что на фрегатѣ происходитъ нѣчто необычайное.

— Сударыни,—сказалъ командиръ, обращаясь главнымъ образомъ къ миссъ Флорри и мистриссъ О'Моллой,—я долженъ вамъ сказать, что имѣю сообщить весьма важную новость; позвольте мнѣ надѣяться, что вы встрѣтите это извѣстіе съ надлежащимъ спокойствіемъ и мужествомъ, которыя одни только и могутъ помочь въ затруднительныя минуты... Впрочемъ, спѣшу васъ увѣрить, что никакой немедленной опасности намъ еще не грозитъ. У насъ показалась вода въ трюмѣ, и насосы не въ состояніи выкачать ее, слѣдовательно, всѣмъ намъ необходимо покинуть судно, такъ какъ по прошествіи нѣсколькихъ часовъ оно неминуемо должно будетъ затонуть... Благодареніе Богу, у насъ больше шлюпокъ, чѣмъ нужно для того, чтобы всѣ находящіеся на «Юнонѣ» могли размѣститься въ нихъ, а также и времени у насъ вполнѣ достаточно для всѣхъ необходимыхъ приготовленій. Море, какъ видите, совершенно спокойно, и мы можемъ разсчитывать встрѣтить въ морѣ какое-нибудь судно или же, въ крайнемъ случаѣ, можемъ добраться до ближайшаго берега. Итакъ, повторяю вамъ еще разъ, наша опасность не столь еще велика, чтобы дозволить вамъ отчаяваться! не забывайте только одного, что все наше благополучіе будетъ зависѣть отъ вашего мужества и строжайшей дисциплины!

— Ура!—громко и восторженно кликнулъ Чандосъ подбросивъ высоко въ воздухъ свою шапку; на этотъ горячій порывъ энтузіазма не встрѣтилъ ни въ комъ поддержки. Бѣднягу это крайне удивило; онъ былъ восхищенъ предстоящей перспективой очутиться на шлюпкѣ въ открытомъ океанѣ.

— Мы будемъ и спокойными, и мужественными, капитанъ,—сказала Флори,—если только вы будете съ нами.

— Да, конечно, конечно, я буди съ вами!—сказалъ онъ.— Гости мои имѣютъ, несомнѣнно, первое право на командирскую

шлюпку, но, кромѣ того, всѣ мы будемъ держаться вмѣстѣ, я еще не подавалъ въ отставку и не отказывался отъ званія адмирала нашей флотиліи!—пошутилъ онъ. Но на душѣ у него было далеко не весело. Особенно мучило его одно подозрѣніе, которое онъ вскорѣ сообщилъ г. Глоагэнъ и Полю-Луи.

— Этотъ взрывъ не спроста, это результатъ умышленнаго преступленія; какой-то негодяй или сумасшедшій подготовилъ его съ непонятнымъ терпѣніемъ, подпилилъ ось, открылъ доступъ водѣ въ трюмъ... Что заставило его рѣшиться на такое страшное преступленіе, въ которомъ ставилась на карту не только жизнь ш.стисотъ восьмидесяти человѣкъ, но и его собственная... Однако, я долженъ пойти посмотрѣть, что дѣлаютъ мои люди...

Было уже три четверти перваго и теперь на глазъ было замѣтно, какъ вода подступала ближе къ бортамъ, иначе говоря, судно понемногу начинало тонуть. Командиръ быстро обошелъ матросскія и солдатскія помѣщенія и убѣдился, что приказанія его исполняются. Онъ собирался уже выдти на палубу, когда къ нему подошелъ человѣкъ и, почтительно останавливаясь передъ нимъ, сказалъ:

— Г. командиръ, согласно вашему сегодняшнему приказанію, каждый солдатъ долженъ взять съ собою свое оружіе, а потому я осмѣливаюсь просить васъ, отъ имени оркестра 6-го полка морской пѣхоты, разрѣшить намъ взять съ собою наши музыкальные инструменты, такъ какъ это наше оружіе.

Человѣкъ этотъ былъ г. Рети.

— Разрѣшаю!—коротко отвѣтилъ капиталъ Мокарю и пошелъ дальше.

Выходя на палубу, онъ былъ встрѣченъ другой просьбой, которой не суждено было быть принятой столь-же благосклонно.

— Не разрѣшите-ли вы намъ, — спросилъ майоръ О'Моллой,—захватить съ собою нѣсколько бутылокъ шампанскаго и виски, хотя бы только въ качествѣ лекарственнаго средства противъ болѣзни печени?

— Невозможно, майоръ, рѣшительно невозможно! — сухо

отвѣтилъ капитанъ Мокарю,—а въ командирскую шлюпку тѣмъ болѣе!..

— О, въ такомъ случаѣ я прекрасно могу устроиться и въ шлюпкѣ лейтенанта, если только въ этомъ все затрудненіе...

— Въ такомъ случаѣ разрѣшаю вамъ взять съ собой не болѣе двухъ бутылокъ виски, да и то съ условіемъ, что вы съумѣете хорошо припрятать ихъ.

Послѣ этого разговора майоръ подошелъ къ женѣ, чтобы сообщить ей, что, къ величайшему его сожалѣнію, онъ принужденъ будетъ сѣсть на другую шлюпку, чѣмъ она, но что ввиду его болѣзни печени, приходится жертвовать многимъ...

На это мистриссъ О'Моллой презрительно кивнула головой, какъ бы выражая свое согласіе, и затѣмъ, отвернувшись, стала продолжать разговоръ съ Флорри.

Ровно въ часъ по полудни всѣ шлюпки были уже спущены на воду и снаряжены, какъ было указано въ распоряженіи командира. Всѣ онѣ стояли врядъ вдоль борта неподвижнаго фрегата; пассажиры и экипажъ стали занимать свои мѣста; все это происходило въ полномъ порядкѣ. Въ командирской шлюпкѣ помѣстились; мистриссъ О'Моллой, Флорри, г. Глоагенъ, полковникъ Хюгонъ, Поль-Луи и Чандосъ вмѣстѣ съ Кхасджи и тридцатью человѣками экипажа, въ числѣ котораго находились Кедикъ и Камберуссъ. Майоръ съ двумя бутылками въ обоихъ карманахъ своей домашней куртки помѣстился на шлюпкѣ лейтенанта. Больныхъ и раненыхъ подъ наблюденіемъ двухъ врачей и фельдшера бережно уложили въ большой шлюпкѣ. Г. Рети со своими музыкантами помѣщался въ особой небольшой шлюпкѣ, подъ командой одного изъ судовыхъ офицеровъ.

Весь этотъ маневръ выполнялся въ строгомъ порядкѣ, не торопливо и спокойно; яркое солнце заливало зеркально гладкую поверхность воды, никому не хотѣлось даже вѣрить, что тутъ происходитъ какая-то страшная драма безъ криковъ и воплей, среди мертвенной тишины окружающей обстановки.

Теперь все уже было готово, всѣ были по мѣстамъ, и гребцы съ поднятыми веслами только ожидали приказанія командира, но тотъ почему-то все еще медлилъ.

Вдругъ на мостикѣ показался человѣкъ, о которомъ никто въ данный моментъ не думалъ, который не имѣлъ своего опредѣленнаго мѣста ни здѣсь, ни на суднѣ; то былъ То-Хо, несчастный кули, чернорабочій, кліентъ Поля-Луи. Грязный, оборванный и черный, болѣе отвратительный, чѣмъ когда-либо, нагнувшись надъ рядомъ шлюпокъ, онъ нѣкоторое время оглядывалъ ихъ какъ-то недоумѣло, затѣмъ вдругъ кинулся въ воду и тотчасъ же скрылся подъ водой.

Двадцать секундъ спустя, онъ вынырнулъ изъ воды подъ носовою частью командирской лодки, и прежде чѣмъ кто-либо изъ матросовъ успѣлъ предвидѣть или предугадать его намѣреніе, онъ обѣими руками ухватился за борта шлюпки и вцѣпился съ такою силой, какой позавидовала бы даже піявка. Онъ теперь держалъ голову надъ бортомъ и долгое время оставался совершенно неподвижнымъ, уставившись глазами прямо въ командира.

Эта продѣлка неизвѣстнаго сначала удивила, а затѣмъ даже раздосадовала капитана Мокарю.

Общество подобнаго пассажира было, конечно, вовсе не желательно какъ для него, такъ и для его гостей, но, съ другой стороны, нельзя-же было навязать его и другой шлюпкѣ, тѣмъ болѣе, что мѣсто, предназначавшееся майору, оставалось свободнымъ.

Сдвинувъ хмуро брови, командиръ сдѣлалъ головою утвердительный знакъ, и прежде чѣмъ кто-либо успѣлъ сообразить, въ чемъ дѣло, То-Хо однимъ прыжкомъ очутился на носу шлюпки, гдѣ скорчился и съежился, какъ обезьяна, такъ что отъ всей его фигуры осталась видна только одна согнутая дугой спина.

— Отваливай!—скомандовалъ командиръ.

Весла на семнадцати шлюпкахъ разомъ опустились въ воду, и шлюпки стали плавно удаляться отъ неподвижнаго фрегата.

Въ этотъ моментъ сердца всѣхъ присутствующихъ невольно дрогнули — всѣ они вдругъ сознали весь ужасъ своего положенія, поняли, что теперь передъ ними раскрывается

страшная неизвѣстность, что они идутъ ей навстрѣчу съ закрытыми глазами.

Вдругъ мужественные звуки «Марсельезы» огласили воздухъ и разомъ пробудили мужество въ сердцахъ всѣхъ присутствующихъ. Г. Рети весьма удачно избралъ этотъ моментъ чтобы доказать даже самымъ отъявленнымъ скептикамъ пользу и значеніе трубы и барабана въ извѣстные тяжелые моменты человѣческой жизни, и надо отдать ему справедливость, вполнѣ успѣлъ въ своемъ намѣреніи.

Когда послѣдніе аккорды этого національнаго гимна смолкли надъ моремъ, покинутый всѣми фрегатъ вдругъ какъ будто содрогнулся отъ самаго своего основанія и верхушекъ мачтъ. Съ минуту онъ покачивался на водѣ, подобно раненой птицѣ, и затѣмъ разомъ ушелъ подъ воду.

На глазахъ всѣхъ скрылись сперва подъ водой его палубы, затѣмъ низы мачтъ, затѣмъ стали скрываться однѣ за другими всѣ снасти и реи, пока надъ поверхностью океана не осталось уже ничего, кромѣ верхушки гротъ-мачты съ ея трехцвѣтнымъ вымпеломъ.

Немного погодя, скрылся и этотъ вымпелъ, и море поглотило безслѣдно гордый фрегатъ «Юнону», который долго еще продолжалъ медленно погружаться въ бездонную глубину водъ.

Шесть сотъ восемьдесятъ человѣкъ французовъ, стоя съ непокрытыми головами на своихъ шлюпкахъ, послали скрывшемуся изъ глазъ фрегату свое послѣднее «прости» громкимъ возгласомъ: «*Да здравствуетъ республика!*»

Это было въ два часа по полудни.

XII. Въ шлюпкѣ на Тихомъ океанѣ. — То-Хо и Кхасджи.

Когда первый моментъ оцѣпенѣнія прошелъ, командиръ сдѣлалъ знакъ, чтобы всѣ шлюпки сгруппировались вокругъ него.

Когда этотъ маневръ былъ исполненъ, онъ сказалъ:

— Ближайшій отсюда берегъ,—это островъ Пасхи, мы находимся отъ него на разстояніи всего 200 миль; это еди-

ственный берегъ, котораго мы можемъ достигнуть, такъ какъ всѣ остальныя земли и острова отстоятъ слишкомъ далеко. При благопріятномъ вѣтрѣ мы можемъ разсчитывать достигнуть острова Пасхи въ пять или шесть дней, при другихъ-же условіяхъ, я боюсь, что нашъ путь продлится гораздо дольше. Поэтому предлагаю всѣмъ вамъ сразу умѣренно расходовать пищу; что же касается направленія, то гг. командиры шлюпокъ хорошо знаютъ его. При этомъ все же наиболѣе разумно держаться намъ всѣмъ вмѣстѣ. Предлагаю всѣмъ шлюпкамъ собираться вмѣстѣ тотчасъ послѣ пелинга, т. е. около половины перваго. По ночамъ рекомендую постоянно зажигать огни, чтобы мы могли видѣть другъ друга, не сталкиваться и не расходиться. Полагаю, что, благодаря всѣмъ этимъ, въ сущности, простымъ мѣрамъ предосторожности, намъ удастся благополучно достигнуть надежной пропасти!

Единогласное «ура» со всѣхъ шлюпокъ встрѣтило рѣчь командира.

Его спокойствіе и увѣренность сообщились всѣмъ; море было такъ прекрасно, небо такъ безоблачно, а шлюпки всѣ такія новенькія, чистенькія и нарядныя, что, положительно, общій видъ этой флотиліи скорѣе производилъ впечатлѣніе веселой поѣздки или прогулки съ музыкой и дамами, чѣмъ гурьбы несчастныхъ, потерпѣвшихъ крушеніе и находящихся въ отчаянномъ положеніи людей.

А между тѣмъ это было именно такъ. Говоря о томъ, какъ имъ можно будетъ добраться до острова Пасхи или повстрѣчать какое-либо судно, командиръ въ глубинѣ души мало вѣрилъ въ возможность какъ того, такъ и другого.

Онъ одинъ понималъ весь ужасъ даннаго положенія, одинъ могъ безошибочно указать моментъ окончательной гибели фрегата и зналъ и теперь все, что могло ихъ ожидать.

Но его дѣло было сдѣлано, онъ подбодрилъ окружающихъ, они всѣ вѣрили въ него, вѣрили каждому его слову. Шлюпки держали курсъ на юго-западъ, онѣ успѣли уже разойтись на нѣсколько саженей и такъ какъ не было ни малѣйшаго дуновенія вѣтра, то приходилось идти все время на веслахъ. Стали

устраивать гонки, опережали и догоняли другъ друга, перекликались между собой, обмѣниваясь веселыми шутками и замѣчаніями. Такъ продолжалось до шести часовъ пополудни, когда солнце стало спускаться за горизонтъ въ золотомъ ореолѣ своихъ лучей, не встрѣтивъ на всемъ пространствѣ небеснаго свода ни малѣйшаго облачка или тумана. Въ это время на всѣхъ шлюпкахъ стали раздавать ужинъ, и ежедневная порція каждаго сразу была опредѣлена.

По точному разсчету приходилось такъ, что мяса должно было хватить на 10 дней, сухарей недѣли на двѣ, вина дней на 12 и на столько же времени воды. Все это было довольно утѣшительно, тѣмъ болѣе, что порціи были всѣ солидныя.

Все казалось даже почему-то особенно вкуснымъ, даже вода, къ которой моряки вообще питаютъ извѣстное отвращеніе.

Настала ночь, ночь теплая и тихая, какъ мягкій весенній день, такъ что отсутствіе крова надъ головой почти не ощущалось. Мигавшіе тамъ и сямъ красные и зеленые огни шлюпокъ оживляли водную пустыню, и чувство одиночества и безлюдья не тяготило никого. Молодежь была положительно въ восторгѣ и отъ этой тихой ночи, и отъ необычайности этого плаванія по безбрежному океану. Чандосъ и Поль-Луи, а иногда и г. Глоагэнъ, садились на весла, чтобы смѣнять гребцовъ матросовъ. Кхасджи съ помощью запасныхъ веселъ и ковра устроилъ для дамъ прекраснѣйшую спальню.

Передъ полуночью весь наличный экипажъ каждой шлюпки былъ раздѣленъ на три смѣны, изъ которыхъ двѣ ложились спать, а третья продолжала грести.

Подложивъ подъ голову захваченную съ собой смѣну платья и бѣлья, всѣ, кто не былъ на очереди, заснули крѣпкимъ сномъ.

По утру оказалось, что шлюпки разбрелись немного, но къ полудню всѣ онѣ собрались вокругъ командирской, чтобы, какъ было условлено, подѣлиться своими наблюденіями и сообщить другъ другу свои вычисленія пути и направленіе.

Оказалось, что шлюпки за это время прошли около 29-ти

морскихъ миль, но при этомъ всѣ уклонились къ югу болѣе, чѣмъ-бы слѣдовало.

Это общее уклоненіе всѣхъ шлюпокъ въ одномъ и томъ же направленіи и на одинаковое число градусовъ, несомнѣнно, свидѣтельствовало о существованіи здѣсь какого-нибудь морского теченія. Принявъ въ разсчетъ силу и вліяніе этого теченія, рѣшено было продолжать путь, держась направленія острова Пасхи.

— Карта этихъ морскихъ теченій по настоящее время еще весьма неудовлетворительна,—сказалъ командиръ, — намъ хорошо знакомъ только одинъ Гольфъ-Стремъ, это могучее теченіе, берущее свое начало въ Мексиканскомъ заливѣ и впадающее въ полярныя арктическія моря, проходящее черезъ весь Атлантическій океанъ съ быстротою, превышающей быстроту теченія Миссисипи и Амазонки, при количествѣ теплыхъ водъ въ 1,200 разъ большемъ...

— Но скажите, капитанъ,—обратился къ нему Чандосъ,— какимъ образомъ опредѣляютъ направленіе этихъ теченій? Я положительно не замѣчаю никакого теченія ни въ томъ, ни въ другомъ направленіи.

— Оно и дѣйствительно не замѣтно для глаза, частью вслѣдствіе громадныхъ массъ воды, которыя эти теченія увлекаютъ за собой, частію вслѣдствіе отсутствія береговъ, которые помогаютъ намъ давать себѣ отчетъ въ этомъ движеніи. Что же касается направленія этихъ теченій, то оно опредѣляется такого рода коллективными наблюденіями, какъ наше нынѣшнее, напримѣръ, — въ результатѣ которыхъ получаются самыя несомнѣнныя данныя относительно этого вопроса, и если такимъ путемъ не всегда удастся прослѣдить фазу направленія цѣлаго теченія, то все же извѣстной части его. Такъ, напримѣръ, было открыто Китайское морское теченіе въ сѣверной части Тихаго океана, и въ этихъ водахъ, гдѣ мы теперь находимся, теченіе Гумбольдта, но кромѣ того существуетъ еще множество такихъ теченій, которыя намъ неизвѣстны.

Такимъ образомъ, въ бесѣдахъ и разговорахъ, время шло незамѣтно, очередные гребцы смѣнялись аккуратно, дисциплина

повсюду царила строжайшая, и надежда достигнуть острова Пасхи становилась все менѣе и менѣе невѣроятной. Всѣ какъ-то особенно легко освоились съ новымъ порядкомъ вещей, матросы разсказывали поочередно другъ другу различныя удивительныя происшествія изъ жизни моряковъ и, какъ слѣдовало ожидать, Комберуссъ былъ въ этомъ отношеніи не изъ послѣднихъ. Дамы перелистывали карманные романчики, захваченные ими на всякій случай. Поль-Луи и Чандосъ, смѣнившись съ очереди, ложились и засыпали богатырскимъ сномъ, только Кхасджи ни на минуту не смыкалъ глаза и держался на сторожѣ, такъ какъ случайно замѣтилъ удивительный фактъ.

Г. Глоагэнъ, котораго никакія невзгоды не могли заставить позабыть объ излюбленномъ предметѣ его изученій и изслѣдованій, пользуясь свободной минуткой всеобщаго затишья, когда, какъ казалось, всѣ забыли о немъ, досталъ изъ внутренняго бокового кармана сюртука свой драгоцѣнный пертфельчикъ, содержащій въ себѣ знаменитую золотую пластинку изъ Кандагара. Уже въ тысячный разъ разглядывалъ и изучалъ ее археологъ, мысленно складывая по слогамъ каждое слово. И видъ этихъ научныхъ занятій былъ до того нестерпимъ для Кхасджи, питавшаго непреодолимую антипатію и суевѣрный страхъ къ этому предмету, что онъ, чтобы не видѣть этого, отвернулся и повернулся лицомъ къ носовой части шлюпки.

Вдругъ его поразило одно движеніе То-Хо.

Кули вздрогнулъ, вскочилъ на ноги, вытаращилъ глаза и впился взглядомъ, въ которомъ выражалось и недоумѣніе, и благоговѣйный страхъ, и злобная ненависть. До настоящаго момента То-Хо не трогался съ крайней конечности носовой части шлюпки, гдѣ онъ сидѣлъ, скорчившись, какъ загнанный звѣрь, ѣлъ и пилъ, что ему давали, даже когда ему вкладывали въ руку весло, то онъ работалъ имъ наравнѣ съ другими, пока его не смѣнятъ и не прогонятъ, но ко всему относился совершенно безразлично.

Но теперь не могло быть ошибки: этотъ горящій взглядъ, взглядъ, полный ненависти и злобы, вмѣстѣ съ непреодолимымъ

желаніемъ обладанія данной вещицей, отнюдь не походилъ на взглядъ идіота.

Между тѣмъ г. Глоагэнъ положилъ свой бумажникъ обратно въ карманъ, а То-Хо, замѣтивъ, что за нимъ наблюдаютъ, тотчасъ же поспѣшилъ снова впасть въ свою обычную безсмысленную апатію, а затѣмъ сдѣлалъ видъ, будто спитъ.

Но въ душѣ Кхасджи уже проснулось подозрѣніе и усыпить его было не легко. Давно уже въ немъ жило убѣжденіе, что причиною всѣхъ несчастій, постигавшихъ въ послѣдніе годы полковника Робинзона и его дѣтей, являлась эта самая проклятая Кандагарская пластинка, которой онъ приписывалъ даже и гибель «Юноны». Но почему же это отверженное существо, этотъ парія, этотъ идіотъ такъ живо интересуется этой золотой дощечкой?.. Почему онъ вдругъ, точно отъ прикосновенія электрической искры, вышелъ при видѣ ея изъ своего обычнаго физическаго и моральнаго оцѣпенѣнія? Почему поспѣшилъ онъ снова принять прежній видъ безсмысленности и апатіи, какъ только замѣтилъ, что за нимъ наблюдаютъ? Слѣдовательно, онъ прикидывался все время, старался казаться не тѣмъ, что онъ есть на самомъ дѣлѣ. Но въ такомъ случаѣ, что онъ за человѣкъ? Чего онъ добивается? Какая его скрытая цѣль?

Всѣ эти вопросы одинъ за другимъ возставали въ головѣ Кхасджи, и хотя онъ еще не подыскалъ на нихъ точныхъ опредѣленныхъ отвѣтовъ, тѣмъ не менѣе въ душѣ его стало зарождаться, какъ бы само-собою, какое-то смутное предчувствіе истины. Ему почему-то начинало казаться, что этого То-Хо, какимъ онъ видѣлъ его сейчасъ, онъ уже гдѣ-то видѣлъ— гдѣ? когда? Кхасджи не могъ бы этого сказать, но какое-то смутное подозрѣніе зародилось въ немъ. И Кхасджи рѣшилъ не спускать глаза съ этого человѣка.

Напрасно То-Хо дѣлалъ видъ, что спитъ и что ни мало не безпокоится о томъ, что за нимъ наблюдаютъ, Кхасджи все же замѣтилъ, какъ онъ два раза полураскрылъ вѣки и изъ-подъ рѣсницъ, крадучись, взглянулъ на окружающихъ. Продѣлалъ онъ это весьма искусно, но не Кхасджи было ему обма-

нуть такими хитростями, не даромъ же тотъ былъ прирожденнымъ индусомъ.

Кхасджи рѣшилъ, что для болѣе успѣшнаго наблюденія за То-Хо надо не подавать вида, что онъ наблюдаетъ за кули, а потому повернулся спиной къ носу шлюпки. Но и То-Хо, въ свою очередь, успѣлъ поймать его взглядъ, подозрительно слѣдившій за нимъ, и этого было вполнѣ достаточно, чтобы заставить его быть на сторожѣ.

Такъ продолжалось ровно двое сутокъ. Никто изъ окружающихъ не замѣчалъ рѣшительно ничего особеннаго, а между тѣмъ тутъ разыгрывалась цѣлая драма.

На четвертыя сутки плаванія командиры шлюпокъ замѣтили, что боченки съ водою и виномъ, вмѣсто того чтобы содержать по 120 литровъ жидкости, содержали только по 100, такъ сильно было дѣйствіе солнца въ этихъ тропическихъ странахъ, что то и другое испарялось съ удивительной быстротой. Вслѣдствіе этого могло не хватить на два дня воды и вина.

Къ счастью, однако, явилась нежданно другая помощь: подулъ вѣтерокъ, и можно было поднять паруса.

Шлюпки гнало теперь съ быстротою 12 узловъ въ часъ, безъ помощи веселъ. При такихъ условіяхъ можно было разсчитывать достигнуть острова Пасхи черезъ двое сутокъ. Обрадованные этимъ нежданнымъ облегченіемъ, гребцы поспѣшили улечься подъ банки и заснуть.

Было уже за полночь, и капитанъ Мокарю, сидя самъ на рулѣ, казалось, одинъ только не спалъ на командирской шлюпкѣ, когда какая-то черная тѣнь, скрывающаяся отъ него за парусомъ, беззвучно ползкомъ стала пробираться къ тому мѣсту, гдѣ спалъ г. Глоагэнъ, прислонясь къ мачтѣ. То былъ То-Хо, который, полагая, что Кхасджи, наконецъ, утомился и заснулъ, переставъ на время слѣдить за нимъ, прокрадывался теперь осторожно между спящими. Добравшись до археолога, онъ улегся подлѣ него и долго лежалъ совершенно неподвижно. Затѣмъ пропустивъ совершенно незамѣтно правую руку къ груди своего сосѣда, онъ собирался, повидимому, овладѣть его драгоцѣннымъ бумажникомъ съ Кандагарской пластинкой съ лов-

опытностью карманнаго воришки, но въ этотъ моментъ почувствовалъ, какъ другая желѣзная рука схватила его руку, точно тисками.

Это была рука Кхасджи, который, предвидя эту попытку со стороны То-Хо, успѣлъ предупредить о томъ г. Глоагэна и просилъ его обмѣняться съ нимъ платьемъ, шляпой и мѣстомъ, что онъ исполнилъ ловко и проворно подъ прикрытіемъ ночи, скрываясь за парусомъ.

— Аа... попался, голубчикъ! Я это зналъ!.. Я прочиталъ третьяго дня въ твоихъ глазахъ, что ты не устоишь противъ этого искушенія!.. Такъ вотъ, теперь ты и попался!

То-Хо не отвѣчалъ ни слова. Онъ, вѣроятно, разсчитывалъ продлить еще свою роль идіота, но теперь его дѣло было проиграно. Капитанъ Мокарю, предупрежденный о томъ, что произошло, приказалъ вахтенному разбудить четверыхъ людей, которымъ отдалъ приказаніе связать виновнаго и отвести его обратно на его прежнее мѣсто.

Все это дѣло обошлось безъ шума, но на слѣдующее утро стало, конечно, предметомъ всеобщаго разговора, только Кхасджи не раскрывалъ рта. У него была своя задняя мысль, которую онъ вскорѣ сообщилъ командиру, испросивъ его разрѣшеніе, на что тотъ утвердительно кивнулъ головой.

Не медля ни минуты, Кхасджи вытащилъ изъ своего кармана походный бритвенный приборъ, ножницы, брусокъ мыла, мочалку и, подойдя къ связанному по рукамъ и по ногамъ То-Хо, принялся совершать его туалетъ съ проворствомъ и опытностью настоящаго цырюльника.

То-Хо покорно подчинялся этой операц!и, неподвижно сидя съ закрытыми глазами, несмотря на злостныя шуточки и подтруниванія столпившихся вокругъ него матросовъ. Перемѣна, происшедшая съ нимъ вслѣдствіе этой операціи, оказалась дѣйствительно поразительной и невѣроятной.

Прежде всего, человѣкъ этотъ былъ не негръ и не метисъ, малаецъ или мулатъ, а просто человѣкъ, обладающій довольно смуглымъ цвѣтомъ лица, и только вслѣдствіе густого слоя черной мази казавшійся чѣмъ-то въ родѣ негра или мулата.

Но не только одна окраска кожи могла ввести въ заблужденіе нашихъ друзей, человѣкъ этотъ, кромѣ того, сумѣлъ совершенно видоизмѣнить свои природныя черты, прикрывъ ихъ мѣстами густымъ слоемъ какой-то замазки, придавъ лицу совершенно другой овалъ и характеръ. Когда-же Кхасджи сумѣлъ искусно соскрести и удалить все это съ его лица, то То-Хо вовсе уже не походилъ на себя, это былъ человѣкъ, котораго сразу узналъ не только Кхасджи, но и Чандосъ, и Поль-Луи, и Флорри, и г. Глоагэнъ, это былъ переводчикъ, пытавшійся совершить преступленіе надъ дѣтьми полковника Робинзона и Полемъ-Луи, — это былъ аннамитъ изъ Сайгона!

— Кра-Онгъ-Динхъ-Ки!.. Я такъ и зналъ! — воскликнулъ Кхасджи, отступая на шагъ передъ вновь созданнымъ имъ аннамитомъ.

— Лодочникъ въ бѣломъ тюрбанѣ въ Калькуттѣ!—воскликнулъ почти въ тотъ же моментъ, точно осѣненный какимъ-то воспоминаніемъ, г. Глоагэнъ.

— Да, право, это тотъ самый аннамитъ, который предлагалъ мнѣ дезертировать, обмѣнявшись съ нимъ платьемъ!—заявилъ Кедикъ.

— Эге, пріятель!—вмѣшался Камберуссъ на своемъ своеобразномъ діалектѣ. — Да вѣдь это мы съ тобой такъ пріятно провели вечеръ въ кафе Сайгона! Какъ же не помнить, славно мы съ тобой попировали...

— Накажи меня Богъ, если этотъ мерзавецъ и негодяй не тотъ самый, который тогда принесъ кобру въ домъ! — пробормоталъ сквозь зубы Кхасджи.

Теперь кули чувствовалъ себя разоблаченнымъ физически и нравственно. Онъ смотрѣлъ кругомъ широко раскрытыми, свирѣпыми, почти звѣрскими глазами, въ которыхъ выражалось не столько ненависти, сколько высокомѣрнаго презрѣнія ко всѣмъ этимъ людямъ и ко всей этой жизни.

XIII. Драма въ бурю.

Весь день прошелъ безъ особыхъ событій. Всѣ присутствующіе не переставали обсуждать странное стеченіе обстоятельствъ. Что могло побудить То-Хо къ этому послѣдовательному ряду злодѣяній? Почему преслѣдовалъ онъ съ такой непримиримой ненавистью семью полковника Робинзона даже послѣ того, какъ покончилъ съ нимъ? Дѣйствовалъ-ли онъ отъ себя лично, или по порученію какого-нибудь тайнаго общества? Былъ-ли онъ аннамитъ, индусъ или авганецъ?.. г. Глоагенъ склоненъ былъ утверждать послѣднее. Не онъ-ли былъ и виновникомъ гибели «*Юноны*»? Это казалось вѣроятнымъ, потому что иначе къ чему ему было пробираться на судно. Но какъ не боялся этотъ отчаянный человѣкъ рисковать въ числѣ остальныхъ и своей собственной жизнью, ради одного удовольствія удовлетворить своей мести?

И откуда могъ этотъ дикарь имѣть достаточно техническихъ свѣдѣній, чтобы задумать и выполнить свой ужасный планъ? Впрочемъ, было еще много другихъ непонятныхъ вещей въ поведеніи этого человѣка. Почему, напримѣръ, онъ никогда не прибѣгалъ къ явнымъ способамъ убійства, почему никогда не нападалъ ни съ кинжаломъ въ рукѣ, ни съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, къ чему было не мало случаевъ?

Кхасджи-же вовсе не разсуждалъ обо всѣхъ этихъ вопросахъ, но только былъ крайне удивленъ и недоволенъ тѣмъ, что этому негодяю не всадили еще шести добрыхъ пуль въ башку, а удовольствовались тѣмъ, что связали и посадили на прежнее мѣсто. Онъ положительно не спускалъ съ него глазъ и добровольно принялъ на себя обязанности часового.

Часовъ около трехъ пополудни Кхасджи замѣтилъ, что въ глазахъ То-Хо мелькнула злорадная торжествующая искра, въ то время, когда онъ пристально вглядывался въ маленькое черное пятнышко, въ родѣ мушки, появившееся на безоблачной лазури неба съ восточной стороны солнечнаго диска.

капитанъ Мокарю также не сводилъ глазъ съ этого маленькаго чернаго пятнышка, которое, повидимому, сильно озабочивало его, такъ какъ онъ поминутно справлялся съ своимъ карманнымъ барометромъ-анероидомъ.

Около 4-хъ часовъ пополудни вѣтеръ разомъ стихъ, пришлось опять взяться за весла. Въ воздухѣ стало душно, солнце принимало багрово-красный оттѣнокъ и, наконецъ, сѣло въ совершенно свинцово-черныхъ облакахъ. Все предвѣщало бурю.

Ввиду этого, командиръ распорядился отобѣдать пораньше и накрыть всю шлюпку парусами, какъ-бы дэкомъ, оставивъ только посрединѣ открытое пространство для гребцовъ.

И хорошо было, что онъ вздумалъ поспѣшить этими мѣропріятіями, такъ какъ, едва они были окончены, на морѣ что-то застонало, завизжало, засвистало и съ ревомъ налетѣло на шлюпку.

Наступала ночь, буря разыгрывалась, бѣшено завывала, рвала сѣдые клочья страшныхъ волнъ и гнала впередъ шлюпки, то крутя ихъ на мѣстѣ, то грозя ежеминутно поглотить.

Капитанъ Мокарю съ перваго же взгляда понялъ безполезность борьбы. Онъ приказалъ убрать весла, накрыть какъ можно плотнѣе импровизированные парусинные дэки, или брезенты, и заботиться лишь объ одномъ—держаться по вѣтру, скользить по гребнямъ волнъ и по возможности не давать имъ разбиваться надъ шлюпкой. Сотни, тысячи разъ преодолѣваемыя препятствія и трудности родили новыя, болѣе ужасныя. То была страшная ночь. Только легкость шлюпки спасла ее, да еще рѣдкое, удивительное умѣніе, неутомимая энергія и присутствіе духа ея командира.

Съ восходомъ солнца сила вѣтра нѣсколько ослабла, и пошелъ мелкій частый дождичекъ, беззвучный, но пронизывающій до костей. Густой туманъ застилалъ все кругомъ. Другихъ шлюпокъ не было и слѣда. Погибли-ли онѣ, или только ихъ разбросало въ разныя стороны—трудно было сказать.

Хотя вѣтеръ и стихъ, но волны такъ расходились, что приходилось каждую минуту опасаться, чтобы людей не выбило изъ лодки то килевой, то носовой качкой. Дамъ пришлось

просто привязать къ банкамъ. Открыть ящики со съѣстными припасами и скушать что-нибудь нечего было и думать, а выпить что-нибудь—еще того меньше. Опредѣлить съ нѣкоторою точностью, гдѣ въ данный моментъ находилась шлюпка, тоже не было никакой возможности.

По мнѣнію капитана Мокарю, шлюпка дѣлала не менѣе 20 узловъ въ часъ и гнало ее по направленію къ юго-востоку, слѣдовательно, они удалялись отъ острова Пасхи, вмѣсто того чтобы приближаться къ нему.

Это затишье,—если можно такъ назвать страшную качку, отъ которой никто не могъ усидѣть на мѣстѣ ни одной минуты, продолжалось около 6-ти часовъ, а затѣмъ буря разыгралась съ новою силой, съ новымъ бѣшенствомъ...

Три дня она свирѣпствовала безъ устали съ непродолжительными перерывами. На вторыя сутки въ одинъ изъ такихъ перерывовъ нашимъ друзьямъ удалось таки кое-какъ открыть нѣсколько жестянокъ съ мясными консервами и коробку съ сухарями. Кедикъ, исполнявшій на командирской шлюпкѣ должность буфетчика, не безъ большого труда успѣлъ вставить кранъ въ боченокъ съ водою и въ боченокъ съ виномъ. Но едва успѣли кончить этотъ скромный обѣдъ, какъ буря разразилась снова съ удвоенной силой и бѣшенствомъ. На слѣд. день, который былъ 8-ми сутками со дня гибели «Юноны», произошло новое ужасное событіе. По утру вѣтеръ на время стихъ и этимъ моментомъ рѣшено было воспользоваться, чтобы позавтракать. Кедику было приказано раздать всѣмъ порціи, но каковъ же былъ его ужасъ, когда, надѣливъ всѣхъ мясомъ и сухарями, онъ собрался налить изъ боченка вина, и тотъ оказался пустымъ точно такъ же, какъ и боченокъ съ водой.

Краны, оставшіеся вчера въ попыхахъ въ боченкахъ, были, очевидно, отвернуты ночью, и все содержимое ихъ вытекло на дно шлюпки...

Это не подлежало сомнѣнію, а между тѣмъ это было непоправимымъ несчастьемъ, потому что даже если бы буря окончательно стихла теперь, то до острова Пасхи было такъ далеко, что нечего было и думать о возможности достигнуть берега

безъ капли воды. Итакъ, всѣмъ имъ приходилось умереть отъ жажды, отъ этой страшной смерти, хуже которой, кажется, и нѣтъ.

Это извѣстіе было встрѣчено всѣми мрачно и безмолвно, но у матросовъ это настроеніе вскорѣ перешло въ дикое бѣшенство, когда Кхасджи указалъ имъ пальцемъ на То-Хо, попрежнему связаннаго по рукамъ и ногамъ. Босыя ноги связаннаго плѣнника находились всего въ нѣсколькихъ дюймахъ разстоянія отъ того мѣста, гдѣ хранились боченки... Несмотря на то, что онъ былъ связанъ, ему было нетрудно, протянувъ немного впередъ ноги, дотянуться пальцами ногъ до крановъ и съ помощью ихъ отвернуть эти краны.

— Этотъ негодяй отвернулъ краны!—крикнулъ чей-то взбѣшенный голосъ.

А свирѣпый, торжествующій взглядъ То-Хо, его злорадная улыбка и вызывающее выраженіе лица въ тотъ моментъ, когда противъ него было брошено это обвиненіе, ясно говорили за него.

Кромѣ того, онъ даже не удовольствовался этимъ молчаливымъ признаніемъ. Сознавая, что теперь онъ погибъ безвозвратно, онъ захотѣлъ, по крайней мѣрѣ, дать себѣ наслажденіе поиздѣваться надъ этими ненавистными ему людьми, которые всѣ питали къ нему одно презрѣніе.

— Да, псы поганые! — крикнулъ онъ вдругъ громкимъ, мощнымъ голосомъ на французскомъ языкѣ, — это сдѣлалъ я, принцъ Дюлинъ Рана, вашъ общій врагъ и вашъ господинъ, который приговорилъ васъ всѣхъ погибнуть смертью бѣшеныхъ собакъ!.. Да, я отвернулъ краны у вашихъ боченковъ, и теперь всѣ вы подохнете отъ жажды!..

Дьявольская улыбка скривила его губы, и онъ съ злораднымъ торжествомъ обвелъ неизмѣримо презрительнымъ взглядомъ безсильныхъ жертвъ своихъ.

— И вы воображали,—насмѣшливо продолжалъ онъ,—что будете держать меня цѣлыми мѣсяцами въ трюмѣ, какъ жалкаго раба-невольника, будете вязать меня здѣсь, какъ ягненка, и что все это пройдетъ вамъ даромъ!.. нѣтъ, псы проклятые, мщеніе Дюлина Рана тяготѣетъ надъ вами... И теперь вы въ моихъ рукахъ, вы всѣ, воображавшіе, что держите меня

въ своихъ. Для меня смерть не страшна, потому что меня ждетъ вѣчное блаженство, уготованное вѣрнымъ... но вы, собаки, вы всѣ страшитесь смерти, и она огорчаетъ васъ, потому что вы знаете, что для васъ это только начало вашихъ вѣчныхъ мученій!..

На этомъ его прервали страшные крики угрозъ и негодованія.

— Смерть! Смерть этому негодяю!.. За бортъ его!.. За бортъ!.. бѣшено ревѣли матросы, подступая къ нему со всѣхъ сторонъ.

Всѣ они гурьбой набросились на несчастнаго, осыпая его ударами и считая прямымъ долгомъ выбросить его за бортъ безъ дальнѣйшаго промедленія. Тщетно командиръ призывалъ къ порядку, а Поль-Луи хотѣлъ воспрепятствовать этому самоуправству, матросы или не слушали ихъ, или же шумъ расходившейся снова бури заглушалъ ихъ голоса, но только минута... и все дѣло кончено! Тридцать сильныхъ рукъ подхватили плѣнника и, какъ негодный комокъ, со всего размаха швырнули его далеко въ разъяренныя волны.

Съ минуту надъ волнами, точно поплавокъ, на верхушкѣ волны мелькнула его голова, и его рѣзкій гортанный голосъ прокричалъ еще разъ сквозь свистъ вѣтра и вой бури:

— Собаки!.. Собачьи дѣти!..

Затѣмъ онъ скрылся и уже больше не появлялся на поверхности волнъ.

Большинство пассажировъ, особенно же обѣ дамы были до такой степени истощены, усталы и разбиты, что слышали все, какъ въ полуснѣ, едва сознавая, гдѣ онѣ и что съ ними, находясь въ какомъ-то почти безсознательномъ состояніи и полнѣйшей апатіи, вслѣдствіе страшнаго упадка силъ. Только матросы, командиръ, Поль-Луи и Кхасджи были еще въ состояніи думать и разсуждать. Особенно много и думалъ, и вспоминалъ, и обсуждалъ въ это время Кхасджи. Это имя, Дюлинъ Рана, было ему знакомо. Не разъ онъ его слышалъ въ то время, когда рядомъ съ покойнымъ полковникомъ Робинзономъ дѣлалъ походъ на Кандагаръ. Это имя было именемъ одного изъ авганскихъ вождей, славившихся передъ всѣми остальными своимъ умомъ, смѣлостью и отвагой, ему приписы-

вали и страшное дѣло избіенія британскихъ миссіонеровъ. О немъ ходили цѣлыя легенды, какія часто складываются о герояхъ дня въ Средней Азіи. Говорилось, что воспитанный матерью въ чувствахъ непримиримой ненависти и вражды къ англичанамъ, внукъ эмира Кабула, призванный, быть можетъ, наслѣдовать ему, онъ получилъ болѣе полное и широкое образованіе, чѣмъ другіе принцы, но въ строго національномъ духѣ. Онъ былъ весьма любимъ среди авганцевъ и, главнымъ образомъ, имѣлъ много сторонниковъ среди магометанъ-фанатиковъ, за свою чрезвычайную приверженность ко всѣмъ древнимъ обрядамъ, обычаямъ и религіознымъ традиціямъ страны. Популярность его была столь велика, что даже возбудила зависть въ самомъ эмирѣ, который сперва заключилъ его на нѣсколько лѣтъ въ одной изъ мечетей Кандагара, а затѣмъ отправилъ въ качествѣ заложника, въ Россію, на время какихъ то переговоровъ съ русскимъ правительствомъ. Здѣсь, вѣроятно, онъ и научился говорить по-французски. Впрочемъ, онъ вскорѣ бѣжалъ изъ Россіи въ Египетъ, а оттуда въ воды Индо-Китая, гдѣ, въ продолженіи многихъ лѣтъ, велъ никому неизвѣстную, вѣроятно, преступную бродячую жизнь авантюриста, или пирата. Наконецъ, когда возгорѣлась война 1879 г. между Англіей и Авганистаномъ, услыхавъ о смерти эмира, онъ поспѣшилъ вернуться на родину и старался создать свою особую партію сторонниковъ путемъ своихъ блестящихъ подвиговъ и заслугъ. При паденіи Кандагара онъ куда-то изчезъ, и никто не могъ сказать навѣрное, что съ нимъ сталось, одни говорили, что онъ былъ убитъ во время битвы, другіе—что онъ бѣжалъ, а вскорѣ о немъ совершенно позабыли.

Вотъ то, что давно было извѣстно Кхасджи, но, конечно, онъ никакъ не могъ ожидать, что ему придется когда-нибудь столкнуться съ этимъ человѣкомъ и при такихъ условіяхъ. У него снова зарождалась мысль, почему же ненависть этого авганца обрушилась такъ исключительно на полковника Робинзона и его дѣтей? Почему онъ, желая ихъ смерти, постоянно изыскивалъ такіе необычайные способы, столь опасные и для него самого?..

Мало-по-малу усталость взяла свое, и Кхасджи, не смыкавшій глазъ столько ночей, наконецъ, заснулъ.

Онъ спалъ уже часа два или три, когда былъ внезапно пробужденъ громкимъ возгласомъ Поля-Луи.

Молодой инженеръ, смѣнившій, наконецъ, у руля совершенно изнемогшаго капитана Мокарю, теперь будилъ его, теребя за рукавъ.

— Капитанъ!.. Капитанъ!.. смотрите, да смотрите-же!.. я готовъ побожиться, что это земля!—говорилъ онъ.

Командиръ протеръ глаза и сталъ смотрѣть по направленію указанному Полемъ-Луи.

Дѣйствительно, тамъ, вдали, на самомъ краю мутно-сѣраго горизонта, вырисовывалась какая-то черная зубчатая полоса. Боясь ошибиться, онъ взялъ свою подзорную трубу и долго прилежно вглядывался въ даль.

— Да, и я полагаю, что это земля, — сказалъ онъ слегка дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ...—Пустите меня опять къ рулю—съ той быстротой, съ какой насъ теперь гонитъ, мы черезъ четверть часа будемъ ввиду берега, на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ него. Мы и теперь уже, вѣроятно, очень близки отъ берега. Только-бы это не былъ обманъ глазъ!..

Но нѣтъ, каждая секунда замѣтно приближала шлюпку къ той черной линіи, которая, дѣйствительно, была землей. Теперь ужъ можно было различать, съ помощью трубы, и горы, и долины, а немного спустя, и волнистую линію лѣсовъ.

Не помня себя отъ радости, Поль-Луи хотѣлъ разбудить отца, Флорри и Чандоса, чтобы порадовать ихъ доброй вѣстью, но командиръ остановилъ его.

— Подождите еще будить,—сказалъ онъ, грустно улыбаясь,— быть можетъ, намъ не удастся пристать. Смотрите!

Дѣйствительно, чѣмъ больше впередъ уносилась шлюпка, тѣмъ болѣе земля начинала какъ бы отходить вправо, въ сторону, а вмѣстѣ съ тѣмъ не было никакой возможности повернуть руль въ надлежащемъ, т. е. желаемомъ направленіи и попытаться достигнуть берегу на веслахъ. По морю все еще ходили такіе страшные валы, что весла были бы почти безсильны противъ

нихъ, кромѣ того, при первой попыткѣ прорѣзать ихъ, шлюпку неминуемо должно было опрокинуть. А буря жала ихъ въ сторону отъ берега. Настала минута, когда земля осталась совсѣмъ къ западу, а шлюпка, которую гнало къ югу, почти совершенно потеряла изъ виду берегъ. Еще минута, другая,—и берегъ окончательно скроется изъ глазъ.

Поль-Луи ломалъ себѣ руки въ припадкѣ безсильнаго отчаянія. — О, если бы онъ было одинъ. онъ, кажется, вплавь бы постарался достигнуть берега!

Командиръ былъ все такъ-же спокоенъ на видъ, и по прежнему старался держать носъ шлюпки по вѣтру.

Вотъ что сказалъ онъ, наконецъ.

— Если эта черная точка, оставшаяся еще на виду, не мысъ, то мы ничего сдѣлать не можемъ! Если же это мысъ, то у насъ остается еще нѣкоторая надежда...

Къ счастью, это былъ мысъ, да еще какой,—длинный, какъ коса, глубоко вдающійся въ море и при томъ весьма высокій.

И едва только онъ остался совершенно позади, какъ видъ моря тотчасъ-же измѣнился. Между тѣмъ какъ къ югу волны мчались, какъ бѣшеныя, съ ревомъ нагоняя другъ друга, на западѣ море казалось сравнительно спокойнымъ, точно на рейдѣ.

— Ну, теперь, будите всѣхъ!—крикнулъ капитанъ Мокарю, вздохнувъ съ облегченіемъ, — мы сейчасъ будемъ приставать!

И онъ съ удивительнымъ знаніемъ и искусствомъ направилъ шлюпку такъ, чтобы она, покинувъ направленіе вѣтра, благополучно попала въ болѣе тихія воды подъ защитой косы.

При этомъ ему оказало содѣйствіе какое-то довольно сильное морское теченіе, идущее къ западу—и даже весьма замѣтное на глазъ, благодаря другому цвѣту своихъ водъ. На призывъ Поля-Луи всѣ повскакали и недоумѣло смотрѣли впередъ, не вѣря своимъ глазамъ.

Матросы бросились къ весламъ и, четверть часа спустя, шлюпка вошла въ хорошенькую бухту, а затѣмъ вскорѣ врѣзалась въ мягкій песчаный берегъ.

---

*

XIV. Земля!

Было около двухъ часовъ пополудни, когда потерпѣвшіе крушеніе высадились на берегъ. У всѣхъ точно выросли крылья. Эти изнуренные, ослабшіе, полу-умирающіе, голодные люди стали бѣгать по берегу, точно веселые школьники; казалось, всѣ они хотѣли убѣдиться воочію, что они, наконецъ, имѣютъ твердую почву подъ ногами, что все это не обманчивый сонъ, а настоящая дѣйствительность.

Прежде всего всѣ они спѣшили напиться у маленькаго прозрачнаго ручейка, бѣгущаго къ морю, журча и перепрыгивая черезъ каменья. Затѣмъ всѣ стали жать другъ другу руки, поздравлять другъ друга съ благополучнымъ прибытіемъ. Любовались прекраснымъ видомъ, красивымъ кольцомъ горъ и живописными долинами. Полковникъ Хюгонъ даже не утерпѣлъ и уложилъ мѣткимъ выстрѣломъ изъ ружья дикую козочку, которую тутъ-же ободрали, выпотрошили и приготовились изжарить на великолѣпномъ кострѣ, мигомъ собранномъ изъ сухого валежника.

Все это—минутное дѣло, когда работниковъ 40 человѣкъ, и когда всѣ работаютъ дружно, какъ одинъ. Какъ пріятно было отогрѣться у этого костра и кушать это свѣжее, сочное жаркое, закусывая его сухаремъ и запивая холодной ключевой водой...

Послѣ всѣхъ этихъ житейскихъ наслажденій всѣ безъ исключенія предались сіестѣ, какой нельзя запомнить подобной. Продолжалась она около 4 или 5 часовъ, когда мистриссъ О'Моллой первая пробудилась. Солнце было близко къ закату, небо очистилось, обрывки облаковъ уносились къ югу. Убѣдившись, что все это не сонъ, она вдругъ почувствовала не то упрекъ, не то что-то похожее на огорченіе. Гдѣ ея мужъ? Бѣдный майоръ, что сталось съ нимъ?.. Погибъ, потонулъ бѣдняжка! и къ чему ему было садиться въ другую шлюпку?—а она, его вдова, только и думала, какъ бы поѣсть, попить, поспать и даже не вспомнила о немъ, да и за всѣ эти послѣдніе дни она не подумала о немъ ни разу... Это ужасно!

Мистриссъ О'Моллой расплакалась при этомъ но не на долго: ея практическій чисто британскій складъ ума всегда бралъ верхъ надъ всѣми ея чувствами.

— Итакъ, я вдова!.. Конечно, майоръ имѣлъ свои недостатки, онъ былъ неисправимый пьяница, жалкій офицеръ, вѣчно жаловавшійся на свои немощи...Зато онъ былъ самый примѣрный, покорный мужъ и затѣмъ настоящій джентлемэнъ, этого у него нельзя отнять. Да, жаль, что это такъ случилось, но вѣдь всѣ мы смертны, и я сама могла каждую минуту проститься съ жизнью... Да, вдовамъ полагается носить трауръ, многимъ женщинамъ онъ очень къ лицу... Только бы здѣсь нашлись магазины и приличный портной...

— Капитанъ!.. Ей, капитанъ, какъ вы полагаете, есть здѣсь по близости какой-нибудь городъ? и могу ли я найти здѣсь приличнаго дамскаго портного?

— Какъ?.. что?.. Городъ?.. Портного? дамскаго портного спрашиваете вы, сударыня?

— Ну, да, я спрашиваю васъ, знаете-ли вы, гдѣ мы находимся и думаете-ли вы...

— Я ничего не могу вамъ сказать, сударыня...—Аа, вотъ и солнце!.. Но оно на закатѣ, вѣроятно, завтра въ полдень я съумѣю удовлетворить ваше любопытство. Насколько я могу предполагать, мы должны быть въ пяти или шестистахъ миляхъ къ югу отъ острова Пасхи, но сказать что-либо навѣрно я, конечно, не смѣю.

— Нѣтъ, капитанъ, вы скажите мнѣ только, есть-ли здѣсь гдѣ-нибудь городъ.

— Городъ? наврядъ-ли, сударыня... я былъ-бы даже крайне удивленъ встрѣтить здѣсь деревушку или селеніе. Впрочемъ, съ нами случалось за послѣднее время столько удивительнаго...

— Столько печальнаго,—поправила его мистриссъ О'Моллой, поднося платокъ къ глазамъ.—Мой бѣдный мужъ...

— Да, правда... впрочемъ, не слѣдуетъ отчаяваться, почему мы знаемъ, что остальныя шлюпки не спаслись, какъ и мы... вѣдь онѣ плавали при тѣхъ-же условіяхъ... надо будетъ немедленно привести это въ извѣстность...

Командиръ сталъ обходить спящихъ и будилъ ихъ.

— Встать! встать! успѣемъ выспаться ночью... прежде всего надо узнать, не забросило-ли сюда еще которыя-нибудь изъ шлюпокъ съ «Юноны».

Матросы вскакивали, протирая глаза. У нихъ въ ушахъ все еще стоялъ ревъ и свистъ бури, но лучи заходящаго солнца вскорѣ окончательно привели ихъ въ себя. Всѣ принялись протирать и чистить оружіе, заряжать его сызнова, и по приказанію командира весь маленькій отрядъ двинулся по направленію къ сосѣдней возвышенности, избранной капитаномъ Мокарю, какъ наилучшій обсерваціонный пунктъ.

Дамы также пожелали сопровождать эту маленькую экспедицію, и вообще было признано за лучшее не разлучаться. Возвышенность, къ которой направились наши друзья, представляла собою одинъ изъ острововъ той горной цѣпи, которая образовала, вдаваясь въ море, мысъ «Спасенія», какъ его мысленно окрестилъ командиръ. Она поросла густымъ лѣсомъ и, повидимому, легко доступна со стороны долины. По разсчетамъ большинства, до ея вершины было не болѣе часа ходьбы. Долина, опускавшаяся отъ горъ къ прибрежью, была украшена высокой травой, въ которой наши путники съ нѣкоторымъ трудомъ прокладывали себѣ дорогу.—Вдругъ, къ необычайному удивленію маленькаго общества, г. Глоагэнъ замѣтилъ въ числѣ этихъ травъ ячмень, рисъ, овесъ и рожь, заглушенные разными сорными травами, но тѣмъ не менѣе это было весьма важное открытіе, такъ какъ оно свидѣтельствовало о томъ, что эти злаки воздѣлываются гдѣ-нибудь по близости или воздѣлывались раньше.

— Если только эти злаки не произрастаютъ здѣсь въ дикомъ видѣ,—замѣтилъ г. Глоагэнъ.—Впрочемъ, это не совсѣмъ вѣроятно, такъ какъ они чужды этому полушарію и, вѣроятно, были занесены сюда рукою человѣческой; изъ этого слѣдуетъ, что эта земля или обитаема, или была обитаема цивилизованными людьми.

Вскорѣ новое доказательство явилось какъ-бы въ подтвержденіе этого предположенія. Когда путники стали подниматься

въ гору, то были еще больше поражены, увидѣвъ прекрасныя виноградныя лозы, обремененныя гроздьями ягодъ и насчитывающія, по всѣмъ вѣроятіямъ, до двухсотъ лѣтъ существованія.

Тутъ же, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, Чандосъ, Кедикъ и другіе молодые матросы принялись срѣзать эти гроздья въ громадномъ количествѣ; всѣ ѣли, сколько могли, и набрали съ собой большіе запасы.

— Воля ваша, а страна эта была нѣкогда обитаема, но это было уже давно, такъ какъ ни одинъ разумный человѣкъ не далъ бы этой лозѣ достигнуть такихъ невѣроятныхъ размѣровъ, не собирая плодовъ... Очевидно, ничья нога давно уже не мяла этой травы.

Едва успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ изъ ближайшей чащи бѣшенымъ галопомъ выскочило большое животное, напугавъ всѣхъ присутствующихъ,

— Дикій теленокъ!—воскликнулъ полковникъ Хюгонъ, выскакивая впередъ и, выхвативъ изъ рукъ перваго попавшагося матроса ружье, вскинулъ его и спустилъ курокъ. Пуля попала за ухо, бѣдное животное тутъ же испустило духъ. Оно оказалось, дѣйствительно, большимъ бурымъ теленкомъ 10—12 мѣсяцевъ. Что-же касается его происхожденія, то трудно было рѣшить, дикій ли онъ, или домашній, потому что по пушистой шерсти, похожей на шерсть дикой козы, его можно было отнести и къ дикимъ животнымъ, а по формамъ и окраскѣ—это былъ домашній бычекъ южно-американской породы.

Рѣшено было пока оставить его на мѣстѣ, а на обратномъ пути захватить и приготовить изъ него обѣдъ.

Вскорѣ высокія травы и кусты замѣнила сухая каменистая почва. Кругозоръ становился обширнѣе. Полъ часа спустя, путники были уже на вершинѣ горы. Солнце совершенно зашло, но небо было чисто, и глазъ обнималъ обширное пространство въ двѣ три мили въ окружности, или вѣрнѣе, въ полу кругѣ, такъ какъ съ сѣверо-западной стороны видъ совершенно преграждала высокая гора.

Нигдѣ ни малѣйшаго признака присутствія человѣка; ни жилья, ни дымка, ни голосовъ. Но за то цѣлыя стада козъ и

барановъ съ длинной мохнатой шерстью, всякаго рода птицъ, преимущественно куриныхъ породъ; на заливѣ у того самаго мѣста, гдѣ теперь лежала шлюпка, вытащенная на берегъ, весело полоскались утки.

— Какъ видно, у насъ не будетъ недостатка ни въ мясѣ, ни въ молокѣ, ни въ птицѣ, ни въ водѣ...—сказалъ командиръ.

— Ни даже въ хлѣбѣ, если захотимъ воздѣлывать эти злаки!

— А я берусь изготовить прекрасное вино, если только у насъ будутъ бочки!—сказалъ Камберуссъ.

Но вотъ, командиръ, обводившій окрестность своею зрительной трубой, вдругъ увидѣлъ узкую струйку дыма. Кто зажегъ тамъ этотъ огонь? Туземцы-ли, или друзья съ «Юноны»? А если это туземцы, то безопасно-ли заявить имъ о своемъ присутствіи здѣсь общимъ ружейнымъ залпомъ.

— Если это наши,—сказалъ полковникъ Хюганъ,—то мы сейчасъ же узнаемъ объ этомъ по отвѣтному залпу, если же туземцы, то что намъ опасаться ихъ? 37 человѣкъ европейцевъ, съ хорошимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, безъ труда справятся съ цѣлой тысячей дикарей.

Итакъ, командиръ приказалъ своимъ людямъ встать въ каре—и затѣмъ скомандовалъ: «Пли!», и раздался общій оглушительный залпъ.

Эхо раскатилось и секундъ двадцать отдавалось въ ближайшихъ горахъ.

Настало полнѣйшее безмолвіе, показавшееся всѣмъ очень продолжительнымъ, но длившемся, въ сущности, всего нѣсколько минутъ. У всѣхъ сильно бились сердца, и всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ насторожили слухъ. И вотъ, вдали раскатился выстрѣлъ, за нимъ другой, третій, четвертый... Семь залповъ отвѣтили на залпъ командирской шлюпки: значитъ, изъ 18 шлюпокъ уцѣлѣло еще семь. Сердца, забившіяся радостью при первыхъ залпахъ, болѣзненно сжались, когда послѣдній затихъ.

Что-же сталось съ остальными 9-ю шлюпками?

Быть можетъ, ихъ закинуло куда нибудь подальше, но это была только слабая отдаленная надежда.

Рѣшено было немедленно спуститься къ заливу, гдѣ легче было получить извѣстія о своихъ.

По пути матросы срубили жердины и взвалили на нихъ убитаго теленка, а на другія—громадныя грозди винограда, и къ восьми часамъ вечера, когда день разомъ смѣнился ночью, друзья уже были на мѣстѣ, на берегу залива, гдѣ и расположились лагеремъ; изъ парусовъ, жердей и веселъ соорудили тутъ-же двѣ палатки; одну маленькую, другую побольше. Въ первой расположились дамы, во второй—весь остальной наличный персоналъ маленькой колоніи. Затѣмъ набрали достаточное количество сухого валежника, чтобы поддерживать всю ночь огонь, и, выбравъ четырехъ часовыхъ, раздѣлили людей на двѣ очереди для смѣны караула.

Только капитанъ Мокарю добровольно остался сидѣть у костра со своими матросами, да мистриссъ О'Моллой, лежа на мягкомъ ложѣ, размышляла. вдова она или нѣтъ. Теперь, когда спасеніе ея мужа перестало уже казаться чѣмъ-то невозможнымъ, она дала-бы все на свѣтѣ, лишь бы только онъ былъ живъ.

XV. Гдѣ мы?

На слѣдующій день погода была прекрасная; заливъ какъ будто улыбался. Съ разсвѣтомъ командиръ разослалъ съ десятокъ матросовъ, съ приказаніемъ собрать экипажи всѣхъ остальныхъ шлюпокъ и назначилъ сборнымъ пунктомъ южный скатъ горы, возвышавшейся всего въ нѣсколькихъ километрахъ къ сѣверу отъ залива; всѣ части должны были собраться туда ровно къ одиннадцати часамъ дня.

Въ половинѣ десятаго, позавтракавъ, вся маленькая колонія съ командирской шлюпки тронулась въ путь.

По дорогѣ всѣхъ не мало удивилъ странный характеръ мѣстной флоры и фауны. Все это были европейскіе виды, очевидно, вывезенные сюда изъ Европы и затѣмъ нѣсколько видоизмѣнившіеся и одичавшіе. Здѣсь попадалась и свекла, и брюква,

и морковь, и бобы, и горохъ, и латукъ, и цикорій, заросшіе всякою травой. Были здѣсь и апельсинныя, и персиковыя, и вишневыя деревья, успѣвшія уже совершенно одичать.

Домашнихъ животныхъ и домашней птицы было такъ много, что можно было вообразить себя во дворѣ какой-нибудь французской фермы.

Когда путешественники подошли къ скату горы, то имъ представилось еще болѣе несомнѣнное доказательство того, что страна эта была нѣкогда обитаема цивилизованными европейцами. Они наткнулись на цѣлую деревню, состоявшую изъ правильнаго ряда теперь уже обрушившихся и развалившихся домиковъ, частью бревенчатыхъ, частью камышевыхъ, плетеныхъ на манеръ корзинъ. Большинство изъ нихъ не имѣло уже крышъ, но какъ внѣшній характеръ этихъ строеній, такъ и внутреннее расположеніе помѣщенія свидѣтельствовали о томъ, что они нѣкогда быки построены европейцами. Мало того, для большей несомнѣнности одинъ изъ матросовъ, заходившихъ въ развалившіяся хижины, случайно наступилъ и поднялъ тамъ глиняную кастрюлечку, всю растрескавшуюся, черную, закопченую, на которой, однако, опытный глазъ г. Глоагэна сразу увидѣлъ клеймо съ надписью: Spottis woode. London. Очевидно, англичане варили здѣсь свой пудингъ.

Между тѣмъ Поль-Луи съ особымъ интересомъ приглядывался къ кое-какимъ геологическимъ признакамъ мѣстности, особенно съ того момента, когда маленькая группа, выйдя изъ долины, стала подниматься по отлогому скату горы, гдѣ почва была голой и каменистой.

Вдругъ онъ наклонился къ землѣ и, поднявъ какой-то странной формы черный камень, съ торжествующимъ видомъ воскликнулъ:

— Смотрите, друзья! Смотрите, что я нашелъ на самой поверхности!

Но слова его не вызвали особаго энтузіазма въ его друзьяхъ. Такое равнодушіе возмутило Поля-Луи.

— Да неужели-же вы не понимаете, какое громадное значеніе имѣетъ для насъ этотъ скромный черный камень, вѣдь

это символъ нашего общаго спасенія! Чтобы вы могли сдѣлать въ этой странѣ безъ желѣза и стали? Мы были бы принуждены вернуться къ первобытнымъ условіямъ каменнаго вѣка! А этотъ минералъ даже и здѣсь ставитъ насъ на уровень сыновъ и гражданъ XIX вѣка. Что можете вы сдѣлать безъ пилы, безъ долота, безъ кирки? Этотъ незамѣнимый матеріалъ, повѣрьте, это—нашъ спаситель!

— Вы забываете, дорогой мой,—сказалъ командиръ,—что этотъ необработанный матеріалъ далеко еще не желѣзо и не сталь, которые намъ могутъ быть полезны и даже необходимы!

— Конечно, но вѣдь у насъ здѣсь нѣтъ недостатка ни въ топливѣ, ни въ рабочихъ рукахъ. Если первые люди бронзоваго вѣка не только сумѣли примѣнить, но и открыть всѣ металлургическіе пріемы, то неужели мы, зная уже всѣ эти пріемы, не сумѣемъ достигнуть тѣхъ же результатовъ? Нѣтъ, это было бы слишкомъ обидно!

Тѣмъ временемъ путники подходили уже къ назначенному мѣсту встрѣчи. У всѣхъ болѣзненно забились сердца.

Вѣдь если вчерашняя перестрѣлка не обманула, то не хватало 8 шлюпокъ, а слѣдовательно 320 человѣкъ.

Всѣ шли молча, понуривъ головы, какъ вдругъ изъ-за пригорка раздались торжественные звуки «*Марсельезы*».

Это Рэти съ музыкантами привѣтствовалъ своего полкового командира. При звукахъ этого воодушевляющаго мотива, французскія сердца невольно дрогнули живою радостью, и почти всѣ запѣли знаменитый мотивъ и зашагали въ ногу въ тактъ народнаго гимна.

А въ тотъ моментъ, когда они, наконецъ, взошли на горную полянку у подножія того самаго пика, который былъ назначенъ мѣстомъ свиданія, командиръ и его свита были встрѣчены дружнымъ привѣтствіемъ восьми отдѣльныхъ группъ, при чемъ группа командира была 9-я, а музыканты—10-я.

Они вчера не отозвались на залпъ, такъ какъ никто изъ нихъ не имѣлъ огнестрѣльнаго оружія.

Не доставало; семи шлюпокъ съ полнымъ экипажемъ и пассажирами; ихъ, безъ сомнѣнія, нужно было считать погибшими,

а въ числѣ этихъ отсутствующихъ товарищей были и лейтенантъ «Юноны», и маіоръ О'Моллой.

Итакъ, мистриссъ О'Моллой была вдовой!

Послѣ первыхъ сердечныхъ привѣтствій и трогательныхъ первыхъ минутъ встрѣчи, командиръ предложилъ дамамъ и г. Глоагэнъ остаться на площадкѣ, а самъ со своими офицерами, полковникомъ Хюгономъ, Полемъ-Луи и Чандосомъ сталъ продолжать подъемъ на самую вершину горы. Послѣ получасового довольно утомительнаго подъема они достигли высшей точки горы. Отсюда они могли убѣдиться воочію, что находятся на небольшомъ островѣ, приближающемся, по своей формѣ, къ треугольнику, ограниченному двумя группами горъ, расходящихся подъ прямымъ угломъ въ разныя стороны. Третья сторона треугольника, обращенная къ заливу, была низменной долиной. Всѣ 10 шлюпокъ пристали съ этой стороны, на пространствѣ между восточнымъ мысомъ — или мысомъ Спасенія, какъ его прозвалъ капитанъ Мокарю, и западнымъ, представляющимъ собою конечный пунктъ второй группы горъ.

Къ югу виднѣлась на морѣ бѣлая линія прибоя. Очевидно, это была цѣпь подводныхъ рифовъ, а немного далѣе, выдѣляясь группами кудрявыхъ пальмъ, виднѣлись маленькіе островки. Но затѣмъ ни въ ту, ни въ другую сторону, ни близко, ни далеко, нигдѣ не было ни малѣйшихъ признаковъ земли, и кругомъ, даже на самомъ этомъ островѣ, ни малѣйшихъ признаковъ человѣческой жизни. Природа здѣсь была роскошна, богата и живописна, но отъ нея вѣяло мертвымъ холодомъ, безжизненностью и безотрадной скукой необитаемой страны.

Время близилось къ полудню. Всѣ морскіе офицеры со своими секстантами готовились измѣрить высоту солнца надъ горизонтомъ. Когда оно зашло за меридіанъ, и всѣ собрали свои наблюденія, то командиръ произнесъ свой приговоръ:

42° 17′ 38″ Южной широты,
112° 48′ 24″ Восточной долготы.

На имѣющихся картахъ ни на одной не было обозначено

острова на этомъ мѣстѣ. Впрочемъ, это и не удивительно. Такой маленькій островокъ, расположенный въ самой безлюдной части южнаго океана, гдѣ не проходитъ и двухъ судовъ въ теченіе цѣлыхъ 20 лѣтъ, да еще огражденный подводными скалами, легко могъ быть не занесенъ на карты. Очевидно, его прежніе обитатели были европейцы, и пребываніе ихъ здѣсь было не мимолетное, такъ какъ все почти свидѣтельствовало о правильной колонизаціи и извѣстныхъ сношеніяхъ съ подлинной родиной поселенцевъ. Такъ разсуждалъ капитанъ Мокарю, спускаясь съ вершины горы къ той горной долинѣ, гдѣ остались дамы и экипажи всей флотиліи.

— Друзья мои, — заявилъ онъ, очутившись среди нихъ,— мы находимся здѣсь за сотни миль отъ всякой обитаемой земли. На то, чтобы по близости отъ насъ прошло судно, разсчитывать намъ тоже нечего, такъ какъ нашъ островъ лежитъ внѣ всякаго пути; слѣдовательно, намъ остается разсчитывать только на свои собственныя силы, дисциплину и усердіе въ трудѣ, чтобы уйти отсюда или создать себѣ сносное существованіе здѣсь. Если хотите, мы сейчасъ же приступимъ къ обсужденію тѣхъ средствъ, какія находятся въ нашемъ распоряженіи!

— Да! да! Да здравствуетъ командиръ!—крикнули разомъ четыреста голосовъ.

— Ну, вотъ, всѣ мы собрались здѣсь, и пусть каждый предложитъ свое мнѣніе на обсужденіе остальныхъ.

Всѣ разсѣлись на лугу, и началось совѣщаніе, вначалѣ довольно безпокойное, потому что всѣ говорили подъ впечатлѣніемъ минуты, не успѣвъ ни обдумать, ни обсудить своего предложенія. Одни мечтали предаться отдохновенію на лонѣ этой благодатной природы. Другіе возмущались стать добровольными узниками моря—вѣдь прибыли же они сюда на этихъ шлюпкахъ въ страшную бурю, почему-же не попытаться выйти отсюда при болѣе благопріятныхъ условіяхъ добраться до мыса Горна, а тамъ уже навѣрное найдутся суда, которыя доставятъ тихъ на родину. Многіе мечтали завести фермы и стать зажиточными собственниками, тогда какъ другіе, наоборотъ, хотѣли соорудить громадные плоты, перенести на нихъ всѣ плодо-

всѣхъ птицъ и животныхъ и перевезти все это на американскій материкъ — хотя бы съ помощью веселъ. Въ общемъ, трудно было добиться толку. Наконецъ, Поль-Луи попросилъ слова.

— Если не ошибаюсь, у насъ образовались два главныхъ стремленія: одни склоняются къ тому, чтобы создать себѣ здѣсь, на мѣстѣ, возможно пріятное и отрадное существованіе, другіе же, напротивъ, желали-бы, какъ можно скорѣе покинуть этотъ островъ. Почему-бы намъ не стремиться разумно и послѣдовательно къ осуществленію обѣихъ этихъ нашихъ главныхъ цѣлей? Необходимо идти прямо къ цѣли, съ увѣренностью въ самихъ себя. Насъ здѣсь 400 человѣкъ, сильныхъ и здоровыхъ людей, съ извѣстными знаніями каждый — одни изъ насъ—кузнецы, другіе—механики, третьи—рудокопы, четвертые — плотники, столяры, маляры, ткачи и т. д. Въ матеріалахъ у насъ нѣтъ недостатка; мы здѣсь имѣемъ: желѣзо, лѣсъ, шерсть, ленъ и всѣ великія силы природы. Пусть-же каждый изъ насъ внесетъ на общую пользу свою лепту труда, знанія, умѣнья и способностей, и вы увидите, что каждый изъ насъ достигнетъ такимъ путемъ того, чего онъ хочетъ. Есть среди насъ хлѣбопашцы и виноградари, и дѣти фермеровъ — пусть они доставляютъ намъ хлѣбъ, вино и мясо; есть плотники и дровосѣки—пусть они рубятъ лѣсъ, готовятъ бревна и доски, мачты и балки;—есть рудокопы и кузнецы, есть конопатчики и парусные мастера—пусть и они дѣлаютъ свое дѣло, и кожевенники, и сапожники тоже! Но будемъ дѣйствовать послѣдовательно: прежде всего изготовимъ необходимыя орудія:— лопаты, кирки, топоры, молоты, пилы... Затѣмъ построимъ себѣ жилища, дома, обставимъ ихъ всей необходимой для насъ мебелью и утварью... построимъ сараи, склады и амбары и соберемъ въ нихъ груды лѣса, желѣза, тканей и канатовъ и житницы для хлѣба и пищевыхъ запасовъ... И тогда, не спѣша, мало-по-малу построимъ себѣ новое надежное судно, новую «Юнону», которая отвезетъ насъ путемъ, нами же избраннымъ къ берегамъ нашей святой родины!

Громкіе возгласы одобренія привѣтствовали эту рѣчь; всѣмъ было ясно, что слѣдовало дѣлать и какъ именно дѣлать и въ

сердцахъ всѣхъ, разомъ, воцарилось какое-то дружеское согласіе и готовность приняться вмигъ за общее дѣло.

— За дѣло, братья! всѣ будемъ приниматься за дѣло и сейчасъ-же! — раздались голоса со всѣхъ сторонъ.

— Да, — сказалъ Поль-Луи, — намъ слѣдуетъ сейчасъ-же приниматься за работу, если мы хотимъ выполнить въ два-три года всю эту программу, что возможно только при строжайшемъ порядкѣ, полномъ усердіи, неутомимой энергіи и разумномъ распредѣленіи и раздѣленіи нашихъ силъ и способностей. Пусть каждый сейчасъ-же запишется, къ какого рода работѣ и занятіямъ онъ наиболѣе способенъ и пусть съ завтрашняго же дня каждый примется за свое дѣло...

Опять слова молодого инженера были встрѣчены всеобщимъ восторгомъ. Капитанъ Мокарю, полковникъ Хюгонъ и всѣ остальные офицеры подходили къ Поль-Луи, пожимали ему руки и поздравляли его. Г. Глоагэнъ, растроганный до слезъ, въ порывѣ отцовской гордости, обнималъ сына, и когда настала очередь и ему записаться въ спискѣ гражданъ этой маленькой рабочей колоніи, то онъ впервые въ жизни почувствовалъ нѣчто въ родѣ стыдливости, вписывая слова:

«Бенжаменъ Глоагэнъ, — археологъ».

— А между тѣмъ, не можетъ быть, чтобы даже и здѣсь эта наука не могла приносить свою долю пользы! — подумалъ онъ.

XVI. Миссъ Робинзонъ и Поль-Луи.

Согласно плану, предложенному Поль-Луи, работы вскорѣ вполнѣ организовались. Чтобы не сразу истощать извѣстную часть острова, рѣшено было раздѣлиться на 10 селеній, или поселковъ, раскинутыхъ въ различныхъ мѣстахъ острова не подалеку другъ отъ друга. Но такъ какъ раздѣленіе на группы по шлюпкамъ теперь утратило всякій смыслъ и было чисто случайнымъ, то люди распредѣлялись на группы по роду своихъ занятій и профессій: такимъ образомъ образовались группы

рудокоповъ, дровосѣковъ, кузнецовъ, плотниковъ, земледѣльцевъ и т. д. Каждая изъ этихъ десяти отдѣльныхъ групъ прежде всего занялась сооруженіемъ себѣ временныхъ землянокъ, въ каждой группѣ были люди, на обязанности которыхъ лежало заботиться о продовольствіи всей группы; были также и свои выборные набольшіе въ каждой группѣ. Такъ какъ полевыя работы являлись наиболѣе важными, то прежде всего рѣшено было заняться ими. Всѣ собирали сѣмена, изготовляли деревянныя сохи и плуги, съ помощью сабель и свободныхъ топоровъ, деревянные заступы, лопаты и тачки. Такимъ образомъ по прошествіи нѣсколькихъ недѣль нѣсколько гектаровъ земли было взборонено, вспахано и засѣяно. Поль-Луи былъ единогласно избранъ главнымъ инспекторомъ всѣхъ работъ — и надо было подивиться, съ какой удивительной энергіей и успѣхомъ онъ справлялся со своей сложной задачей. Онъ поспѣвалъ повсюду. все видѣлъ и все замѣчалъ. Подбодрялъ однихъ, утѣшалъ другихъ, помогалъ третьимъ, всегда умѣлъ найти средства помочь бѣдѣ, изобрѣсти необходимое подходящее орудіе, гдѣ его не было, и найти выходъ изъ любого затрудненія.

По прошествіи мѣсяца островъ былъ уже почти неузнаваемъ: по скату холмовъ и горъ были раскиданы десять селеній, частью состоящихъ изъ хижинъ, частью изъ землянокъ на берегу ручья и непремѣнно на опушкѣ лѣса, — а на прибрежьѣ ъ залива красовались нѣкоторыя болѣе значительныя зданія, хотя пока еще временныя: деревянная бревенчатая хижинка, любезно сооруженная для дамъ, просторный лазаретъ, общественное зданіе для главнаго управленія, представителемъ котораго являлся капитанъ Мокарю, арсеналъ, или складъ оружія и снарядовъ, ввѣренный полковнику Хюгонъ. Въ долинѣ, превращенной въ поля ржи, риса и другихъ хлѣбныхъ растеній, замѣтно подымались хлѣба и льны.

Высокая труба плавильни у подножія горы извергала цѣлые клубы дыма — около сотни рудокоповъ вели свои работы въ горахъ; тутъ же, неподалеку, у горнаго потока виднѣлась и лѣсопильная водяная мельница. Немного дальше строилось шесть вѣтряныхъ мельницъ. Былъ уже въ полномъ ходу и гор-

шечный заводъ, на которомъ изготовлялась довольно успѣшно всякая глиняная посуда. Люди работали и весело дружно.

На островѣ отыскались цѣлыя плантаціи табаку. Немедленно былъ сдѣланъ сборъ, затѣмъ табакъ этотъ былъ основательно просушенъ и монополизированъ главнымъ управленіемъ, чтобы служить вознагражденіемъ рабочимъ, выполнившимъ извѣстный рабочій цензъ за недѣлю.

Разительная перемѣна произошла за это сравнительно непродолжительное время съ вдовой майора О'Моллой и Флорри. Во все время пути отъ Сайгона онѣ читали, полуразвалясь въ своихъ покойныхъ креслахъ, чувствительные романы, вели бесѣду съ людьми своего круга и добросовѣстно скучали часовъ по 7 или 8 въ сутки. Но все это казалось имъ вполнѣ естественнымъ, онѣ и не воображали, что жизнь для нихъ могла быть иной. Ихъ, конечно, крайне бы удивило, если бы имъ сказали, что и онѣ могутъ нести свою долю труда,—что трудъ ихъ долженъ состоять въ томъ, чтобы стирать бѣлье, чинить и штопать одежду, ходить за больными и нести всѣ обязанности хозяйки, ключницы и экономки. Онѣ, навѣрное, расмѣялись бы въ лицо тому, кто бы имъ сказалъ, что во всемъ этомъ онѣ научатся находить даже удовольствіе. А между тѣмъ вышло именно такъ.

Когда Поль-Луи впервые начерталъ, въ общихъ широкихъ чертахъ, обязанности каждаго въ этой маленькой колоніи, когда онъ говорилъ, что каждый долженъ вносить свою лепту труда на общую пользу, то слова его показались имъ прекрасными, но при этомъ имъ даже въ голову не пришло, что и онѣ могли-бы также вносить свою лепту. Имъ казалось вполнѣ естественнымъ, что всѣ эти люди будутъ работать для нихъ и на нихъ, ухаживать за ними, ублажать ихъ и угождать имъ—на то вѣдь онѣ были женщины, да къ тому же женщины высшаго общества. Онѣ были настоящія лэди и должны были оставаться ими какъ въ избранныхъ гостиныхъ Лондона и Калькутты, такъ и на необитаемомъ островѣ.

Чандосъ-же, напротивъ того, не отказывался ни отъ какой работы, онъ былъ и съ каменьщиками, и съ земледѣльцами, и съ

рудокопами, и дровосѣками, всюду прилагалъ полное усердiе и все ему давалось. Поль-Луи не могъ себѣ желать лучшаго и болѣе дѣятельнаго помощника.

— Мы настоящiе Робинзоны, и здѣсь, на необитаемомъ островѣ, я въ своей сферѣ! — говорилъ мальчикъ. Дѣйствительно, нельзя было достаточно подивиться его находчивости и изобрѣтательности, Такъ, напримѣръ, ему первому пришло въ голову употреблять въ дѣло лiаны и другiя вьющiяся растенiя острова на сооруженiе изгородей, плетенiе корзинъ, изготовленiе легкой и удобной мебели. И ему, или этому его изобрѣтенiю, община была обязана тѣмъ, что совершенно уже созрѣвшiй и готовый по прошествiи 3 мѣсяцевъ хлѣбъ на полѣ не былъ вытоптанъ стадами дикихъ быковъ, коровъ и телятъ.

Чандосъ былъ до такой степени счастливъ и доволенъ своимъ новымъ существованiемъ, что Флорри часто завидовала ему, такъ какъ сама скучала здѣсь смертельно въ то время, когда все остальное населенiе колонiи было за работой. Мужчины, всѣ безъ исключенiя, вставали съ разсвѣтомъ и уходили на работу, а возвращались домой поздно, голодные и усталые, ѣли и ложились спать, а за работой сыпались веселыя шутки и раздавались громкiя пѣсни — то было ихъ время веселья, тамъ, на работѣ, а дома—время здороваго отдыха, т. е. сна. Предоставленная самой себѣ, Флорри страшно скучала: ни скачекъ, ни раутовъ, ни свѣтскихъ успѣховъ, ни поклонниковъ, съ кѣмъ бы можно было провести время, но и это все стало теперь казаться ей пустымъ и безсмысленнымъ, потому что все это безполезно и безцѣльно, какъ сказалъ ей однажды Поль-Луи, а вѣдь и дѣйствительно такъ! Онъ сказалъ, что обидно пройти жизнь, не оставивъ по себѣ ни малѣйшаго труда, ни малѣйшаго желанiя принести человѣчеству или ближнимъ какую-либо пользу, что обидно жить и умереть безполезнымъ человѣкомъ. — Да, вотъ онъ, этотъ Поль-Луи, онъ былъ не безполезенъ! Онъ завѣдывалъ всѣмъ, все указывалъ, все направлялъ, всюду прикладывалъ свою руку. Онъ былъ душею этого трудящагося муравейника. — И въ душѣ Флорри

невольно зарождалось чувство восхищенія этимъ человѣкомъ, чувство невольнаго уваженія къ нему.

— А я, что я въ его глазахъ? Не болѣе, какъ пустая безполезная кукла, пригодная развѣ только на то, чтобы вырядить ее и поставить фигуркой въ кадриль! Да и въ самомъ дѣлѣ, что я такое, если не кукла, безполезная кукла! Чандосъ и тотъ полу-шутливо, полу-презрительно называетъ насъ съ мистриссъ О'Моллой «принцессы». Поль-Луи навѣрное раздѣляетъ его мнѣніе и въ душѣ относится къ намъ такъ же снисходительно-презрительно!

Такія мысли не разъ вызывали слезы на глаза Флорри.

— Вотъ цвѣты для принцессъ... Вотъ фрукты принцессамъ... Это слишкомъ далеко для принцессъ... или не достаточно хорошо для принцессъ...

Эти фразы припоминались ей и казались теперь оскорбительными, хотя и были сказаны съ нѣжной заботливостью о ней, но во всемъ этомъ противъ воли звучало какое-то обидное понятіе слабости, неспособности, непригодности.

Наконецъ, это отношеніе къ ней стало казаться ей положительно оскорбительнымъ.

— Что же ты думаешь, что я не смогла-бы работать, если бы захотѣла? — воскликнула она однажды, обращаясь къ брату.—Неужели ты считаешь меня ни на что не способной? Я докажу тебѣ противное и не далѣе, какъ сегодня! Я попрошу Кхасджи, чтобы онъ мнѣ позволилъ приготовить сегодняшній ужинъ.

— Ахъ нѣтъ, противъ этого я рѣшительно протестую! — воскликнулъ Чандосъ съ напускнымъ ужасомъ. — Я очень дорожу своимъ обѣдомъ, да и всѣ мы вообще; Кхасджи прекрасно готовитъ, много лучше, я въ томъ увѣренъ, чѣмъ ты!.. Нѣтъ, ужъ, милая моя Флорри, если ты непремѣнно хочешь испробовать на чемъ нибудь свои таланты, то избери ужъ лучше что-нибудь другое, но только не кухню... Я увѣренъ, что Поль-Луи съ величайшей охотой придумаетъ для тебя какое-нибудь занятіе въ своихъ рудникахъ или плавильнѣ.

Флорри сдѣлала видъ, что приняла эти маленькія насмѣшки

въ шутку, но на самомъ дѣлѣ почувствовала себя весьма униженной. Посовѣтовавшись въ тайнѣ съ мистриссъ О'Моллой и Кхаcджи, она стала ходить по лѣсамъ и лугамъ и таинственно готовила что-то. А въ результатѣ этихъ трудовъ и стараній получилось 10 громадныхъ виноградныхъ тортовъ изъ толченыхъ сухарей съ сокомъ дикаго сахарнаго тросника и молока кокосовыхъ орѣховъ. Тщательно изготовленные и прекрасно зарумяненные въ печи, эти торты были разосланы въ тотъ же день во всѣ 10 селеній и единогласно объявлены превосходными.

Не слѣдуетъ забывать при этомъ, что обитатели колоніи уже три мѣсяца не видали никакого сладкаго блюда или лакомства, а потому положительно не знали, чѣмъ выразить свою признательность. Музыканты Рэти пришли съ другого края острова, чтобы почтить любезныхъ дамъ торжественною серенадой, другіе поселки прислали дамамъ цвѣтовъ и плодовъ, всѣ восхваляли ихъ. Такое единогласное одобреніе весьма ободрило ихъ, и обѣ онѣ, не шутя, стали принимать самое дѣятельное участіе въ кулинарномъ дѣлѣ.

Спустя немного времени, онѣ заявили, что принимаютъ на себя чинку бѣлья и одежды, когда въ томъ представится надобность. Предложеніе это было встрѣчено съ неменьшимъ восторгомъ, какъ и высказанное дамами желаніе помогать гг. докторамъ въ ихъ уходѣ за больными, собирать лекарственныя травы и подъ руководствомъ и по указанію врачей готовить разныя лекарственныя средства.

Все это удивительно занимало ихъ, доставляя положительное удовольствіе, и вечеромъ онѣ ложились спать усталыя, но довольныя прожитымъ днемъ и вставали веселыя и бодрыя. О скукѣ не было и помина.

Надо было видѣть, какъ всѣ эти простые солдаты и матросы цѣнили ихъ старанія и усердіе! Эти люди, у которыхъ слово «*лѣнтяй*» считалось самымъ оскорбительнымъ словомъ, съ невольнымъ презрѣніемъ поглядывали на барынь-дармоѣдокъ, дивясь ихъ бездѣйствію, а теперь удивились происшедшей съ ними перемѣнѣ и восхваляли ихъ, невольно почувствовавъ къ нимъ уваженіе.

Теперь презрѣніе выпало всецѣло на долю музыкантовъ, которые подъ предлогомъ, что они служатъ искусству, уклонялись порою отъ работъ.

— Да ты, какъ видно, изъ музыкантовъ сегодня! — говорили, смѣясь, другъ другу рабочіе, желая подтрунить надъ товарищемъ, который почему-либо вяло работалъ или въ минуту передышки слишкомъ долго зазѣвался.

Особенно доволенъ перемѣной, происшедшей въ дамахъ, главнымъ образомъ въ Флорри, былъ Поль-Луи. Эта перемѣна приближала ее къ тому идеалу женщины подруги, помощницы во всѣхъ трудахъ и дѣлахъ мужа, какой онъ составилъ себѣ въ душѣ. И въ отношеніяхъ его къ ней стала теперь просвѣчивать и уваженіе, и восхищеніе. Онъ уже не относился къ ней, какъ къ балованной маленькой дѣвочкѣ, съ которой только шутятъ и говорятъ о пустякахъ, а дѣлился съ нею своими планами, намѣреніями, говорилъ ей о ходѣ работъ, словомъ, начиналъ смотрѣть на нее, какъ на существо, себѣ равное.

Съ теченіемъ времени всѣ работы пошли такъ успѣшно, что вскорѣ можно было даже опредѣлить, когда можетъ быть готово и окончено задуманное судно, «Новая Юнона», о которой мечтали когда-то многіе, но теперь никто, казалось, не спѣшилъ моментомъ окончанія судна.

Каждый отдѣльный рабочій успѣлъ за это время полюбить свою работу, свое дѣло: онъ не спѣшилъ съ нимъ разстаться; онъ свыкся, слюбился съ этою жизнью, съ этимъ островомъ, гдѣ жизнь текла такъ мирно, такъ пріятно, что даже все, что было страшнаго и тяжелаго въ прошломъ, совершенно забылось и какъ бы отошло въ область далекихъ воспоминаній, а между тѣмъ все это было всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

Прошло всего три мѣсяца съ того дня, когда остатки экипажа и пассажировъ «Юноны» высадились на этомъ берегу, когда почти на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ пристала командирская шлюпка, была торжественно сдѣлана закладка новаго судна.

Всѣ планы были уже готовы и разработаны до мельчайшихъ подробностей.

Судно должно было быть паровое, если только удастся отыскать мѣдную руду, хотя бы въ самомъ незначительномъ количествѣ—для изготовленія нѣкоторыхъ болѣе нѣжныхъ частей механизма паровой машины, если-же нѣтъ, то этотъ новый фрегатъ долженъ былъ украситься тремя стройными мачтами и соотвѣтствующимъ количествомъ парусовъ.

Во всякомъ случаѣ, по прошествіи полутора года, судно это должно было быть готово и окончено.

День закладки новаго судна былъ провозглашенъ праздничнымъ днемъ, и никакихъ работъ въ этотъ день не производилось.

Чандосъ и Поль-Луи рѣшили воспользоваться этимъ свободнымъ днемъ для прогулки и осмотра сѣверной части острова, по сіе время совершенно заброшенной. Кхасджи отправился вмѣстѣ съ ними.

Они шли нѣкоторое время по еще мокрому отъ недавняго прилива ровному песчаному прибрежью, когда вниманіе Чандоса было привлечено слѣдами босыхъ ногъ на мокромъ пескѣ.

Слѣдовъ этихъ было довольно много и вели они отъ воды внутрь острова, это были оригинальные слѣды длинной узкой ступни съ сильно оттопыреннымъ большимъ пальцемъ.

— Вѣроятно, кто нибудь изъ нашихъ приходилъ сюда купаться,—сказалъ Поль-Луи, внимательно разглядѣвъ слѣдъ.

— Но только какъ могъ онъ попасть сюда раньше насъ и какимъ путемъ? Мы никого на этомъ берегу не встрѣтили, и наши, всѣ до одного человѣка, присутствовали сегодня при закладкѣ.

— Быть можетъ, это слѣды людоѣда!? пошутилъ Чандосъ,— это было-бы такъ интересно!

— Вѣрнѣе это слѣды какого-нибудь шимпанзе или гориллы, — отшутился Поль-Луи и затѣмъ пересталъ думать о нихъ.

Молодые люди пошли дальше, а Кхасджи остался и еще долго разсматривалъ слѣды на пескѣ.

XVII. Столбъ.

Вернувшись подъ вечеръ домой, Поль-Луи и Чандосъ разсказали, что видѣли слѣды на сѣверномъ берегу острова.

Капитанъ Мокарю былъ этимъ, видимо, озабоченъ и приказалъ немедленно произвести дознаніе по всѣмъ селеніямъ, не ходилъ-ли кто-нибудь изъ людей купаться на тотъ берегъ.

— Необходимо знать, изъ нашихъ-ли это былъ кто нибудь, или же какой нибудь посторонній человѣкъ живетъ въ той части острова, и имѣть это въ виду.

Тщательно произведенное дознаніе выяснило, что никто изъ гражданъ колоніи не былъ въ той части острова и что ни у кого изъ нихъ нѣтъ ступни, которая соотвѣтствовала бы описанію слѣда.

Слѣдовательно, не подлежало сомнѣнію, что на островѣ былъ посторонній человѣкъ, хотя при многократномъ осмотрѣ острова не было обнаружено ни малѣйшаго слѣда присутствія человѣка.

Оставалось только предположить, что этотъ неизвѣстный только что прибылъ сюда съ другой сосѣдней земли.

— Не удивительно-ли, что мы до сихъ не подумали изслѣдовать окрестностей нашего острова? — сказалъ капитанъ Мокарю,—а между тѣмъ это чрезвычайно важно. Необходимо немедленно снарядить маленькую экспедицію!

Рѣшено было снарядить двѣ шлюпки, которыя спеціально съ этою цѣлью должны были быть крыты палубами. Самъ командиръ долженъ былъ начальствовать надъ экспедиціей, а полковникъ Хюгонъ предводительствовать военною командой, состоящей изъ 25 человѣкъ солдатъ и 25 матросовъ.

Чандосъ получилъ разрѣшеніе участвовать въ экспедиціи, тогда какъ Поль-Луи долженъ былъ остаться на мѣстѣ для охраны дамъ и присмотра за работами, которыя шли своимъ порядкомъ.

По прошествіи трехъ дней все было готово: лодки были крыты палубами, снабжены мачтами и парусами, пищевыми

припасами и снарядами, и въ прекрасное ясное утро маленькая экспедиція пустилась въ путь.

День начиналъ уже клониться къ вечеру, а шлюпки еще не возвращались, такъ что рѣшили, что онѣ должны вернуться не ранѣе завтрашняго дня. Въ селеніяхъ стали готовить ужинъ, и г-жа О'Моллой только что вышла за порогъ своей хижины, чтобы приглядѣть за похлебкой, варившейся въ громадномъ котлѣ на большомъ очагѣ, подъ открытымъ небомъ, когда увидала, что съ берега приближается большая толпа. Она позвала Флорри, которая тотчасъ-же узнала брата, размахивавшаго шляпой. То была экспедиція, возвратившаяся незамѣтно въ селеніе пѣшкомъ, съ сѣверной стороны, тогда какъ отправилась она въ шлюпкахъ съ другого берега.

Впереди остальныхъ бодро шагалъ какой-то страннаго вида человѣкъ, ободранный, обтрепанный, въ лохмотьяхъ, обросшій клочьями густой бороды и волосъ, очевидно, давно не стриженыхъ. Въ общемъ, человѣкъ этотъ походилъ на уличнаго вора, а отнюдь не на корректнаго джентльмэна.

Каково же было удивленіе мистриссъ О'Моллой, когда этотъ человѣкъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій кинулся къ ней на шею и крѣпко поцѣловалъ ее въ обѣ щеки, назвавъ ее по имени: Александра!

— Неужели-же ты не узнаешь меня, Александра?.. развѣ эти три мѣсяца разлуки произвели во мнѣ такую перемѣну, что даже и жена моя не узнаетъ меня?

Да, въ самомъ дѣлѣ, это былъ голосъ майора и даже болѣе чистый и свѣжій, чѣмъ раньше. Да, передъ нею стоялъ живъ, цѣлъ и невредимъ самъ майоръ О'Моллой. Его супруга, столько времени мнившая себя его вдовой, не вынесла такого потрясенія и, громко вскрикнувъ, лишилась чувствъ.

Когда она пришла въ себя, майоръ былъ уже въ рукахъ цирульника, который снова приводилъ его въ приличный видъ. Майоръ успѣлъ уже умыться и переодѣться въ приличное платье, такъ что теперь не только его жена, но и всѣ остальные не задумались признать его, несмотря на то, что онъ казался помолодѣвшимъ на цѣлыя пятнадцать лѣтъ. Онъ не

имѣлъ того болѣзненнаго вида, какъ въ Калькуттѣ, напротивъ, онъ казался почти цвѣтущимъ, что вызвало даже нѣсколько замѣчаній плохо скрываемой горечи со стороны мистриссъ О'Моллой.

— Но, ужъ, конечно, не отъ обильной пищы я такъ поправился,— оправдывался майоръ,—я за это время не видалъ ничего, кромѣ кокосовыхъ орѣховъ, да кое какихъ ракушекъ, улитокъ и крабовъ!

Одинъ изъ докторовъ, явившихся привести въ чувство г-жу О'Моллой, при этомъ громко разсмѣялся.

— Вотъ эта-то діэта и измѣнила васъ, майоръ. Я готовъ держать пари, что вы теперь не страдаете больше печенью!

— Да, это правда! Тѣмъ не менѣе, я не желалъ-бы на всегда оставаться на такой діэтѣ!

— А между тѣмъ это было-бы самое лучшее для васъ. Кокосовый орѣхъ и молоко этого орѣха, миндаль и улитки, и ни единой капли шампанскаго, виски, водки и шерри—это наилучшій для васъ режимъ. Впрочемъ, надѣюсь, что и здѣшній столъ не будетъ вреденъ для васъ. Надо вамъ сказать, что мы не имѣемъ еще ни вина, ни какихъ спиртныхъ напитковъ, а климатъ здѣсь лучше для васъ, чѣмъ климатъ Калькутты.

За ужиномъ г. О'Моллой разсказалъ еще разъ свою исторію женѣ. Шлюпка лейтенанта, въ которой въ числѣ пассажировъ находился и онъ, разбилась на подводныхъ рифахъ, преграждавшихъ путь къ острову съ южной стороны. Всѣ погибли, кромѣ майора, который почему-то долго держался на водѣ, вѣроятно, благодаря присутствію въ его карманахъ двухъ пустыхъ бутылокъ. Сначала его перебрасывало волненіемъ съ утеса на утесъ, пока ему не удалось, наконецъ, укрѣпиться на скалѣ, значительно выдающейся надъ поверхностью воды. Подъ вечеръ, когда буря стихла, онъ перебрался частію вплавь, частію ползкомъ съ утеса на утесъ и добрался до островка, на которомъ и проживалъ все время.

Онъ велъ тамъ самое жалкое существованіе. За исключеніемъ двухъ десятковъ кокосовыхъ пальмъ, всѣ плоды которыхъ онъ съѣлъ одинъ за другимъ, за это время на островкѣ не было рѣшительно ничего И тамъ онъ жилъ, не имѣя ни

крова, ни прѣсной воды, ни какого-бы то ни было занятія Плоды кокосовъ были уже всѣ съѣдены, и бѣдный майоръ съ ужасомъ помышлялъ о томъ, что ему грозитъ голодная смерть, когда такъ кстати заѣхали на его островокъ шлюпки экспедиціи и спасли его отъ ужасной смерти—воскресили его, такъ сказать.

— Именно воскресили! — подхватила г-жа О'Моллой, — знаешь-ли, другъ мой, я даже готовила тамъ на берегу памятникъ тебѣ съ надписью: «Памяти майора О'Моллой 111 стрѣлковаго пѣхотнаго Ея Королевскаго Величества Королевы Великобританіи полка», если хочешь, я тебѣ послѣ покажу это мѣсто.

— Бррь!.. да у меня отъ этого морозъ по спинѣ проходитъ!

Дѣйствительно, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ острова тянулся цѣлый рядъ рифовъ и маленькихъ островковъ, такъ что доступъ сюда со стороны моря былъ слишкомъ затруднительнымъ, и экспедиціи пришлось вернуться черезъ заливъ Слѣдовъ Босыхъ Ногъ. Что же касается владѣльца этихъ ногъ, то экспедиція не открыла никакихъ признаковъ человѣческаго присутствія. Конечно, на неудачу нельзя было сѣтовать, такъ какъ все-же удалось разыскать майора О'Моллой.

Кхасджи, слушавшій весь этотъ разговоръ съ величайшимъ вниманіемъ, по обыкновенію ни единымъ словомъ не высказалъ своей мысли. Но онъ замѣтно сталъ чѣмъ-то озабоченъ и съ этого вечера снова сталъ ложиться поперекъ дверей комнаты Чандоса и бродить за нимъ всюду слѣдомъ, какъ тѣнь. Чандосъ, замѣтивъ это, спросилъ его даже, шутя, ужъ не боится-ли онъ, чтобы Рана воскресъ, какъ воскресъ майоръ О'Моллой. Кхасджи какъ-то неопредѣленно покачалъ головой, и сдѣлалъ видъ, что заснулъ.

По прошествіи двухъ мѣсяцевъ со времени возвращенія майора О'Моллой, остовъ фрегата былъ уже почти готовъ, и плотники настилали палубы.

Всѣ работы удивительно преуспѣвали: выстроенъ былъ изъ наготовленнаго, прекрасно обожженнаго кирпича большой ка-

менный образцовый домъ и громадные склады для матеріаловъ и запасовъ, такъ какъ слѣдовало ожидать наступленія дождливаго времени года, когда невѣроятные ливни не прекращаются по цѣлымъ недѣлямъ. Была сдѣлана и первая паровая машина для труднѣйшихъ работъ по строенію; изготовленіе металлическихъ издѣлій, орудій и другихъ предметовъ также шло чрезвычайно успѣшно. Кромѣ того, былъ проведенъ электрическій и солнечный телеграфъ между всѣми 10-ю селеніями и работами. Сельско-хозяйственныя работы также не оставляли желать ничего лучшаго.

Все въ маленькой колоніи шло какъ нельзя лучше, и всѣ, за исключеніемъ Кхасджи, Рети и г. Глоагэнъ, были вполнѣ счастливы и довольны.

Почему-же Кхасджи не былъ счастливъ, этого онъ никому не хотѣлъ сказать, но было ясно, что его снова стали одолѣвать былые страхи и опасенія за жизнь дѣтей полковника Робинзона. Онъ какъ будто чуялъ бѣду.

Ну, а Рети о чемъ горевалъ? А вотъ о чемъ. Поль-Луи, несмотря на самые тщательные розыски, не могъ найти ни малѣйшаго признака мѣди, а мѣдь была ему безусловно необходима для паровой машины фрегата, и вотъ онъ осмѣлился замѣтить, что духовые инструменты музыкантовъ, главнымъ образомъ, тромбоны, саксофоны, гоббои и т. п. представляютъ собою настоящее сокровище въ данномъ случаѣ и предложилъ отобрать эти инструменты. Предложеніе это было предано на обсужденіе цѣлаго совѣта, состоящаго изъ полковника Хюгона, капитана Мокарю и всѣхъ офицеровъ морскихъ и сухопутныхъ, и было рѣшено, что при первой надобности всѣ мѣдные инструменты будутъ конфискованы на пользу общаго дѣла. Вотъ почему г. Рети каждый вечеръ оглашалъ воздухъ самыми печальными похоронными маршами и другими душу раздирающими звуками.

Г. Глоагэнъ тоже скорбѣлъ, что этотъ островъ не представлялъ собою никакого археологическаго интереса, такъ что ему оставалось только изучать свою драгоцѣнную Кандагарскую пластинку, которую онъ теперь зналъ положительно наизусть.

Ни малѣйшаго памятника древности, ни старинной надписи, ни медали, ни даже стараго бронзоваго гвоздя, надъ которымъ можно было-бы призадуматься. А Поль-Луи торжествовалъ и подтрунивалъ надъ нимъ.

— Ну, что, отецъ, гдѣ теперь ваша археологія, не она-ли поможетъ намъ выбраться отсюда?

— А вѣдь онъ правъ,—мысленно вздохнулъ г. Глоагенъ,— отчего только я не посвятилъ себя съ молоду изученію ботаники или минералогіи,—тогда я даже и здѣсь могъ бы найти себѣ развлеченіе и занятіе.

Едва только онъ успѣлъ произнести эти святотатственныя слова по отношенію къ своей излюбленной наукѣ, какъ судьба взялась доказать ему всю его несправедливость.

Работавшіе на постройкѣ фрегата люди, имѣя надобность въ болѣе удобной дорогѣ для подвоза какихъ-то громоздкихъ частей, принуждены были предпринять на самомъ берегу большія нивеллировочныя работы. Разрывая землю, они случайно наткнулись почти на самой поверхности на толстое бревно, родъ балки или верстового столба, съ несомнѣнными признаками тщательной отдѣлки. Во-первыхъ, оно было обтесано со всѣхъ четырехъ сторонъ, и затѣмъ на всѣхъ четырехъ сторонахъ были сдѣланы глубокія зарубки въ опредѣленномъ, систематическомъ порядкѣ. Кромѣ того на одномъ концѣ можно было отличить буквы Н. Д., очевидно, нѣкогда выжженныя, а въ самомъ низу цифра 9. Бревно это, или столбъ, казалось чрезвычайно древнимъ, оно было уже совершенно черное и обуглившееся отъ долгаго пребыванія въ землѣ и сохранялось, вѣроятно, только вслѣдствіе того, что песчаная почва этого прибрежья сильно пропитана соляными осадками. Рабочіе посмотрѣли на этотъ столбъ, поворочали его, да и откинули въ сторону.

— Вѣрно опять обломокъ какого-нибудь разбившагося судна,—сказали они, и перестали обращать на него вниманіе.

Но г. Глоагэнъ не такъ относился ко всему, что было, сколько-нибудь похоже на древность. Онъ инстинктивно чуялъ въ этомъ бревнѣ нѣчто интересное, достойное вниманія. Онъ

попросилъ перетащить этотъ столбъ къ общему дому и тамъ собственноручно принялся обмывать его сперва съ одной стороны.

Его особенно заинтересовали эти зарубки, и онъ впервые, за все время своего пребыванія на этомъ островѣ, испыталъ радость археолога.

— Эти зарубки сдѣланы въ опредѣленномъ порядкѣ,—шесть малыхъ и одна большая... это, очевидно, 6 дней недѣли и 7-ой воскресный; а послѣ каждыхъ 30-ти или 31-ой зарубки одна особо длинная—это, очевидно, обозначаетъ конецъ мѣсяца.—Неужели это колонка анналовъ, какъ у древнихъ Римлянъ? И онъ принялся мыть и тереть съ удвоенною силой и усердіемъ.

Какъ разъ въ это время къ нему подоспѣлъ Чандосъ.

— Эхъ, дядюшка, чѣмъ это вы здѣсь занялись? давайте-ка я помогу вамъ.

— Если желаешь, помоги, мой милый... Это бревно, отрытое нашими рабочими тамъ, на берегу, — помоги-ка мнѣ перевернуть его на другой бокъ.

Чандосъ подсобилъ, и столбъ былъ переворочeнъ на другой бокъ.

— Рабочіе полагаютъ, что это обломокъ какого-нибудь разбившагося здѣсь судна, но я скорѣе склоненъ утверждать, что это бывшій столбъ.

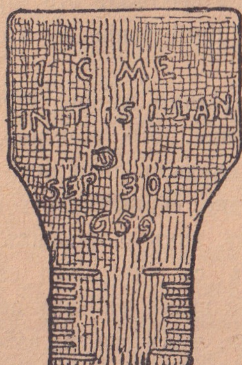
— Да, несомнѣнно такъ!—воскликнулъ Чандосъ,—видите, дядя, этотъ конецъ обточенъ въ видѣ кола и обугленъ на огнѣ онъ, вѣроятно, былъ врытъ этимъ концомъ въ землю, а верхняя часть, замѣтьте, значительно шире и вполнѣ квадратной формы...

— Эге, да ты уже успѣлъ это замѣтить. А теперь посмотримъ, что это!—и онъ указалъ ему на двѣ буквы и цифру, которыя сталъ усердно обмывать.

Вскорѣ показались еще и другія буквы и другія цыфры изъ которыхъ, вѣроятно, составлялась надпись, которая должна была имѣть извѣстный смыслъ и значеніе.

Спустя $^1/_4$ часа, вся верхняя часть столба была совершенно отчищена и обмыта.

Это была надпись, сдѣланная латинскими буквами, но уцѣлѣла только часть буквъ, остальныя же исчезли, изгладились отъ времени. Вотъ то, что представляла собою эта сторона столба:

Что означали эти буквы? На какомъ языкѣ онѣ были написаны? На испанскомъ, португальскомъ или французскомъ это не могло быть, такъ какъ слово in и число 30 послѣ слова Sep., очевидно, означающаго сентябрь, могло принадлежать только англійскому и латинскому языкамъ. Списавъ съ величайшею точностью эту надпись въ свою записную книжку, г. Глоагэнъ удалился въ свою контору, чтобы тамъ додуматься до значенія и связи этихъ отдѣльныхъ буквъ. Наконецъ-то и у *него явилась здѣсь задача!*

XVIII. Что означала надпись.

— Ну, что-же, дядюшка, рѣшили вы свою задачу, додумались до того, что могутъ означать эти буквы?

— Мнѣ кажется, что да,—отвѣтилъ археологъ,—вотъ что у меня получилось: I came in this Island, September 30-th 1659, — т. е. я прибылъ на этотъ островъ сентября 30-го 1659 г. Въ сущности, недостаетъ только нѣсколькихъ буквъ... Это сущіе пустяки...

Но г. Глоагэнъ напрасно пояснялъ-бы далѣе, такъ какъ

Чандосъ стоялъ съ широко раскрытыми глазами, разинутымъ ртомъ, съ раскраснѣвшимися отъ волненія щеками.

— Какъ! неужели?.. Неужели это тѣ самыя слова, что вы сейчасъ сказали?..

— Да, я такъ полагаю... нѣтъ, я даже вполнѣ увѣренъ!

— Но, въ такомъ случаѣ... не остается ни малѣйшаго сомнѣнія... въ такомъ случаѣ мы можемъ безошибочно сказать, кто сдѣлалъ эту надпись...

— Кто же?...

— Кто! да неужели вы не догадываетесь? Самъ Робинзонъ самъ славный, знаменитый Робинзонъ Крузое!..

— Мальчуганъ помѣшался! — подумалъ г. Глоагэнъ.

Чандосъ прочелъ его мысль на лицѣ дяди и возразилъ.

— Нѣтъ, дядя, я не лишился разсудка. Скажите мнѣ, гдѣ вырыли этотъ столбъ, — тамъ на берегу, да? на южномъ берегу нашего трехугольнаго острова длиною около 15 лье, омываемаго неизвѣстнымъ, но сильнымъ морскимъ теченіемъ — острова, на ко торомъ мы нашли несомнѣнные слѣды былой европейской коло! низаціи?.. да?.. вѣдь такъ?.. Такъ вотъ, читайте же... читайте, дядя!

И Чандосъ вытащилъ изъ кармана маленькій разрозненный томикъ, томъ V стариннаго французскаго перевода «Робинзона Крузое» и, перелиставъ его привычной рукой, подалъ развернутую книженку г. Глоагэну.

Тотъ прочелъ слѣдующее:

«На томъ мѣстѣ, гдѣ я вышелъ на берегъ, я воздвигнулъ большой столбъ со слѣдующей надписью: «I came in this islan- Sep. 30-th 1659, т. е. я прибылъ па этотъ островъ сентября 30-го 1659 г. На четырехъ граняхъ этого столба я отмѣчалъ каждый день зарубкой, а каждый воскресный день болѣе длинной зарубкой, каждое же 1-е число всякаго мѣсяца еще болѣе длинной зарубкой, и такимъ образомъ я велъ свой календарь».

Г. Глоагэнъ не вѣрилъ своимъ глазамъ. Онъ нѣсколько разъ перечелъ эти строки, но положительно нельзя было долѣе сомнѣваться—все, все рѣшительно совпадало въ данномъ случаѣ. А между тѣмъ издавна принято считать личность Робин-

зона вымышленнымъ героемъ. Быть можетъ, это не болѣе, какъ простое совпаденіе? Но въ такомъ случаѣ это почти невѣроятное совпаденіе! Тогда какъ нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что Робинзонъ Крузое дѣйствительно существовалъ. — Вѣдь и Трою съ ея царемъ Пріамомъ долгое время считали химерой и до раскопокъ Шлимана никто не хотѣлъ вѣрить въ ея существованіе. Всѣ эти Кассандры и Агамемноны развѣ не считались плодами вымысла Гомера, а между тѣмъ теперь открыта могила этого Агамемнона и уборная Креза...

— Такъ что же, дядя?.. Что вы на это скажете?— не вытерпѣлъ, наконецъ, Чандосъ и прервалъ размышленія г. Глоагэна.

— Скажу, что такого рода вопросы не слѣдуетъ рѣшать такъ сгоряча—надо искать новыхъ доказательствъ, стараться удостовѣриться вполнѣ.

— Но вы же допускаете возможность...

— Да, да... но пока не станемъ никому говорить объ этомъ и будемъ вмѣстѣ искать новыхъ доказательствъ!

— О, мы найдемъ ихъ!—воскликнулъ юноша,—только позвольте мнѣ подѣлиться этимъ открытіемъ съ Флорри и Полемъ-Луи!

— Ну, хорошо, но пусть они сохранятъ это въ тайнѣ... не слѣдуетъ никогда подвергать себя насмѣшкамъ людей несвѣдущихъ.

Но Чандосъ уже не слушалъ, онъ со всѣхъ ногъ побѣжалъ подѣлиться своею радостью съ сестрой и Полемъ-Луи, которыхъ онъ съумѣлъ заразить своимъ восторженнымъ энтузіазмомъ.

Г. Глоагэнъ тѣмъ временемъ съ интересомъ сталъ прочитывать маленькій томикъ Робинзона, оставшійся у него въ рукахъ. Дѣйствительно, описаніе острова, его климатическія и физическія условія, все вполнѣ соотвѣтствовало тому, что они теперь имѣли передъ собой.

Далѣе слѣдовало описаніе жилища и его мѣстоположеніе: «Я избралъ небольшую равнинку у подножія отвѣсной скалы, внизу которой было пещеровидное углубленіе, гдѣ я и раскинулъ свою палатку».

«Прежде чѣмъ раскинуть здѣсь свою палатку я обвелъ полукругъ, имѣвшій въ діаметрѣ отъ скалы до своей окружности около 40 локтей, и обсадилъ этотъ полукругъ густой изгородью изъ толстыхъ древесныхъ стволовъ, часто посаженныхъ въ два ряда и переплетенныхъ между собою канатами, добытыми мною отъ снастей корабля. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, я сталъ рыть глубже ходъ въ естественной пещеркѣ въ скалѣ. Такимъ образомъ у меня получилась своего рода возвышенная терасса отъ повысившейся почвы, а пещера, значительно увеличившаяся, должна была служить мнѣ просторнымъ погребомъ. Вскорѣ я замѣтилъ, что стволы или столбы моей изгороди пустили корни и стали настоящими деревьями, столь густыми и непроницаемыми, что не было никакой возможности замѣтить, что въ ихъ оградѣ находится какое-либо жилье».

Прочитавъ это описаніе вслухъ Флорри и Чандосу, г. Глоагэнъ сказалъ:

— Вы видите, друзья мои, какъ точно и подробно это описаніе. Итакъ, теперь весь вопросъ сводится къ тому, что если мы найдемъ гдѣ-нибудь на этомъ островѣ слѣды жилья, соотвѣтствующаго тому, какъ оно здѣсь описано, то островъ этотъ, внѣ всякаго сомнѣнія, островъ нѣкогда жившаго здѣсь Робинзона Крузое; если же нѣтъ, то вопросъ этотъ по прежнему останется подъ сомнѣніемъ.

— Да, но мѣстность могла видоизмѣниться за это время!— замѣтилъ Чандосъ.

— Нѣтъ. Два вѣка не такой срокъ, чтобы необитаемый островъ не вулканическаго происхожденія могъ сильно измѣниться—могъ развѣ только произойти какой-нибудь обвалъ, да и то врядъ-ли; во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ постараться найти это жилище или хотя бы только признаки его.

— Ну, такъ отправимся сейчасъ на розыски!—воскликнулъ Чандосъ, вооружаясь топоромъ и заступомъ.

— Хорошо!—согласился г. Глоагэнъ,—я ничего не имѣю противъ.

Флорри пожелала также отправиться вмѣстѣ съ ними.

— Дядя,—сказалъ Чандосъ,—я давно хотѣлъ васъ спро-

сить, почему всѣ древнія развалины, города, и др. памятники древности всегда находятъ подъ землею?

— Да потому, милый другъ мой, что если бы они были на поверхности, то не было-бы никакой надобности ихъ находить, такъ какъ они и безъ того были бы на виду. А затѣмъ, объясняется это обстоятельство еще тѣмъ, что всякое покинутое жилище или городъ разрушаются подъ вліяніемъ вѣтровъ, дождей и внѣшней температуры, и часть, обрушиваясь, образуетъ извѣстное наслоеніе почвы; пыль и наносные пески образуютъ дальнѣйшія наслоенія, и такъ годъ за годомъ слой ложится за слоемъ, пока все это не занесется и не образуетъ родъ возвышенности, или холма, подъ которыми остаются погребенными эти остатки сѣдой древности, грандіозныя зданія и нерѣдко даже цѣлые кварталы, цѣлые города.

— Смотрите, вѣдь Кхасджи тайкомъ слѣдилъ за нами!—сказалъ Чандосъ,—о, я его давно замѣтилъ...

— Это невыносимо!—воскликнула—Флорри,—положительно нельзя сдѣлать шага безъ того, чтобы этотъ человѣкъ не шелъ за нами по пятамъ!

— Я уже говорилъ ему объ этомъ, но онъ неисправимъ, поэтому самое лучшее не обращать на него вниманія.

Разговаривая такимъ образомъ, наши изслѣдователи взошли на гору на противоположномъ концѣ залива Спасенія, чтобы оттуда обозрѣть всю мѣстность.

— Смотрите, это должно быть тамъ!—крикнулъ Чандосъ,—видите эту сплошную массу зелени, а надъ ней узкую полосу скалы—это, вѣроятно, и есть та отвѣсная скала!

И, не дождавшись отвѣта, Чандосъ помчался со всѣхъ ногъ въ указанномъ имъ направленіи. Дядя и сестра его послѣдовали за нимъ. Четверть часа спустя, Чандосъ вернулся къ нимъ навстрѣчу, весь красный, запыхавшійся.

— Да, да! это оно и есть... Маленькая равнинка, покатая къ морю и отвѣсная стѣна скалы, и живая стѣна, или изгородь, изъ двойного ряда деревьевъ, все, все, какъ есть!.. Деревья такія громадныя, что представляютъ собой сплошную стѣну, и если бы нѣкоторыя изъ нихъ не погибли, и не образовали бреши,

то въ ограду не было-бы никакой возможности проникнуть... Пойдемте же, пойдемте скорѣе!..

И онъ опять побѣжалъ, не дожидаясь своихъ спутниковъ. Минутъ десять спустя, и они достигли маленькой равнины.

Стоило только взглянуть, чтобы убѣдиться, что все здѣсь было именно такъ, какъ подробно описывалось въ томѣ V-мъ Робинзона. Видъ этой мѣстности, гдѣ великій отшельникъ провелъ въ тяжеломъ одиночествѣ 29 лѣтъ своей жизни, произвелъ на всѣхъ присутствующихъ сильное впечатлѣніе. Особенно растрогана была Флорри при мысли, что этотъ одинокій страдалецъ былъ ея близкій, родной, что она его правнучка, стоитъ теперь на этомъ мѣстѣ и припоминаетъ все то, что пережилъ и испыталъ здѣсь этотъ знаменитый отшельникъ.

Тѣмъ временемъ Чандосъ успѣлъ уже осмотрѣть скалу и, къ великому своему огорченію, долженъ былъ убѣдиться, что въ скалѣ не было ни малѣйшаго признака пещеры или какого либо углубленія, о чемъ онъ и явился сообщить г. Глоагэнъ. Но этого послѣдняго не такъ легко было смутить. Вооружившись топоромъ Чандоса, пробрался онъ въ ту самую брешь, въ которую пролѣзалъ этотъ мальчикъ, и обухомъ топора сталъ остукивать скалу, приблизительно въ центрѣ полукруга ограды.

И онъ не обманулся. Послѣ двухъ-трехъ ударовъ, послышался пустой звукъ, и тогда г. Глоагэнъ принялся изо всей силы работать топоромъ, пока не прорубилъ довольно большого отверстія, въ родѣ двери. За тонкой перегородкой изъ различныхъ минеральныхъ и растительныхъ отбросовъ и мусора, скрѣпленныхъ наносною почвой въ теченіе многихъ годовъ, оказалась громадная черная дыра, или пещера, отчасти заваленная мусоромъ, но съ несомнѣнными признаками того, что она была нѣкогда обитаема: обрывки кожи, шкуръ, какой-то ткани, странной формы горшки, совершенно заплѣсневѣлые виднѣлись тамъ и сямъ по угламъ въ полумракѣ этой пещеры.

Этого было болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы убѣдить всѣхъ въ подлинности найденнаго на берегу столба, въ правдивости исторіи Робинзона Крузоэ и реальномъ существованіи этого героя.

Г. Глоагэнъ и Чандосъ, выйдя изъ пещеры, вернулись къ

Флорри, ожидавшей ихъ за оградой, и всѣ трое отправились въ обратный путь.

— Ну, теперь мы можемъ всѣмъ сказать о нашемъ открытіи, не такъ-ли, дядя?

— Хмъ!.. я тебѣ этого не рекомендую; при всякаго рода открытіяхъ необходима чрезвычайная осторожность: быть можетъ, для насъ будетъ особенно желательно предохранить наше открытіе отъ любопытства нѣкоторыхъ невѣжественныхъ людей; быть можетъ, мы пожелаемъ приступить къ правильнымъ раскопкамъ внутри пещеры, а насъ могутъ въ этомъ опередить совершенно неумѣлые люди.

— Да, да! Лучше мы сохранимъ все это дѣло въ тайнѣ,— согласился Чандосъ,—пусть только мы одни на свѣтѣ знаемъ, гдѣ находится островъ Робинзона...

— Но Полю-Луи, все же, можно сказать объ этомъ!—замѣтила Флорри.

— Ну, да, конечно, разъ уже ему извѣстна наша тайна, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вовсе не заслуживаетъ этого, — сказалъ Чандосъ,—потому что никогда не хотѣлъ вѣрить въ нашу генеалогію.

— Было бы очень хорошо добыть еще больше такихъ доказательствъ, — замѣтилъ, какъ бы про себя, г. Глоагэнъ,—и тогда только сообщить объ этомъ всѣмъ. Скажи, Чандосъ, развѣ въ этой прекрасной книгѣ не упоминается еще о какомъ-то другомъ жилищѣ Робинзона на этомъ островѣ? О какой-то такъ называемой мызѣ?

— О, то была простая палатка изъ звѣриныхъ шкуръ, раскинутая подъ открытымъ небомъ. Отъ той, конечно, не осталось и слѣда, но у него было еще третье убѣжище, чудесный гротъ, который онъ описываетъ такъ:

«Надо мной былъ высокій сводъ, вышиною около 20 футовъ; я готовъ увѣрять, что на всемъ островѣ нѣтъ ничего болѣе прекраснаго и грандіознаго, чѣмъ этотъ гротъ, или подземелье. Свѣтъ отъ двухъ свѣчей, которыя я зажегъ, отражался въ тысячахъ разныхъ искръ и блесткахъ на стѣнахъ, и я, право, затрудняюсь сказать, были-ли то алмазы или дру-

гіе самоцвѣтные камни, или же просто золото; полагаю, что послѣднее всего правдоподобнѣе. Словомъ, это былъ прелестнѣйшій гротъ, какой только можно себѣ представить, хотя и совершенно темный. Полъ его былъ ровный, усыпанный какимъ-то мелкимъ разсыпчатымъ пескомъ».

— Такъ вотъ,—воскликнулъ г. Глоагэнъ, — скажемъ пока о нашемъ открытіи одному только Полю-Луи, а сами станемъ разыскивать этотъ удивительный гротъ, и если мы его найдемъ, то даже самые завзятые скептики не сумѣютъ опровергнуть нашего открытія.

XIX. Археологія имѣетъ свои достоинства и свои недостатки.

Оказалось, что гротъ найти было не такъ легко, какъ крѣпость Робинзона.

На слѣдующій же день г. Глоагэнъ, въ сопровожденіи Чандоса и Флорри, пустились на розыски.

На этотъ разъ указанія, имѣвшіяся въ книгѣ, были далеко не такъ точны и подробны, какъ касательно укрѣпленнаго замка, или главнаго жилища Робинзона.

О гротѣ говорилось только, что находится онъ въ глухомъ лѣсу, что входъ въ него настолько низкій, что его даже трудно замѣтить и что онъ заслоненъ большимъ утесомъ или скалой, поросшей густымъ кустарникомъ. За 200 лѣтъ этотъ кустарникъ не только могъ разростись, но и превратиться въ громадныя деревья, а потому было весьма мало вѣроятій, что чудесный гротъ можетъ быть найденъ.

Но наши друзья настолько уже пристрастились къ своей задачѣ, что теперь имъ положительно трудно было отказаться отъ нея, а потому они неутомимо продолжали свои поиски. Но островъ былъ великъ, лѣса его почти непроходимы, и старанія ихъ могли бы еще долго оставаться безплодными, если бы одно странное обстоятельство не пришло имъ на помощь.

Флорри замѣтила случайно цѣлый рядъ недавнихъ сравнительно зарубокъ на стволахъ нѣкоторыхъ большихъ деревьевъ;

зарубки эти какъ бы служили путеводными знаками среди лѣсной чащи и въ систематическомъ порядкѣ слѣдовали однѣ за другими.

Это было въ сѣверной лѣсной части острова, вблизи залива «Слѣдовъ-Босыхъ Ногъ», который попрежнему оставался наименѣе посѣщаемою частью острова.

Кто могъ сдѣлать эти зарубки на деревьяхъ? Г. Глоагэнъ полагалъ, что это кто-либо изъ матросовъ «Юноны», и у него почему-то явилось подозрѣніе, что, быть можетъ, эта дорога ведетъ именно въ этотъ гротъ. Весьма возможно, что кто нибудь изъ жителей колоніи, случайно попавъ въ пещеру, пожелалъ умолчать объ этомъ и, чтобы отыскать вновь туда дорогу, сдѣлалъ эти помѣтки на стволахъ. Вспомнивъ по этому случаю о слѣдахъ босыхъ ногъ на прибрежномъ пескѣ залива, о которыхъ до сихъ поръ не удалось ничего разузнать, Чандосъ подумалъ, что предположеніе его дяди весьма вѣроятно. Во всякомъ случаѣ, эти зарубки были несомнѣнно путеводными знаками, навѣрное, вели куда-нибудь, а куда именно, — это и слѣдовало узнать.

Съ любопытствомъ, присущимъ всѣмъ изслѣдователямъ, они продолжали слѣдовать по пути, указанному зарубками; вскорѣ имъ стало ясно, что эти зарубки были сдѣланы какъ бы умышленно, чтобы служить указателемъ дороги и привлекать на себя вниманіе, такъ онѣ были часты и явственны. Послѣ получасовой ходьбы сквозь самую густую чащу лѣса, наши пріятели вышли, наконецъ, на небольшую полянку, посреди которой возвышался громадный одинокій утесъ, совершенно голый. Они ускорили шаги и позади утеса увидѣли еще издали черное зіяющее отверстіе входа въ гротъ. Не подлежало сомнѣнію, что это былъ тотъ самый желанный гротъ, который они такъ долго разыскивали.

Но входъ въ него былъ не только не низкій и не незамѣтный, а напротивъ того, замѣтный издали, вполнѣ достаточно высокій и удобный, какъ бы нарочно расчищенный и расширенный. Флорри, Чандосъ и Глоагэнъ, не задумываясь, вошли въ эту пещеру.

Сначала они очутились въ подземномъ вестибюлѣ, гдѣ глаза ихъ, не привыкшіе еще къ темнотѣ, не могли ничего различить, но когда они зажгли принесенныя съ собой свѣчи, то замѣтили въ глубинѣ этихъ сѣней второе отверстіе, ведущее въ узкій проходъ, или корридоръ, который, повидимому, также былъ расширенъ и расчищенъ, такъ какъ въ описаніи Робинзона говорится, что проходъ этотъ, длиною около 10 ярдовъ, былъ настолько низокъ, что проходить по немъ приходилось ползкомъ, тогда какъ теперь по немъ можно было идти свободно, выпрямившись во весь ростъ.

Пройдя этимъ корридоромъ, изслѣдователи очутились, наконецъ, въ самомъ гротѣ. Дивное зрѣлище представилось ихъ глазамъ.

Всѣ стѣны грота, состоявшія изъ кристаллическаго кварца, искрились и сіяли тысячами фантастическихъ искръ и лучей, такъ что въ первый моментъ положительно ослѣпляли.

Казалось, будто весь этотъ гротъ съ высокимъ потолкомъ, подобнымъ громаднымъ сводамъ готическаго собора, съ поломъ, устланнымъ мягкимъ мелкимъ пескомъ, состоялъ изъ однихъ брилліантовъ.

Но вскорѣ, когда глазъ свыкся и начиналъ различать отдѣльные предметы, трое друзей были поражены представившимся зрѣлищемъ: большая низкая кроват подъ балдахиномъ, покойныя мягкія кресла, сундуки, большой библіотечный шкафъ со стеклянными дверцами, поставецъ, уставленный дорогой серебряной посудой, словомъ, тутъ стояла вся старинная, но роскошная обстановка прежнихъ вѣковъ. Немного дальше выдѣлялось большое зеркало венеціанскаго стекла, высокіе каминные часы и въ углубленіи, образующемъ родъ особаго кабинета, громадный письменный столъ, заваленный книгами и бумагами и, что всего страннѣе, передъ столомъ, въ высокомъ креслѣ, сидѣлъ человѣкъ и писалъ въ темнотѣ, безъ свѣта!

Человѣкъ этотъ былъ одѣтъ въ костюмъ временъ Людовика XIV, въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками, въ сѣдомъ парикѣ, бѣлыхъ воротничкахъ и красномъ камзолѣ съ свѣтлыми металлическими пуговицами.

Онъ сидѣлъ спиной къ вошедшимъ и, казалось, вовсе не замѣчалъ ихъ присутствія.

Г. Глоагэнъ подошелъ, кланяясь, и собирался извиниться въ причиняемомъ безпокойствѣ, какъ вдругъ остановился, пораженный ужасомъ: свѣча, которую онъ держалъ, выпала у него изъ рукъ.

Человѣкъ этотъ—былъ не человѣкъ, а только мумія человѣка. Рука его еще держала очиненное гусиное перо, пустыя впадины его глазъ смотрѣли сквозь очки на листъ пожелтѣлой запыленной бумаги.

Иллюзія жизни получалась полная. Многія естественныя подземелья обладаютъ свойствомъ сохранять на самый продолжительный срокъ наши бренные останки.

— Сколько лѣтъ или столѣтій сидитъ здѣсь этотъ человѣкъ въ креслѣ передъ рабочимъ столомъ, гдѣ его застала смерть? Кто онъ такой? Какъ онъ попалъ сюда?

Вопросы эти невольно родились въ мозгу г. Глоагэна, но отвѣчать на нихъ было не время, надо было заняться Флорри, которая чуть не лишилась чувствъ отъ ужаса и страха, охватившихъ ее при видѣ страшнаго мертвеца.

Вскорѣ она очнулась на мягкихъ подушкахъ большой кровати съ балдахиномъ; стаканъ свѣжей холодной воды, случившейся тутъ же въ графинѣ, окончательно освѣжилъ ее. Г. Глоагэнъ въ тревогѣ за дѣвушку даже не замѣтилъ чрезвычайной странности этого обстоятельства.

Между тѣмъ Чандосъ, также возившійся съ сестрой, какъ только она стала оправляться, поспѣшилъ подойти къ муміи и сталъ внимательно разглядывать ее со всѣхъ сторонъ.

— Онъ одѣтъ, какъ актеръ комедій Мольера; очевидно, этотъ господинъ имѣлъ привычку дѣлать туалетъ передъ тѣмъ, какъ садится писать, какъ это дѣлалъ Бюффонъ... А что вы думаете, дядя, что этотъ господинъ сидитъ здѣсь со временъ королевы Анны и Мальбрука?

— Да, это весьма возможно, милый другъ.

— Ахъ, смотрите, вѣдь на немъ часы и брелоки, можно ихъ посмотрѣть?—воскликнулъ Чандосъ.

— Да почему-же нѣтъ? Вѣдь ты не имѣешь при этомъ никакихъ дурныхъ намѣреній.

Чандосъ вытащилъ изъ жилетнаго кармана массивные золотые часы, похожіе на большую луковицу. На вензелевомъ циферблатѣ стояла надпись *Chapman, Poultry* (Чапманъ, Пультри).

— Пультри — одна изъ улицъ Лондонскаго Сити, очевидно, бѣдняга былъ англичаниномъ, какъ и мы! — сказалъ Чандосъ.

Продолжая осмотры кармановъ муміи, онъ нашелъ въ правомъ большую серебряную табакерку и три золотыхъ червонца, на одномъ изъ которыхъ было дѣйствительно изображеніе королевы Анны. Въ заднемъ карманѣ краснаго камзола былъ большой носовой платокъ въ крупную клѣтку, футляръ отъ очковъ и старое письмо, скомканное и истрепанное, но въ конвертѣ и со слѣдами печати зеленаго сургуча. На оборотѣ было написано нѣсколько словъ, совершенно непонятныхъ.

— Я думаю, что не будетъ нескромно съ моей стороны, если я взгляну на адресъ, — сказалъ Чандосъ, — мнѣ хочется узнать имя адресата.

И съ этими словами онъ досталъ письмо. Но едва мальчикъ успѣлъ взглянуть на него, какъ невольный крикъ изумленія вырвался у него изъ устъ.

— Дядя, дядя!.. Флорри!.. смотрите, вѣдь я не брежу... смотрите!..

Г. Глоагэнъ подошелъ и прочелъ

Senor Robinson Crusoë

Iork.

Въ первую минуту онъ самъ не вѣрилъ своимъ глазамъ, но письмо было писано на португальскомъ языкѣ, въ немъ говорилось о дѣлахъ, касающихся плантацій Робинзона Крузое въ Бразиліи; письмо было писано изъ Лиссабона отъ 9 января 1715 г.

— Неужели мы дѣйствительно видимъ передъ собой смертные останки самого Робинзона Крузое? — воскликнулъ археологъ.

— Да, дядя, да, я въ томъ вполнѣ увѣренъ! Что-то мнѣ говоритъ, что это такъ!

— Теперь онъ мнѣ уже ничуть не страшенъ!—воскликнула Флорри, — бѣдный прадѣдъ! Значитъ, онъ умеръ здѣсь одинъ, безъ близкихъ и дѣтей своихъ! Какъ бы я хотѣла узнать все про него!..

— Быть можетъ, этотъ старый документъ скажетъ намъ объ этомъ, — сказалъ Чандосъ, беря со стола изъ-подъ руки покойнаго запыленный листъ и передавая его своему дядюшкѣ, который безъ труда прочелъ первыя строки, написанныя крупнымъ характернымъ почеркомъ, хотя и немного дрожащей рукой:

This is my will. On the eighth of Marsh A. D. 1717, J Robinson Krusoe of Iork in Iorkshire in the Kingdom of England, being 84 years old sound m body and mind, although weakened byage... (Это мое завѣщаніе. Восьмого числа марта, Милостію Божіею, 1717 г., я нижеподписавшійся Робинзонъ Крузое изъ Іорка, въ графствѣ Іоркширъ, въ Англіи, имѣя 84 года отъ рода, въ полной памяти и разсудкѣ, хотя и ослабѣвъ съ годами...)

Г. Глоагэнъ намѣревался продолжать далѣе это чтеніе, когда вдругъ какой-то тяжелый глухой ударъ, протяжнымъ эхо отозвавшійся въ гротѣ, заставилъ всѣхъ невольно вздрогнуть и поднять головы. Ударъ походилъ на пушечный выстрѣлъ или глухой ударъ землетрясенія. Шумъ этотъ невольно заставилъ содрогнуться всѣхъ троихъ, какой-то инстинктивный страхъ сжалъ ихъ сердца.

Чандосъ первый кинулся въ корридоръ со свѣчей въ рукѣ.

— Мы заперты здѣсь!—крикнулъ онъ,—внутренняя дверь корридора, которая была открыта настежъ и прижата къ стѣнѣ, сейчасъ захлопнута кѣмъ-то снаружи, и я не въ состояніи ее открыть!

Г. Глоагэнъ и Флорри поспѣшили къ нему и убѣдились въ справедливости его словъ. Тяжелая дубовая дверь на массивныхъ желѣзныхъ петляхъ съ такими-же скрѣпами была заперта и, несмотря на то, что всѣ замки, задвижки и запоры были

изнутри, усилія всѣхъ троихъ заключенныхъ оставались тщетными.

Очевидно, эта дверь была или заперта на ключъ, или заложена болтомъ или засовомъ.

Случилось-ли это вслѣдствіе простой случайности, или была-ли то коварная ловушка? вотъ, что г. Глоагэнъ мысленно спрашивалъ себя.

Вдругъ въ двери отворилось маленькое окошечко и въ немъ явилось нѣчто такое ужасное, такое отвратительное, ужаснѣе и отвратительнѣе чего нельзя было себѣ представить въ данныхъ обстоятельствахъ,—а именно, демоническій образъ Рана!

Да, Дюлина-Рана или То-Хо, или Кра-Онгъ-Динхъ-Ки — словомъ, того ужаснаго преступника и убійцы, котораго разъяренная толпа матросовъ на глазахъ всѣхъ ихъ бросила въ волны бушующаго моря... И онъ не погибъ!

Онъ остался живъ послѣ этой страшной казни, чтобы довершить рядъ своихъ злодѣяній! Или же это былъ только призракъ, плодъ встревоженнаго воображенія?

Увы, это былъ онъ самъ. Тотъ же взглядъ полный дикой ненависти и презрѣнія; тотъ же ястребиный носъ и то же блѣдное, изможденное лицо и зубы тигра.

Вперивъ полузакрытые вѣками глаза съ выраженіемъ злой насмѣшки, онъ молча наслаждался ихъ мученіями, торжествовалъ свою побѣду надъ ними.

— Дюлинъ-Рана!—воскликнулъ г. Глоагэнъ,—ты называешь себя княземъ и Праведнымъ судіей, отпусти же насъ, которые не сдѣлали тебѣ ничего дурного.

Странная, загадочная улыбка и скривила на мгновеніе губы Рана.—Эта собака, иностранецъ, какъ видно, не въ полномъ умѣ,—казалось, говорила его улыбка,—если онъ думаетъ смягчить авганскаго князя пустыми жалостливыми словами...

— Всѣ эти европейцы, французы или англичане, всегда любятъ попусту болтать и тратить на вѣтеръ слова... и не умѣютъ покойно и пассивно мириться со своей участью, какъ мы, азіаты.

Г. Глоагэнъ понялъ значеніе этого взгляда и замолчалъ.

— Наши друзья спохватятся насъ, станутъ искать насъ и жестоко расправятся съ тобой, когда откроютъ твое убѣжище!— сказалъ археологъ, немного погодя.

— Почему имъ открыть его, когда они въ продолженіе цѣлыхъ шести мѣсяцевъ не сумѣли этого сдѣлать!—пренебрежительно отозвался Рана,—мной приняты всѣ мѣры предосторожности, входное отверстіе завалено, у меня съѣстныхъ припасовъ много, хватитъ на долго, а у васъ ничего, и всѣ вы околѣете съ голода!

Г. Глоагэнъ собирался уже удалиться въ глубину пещеры, когда Рана остановилъ его однимъ вопросомъ, влившимъ въ его душу лучъ надежды...

— При тебѣ-ли *зраимфъ*?—спросилъ онъ.

— Да, и если ты возвратишь намъ свободу, я готовъ отдать его тебѣ! Согласенъ?

Старому археологу, конечно, не легко было разстаться съ знаменитой Кандагарской пластинкой, но онъ полагалъ, что этотъ выкупъ можетъ спасти жизнь его двухъ питомцевъ и его собственную и рѣшился даже на эту жертву.

Но Рана только слабо улыбнулся на это.

— Завтра,—сказалъ онъ тономъ полнаго презрѣнія, — ты мнѣ предложишь этотъ самый *зраимфъ* за одинъ апельсинъ или кокосовый орѣхъ, послѣ-завтра за одну виноградину, а тамъ за одну каплю воды... Дѣти только нетерпѣливы, а взрослые мужи всегда умѣютъ ждать. Рана получитъ свой *зраимфъ* задаромъ, а вы умрете...

— Но что мы сдѣлали тебѣ?

— Ага, что вы сдѣлали? И ты еще не знаешь этого? Эти дѣти, дѣти того человѣка, который первый осмѣлился поднять руку на зраимфъ... а ты, ты держишь его и сейчасъ въ своихъ рукахъ!.. Да, видно, ты не знаешь что такое *зраимфъ!* Это священный талисманъ, хранившійся съ незапамятныхъ временъ въ мечети Рамъ-Мохунъ, который обезпечиваетъ тому кто обладаетъ имъ, корону Кандагара и владычество надъ всею Средней Азіей... И послѣ всего этого, ты еще просишь пощады!

Пощады у князя Дюлинъ-Рана,—отца и великаго вождя братьевъ Земли и Неба!..

Братья Земли и Неба!..—это ужасное названіе объясняло все. Г. Глоагэнъ зналъ, что это преступное общество, принявшее на себя названіе братства Земли и Неба и получившее на востокѣ почти повсемѣстно громадное распространеніе въ послѣднее время, имѣло цѣлью массовое и единичное уничтоженіе и истребленіе европейцевъ, сообразно съ извѣстными довольно странными обрядами. Общество это дѣлится на двѣ главныя секты: одна изъ нихъ преобладаетъ главнымъ образомъ среди китайцевъ и малайцевъ.

У нихъ допускается пускать въ ходъ при убійствахъ и ядъ, и оружіе, но съ условіемъ, однако, чтобы оружіе это оставалось на самомъ видномъ мѣстѣ въ домѣ или жилищѣ убитаго.

Такимъ образомъ одинъ извѣстный булочникъ въ Кантонѣ пытался не такъ давно отравить всѣхъ своихъ покупателей европейцевъ, всыпавъ мышьякъ, но, къ счастью, въ слишкомъ большомъ количествѣ въ тѣсто бѣлыхъ булокъ. Такимъ же самымъ способомъ было совершено въ послѣднее время еще не мало всякаго рода ужасныхъ, безчеловѣчныхъ убійствъ въ Сайгонѣ и Кохинхинѣ. Что-же касается другой секты этого общества, наиболѣе распространенной среди авганцевъ и жителей средней Азіи, то члены этой секты обязаны убивать безъ кровопролитія и не имѣютъ права прибѣгать ни къ какому оружію.

Вотъ почему, услыхавъ слова: *братья Земли и Неба*, г. Глоагэнъ сразу понялъ, съ какого рода непреклонной волей имъ приходится теперь имѣть дѣло, а потому, повернувшись спиной къ запертой двери, онъ ушелъ въ глубь пещеры, увлекая за собою и обоихъ дѣтей, и сѣлъ вмѣстѣ съ ними въ кресла у стола подлѣ муміи Робинзона, какъ бы желая этимъ поставить ихъ подъ покровительство ихъ славнаго предка, который такъ же много пережилъ и выстрадалъ въ своей жизни.

Между тѣмъ окошечко въ дверкѣ захлопнулось, и омерзительная физіономія злорадствующаго Рана скрылась.

XX. Послѣдняя глава исторіи Робинзона.

— Дядя, — спросилъ Чандосъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, — сколько времени можетъ прожить человѣкъ безъ пищи?

— Все зависитъ отъ темперамента, здоровья и физическихъ силъ даннаго субъекта!

— Ну, а мы съ вами, напримѣръ, сколько можемъ разсчитывать прожить безъ пищи?

— Пять-шесть дней, быть можетъ, недѣлю, или даже больше.

— О, въ такомъ случаѣ мы спасены! — воскликнулъ юноша.—Наши друзья, конечно, станутъ искать насъ и найдутъ!

— Да, надо надѣяться, что они насъ найдутъ, — сказалъ г. Глоагэнъ, дѣлая видъ, что и самъ онъ въ этомъ вполнѣ увѣренъ. — А пока самое разумное будетъ заняться списываніемъ и переводомъ этого стариннаго документа.

— Да, да!—воскликнули разомъ Чандосъ и Флорри, — перепишемъ завѣщаніе нашего прадѣда, а тамъ на свободѣ и мы можемъ написать свои завѣщанія!—добавила Флорри.

— Но прежде всего намъ слѣдуетъ задуть двѣ свѣчи и остаться при одной, вѣдь у насъ ихъ всего только шесть, и мы должны расходовать ихъ возможно осторожнѣе, — сказалъ г. Глоагэнъ.

Всѣ расположились у большого рабочаго стола, рядомъ со смертными останками Робинзона. Чандосъ взялъ въ руки карандашъ и вырвавъ нѣсколько чистыхъ листовъ изъ своей записной книжки, собрался записывать, тогда какъ дядюшка его и Флорри, склонясь надъ старымъ документомъ, разбирали его содержаніе, читая вслухъ Чандосу, писавшему подъ ихъ диктовку.

Вотъ, что говорилось въ этомъ завѣщаніи:

«Въ восьмой день марта въ 1717 году, я нижеподписавшійся Робинзонъ Крузое изъ Іорка въ Іоркширѣ, въ Англіи, на 84-мъ году своей жизни, въ полной памяти и разсудкѣ,

хотя и ослабѣвъ тѣломъ подъ бременемъ лѣтъ, рѣшилъ докончить мои мемуары, дополнить и исправить ихъ, возстановивъ истину.

«Я совершилъ великое преступленіе и теперь несу за него заслуженную кару: изъ видовъ эгоизма и алчности я хотѣлъ обмануть своихъ современниковъ относительно настоящаго положенія моего острова, не подумавъ о томъ, что всякое открытіе принадлежитъ всему человѣчеству а не единичной личности, которая является представителемъ этого человѣчества. Я обманулъ всѣхъ моихъ читателей, увѣривъ ихъ, что островъ мой находится въ водахъ Атлантическаго океана, въ архипелагѣ Караибовъ, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, онъ находится въ средней части Тихаго океана.

«Кто бы вы ни были, вы, кому попадется въ руки эта исповѣдь умирающаго, прочтите ее со вниманіемъ.

«Въ первой части своихъ мемуаровъ я разсказалъ, какимъ образомъ былъ выброшенъ на этотъ необитаемый, пустынный островъ, какъ я жилъ здѣсь и какъ, по прошествіи 29 лѣтъ одиночества, я, наконецъ, нашелъ возможность вернуться на родину, предоставивъ свой островъ колоніи потерпѣвшихъ крушеніе испанцевъ и взбунтовавшихся англійскихъ матросовъ. Я говорилъ о томъ, какъ впослѣдствіи я еще разъ вернулся въ свое царство, какъ я называлъ этотъ островъ, при чемъ привезъ туда на разводъ всякаго рода животныхъ, сѣмена и въ какомъ видѣ я оставилъ свой островъ, вторично покидая его.

«Взбунтовавшіеся матросы, прибывшіе на мой островъ, послѣ того какъ избили всѣхъ своихъ офицеровъ, были слишкомъ невѣжественны, чтобы опредѣлить географическое положеніе острова, на который они попали случайно, какъ на первую землю, встрѣтившуюся имъ. Только одному капитану, жизнь котораго мнѣ удалось спасти, и который, въ свою очередь сталъ впослѣдствіи моимъ освободителемъ, было извѣстно настоящее положеніе острова, и онъ первый предложилъ мнѣ сохранить это въ тайнѣ. Уѣзжая, мы не только позаботились оставить всѣхъ наиболѣе развитыхъ и смышленыхъ людей здѣсь, но, прибывъ въ Перу, распустили и весь остальной эки-

пажъ и набрали новый. По прибытіи въ Лиссабонъ, мой пріятель-командиръ скончался отъ злокачественной лихарадки, и я остался единственнымъ обладателемъ тайны настоящаго мѣстоположенія острова.

«Когда я рѣшилъ еще разъ возвратиться на свой островъ, то окружилъ себя величайшей таинственностью и набиралъ экипажъ изъ людей, самыхъ неразвитныхъ и мало грамотныхъ, а не то и безграмотныхъ. Офицерамъ, людямъ совершенно необразованнымъ, я строго воспретилъ имѣть секстанъ, карты и др. морскіе инструменты, и опредѣлялъ пелинги всегда самъ, лично давая указанія, куда держать курсъ. При этомъ я избиралъ всегда путь, наименѣе посѣщаемый судами и возможно окольный.

«Желая ввести въ заблужденіе не только экипажъ своего брига, но и всѣхъ моихъ современниковъ, я измышлялъ всевозможныя приключенія, чтобы сбить съ толка всѣ догадки и предположенія людей свѣдущихъ.

«Почти вся вторая часть моего разсказа чистый вымыселъ, тогда какъ первая часть почти вся одна чистая правда. Мало того, я желалъ даже, чтобы люди не были вполнѣ увѣрены даже въ самомъ моемъ существованіи и потому просилъ издать мои записки и мемуары уважаемаго Даніеля де-Фое.

«Впрочемъ, въ этомъ сплетеніи различныхъ вымысловъ есть и доля истины, такъ, напримѣръ, все, относящееся къ моему путешествію по Азіи и возвращенію въ Іоркъ въ 1785 г.

«Мнѣ было тогда 72 года, я былъ богатъ и былъ отцомъ троихъ дѣтей: дочери и двухъ сыновей. Но страсть къ путешествіямъ и вѣчно новымъ впечатлѣніямъ, страсть ко всякаго рода приключеніямъ не давала мнѣ покоя. Благодаря всегдашней дѣятельной и воздержанной жизни, я, несмотря на свой возрастъ, сохранилъ полную бодрость силъ и здоровья. Я отнюдь не чувствовалъ себя старымъ. Къ тому же все, сколько-нибудь привязывавшее меня къ Іорку, мало-по-малу порвалось къ этому времени. Еще до моего послѣдняго путешествія я имѣлъ несчастіе потерять свою жену; одинъ изъ моихъ сыновей уѣхалъ въ Индію, въ качествѣ сухопутнаго гарнизоннаго офицера, другой умеръ отъ чумы въ Лондонѣ, гдѣ онъ занималъ скром-

ную должность въ большомъ коммерческомъ предпріятіи. Дочь моя вышла замужъ и уѣхала далеко со своимъ мужемъ, такъ что я опять остался одинокимъ на этомъ свѣтѣ, и меня снова стало тянуть назадъ, на мой островъ.

И вотъ, распродавъ все свое имущество и купивъ на часть вырученныхъ денегъ прекрасный бригъ, который я нагрузилъ дорогой мебелью, всякаго рода оружіемъ и инструментами, земледѣльческими орудіями и сѣменами, и при той же таинственной обстановкѣ, какъ и раньше, отправился въ дальній путь 1-го мая 1716 г. Мнѣ было тогда 82 года отъ роду.

«Девятаго сентября того же года я прибылъ на свой островъ, гдѣ былъ встрѣченъ радостными привѣтствіями удивленнаго моимъ пріѣздомъ населенія.

«Немногіе изъ нихъ узнали меня, потому что большинство знавшихъ меня въ пору послѣдняго моего пребыванія на островѣ уже умерли, но всѣ они слыхали обо мнѣ и потому сначала оказывали мнѣ большое уваженіе, которое возрасло еще болѣе послѣ того, какъ я выгрузилъ и раздѣлилъ между ними привезенныя мною богатства.

«Но вскорѣ я имѣлъ случай убѣдиться, что населеніе острова замѣтно измѣнилось. Быть можетъ, эти люди слишкомъ полагались на плодородіе почвы, а также подъ вліяніемъ этой вѣчной весны ослабли и погрузились въ какую-то нравственную спячку и постоянную сонливость. Всякая охота къ труду у нихъ совершенно пропала. Все это населеніе было счастливо, т. е. имѣло въ изобиліи и почти безъ труда все, потребное для жизни, но томилось скукой вслѣдствіе бездѣлья. Всѣ они въ тайнѣ мечтали увидѣть свою далекую родину, отъ которой были совершенно отрѣзаны, и хотя большинство знало о ней только по преданіямъ, но всѣмъ она представлялась чѣмъ-то въ родѣ земного рая. Сѣсть на корабль и побывать тамъ, въ Европѣ, повидать громадные торговые города, лавки, магазины, модныя улицы, словомъ, все то, чего не было здѣсь, на этомъ островѣ, казалось для нихъ верхомъ блаженства, все это представлялось имъ точно дивный сказочный сонъ. И сознавая всю неосу-

ществимость этой мечты, всѣ онп внутренно считали меня виновникомъ ихъ вѣчнаго изгнанія.

Тотчасъ-же, по прибытіи моемъ на островъ, я приказалъ построить себѣ большой деревянный домъ, гдѣ и поселился чтобы наблюдать за бытомъ, нуждами и потребностями населенія. Я могъ бы содѣйствовать какъ матеріальному, такъ и нравственному подъему этихъ людей, но здѣсь я не имѣлъ ни минуты покоя, меня со всѣхъ сторонъ осаждали просьбами объ увеличеніи складовъ, выдачѣ пособій и пенсій, различными семейными дрязгами, сѣтованіями и жалобами, и потому я рѣшилъ избрать себѣ болѣе уединенное жилище. Такимъ являлся, конечно, тотъ гротъ въ глубинѣ лѣсовъ сѣверной части острова, который нѣкогда такъ восхитилъ меня.

«Я приказалъ мастерамъ съ моего брига исполнить тамъ кое-какія работы, расширить входы, улучшить корридоръ, повѣсить внутреную дверь съ надежными затворами и перенести туда всякую мебель, необходимую для моего удобства.

«И вотъ одинъ изъ рабочихъ, работая въ гротѣ, вдругъ замѣтилъ, что стѣны его состоятъ всецѣло изъ превосходнѣйшаго золотоноснаго кварца.

«Онъ тотчасъ же обошелъ со всѣхъ сторонъ гротъ и нашелъ почти на самой поверхности горы золотую руду.

«Обрадованный своимъ открытіемъ, онъ сообщилъ о немъ одному изъ своихъ товарищей, и вскорѣ это стало извѣстно всему экипажу брига, а затѣмъ и всѣмъ обитателямъ колоніи. И вдругъ всѣ эти люди, не знавшіе никакой цѣны золоту и деньгамъ и не имѣвшіе по сіе время никакой монеты, женщины, дѣти и мужчины, всѣ, отъ мала до велика, стали сходиться съ заступами и кирками, взрывать почву и забирать золото цѣлыми пригоршнями въ мѣшки, корзины, кульки, куда попало.

«Въ нѣсколько часовъ была прорыта ими цѣлая траншея, столь глубокая, что достигала почти стѣны моего убѣжища, и я не имѣлъ покоя отъ стука кирокъ и заступовъ.

«Я сталъ упрекать ихъ въ странной жадности по отношенію къ совершенно ненужному и безполезному для нихъ здѣсь металлу, на что мнѣ возразили, что старый свѣтъ созданъ для

всѣхъ людей и что люди, обладающіе такими золотыми пріисками, такими несмѣтными богатствами, конечно, не подумаютъ вѣкъ свой оставаться на безлюдномъ дикомъ островѣ. Тогда я заявилъ свои права на эти пріиски, на эту золотую руду, находящуюся на моемъ островѣ, на моей землѣ, надъ самымъ моимъ жилищемъ.

«Отвѣтомъ на это былъ открытый бунтъ. Меня упрекали въ жестокомъ эгоизмѣ, авторитетъ мой былъ попранъ, меня схватили и хотѣли судить, какъ преступника, хотѣвшаго обратить въ рабство 136 человѣкъ свободныхъ отъ рожденія людей, за что хотѣли приговорить меня къ смертной казни, и лишь самые разумные съ трудомъ добились того, чтобы мнѣ замѣнили смертную казнь строгимъ заключеніемъ въ моемъ гротѣ подъ безпрерывнымъ надзоромъ тюремнаго стража.

«Такъ я провелъ три мѣсяца въ заключеніи, послѣ чего инсургенты, наконецъ, объявили мнѣ свое окончательное рѣшеніе.

«Добывъ изъ руды сколько можно больше золота и нагрузивъ имъ мой бригъ, при посредствѣ моего экипажа, они рѣшили, всѣ до единаго, съ женщинами, старцами и дѣтьми сѣсть на карабль и отправиться въ Европу. Что же касается меня, то они рѣшили оставить меня одного на этомъ островѣ, предоставивъ мнѣ провести здѣсь остатокъ дней моихъ такъ, какъ я желалъ заставить ихъ проводить здѣсь всю жизнь.

«Таково было рѣшеніе инсургентовъ, объявленное мнѣ вожаками возстанія въ тотъ моментъ, когда они явились отперетъ дверь моей тюрьмы, уже послѣ того, какъ ихъ жены и дѣти и всѣ ихъ богатства были на бригѣ, готовившемся отдать якорь и выдти въ открытое море. Я былъ такъ слабъ и изнуренъ этимъ продолжительнымъ заключеніемъ, что не имѣлъ даже силы протестовать или возражать хотя бы единымъ словомъ.

«На другой день я чувствовалъ себя немного лучше, потому что имѣлъ возможность дышать свѣжимъ воздухомъ. Съ большимъ трудомъ я взобрался на вершину холма и увидѣлъ удалявшійся бригъ, уже едва примѣтный на дальнемъ горизонтѣ.

«Итакъ, я здѣсь, на этомъ островѣ, вторично такъ же одинокъ,

какъ нѣкогда, и хотя тогда я не имѣлъ ни крова, ни одежды, ни постели, но надежда когда-нибудь вернуться въ среду цивилизованныхъ людей никогда не оставляла меня въ ту пору, потому что я былъ молодъ, силенъ и здоровъ, а теперь я старъ, хилъ и слабъ, и хотя у меня много бѣлья и одежды, хотя у меня прекрасная постель и богатые пріиски золотой руды, я не питаю уже никакихъ надеждъ и знаю, что люди, покинувшіе меня здѣсь, не вернутся сюда, если бы даже и захотѣли. Всего вѣроятнѣе, что всѣ они погибли, вмѣстѣ со своими богатствами, въ первую бурю, такъ какъ всѣ матросы, были людьми не свѣдущими и даже прибывшіе со мною офицеры были настолько невѣжественны, что не съумѣли бы опредѣлить своего мѣста положенія, не только что найти путь въ Европу.

«Свѣтъ навсегда не только не будетъ знать о моемъ существованіи, но, вѣроятно, сочтетъ за пустой вымыселъ и самую мою повѣсть, и мой островъ.

«А между тѣмъ все это правда, и я дѣствительно теперь на своемъ островѣ и дрожащею рукой дописываю послѣднія строки моего разсказа и исповѣди, одинъ — одинъ на вѣкъ, такъ какъ конецъ мой близокъ...

«Я чувствую приближеніе смерти, чувствую, какъ жизнь уходитъ... какъ чувства мои притупляются, органы перестаютъ дѣйствовать... аппетита совершенно нѣтъ... Скоро сердце ужъ перестанетъ биться и тогда... близокъ часъ освобожденія...»

На этомъ порывалась рукопись, и благодаря присутствію здѣсь этой муміи самого автора, этихъ строкъ, онѣ получали въ глазахъ праправнуковъ этого несчастнаго человѣка такую, можно сказать, осязательную реальность, что не только Флорри, но и Чандосъ расплакались надъ ними, и самъ г. Глоагэнъ былъ глубоко растроганъ.

Мысленно онъ благословлялъ эту рукопись, какъ незамѣнимый при данныхъ условіяхъ талисманъ, помогшій отвлечь молодежь отъ мысли о грозящей имъ страшной смерти въ этомъ же самомъ подземельѣ, гдѣ скончался, около двухъ вѣковъ тому назадъ, ихъ знаменитый предокъ.

Переписка этой рукописи заняла очень много времени и было уже около 11-ти часовъ ночи, когда г. Глоагэнъ уговорилъ, наконецъ, свою племянницу расположиться на кровати съ балдахиномъ, между тѣмъ какъ самъ онъ и Чандосъ *) расположились на креслахъ.

Затѣмъ старикъ задулъ свѣчу и злорадный звѣрскій взглядъ Рана не могъ уже ничего различить въ мракѣ грота, и онъ, наконецъ, рѣшился затворить маленькое окошечко, прорѣзанное въ верхней половинѣ двери, сквозь которое, какъ ядовитый паукъ изъ угла, наблюдалъ за своими несчастными жертвами.

XXI. Поль-Луи здѣсь!

Былъ уже яркій день, когда наши заключенные проснулись, но въ гротѣ было совершенно темно. Когда, зажегши свѣчу, взглянули на часы, то оказалось, что было болѣе 9 часовъ утра. Легкія схватки въ желудкѣ давали знать, что настало время завтракать, и такъ какъ они наканунѣ уже не обѣдали, то потребность эта ощущалась тѣмъ сильнѣе.

— Мы, конечно, не можемъ разсчитывать на то, чтобы нашъ прадѣдъ приберегъ для насъ кое-какіе съѣстные припасы въ своемъ буфетѣ,—сказалъ Чандосъ, приближаясь съ слабой надеждой въ душѣ къ дубовому рѣзному поставцу, уставленному серебряной посудой. Распахнувъ дверцы шкафчиковъ, Чандосъ нашелъ на полкахъ нѣчто такое, что когда-то было. плодами или мясомъ, но теперь было совершенпо неузнаваемо· Хрустальные графины были также пусты. Немного разочарованный, онъ обратился къ библіотечному шкафу и со свойственнымъ ему благодушіемъ воскликнулъ.—Ну, что-жъ, за неимѣніемъ бифштексовъ, мы погрыземъ старыя книги, хотя самый ничтожный кусочекъ ветчины былъ-бы теперь гораздо больше кстати, чѣмъ самая грузнѣйшая изъ книгъ. Не такъ-ли, Флорри? скажи, ты голодна?..

— Не то что голодна... но я была бы не прочь позавтра,

*) Мы здѣсь произносимъ *Чандосъ*, согласно англійской транскрипціи; по-французски же то же имя должно произноситься Шандо.

кать... впрочемъ, весьма возможно, что это одно воображеніе— со мной не разъ случалось гдѣ-нибудь въ дорогѣ или же на экскурсіи въ горахъ: какъ только знаешь, что поѣсть нѣгдѣ, такъ почему-то сразу является аппетитъ, быть можетъ, и теперь происходитъ то-же самое.

— Ну, что касается меня, то я вполнѣ убѣжденъ въ томъ, что это не воображеніе... я съѣлъ бы цѣлый бараній окорокъ!.. съ кровью, съ хорошо обжаренной картошкой!.. что ты скажешь на это, Флорри?

— Я предпочла бы безъ крови, хорошо прожаренный!

— Хмъ! какъ это глупо въ самомъ дѣлѣ, что этотъ негодяй Рана вздумалъ препятствовать осуществленію такой скромной мечты.—Эй, Рана, старая каналья! что ты тамъ дѣлаешь въ своей берлогѣ?—спрашивалъ Чандосъ, ударяя кулакомъ, какъ-бы шутя, въ дверь. Окошечко вверху двери отворилось, и голова Рана, съ аппетитомъ жующая какой-то сочный плодъ, показалась и приблизилась къ форточкѣ, какъ бы желая заставить заключенныхъ лучше видѣть движеніе его могучихъ челюстей и тѣмъ самымъ возбудить въ нихъ сильнѣе потребность ѣсть.

Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ сообразить что-либо, Чандосъ схватилъ его за волосы и пытался продернуть его голову въ отверстіе форточки въ дверяхъ. Но это не могло ему удасться, потому что отверстіе было слишкомъ мало, и голова Рана не проходила. Отчаяннымъ усиліемъ рванулся авганецъ и въ рукахъ Чандоса остались только два кровавыхъ клочка черныхъ волосъ. Чандосъ ожидалъ, что вотъ распахнется дверь, и взбѣшенный тюремщикъ набросится на него; онъ искалъ какого-нибудь оружія какъ вдругъ замѣтилъ на полу заступъ, который онъ носилъ съ собой во всѣ свои экспедиціи, и тотчасъ же вооружился имъ.

Но онъ ошибся, Рана не шевелился, вѣроятно, у него не было подъ рукой никакого оружія, или же онъ хотѣлъ до конца оставаться вѣрнымъ требованіямъ своей секты и уморить своихъ враговъ голодомъ, не коснувшись до нихъ пальцемъ. Чандосъ положительно былъ внѣ себя отъ бѣшенства, искалъ

чѣмъ-бы можно было запустить въ своего врага но ничего подходящаго не было въ гротѣ.

Эхъ, если-бы было у насъ ружье или револьверъ, я-бы разомъ уложилъ его, какъ собаку!.. ахъ, вотъ что! у меня явилась блестящая мысль, я подожгу эту дверь!.. и тогда мы въ троемъ набросимся на этого негодяя и задушимъ его.

И онъ принялся поджигать свѣчею тяжелую дубовую дверь, но послѣ получаса тщетныхъ усилій едва лишь подкоптился нижній край. Очевидно, и огонь не бралъ этого стараго дуба твердаго, какъ кость.

— Можно попробовать прорыть тунель и такимъ образомъ найти выходъ,—сказала Флорри.

Чандосъ, не долго думая, тотчасъ-же принялся за работу но на глубинѣ двухъ трехъ вершковъ уже наткнулся на скалу на тотъ же золотоносный кварцъ, изъ котораго состоялъ и самый гротъ. Вдругъ Чандоса озарила блестящая мысль.

— Дядя,—сказалъ онъ,—вы очень дорожите этой золотой пластинкой?

— *Зраимфъ*? Да, конечно, я дорожу ею, но не настолько, чтобы не могъ пожертвовать, если нужно!

— Если такъ, то дайте мнѣ ее сюда, я полагаю, что съумѣю образумить этого звѣря.

Г. Глоагэнъ досталъ изъ кармана драгоцѣнную пластинку и не безъ сожалѣнія вручилъ ее племяннику, который тотчасъ-же подошелъ къ форточкѣ и крикнулъ:

— Смотри, Рана, видишь ты эту золотую пластинку, которую ты называешь «Зраимфъ» и считаешь одаренной сверхестественной силой, приписывая ей качества талисмана?! Такъ знай, что если ты не доставишь мнѣ сейчасъ-же пищи для моей сестры, то какъ Богъ святъ, не будь я Чандосъ Робинзонъ, если я на твоихъ же глазахъ не изломаю ее и не изотру въ порошокъ подъ ногами.

Лицо Рана вдругъ сдѣлалось мертвенно-блѣднымъ, глаза стали метать молніи. Зраимфъ, изломанный въ куски на его глазахъ! Подобная мысль приводила его въ такой ужасъ,

что онъ чувствовалъ себя точно парализованнымъ. Онъ не зналъ, на что ему рѣшиться, не зналъ, что отвѣтить.

Наступила минута трагическаго молчанія. Вдругъ Флорри громко позвала Чандоса въ глубину грота.

— Слушайте, — сказала она, — слышите вы равномѣрные удары въ стѣну... я уже минуты двѣ, какъ прислушиваюсь къ нимъ...

Чандосъ приложилъ ухо къ стѣнкѣ грота, а также и г. Глоагэнъ, и всѣ трое стали прислушиваться. Дѣйствительно мѣрные удары сыпались одинъ за другимъ, точно десятки рабочихъ съ молотами и кирками взрывали почву скалы, внутри которой находился гротъ.

— Это къ намъ подоспѣла помощь; наши друзья открыли наше убѣжище,—сказалъ въ полголоса г. Глоагэнъ.—Но какъ это могло случиться, что они нашли входа въ пещеру, вѣдь только одинъ этотъ входъ могъ-бы дать имъ знать о существованіи этой пещеры.

— Ахъ, если-бъ только они догадались попасть на ту золотую руду, о которой говоритъ нашъ прадѣдъ, и которая, по его словамъ, почти пробила стѣну его тюрьмы. Тогда имъ было-бы легко докончить начатую работу.

— О, если только Поль-Луи здѣсь, то онъ навѣрное догадается!—съ увѣренностью сказала Флорри.

Какъ-бы въ подтвержденіе ея словъ, въ этотъ самый моментъ удары посыпались чаще и были уже очень близки; на этотъ разъ казалось, будто люди работали въ шахтѣ за стѣною всего въ нѣсколькихъ вершкахъ разстоянія отъ заключенныхъ.

— У меня явилась мысль!—воскликнулъ Чандосъ, — разъ мы ихъ слышимъ, то весьма вѣроятно, что и они услышатъ насъ. Я тоже примусь колотить въ стѣну, быть можетъ, это дастъ имъ надлежащее направленіе.

Онъ сбросилъ съ себя куртку и, не теряя времени, принялся ударять заступомъ въ стѣну скалы; вдругъ все затихло. Неужели друзья покинули ихъ? Неужели они станутъ искать другого хода?

Но вотъ послышался глухой раскатъ и сотрясеніе, вслѣдъ

за которымъ раздался взрывъ, объяснивъ нашимъ заключеннымъ, что означала эта тишина.

Не оставалось сомнѣнія, что Поль-Луи пустилъ въ ходъ порохъ, чтобы ускорить работу.

— Онъ насъ взорветъ!—смѣясь сказалъ г. Глоагэнъ.

Но въ душѣ онъ былъ совершенно спокоенъ, зная, на сколько опытенъ и искусенъ въ своемъ дѣлѣ Поль-Луи, который употреблялъ порохъ только въ самомъ умѣренномъ количествѣ и то располагая его такъ, чтобы взрывать внаружу уже подготовленную ко взрыву часть скалы.

— Только ему могла придти на умъ такая блестящая мысль,—воскликнула Флорри,—я знала, что онъ не откажется отъ надежды спасти насъ, не предоставитъ насъ нашей участи.

Почти вслѣдъ за этимъ ясно послышались шаги за стѣною и голоса; удары молотовъ и кирокъ возобновились опять, но теперь они слышались такъ близко, что, казалось, съ минуты на минуту должны были проломить стѣну.

— Смѣлѣе, Поль-Луи! смѣлѣе!.. мы здѣсь, мы ждемъ тебя!..

Въ этотъ моментъ г. Глоагэнъ, не спускавшій глазъ со входной двери, замѣтилъ, что за дверью что то скрипнуло и въ замкѣ заскрипѣлъ ржавый ключъ.

— Дѣти, Рана готовится напасть на насъ!—крикнулъ онъ и кинулся къ двери, — Флорри, Чандосъ спѣшите на помощь!.. не дайте ему отпереть двери!..

Дѣйствительно, еще минута, и уже было-бы поздно! Но всѣ трое навалились на дверь плечомъ, и Чандосъ успѣлъ, какъ разъ во время, задвинуть оба внутренніе засова.

Теперь Рана самъ очутился въ тюрьмѣ. Очевидно, взрывъ и потрясеніе скалы заставили его очнуться отъ того страннаго оцѣпенѣнія, въ какое повергла угроза Чандоса. Онъ слышалъ первые удары кирки и молотовъ, но они мало тревожили его, онъ считалъ стѣны грота неуязвимыми.

Но при звукѣ взрыва онъ вдругъ понялъ, что его жертвы уйдутъ изъ его рукъ, и тогда у него явилась мысль отпереть дверь, накинуться на нихъ и предупредить тѣхъ, которые яви-

лись къ нимъ на помощь, чтобы по крайней мѣрѣ успѣть завладѣть священнымъ Зраимфомъ.

Какая страшная борьба могла бы завязаться въ этомъ прекрасномъ гротѣ, не будь здѣсь внутреннихъ и наружныхъ запоровъ и засовъ, не будь эта дубовая дверь, такой надежной и крѣпкой, какъ дверь каземата, да не спаси несчастныхъ заключенныхъ присутствіе духа г. Глоагэна, было бы скверно. Теперь Рана былъ безвреденъ и сознавая свое безсиліе, онъ злобно захлопнулъ форточку. Но Чандосъ выбилъ эту заслонку мощнымъ ударомъ лопаты. Между тѣмъ кирки и заступы работали съ удвоеннымъ усердіемъ, и два часа спустя, обнаружилась небольшая брешь, въ которую, однако, свободно могъ пролѣзть человѣкъ. Минута,—и Поль-Луи первый спустился внутрь грота!

— Флорри! гдѣ вы?—крикнулъ онъ.

Прижавъ ее къ своей груди и убѣдившись, наконецъ, что она жива, онъ обратился и къ г. Глоагэну и къ Чандосу.

Кхасджи со слезами на глазахъ обнималъ и прижималъ къ своей груди поочереди обоихъ дѣтей покойнаго своего начальника.

— А Рана?—спросилъ вѣрный слуга послѣ первой минуты сердечнаго волненія, между тѣмъ какъ капитанъ Мокарю, полковникъ Хюгонъ и майоръ О'Моллой, одинъ за другимъ, спускались черезъ брешь въ гротъ.

Чандосъ молча указалъ на дверь. Кхасджи, схвативъ со стола свѣчу, бросился къ этой двери, и прежде, чѣмъ кто-либо успѣлъ очнуться или угадать его мысль, изъ глубины грота раздался гулъ выстрѣла. Всѣ невольно содрогнулись отъ испуга и ужаса. Это Кхасджи свелъ счеты со своимъ заклятымъ врагомъ.

— Кхасджи, какъ вы посмѣли это сдѣлать, безъ приказанія, въ присуствіи миссъ Робинзонъ?—строго крикнулъ ему капитанъ Мокарю, выхвативъ у него ружье изъ рукъ.

— Надо было, быть можетъ, подождать, пока онъ ее задушилъ бы?—отозвался вѣрный слуга,—нѣтъ, воля ваша, я скорѣе согласенъ сѣсть подъ арестъ, на сколько вы прикажете!

Устроивъ нѣчто въ родѣ лѣстницы, съ помощью стола и

стула, для Флорри, ее вывели черезъ брешь изъ грота, а за нею послѣдовали и всѣ остальные.

Тамъ, на горѣ, мистрисъ О'Моллой ожидала всѣхъ съ холодной закуской, такъ что Чандосъ могъ, наконецъ, насладиться бараньимъ окорокомъ, о которомъ онъ такъ мечталъ нѣсколько часовъ тому назадъ.

Изъ разговоровъ выяснилось, что заключенные всецѣло были обязаны своимъ спасеніемъ Кхасджи; съ самаго того момента, какъ онъ увидѣлъ на пескѣ на сѣверномъ прибрежьѣ острова странные слѣды босыхъ ногъ, онъ внутренно былъ убѣжденъ, что Рана не погибъ и скрывается гдѣ нибудь на островѣ, готовя новыя западни и гибель семьѣ Робинзона.

— Что-же тутъ невозможнаго, — думалъ онъ, — что этого негодяя выбросило волной на какой-нибудь изъ сосѣднихъ островковъ, откуда онъ впослѣдствіи перебрался на этотъ островъ. Вѣдь онъ плавалъ, какъ рыба! Добравшись до острова, онъ поселился въ самой безлюдной его части, скрываясь отъ своихъ враговъ, питаясь плодами и кореньями и подготовляя новыя коварныя козни.

Такъ разсуждалъ мысленно Кхасджи. Съ того момента, какъ онъ увидѣлъ слѣды на пескѣ, онъ сразу угадалъ, что это слѣдъ столь знакомой ему ноги Рана, ноги съ необычайно оттопыреннымъ въ сторону большимъ пальцемъ, но онъ не сказалъ ничего объ этомъ капитану Мокарю, потому что любилъ всегда самъ справляться со своими дѣлами, а забота о цѣлости и безопасности дѣтей покойнаго полковника Робинзона была исключительнымъ и единственнымъ его дѣломъ. И вотъ онъ ни днемъ, ни ночью не спускалъ съ нихъ глазъ и слѣдовалъ за ними повсюду, какъ тѣнь, несмотря на строгое воспрещеніе Чандоса, котораго раздражали этотъ вѣчный присмотръ и охрана.

Принужденный скрываться, чтобы не быть замѣченнымъ, Кхасджи, крадучись, слѣдовалъ издали, скрываясь за кустами.

Въ тотъ день, когда Флорри замѣтила зарубки на деревьяхъ, ведущихъ въ гротъ, Кхасджи замѣтилъ ихъ раньше ея; онъ пришелъ къ подземелью и вошелъ въ него, но, не имѣя съ

собою свѣчи, ничего не могъ разглядѣть. Ему тотчасъ же пришло на умъ, что это подземелье должно служить убѣжищемъ для Рана, хотя онъ и не былъ въ томъ вполнѣ увѣренъ.

Въ тотъ моментъ, когда онъ выходилъ изъ грота, онъ увидѣлъ, какъ г. Глоагэнъ, Чандосъ и Флорри входили въ него. Онъ поспѣшилъ удалиться въ чащу и запрятаться въ кустахъ. Прошелъ часъ, другой, а они все не выходили; встревоженный столь продолжительнымъ отсутствіемъ г. Глоагэна и его двухъ опекаемыхъ, Кхасджи рѣшился, наконецъ, выйти изъ кустовъ и подойти къ гроту, но теперь входнаго отверстія не было нигдѣ. Оно исчезло, точно сама скала надвинулась на него. Обезумѣвъ отъ ужаса, Кхасджи, подозрѣвая въ этомъ странномъ явленіи руку Рана, принялся изслѣдовать всѣ окрестности горы, отыскивая, нѣтъ-ли гдѣ-нибудь другого выхода. Прежніе ходы, прорытые искателями золота и поросшіе теперь травой и кустарникомъ, показались ему въ первую минуту коридорами, ведущими къ гроту, но болѣе тщательный осмотръ доказалъ, что они туда не ведутъ. Между тѣмъ настала уже ночь, продолжать изслѣдованія не было уже никакой возможности; тогда Кхасджи рѣшился вернуться къ заливу на главную квартиру, надѣясь, что, быть можетъ, онъ тамъ застанетъ г. Глоагэна и обоихъ дѣтей. Но, увы, тамъ ихъ не было, и всѣ были сильно встревожены ихъ продолжительнымъ отсутствіемъ.

Теперь Кхасджи рѣшился сообщить, что ему было извѣстно и что онъ имѣлъ основаніе предполагать и подозрѣвать.

Поль-Луи тотчасъ-же принялъ необходимыя мѣры: вмѣстѣ съ капитаномъ Мокарю они созвали все населеніе острова въ полномъ составѣ, и, вооруживъ всѣхъ кирками, молотами и заступами, забравъ съ собою взрывчатые снаряды, всѣ направились къ гроту.

На разсвѣтѣ колонисты со всѣхъ сторонъ стали искать хода. Поль-Луи, со свойственной ему сообразительностью и знаніемъ своего дѣла, сразу нашелъ прокопъ, сдѣланный золотоискателями и ведущій почти къ самой пещерѣ и воспользовался имъ, такъ что, послѣ нѣсколькихъ часовъ работы, ходъ въ гротъ былъ продѣланъ,—и заключенные спасены.

XXII. Островъ Крузое. — Заключеніе.

Во время работъ Поль-Луи былъ до того озабоченъ мыслью найти Флорри, отца и Чандоса, что не обратилъ даже ни малѣйшаго вниманія на характеръ самой скалы, въ которой производились эти работы. Но почти машинально онъ подобралъ комъ красноватой земли, поразившей его своимъ видомъ, и положилъ его въ карманъ.

Этотъ комъ затѣмъ попался ему въ руку.

— Что это? Золотоносная земля? Неужели?

Тогда г. Глоагэнъ разсказалъ все, что ему, Флорри и Чандосу удалось узнать изъ завѣщанія, или исповѣди знаменитаго Робинзона Крузое.

Выслушавъ съ величайшимъ вниманіемъ все, что имѣли сообщить пострадавшіе, капитанъ Мокарю всталъ и заявилъ, что предлагаетъ наименовать этотъ островъ островомъ Крузое и подъ этимъ названіемъ нанести его на карту, чтобы увѣковѣчить память того человѣка, который первый открылъ его и насадилъ въ немъ начатки культуры и цивилизаціи.

— Восточный мысъ пусть сохранитъ названіе Мыса Спасенія, а западный пусть называется Мысомъ де-Фоё... Я занимаю этотъ островъ для Франціи, и пусть онъ всегда будетъ столь же гостепріимнымъ для всѣхъ ея сыновъ, какимъ былъ для перваго своего владѣльца и для всѣхъ насъ!

Заявленіе это было встрѣчено всеобщими радостными криками и даже мистриссъ О'Моллой, которая охотно заявила бы, что всякій никому не принадлежащій островъ или земля, по ея мнѣнію, долженъ принадлежать Великобританіи, на этотъ разъ воздержалась и смолчала.

Мѣсто нахожденія руды и залежей было тотчасъ же оцѣплено часовыми, а золотые пріиски объявлены національной собственностью и ввѣрены всеобщей охранѣ и наблюденію. Извѣстное число рабочихъ, подъ начальствомъ и наблюденіемъ Поля-Луи, должны были разрабатывать эти пріиски и эксплоа-

тировать ихъ для нуждъ колонія, готовить для строющагося фрегата, вмѣсто мѣдныхъ, золотыя части, а также нагрузить золотою рудою фрегатъ, чтобы по прибытіи во Францію грузъ этотъ былъ раздѣленъ между всѣми моряками, солдатами и офицерами, согласно требованіямъ закона о морскихъ призахъ.

20-го іюля, т. е. семь мѣсяцевъ спустя послѣ закладки, фрегатъ торжественно былъ спущенъ на воду и названъ «Гебой».

На вопросъ майора О'Моллой, почему новое судно названо «Гебой», г. Глоагэнъ объяснилъ ему, что «Геба» была дочерью «Юноны». Еще мѣсяцъ спустя, оснастка и паруса были готовы, «Геба» могла принять на себя экипажъ и пассажировъ и выйти въ море, не страшась ни бурь, ни непогоды.

Опыты, произведенные съ нею на рейдѣ, доказали, что устойчивость ея была прекрасная и ходкость необычайная.

Итакъ, менѣе чѣмъ въ десять мѣсяцевъ, эти 400 человѣкъ сумѣли нетолько построить себѣ новое превосходное судно и снабдить его всѣмъ необходимымъ, не говоря уже о полномъ грузѣ золота, сумѣли сдѣлать посѣвы, разработать земли, построить здаія и села, заводы и фабрики, мельницы и лѣсопильни, и все это путемъ упорнаго труда, разумно направленнаго къ общей пользѣ.

Спустя нѣсколько дней послѣ открытія пещеры, или грота, смертные останки знаменитаго Робинзона Крузое были съ благоговѣніемъ схоронены въ могилѣ, вырытой тутъ-же, посреди грота, и надъ ней поставленъ скромный памятникъ съ надписью:

Здѣсь покоится
Робинзонъ Крузое,
Первый обитатель этого острова,
родившійся въ Іоркѣ,
въ графствѣ Іоркъ, въ 1634 г.
Скончавшійся здѣсь, въ этомъ
гротѣ въ 1718 г.

Рана былъ схороненъ на сосѣдней полянкѣ подъ кустомъ.

21-го августа «Геба», принявъ на себя всѣхъ обитателей колоніи, снялась съ якоря и, взявъ курсъ на сѣверо-востокъ, вышла въ открытое море.

Три недѣли спустя, она зашла въ Вальпарайзо, гдѣ брала уголь, откуда, обогнувъ мысъ Іоркъ, заходила въ Бразилію, затѣмъ въ Сенегалъ, потомъ уже прямо пошла на Брестъ. 11-го ноября того-же года она была уже ввиду береговъ Франціи, а на другое утро вошла въ рейдъ.

Капитанъ Мокарю, вернувшійся въ Брестъ съ новымъ фрегатомъ, съ обшивкою изъ листовъ чистаго золота вмѣсто стараго фрегата съ мѣдной обшивкой, былъ встрѣченъ съ большимъ энтузіазмомъ какъ населеніемъ, такъ и морскими властями. А военный совѣтъ, который по закону долженъ судить каждаго командира, потерявшаго свое судно, или часть экипажа, хотя и судилъ его, но судъ этотъ былъ лишь одной формальностью. Къ первому января капитанъ Мокарю былъ повышенъ чиномъ и сдѣланъ командоромъ ордена почетнаго легіона. Большинство изъ его офицеровъ также получили награды и повышенія по службѣ. Изъ матросовъ и солдатъ нѣкоторые, радуясь тому, что послѣ раздѣла груза оказались счастливыми обладателями небольшого капитала и пользуясь тѣмъ, что срокъ ихъ службы истекъ, вернулись къ частной жизни и завели каждый свое маленькое дѣло, торговлю, или мастерскую, или ферму,—другіе безумно растратили въ кутежахъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ это такъ неожиданно свалившееся имъ съ неба богатство. Нѣкоторые-же, съ разрѣшенія правительства, пожелали вмѣстѣ съ своими семьями вернуться на островъ Крузое и основать тамъ колонію.

Теперь положеніе этого острова всѣмъ извѣстно, и если мы не встрѣчаемъ его нанесеннымъ на карту въ нѣкоторыхъ атласахъ, то это только потому, что многіе издатели предпочитаютъ, въ видахъ экономіи, пользоваться старыми литографскими камнями, вмѣсто того, чтобы заводить новые.

Г. Глоагэнъ, какъ почти всѣ ученые, заявлявшіе міру о какихъ-нибудь удивительныхъ или невѣроятныхъ открытіяхъ, наткнулся на глухую оппозицію въ ученомъ мірѣ и принужденъ былъ слышать отъ нѣкоторыхъ завистливыхъ ученыхъ даже такое мнѣніе, что его знаменитый Зраимфъ, спасенный имъ съ такимъ трудомъ во время стольких перипетій, не болѣе какъ

современная вещь съ чисто фантастическими начертаніями, какой-нибудь персидскій аграфъ или крышка отъ тавлинки.

Наряду съ этими научными результатами путешествія гг. Глоагэнъ, путешествіе это имѣло еще другой результатъ, хотя и не научный, но не менѣе важный въ своемъ родѣ: Поль-Луи, ставъ прекраснѣйшимъ инженеромъ-механикомъ, пріобрѣвшій громадную опытность въ своемъ дѣлѣ, несмотря на свой юный возрастъ, и находившійся на великолѣпномъ счету у своего начальства и товарищей, сталъ мужемъ миссъ Флоренсъ Робинзонъ, изъ которой, за время пребыванія ея на островѣ Крузое, успѣла выработаться идеальная супруга, хозяйка и подруга для своего мужа.

Чандосъ поступилъ въ военную школу Сандгёрстъ (Sandhurst) въ Англіи и разсчитываетъ въ непродолжительномъ времени получить патентъ офицера, а Кхасджи ждетъ съ нетерпѣніемъ этого момента, чтобы сопутствовать ему во всѣхъ его походахъ, какъ онъ нѣкогда сопутствовалъ его покойному отцу.

Мистриссъ О'Моллой въ настоящій моментъ находится въ Парижѣ, гдѣ она, какъ и вездѣ, чувствуетъ себя, какъ дома, а майоръ О'Моллой съ тѣхъ поръ, какъ живетъ въ странѣ шампанскаго, пьетъ его несравненно меньше, чѣмъ прежде, и печень его ничуть не страдаетъ отъ этого.

Полковникъ Хюгонъ теперь губернаторомъ на островѣ Крузое, гдѣ всѣ имъ очень довольны, а г. Рети продолжаетъ попрежнему состоять капельмейстеромъ въ своемъ полку.

Кёдикъ теперь ужъ боцманъ на «Гебѣ», а мать его безбѣдно доживаетъ свой вѣкъ въ родномъ Рекуврансѣ, благодаря маленькому капиталу, доставшемуся ей отъ сына, который получилъ его на свою долю при раздѣлѣ приза. Камберуссъ бойко торгуетъ въ Марсейлѣ и пользуется вполнѣ заслуженною репутаціей.

Библіотека Романовъ
[Приключенія на сушѣ и на морѣ]

Изгнанники земли

Соч. А. Лори

С.-Петербургъ
Изданіе П. П. Сойкина
12, Стремянная, 12

Дозволено цензурою. Спб., 21 Февраля 1900 г.

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.

I. Послѣ катастрофы.

Былъ ясный день. Глубокая могильная тишина и мертвое безмолвіе царили въ обсерваторіи, когда Норберъ Моони открылъ глаза и оглянулся кругомъ. Томительный жаръ словно повисъ въ воздухѣ.

Моони не сразу могъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что случилось и много-ли времени прошло съ тѣхъ поръ. Онъ сознавалъ только, что находится теперь въ круглой залѣ „ручекъ", на оттоманкѣ, стоявшей подъ чернаго дерева дощечкой, на которой укрѣплены были слоновой кости ручки съ литерами А и В; онъ лежалъ навзничь, по всѣмъ вѣроятіямъ опрокинутый первымъ сильнымъ толчкомъ катастрофы. Кругомъ царилъ страшный хаосъ и картина полнаго разрушенія: столы, стулья, диваны, шкафы,—все это было опрокинуто, поломано, раскидано, электрическая люстра изогнута и скручена, магнетометръ лежалъ на полу изломанный и разбитый, дорогой фарфоръ чайнаго прибора также весь перебитъ и черепки разбросаны по всей залѣ. Гертруда Керсэнь, Фатима, докторъ Бріэ, Баронетъ и Тиррель Смисъ лежали безъ чувствъ, кто на диванѣ, кто на полу, опрокинутые первымъ ужаснымъ толчкомъ землетрясенія.

Первой заботой молодаго астронома было кинуться на помощь къ Гертрудѣ Керсэнь точно также, какъ и въ моментъ катастрофы послѣднимъ его сознательнымъ дѣйствіемъ было остеречь ее. Онъ нашелъ дѣвушку въ глубокомъ обморокѣ, но, насколько можно было видѣть, безъ малѣйшаго пораненія; пульсъ ея слабо бился, а изъ полу-откры-

тыхъ устъ вылетало слабое дыханіе, подобно дыханію спящаго ребенка.

Едва успѣлъ Норберъ Моони убѣдиться въ этомъ, какъ въ силу какого-то инстинктивнаго движенія бросился къ доктору, который сидѣлъ въ креслѣ, гдѣ его застала катастрофа, и крѣпко спалъ. Онъ сидѣлъ у стола, теперь опрокинутаго и изломаннаго, и, очевидно, собирался выпить свою чашку чая, когда ошеломленный страшнымъ ударомъ потерялъ на время сознаніе, а затѣмъ незамѣтно перешелъ отъ обморока къ крѣпкому сну. Но достаточно было дотронуться до его плеча, чтобы заставить его раскрыть глаза.

Онъ началъ съ того, что сталъ съ особеннымъ усердіемъ протирать ихъ, затѣмъ осмотрѣлся кругомъ, видимо, сильно удивленный тѣмъ, что видитъ передъ собою, потомъ всталъ на ноги и съ минуту стоялъ неподвижно, какъ будто на него нашелъ столбнякъ. Наконецъ, это прошло и тогда онъ обратился къ Норберу Моони, все еще стоявшему подлѣ него, со словами:

— Кой чортъ! Да что это случилось съ нами?

— Къ сожалѣнію, я не могу сказать вамъ сейчасъ ничего положительнаго на этотъ счетъ! — отозвался молодой ученый.—Но, слава Богу, вы уже на ногахъ, докторъ! А это главное!—Пойдемте-же скорѣе, посмотрите, чѣмъ можно помочь вашей племянницѣ, которая лежитъ вонъ тамъ безъ всякихъ признаковъ сознанія, очевидно, это только обморокъ...

Докторъ послушно, но какъ-то автоматически послѣдовалъ за молодымъ человѣкомъ къ дивану, на которомъ лежала безчувственная молодая дѣвушка, машинально взялъ ея руку, нащупалъ пульсъ, но оставался неподвиженъ и не произнесъ при этомъ ни слова.

— Вѣдь, пульсъ еще бьется? тревожно и до нѣкоторой степени досадливо спросилъ его Норберъ Моони, державшій въ своихъ рукахъ другую руку Гертруды.—Что-же надо дѣлать? Говорите-же, докторъ!

Доктору, очевидно, пришлось сдѣлать надъ собой громадное усиліе, чтобы отвѣтить какъ-бы сквозь сонъ.

— Ящикъ съ медикаментами...

Моони сразу понялъ, чего отъ него требовали, въ одну минуту онъ бѣгомъ пробѣжалъ въ смежную комнату, служившую людской, гдѣ находилась обыкновенно маленькая походная аптечка и ящикъ съ медикаментами, о которомъ упомянулъ докторъ. Онъ почти не замѣтилъ Виржилля, который лежалъ растянувшись на полу, поперекъ дороги, и на котораго онъ едва не наступилъ. Не долго думая Моони перескочилъ черезъ безчувственнаго слугу и, захвативъ упомянутый ящикъ, также бѣгомъ вернулся къ тому дивану, гдѣ лежала Гертруда.

— Какое изъ этихъ лекарствъ нужно вамъ? — спросилъ Норберъ Моони, откинувъ крышку ящика,— какую баночку прикажете достать?

— Сѣрный эфиръ! — какъ-то автоматически отвѣтилъ докторъ Бріэ съ неподвижно устремленнымъ въ одну точку безсмысленнымъ взглядомъ.

Молодой астрономъ въ одну минуту распечаталъ флаконъ съ соотвѣтствующей надписью, досталъ его и, не считая нужнымъ обращаться съ дальнѣйшими разспросами къ доктору, самъ поднесъ флаконъ съ эфиромъ къ лицу молодой дѣвушки и сталъ смачивать имъ ея лобъ и виски. Эфиръ этотъ тотчасъ-же подѣйствовалъ освѣжающе на больную, и этого простого пріема леченія было вполнѣ достаточно, чтобы привести молодую дѣвушку въ сознаніе. Она открыла глаза, слегка приподнялась на диванѣ и обвела вокругъ себя удивленнымъ, недоумѣвающимъ взоромъ.

— Фатима! — прошептала она слабымъ еще голосомъ, видя, что ея маленькая служанка лежитъ у ея ногъ все еще въ безчувственномъ состояніи.

— Она еще не пришла въ сознаніе,—отвѣчалъ Норберъ Моони, подходя къ бѣдной дѣвочкѣ и склоняясь надъ нею, чтобы и ей дать понюхать эфиру и брызнуть нѣсколько ка-

пель въ лицо. Будьте спокойны, она сейчасъ очнется! Видите, она уже начинаетъ приходить въ себя...

— Фатима! — повторила еще разъ Гертруда Керсэнь, окликая свою любимицу.

— Добрая госпожа!.. — отозвалась дѣвочка, дѣлая надъ собою усиліе, чтобы встать и приблизиться къ своей госпожѣ.

— Ты очень напугалась, дорогая моя, не правда-ли? ты сильно испугалась?

— Да, госпожа!.. мнѣ было очень страшно!.. Я такъ перепугалась, что чуть не умерла... Но теперь все прошло!.. смотрите, добрая госпожа, я ужъ могу держаться на ногахъ... могу ходить!

И въ подтвержденіе своихъ словъ она дѣйствительно попробовала сдѣлать нѣсколько шаговъ, потомъ, обхвативъ обѣими руками шею Гертруды Керсэнь, стала страстно цѣловать ее въ плечо, а та нѣжно заключила ее въ свои объятія. Тѣмъ временемъ Норберъ Моони приводилъ въ чувства баронета.

— И онъ также только ошеломленъ, не болѣе,—сказалъ Моони, внимательно вглядываясь въ немного поблѣднѣвшее лицо своего пріятеля,—но мнѣ кажется, докторъ, что вы и сами еще не совсѣмъ успѣли очнуться и что легкое вспрыскиваніе эфиромъ будетъ весьма полезно и для васъ,—добавилъ онъ и, не дожидаясь отвѣта или согласія со стороны доктора, тутъ же брызнулъ ему въ лицо эфиромъ.

Дѣйствительно, не успѣлъ Норберъ Моони это сдѣлать, какъ докторъ сразу почувствовалъ себя бодрымъ и вполнѣ сознательнымъ, до того хорошо подѣйствовалъ на него этотъ освѣжительный душъ.

— Да, ваша правда,—проговорилъ докторъ,—я, хотя и пришелъ въ себя, но все же чувствовалъ какъ бы ошеломленнымъ и не вполнѣ сознавалъ, что дѣлаю и что вокругъ меня происходитъ, а теперь я совершенно очнулся... Спасибо вамъ, мой милѣйшій Моони за ваше леченіе! Теперь я опять молодцомъ и гожусь вамъ въ помощники... Посмо-

трите, что съ нашимъ Нобельмэномъ,—шутливо продолжалъ Бріэ,—надо и его разбудить.

Съ этими словами онъ взялъ руку баронета и нащупалъ пульсъ.

— Гм!.. — многозначительно промычалъ онъ. — Пульсъ очень слабый!.. очень слабый... почти неуловимый... Однако, будемъ надѣяться, что дѣло и здѣсь обойдется благополучно!.. Если хорошенько растереть ему затылокъ спиртомъ, то, пожалуй, намъ удастся возвратить его къ жизни. Я самъ сдѣлаю это, а вы, Моони, займитесь тѣмъ, другимъ! — и онъ указалъ кивкомъ головы на Тирреля Смисъ.

— Этимъ дуралеемъ, который натворилъ всю эту бѣду!— досадливо воскликнулъ Норберъ Моони. — Нѣтъ, ужъ извините: я прежде посмотрю, что дѣлается съ моимъ бѣднымъ Виржилемъ.

Съ этими словами молодой ученый побѣжалъ въ смежную комнату, гдѣ все еще лежалъ, распростертый на полу, Виржиль. Онъ приподнялъ его и сталъ усердно растирать лобъ и виски эфиромъ, а потомъ трясти его до тѣхъ поръ, пока тотъ, наконецъ, не сталъ приходить въ себя.

— Эхъ-ма!.. да, вѣдь, ужъ свѣтлый день!.. И мы всѣ слава Богу живы!.. Вотъ это славно!—воскликнулъ Виржиль, когда къ нему вернулось сознаніе.—А, вѣдь, я этого никакъ не ожидалъ, право! Никакъ не ожидалъ, господинъ офицеръ! Когда я вдругъ почувствовалъ этотъ толчекъ и за нимъ страшное землетрясеніе, я не могъ даже устоять на ногахъ. Ну, думалъ я, теперь намъ всѣмъ конецъ!!. А вышло, что все это сущій пустякъ...

Съ этими словами, проворно вскочивъ на ноги, онъ побѣжалъ въ большую круглую залу и принялся все прибирать и приводить въ порядокъ, подбирать осколки стекла и фарфора, подымать и разставлять мебель, словомъ, приводить все по возможности въ надлежащій видъ.

Тѣмъ временемъ докторъ Бріэ не только успѣлъ привести въ чувство сэра Буцефала Когхилль, но и его злосчастнаго образцоваго камердинера. Достопочтенный Тиррель Смисъ

при паденіи украсилъ себѣ лобъ громадной шишкой и, хотя и очнулся, но полное сознаніе не сразу вернулось къ нему.

Сѣвъ на полу на томъ самомъ матикѣ, съ котораго его только что приподняли, Тиррель Смисъ обвелъ залу полусознательнымъ взглядомъ своихъ блеклыхъ голубыхъ глазъ, очевидно, ни мало не сознавая, что онъ, такъ сказать, является прямымъ виновникомъ всей этой катастрофы, вызванной его холопскимъ усердіемъ предупреждать каждое малѣйшее желаніе своего господина. Онъ совершенно недоумѣвалъ, что здѣсь, собственно говоря, случилось. Но первый проблескъ сознанія былъ мыслью объ его собственномъ благополучіи. Какъ только къ нему вернулась способность говорить, первое произнесенное имъ слово было port-wine, едва еще внятное, а затѣмъ уже онъ медленнымъ, беззвучнымъ голосомъ заявилъ о своемъ желаніи получить рюмку портвейна.

— Бутылка въ буфетѣ налѣво!—добавилъ онъ со свойственной ему практической сметкой, свидѣтельствующей о томъ, что его умственныя способности нисколько не пострадали.

— Дайте ему, Виржиль, его стаканчикъ портвейна, да, кстати, ужъ, по тому же самому случаю, дайте и всѣмъ намъ по стаканчику!—сказалъ докторъ, не будучи въ силахъ удержаться отъ смѣха при этомъ типично британскомъ пробужденіи къ жизни.

Виржиль немедленно отправился въ буфетную за упомянутой бутылкой и стаканами и вскорѣ вернулся обратно, и сталъ обносить всѣхъ виномъ.

— Выпьемте, господа, за наше собственное здоровье!—весело воскликнулъ докторъ Бріэ, — всѣ мы имѣемъ на то полное право послѣ того, что намъ пришлось пережить!

Даже и Гертруда Керсэнь, и Фатима должны были сдѣлать по нѣскольку глотковъ изъ предложенныхъ имъ стакановъ, особенно послѣ того, какъ докторъ заявилъ, что это необходимо для подкрѣпленія ихъ силъ. Онѣ повиновались и сразу почувствовали себя гораздо лучше и бодрѣе.

Въ данный моментъ весь наличный гарнизонъ Тэбали

былъ не у дѣлъ, и можно было на свободѣ обмѣняться впечатлѣніями.

— Я, право, не знаю, почему мы держимъ всѣ окна закрытыми?—проговорилъ Норберъ Моони, подходя къ одному изъ оконъ.—Жара положительно нестерпимая!..

Но едва успѣлъ онъ раскрыть жалюзи и отворить окно, какъ сильный порывъ вѣтра тотчасъ же захлопнулъ и окно, и ставню. Это, конечно, было весьма удивительно, тѣмъ болѣе, что всѣ другія окна и двери залы были заперты и сквозного вѣтра никакъ не могло образоваться, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ успѣлъ замѣтить молодой ученый, вѣтеръ этотъ вырывался изнутри наружу, а не снаружи въ комнату.

Удивленный такимъ необычайнымъ явленіемъ, Норберъ Моони невольно обернулся назадъ, чтобы видѣть причину, вызвавшую это явленіе, когда Гертруда Керсэнь, подойдя къ другому окну, въ двухъ шагахъ отъ него, удивленно воскликнула:

— Ахъ, какъ это странно!.. Что за удивительный видъ!.. Я никогда не видала ничего подобнаго!.. Какъ видно, это землетрясеніе перевернуло все вверхъ дномъ! Окрестный пейзажъ совершенно неузнаваемъ!

На этотъ зовъ всѣ присутствующіе поспѣшили подбѣжать къ окну и своими глазами убѣдиться въ тѣхъ измѣненіяхъ, о которыхъ только что говорила молодая дѣвушка.

Перемѣна, происшедшая во всемъ окрестномъ пейзажѣ, была, дѣйствительно разительная. Вмѣсто дикой песчаной равнины, кое гдѣ чуть замѣтно холмистой, вблизи подножія пика Тэбали, столь привычной для жителей обсерваторіи, они видѣли теперь передъ собою дикій хаосъ неприступныхъ горъ самаго угрюмаго, непривѣтливаго и суроваго вида. Казалось, будто вся почва была взрыта подъ вліяніемъ неимовѣрныхъ усилій подземныхъ силъ, взрыта, разбросана, перевóрочена вверхъ дномъ; громадныя скалы нагромождены другъ на друга, такъ что между ними образовались страшныя пропасти и зіяющія ущелья. Всѣ эти горы и скалы отличались удивительнымъ обиліемъ трещинъ и разсѣлинъ

и непривычнымъ разнообразіемъ красокъ: мѣстами виднѣлись ярко-красныя пятна, мѣстами желтыя, но блѣдно-голубой и фіолетовый цвѣта являлись здѣсь преобладающими тонами въ различныхъ окраскахъ и переливахъ этихъ горъ и скалъ, въ которыхъ перемежались всѣ цвѣта радуги какъ-то пестро и дико, но отнюдь не гармонично. Въ глубинѣ всѣхъ этихъ ущелій, рытвинъ и овраговъ можно было видѣть потоки разноцвѣтной лавы, подобныя тѣмъ, какія можно видѣть на верхнихъ скатахъ Этны и Везувія. Кромѣ того, при болѣе тщательномъ осмотрѣ этихъ скалистыхъ горъ, громоздившихся надъ ущельями, оказывалось, что почти всѣ они представляли собою родъ глубокой воронки, т. е. имѣли видъ настоящихъ кратеровъ, отжившихъ, уже давно потухшихъ вулкановъ.

Такого рода кратеры встрѣчались здѣсь на каждомъ шагу самыхъ разнообразныхъ видовъ и размѣровъ: были такіе, что достигали почти невѣроятной вышины, другіе были едва выше маленькихъ сопокъ или холмовъ. Мѣстами они тѣснились другъ къ другу, стоя бокъ объ бокъ, — мѣстами были раскиданы на болѣе или менѣе значительномъ другъ отъ друга разстояніи, начиная отъ десяти—двадцати и до ста метровъ промежутка, на всемъ видимомъ для глаза пространствѣ ограничивая горизонтъ, казавшійся весьма обширнымъ. Но каково именно было разстояніе линіи горизонта отъ обсерваторіи, было весьма трудно опредѣлить вслѣдствіе чрезвычайно страннаго оптическаго явленія: наиболѣе отдаленныя скалы и горы вырисовывались съ точно такой-же ясностью, какъ и ближайшія, со всѣми ихъ мельчайшими подробностями и особенностями!

Вмѣсто того, чтобы постепенно сливаться, уходя въ даль горизонта, эти скалы и горы вставали на самомъ краю неба въ точно такихъ же рѣзкихъ, яркихъ краскахъ и очертаніяхъ, съ тѣми же самыми рельефами, какъ если бы они стояли тутъ, въ какихъ нибудь десяти шагахъ отъ зрителя.

Другимъ, не менѣе любопытнымъ явленіемъ было еще то странное обстоятельство, что тѣни, ложившіяся отъ всѣхъ

этихъ скалъ и вулкановъ подъ ослѣпительно яркимъ свѣтомъ, заливавшимъ всю эту мѣстность, вырисовывались такъ же ярко и рѣзко, какъ и самый предметъ. Они ложились точно громадныя чернильныя пятна безъ малѣйшихъ оттѣнковъ или полутоновъ.

Пейзажъ, какой представлялся въ данный моментъ, носилъ какой-то ужасающій, мертвенный характеръ, болѣе мрачный, чѣмъ любое кладбище при блѣдномъ свѣтѣ луны, свѣтящей сквозь туманъ, а между все было залито яркимъ дневнымъ свѣтомъ. Но нигдѣ ни въ чемъ ни малѣйшаго признака жизни! Ни птички, ни куста, ни деревца, ни даже чахлой блѣдной травки! Ни ручейка, ни озера, ни даже простой лужицы!—ни малѣйшаго шороха или какого либо живаго звука. Какая-то мертвая, подавляющая тишина. Отъ всего этого вѣяло чѣмъ то безнадежнымъ, какимъ-то безотраднымъ одиночествомъ, безжизненной, мертвой пустыней, вѣяло разрушеніемъ и смертью.

Еще одна невѣроятно странная особенность придавала этой картинѣ нѣчто еще болѣе фантастическое и вмѣстѣ наводящее безотчетный страхъ. Нѣсмотря на то, что солнце было почти въ зенитѣ и бросало свои раскаленные огненные лучи на этотъ безотрадный, безплодный хаосъ, все небо было усѣяно безчисленными звѣздами, которыя испещряли точно бѣлые гвоздики, темный, почти черный сводъ неба. Это поразительно мрачное зрѣлище производило такое же непріятное впечатлѣніе, какое производятъ во время похоронъ зажженные вокругъ гроба свѣчи среди бѣлаго дня...

Что-же касается махдистовъ, осаждавшихъ пикъ Тэбали и обложившихъ его со всѣхъ сторонъ кольцомъ многочисленныхъ лагерей, земляныхъ укрѣпленій, баттарей, то отъ всего этого не оставалось и слѣда... Казалось, послѣдняя катастрофа разомъ поглотила палатки, людей, орудія и животныхъ, словомъ,—все, что только оставалось живого на поверхности земли въ этомъ мѣстѣ.

Но болѣе всего удивительнымъ являлось та необычайная высота, съ которой теперь приходилось нашимъ пріяте-

лямъ обозрѣвать окрестность. Оставалось предположить, что вся почва равнины осѣла, опустилась на громадную глубину вокругъ подножья пика въ моментъ катастрофы, а пикъ Тэбали въ тоже време выперло кверху. Такое впечатлѣніе получалось у каждаго изъ обитателей обсерваторіи, глазъ которыхъ уже давно успѣлъ привыкнуть къ вертикальному разстоянію отъ полутораста до тысячи шестисотъ метровъ, отдѣлявшему ихъ отъ долины. Теперь-же получалось такого рода впечатлѣніе, какъ будто они находятся на высотѣ по меньшей мѣрѣ трехъ или четырехъ тысячь метровъ, если еще не болѣе того.

Эти наблюденія, не полныя для однихъ, непонятныя и ничего не говорящія для другихъ, схваченныя на лету однимъ небрежнымъ взглядомъ третьими, тѣмъ не менѣе повергли всѣхъ жителей обсерваторіи въ глубокое недоумѣніе и удивленіе, но никто не произнесъ ни слова, всѣ молчали. Казалось, всѣ они не могли вѣрить своимъ глазамъ,—ни довѣрять своему пониманію, имъ будто не хватало глазъ и вниманія, чтобы все хорошенько разглядѣть и вникнуть въ смыслъ того, что они видѣли передъ собой.

Вдругъ Норберъ Моони, какъ бы внезапно осѣненный какою то мыслью, кинулся къ выходнымъ дверямъ. Онъ выбѣжалъ на эспланаду, но едва сдѣлалъ два три шага, какъ тотчасъ же почувствовалъ невыносимое чувство удушья. Легкимъ его недоставало воздуха, кровь прилила къ вискамъ, ему сдѣлалось дурно, онъ пошатнулся и чуть было не лишился чувствъ, но понявъ, что еще одна секунда,—и онъ задохнется, молодой ученый изъ послѣднихъ силъ бросился назадъ въ обсерваторію.

Очутившись опять въ бальшой круглой залѣ, Норберъ Моони почувствовалъ себя опять отлично, онъ даже испыталъ какое то чувство невыразимаго благосостоянія; легкія его снова вдохнули въ себя воздухъ, онъ положительно ожилъ и дышалъ съ полнымъ наслажденіемъ... Затѣмъ, къ нималому удивленію всѣхъ присутствующихъ, едва только онъ успѣлъ очнуться, какъ поспѣшилъ какъ можно плотнѣе

захлопнуть дверь, остававшуюся неприпертой, и тотчасъ-же потребовалъ ваты и конопатки и съ удивительной энергіей принялся задѣлывать всѣ малѣйшія скважины и отверстія... Покончивъ съ дверью, онъ сталъ производить ту же операцію и надъ всѣми окнами.

— Что вы дѣлаете?—съ улыбкой спросилъ его баронетъ. Неужели вы такъ боитись сквозного вѣтра?...

— Нѣтъ, но я стараюсь сохранить тотъ небольшой запасъ воздуха, какой еще имѣется у насъ здѣсь! — просто отвѣтилъ Норберъ Моони,—какъ только истощится тотъ воздухъ, какой имѣется у насъ въ обсерваторіи, мы должны будемъ остаться безъ воздуха.

Всѣ удивленно переглянулись между собой.

Неужели катастрофа могла такъ повліять на умственныя способности бѣднаго Норбера Моони, всегда столь спокойнаго и разсудительнаго, столь обдуманнаго въ своихъ словахъ и дѣйствіяхъ?.. Неужели онъ помѣшался, или это просто галлюцинація мимолетный, нервный припадокъ?.. Такія мысли молодой ученый ясно прочелъ въ глазахъ почти всѣхъ своихъ друзей, въ томъ числѣ и доктора Бріэ, и не могъ удержаться отъ улыбки.

— Успокойтесь, друзья мои, я огнюдь не лишился разсудка и не помѣшался, какъ вы, кажется, склонны думать... Но я имѣю сообщить вамъ одну новость, которая, вѣроятно покажется вамъ очень важной, но которой никто изъ васъ даже и не подозрѣваетъ, какъ я вижу!.. Мадемуазель Керсэнь,—обратился онъ къ Гертрудѣ,—скажите, можете-ли вы вынести такую новость, которая непремѣнно должна сильно поразить васъ и при томъ, какъ я опасаюсь, не только поразить, но и огорчить?

Гертруда разомъ поблѣднѣла, но взглядъ ея ясныхъ глазъ по прежнему ничѣмъ не омрачился, а выраженіе лица дышало мужествомъ и рѣшимостью.

— Говорите, г. Моони!—отвѣчала она со свойственнымъ ея характеру чувствомъ такта и достоинства.—Обѣщаю вамъ

мужественно выслушать все, что вы имѣете сказать всѣмъ намъ, какъ-бы ужасно это ни было!

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло, друзья мои, продолжалъ Норберъ Моони,—глядя на измѣненія, происшедшія вокругъ насъ, вы, вѣроятно, полагали, да и теперь еще полагаете, я въ томъ увѣренъ,—что все это превращеніе есть результатъ той страшной катастрофы, благодаря которой и сами мы чуть не поплатились жизнью? Но въ сущности это вовсе не то! Ничто вокругъ насъ не измѣнилось... но сами мы перемѣнили мѣсто!.. Мы въ настоящее время уже не осажденные магдистами, а люди, потерпѣвшіе необычайное крушеніе! Мы не въ Суданѣ, не въ Африкѣ... даже не на земномъ шарѣ, господа!.. Мы перенесены вмѣстѣ съ нашей обсерваторіей на луну!..

— На луну! — воскликнулъ серъ Буцефалъ Когхиль... Неужели! Такъ эти скалы, эти безчисленные кратеры, весь этотъ странный, мертвый пейзажъ, который окружаетъ насъ теперь, все это лунный пейзажъ? да?

— Безъ сомнѣнія!—подтвертилъ Моони. — Я еще недостаточно освоился самъ, чтобы могъ объяснить вамъ въ точности, какъ все это могло произойти и почему мы, захваченные катастрофой на возвышенности пика Тэбали, перенесены со всѣмъ насъ окружающимъ сюда, на одну изъ горныхъ возвышенностей лунной поверхности... Полагаю, что внезапное прекращеніе дѣйствія магнита и обратное движеніе, данное тѣмъ самымъ нашему сателлиту въ тотъ самый моментъ, когда луна готова была коснуться земли, т.е. окончательно спуститься на землю, вызвали взрывъ скрытыхъ вулканическихъ силъ, а благодаря сильному подземному толчку, подбросившему насъ въ воздухъ, мы попали въ сферу притяженія Луны... Это не болѣе, какъ простое предположеніе, и я отнюдь не смѣю выдавать его за нѣчто безусловно вѣрное... Но несомнѣнно, что мы перенесены въ совершенно новый, неизвѣданный міръ, отстоящій отъ нашего земнаго міра на громадное разстояніе. Этотъ новый міръ, эта новая планета ничто иное, какъ луна, что намъ ясно

доказываетъ все окружающее. Вы видите, что все ничуть не походитъ на какой-бы то ни было видъ на земномъ шарѣ!.. Что-же касается меня, то я сейчасъ выходилъ и имѣлъ случай убѣдиться, что здѣшняя атмосфера, если только она существуетъ, совершенно непригодна для дыханія.

— Словомъ,—сказала кротко и спокойно Гертруда Керсэнь,—вы вполнѣ увѣждены и ни мало не сомнѣваетесь въ томъ, что мы теперь находимся на лунѣ?

— Я убѣжденъ въ этомъ настолько, — отвѣтилъ Норберъ Моони, — что, какъ видите, тотчасъ-же поспѣшилъ принять самыя необходимыя мѣры, законопативъ всѣ двери и окна.

— Но въ такомъ случаѣ, — продолжала Гертруда Керсэнь, — такъ какъ главная цѣль вашихъ трудовъ, къ которой вы стремились, было добраться до луны, я, право, не вижу, что-же тутъ такого особенно ужаснаго, въ томъ что мы дѣйствительно очутились на лунѣ! — Гертруда проговорила это главнымъ образомъ для того, чтобы успокоить Фатиму, которая, очевидно, была въ ужасѣ отъ этого неожиданнаго событія.

— Что тутъ ужаснаго!.. Ужаснаго!.. воскликнулъ баронетъ. — Во всякомъ случаѣ здѣсь весьма мало утѣшительнаго или веселаго, если только это, дѣйствительно, такъ, въ чемъ я, однако, еще склоненъ сомнѣваться! Однако, пусть-бы мы въ самомъ дѣлѣ оказались на лунѣ,— это еще не такъ скверно, — но очутиться безъ воздуха, — это дѣло другое!.. И если только я подумаю,—добавилъ онъ, метнувъ гнѣвный взглядъ на несчастнаго Тирреля Смисъ, — что мы благодаря этому дураку можемъ очутиться въ подобномъ положеніи, то это невольно приводитъ меня въ бѣшенство!

Злополучный слуга и такъ уже былъ въ полномъ отчаяніи отъ одного сознанія, что находился теперь на лунѣ. Когда-же онъ увидѣлъ, что на него взваливалась еще такая вина, такая страшная отвѣтственность, что онъ сталъ предметомъ гнѣва и негодованія для своего господина, то бѣдняга не могъ ужъ болѣе вынести такого страшнаго для

его самолюбія удара. Колѣни подъ нимъ подогнулись, и онъ повалился на полъ, какъ пустой мѣшокъ и остался безъ движенія, ошеломленный, безсмысленный, повторяя сквозь зубы: „Дуракъ!.. дуракъ!..

II. Забавная Страна.

Когда первый моментъ недоумѣнія прошелъ, и Тиррель Смисъ успѣлъ немного придти въ себя отъ испытаннаго имъ потрясенія, всѣ стали понемногу освѣдомляться у Норбера Моони, что при данныхъ новыхъ условіяхъ было всего важнѣе для общаго благополучія.

— Если я хорошо васъ понялъ,—проговорилъ докторъ Бріэ,—вы полагаете, что мы въ настоящій моментъ дышемъ еще запасомъ земнаго воздуха, сохранившимся у насъ въ стѣнахъ обсерваторіи и не успѣвшимъ еще израсходоваться?

— Да, именно такъ!

— И разъ этотъ запасъ истощится, то намъ суждено далѣе оставаться безъ воздуха?

— Несомнѣнно такъ!

— Но въ такомъ случаѣ,—замѣтилъ докторъ, видимо, встревоженный,—чѣмъ-же мы будемъ дышать?

— Вы спрашиваете, что мы будемъ дѣлать и чѣмъ дышать,—спокойно, улыбаясь отвѣтилъ Норберъ Моони,—мы тогда постараемся фабриковать воздухъ, вотъ и все!... Развѣ вы позабыли о нашихъ запасахъ различныхъ химическихъ веществъ, о нашихъ дыхательныхъ снарядахъ и всѣхъ необходимыхъ въ подобномъ случаѣ аппаратахъ?... Да, между прочимъ, мнѣ слѣдуетъ пойти сейчасъ же въ кладовыя и осмотрѣть все это. Для меня интересно узнать, въ какомъ положеніи находятся наши магазины....

Въ сопровожденіи доктора Бріэ и Гертруды Керсэнь молодой ученый направился черезъ галлерею телескоповъ въ магазины и склады обсерваторіи.—Повидимому, галлерея нисколько не пострадала во время катастрофы точно такъ-же,

какъ и всѣ склады и магазины, которые они обошли. Быстрый, но тѣмъ не менѣе внимательный осмотръ доказалъ нашимъ посѣтителямъ магазиновъ, что за исключеніемъ немногихъ, въ сущности совершенно незначительныхъ поврежденій, въ родѣ опрокинутыхъ тутъ и тамъ банокъ или горшковъ, двухъ—трехъ разбитыхъ склянокъ, все остальное прекрасно вынесло страшный толчокъ землятресенія и уцѣлѣло, какъ нельзя было даже ожидать. Главнымъ образомъ всѣ машины и орудія, утвержденныя въ полу, т. е. привинченные къ полу крѣпкими винтами, не тронулись съ мѣста и оставались совершенно не поврежденными; отдѣльные же аппараты, сохранявшіеся въ своихъ упаковочныхъ ящикахъ или же обернутые соломой, казались только что полученными отъ фабрикантовъ. Это главнымъ образомъ можно было сказать объ ящикахъ Каррэ, или кислородныхъ респираторахъ, которыхъ было около трехъ дюжинъ, сложенныхъ всѣ вмѣстѣ въ одномъ помѣщеніи. Норберъ Моони призвалъ сейчасъ Виржиля, приказалъ распаковать нѣсколько такихъ ящиковъ и перенести ихъ въ лабораторію, чтобы привести ихъ полную готовность на случай надобности. Все это было дѣломъ десяти минутъ, не болѣе, такъ какъ добываніе кислорода является однимъ изъ самыхъ элементарныхъ и самыхъ быстрыхъ химическихъ опытовъ.

Ящики эти или, вѣрнѣе, резервуары, будучи разъ наполнены газомъ, не представляли болѣе никакихъ хлопотъ. Норберъ Моони одѣлъ одинъ изъ нихъ себѣ на спину съ помощью помочей изъ широкихъ ремней въ родѣ того, какъ это бываетъ у тирольскихъ и швейцарскихъ горцевъ съ ихъ спинными корзинами.

Самые аппараты эти очень напоминали такія корзины по внѣшнему виду, т. е. по формѣ своей, хотя были сдѣланы изъ бѣлаго желѣза и кромѣ того имѣли сверху довольно большіе кожаные мѣшки. Мѣшокъ этотъ оканчивался подъ лѣвою рукой небольшимъ добавочнымъ пузыремъ, который стоило только слегка прижать локтемъ, чтобы пропустить извѣстное каличество кислорода въ каучуковую

трубку, герметически, примыкавшую къ рту и носу человѣка, благодаря тонкой мѣдной полумаскѣ, выложенной по краямъ мягкими замшевыми подушечками.

Снарядившись такимъ образомъ, молодой ученый захватилъ съ собою карманный компасъ, зрительную трубу, ружье и вернулся въ круглую залу. Здѣсь онъ засталъ баронета, который при видѣ его въ такомъ нарядѣ, поспѣшилъ освѣдомиться.

— На кого это вы, другъ мой, идете войной въ такомъ вооруженіи?

Молодой англичанинъ чувствовалъ непреодолимую потребность воздѣйствовать противъ начинавшей его одолѣвать тоски и чувства грусти.

— Я просто собрался предпринять маленькую прогулку съ цѣлью изслѣдовать окрестности! — отвѣчалъ молодой острономъ.—Во всемъ этомъ дѣлѣ есть нѣчто такое, что меня сильно интересуетъ, а именно, я хочу уяснить себѣ, какимъ путемъ мы могли одновременно очутиться и на лунѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ стѣнахъ нашей обсерваторіи. Можно только предположить, что вся вершина Тэбали цѣликомъ была оторвана и перенесена на луну... Не пройдетъ и четверти часа, какъ я буду навѣрное знать, какъ все это случилолъ...

— Нѣтъ ли какой нибудь возможности принять участіе въ этой интересной экспедиціи?—поспѣшилъ освѣдомиться сёръ Буцефалъ.—Я бы съ величайшимъ удовольствіемъ отправился съ вами, милый мой Моони!

— Ничего не можетъ быть легче, баронетъ;—стоитъ вамъ только снарядиться вотъ такъ, какъ я сейчасъ, т. е. вооружиться респираторомъ Каррэ, а я какъ разъ зарядилъ ихъ штукъ пять или шесть. Тогда ничто не мѣшаетъ вамъ отправиться на прогулку вмѣстѣ со мною! — Виржиль, сходи-ка, принеси намъ сюда еще одинъ такой снарядъ!

— А намъ развѣ нельзя принять участія въ вашей экспедиціи?—воскликнули почти одновременно докторъ Бріэ и Гертруда Керсэнь.

— Я полагаю, что было-бы благоразумнѣе отказаться

на этотъ разъ отъ вашей мысли!—сказалъ Норберъ Моони.— Во первыхъ, намъ необходимо беречь по возможности наши запасы кислорода и не расходовать ихъ понапрасно, а потому позвольте намъ съ сѐромъ Безцефаломъ однимъ отправиться на эту первую рекогносцировку,—затѣмъ, если не предвидится никакой особой опасности или какихъ либо чрезвычайныхъ неудобствъ, то и вы въ свою очередь отправитесь дѣлать открытія.

Уладивъ такимъ образомъ этотъ вопросъ и снарядивъ, какъ должно, сера Буцефала, наши пріятели, не тратя даромъ времени, собрались въ походъ.

— Меня не менѣе васъ интересуетъ вопросъ о томъ, какимъ путемъ наша обсерваторія перемѣстилась на луну!— сказалъ баронетъ,—если только она и мы вмѣстѣ съ нею, дѣйствительно, находимся теперь на лунѣ! — добавилъ онъ почти тотчасъ же.

— Какъ!? Неужели вы все еще сомнѣваетесь въ этомъ?— воскликнулъ Норберъ Моони.—Ну, вы теперь не долго уже будете сомнѣваться, милый другъ... Пойдемте! Пора и въ путь!.. Въ данный моментъ мы съ вами очень похожи на двухъ сбитеньщиковъ гдѣ-нибудь въ пригородной слободѣ. Но на врядъ-ли встрѣтится здѣсь кто-нибудь, кто бы посмѣялся надъ нами!..

Въ этотъ моментъ, когда наши пріятели готовились уже отворить дверь и выйти наружу, Тирилль Смисъ кинулся къ своему господину.

— Серъ Буцефалъ выходитъ изъ дома безъ завтрака!— почти съ отчаяніемъ въ голосѣ воскликнулъ примѣрный слуга и затѣмъ тономъ приниженной мольбы добавилъ, — такъ благоволите по крайней мѣрѣ захватить съ собою этотъ шоколадъ и бисквиты.

— Ну, можно-ли сердиться на этого скотину?—воскликнулъ баронетъ, не будучи въ силахъ подавить улыбку и, не желая огорчить въ конецъ своего вѣрнаго слугу, сталъ запихивать въ карманы вышеупомянутые съѣстные припасы.—

вѣдь, онъ положительно биткомъ набитъ всякаго рода добрыми намѣреніями по отношенію ко мнѣ!..

Дверь осторожно пріотворилась, и молодые люди поспѣшили какъ можно скорѣе проскользнуть, затѣмъ снова крѣпко-на-крѣпко притворить ее за собою.

Собственно эспланада пика Тэбали не испытала никакихъ замѣтныхъ измѣненій.

Наши изслѣдователи прошли по ней быстрымъ шагомъ, не останавливаясь, и направились къ большой извилистой дорогѣ, которая вела къ подножію горы Тэбали. Къ немалому удивленію Норбера и вопреки всякаго его ожиданія, оказалось, что и эта большая дорога нисколько не пострадала во время катастрофы; она нигдѣ не прерывалась и по прежнему змѣйкой спускалась по скату горы, оканчиваясь на уровнѣ стекляннаго слоя, подведеннаго стараніями Норбера Моони подъ основаніе горы. Но вмѣсто того, чтобы тамъ оканчиваться на обширномъ горномъ плато, эта дорога, какъ оказывалось, прекращалась на весьма значительномъ разстояніи отъ нижней долины. Кромѣ того, вмѣсто того, чтобы быть обращенной къ востоку, дорога была обращена къ сѣверу, какъ это несомнѣнно доказывали и самое положеніе солнца, и магнитная стрѣлка карманнаго компаса Норбера Моони, по которому онъ тутъ же провѣрилъ свои наблюденія надъ солнцемъ. Во всякомъ случаѣ не подлежало сомнѣнію, что не только вершина Тэбали, но и весь пикъ, т. е. вся гора эта цѣликомъ перемѣстилась съ поверхности земного шара на поверхность луны, благодаря какой-то чрезвычайной, сверхъестественной силѣ.

Жара была положительно нестерпимая подъ отвѣсными почти лучами солнца, весьма схожаго по виду и размѣрамъ съ видомъ и размѣромъ солнца, видимаго съ поверхности земного шара. Но Норберъ Моони привычнымъ глазомъ опытнаго астронома съ несказанною радостью замѣчалъ, что отсюда даже простымъ, невооруженнымъ глазомъ можно видѣть гораздо болѣе рѣзкія выпуклости на солнцѣ, чѣмъ даже съ помощью телескоповъ въ подлунныхъ обсерваторіяхъ. Это

обстоятельство, равно какъ и присутствіе свѣтилъ на небесномъ сводѣ среди яркаго бѣлаго дня объяснялось, конечно, несомнѣнной разрѣженностью и прозрачностью атмосферы. Атмосфера земного шара подобно тонкой дымкѣ или пеленѣ застилаетъ отъ насъ свѣтила, тогда какъ атмосфера луны позволяетъ свободно проникать какъ свѣтовымъ, такъ и тепловымъ лучамъ свѣтилъ и не придаетъ небесамъ того пріятнаго лазореваго цвѣта, къ которому мы такъ привыкли; здѣсь небо черно, какъ чернила.

Кромѣ сильнаго ощущенія жары, удушливой и палящей, жары какой-то раскаленной печи, наши два молодыхъ изслѣдователя ощущали еще странное чувство необычайной легкости своего тѣла. Они положительно не чувствовали на себѣ тяжести своего собственнаго тѣла, едва касались земли на ходу, при чемъ, сами того не замѣчая, почти на каждомъ шагу продѣлывали удивительнѣйшіе акробатическіе фокусы; такъ, напр., чтобы обойти камень, лежавшій на пути, они дѣлали прыжки въ четыре и пять метровъ. Такого рода удивительныя гимнастическія упражненія продѣлывались ими такъ невольно и безсознательно, что каждый изъ двухъ спутниковъ замѣчалъ ихъ не на самомъ себѣ, а только на своемъ товарищѣ.

Норберъ съ удивленіемъ слѣдилъ за положительно диковиннымъ скачкомъ баронета, который, сдѣлавъ громадный прыжокъ съ легкостью и ловкостью горной серны, едва коснувшись земли, отскочилъ точно резиновый мячъ,—затѣмъ продолжалъ идти своей обычной походкой.

— Нѣтъ, это что-то совершенно невѣроятное! — думалъ молодой ученый.—Онъ долженъ безусловно чувствовать себя разбитымъ и усталымъ, какъ и всякій изъ насъ послѣ такихъ скачковъ... Несчастный непремѣнно сломаетъ себѣ шею, если будетъ продолжать спускаться съ горы такимъ необычайнымъ способомъ!..

Но въ тотъ же самый моментъ, желая обойти небольшую трещину почвы, Норберъ Моони отступилъ шагъ назадъ и вдругъ почувствовалъ, что его приподняло на высоту отъ

пяти до шести метровъ и затѣмъ нечувствительно опустило снова на землю.

Баронетъ, только что продѣлавшій, самъ того не сознавая, свой удивительный скачекъ, теперь съ невѣроятнымъ изумленіемъ смотрѣлъ на своего спутника и, казалось, былъ въ высшей степени скандализованъ его выходками.

— Вотъ оно что!—подумалъ тотчасъ же молодой астрономъ,—теперь я понимаю, въ чемъ штука: вѣдь, это законъ притяженія (силы тяжести) играетъ съ нами эти шутки!.. На лунѣ сила тяжести въ шесть разъ меньше, чѣмъ на землѣ. Изъ этого, конечно, слѣдуетъ, что наша мускульная сила „ушестеряется“ и противъ воли превращаетъ насъ въ безсознательныхъ акробатовъ!..

Придя къ такому выводу, Норберъ Моони никакъ не могъ удержаться отъ желанія подѣлиться съ баронетомъ своими соображеніями. Раздвинувъ слегка надъ губами составныя части своей мѣдной полумаски, закрывавшей ему губы, онъ сказалъ:

— Ну, что, милѣйшій другъ мой, вѣрите вы теперь въ путешествіе на луну?..

Но, къ немалому удивленію молодого ученаго, онъ не получилъ рѣшительно никакого отвѣта.

Баронетъ, очевидно, не обращая на него ни малѣйшаго вниманія, собирался перескочить громаднѣйшимъ прыжкомъ крошечную проточину, вѣроятно, оставленную дождями и пролегавшую какъ разъ на его пути. Судя по его молчанію и совершенно безучастному выраженію его лица, Норберъ Моони предположилъ было сначала, что серъ Буцефалъ желаетъ показать ему этимъ нѣкоторое чувство недовольства или обиды. Но какая могла быть у него на то причина? Изъза чего, собственно говоря, могъ онъ дуться на него?— Вотъ чего никакъ не могъ рѣшить нашъ молодой ученый.

— А, впрочемъ!—подумалъ онъ,—пусть себѣ дуется, если это ему такъ нравится! Странный онъ, право, человѣкъ... и странная теперь минута, чтобы дуться здѣсь другъ на друга и дѣлаться придирчивыми изъ-за пустяковъ!.. Что, собственно

говоря, можетъ онъ имѣть противъ меня? Развѣ только то, что я смѣялся надъ его странными прыжками и скачками?.. Ну, да Богъ съ нимъ, пусть дѣлаетъ какъ знаетъ!..

Вдругъ онъ прервалъ себя посреди этихъ размышленій и разразился хохотомъ, котораго, однако, вовсе не было слышно. Теперь только ему пришло на умъ, что онъ произнесъ только эти слова, но не сказалъ ихъ, потому что звука не послѣдовало. Дѣло въ томъ, что на лунѣ не существуетъ ни звука голоса, ни какого-бы то ни было другого звука; не существуетъ и не можетъ существовать, потому что атмосфера, слишкомъ разрѣженная, не вибрируетъ.

— Бѣдняга Буцефалъ!—подумалъ теперь опять Норберъ Моони,—а я то еще обвинялъ его въ томъ, что онъ на меня дуется, точно капризный ребенокъ!.. Правда, онъ смотритъ не совсѣмъ довольнымъ!.. Онъ раза два или три снималъ маску; можетъ быть, и онъ говорилъ мнѣ что-нибудь!.. Возможно, что и онъ обращался ко мнѣ нѣсколько разъ съ вопросами, которые, подобно моему, остались безъ отвѣта... И вотъ теперь онъ, вѣроятно, въ свою очередь мысленно спрашиваетъ себя, какая муха меня укусила, что безъ всякой видимой причины не удостоиваю его отвѣта... Но какимъ образомъ объяснить ему теперь все это?.. Пусть ужъ это останется до нашего возвращенія въ обсерваторію!

Очевидно, оставалось лишь наблюдать въ молчаніи геологическій характеръ той мѣстности, въ которой они очутились, что и дѣлалъ Норберъ Моони съ величайшимъ интересомъ и вниманіемъ. Въ данный моментъ онъ и его спутникъ находились приблизительно на 1,200 метровъ ниже уровня обсерваторіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ они не достигли еще и половины пути, отдѣлявшаго ихъ теперь отъ долины. Проведенная имъ по скату Тэбали большая дорога, конецъ которой еще виднѣлся вдали, вдругъ обрывалась, упираясь въ довольно пологій косогоръ, служившій какъ-бы продолженіемъ этой дороги и ведущій прямо въ долину. Спускъ этотъ казался довольно удобнымъ и не представлялъ собою ника-

кихъ особыхъ затрудненій, хотя никакой дороги на немъ не было.

Трудно себѣ представить, что нибудь болѣе разительное, чѣмъ контрастъ между скалою, представлявшей собою пикъ Тэбали, и той, изъ которой состоялъ этотъ пологій спускъ въ долину. И цвѣтъ, и внѣшній видъ, и всѣ мельчайшія подробности, все это было совершенно другое. Между тѣмъ какъ почва Тэбали была темно-бураго цвѣта, поросшая тонкой блѣдно-желтой травой и мѣстами разнообразнымъ кустарникомъ, почва нижняго ската была блѣдно-зеленоватаго цвѣта съ лиловатыми и сѣрыми прожилинами съ переливчатыми оттѣнками, безъ малѣйшаго признака какой-бы то ни было растительности.

Это были двѣ совершенно различныя зоны, рѣзко отличавшіяся одна отъ другой: одна изъ нихъ, верхняя, составлявшая пикъ Тэбали, другая, нижняя, представлявшая собою одну изъ лунныхъ горъ. А еще ниже раскинулась взбаломученная равнина, усѣянная цѣлой серіей малыхъ и средней величины потухшихъ вулкановъ, безмолвно обратившихъ свои черныя зіяющія пасти къ черному мрачному небу.

Но вмѣсто того, чтобы спуститься внизъ по скату лунной горы, служившему, такъ сказать, продолженіемъ большой дороги, Норберъ Моони предпочелъ обойти горизонтально на протяженіи трехъ, четырехъ километровъ вокругъ бывшаго подножія пика и сразу убѣдиться при этомъ, что дѣйствительно пикъ Тэбали весь цѣликомъ былъ подброшенъ въ воздухѣ и переброшенъ на луну, на которую опять-таки упалъ на свое основаніе... Это, конечно, могло казаться довольно страннымъ, но если предположить взрывъ подземныхъ силъ, вызванный внезапнымъ отдѣленіемъ луны, то весьма естественно, что пикъ Тэбали отскочилъ отъ своей песчаной подпочвы, отъ которой онъ былъ изолированъ, какъ зубъ отъ своей ячейки. Разъ отдѣлившись отъ земли, въ силу самой однородности своей, скала Тэбали должна была остаться цѣльной и нераздѣльной. Наконецъ, если метательная сила была настолько велика, что подкинула эту гору

въ сферу притяженія луны, — что отнюдь не удивительно, такъ какъ въ тотъ моментъ луна готова была коснуться земли, — коническая форма пика дѣлала неизбѣжнымъ то, что онъ сѣлъ на свое основаніе, а не иначе... Да, это уже было не только возможно, но прямо-таки неизбѣжно! Законы тяготѣнія не знаютъ никакихъ исключеній: коснись-ли дѣло магнитной горы вѣсомъ въ нѣсколько милліоновъ киллограмовъ или мѣченныхъ игральныхъ костей, законъ остается все тотъ-же! А пикъ Тэбали былъ въ своемъ родѣ именно мѣченной игральной костью: разъ брошенный, онъ непремѣнно долженъ былъ упасть на тяжелѣйшую свою сторону, т. е. на свое основаніе...

Теперь являлся вопросъ, какимъ образомъ это паденіе могло быть такъ сильно смягчено, что обитатели пика Тэбали почти не пострадали отъ него. На это были двѣ причины: первая заключалась въ слабомъ дѣйствіи силы тяжести на поверхности луны, вслѣдствіе чего вся гора Тэбали могла опуститься на луну, какъ птица опускается на вѣтку или какъ дѣлаю это я и милый баронетъ послѣ каждаго чудовищнаго скачка или прыжка; вторая-же причина заключается въ этой самой горѣ, которая какъ разъ встрѣтилась здѣсь и такъ сказать приняла на себя пикъ Тэбали...

Такъ разсуждалъ самъ про себя Норберъ Моони, но оставалось еще кое-что, что онъ непремѣнно хотѣлъ выяснить себѣ, а именно, была-ли эта лунная гора, служащая теперь, такъ сказать пьедесталомъ пику Тэбали, кратеромъ или просто скалой? Всѣ данныя клонились въ сторону перваго изъ этихъ двухъ предположеній. Во первыхъ, повсюду кругомъ виднѣлись только одни кратеры и вся эта мѣстность, насколько только хваталъ глазъ, носила несомнѣнно вулканическій характеръ; затѣмъ, гораздо легче было предположить, что кратеръ, какъ усѣченный конусъ, могъ вздѣть на себя какъ колпакъ на голову магнитную скалу Тэбали, чѣмъ предположить, что эта скала вскочила и умѣстилась на вершинѣ другого такого-же пика.

Обходя вокругъ прежняго основанія Тэбали, наши моло-

дые изслѣдователи пришли, наконецъ, на родъ широкой террасы, образуемой въ этомъ мѣстѣ значительнымъ выступомъ пьедестала. Отсюда открывался несравненно болѣе обширный горизонтъ, чѣмъ по ту сторону горы. И вотъ теперь они могли убѣдиться, что это море малыхъ и средней величины кратеровъ, которыми была усѣяна вся равнина, къ югу и востоку шли, замѣтно понижаясь и переходя незамѣтно въ низменную песчаную мѣстность, тогда какъ къ сѣверу и западу они громоздились уступами до высоты настоящей горной цѣпи, тянувшейся въ указанномъ выше направленіи. Это самое обстоятельство, въ связи съ своеобразнымъ, характернымъ видомъ этой горной цѣпи, являлось, такъ сказать, указаніемъ для молодаго астронома.

Онъ машинально обернулся, чтобы сообщить свои наблюденія и соображенія сэру Буцефалу, но, вспомнивъ въ тотъже моментъ, что нѣтъ никакой возможности передать, что либо посредствомъ звуковъ, досталъ изъ кармана свою записную книжку, быстро набросалъ въ ней кроки мѣстности и передалъ ее баронету, добавивъ къ рисунку пояснительную замѣтку.

— Мнѣ кажется, что мы опустились на кратеръ Rhéticus, и что эта горная цѣпь представляетъ собою ничто, иное какъ цѣпь Лунныхъ Аппенинъ. Вотъ тѣ песчаныя равнины, надо полагать, представляютъ изъ себя Море Паровъ, Море Спокойствія и Море Ясное или Море Ясности.

Прочитавъ эту замѣтку, молодой англичанинъ возвратилъ записную книжку Норберу, безполезно пошевеливъ при этомъ губами.

Замѣтивъ это, Норберъ Моони поспѣшилъ написать на другомъ листкѣ своей книжки:

— Я не могу говорить съ вами иначе, какъ только письменно, потому что на Лунѣ не существуетъ никакого звука, никакой вибраціи воздуха.

— Аа! такъ вотъ въ чемъ дѣло! — поспѣшилъ записать въ свою очередь баронетъ. — Я уже не разъ загоривалъ съ вами, но вы не отвѣчали мнѣ ни слова.

— Таково дѣйствіе Луны!.. возразилъ письменно Норберъ Моони.—А вотъ еще другое ея дѣйствіе: видите вы тамъ этотъ громадный камень величиной по меньшей мѣрѣ въ два кубическихъ метра, вправо отъ вашей ноги? Попробуйте поднять его и вы увидите, что изъ этого будетъ.

Прочитавъ эти слова, серъ Буцефалъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на громадный обломокъ, который, по его личному соображенію, двѣ лошади съ трудомъ могли-бы сдвинуть на землѣ, но, желая провѣрить значеніе словъ Норбера Моони, тѣмъ не менѣе нагнулся и, ухватившись по удобнѣе, попробовалъ приподнять его. Къ несказанному удивленію баронета, громадный камень легко поддался его первому, робкому усилію и легко сталъ катиться впередъ подъ давленіемъ его руки. Въ тотъ-же самый моментъ спутникъ его съ разбѣга пролетѣлъ на разстояніи восьми или десяти метровъ надъ его головой и съ легкостью птицы опустился на землю въ двухъ—трехъ саженяхъ впереди его.

— Дѣйствіе Луны! — казалось, говорили баронету его смѣющіеся глаза.

Но хотя баронетъ, очевидно, не понялъ его, тѣмъ не менѣе пожелалъ въ свою очередь проявить свою ловкость. Онъ также разбѣжался и подпрыгнулъ на такую невѣроятную высоту, что Норберъ Моони, задѣтый за живое, счелъ нужнымъ повторить еще разъ свой акробатическій фокусъ.

Такимъ образомъ, благодаря соревнованію, эти упражненія въ ловкости превратились, незамѣтно для нихъ самихъ, въ игру чехарду, что чрезвычайно забавляло, повидимому, обоихъ молодыхъ людей.

Игра эта продолжалась въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, послѣ чего оба пріятеля усѣлись, наконецъ, рядкомъ другъ подлѣ друга, глядя другъ другу въ глаза; баронетъ, очевидно, удивленный до крайности, а Норберъ Моони—развеселившійся какъ ребенокъ, до того все это казалось ему забавнымъ.

— Я сейчасъ объясню вамъ этотъ феноменъ, милѣйшій серъ Буцефалъ, — началъ было молодой ученый, позабывъ,

что здѣсь онъ не въ состоянiи издать ни единаго звука.

Серъ Буцефалъ, видя, что его прiятель усердно шевелитъ губами, старательно прислушивался, подносилъ ухо къ самымъ его губамъ, но все напрасно: до его слуха не доносилось ни звука, ни шороха, ни малѣйшаго, даже слабаго дыханiя.

— Нѣтъ ужъ, я отказываюсь теперь отъ всякихъ объясненiй! — мимически выразилъ Норберъ Моони, пожимая плечами,—это слишкомъ долго писать.

Затѣмъ цѣлымъ рядомъ послѣдовательныхъ жестовъ и движенiй онъ постарался дать понять своему прiятелю положенiе дѣлъ на лунѣ и особенности лунной атмосферы

Серъ Буцефалъ съ недоумѣнiемъ смотрѣлъ, какъ молодой ученый однимъ скачкомъ бралъ положительно невѣроятныя препятствiя, балансировалъ громадными тяжестями, затѣмъ подходилъ къ нему и бралъ его не въ обхватъ пояса, какъ это дѣлаютъ борцы при борьбѣ, а двумя руками, какъ куклу, сталъ качать и баюкать его на рукахъ, подбрасывать его въ воздухъ и подлавливать точно резиновый мячь.

Такого рода вольности казались серу Буцефалу крайне неприличными. И когда Норберъ Моони покончилъ со всѣми своими акробатическими штуками, то баронетъ счелъ своимъ долгомъ воздать ему тѣмъ же и продѣлалъ надъ нимъ въ точности всѣ тѣже штуки, но только съ серьезной, сосредоточенной миной обиженнаго человѣка, жилающаго отплатить тѣмъ же. Это до слезъ смѣшило молодого ученаго, который хохоталъ отъ души.

— Не даромъ,—думалъ серъ Буцефалъ,—унасъ въ Англiи помѣшанныхъ называютъ лунатиками! Возможно-ли, въ самомъ дѣлѣ, что нѣсколько часовъ пребыванiя на лунѣ успѣли уже такъ пагубно повлiять на такого умнаго, развитого и такъ прекрасно уравновѣшеннаго человѣка, какъ этотъ бѣдный Моони!... А что онъ помѣшался, такъ это ясно!... И при этомъ сила у него, точно у вола!,.. Да и я же силенъ! Никогда еще въ жизни я не чувствовалъ себя такимъ сильнымъ и ловкимъ, какъ сегодня!... Что ни говори, а воспитанiе

въ этонской школѣ много значитъ! Тамошнія физическія упражненія не пропадаютъ безслѣдно и при случаѣ всегда можно не ударить въ грязь лицомъ!.,. Только бы и мнѣ не потерять разсудка, какъ этотъ бѣдняга, Норберъ Моони.

Не успѣлъ онъ докончить этого мысленнаго разсужденія, какъ молодой ученый, подбѣжавъ къ нему, схватилъ за талью и взваливъ на плечи, точно тюкъ съ пухомъ или поромъ,—побѣжалъ, унося его на своей спинѣ къ самому краю террасы. Встревоженный не на шутку и вмѣстѣ съ тѣмъ искренно оскорбленный такого рода обращеніемъ баронетъ напрасно выбивался и дѣлалъ отчаянныя усилія высвободиться отъ своего пріятеля, отчаянно махая руками и ногами въ воздухѣ; Норберъ Моони не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія и остановился только на самомъ краю террасы, гдѣ и посадилъ на землю сера Буцефала, краснаго отъ злобы и негадованія.

— Я весьма удивленъ вашимъ поведеніемъ! хотѣлъ было воскликнуть баронетъ, но, вспомнивъ, что Моони не услышитъ его, остановился на полу-словѣ. Вдругъ все разомъ стало ему ясно: и странность всѣхъ этихъ условій, и смыслъ шаловливыхъ выходокъ его пріятеля, который теперь смотрѣлъ на него съ веселой ласковой улыбкой. И глядя на него, и самъ баронетъ разсмѣялся тѣмъ-же нѣмымъ, беззвучнымъ смѣхомъ, который потрясалъ все его существо и заставлялъ держаться за бока, но вмѣстѣ съ тѣмъ не производилъ ни малѣйшаго звука.

III. Кратеръ Ретикуса.

Теперь,—думалъ про себя Норберъ Моони, сидя рядомъ съ баронетомъ на краю террасы, образуемый широкимъ выступомъ кратера, — теперь было бы весьма любопытно узнать, что сталось съ нашей изолирующей стеклянной площадью, подведенной подъ нашъ искуственный магнитъ!... Если бы оказалось, что нашъ стеклянный пластъ уцѣлѣлъ и не по-

терпѣлъ ни какихъ поврежденій, то это былъ бы весьма утѣшительно для насъ!... Тогда явилась бы возможность мечтать о возвращеніи обратно на землю... Впрочемъ, мы все это еще увидимъ...

Отдохнувъ немного, нашъ молодой ученый поднялся на ноги; серъ Буцефалъ послѣдовалъ его примѣру, и затѣмъ оба они, идя рядомъ, отправились изучать кратеръ, продолжая слѣдовать по верхнему наружному контуру круглой вершины этого потухшаго вулкана, на который опустился пикъ Тэбали.

Такъ они шли около четверти часа или двадцать минутъ и пришли къ пункту горы, діаметрально противоположному эспланадѣ обсерваторіи, но только гораздо ниже ея по уровню, когда вниманіе обоихъ друзей было привлечено большимъ зіяющимъ отверстіемъ въ боку скалы.

При болѣе внимательномъ изученіи оказалось, что это отверстіе представляло собою брешь кратера, обломанный край жерла, надъ которымъ теперь основаніе пика Тэбали образовало крышу или, вѣрнѣе потолокъ. Словомъ, вотъ она была, эта возможность разрѣшенія интересовавшаго Норбера Моони вопроса о непрерывномъ продолженіи стекляннаго изолирующаго слоя подъ пикомъ Тэбали, увѣреннось въ цѣлости котораго могла-бы совершенно разсѣяться теперь и стать внѣ сомнѣнія. Молодой ученый, не долго думая, прошелъ въ отверстіе, имѣвшее фюрму римской цыфры V, и сталъ спускаться въ эту пещеру, а слѣдомъ за нимъ сталъ спускаться и баронетъ.

Въ первый моментъ наши изслѣдоватили очутились въ такихъ потемкахъ, которыя по сравненію съ яркимъ свѣтомъ снаружи, не позволяли имъ ничего различать; но вскорѣ глаза ихъ успѣли освоиться съ этимъ полу-мракомъ, и тогда они убѣдились, что находятся, какъ они того и ожидали, въ громадной глубокой ямѣ, въ самомъ кратерѣ ретикуса, воронкообразно уходившемъ въ глубь и прикрытомъ надъ ихъ головами, на высотѣ какихъ нибудь трехъ метровъ или около того, сплошною крышей горы Тэбали.

Чтобы лучше убѣдиться въ этомъ, Норберъ Моони маши-

нально досталъ изъ кармана спички и, чиркнувъ двѣ или три сразу, поднялъ ихъ высоко кверху, освѣтивъ верхній сводъ надъ своей головой. Огонь тотчасъ же отразился въ потолкѣ пещеры, что ясно доказало, что потолокъ этотъ, эта крыша, накрывшая кратеръ потухшаго вулкана, былъ именно тотъ слой литого стекла, надъ которымъ столько трудился Норберъ Моони. Это было на столько несомнѣнно, что даже баронетъ былъ этимъ пораженъ.

— Даю слово! — воскликнулъ онъ, — что это вся наша гора цѣликомъ, вмѣстѣ со своимъ стекляннымъ пьедесталомъ, какъ сладкій пирогъ съ блюдомъ, переселилась на вершину кратера и, точно топкой, прикрыла его!

— О, чудо! эти слова сера Буцефала молодой ученый услышалъ совершенно явственно, несмотря на металлическую полумаску, прикрывавшую ротъ говорившаго. Такого рода неожиданному феномену могло быть только одно объясненіе, а именно, что здѣсь, въ этой пещерѣ, была иная атмосфера, чѣмъ на поверхности луны.

— Закройте поплотнѣе кранъ вашего распиратора!—сказалъ Норберъ Моони баронету, самъ подавая ему примѣръ,— здѣсь мы имѣемъ воздуха вволю!..

— Урра!..—воскликнулъ серъ Буцефала.—Я съ наслажденіемъ откажусь отъ своей соски: признаюсь, она изрядно надоѣла мнѣ!.. Но скажите, ради Бога, чѣмъ объясняется такая странность, что въ этой глупой странѣ можно и дышать, и говорить только при случаѣ и мѣстами, а не всегда и не вездѣ?

— Чѣмъ это объяснить? Да очень просто,—смѣясь отвѣтилъ Норберъ Моони,—развѣ вы не видите, что мы съ вами находимся здѣсь въ воздушной копи?... Эта воронка имѣетъ не менѣе 1,200 мертовъ въ діаметрѣ и почти столько-же глубины,—сказалъ онъ быстро дѣлая въ умѣ вычисленіе,— это составляетъ для насъ запасъ въ нѣсколько милліоновъ кубическихъ метровъ воздуха!..

— Въ самомъ дѣлѣ!..—воскликнулъ не на шутку восхищенный баронетъ,—вотъ, что я называю настоящей наход-

кой въ нашемъ теперешнемъ положеніи! Да, въ данный моментъ это даже много лучше алмазной копи! Что касается меня, то я чрезвычайно радъ подышать полною грудью и безъ помощи распираторовъ!

— Да, — сказалъ Моони,—но вмѣстѣ съ тѣмъ для насъ крайне важно сберечь это неожиданное сокровище, которое все-же можетъ истощиться.

— Но почему этотъ кратеръ пользуется исключительной привиллегіей обладать воздухомъ, пригоднымъ для дыханія?

— Это обстоятельство находится въ тѣсной связи съ исторіей нашего приключенія баронетъ... Воздухъ, который окружаетъ насъ здѣсь, и которымъ мы дышемъ съ вами въ данный моментъ, не является дѣйствительною собственностью и принадлежностью луны: это—земной воздухъ, т. е. часть атмосферы земнаго шара, заимствованная луною отъ земли въ тотъ моментъ, когда она, подобно шарику изъ мякоти, попавшему въ муку и обвалявшемуся въ ней, попала въ атмосферу земли и окуталась ею. И вотъ въ тотъ самый моментъ, когда луна, а, главнымъ образомъ, этотъ кратеръ повидимому всасали въ себя наибольшее количество земнаго воздуха, его вдругъ накрыло, точно плотною крышкой, нашимъ пикомъ Тэбаля, и тѣмъ самымъ воздухъ оказался запертымъ въ воронкѣ кратера, замкнутымъ и не имѣющимъ выхода... Такимъ образомъ этотъ клочекъ земной атмосферы оказался закупореннымъ въ воронкѣ кратера Ретикуса,—и мы теперь имѣемъ возможность наслаждаться имъ.

— Въ такомъ случаѣ,—замѣтилъ уже немного обезкураженный баронетъ,—намъ дѣйствительно слѣдуетъ быть какъ можно бережливѣе съ этимъ неожиданно открытымъ нами сокровищемъ!

— Намъ слѣдуетъ не только быть бережливыми, но еще, главнымъ образомъ и прежде всего, помѣшать ему улетучиться черезъ то отверстіе, черезъ которое мы съ вами вошли... Надо какъ можно скорѣе вернуться въ обсерваторію, захватить орудія и сейчасъ-же приняться за работу, а то мы мало-по-малу утратимъ весь нашъ запасъ воздуха!

Это былъ слишкомъ разумный совѣтъ, чтобы не послѣдовать ему немедленно. Оба наши изслѣдователя поспѣшили надѣть свои полумаски и собирались уже вернуться на вершину кратера, какъ Норберъ Моони измѣнилъ свой планъ и предложилъ слѣдующую комбинацію.

— Нельзя терять ни минуты! — сказалъ онъ, — каждая минута стоитъ намъ нѣсколькихъ сотенъ литровъ воздуха... Къ чему намъ обоимъ возвращаться на верхъ? Достаточно, что одинъ изъ насъ отправится за помощью, а другой можетъ остаться здѣсь и приняться за работу безотлагательно.

— Вы, правы, милый мой другъ,—отвѣчалъ серъ Буцефалъ, — отправляйтесь-же скорѣе на верхъ, такъ какъ вы лучше меня знаете, что можетъ потребоваться въ данномъ случаѣ и лучше съумѣете распорядиться тамъ, на верху, но прежде всего скажите мнѣ, что я могу здѣсь дѣлать въ вашемъ отсутствіи.

— Собирайте матеріалъ; подкатывайте къ отверстію камни и обломки скалъ малой и средней величины, чтобы, когда я вернусь, мы могли возвести изъ этихъ камней прочную стѣнку и такимъ образомъ задѣлать эту брешь!

— Прекрасно! Я постараюсь не терять даромъ времени: въ камняхъ здѣсь нѣтъ недостатка, и потому я уже заранѣе обѣщаю вамъ, что вернувшись вы найдете здѣсь изрядное количество потребнаго вамъ матеріала!..

Послѣ такого увѣренія Норберъ Моони живой ногой направился обратно въ обсерваторію. Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ онъ былъ уже тамъ. Едва успѣлъ онъ сообщить своимъ друзьямъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшимъ ихъ возвращенія, нѣкоторыя новости, какъ всѣ они во что-бы то ни стало пожелали быть участниками экспедиціи. Не только докторъ Бріэ, Виржиль, и Тиррель-Смисъ, но даже и Фатима и Гертруда Керсэнь поспѣшили предложить свою помощь въ качествѣ каменьщиковъ для сооруженія стѣны.

— Мнѣ уже надоѣла эта вѣчная роль дармоѣдки здѣсь,— шутливо сказала Гертруда Керсэнь,—и я, какъ права, тре-

бую и, какъ милости, прошу, чтобы и мнѣ позволили, наконецъ, приняться за работу наравнѣ съ другими.

Превосходнѣйшій лёнчъ (завтракъ), изготовленный заботливымъ и старательнымъ Тиррелемъ Смисъ и совершенно уже накрытый столъ ожидалъ возвращенія двухъ изслѣдователей, но, по общему совѣту, было рѣшено отложить этотъ завтракъ еще на часъ времени, такъ какъ Норберъ Моони полагалъ, что на задѣлываніе бреши кратера потребуется никакъ не болѣе часа.

Молодой ученый успѣлъ уже распорядиться всѣмъ; такъ, Виржиль отправился въ магазины за заступами, лопатами, лопаточками каменьщиковъ, за мѣшкомъ извести и боченкомъ съ водою, а всѣ остальные собирались въ походъ, надѣвая на спину ящики Каррэ и вооружаясь респираторами.

Тѣмъ временемъ Норберъ Моони предупреждалъ своихъ друзей о странныхъ явленіяхъ, какія ожидаютъ ихъ подъ открытымъ небомъ на этой новой планетѣ. Вѣчно веселая физіономія словоохотливаго доктора Бріэ замѣтно удлиннилась, однако, когда онъ узналъ, что во все время продолженія пути онъ будетъ лишенъ возможности перекинуться хотя однимъ или двумя словами со своими компаньонами. Эта насильственная нѣмота крайне огорчила и опечалила его.

Что-же касается Гертруды Керсэнъ, то она относилась ко всему съ самымъ удивительнымъ мужествомъ и спокойствіемъ.

— А что это за странная таинственная планета вонъ тамъ? Я смотрю на нее почти съ самаго вашего ухода!— спросила она, обращаясь къ Норберу Моони и подходя вмѣстѣ съ нимъ къ окну, чтобы указать ему на большой млечнобѣлый серпъ, блѣдный и слабо свѣтящійся, весьма схожій по виду съ тѣмъ серпомъ, какимъ представляется жителямъ земли молодая луна, но только съ діаметромъ раза въ четыре большимъ.

— Да это наша родная планета, наша Земля!—отвѣтилъ молодой астрономъ.—Мы по крайней мѣрѣ будемъ постоянно имѣть удовольствіе видѣть ее изъ нашихъ оконъ. Это гро-

мадные часы Луннаго міра, всегда видимые для насъ не только ночью, но и въ продолженіи всего дня, видимыя съ того полушарія луны, гдѣ мы съ вами находимся, положительно во всякое время.

— Это земля!.. грустно вздохнула Гертруда. —Подумать только, что мой бѣдный дорогой папа находится теперь тамъ, подвергаясь всѣмъ ужасамъ осады и не подозрѣвая даже, что его дочь теперь такъ далеко занесена сюда на другую планету!..

— Мы вернемся къ нему... не сомнѣвайтесь въ этомъ!— сказалъ Норберъ Моони, глубоко тронутый этой дѣтскою скорбью и любовью, такъ кротко выраженною молодой дѣвушкой почти въ одномъ вздохѣ.

— Неужели!.. Вы полагаете, что это возможно?.. — воскликнула молодая дѣвушка съ видимой сердечной тревогой не за себя, а за другихъ.

— Я твердо на это надѣюсь!—отвѣчалъ молодой человѣкъ.

Эти слова точно успокоительный бальзамъ подѣйствовали на душу молодой дѣвушки. За это время она такъ привыкла вѣрить въ осуществленіе всѣхъ плановъ и надеждъ Норбера Моони, что ни минуты не усомнилась въ полной возможности того, что онъ сказалъ ей въ утѣшеніе.

— Скорѣе къ дѣлу! — Уже почти весело воскликнула она,—не будемъ терять ни минуты, не будемъ упускать ни малѣйшаго шанса къ спасенію!..

Всѣ выбѣжали на эспланаду; но въ первый моментъ произошло легкое замѣшательство.

Хотя Норберъ Моони и объяснялъ и предупреждалъ всѣхъ о необычайныхъ явленіяхъ, которыя ожидали ихъ на лунѣ, но, очевидно, многіе, въ особенности оба слуги, Виржиль и торжественный Тиррель Смисъ, не вполнѣ усвоили себѣ эти объясненія, потому что они совершенно растерялись и стояли въ полномъ недоумѣніи. Внезапное ощущеніе чрезвычайной легкости своего тѣла ужасно смущало ихъ.

*

Глядя на нихъ, можно было думать, что это люди — страдающіе сильной нервной болѣзнью.

Съ самыхъ первыхъ шаговъ пошли различные комизмы. Виржиль, желая подойти къ краю эспланады, не могъ удержаться и, въ силу чрезвычайной легкости, былъ сброшенъ внизъ съ высоты по меньшей мѣрѣ сорока метровъ.

— Ну, вотъ и прощай жизнь!—подумалъ онъ, разсѣкая пространство,—или, по крайней мѣрѣ, калѣка на всю жизнь! добавилъ онъ, едва только онъ коснулся земли, приподымаясь со всевозможными предосторожностями, точно онъ боялся разсыпаться.

Но ничего подобнаго не было: ни малѣйшей царапины, ни малѣйшаго вывиха!

И въ тотъ моментъ, когда онъ обернулся, чтобы измѣрить взглядомъ свой диковинный прыжокъ, онъ увидѣлъ, что другая какая-то тяжелая масса слѣдовала тѣмъ-же самымъ путемъ, какимъ только что слѣдовалъ онъ самъ. Это былъ Тиррель Смисъ, который, вѣроятно, увлеченный примѣромъ Виржиля, въ свою очередь свалился съ эспланады и теперь падалъ прямо на него.

— Эхъ, скотина!—подумалъ Виржиль,—вѣдь онъ раздавитъ меня въ лепешку!..

Но, оказалось, Тиррель Смисъ былъ легче перышка и его паденіе не произвело рѣшительно никакой бѣды.

Однако, этотъ инцидентъ научилъ ихъ обоихъ быть осторожнѣе въ своихъ движеніяхъ и стараться приберегать свои силы для болѣе полезнаго труда. Они поспѣшили пристать къ остальной компаніи, и вскорѣ вся маленькая труппа пришла ко входу въ кратеръ.

Здѣсь ихъ ожидало маленькое разочарованіе. Баронета нигдѣ не было, хотя изрядная кучка камней свидѣтельствовала о томъ, съ какимъ усердіемъ онъ принялся за дѣло.

Норберъ Моони предположилъ, что онъ, вѣроятно, отправился подышать свѣжимъ воздухомъ внутрь кратера, и потому молодой ученый поспѣшилъ войти туда и нѣсколько

разъ позвалъ его по имени. Эхо отозвалось на его крики изъ глубины подземелья.

Встревоженный этимъ обстоятельствомъ, Норберъ Моони чиркнулъ нѣсколько спичекъ и принялся осматривать всѣ окрестности отверстія. Но не успѣлъ онъ сдѣлать и двадцати шаговъ, какъ безполезность этихъ поисковъ стала для него очевидной. Углубленіе кратера уходило покатымъ склономъ внизъ, такъ что всякая возможность опаснаго паденія, особенно здѣсь, на лунѣ, гдѣ можно безнаказанно летѣть съ высоты сорока и пятидесяти метровъ, являлась совершенно невѣроятной. Кромѣ того, баронетъ не могъ же предпринять одинъ и безъ свѣта изслѣдованія внутренности кратера.

Изъ всего этого слѣдовало, что скорѣе всего онъ отправился совершить маленькую прогулку въ одну изъ ближайшихъ долинъ; во всякомъ случаѣ было несомнѣнно, что въ воронкѣ кратера баронета не было.

— Сера Буцефала здѣсь нѣтъ!—сказалъ Норберъ Моони, возвращаясь къ бреши.—Если хотите, пойдите и посмотрите, нѣтъ-ли его гдѣ-нибудь поблизости,—прибавилъ онъ, обращаясь къ примѣрному слугѣ и видя его крайне встревоженное лицо.—А мы примемся здѣсь за работу, потому что намъ дорога каждая минута и каждая потерянная секунда стоитъ изряднаго количества драгоцѣннаго воздуха.

Тиррель Смисъ безмолвно отправился на розыски своего господина, между тѣмъ какъ вся остальная компанія энергично принялась за дѣло.

Виржиль успѣлъ уже высыпать въ одно изъ небольшихъ углубленій почвы свой мѣшокъ съ известью и развести ее принесенною имъ водою и теперь съ великимъ усердіемъ размѣшивалъ все это своей лопаточкой, между тѣмъ какъ Моони проворно наваливалъ камни одинъ на другой, сооружая стѣну. Виржиль замазывалъ всѣ остающіеся промежутки разведенной известью. Докторъ Бріэ и Гертруда Керсэнъ вмѣстѣ съ Фатимой подавали камни, причемъ ихъ чрезвычайно забавляло то, что эти громадные камни казались имъ такими легкими, что это даже вызывало веселый смѣхъ. Обѣ

дѣвушки чрезвычайно дивились той необычайной силѣ, которую даже и не подозрѣвали въ себѣ.

— Смотрите, — сказала Гертруда подымая одной рукой громадный осколокъ скалы, который на поверхности земного шара долженъ былъ бы вѣсить никакъ не менѣе 6 пудовъ,— этотъ камешекъ можетъ пригодиться вамъ?

— Да, да!—послѣдовалъ веселый отвѣтъ,—давайте его скорѣй сюда.

И камни, цѣлыя глыбы громоздились одни на другія, какъ будто Титаны, а не простые смертные люди сбирали и нагромождали ихъ; кромѣ того, и известь, едва успѣвали вмазать ее, высыхала вслѣдствіе чрезвычайной сухости воздуха, такъ что работа шла такъ быстро и такъ успѣшно, какъ лучше нельзя даже было желать. Въ какихъ нибудь полчаса съ небольшимъ все уже было окончено.

Тѣмъ временемъ вернулся и Тиррель Смисъ, давая понять безнадежными жестами, что ему не посчастливилось нигдѣ найти своего господина, что баронетъ исчезъ, точно сквозь землю провалился.

Подумавъ немного, Норберъ Моони рѣшилъ подать знакъ къ возвращенію на обсерваторію, полагая, что, быть можетъ, сэръ Буцефалъ уже вернулся туда какимъ-нибудь инымъ путемъ или же вскорѣ долженъ будетъ туда вернуться. Во всякомъ случаѣ ожидать его здѣсь было совершенно безполезно. А если слѣдовало предпринять болѣе серьезные розыски, то для этого необходимо было предварительно вернуться въ обсерваторію, чтобы возобновить запасы кислорода. Кромѣ того, и обсудить этотъ самый вопросъ, и принять какое-нибудь рѣшеніе съ общаго совѣта можно было исключительно только въ круглой залѣ обсерваторіи, а никакъ не подъ открытымъ небомъ.

Итакъ всѣ двинулись въ обратный путь и притомъ весьма поспѣшно: всѣ хотѣли поскорѣе обмѣняться своими мыслями и предположеніями касательно исчезновенія сера Буцефала и мѣръ, какія необходимо будетъ принять для его розысканія.

Вернувшись въ обсерваторію, всѣ были крайне огорчены тѣмъ, что не застали въ круглой залѣ баронета, какъ всѣ втайнѣ надѣялись. Однако, хотя его здѣсь не застали, но взамѣнъ его особы оказались на лицо несомнѣнные слѣды его присутствія и его аппетита: оставленный на столѣ ленчъ былъ наполовину съѣденъ. Холодное мясо, ветчина, консервы и закуски, вино, бисквиты и дессертъ,—все было сильно почато... мало того, всего этого было съѣдено такъ много, что трудно даже было повѣрить, чтобы все это могъ скушать одинъ серъ Буцефалъ. Явилось предположеніе, что онъ, вѣроятно, забралъ съ собою запасы всего, что было на столѣ, и съ этими запасами вновь удалился.

— Вѣроятно, онъ нашелъ тамъ, у подножія горы, что-нибудь очень интересное и пожелалъ немедленно вернуться туда для продолженія своихъ изслѣдованій и открытій! — проговорилъ докторъ Бріэ.

Такого рода объясненіе показалось большинству довольно правдоподобнымъ и было принято съ тѣмъ большею готовностью, что никакого другого не было подъ рукой; всѣ сѣли къ столу и принялись завтракать съ большимъ аппетитомъ усиленнымъ недавнею работой.

— Ну, вотъ теперь у насъ имѣется порядочный запасецъ воздуха тамъ, въ нижнемъ погребѣ!—сказалъ докторъ Бріэ, утоливъ свой голодъ.—Но скажите, милѣйшій Моони, какъ вы намѣрены утилизировать этотъ воздухъ теперь, когда вы его закупорили, тамъ, въ этой ямѣ, по примѣру стараго Эола, или, быть можетъ, вы намѣрены время отъ времени отправлять насъ туда на поправку, какъ я нѣкогда отправлялъ своихъ больныхъ въ Монте-Карло, въ то счастливое время, когда имѣлъ честь практиковать не на лунѣ, а на земномъ шарѣ? Или вы, можетъ быть, хотите заключить этотъ воздухъ въ боченки и доставлять его сюда?

— Нѣтъ, докторъ, мой проектъ относительно этого запаса воздуха гораздо проще,—отвѣчалъ Норберъ Моони. — Вы, вѣроятно помните, что я позаботился пробуравить въ скалѣ пика Тэбали громадный колодецъ вплоть до самаго

его основанія. Такъ вотъ стоитъ намъ только установить сообщеніе между дномъ этого колодца и нашимъ воздухохранилищемъ, затѣмъ устроить вентиляторъ въ одномъ изъ этихъ оконъ, чтобы снабжать всю нашу обсерваторію воздухомъ, пригоднымъ для дыханія.

— Мысль эта прекрасная, противъ нея нечего возразить!—воскликнулъ докторъ Бріэ, — но не слѣдуетъ-ли при этомъ опасаться излишней и безполезной растраты этого столь драгоцѣннаго для насъ воздуха?... Не лучше-ли бы было, напр., ограничиться лишь безусловно необходимымъ количествомъ воздуха и замѣнить вентиляторъ каучуковой или цинковой трубой, снабженной краномъ? Одно только можетъ быть затруднительно, а именно: потребовалась бы труба изрядной длины, а ея, вѣроятно, не найдется въ вашихъ складахъ.

— Прошу извиненія!—засмѣялся Нарберъ Моони, — мы имѣемъ все, что намъ надо.

— Да,—весело подхватила Гертруда Керсэнь,—мы даже не забыли захватить съ собой воздухъ!

— Правда, до настоящаго времени, намъ собственно говоря, не на что жаловаться, — продолжалъ докторъ, — мы, дѣйствительно, устроились очень мило. Но что поистиннѣ довольно непріятно и досадно, а при случаѣ можетъ даже стать довольно опасно, такъ это то, что мы лишены возможности подѣлиться другъ съ другомъ хотя всего самыми необходимыми впечатлѣніями, какъ только высунемъ носъ наружу!.. Знаете-ли вы, какого рода мысль пришла мнѣ сейчасъ въ голову, когда всѣ мы были вынуждены молчать точно природные нѣмые? Мнѣ пришло въ голову, что было бы весьма недурно всѣмъ намъ изучить азбуку глухонѣмыхъ, чтобы имѣть возможность объясняться хотя бы такимъ образомъ!

— Да, но откуда мы возьмемъ эту азбуку? — спросилъ Норберъ Моони, — признаюсь, объ этомъ я не подумалъ и не позаботился запастись ею, въ чемъ, конечно, былъ не правъ и готовъ въ томъ каяться передъ всѣми вами.

— Быть можетъ, мы сумѣемъ обойтись и безъ нея! Я когда-то довольно бѣгло могъ разговаривать на этомъ языкѣ, — сказалъ докторъ,—къ тому-же онъ вовсе не такъ труденъ, какъ это вообще полагаютъ. Стоитъ только запомнить и удержать въ памяти различные условные знаки, съ помощью которыхъ изображаютъ пальцами различныя буквы азбуки, и это для насъ будетъ, конечно, несравненно легче, чѣмъ для бѣдныхъ дѣтей, лишенныхъ слуха, дара слова и знанія этихъ буквъ... Кромѣ того, мы можемъ установить въ виду краткости извѣстные своеобразные знаки для обозначенія нѣкоторыхъ обыденныхъ предметовъ и обычныхъ дѣйствій... и я готовъ поручиться, что по прошествіи трехъ дней всѣ мы будемъ свободно обмѣниваться нашими мыслями такимъ способомъ.

— Ну, вотъ вамъ буква А, вотъ Б, — продолжалъ докторъ, изображая эти буквы соотвѣтствующими знаками, и вслѣдъ за нимъ всѣ присутствующіе стали, подражая ему, изображать на пальцахъ одну за другою различныя буквы глухонѣмыхъ.

— Эхъ, право!—воскликнулъ докторъ Бріэ, — да оказывается, я все это помню настолько хорошо, что смѣло могу принять на себя роль учителя.

Съ этими словами онъ досталъ изъ кармана свою записную книжку и проворно нанесъ на одну изъ ея страничекъ цѣлый рядъ какихъ-то замѣтокъ карандашемъ.

— Не любопытно-ли въ самомъ дѣлѣ, что такого рода вещи могутъ сохраниться гдѣ-то въ дальнемъ уголку памяти, точно связка старыхъ писемъ въ ящикѣ стараго стола, и затѣмъ въ одинъ прекрасный день снова появляются на свѣтъ Божій въ полной своей неприкосновенности или же почти такъ?!.. Въ крайнемъ случаѣ, если намъ не достанетъ нѣсколькихъ такихъ знаковъ, мы сами изобрѣтемъ ихъ! Кто можетъ помѣшать намъ въ этомъ? Нѣтъ такого закона, который здѣсь могъ бы для насъ считаться обязательнымъ!

Ученики доктора на лету уловили то, что имъ преподавалъ ихъ учитель, и теперь жестикулировали съ такимъ

усердіемъ и стараніемъ, что ихъ нельзя было не похвалить за такое примѣрное прилежаніе. Мало того, когда Норберъ Моони, случайно поднявъ глаза, взглянулъ на своего вѣрнаго Виржиля, который стоялъ уже нѣкоторое время въ дверяхъ буфетной, то ему показалось, что и онъ намѣренъ изучать языкъ глухонѣмыхъ; Моони еще ни разу не видалъ, чтобы Виржиль жестикулировалъ съ такимъ волненіемъ и притомъ такъ энергично, какъ въ этотъ разъ. Вдругъ молодой ученый замѣтилъ, что эти подмигиванія и выразительныя жесты имѣли, повидимому, какой-то практическій смыслъ, какое-то таинственное значеніе. Очевидно, бѣдняга, стоя за спиною Гертруды Керсэнь, просто-на-просто старался дать понять своему господину, что имѣетъ сообщить ему одному особо отъ всѣхъ какую-то важную вѣсть.

Норберъ поспѣшилъ теперь въ свою очередь дать понять Виржилю, что, наконецъ, онъ понялъ смыслъ его пантоминъ и минуту спустя, подъ предлогомъ провѣрить какіе-то песочные часы, вышелъ изъ-за стола и прошелъ въ галлерею телескоповъ. Виржиль немедленно послѣдовалъ туда за нимъ.

— Господинъ мой,—сказалъ онъ, наклоняясь къ самому уху молодого ученаго,—я долженъ вамъ сказать, что у насъ здѣсь есть воры.

— Воры!... Да что ты говоришь!...

— Да, ваша милость, воры! Я прямо изъ буфетной: тамъ все разграблено, раскидано, жестянки съ консервами, бисквиты сахаръ, кофе.. и все въ громадномъ каличествѣ, цѣлыми сотнями килограмовъ украдено и унесено... Все въ страшномъ безпорядкѣ: ящики выдвинуты, банки раскупорены и разбросаны на полу, какъ будто безъ насъ сюда нагрянула цѣлая толпа арабовъ... Что все это случилось въ нашемъ отсутствіи, въ какіе нибудь полъ-часа времени, пока мы всѣ были тамъ, внизу, у подошвы пика, такъ это не подлежитъ никакому сомнѣнію... Я послѣдній вышелъ изъ кухни, захвативъ съ собою боченокъ воды, и когда вернулся, просто

ахнулъ, найдя все въ такомъ видѣ, точно здѣсь проклятые махдисты воевали!

— Ужъ не серъ Буцефалъ-ли въ самомъ дѣлѣ...

— Серъ Буцефалъ! Ахъ, что вы! Да развѣ онъ могъ унести все это?... Нѣтъ, ихъ было по меньшей мѣрѣ пять—шесть человѣкъ! за это я готовъ поручиться, чѣмъ хотите... Мало того, скажу вамъ, что серъ Буцефалъ даже вовсе сюда не возвращался, за это я готовъ руку положить въ огонь,... Это не онъ хозяйничалъ тамъ, за столомъ! — въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

— Что тебя заставляетъ быть столь увѣреннымъ въ этомъ?

— Да все! И то, какъ обрѣзапа была ветчина, какъ отрѣзано было мясо: никто не дѣлаетъ этого аккуратнѣе и изящнѣе господина англичанина.... Мы, слуги, это отлично знаемъ, потому что видимъ, кто какъ кушаеть. — И хотя у него, конечно, прекрасный аппетитъ, но ужъ такихъ ломтей онъ рѣзать не станетъ.— Да къ тому же ни приборъ сера Буцефала ни тронутъ, ни его салфетка не разложена, а такой господинъ, какъ серъ Буцефалъ, не будетъ кушать безъ салфетки... Нѣтъ, нѣтъ! Повѣрьте мнѣ, серъ Буцефалъ совсѣмъ не возвращался!... Мало того, я былъ бы даже весьма удивленъ, если бы онъ вернулся!...

— Но чего же ты хочешь, Виржиль?...

— Не знаю, я ничего не хочу... Я только утверждаю, что здѣсь были воры не далѣе, какъ часъ тому назадъ; быть можетъ, всего только полъ часа, что эти воры украли и унесли не только громадное количество нашей провизіи и съѣстныхъ припасовъ, но еще и...

— Что еще.

— И оружіе, и заряды!... Мое ружье, стоявшее за дверями кухни, и ружье доктора, висѣвшее здѣсь въ гостинной. Господинъ докторъ еще не хватился его, а я то ужъ это замѣтилъ.

— Да, правда!... сказалъ Норберъ Моони, невольно удивляясь общей сложности всѣхъ этихъ обвиненій.—Но ради

Бога, не говори ни слова объ этомъ въ присутствіи барышни Керсэнь!... Не надо даже, чтобы она и подозрѣвала объ этомъ....

— Вы сами видите, что я ничего не сказалъ при ней, а вызвалъ васъ отдѣльно по секрету!—сказалъ Виржиль.

— Правда, правда! Я самъ не знаю, для чего учу тебя осторожности и осмотрительности. Ты гораздо предусмотрительнѣе и разумнѣе всѣхъ насъ, взятыхъ вмѣстѣ! Спасибо тебѣ, мой добрый Виржиль, что ты всегда насторожѣ и всегда во время успѣешь предупредить насъ о всякой опасности!

IV. Простая Каталепсія.

Побывавъ въ людской и на кухнѣ и убѣдившись, что Виржиль ничего не преувеличилъ, Норберъ Моони послалъ своего вѣрнаго слугу пригласить доктора Бріэ въ галлерею телескоповъ—втроемъ обсудить это дѣло. Кто могли быть эти странные воры, которые, разграбивъ съѣстные припасы, не коснулись превосходнаго, дорогого серебра баронета? Это одно уже, казалось, указывало на то что эти воры были скорѣе какія нибудь животныя, чѣмъ воры въ человѣческомъ образѣ. Но, съ другой стороны, обнаружена покража оружія и снарядовъ, что, въ свою очередь, свидѣтельствовало о томъ, что это были существа, хотя и злонамѣренныя, тѣмъ не менѣе одаренныя разумомъ... Какъ-бы то не было, во всякомъ случаѣ необходимо было какъ можно скорѣе разузнать объ этомъ и затѣмъ приступить къ серьезнымъ, систематическимъ розыскамъ баронета. Эта новая экспедиція могла быть сопряжена съ серьезными опасностями, а потому было рѣшено, что Гертруда Керсень и Фатима останутся дома подъ охраною достопочтеннаго Тирреля Смисъ, а докторъ, Бріэ, Виржиль, вооруженные съ головы до пятъ, должны были сопровождать Норбера Моони въ его рекогносцировкѣ.

Остановившись на этомъ, призвали примѣрнаго камер-

динера, съ тѣмъ чтобы сообщить ему о принятомъ рѣшеніи и наказать строго-на-строго ничѣмъ не безпокоить и не тревожить женщинъ, которыхъ оставятъ на его попеченіи, не говорить имъ ничего о настоящей цѣли экспедиціи. Слугѣ приказано было также запереть всѣ двери на ключь, держать оружіе наготовѣ и не пускать никого, иначе какъ основательно изслѣдовавъ, кто и зачѣмъ. Отдавъ всѣ эти необходимыя распоряженія, трое мущинъ снарядились какъ можно лучше, тщательно зарядивъ свои ружья взрывчатыми пулями, которыя нарочно съ этою цѣлью принесли изъ арсенала. Затѣмъ, простившись съ Гертрудой Керсэнь, которую увѣрили въ томъ, что они идутъ розыскивать баронета, пошли къ дверямъ, собираясь оставить залу.

— Откуда мы начнемъ наши изслѣдованія?—освѣдомился докторъ Бріэ, стоя у самой двери.

— Я того мнѣнія, что намъ прежде всего слѣдуетъ идти въ сторону „Моря Ясности"!—сказалъ Моони.

— Море! вы сказали „море"! — радостно воскликнула Фамима, хлопая въ ладоши отъ восторга.—Ахъ, какъ бы хотѣла опять выкупаться въ немъ вмѣстѣ съ доброй моей госпожей, какъ мы всегда дѣлывали это въ Суакимѣ!

— Не спѣши радоваться, милая моя Фатима! —сказалъ Норберъ Моони,—въ томъ морѣ, о которомъ я говорю, нѣтъ ни капли воды!

— Какъ! Въ морѣ нѣтъ воды?!..

— Да, дитя мое! Воды въ немъ нѣтъ ни капли, точно также какъ нѣтъ влаги въ атмосферѣ луны. Мы были бы осуждены на ужаснѣйшія мученія жажды, если бы только по особому счастію всѣ наши цистерны не были вдоволь снабжены ею, что, конечно, обезпечиваетъ насъ отъ этой страшной пытки... Море же, о которомъ я говорю, какъ и всѣ моря на лунѣ, ничто иное, какъ громадная песчаная равнина.

— Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же называть ихъ морями?—спросила Гертруда.

— Потому что первые астрономы, которые открыли ихъ

присутствіе на лунѣ, лѣтъ полтораста или двѣсти тому назадъ, приняли за моря эти громадныя низменныя пространства, которыя по формѣ своей и по внѣшнему виду представляютъ собою то самое, чѣмъ были бы всѣ наши моря и океаны земного шара, если бы воды, покрывающія ихъ, вдругъ почему-либо изсякли. Кромѣ того, мы вѣроятно съумѣемъ доставить вамъ еще болѣе полныя свѣдѣнія обо всемъ этомъ по возвращеніи нашемъ съ поисковъ баронета, такъ какъ я не премину, конечно, изслѣдовать этотъ вопросъ съ сравнительно большей подробностью, чѣмъ это могли сдѣлать до сего времени мои собратья-астрономы, наблюдая луну съ поверхности земного шара.

— Въ такомъ случаѣ идите скорѣе!—сказала Гертруда,—не то васъ застигнетъ ночь. Теперь уже, навѣрно, часа два или три пополудни!.. Конечно, это только одно предположеніе, такъ какъ ничего положительнаго относительно времени здѣсь сказать нельзя: вѣдь, у насъ всѣ часы стоятъ...

— Что касается ночи, то объ этомъ вамъ безпокоиться нечего,—засмѣялся Норберъ Моони,—ночь едва ли можетъ застигнуть насъ. Если только мои разсчеты вѣрны, то мы имѣемъ еще передъ собою по меньшей мѣрѣ 264 часа дня...

— Возможно-ли? Неужели дни такъ длинны, здѣсь на лунѣ?

— Да, здѣсь день продолжается среднимъ числомъ четырнадцать сутокъ: вѣдь, лунный годъ имѣетъ всего только двѣнадцать такихъ продолжительныхъ дней.

— И за все это время мы не будемъ спать?—освѣдомилась съ видимымъ страхомъ и смущеніемъ Фатима.

— Нѣтъ, почему же? Ничто не мѣшаетъ намъ спать, когда захочется. Мало того, мнѣ кажется, что согласно нашимъ земнымъ привычкамъ намъ слѣдуетъ установить съ этою цѣлью опредѣленные періоды отдыха или сна черезъ равномѣрные промежутки времени. Мы будемъ спать днемъ, вотъ и все!..

— Ну, а ночь, когда ночь наступитъ, будетъ она такая

же длинная, какъ и день, господинъ Моони?—освѣдомилась Фатима.

— Да, точно такая же! Она будетъ продолжаться четырнадцать сутокъ и единственнымъ нашимъ освѣщеніемъ въ это время будутъ свѣтъ звѣздъ... и свѣтъ земли!..

— Ахъ, Боже мой! Какъ это странно! — воскликнула Фатима.

— Нѣтъ, почему же? Это отнюдь не болѣе странно, чѣмъ длинные дни и такіе же длинные ночи въ полярныхъ странахъ земного шара... Однако, намъ пора идти. Надо же постараться отыскать баронета!.. Пойдемте, докторъ... Виржиль, все-ли ты захватилъ съ собой? Карты, компасъ, барометръ все остальное, что намъ можетъ понадобиться?

— Да, господинъ Моони, я взялъ все, что вы приказали.

— Ну, хорошо! теперь впередъ!.. И теперь, вплоть до момента нашего возвращенія сюда, мы съ вами и глухи и нѣмы.

— Простите, еще одно слово! — взмолился докторъ.—А какъ будетъ здѣсь дѣйствовать барометръ?

— Да точно такъ, какъ и на землѣ или по крайней мѣрѣ почти такъ. Это одно изъ счастливѣйшихъ условій нашего настоящаго положенія. Смотрите, въ данный моментъ давленіе 772 миллиметра, и вы увидите, что когда мы очутимся снаружи, окажется то же самое. Это служитъ намъ доказательствомъ, что намъ сравнительно легко будетъ сохранить нашъ запасъ воздуха и сравнительно безнаказанно разгуливать въ этой разрѣженной атмосферѣ луны.

— Если она до такой степени разрѣжена, — замѣтилъ докторъ, — то чѣмъ объяснить такое явленіе, что давленіе барометра одно и то же, какъ на лунѣ, такъ и у насъ?

— На это можетъ быть лишь одно объясненіе, а именно, что атмосфера луны несравненно выше атмосферы земного шара! Замѣтьте, что это какъ нельзя лучше согласуется съ несравненно меньшей силой тяжести на поверхности этой планеты; этимъ же объясняется и то, что атмосфера луны невидима для наблюденій съ земли. Какъ видите, всѣ эти

явленія какъ бы вытекаютъ одно изъ другого... Но довольно болтать, идемте... на этотъ разъ намъ въ самомъ дѣлѣ слѣдуетъ идти!—И они вышли за дверь.

Наши изслѣдователи быстро спустились по дорогѣ, ведущей къ подошвѣ пика Тэбали, и затѣмъ по тому пологому скату кратера, который служилъ какъ бы продолженіемъ этой дороги, и вскорѣ очутились въ долинѣ, усѣянной второстепенными вулканами. Они прошли по ней, не останавливаясь, направляясь къ юго-востоку, и достигли, наконецъ, громадной песчаной низменности.

Низменность эта простиралась настолько, насколько только могъ хватить глазъ, т. е. вплоть до самаго края горизонта; и, какъ то предвидѣлъ молодой астрономъ, мѣстность эта чрезвычайно походила во всѣхъ отношеніяхъ на Сахару, съ тою только разницей, однако, что на всемъ протяженіи этого песчанаго океана не виднѣлось нигдѣ ни одного оазиса, и что здѣсь солнечный свѣтъ былъ еще ярче, еще ослѣпительнѣе, еще рѣзче, чѣмъ въ африканской пустынѣ.

Если бы здѣсь было хоть одно живое существо или даже хотя бы мертвое, безразлично, на этомъ громадномъ, залитомъ солнцемъ пространствѣ, его можно было бы увидѣть на разстояніи цѣлыхъ десяти миль. Но ни малѣйшій признакъ какого бы то ни было одушевленнаго или же неодушевленнаго существа не нарушалъ мертвеннаго однообразія этой безбрежной пустыни. Не подлежало никакому сомнѣнію, что баронета здѣсь не было.

— Пойдемте посмотрѣть, нѣтъ-ли его въ сторонѣ Аппениnъ!—написалъ Норберъ Моони на своей записной книжкѣ, которую онъ передалъ поочередно своимъ спутникамъ.

Это была большая горная цѣпь, нѣкоторыя изъ вершинъ которой по точнымъ измѣреніямъ нашихъ астрономовъ, достигаютъ не менѣе трехъ тысячъ метровъ надъ уровнемъ „Моря Ясности“, примыкая къ нему на сѣверо-востокѣ и уходя къ западу. Менѣе чѣмъ въ часъ времени наши путники добрались до первыхъ отроговъ этихъ горъ. Какъ и слѣдовало

ожидать, цѣпь эта представляла собою груды гигантскихъ скалъ вулканическаго характера, громоздившихся уступами, одинъ надъ другимъ, надъ цѣлымъ рядомъ громадныхъ потухшихъ кратеровъ.

Несмотря на слабую силу тяжести на поверхности луны, подъемъ на эти гигантскіе слѣды прежнихъ переворотовъ былъ дѣломъ далеко не легкимъ. Тѣмъ не менѣе наши трое французовъ основательно изслѣдовали эту горную цѣпь, постепенно взбираясь съ уступовъ на уступы, и, наконецъ, достигли одной изъ вершинъ, съ которой открывался на оба ската хребта обширный видъ на разстояніе по меньшей мѣрѣ шестидесяти миль. Барометръ указывалъ высоту 3,253 метровъ.

Тщетно, однако, бинокли и зрительныя трубы нашихъ изслѣдователей пытали всю даль этого обширнаго горизонта: всюду было безлюдно и безжизненно, нигдѣ ни малѣйшаго признака присутствія какого нибудь живаго существа. И здѣсь было то пустынное безлюдье и глухое одиночество, какъ и въ песчаномъ океанѣ „Моря Ясности“.

Норберъ Моони только что опустилъ свою зрительную трубу и готовился уже подать знакъ возвращенія въ обсерваторію, какъ вдругъ одна скала въ видѣ небольшой пирамидки, возвышавшаяся надъ тою вершиной, на которой они останавливались, случайно привлекла вниманіе молодого астронома. Онъ подошелъ къ ней поближе. Очевидно, этотъ осколокъ скалы былъ воздвигнутъ здѣсь человѣческой рукой; скала эта была грубая, необтесанная, но заботливо воздвигнутая стоймя, причемъ подъ основаніе ея было подложено много мелкихъ камней, чтобы не дать упасть или пошатнуться этому осколку скалы. Чтобы всякій навѣрное могъ знать, что долженъ означать этотъ первобытный памятникъ среди голой и безжизненной пустыни, на одной изъ сторонъ этой скалы было выцарапана ножемъ слѣдующая латинская надпись:

Sir Bucephalus Coghill, Bart.
Primus inter mortales.
Lunae montes Appeninos adiit.
M. DCCC. LXXXIV.

Иначе говоря:

„Серъ Буцефалъ Когхиллъ, баронетъ, первый изъ смертныхъ поднялся на горную цѣпь лунныхъ Аппенинъ“.

— Ну, вотъ!—засмѣялся Норберъ Моони, указывая доктору на надпись на скалѣ,—для того, чтобы увѣковѣчить здѣсь свое имя, нашъ милѣйшій баронетъ покинулъ насъ и надѣлалъ намъ столько тревоги!.. Теперь, вернувшись домой, мы, вѣроятно, застанемъ его уже въ овчарнѣ!.. Ну, кто-бы могъ думать, что онъ способенъ на подобный поступокъ пустаго тщеславія?

Весьма довольные этимъ заключеніемъ своихъ поисковъ, по крайней мѣрѣ въ томъ, что касалось сера Буцефала, наши трое изслѣдователей пустились въ обратный путь къ обсерваторіи. Съ той высоты, на которой они теперь находились, имъ была видна дорога самая прямая, какъ казалось, и ближайшая, и они рѣшились избрать именно ее. Это было своего рода ущелье, ведущее прямо къ кратеру Ретикуса, вѣроятно, русло какого нибудь могучаго широкаго потока, который силой пробилъ себѣ здѣсь дорогу къ морю. Здѣсь было и сравнительно прохладно, и тѣнисто, и что еще того лучше, наши путешественники вдругъ замѣтили, что они здѣсь слышатъ эхо своихъ шаговъ... Изъ этого Норберъ Моони заключилъ, что въ данный моментъ они находятся въ полосѣ воздуха болѣе или менѣе нормальной для нихъ.

Молодой ученый поспѣшилъ тотчасъ-же убѣдиться въ этомъ, отказавшись на минуту отъ своего респиратора. Но ему пришлось почти тотчасъ-же снова прибѣгнуть къ нему. Воздухъ здѣсь былъ недостаточно плотенъ, чтобы имъ можно было дышать. Кромѣ того, и здѣсь не было замѣтно ни малѣйшаго признака растительности... Значитъ, этотъ слой болѣе сгущеннаго воздуха также являлся клочкомъ атмосферы земнаго шара, уцѣлѣвшимъ на днѣ этого глубокаго и тѣснаго ущелья. Таковъ былъ, по крайней мѣрѣ, выводъ, къ которому пришелъ нашъ молодой астрономъ. Немного погодя, это предположеніе нашло себѣ подтвержденіе въ томъ, что они наткнулись совершенно неожиданно на обломки

одной изъ плавильныхъ печей стекляннаго завода, оторвавшейся, вѣроятно, отъ подошвы Тэбали и скатившейся въ русло пересохшаго горнаго потока.

Этотъ потокъ омывалъ когда-то подошву кратера Ретикуса, а, слѣдовательно, теперь и пика Тэбали, такъ что слѣдовавшіе по его изсохшему руслу путники пришли къ противоположному скату пика, по которому имъ и надлежало подняться къ обсерваторіи. Они воспользовались этимъ случаемъ, чтобы осмотрѣть и эту сторону пика, и пошли той тропинкой, которая вела мимо мѣста погребенія Радамехскаго карлика. Вдругъ они очутились лицомъ къ лицу съ такого рода зрѣлищемъ, какого они никакъ не могли ожидать.

Камень, которымъ былъ заваленъ входъ въ могилу карлика, отдѣлился, вѣроятно, во время катастрофы, вызвавшей перемѣщеніе пика Тэбали на луну, и теперь тѣло покойнаго карлика являлось на виду въ углубленіи скалы въ томъ самомъ видѣ, какъ его помѣстили тамъ воины черной стражи.

Норберъ Моони и Виржиль инстинктивно отвернулись отъ этого зрѣлища и хотѣли уже было приподнять съ земли камень, чтобы снова завалить имъ отверстіе въ скалѣ. Но докторъ подошелъ къ тѣлу карлика и принялся разглядывать его съ чрезвычайнымъ любопытствомъ. Затѣмъ онъ вдругъ нагнулся взялъ руку покойника и съ величайшимъ вниманіемъ сталъ присматриваться къ весьма примѣтной краснотѣ на этой рукѣ, краснотѣ, которую, повидимому, можно было приписать дѣйствію солнца.

Потомъ докторъ поспѣшно досталъ изъ своего кармана записную книжку и быстро написалъ на ней слѣдующія слова.

— Припекъ солнца на трупѣ!.. это нѣчто неслыханное! право-же, это ужъ слишкомъ невѣроятно даже и для жителей луны!—и обернувшись къ своему спутнику, онъ съ видимымъ волненіемъ передалъ ему свою записную книжку.

Норберъ Моони не безъ интереса прочелъ этотъ протестъ врача; конечно, къ числу несомнѣнныхъ признаковъ смерти

принадлежитъ и полнѣйшая невозможность заставить вздуться кожу мертваго подъ вліяніемъ ожога. Между тѣмъ докторъ, какъ-бы желая привести это дѣло въ ясность, досталъ изъ кармана свой стетоскопъ, приложилъ его къ груди покойника и сталъ внимательно слушать.

Но, увы!.. Вѣдь на лунѣ не существуетъ никакого звука. Докторъ тотчасъ-же вспомнилъ объ этомъ и рѣшилъ, что полнѣйшее отсутствіе біенія сердца еще ничего не доказываетъ при данныхъ условіяхъ.

Не долго думая, онъ обнажилъ тогда маленькую, тщедушную грудь карлика и нажалъ ладонью своей руки область сердца.

Да, онъ не ошибался!.. въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія!.. слабая пульсація, правда, едва примѣтная, ощущалась подъ рукой.

И вотъ прежде, чѣмъ Норберъ Моони и Виржиль успѣли сообразить, что, собственно говоря, намѣренъ сдѣлать докторъ, они увидѣли, какъ ихъ спутникъ нагнулся, схватилъ тѣло карлика на руки, точно шестимѣсячнаго младенца, и со всѣхъ ногъ бросился бѣжать со своей странной ношей по дорогѣ къ обсерваторіи.

Они послѣдовали за нимъ, все еще недоумѣвая.

Между тѣмъ докторъ Бріэ только пробѣжалъ черезъ круглую залу обсерваторіи мимо оторопѣлаго, безсмысленно смотрѣвшаго на него Тирреля Смиса, Гертруды Керсэнь и Фатимы, охваченныхъ ужасомъ и омерзѣніемъ и, вбѣжавъ въ свою комнату, уложилъ карлика на свою собственную кровать. Не теряя даромъ ни минуты времени, онъ со всѣхъ силъ принялся растирать все тѣло покойника жесткой платяной щеткой, и одновременно съ этимъ вдыхать при помощи серебряной трубки, взятой изъ его несессера, воздухъ въ легкія карлика, предварительно вытянувъ кончикомъ своихъ плоскозубыхъ щипцовъ страннаго вида скорченный и скрюченный языкъ своего паціента.

Норберъ Моони и Виржиль вошли слѣдомъ за докторомъ

въ его комнату и съ любопытствомъ слѣдили за всѣми его манипуляціями.

Благодаря столь энергичнымъ средствамъ, къ немалому удивленію Норбера Моони и Виржиля, Радамехскій карликъ сталъ замѣтно оживать въ рукахъ доктора. На ихъ глазахъ онъ сталъ дышать все глубже и глубже, подпрыгивалъ и корчился подъ грубымъ прикосновеніемъ жесткой щетки, красный, какъ вареный ракъ, кашлялъ, чихалъ, и, наконецъ, раскрылъ глаза и слабымъ голосомъ прошепталъ по французски:

— Пить!..

— Пить! Ахъ, хитрецъ! — воскликнулъ совершенно счастливый и сіяющій докторъ,—онъ проситъ пить!—Виржиль, дайте намъ по стаканчику добраго стараго вина,—добавилъ онъ, обращаясь къ Виржилю, весь красный и обливаясь потомъ.—Мы его вполнѣ заработали!..

Норберъ Моони между тѣмъ спрашивалъ себя, не во снѣ-ли онъ видитъ все это. Но сомнѣваться не было рѣшительно никакой возможности: Радамехскій карликъ, котораго всѣ считали умершимъ уже болѣе двухъ недѣль, и котораго вся черная гвардія, въ полномъ ея составѣ проводила въ могилу, теперь тутъ, на его глазахъ, живъ и здоровъ, дышетъ и говоритъ!.. Нѣтъ, это уже переходило за предѣлы возможныхъ странностей, даже и на лунѣ! — Ужъ не обладаетъ-ли эта наша спутница, чего добраго, способностью одарять новою жизнью земные организмы?.. Онъ положительно не зналъ, на какомъ предположеніи ему слѣдуетъ остановиться.

Докторъ былъ теперь слишкомъ занятъ и озабоченъ, чтобы къ нему можно было обратиться съ разспросами. Принявшись снова растирать своего больного все съ тѣмъ-же усердіемъ, онъ далъ ему вдохнуть чистаго кислорода и влилъ въ горло съ полрюмки крѣпкаго стараго вина, затѣмъ, отхлебнувъ и самъ съ добрые полъ стакана разомъ, принялся утирать потъ съ лица съ видомъ человѣка, весьма довольнаго результатами своихъ трудовъ.

— Ну, наконецъ! скажите-же мнѣ, что это за непости-

жимое явленіе, докторъ?—воскликнулъ Норберъ Моони, не будучи въ силахъ долѣе сдерживать свое нетерпѣніе.

— Это явленіе совершенно обычное, а вовсе не непостижимое!—засмѣялся докторъ Бріэ.—Ничего не можетъ быть проще этого. Мы имѣемъ передъ собою самый обыкновенный случай каталепсіи. Но, что всего важнѣе, эта каталепсія произвольная, умышленная, такъ сказать. Мнѣ уже давно было извѣстно, что нѣкоторые фокусники и индѣйскіе факиры умѣютъ достигать такого рода результатовъ, но я никогда еще не имѣлъ случая лично наблюдать подобныхъ явленій. Вотъ почему данный случай такъ заинтересовалъ меня... Ничего болѣе благопріятнаго для меня въ этомъ отношеніи я не могъ-бы желать... Вотъ теперь вы сами свидѣтель, что этотъ субъектъ представлялъ собою всѣ самые несомнѣнные признаки смерти, и что онъ пробылъ въ могилѣ... сколько времени?.. ну, по меньшей мѣрѣ цѣлыхъ двѣ недѣли!..

— Даже немного болѣе, если не ошибаюсь!—отозвался Норберъ Моони.

— Конечно, это много меньше, чѣмъ знаменитый цейлонскій факиръ, котораго наблюдалъ докторъ Сіеркъ, и который пробылъ въ землѣ шесть мѣсяцевъ. Но надо, однако, быть справедливымъ; мы потревожили этого господина, а то, быть можетъ, и онъ пробылъ-бы не только шесть мѣсяцевъ, да, пожалуй, даже и цѣлыхъ шесть лѣтъ на томъ мѣстѣ, гдѣ мы его нашли!

— Мнѣ кажется, что быть зарытымъ шесть мѣсяцевъ или шесть дней, это почти одно и то-же!—замѣтилъ Норберъ Моони,—и чудо одинаково поразительно какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ!.. Но чѣмъ его можно объяснить?

— Насколько мнѣ извѣстно, это достигается послѣдовательнымъ упражненіемъ. Эти факиры и индѣйскіе жонглеры постепенно пріучаютъ себя, путемъ чрезвычайно продолжительныхъ опытовъ полнѣйшей неподвижности, сводить до минимума свою растрату жизненныхъ силъ. Они усердно

упражняются, чтобы не дышать по долгу, проводятъ лежа неподвижно въ тѣсномъ ящикѣ, болѣе или менѣе герметически закупоренномъ, сначала по нѣсколько минутъ, затѣмъ по нѣскольку часовъ, наконецъ, и по нѣскольку дней, недѣль и даже мѣсяцевъ. Мало того, они пріучаются также наполнять свой желудокъ, какъ какой нибудь резервуаръ, дыхательнымъ воздухомъ обычной своей атмосферы, который они впослѣдствіи умѣютъ пропускать въ чрезвычайно маломъ количествѣ, т. е. по очень немногу, въ свои легкія. Съ этою цѣлью они подрѣзываютъ себѣ жилки подъ языкомъ, что позволяетъ имъ совершенно закидывать назадъ языкъ и закрывать имъ гортань, такъ что они по желанію могутъ открывать и закрывать дыхательное горло, по мѣрѣ надобности. Кромѣ того, эти люди умѣютъ дѣйствовать посредствомъ самовнушенія и гипнотизировать себя, упорно глядя на кончикъ своего носа; умѣютъ достигать такого сокращенія грудныхъ мускуловъ и черезъ это прекращаютъ дѣятельность своего сердца по крайнѣй мѣрѣ настолько, что его біеніе дѣлается совершенно неуловимо для выслушиванія даже посредствомъ стетоскопа. Затѣмъ, какъ вы, конечно, и сами знаете, они владѣютъ секретомъ такихъ ядовъ, которые совершенно незнакомы нашей, европейской химіи и которые мгновенно производятъ такое дѣйствіе, что наступившая подъ ихъ вліяніемъ мнимая смерть положительно ничѣмъ не отличается отъ дѣйствительной смерти и можетъ ввести въ заблужденіе каждаго.

— Изъ всего этого вы видите, милѣйшій мой Моони, что, обладая совокупностью всѣхъ вышеупомянутыхъ средствъ и пріемовъ, эти господа, факиры и фокусникм, которые по истинѣ могутъ быть названы артистами своего дѣла, безъ труда могутъ создать самую полпую иллюзію смерти и безнаказанно дать зарыть себя даже и на весьма продолжительный срокъ. Въ это время они живутъ или, вѣрнѣе, прозябаютъ въ своемъ гробу или могилѣ до того самаго момента, когда ихъ друзья или родственники найдутъ нужнымъ вырыть ихъ и возвратить опять къ жизни.

— Въ томъ случаѣ, который наблюдалъ докторъ Сіеркъ, мнимый покойникъ былъ зарытъ въ землю и накрытъ слоемъ чернозема, на которомъ посѣяли маисъ. И только тогда, когда совершенно вызрѣвшій маисъ былъ надлежащимъ порядкомъ убранъ, т. е. по прошествіи цѣлыхъ шести мѣсяцевъ, тѣло факира было вырыто изъ земли,—и онъ вновь ожилъ!

Норберъ Моони съ живымъ любопытствомъ слушалъ объясненія и разсказъ доктора Бріэ. Но интересъ его былъ ничто, въ сравненіи съ тѣмъ напряженнымъ вниманіемъ, какое проявлялъ къ его словамъ Каддуръ.

Совершенно пришедшій въ себя карликъ теперь уставился широко-раскрытыми глазами на доктора и, напрягая свой слухъ и вниманіе, старался не проронить ни одного слова изъ того, что говорилось.

Докторъ замѣтилъ это и поспѣшилъ прервать свою лекцію, рѣшившись продолжать ее въ большой круглой залѣ: онъ не считалъ удобнымъ, чтобы его паціентъ такъ волновался тотчасъ послѣ своего возвращенія къ жизни.

— Ну, что, милѣйшій мой!—сказалъ онъ, обращаясь къ карлику съ чисто профессіональной дружелюбной, немного покровительственной фамильярностью, ласково потрепавъ его по плечу, — теперь намъ, повидимому, много легче, не правда-ли?..

— Но вотъ тебѣ добрый мой совѣтъ не повторяй ты больше этихъ шутокъ; тѣмъ болѣе, что теперь, вѣдь, они не могутъ ужъ ввести насъ еще разъ въ обманъ!.. Виржиль сейчасъ принесетъ тебѣ чашку крѣпкаго бульона, Реймскій бисквитъ и полъ-рюмочки стараго Бордо... а затѣмъ, надо будетъ хорошенечко выспаться, послѣ чего, когда ты, наконецъ, проснешься, будешь здоровъ, какъ я!

Слушая доктора, и глядя на его привѣтливое, ласковое обращеніе съ этимъ уродливымъ, безобразнымъ и зловреднымъ существомъ, которое еще не такъ давно было на волосокъ отъ вполнѣ имъ заслуженной смертной казни, и которое избѣгло ее только тѣмъ, что прикинулось отравившимся

ядомъ, можно было подумать, что онъ имѣетъ дѣло съ самымъ добродѣтельнѣйшимъ, съ самымъ безобиднѣйшимъ изъ людей, что это его любимый паціентъ, дорогое дѣтище, выняньченное имъ съ раннихъ лѣтъ. Такова сила своеобразнаго чувства врача къ своему больному: она совершенно сглаживаетъ и уничтожаетъ въ его глазахъ всѣ постороннія условія и обстоятельства даннаго случая, всякія постороннія соображенія и заставляетъ его относиться къ больному безъ всякаго отличія, будь онъ бѣдный или богатый, вліятельный или-же жалкій, слабый и хилый; будь онъ человѣкъ честный и добродѣтельный или-же самый отъявленный мошенникъ, негодяй и преступникъ: для врача ничего этого не существуетъ, — въ его глазахъ каждый больной ничто иное, какъ предметъ для изученія, для проявленія на немъ знаній и искусства, предметъ, ввѣренный его попеченію и заботамъ,—ничего болѣе.

И такова сила примѣра, что всѣ обитатели обсерваторіи отнеслись къ Каддуру точно также, какъ къ нему отнесся докторъ Бріэ. Всѣ какъ будто совершенно забыли о всѣхъ злодѣяніяхъ и преступленіяхъ Каддура и смотрѣли на него сначала только, какъ на любопытный феноменъ, а затѣмъ, какъ на своего несчастнаго брата, товарища по бѣдѣ, — „Изгнанника Земли“, какъ и сами они.

Когда по прошествіи нѣсколькихъ часовъ времени Каддуръ могъ встать и придти въ галлерею телескоповъ, гдѣ для него раскинули походную кровать, всѣ одни за другими спѣшили выказать ему свое участіе и расположеніе. Норберъ Моони предложилъ ему часть своего бѣлья; Гертруда принесла ему бульонъ, приготовленный подъ ея личнымъ наблюденіемъ; Фатима предложила ему сыграть съ нимъ партію въ шахматы, если только онъ того желаетъ, и принесла доску и игру къ его кровати, выразивъ желаніе развлечь его. Что-же касается Виржиля, то этотъ добродушный человѣкъ уже въ продолженіи цѣлыхъ шести часовъ, т. е. съ перваго момента появленія Каддура въ обсерваторіи, не переставалъ всячески ухаживать за нимъ. Только одинъ Тиррель Смисъ

сохранялъ какую-то недовѣрчивую сдержанность по отношенію къ бѣдному карлику и, повидимому, въ душѣ осуждалъ такое заботливое ухаживаніе другихъ за этимъ уродцемъ, считая это совершенно неумѣстнымъ и не подобающимъ. Собственно говоря, ему ужасно не доставало присутствія сера Буцефала, чтобы рѣшить окончательно вопросъ о томъ, насколько ему слѣдуетъ принять участіе въ этомъ общемъ настроеніи. Будь здѣсь въ числѣ другихъ и баронетъ, и окажи онъ съ своей стороны то-же вниманіе и любезное снисхожденіе этому безобразному карлику, Тиррель Смисъ, конечно, счелъ-бы своимъ долгомъ въ точности послѣдовать примѣру своего господина, такъ какъ благовоспитанный, образцовый слуга и камердинеръ всегда и во всемъ долженъ быть солидаренъ со своимъ господиномъ. Но такъ какъ баронетъ отсутствовалъ, то Тиррель Смисъ счелъ за лучшее воздержаться отъ всякаго рода проявленій своихъ чувствъ.

А между тѣмъ баронета все еще не было, и его отсутствіе становилось все болѣе и болѣе необъяснимымъ. Однако, съ того момента какъ наши друзья встрѣтили его надпись на одной изъ вершинъ Лунныхъ Аппенинъ, казалось, что особенно безпокоиться о немъ нечего,

Сначала Радамехскій карликъ упорно молчалъ и съ безучастнымъ равнодушіемъ относился къ заботливому ухаживанію и всѣмъ признакамъ явнаго къ нему расположенія, какія старались проявить по отношенію къ нему всѣ присутствующіе. Казалось, одному только доктору удалось попасть къ нему въ милость и только когда онъ заговаривалъ съ нимъ, угрюмый карликъ оставался, повидимому, доволенъ; на другихъ-же онъ положительно не обращалъ никакого вниманія.

Когда-же онъ успѣлъ убѣдиться, что это выраженіе симпатіи къ нему вполнѣ искренно, что всѣ эти люди относятся къ нему дѣйствительно сердечно и съ непритворной лаской; когда онъ понялъ, что ему отъ души простили всѣ его прежніе проступки и смотрятъ на него какъ на своего человѣка, какъ на друга, а не какъ на врага; когда онъ,

наконецъ, убѣдился, что все прошлое настолько забыто, что его каждый разъ зовутъ къ столу и сажаютъ вмѣстѣ съ собой и за обѣдомъ, и за ужиномъ и дѣлятъ съ нимъ каждый кусокъ и каждый глотокъ совершенно по братски, то такая безмѣрная доброта со стороны людей, которымъ онъ всегда старался дѣлать только зло, — до того потрясла и разстрогала его, что, не будучи въ силахъ сдержать своего порыва, онъ вдругъ зарыдалъ, какъ ребенокъ, и разразился обильными слезами.

Съ этого момента онъ разомъ совершенно измѣнился и въ своемъ отношеніи ко всѣмъ, и въ своей манерѣ держать себя.

Онъ по прежнему говорилъ очень мало и неохотно, но выраженіе тихой грусти, почти кротости замѣнило на его лицѣ прежнее выраженіе угрюмой недовѣрчивости и мрачнаго вызова, читавшееся прежде въ его чертахъ. Повидимому, какая-то новая струна зазвучала въ этомъ изстрадавшемся, наболѣвшемъ сердцѣ. Въ первый разъ въ жизни чувство ненависти и злобы къ людямъ тяготило и давило его. Порою въ его глазахъ можно было прочесть нѣчто, похожее на прискорбное удивленіе или недоумѣніе.

— Неужели, казалось, говорилъ его взглядъ, неужели, на самомъ дѣлѣ существуютъ добрые, честные, прямодушные люди, не только въ воображеніи мечтательныхъ поэтовъ, но и въ дѣйствительной жизни?.. — Такъ, значитъ свѣтъ наполненъ не только одними мучителями и мучениками, не одними побѣдителями и жертвами? Значитъ, есть еще и такія существа, которыя живутъ безъ злобы и дѣлаютъ добро просто изъ одной любви къ добру, люди, презирающіе мщеніе и одинаково далекіе, какъ отъ подлости трусливаго рабства, такъ и отъ надменности жестокаго деспотизма!..

И, припомнивъ при этомъ всѣ тѣ ужасныя вины, которыя ему слѣдовало загладить по отношенію къ этимъ людямъ, сравнивая поведеніе ихъ по отношенію къ себѣ со своимъ поведеніемъ по отношенію къ нимъ, будь онъ на

мѣстѣ ихъ, а они на его, онъ положительно изнемогалъ подъ бременемъ упрековъ своей совѣсти и не зналъ, гдѣ и въ чемъ ему искать спасенія.

Въ силу какого-то необъяснимаго чувства Норберъ Моони и Гертруда Керсэнъ угадывали сердцемъ, подъ множествомъ противорѣчивыхъ чувствъ, мыслей и ощущеній, отражавшихся на лицѣ этого отверженнаго человѣка, котораго всѣ они теперь старались обласкать и приблизить къ себѣ, глубоко прискорбную повѣсть безъисходнаго горя и отчаянія. И такъ какъ у обоихъ молодыхъ людей сердце было доброе и мягкое, то такого рода предугадываніе тайны прошлаго этого человѣка было для нихъ лишь новымъ поводомъ къ тому, чтобы удвоить свое вниманіе и ласку къ этому несчастному. Они были до того деликатны и бережны въ своихъ отношеніяхъ къ карлику, что даже никогда ни однимъ словомъ не упоминали ни въ разговорѣ съ нимъ, ни даже въ его присутствіи о прошедшемъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ, не трудно себѣ представить, какъ сильно ихъ интересовала эта загадочная личность, съ ея гигантскими страстями въ этомъ крошечномъ тѣльцѣ жалкаго карлика; съ такими громадными сокровищами различныхъ таинственныхъ знаній и притомъ съ такой дикостью, такимъ варварствомъ!

Интересовала ихъ и эта кажущаяся столь унизительной и презрѣнной роль его при Радамехскомъ Могаддемѣ, и та страшная власть, которую онъ проявлялъ предъ ними!.. Но Каддуръ, повидимому, желалъ сохранить тайну своей жизни и этого было вполнѣ достаточно, чтобы никто не подумалъ даже коснуться этой тайны.

V. Исторія Каддура.

Мало по малу Радамехскій карликъ сталъ оживать и расцвѣтать въ этой новой для него атмосферѣ ласки и всеобщаго расположенія. Но изъ всѣхъ окружающихъ только одинъ докторъ Бріэ обладалъ способностью извлекать изъ

него, время отъ времени, нѣсколько словъ, подтрунивая съ веселымъ добродушіемъ надъ его фокусами и различными чудесами магіи.

Въ отвѣтъ на шутки доктора лицо Каддура на мгновеніе освѣщалось блѣдной улыбкой, и молчаливый, печальный карликъ рѣшался отвѣчать своему собесѣднику въ томъ же шутливомъ тонѣ, но на манеръ авгура, говорящаго съ другимъ такимъ же авгуромъ. Въ этихъ случаяхъ онъ всегда проявлялъ столько серьезныхъ научныхъ знаній, что положительно нельзя было не удивляться ему.

— Этотъ парень—настоящій „кладезь мудрости", живая энциклопедія!—восклицалъ каждый разъ докторъ Бріэ.—Физика, химіи, физіологія, математика, естественныя науки, медицина, древніе и новые языки, военное искусство и военныя науки,—все это хорошо извѣстно ему. Я часто спрашиваю себя, откуда онъ добылъ все это и гдѣ нахватался такой бездны знаній! Я не разъ хотѣлъ спросить его объ этомъ, но всегда какое-то необъяснимое чувство совѣстливости удерживаетъ меня отъ разспросовъ.

— Я вполнѣ понимаю, что удерживаетъ васъ, дядя,— проговорила Гертруда Керсэнь,—вы внутренно говорите себѣ: „я спасъ жизнь этому несчастному человѣку и, слѣдовательно, онъ мнѣ обязанъ, а потому требовать отъ него разоблаченія его тайнъ было бы въ нѣкоторомъ родѣ требованіемъ отплаты за оказанную ему услугу.

— Ну, да!.. Пожалуй, ты и права, моя милая!.. Очень можетъ быть, это именно то самое и есть,—отвѣчалъ докторъ—но кромѣ того, есть еще и нѣчто другое, что меня останавливаетъ! — добавилъ онъ, смѣясь.—Видишь-ли, меня смущаетъ какое-то предчувствіе, нѣтъ, болѣе того, почти увѣренность, что Каддуръ, если бы я рѣшился его спросить объ этомъ, наразсказалъ бы мнѣ такихъ басень, отъ которыхъ можно стоя заснуть!..

Быть можетъ, докторъ, дѣйствительно, былъ правъ въ этомъ отношеніи, потому что не подлежало сомнѣнію, что, несмотря на явную и рѣзкую перемѣну, происшедшую въ

карликѣ, между нимъ и окружающими его людьми все еще не существовало той гармоніи чувствъ, того полнаго единодушія, при которомъ такъ легко живется людямъ. Казалось, будто какая то тяжесть лежала на душѣ у Радамехскаго карлика и мѣшала ему отдаться всей душой тому дружественному теченію, какое, помимо его воли, увлекало его за собой.

Но вотъ непредвидѣнный случай открылъ тайну происходившей въ немъ внутренней борьбы. Однажды, разговаривая за столомъ о различныхъ предметахъ, Норберъ Моони въ присутствіи Каддура упомянулъ объ одной изъ низкихъ продѣлокъ Костеруса Вагнера, Питера Грифинса и Игнатія Фогеля, и при этомъ добавилъ со свойственной ему откровенностью и чистосердечіемъ.

— Какое счастье, право, что при постигшей насъ катастрофѣ съ нами нѣтъ этихъ каналій!

При этихъ словахъ молодого ученаго въ глазахъ Каддура сверкнулъ огонь. Съ минуту онъ колебался, но затѣмъ, собравшись съ духомъ, проговорилъ, обращаясь прямо къ Норберу Моони.

— Извините меня, г. Моони, если я позволю себѣ,—съ вашего разрѣшенія, конечно,—одинъ вопросъ!—при этомъ голосъ карлика звучалъ особенно вѣжливо и скромно.

Всѣ невольно подняли голову и взглянули на Каддура, потому что онъ первый разъ говорилъ такимъ образомъ, первый разъ обращался къ кому нибудь съ вопросомъ.

— Сдѣлайте одолженіе, спрашивайте все, что хотите,— съ готовностью отозвался Норберъ Моони, — я охотно слушаю васъ!

— Если это не будетъ слишкомъ большой нескромностью съ моей стороны,—продолжалъ Каддуръ,—то я желалъ бы знать, изъ числа-ли вашихъ друзей тѣ господа, о которыхъ вы сейчасъ изволили упомянуть?

— Какіе господа?... Костерусъ Вагнеръ, Питеръ Грифинсъ и Игнатій Фогель?

— Да, главнымъ образомъ два послѣдніе!

— Ахъ что вы! Эти господа никогда не были и не могли быть моими друзьями!..

— Но я полагалъ,—прошепталъ Каддуръ, чрезвычайно, смущенный,—я полагалъ, что эти господа ваши компаніоны!..

— Да, если хотите, они, дѣйствительно, мои компаніоны но прежде всего это мои заклятые враги, которые не останавливались ни передъ чѣмъ, лишь бы воспрепятствовать осуществленію моей завѣтной мысли, моего предпріятія!..

— Возможно-ли?!.. воскликнулъ Каддуръ, вскочивъ со своего стула,—а, теперь я все понимаю! Да, все!.. такъ это они возвѣстили, черезъ посредство одного араба, Радамехскаго Могаддэма о вашемъ намѣреніи и выдали ему вашу тайну... Какъ же я ослѣпленъ былъ тогда, какъ могъ я такъ грубо заблуждаться!!.. Но эти люди—продолжалъ карликъ и вдругъ остановился среди своего неожиданнаго порыва и вперилъ въ Норбера Моони глаза, горѣвшіе особеннымъ огнемъ,—эти люди, которыхъ вы допустили стать участниками вашей экспедиціи въ Суданъ, неужели они вамъ совершенно неизвѣстны? Неужели вы даже не знали, кто они?

— Я положительно ничего не зналъ о нихъ! Это были не болѣе, какъ случайные сотрудники, навязанные мнѣ силою обстоятельствъ, или, иначе говоря, просто контролеры по денежной части, всегда стоявшіе въ сторонѣ и не имѣвшіе рѣшительно ничего со мною общаго. Я даже не знаю, кто они, чѣмъ занимались раньше и откуда взялись! Да, въ сущности, не все-ли мнѣ это равно?!..

— Но мнѣ это не все равно! И я, который знаю объ этомъ, долженъ вамъ сказать все, что знаю о нихъ! — воскликнулъ Каддуръ, которымъ съ каждою минутой овладѣвало сильное волненіе. — Я долженъ разсказать вамъ все это, потому что это единственное оправданіе мое передъ вами за все то зло, которое я сдѣлалъ и собирался сдѣлать вамъ!.. Я долженъ это сдѣлать, потому что вы своими послѣдними словами разбили послѣднюю преграду, стоявшую между вами и моей къ вамъ признательностью!.. Но развѣ я могъ знать?.. Я смѣшивалъ васъ всѣхъ въ одно общее

чувство ненависти и презрѣнія, какое я питалъ къ этимъ людямъ!.. Ахъ, г. Моони, вы не повѣрите, какъ я счастливъ теперь, счастливъ тѣмъ, что эти люди не ваши друзья!... Вѣдь, это, дѣйствительно, правда?.. Если бы они были вашими друзьями, то, несмотря на все то, чѣмъ я вамъ обязанъ, несмотря на все ваше великодушіе и доброту, я никогда не могъ бы стать вашимъ другомъ!

И бѣдный карликъ, обливаясь слезами, сжималъ въ своихъ рукахъ руку Норбера Моони, протянутую къ нему честно, благородно и открыто.

— Значитъ, вы знаете Грифинса и Фогеля?—съ любопытствомъ освѣдомился докторъ.

— Знаю-ли я ихъ, этихъ мерзавцевъ и негодяевъ, этихъ извергов, которые лишили меня моей доли счастья на землѣ? Да, я ихъ знаю слишкомъ хорошо знаю!—воскликнулъ Каддуръ ужаснымъ, угрожающимъ голосомъ.—Эти два негодяя лишили меня не только всѣхъ радостей жизни, но даже и образа человѣческаго! Эти изверги въ продолженіи цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ подвергали меня самымъ ужаснымъ пыткамъ и мученіямъ, чтобы сдѣлать меня посмѣшищемъ для цѣлаго свѣта!.. Да, я знаю и ненавижу ихъ отъ всей души, до того, что готовъ отдать жизнь за то, чтобы хотя одно мгновеніе держать ихъ въ своихъ рукахъ и заставить ихъ выстрадать хотя бы только тысячную долю того, что они заставили меня выстрадать и претерпѣть! Да, ради этого я рѣшился бы на все на свѣтѣ!

Въ этихъ словахъ карлика звучала такая бѣшеная, такая демонская злоба, что, слушая его, нельзя было не содрогнуться. Но не смотря на то, никто изъ присутствующихъ не подумалъ даже остановить его или осудить за эту неистовую злобу, за эту непримиримую ненависть и вражду. Несмотря на свою столь уродливую внѣшность, этотъ карликъ внушалъ всѣмъ еще больше уваженія, чѣмъ чувства жалости. И въ этомъ отношеніи обитатели обсерваторіи, сами того не сознавая, невольно поддавались тому впечатлѣнію, какое Каддуръ обыкновенно производилъ на всѣхъ, съ кѣмъ ему

приходилось имѣть дѣло. Невѣжды, ослѣпленные его могуществомъ, видѣли въ немъ существо, одаренное сверхъестественными силами, люди, болѣе развитые и просвѣщенные, не могли не отдать должной справедливости выдающемуся уму даже и тогда, когда возмущались его шарлатанствомъ. Но теперь, когда этотъ странный человѣкъ рѣшился приподнять завѣсу своего прошлаго, когда изъ-за нея глянулъ цѣлый рядъ горькихъ дней, страданія и мученій, святость мученическаго ореола усилила еще болѣе обаяніе его генія и странной загадочности его личности. Вотъ почему теперь всѣ, здѣсь собравшіеся, молча слушали его и съ живымъ интересомъ ожидали дальнѣйшихъ объясненій, не смѣя, однако, ни однимъ словомъ выказать своего нетерпѣнія или любопытства.

Съ минуту Каддуръ молчалъ, видимо, погруженный въ тяжелыя воспоминанія своего прошлаго, затѣмъ, поднявъ голову, продолжалъ:

— Думаю, что для васъ едва-ли можетъ быть интересно услышать повѣсть моей грустной жизни,—при этомъ голосъ его звучалъ какъ-то мрачно и угрюмо, а брови сурово сдвигались на его морщинистомъ лбу.—тѣ вопіющія несправедливости и страданія, какимъ меня подвергали жизнь и люди, конечно, вызовутъ въ васъ только чувство жалости ко мнѣ, а это чувство для меня столь же ненавистно и оскорбительно, какъ и самая ѣдкая, самая злобная иронія...

На это всѣ наперерывъ поспѣшили выразить ему свое живѣйшее чувство симпатіи, свое горячее сочувствіе къ его страданіямъ и увѣрили его, что всѣ они движимы въ данномъ случаѣ отнюдь не празднымъ любопытствомъ, но сердечнымъ желаніемъ раздѣлить съ нимъ все горе его прошлой жизни. Докторъ и на этотъ разъ сумѣлъ затронуть самую слабую струну Каддура, заговоривъ о томъ, что его біографія представляетъ для него чисто научный интересъ. Это заставило, наконецъ, Каддура рѣшиться приступить къ повѣствованію исторіи своей жизни.

— Васъ, вѣроятно, удивитъ,—началъ онъ,—если я скажу,

что я вашъ соотечественникъ? Правда, я не смѣю навѣрное утверждать этого, такъ какъ не имѣю на то достаточно основательныхъ данныхъ. Собственно говоря, я не имѣю ни настоящей родины, ни человѣческаго имени. Зовутъ меня Каддуръ, но мнѣ смутно помнится, что когда я былъ маленькимъ ребенкомъ, меня звали Шарль. Что же касается фамиліи моей, то я совсѣмъ не помню ее, да, кажется, никогда и не зналъ и ужъ, конечно, никогда не узнаю ея. Мою семью, родину и мѣсто у родного очага, какъ бы убогъ и скроменъ онъ ни былъ,—все это разомъ отняли у меня въ самомъ началѣ моей жизни. Но нѣкоторыя отдѣльныя обстоятельства, нѣкоторые факты, Богъ вѣсть, какимъ путемъ уцѣлѣвшіе въ моей памяти, случайно пойманныя на лету слова, отрывки разговоровъ, надъ которыми я потомъ долго думалъ, даже самое знаніе французскаго языка, какое я однажды, совершенно случайно, открылъ въ себѣ,—языка, котораго я никогда не изучалъ,—все это, вмѣстѣ взятое, заставило меня придти къ тому заключенію, что я родомъ французъ, что въ этой славной странѣ прошли ранніе дни моего дѣтства. И я съ радостью уцѣпился за это убѣжденіе, потому что для меня было бы ужасно думать, что я принадлежу къ той же націи, къ какой принадлежали мои палачи!

— Мнѣ, вѣроятно, было года три или четыре, когда меня похитили эти негодяи. Родители мои жили въ то время, какъ мнѣ помнится, въ веселой, живописной деревенькѣ и, должно быть, были скромные земледѣльцы. Каждый разъ, когда мнѣ, въ теченіе всей моей жизни, приходилось видѣть виноградники, я испытывалъ необъяснимое чувство существа, попавшаго въ свою родную стихію; я чувствовалъ въ нихъ что то родное и близкое душѣ, а потому полагаю, что моя семья была или изъ Бургиньона, изъ Бордо, или изъ Лангедока. Какъ бы тамъ ни было, но только я прекрасно помню, что однажды странствующій циркъ заѣхалъ къ намъ въ деревню и раскинулъ невдалекѣ отъ насъ свою громадную пеструю палатку. Родители мои свели меня на одно изъ представленій цирка,—и съ того момента я ни о

чемъ другомъ не помышлялъ, ни о чемъ не думалъ и на яву, и во снѣ, какъ только о забавныхъ клоунахъ, блестящихъ наѣздникахъ, дрессированныхъ собачкахъ и красиво осѣдланныхъ лошадяхъ. И вотъ, въ одинъ прекрасный день, томимый непреодолимымъ желаніемъ увидѣть все это еще разъ, я крадучись, ползкомъ на четверинкахъ, пробрался подъ пеструю холщевую стѣнку палатки, казавшуюся мнѣ тогда оградой рая. Не прошло десяти минутъ, какъ я пробрался туда и съ напряженнымъ вниманіемъ наблюдалъ, какъ клоуны и канатные плясуны собирали различныя принадлежности своего ремесла, очевидно, готовясь къ отъѣзду, какъ вдругъ чья то тяжелая, громадная рука грузно опустилась на меня, закрыла мнѣ ротъ, такъ что я не могъ крикнуть, и утащила меня въ какой то темный уголъ. Здѣсь я очень долго проплакалъ и, наконецъ, заснулъ. Когда же я проснулся, то увидѣлъ себя въ одномъ изъ передвижныхъ домиковъ на колесахъ, которые такъ сильно возбуждали мое любопытство, и которымъ я такъ дивился, какъ чему, то невѣроятному. И вотъ съ тѣхъ поръ я сдѣлался противъ воли принадлежностью этой труппы странствующихъ артистовъ, и въ теченіе долгихъ, мучительныхъ пятнадцати лѣтъ мнѣ было суждено оставаться покорной, безотвѣтной вещью въ рукахъ владѣльца цирка.

— Можетъ быть, вамъ кажется страннымъ, что въ памяти моей уцѣлѣли такія точныя воспоминанія относительно нѣкоторыхъ вещей и обстоятельствъ, тогда какъ многое другое мнѣ помнится лишь смутно. Но я, вѣдь, ничего не смѣю утверждать навѣрное. Я говорю вамъ то, что мнѣ помнится самому, говорю такъ, какъ это сложилось и сохранилось въ моей памяти, на самомъ днѣ души. Но въ теченіе всей моей жизни я всегда цѣплялся за эти раннія воспоминанія, какъ за единственныя свѣтлыя точки моего существованія. Нашъ маленькій залитый ласковымъ солнцемъ садъ, нѣжный поцѣлуй матери, веселый, даже добродушный смѣхъ отца, вотъ то, чего не смогли изгладить изъ моей памяти ни годы, ни страданія, ни дикое, варварское

обращеніе со мной людей, въ рукахъ которыхъ я тогда находился.

Каддуръ остановился на минуту, какъ бы отдаваясь въ душѣ этимъ сладкимъ воспоминаніямъ своего ранняго дѣтства, а глаза слушателей невольно наполнялись слезами, во время изложенія скорбной повѣсти этого человѣка, который вдругъ сталъ всѣмъ имъ близокъ, какъ родной.

— Питеръ Грифинсъ и Игнатій Фогель,—продолжалъ карликъ,—были владѣльцами и директорами этого странствующаго цирка. У этихъ негодяевъ былъ въ ту пору карликъ, который представлялъ собою главную приманку ихъ цирка, но карликъ этотъ захворалъ. Опасаясь, что онъ умретъ и они такимъ образомъ лишатся главнаго источника своихъ доходовъ, эти изверги возымѣли дьявольскую мысль подготовить себѣ искусственнаго карлика,—и этимъ карликомъ долженъ былъ сдѣлаться я!.. Они осудили меня не рости— заключили мое бѣдное тѣло въ желѣзные тиски, въ которыхъ оно, сдавленное тугими холщевыми бинтами, не могло болѣе нормально развиваться, а уродовалось и становилось съ каждымъ годомъ болѣе безобразнымъ. Стиснутое въ желѣзныхъ тискахъ, оно не могло рости, какъ не ростетъ нога китаянки, стиснутая въ деревянной колодкѣ. Какъ видите, ихъ хитроумная выдумка удалась имъ какъ нельзя лучше. Конечно, на это потребовалось не мало времени, варварскихъ истязаній и горькихъ слезъ... Но что до всего этимъ тиграмъ въ человѣческомъ образѣ?..

— По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ украшенный громкимъ названіемъ „Генерала Миджи, бывшаго главнокомандующаго Мирмидоновъ, султана Батавіи“, я былъ выставленъ на показъ почтенной публикѣ...

— Я не стану говорить здѣсь о всѣхъ тѣхъ униженіяхъ, оскорбленіяхъ, невыразимыхъ душевныхъ страданіяхъ всякаго рода, которыя ежедневно выпадали мнѣ на долю, но я не могу позабыть о нихъ, хотя бы прожилъ нѣсколько тысячъ лѣтъ!.. Все это уцѣлѣло въ моей памяти до самыхъ мелочей такъ, какъ если бы я все это подробно записывалъ

изо дня въ день... Мы изъѣздили множество странъ. Всюду меня показывали на посмѣшище зѣвакамъ и ротозѣямъ всѣхъ націй отъ сѣвера до юга, отъ востока и до запада. Мы положительно изъѣздили весь свѣтъ, и я научился ненавидѣть и презирать людей многихъ странъ. Долгое время мое уродство давало хорошіе доходы моимъ мучителямъ и тиранамъ, но, конечно, не мнѣ: я не получалъ изъ ихъ барышей ни малѣйшей доли; мало того, меня держали въ тѣсномъ заключеніи, въ клѣткѣ, точно звѣря, подъ постояннымъ строгимъ присмотромъ изъ опасенія, чтобы я не сбѣжалъ. Меня безпрестанно мучило сознаніе, что я служу источникомъ богатства и благополучія для тѣхъ безчеловѣчныхъ извергов, которые изуродовали мое тѣло и превратили изъ человѣка, какъ всѣ люди, въ безобразное, отталкивающее чудовище, утратившее даже образъ человѣческій.

— Наконецъ, доходы антрепренеровъ стали, мало по малу, уменьшаться; люди наглазѣлись въ волю, и я пересталъ быть диковинной новинкой, на которую всѣ эти зрители ловились, какъ на удочку. И вотъ въ одинъ прекрасный день я узналъ, что меня продали вице-королю Египта, который подарилъ меня своимъ дѣтямъ, какъ какого-нибудь рѣдкаго пони или механическую телѣжечку, купленную для ихъ забавы.

— Съ этого времени я уже не видалъ подлыхъ виновниковъ моихъ несчастій, до того дня, когда вдругъ такъ неожиданно очутился лицомъ къ лицу съ ними, вотъ въ этой самой залѣ, на пикѣ Тэбали.

— Послѣ того прошло много—много лѣтъ, наполненныхъ самыми разнородными, самыми пестрыми событіями. Но надо-ли вамъ говорить, что моя ненависть къ этимъ людямъ и моя жажда мести только росли съ годами?..

— Живя во дворцѣ Хедива, вмѣстѣ съ его дѣтьми, какъ диковинный звѣрь, котораго то били, то ласкали, я сдѣлался въ буквальномъ смыслѣ этого слова „терпи-горемъ“ этихъ маленькихъ, злобныхъ дикарей, что было для меня еще болѣе унизительно, чѣмъ даже грубость и безчеловѣч-

ное обращеніе со мной другихъ людей. Я здѣсь умышленно употребилъ слово „терпи-горе“, потому что при дворѣ Хедива существовалъ еще древній обычай, какъ при дворахъ средневѣковыхъ королей, а именно,—когда эти маленькіе дикари заслуживали своимъ поведеніемъ и продѣлками какое нибудь наказаніе, въ большинствѣ случаевъ тѣлесное, конечно, то это наказаніе примѣнялось на мнѣ. Однако, побои издавна были мнѣ знакомы, къ насмѣшкамъ и поруганію всей придворной челяди я также вскорѣ успѣлъ привыкнуть: вѣдь, я испыталъ на своемъ вѣку и не такія еще горькія минуты! Но за то здѣсь у меня было утѣшеніе: здѣсь была у меня подъ рукой наука и всѣ пути къ ней были открыты. Хедивъ былъ человѣкъ не глупый, по своему, конечно, и надо ему отдать справедливость, не пренебрегалъ ничѣмъ, чтобы дать дѣтямъ своимъ возможно лучшее образованіе; съ этою цѣлью онъ выписывалъ для нихъ за громадныя деньги изъ Европы лучшихъ учителей и преподавателей. Я имѣлъ право присутствовать при занятіяхъ и между тѣмъ, какъ дѣти Хедива потягивались и зѣвали по сторонамъ, я съ жадностью ловилъ каждое слово. Такимъ путемъ я изучилъ исторію, физику и естественныя науки, математику, философію и языки. Мнѣ, конечно, приходилось тщательно скрывать эти богатства знаній, иначе меня бы неминуемо изгнали изъ классной; я все это таилъ, а въ душѣ радовался порой тому, что самъ Хедивъ, ни мало не подозрѣвая, давалъ мнѣ въ руки то оружіе, съ помощью котораго я могъ со временемъ отплатить ему за свое унизительное рабство.

— По мѣрѣ накопленія знаній, чувство злобы и ненависти къ людямъ росло во мнѣ. Я уже хотѣлъ мстить не только прямымъ виновникамъ всѣхъ моихъ несчастій, а и всѣмъ участникамъ ихъ, всѣмъ тѣмъ, кто, такъ или иначе, являлся причиной моихъ страданій и униженій. Я возненавидѣлъ все человѣчество; мечталъ поработить его себѣ, чтобы въ свою очередь издѣваться надъ нимъ, какъ оно издѣвалось и глумилось надо мной и моимъ уродствомъ; мечталъ стать

великимъ благодаря наукѣ, а также силѣ и власти, которую я мечталъ пріобрѣсти надъ людьми, чтобы они не видѣли и не замѣчали моего безобразія, а только трепетали и склонялись передо мной!

— Къ тому времени, когда я успѣлъ уже усвоить все то, что господа профессора могли дать мнѣ, подготовлялось возстаніе Араби-Паши. Я былъ однимъ изъ первыхъ, который угадалъ о немъ, и предложилъ свои услуги. Вѣрнѣе даже, этотъ Араби-Паша былъ ничто иное, какъ кукла, которую я дергалъ за нитки. Но онъ далъ себя подкупить золотомъ англичанъ; и мы скорѣе были захвачены измѣной, чѣмъ побѣждены. Тогда меня и Араби сослали на островъ Цейлонъ.

— Но и здѣсь, на мое счастье, я нашелъ средства еще болѣе расширить свои познанія и обогатиться новымъ оружіемъ и новыми средствами борьбы противъ своихъ враговъ. Наше возстаніе ознакомило меня на практикѣ съ военнымъ дѣломъ, съ дѣломъ интриги и заговоровъ; живя теперь въ полномъ одиночествѣ въ окрестностяхъ Поэнтъ-де-Галля, я нашелъ случай сблизиться съ нѣсколькими факирами, которые многому научили меня; отъ нихъ то я и перенялъ удивительныя тайны, съ помощью которыхъ могъ стать всемогущимъ властелиномъ надъ воображеніемъ восточныхъ народовъ. И вотъ, тогда уже у меня явилась мысль воспользоваться мусульманскимъ фанатизмомъ, какъ всесильнымъ рычагомъ для созданія моего будущаго могущества. Въ ту пору какъ разъ этотъ фанатизмъ начиналъ уже пробуждаться на берегахъ Верхняго Нила. Я бѣжалъ съ Цейлона и очутился въ окрестностяхъ Суакима, гдѣ задумалъ начать свою новую карьеру, давъ Радамехскому Могаддэму то громадное вліяніе на всѣхъ окрестныхъ жителей, которому суждено было всецѣло обратиться въ мою пользу. Между тѣмъ сила и вліяніе Махди росли съ каждымъ днемъ, и я обратилъ на него свое вниманіе, заранѣе увѣренный, что безъ всякаго труда съумѣю озадачить его своими чудесами и внушить ему тотъ суевѣрный трепетъ, какой превратитъ его въ

послушное орудіе въ моихъ рукахъ. Вотъ въ это то время я имѣлъ случай быть въ Тэбали и тамъ столкнуться съ Грифинсомъ и Фогелемъ, и эта случайная встрѣча разомъ измѣнила всѣ мои планы и намѣренія. Я по прежнему мечталъ завоевать и покорить себѣ Суданъ и Египетъ, а черезъ ихъ посредство и весь остальной мусульманскій міръ, затѣмъ— повести его войной на гордую Европу. Но прежде всего я желалъ отомстить своимъ мучителямъ и палачамъ, я хотѣлъ одновременно поразить и ихъ лично, и блестящее дѣло, неслыханное, колоссальное предпріятіе, которое я считалъ ихъ дѣломъ и предпріятіемъ. Я хотѣлъ уничтожить все это разомъ. Вотъ причина, почему я сталъ слѣдить за всѣми вами, почему воспользовался первымъ представившимся мнѣ случаемъ, чтобы схватить васъ. Какъ все затѣмъ случившееся обернулось противъ меня, какъ я вдругъ совершенно неожиданно изъ торжествующаго побѣдителя превратился въ побѣжденнаго, изъ плѣнившаго сталъ плѣннымъ и какъ затѣмъ, только благодаря мнимой смерти, избѣгъ смертной казни,—все это вамъ уже извѣстно... Но я не жалѣю теперь ни о своей неудачѣ, ни о гибели всѣхъ моихъ честолюбивыхъ замысловъ, потому что эти неудачи доставили мнѣ случай убѣдиться въ томъ, чего я не зналъ раньше, чему не вѣрилъ и не хотѣлъ вѣрить, а именно, что есть на свѣтѣ добрые, честные люди, способные платить добромъ за сдѣланное имъ зло и прощать всѣ обиды и оскорбленія. Я не жалѣю даже о томъ, что очутился въ положеніи „изгнанника земли“ и противъ воли перенесенъ на луну, но только потому, что я здѣсь съ вами!... Но жалѣю объ одномъ, о томъ, что настоящіе виновники моихъ страданій и моихъ преступленій не здѣсь, что я черезъ это лишенъ возможности свести съ ними счеты!...

— Быть можетъ, вы когда нибудь опять встрѣтите ихъ на землѣ!—воскликнулъ смѣясь Норберъ Моони, стараясь этимъ замѣчаніемъ разсѣять грустное и тяжелое впечатлѣніе, вызванное печальнымъ разсказомъ Радамехскаго карлика.— Вѣдь, мы же не имѣемъ ни малѣйшаго основанія полагать,

что господа комиссары-контролеры сколько нибудь пострадали во время катастрофы... Кромѣ того, вы, вѣроятно, не предполагаете, что мы намѣрены оставаться здѣсь до скончанія вѣковъ и совершенно отказались отъ мысли возвратиться снова на родину?

— Да, да! — подхватилъ докторъ,— поговоримъ теперь о предстоящемъ отъѣздѣ! — Что-же, милѣйшій мой Моони, вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что намъ будетъ возможно рано или поздно вернуться на родную нашу планету? — обратился къ Норберу Моони.

— Въ этомъ я ни мало не сомнѣваюсь, — отвѣчалъ молодой ученый,— разъ судьбѣ было угодно оставить при насъ все, что для этого можетъ быть нужно... Все дѣло теперь заключается въ томъ, чтобы снова привести въ дѣйствіе наши инсоляторы; часть ихъ, какъ я успѣлъ замѣтить, пострадала во время катастрофы и ихъ придется исправить, точно также какъ возстановить главнѣйшія части электрическаго механизма и снова привести его въ дѣйствіе.

— Но въ такомъ случаѣ почему-же намъ не приняться тотчасъ за это дѣло?! — воскликнула Гертруда Керсэнь съ нескрываемымъ оживленіемъ.

— Какъ! Вы уже соскучились здѣсь на лунѣ? Соскучались въ нашемъ обществѣ, мадемуазель?—укоризненно, шутливо воскликнулъ Норберъ Моони.

— Нѣтъ, не то, чтобы соскучилась, — возразила Гертруда Керсэнь,—нѣтъ, я ни за какія деньги не уступила бы никому другому мое мѣсто здѣсь, на лунѣ, гдѣ столько интереснаго, столько необычайнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ если бы мнѣ, напр., предстояло провести здѣсь остатокъ дней моихъ, то есть продолжать оставаться здѣсь до самой моей смерти и никогда не видать болѣе моего дорогого отца или же очень долго ждать этого счастливаго часа свиданія съ нимъ, то, согласитесь сами, что я имѣла бы нѣкоторое основаніе пожаловаться на свою судьбу! — такъ же шутливо докончила молодая дѣвушка.

— Что касается меня лично, — прибавилъ Норберъ Мо-

они,—то, признаюсь, я охотно согласился бы прожить здѣсь годъ или два, съ исключительной цѣлью обогатить науку множествомъ весьма важныхъ данныхъ. Но не безпокойтесь, мадемуазель Гертруда, вамъ не грозитъ такая ужасная перспектива; даже если бы я того желалъ, мнѣ невозможно было бы оставаться здѣсь такъ долго, потому что нашего запаса воздуха не можетъ хватить на столь продолжительный срокъ. Однако, вы все же согласитесь, надѣюсь, пробыть здѣсь одну лунную ночь, когда она смѣнитъ собою настоящій день?

— Одну лунную ночь, продолжающуюся четырнадцать сутокъ! Это будетъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, очень мрачно... но что же дѣлать?! Всѣмъ намъ, волей-неволей, приходится покоряться вамъ, г. астрономъ, такъ какъ вся наша судьба въ вашихъ рукахъ!

— Прекрасно! Но прошу васъ не думать, что я добровольно, по собственному желанію, замышляю продлить срокъ нашего пребыванія на лунѣ. Упаси меня Богъ отъ такого коварства! Намъ потребуется болѣе двухъ недѣль, чтобы вновь установить и привести въ дѣйствіе всѣ наши машины и аппараты. А въ продолженіи этого времени настанетъ ночь,—и тогда, какъ вы сами отлично понимаете, наши инсоляторы не будутъ дѣйствовать и намъ ,волей-неволей, придется дожидаться возвращенія солнца. Вотъ это-то и заставляетъ насъ оставаться на лунѣ по крайней мѣрѣ до слѣдующаго луннаго дня. Я уже сдѣлалъ по этому случаю самыя точныя вычисленія; по моему разсчету мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи какъ разъ только необходимое количество воздуха, чтобы дожить до того времени, и то съ однимъ только условіемъ, чтобы не тратить даромъ или попусту этотъ столь драгоцѣнный для насъ воздухъ и ни подъ какимъ видомъ не зажигать никакого огня. Я говорю это по адресу нѣкоторыхъ любителей курева, которые ради простого удовольствія выпустить черезъ носъ нѣсколько струекъ синеватаго дыма сжигаютъ по меньшей мѣрѣ двадцать кубическихъ метровъ воздуха!.. — при этомъ Норберъ

Мосни бросилъ выразительный взглядъ въ сторону стоявшихъ немного поодаль Тирреля Смиса и Виржиля.

Оба виновника молча опустили головы и скромно обѣщали, что впредь они уже не провинятся. Они, конечно, не могли даже предполагать, что здѣсь, на лунѣ, каждая трубочка обходится такъ дорого. Тиррель Смисъ, желая скрыть свое смущенiе, поспѣшилъ прибрать со стола, чтобы удалиться на кухню съ цѣлой грудой тарелокъ.

Но едва онъ успѣлъ удалиться, какъ изъ кухни послышался шумъ бьющейся посуды и почти въ тотъ же самый моментъ злополучный Тиррель вернулся въ залу блѣдный, испуганный, дрожащiй всѣмъ тѣломъ и едва въ состоянiи держаться на ногахъ.

— Воры! воры! — пробормоталъ онъ. — Я видѣлъ... какъ одинъ изъ нихъ бѣжалъ черезъ окно, когда я вошелъ въ кухню.

VI. Товарищи по несчастью.

Норберъ Моони, докторъ Брiэ, Виржиль и Каддуръ разомъ кинулись въ кухню, но тамъ уже никого не было; даже самое окно было закрыто. Конечно, послѣднее обстоятельство могло объясняться тѣмъ, что сильный токъ воздуха ударялъ изнутри наружу всякiй разъ, когда открывали окно, и захлопывалъ его самъ собою.

— Ну, а какъ онъ выглядывалъ, вашъ воръ, Тиррель Смисъ? — спросилъ немного недовѣрчиво и насмѣшливо докторъ Брiэ.

— Я его видѣлъ только со спины, — отвѣчалъ Тиррель Смисъ, — и на спинѣ у него былъ кислородный респираторъ, а въ остальномъ онъ показался мнѣ самымъ обыкновеннымъ человѣкомъ!

— Да, это удивительно правдоподобно! — воскликнулъ докторъ Брiэ. — Самый обыкновенный человѣкъ на лунѣ! Да это вамъ приснилось Тиррель Смисъ!.. или, быть можетъ,

вы дольше обыкновеннаго бесѣдовали съ вашей возлюбленной бутылочкой портвейна?

— О-о! господинъ докторъ! — возмутился идеальный слуга, — какъ можете вы предполагать такія неприличныя вещи! Да я сегодня съ самаго утра даже не понюхалъ портвейна, который, какъ вы сейчасъ весьма справедливо замѣтили, очень уважаю. Если я говорю, что съ самаго утра, то хочу этимъ только сказать, что съ того времени, какъ мы встали: въ этой удивительной странѣ никто не можетъ даже сказать съ увѣренностью утро это, день или вечеръ.

— Однако, вы съ увѣренностью можете сказать, что видѣли, какъ кто-то выскочилъ въ окно? да? — спросилъ его въ свою очередь Норберъ Моони.

— Съ какъ нельзя большей увѣренностью!—воскликнулъ Тиррель Смисъ, — я готовъ засвидѣтельствовать это своею подписью въ присутствіи нотаріуса! — торжественно добавилъ онъ.

— Ну, мы не будемъ утруждать васъ этимъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь, насколько мнѣ извѣстно, не особенно много гг. нотаріусовъ! — съ напускной серьезностью сказалъ Моони, — но дѣло это надо вывести на чистую воду. Господа, мы должны немедленно вооружиться своими респираторами и ружьями и сдѣлать основательный обходъ обсерваторіи. Двое изъ васъ отправятся со мной въ обходъ, а двое другихъ останутся охранять обсерваторію.

Виржиль и Каддуръ первые вызвались сопровождать молодого ученаго въ этой новой его экспедиціи, на что онъ съ полной готовностію согласился, а докторъ Бріэ и Тиррель Смисъ должны были остаться въ большой круглой залѣ. Захвативъ оружіе и снаряды и свои респираторы, они рѣшили слѣдовать тѣмъ же путемъ, какимъ слѣдовалъ воръ, т. е. черезъ кухонное окно.

Окно это выходило на правую вѣтвь большой круговой дороги, т. е. въ ту сторону, гдѣ находились строенія, служившія когда-то помѣщеніемъ сперва гг. комиссарамъ-контролерамъ и затѣмъ тюрьмой для Каддура. Такъ какъ это

помѣщеніе не имѣло прямого сообщенія съ главнымъ зданіемъ обсерваторіи, то никто не подумалъ о томъ, чтобы осмотрѣть его до настоящаго момента: о немъ всѣ почему-то забыли.

Но теперь Норберу Моони вдругъ пришло на мысль, что въ этомъ помѣщеніи также долженъ быть небольшой запасъ воздуха и что при данныхъ условіяхъ этимъ драгоцѣннымъ даромъ отнюдь не слѣдуетъ пренебрегать. Движимый мыслью, онъ направился прямо къ дверямъ.

Но въ тотъ моментъ, когда Норберъ Моони нажалъ рукой дверную скобку, изъ круглаго отверстія, продѣланнаго въ дверяхъ и внезапно обнаружившагося, раздался выстрѣлъ прямо въ упоръ и опалилъ волосы молодого ученаго, сбивъ его полотняный шлемъ, но не нанеся ему никакой болѣе серьезной раны. Пуля, пролетѣвъ надъ головами осаждающихъ, ударилась въ каменную ограду и сбила съ ея вершины нѣсколько камней и изрядное количество известки.

— Врагъ здѣсь!—воскликнулъ Норберъ Моони, обращаясь къ своимъ товарищамъ и, поспѣшно прижавшись къ стѣнѣ, знакомъ далъ имъ понять, чтобы и они сдѣлали то же. Предосторожность эта оказалась далеко не лишней. Едва успѣли они уйти такимъ образомъ изъ подъ выстрѣловъ непріятеля, какъ съ промежуткомъ въ нѣсколько секундъ раздались одинъ за другимъ еще два выстрѣла изъ той же импровизированной бойницы, продѣланной въ двери.

Виржиль не сталъ дожидаться долѣе, кинулся къ двери и попытался было высадить, но оказалось, что она была на запорѣ, и кромѣ того, вѣроятно, надежно баррикадирована изнутри, такъ что взломать ее не было никакой возможности.

— Теперь намъ остается только одно,—проговорилъ онъ шепотомъ,—обойдемъ за ограду и расположимся въ растяжку на земляномъ валу, что на одномъ уровнѣ со стѣной ограды. Оттуда мы можемъ стрѣлять прямо въ окна.

Совѣтъ этотъ былъ настолько разуменъ, что ему нельзя было не послѣдовать. Не прошло и пяти минутъ, какъ трое

осаждающихъ взобрались на стѣну ограды по наружному земляному валу и, растянувшись на сухой травѣ выжженнаго газона, принялись стрѣлять изъ своихъ двухзарядныхъ ружей прямо по окнамъ этого флигеля.

Стекла и рамы вскорѣ разлетѣлись въ дребезги, но никто не отвѣчалъ на ихъ выстрѣлы.

— Они, очевидно, выжидаютъ момента, когда мы покажемся на валу, чтобы стрѣлять по намъ навѣрняка!—сказалъ Вержиль, угадывая мысль непріятеля, благодаря своему давнему навыку ко всякаго рода боевымъ схваткамъ и перестрѣлкамъ.—Но нѣтъ, друзья мои, мы не такіе простаки и пороху то нюхали побольше вашего! Нѣтъ, братцы, вамъ придется первымъ высунуть носъ!

Между тѣмъ его пули, направленныя мѣткою рукой, свистали во всѣхъ направленіяхъ въ стѣнахъ осаждаемаго помѣщенія, не вызывая, однако, никакихъ замѣтныхъ результатовъ.

Видя, что эта пальба не къ чему не ведетъ, Норберъ Моони приказалъ направить огонь на входную дверь.

Отъ третьей взрывчатой пули, дверь эта разлетѣлась въ щепки.

— Теперь на приступъ! — крикнулъ Норберъ, сползая первый съ вала на круговую дорогу и устремляясь къ дверямъ, куда одновременно съ нимъ подоспѣли Виржиль и Каддуръ.

Всѣ трое стремительно ворвались въ помѣщеніе, но здѣсь не было никого!.. Осаждаемые исчезли, какъ будто испарились. Очевидно, они скрылись въ смежную, внутреннюю комнату и тамъ искали спасенія. Наши осаждающіе открыли огонь по двери, ведущей туда.

— Если только это живые люди, какъ мы, — мысленно рѣшилъ молодой астрономъ,—то они волей, не волей, принуждены будутъ сдаться вслѣдствіе недостатка воздуха.

Дѣйствительно, въ бреши, продѣланной во второй внутренней двери, скоро показался навязанный на палочку бѣлый носовой платокъ, какъ бы въ подтвержденіе мысли Нор-

бера Моони. Какъ видно, въ цѣломъ мірѣ и даже на лунѣ бѣлый платокъ долженъ означать желаніе парламентировать.

— Перестань стрѣлять и разверни надъ головой свой платокъ! — приказалъ Норберъ Моони Виржилю, который поспѣшилъ исполнить его приказаніе.

Тогда дверь отворилась, и на порогѣ ея показалась высокая фигура, которую наши осаждающіе всего менѣе ожидали увидѣть здѣсь: то былъ серъ Буцефалъ Когхиль!

Худой, блѣдный, едва державшійся на ногахъ, онъ казалось, былъ только тѣнью сера Буцефала. Тѣмъ не менѣе всѣ сразу узнали его.

— Какъ Неужели это вы, баронетъ, встрѣчаете насъ оружейнымъ огнемъ?—удивленно воскликнулъ Норберъ Моони, не вѣря своимъ глазамъ.

Баронетъ молча покачалъ отрицательно головой и на лицѣ его скользнула едва примѣтная меланхолическая улыбка, а за его спиной послышался чей-то чужой голосъ, отвѣчавшій вмѣсто него, и этотъ голосъ удивительно походилъ на голосъ Костеруса Вагнера.

— Мы желаемъ вступить въ переговоры!—сказалъ этотъ голосъ, но говорившаго не было видно за спиной баронета, гдѣ онъ, вѣроятно, умышленно скрывался.

— Кто вы такіе? — спросилъ Норберъ Моони, все еще сомнѣвавшійся, такъ мало онъ предполагалъ встрѣтить Костеруса Вагнера здѣсь, на лунѣ.

При этихъ словахъ Радамехскій карликъ вскрикнулъ не своимъ голосомъ радости, и крикъ его походилъ на торжествующій ревъ дикаго животнаго при видѣ жертвы, которая не можетъ уйти отъ него.

— Какимъ образомъ могли вы очутиться здѣсь и съ какой стати вздумали стрѣлять въ насъ? — спросилъ Норберъ Моони, все еще крайне удивленный.

— Не все-ли вамъ равно, какъ все это могло случиться! Скоро вы узнаете обо всемъ... Но время для насъ дорого, такъ какъ еще немного,—и мы останемся безъ воздуха...

— Въ такомъ случаѣ, сдавайтесь!

— Да, на извѣстныхъ условіяхъ!

— Какихъ же?

— Вы не лишите насъ жизни и обезпечите намъ воздухъ и питаніе!

— Жизнь я охотно подарю вамъ,—сказалъ Норберъ Моони,—но что касается воздуха и питанія, то это дѣло другого рода. Здѣсь эти вещи слишкомъ цѣнныя, чтобы я могъ взять на свое попеченіе трехъ такихъ шалопаевъ, какъ вы!

— Ну, въ такомъ случаѣ нашъ плѣнникъ долженъ будетъ расплатиться за эго! — угрюмымъ, угрожающимъ голосомъ произнесъ Костерусъ Вагнеръ.

— Какой плѣнникъ?

— Серъ Буцефалъ Когхилль!

— Правда-ли это, баронетъ?—обратился Норберъ Моони къ серу Буцефалу.

Несчастный только утвердительно кивнулъ головой. Этого было вполнѣ достаточно, чтобы заставить молодого ученаго сейчасъ же принять рѣшеніе.

— Слушайте,—сказалъ онъ,—вотъ вами мои условія, которыя я согласенъ исполнить по отношенію къ вамъ: я дарую вамъ жизнь, обѣщаю воздухъ и пищу, но взамѣнъ того вы останетесь моими плѣнными и будете жить въ заключеніи въ томъ помѣщеніи, какое будетъ отведено для васъ, и будете работать на равнѣ съ другими, даже больше другихъ по моему приказанію, на пользу всеобщаго спасенія.

— Согласны!—поспѣшили заявить всѣ три голоса, принадлежавшіе Костерусу Вагнеру, Питеру Грифинсу и Игнацію Фогель.

— Ну, такъ вручите намъ свое оружіе и явитесь сюда! Я ручаюсь вамъ своимъ словомъ, за вашу безопасность! — сказалъ Норберъ Моони.

Въ этотъ моментъ онъ вдругъ ощутилъ что то холодное на своей рукѣ и, обернувшись, увидѣлъ Каддура, ставшаго на колѣни и цѣловавшаго его руку.

— О, господинъ Моони, отдайте ихъ мнѣ! — шепталъ онъ умоляющимъ голосомъ,—отдайте ихъ мнѣ!..

— Что вы хотите этимъ сказать? — съ недоумѣніемъ спросилъ его молодой астрономъ.

— Отдайте этихъ мерзавцевъ, чтобы я могъ отомстить имъ за свое прошлое и поступить съ ними такъ, какъ они заслуживаютъ!..

— Право, я сдѣлалъ бы это очень охотно,—возразилъ Норберъ Моони, — но вы сами слышали, что я поручился имъ моимъ словомъ, и теперь уже не вправѣ взять его обратно... Мало того, я долженъ серьезно просить васъ, чтобы и вы уважали данное мною этимъ людямъ слово!—добавилъ онъ съ особымъ удареніемъ, замѣтивъ выраженіе жестокой ненависти, вспыхнувшее въ глазахъ Каддура.

Видъ этихъ трехъ господъ былъ, дѣйствительно, таковъ, что могъ возбудить отвращеніе въ комъ угодно: блѣдные, исхудалые, съ неподвижными, впалыми глазами, грязные и неопрятные, въ томъ жалкомъ, отвратительномъ видѣ, въ какомъ могутъ быть люди, не видавшіе въ продолженіи нѣсколькихъ дней ни одной капли воды и влачившіе свое жалкое существованіе въ атмосферѣ воздуха, который съ каждымъ часомъ становился все болѣе и болѣе разрѣженнымъ.

Въ настоящее время ихъ внѣшній видъ былъ настолько же жалкій и презрѣнный, насколько онъ былъ до того нахальный и вызывающій. Они вынесли изъ смежной комнаты свое оружіе и патроны, которые оказались тѣми самыми, что были украдены нѣсколько дней тому назадъ изъ обсерваторіи во время перваго отсутствія ея обитателей. Норберъ Моони не пожелалъ даже разговаривать со своими тремя плѣнниками, а, повернувшись къ нимъ спиной, поручилъ Виржилю сдѣлать все, что необходимо для нихъ, затѣмъ вручилъ Каддуру оружіе, только что возвращенное ими, и поспѣшилъ увести съ собой бѣднаго, изстрадавшагося и измученнаго баронета. Нѣсколько вдыханій чистаго кислорода, хорошая ванна, приготовленная Тиррелемъ Смисомъ, и стаканъ добраго стараго испанскаго вина вскорѣ возстановилы силы баронета и вернули ему способность говорить.

Онъ разсказалъ, что ему пришлось пережить за это непродолжительное и страшно тяжелое время, и объяснилъ своимъ друзьямъ, какимъ образомъ тѣ три негодяя очутились здѣсь, на лунѣ.

— Послѣ того, какъ вы оставили меня одного тамъ, у входа въ кратеръ Ретикусъ, — началъ свое повѣствованіе серъ Буцефалъ, обращаясь къ молодому астроному,—я принялся набирать камни, какъ вы мнѣ сказали. Но это занятіе вскорѣ наскучило мнѣ, и я мысленно рѣшилъ, что съ помощью еще двухъ-трехъ товарищей докончить сборъ камней было бы дѣломъ какихъ-нибудь пяти минутъ, а между тѣмъ лунные Аппенины, на которые вы указали мнѣ, вправо отъ того мѣста, гдѣ мы находились, чрезвычайно соблазняли и положительно манили меня къ себѣ... Мнѣ пришло въ голову, что было бы весьма лестно для моего самолюбія—какъ туриста, быть первымъ изъ людей, которому посчастливилось взойти на эти горы, и затѣмъ имѣть право разсказать объ этомъ въ лондонскомъ Traveller's Club, (клубъ путешественниковъ), если, увы!—мнѣ суждено еще когда-нибудь вернуться въ Лондонъ!.. Отправиться по направленію къ этимъ горамъ, взобраться на одну изъ ближайшихъ вершинъ, воздвигнуть тамъ маленькую каменную пирамидку въ качествѣ памятника и нацарапать на ней небольшую надпись, затѣмъ спуститься въ русло бывшаго горнаго потока,—было для меня дѣломъ не болѣе одного часа... Я преспокойно и весьма довольный своей прогулкой возвращался домой на Тэбали, какъ вдругъ изъ-за угла громаднаго выступа скалы три какихъ то субъекта накинулись на меня, повалили на землю и отняли у меня мой респираторъ съ резервуаромъ кислорода... Эти три личности были наши эксъ-комисары!.. Къ счастію моему, въ этомъ ущельѣ, гдѣ я находился въ тотъ моментъ, было немного воздуха, не совсѣмъ удовлетворительнаго и въ не совсѣмъ достаточномъ количествѣ, — но все же воздуха, которымъ можно было дышать. Я не могу объяснить себѣ, откуда тамъ могъ получиться этотъ воздухъ, въ этомъ глубокомъ, тѣсномъ ущельѣ, но все же бла-

годаря ему я не умеръ тамъ отъ удушья, какъ не умерли и тѣ три мерзавца до этого момента... Очевидно, плавильная печь бывшаго стекляннаго завода у подножія Тэбали, служившая имъ въ послѣднее время тюрьмою, была перенесена вмѣстѣ съ нами на луну, затѣмъ обрушилась и скатилась въ это ущелье: я, дѣйствительно, видѣлъ обломки ея на своемъ пути...

— Мы также видѣли эти обломки, когда ходили на розыски за вами!—замѣтилъ въ свою очередь Норберъ Моони.

— А, такъ и вы видѣли тоже?.. Дѣло въ томъ, что этотъ Кастерусъ Вагнеръ, который не столько глупъ, сколько золъ и гадокъ, какъ видно, сразу смекнулъ, гдѣ они находятся, тѣмъ болѣе, что едва онъ только хотѣлъ подняться въ гору изъ ущелья, какъ атмосфера становилась уже невозможной для дыханія. Кромѣ того, эти мерзавцы не имѣли никакой пищи, а снизу они издали видѣли обсерваторію и знали, что мы находимся тамъ, и что, вѣроятно, у насъ съѣстныхъ припасовъ вволю. Но при всемъ томъ они не имѣли возможности добраться туда за неимѣніемъ кислорода, чтобы пройти этотъ путь и не задохнуться. Какъ разъ въ это самое время они увидѣли меня, спокойно собиравшагося, по выходѣ изъ ущелья, подняться въ гору, чтобы вернуться на Тэбали. Они рѣшили подкараулить меня, чтобы разомъ завладѣть и моимъ запасомъ кислорода, и моей особой... Отобравъ у меня мой респираторъ и резервуаръ и вооружившись ими, Костерусъ Вагнеръ, не тратя даромъ ни минуты, отправился въ обсерваторію; не заставъ тамъ ни одной души, онъ сталъ выносить черезъ окно всю ту провизію и все то оружіе, какое только могъ найти, не говоря уже о тѣхъ трехъ респираторахъ, исчезновенія которыхъ вы быть можетъ даже и не замѣтили...

— Напротивъ, я отлично замѣтилъ, но позволилъ себѣ предположить, что, быть можетъ, вы захватили ихъ съ собою!—проговорилъ Норберъ Моони.

— Вотъ какъ могутъ оклеветать человѣка!—воскликнулъ баронетъ полу-серьезно, полу-шутя.—Наконецъ, нашъ Косте-

русъ Вагнеръ вернулся, заставилъ насъ обогнуть пикъ Тэбали и съ противоположнаго большой дорогѣ ската привелъ насъ къ помѣщенію, которое нѣкогда занимали въ Суданѣ господа коммиссары... Замѣтьте, что во все время этого странствованія я шелъ связанный и, кромѣ того, дуло моего ружья было привязано къ моимъ рукамъ, а Кастерусъ Вагнеръ держалъ прикладъ въ одной рукѣ, а палецъ другой руки не спускалъ съ курка... Я не имѣлъ даже возможности ни крикнуть, ни позвать на помощь, такъ какъ въ этой проклятой странѣ никакой звукъ не передается... Въ такомъ порядкѣ мы, наконецъ, прибыли туда, гдѣ вы застали насъ, и оставались тамъ все это время. Я принужденъ былъ лежать въ углу, связанный по рукамъ и по ногамъ, подъ угрозою смерти, при малѣйшей попыткѣ двинуться съ мѣста или произвести какой нибудь шумъ.

— Они же не переставали измышлять различные планы истроить заговоры, но ни на одномъ изъ нихъ не могли окончательно остановиться. Повидимому, главная цѣль ихъ заключалась въ томъ, чтобы аттаковать васъ во время сна и овладѣть обсерваторіей. Но, на свою бѣду, они не имѣли въ своемъ распоряженіи достаточнаго количества ружей и патроновъ. Вслѣдствіе этого Костерусъ Вагнеръ и попытался было пробраться въ кухню обсерваторіи во время вашего завтрака, разсчитывая на то, что ему удастся незамѣтно прокрасться въ магазины и захватить оружіе. Тутъ-то онъ и попался, такъ кстати для всѣхъ насъ, и навелъ васъ на слѣдъ нашего мѣстопребыванія...

Едва успѣлъ баронетъ докончить свое повѣствованіе, какъ на послѣднемъ словѣ голосъ его вдругъ оборвался, глаза остановились и стали точно стеклянные, а лицо слегка поблѣднѣло и на немъ ясно выразился испугъ и недоумѣніе: баронетъ вдругъ увидѣлъ Каддура, котораго онъ до сихъ поръ, среди такихъ разнообразныхъ и сильныхъ впечатлѣній, какія ему пришлось пережить въ эти послѣдніе нѣсколько часовъ, не замѣтилъ. Не удивительно, что видя Радамехскаго карлика, котораго онъ считалъ давно уже

умершимъ и похороненнымъ, живымъ и здоровымъ, и, въ довершеніе всего, въ кругу его друзей, на дружеской и равной ногѣ съ ними,—серъ Буцефалъ едва могъ вѣрить своимъ глазамъ и положительно не понималъ, какъ все это могло случиться. Ему объяснили, какъ все это произошло, и онъ, конечно, своими глазами долженъ былъ убѣдиться въ воскресеніи Каддура и перемѣнѣ его отношеній къ обитателямъ пика Тэбали.

Между тѣмъ Виржиль дѣятельно принялся хлопотать объ устройствѣ трехъ эксъ-коммиссаровъ. Онъ проворно замѣнилъ разбитыя оконныя рамы другими, наглухо задѣлалъ входную дверь и продѣлалъ новую въ стѣнѣ, примыкавшей къ внутренней галлереѣ обсерваторіи. Флигель, отведенный тремъ плѣнникамъ, снабжался воздухомъ изъ воздушнаго колодца, какъ и остальныя помѣщенія обсерваторіи; для снабженія ихъ водою въ ихъ распоряженіе предоставили особую цистерну и надлежащій запасъ пищи. Затѣмъ Норберъ Моони письменно назначилъ имъ ихъ долю труда по исправленію попорченныхъ инсоляторовъ и по другимъ необходимымъ подѣлкамъ и работамъ.

Однако, такое внезапное приращеніе обитателей обсерваторіи, а, слѣдовательно, и потребителей воздуха и провіанта, несомнѣнно, вносило нѣкоторое затрудненіе въ смыслѣ вопроса о болѣе или менѣе продолжительномъ пребываніи маленькой колоніи на лунѣ. И эта мысль съ самаго перваго момента сильно озабочивала Норбера Моони.

— Я разсчитывалъ, что нашего запаса воздуха будетъ вполнѣ достаточно для восьми человѣкъ въ продолженіи двадцати двухъ сутокъ,—со вздохомъ проговорилъ онъ,—ну, а теперь придется уменьшить на нѣсколько дней срокъ нашего пребыванія и ограничиться всего шестнадцатью днями, такъ какъ теперь число потребителей воздуха возросло у насъ до одиннадцати паръ легкихъ. Намъ придется въ послѣднее время нашего пребыванія здѣсь заняться изготовленіемъ кислорода въ громадномъ количествѣ!

— Вотъ вамъ еще новое основаніе, чтобы избавиться,

какъ можно скорѣе отъ этихъ негодяевъ,—воскликнулъ Каддуръ, волновавшійся, точно тигръ въ клѣткѣ, съ того момента, какъ онъ сознавалъ, что его изверги здѣсь, подъ одною кровлей съ нимъ.—Дайте ихъ мнѣ, г. Моони, дайте ихъ мнѣ хотя-бы только на нѣсколько часовъ,—и я ручаюсь вамъ, что уберу ихъ, какъ нельзя лучше и по всѣмъ правиламъ искусства!.. Это для васъ полный разсчетъ: Сберегли-бы воздухъ для тѣхъ людей, которые на него имѣютъ полное право, и вмѣстѣ съ тѣмъ, избавили-бы людской родъ отъ нѣсколькихъ позорящихъ его особей!

Но Норберъ Моони и слышать объ этомъ не хотѣлъ. Мало того, онъ постарался разъяснить Каддуру, насколько такого рода чувства жестоки и возмутительны.

— Возмутительны!—воскликнулъ карликъ, корчась точно отъ прикосновенія къ нему каленаго желѣза.—О, я хотѣлъ бы посмотрѣть, что-бы вы сказали, если-бы были на моемъ мѣстѣ, если-бы васъ, какъ меня, пятнадцать лѣтъ продержали въ желѣзныхъ тискахъ, чтобы изуродовать и сдѣлать изъ васъ посмѣшище для всего свѣта!.. И вы тогда, конечно, тоже не нашли-бы такого мученія, такой пытки, которая была-бы достаточно жестока для этихъ извергowъ!..

— Да, вы правы!—согласился молодой астрономъ, желая успокоить возмущеннаго карлика.—Но только не забывайте, Каддуръ, что ваша ненависть не можетъ быть нашей, и что мы не можемъ чувствовать совершенно то-же, что чувствуете вы.

Теперь и Каддуръ въ свою очередь принужденъ былъ согласиться и обѣщалъ быть менѣе требовательнымъ. Но сдѣлалъ онъ это лишь для того, чтобы измѣнить свою тактику и испросить по крайней мѣрѣ, чтобы ему поручено было присматривать за плѣнными.

— Вы ихъ не знаете!—говорилъ онъ. — Они, повѣрьте, опять сыграютъ съ вами какую-нибудь штуку, отъ которой вы не возрадуетесь. Вѣдь, это—негодяи въ полномъ смыслѣ этого слова, и ихъ не слѣдуетъ ни на минуту терять изъ вида.

— Объ этомъ позаботится Виржиль!—отвѣчалъ Норберъ Моони, не склоняясь и на эту просьбу Каддура.—Вы были-бы плохимъ тюремщикомъ, Каддуръ, потому что вы такъ возбуждены противъ этихъ людей!

— Простое чувство человѣчности воспрещаетъ мнѣ ввѣрить вамъ эту обязанность и потому, если вы хотите доказать мнѣ вашу дружбу и ваше расположеніе, чему я охотно вѣрю, то прошу васъ,—и не заговаривайте со мной объ этомъ. Вы должны позабыть, что эти люди здѣсь, или-же держать себя такъ, какъ если-бы о томъ совершенно забыли...

На это Каддуръ опустилъ глаза въ полъ, но мрачный огонь ненависти и чувство мести по прежнему не угасали въ нихъ. Не трудно было видѣть, что никакія строгости, никакія увѣщанія помочь здѣсь не могутъ и что ненависть бѣднаго карлика къ этимъ людямъ, къ этимъ мучителямъ своимъ, сильнѣе въ немъ всякаго другого чувства.

VII. Отрывки изъ дневника Гертруды.

„Сегодня исполнилось ровно шесть сутокъ, какъ мы находимся на лунѣ. Я безъ труда повѣрила бы, что мы здѣсь не шесть сутокъ, а цѣлыхъ шесть недѣль, даже шесть мѣсяцевъ, еслибы г. Моони захотѣлъ серьезно увѣрить меня въ этомъ. Здѣсь положительно не знаешь, что думать и чему вѣрить въ этой странной странѣ, гдѣ все необычайно, все удивительно и почти невѣроятно для насъ, жителей земного шара. Надо прожить день, продолжающійся сто сорокъ четыре часа, чтобы составить себѣ нѣкоторое представленіе о томъ, что называется „безконечно длиннымъ днемъ“!.. О, добрая, благодѣтельная ночь! Чего бы я ни дала за то, чтобы ты наступала каждый вечеръ, т. е. каждые двѣнадцать часовъ, какъ мы привыкли къ тому отъ начала вѣковъ!.. А эти сіесты, т. е. дневные отдыхи, которые мы регулярно устраиваемъ себѣ, какъ мало они походятъ на настоящій сонъ, которымъ мы каждую ночь пользуемся у себя, на землѣ! Впрочемъ, надо же заплатить кое-какими маленькими

неудобствами за честь и славу такой необычайной экспедиціи, какъ та, которой мы являемся участниками въ данный моментъ...“

„Однако, буду продолжать этотъ дневникъ, который я пишу для моего отца, — вѣдь это единственное средство, оставленное мнѣ, чтобы бесѣдовать съ нимъ, съ моимъ дорогимъ и возлюбленнымъ отцомъ, черезъ раздѣляющее насъ другъ отъ друга громадное пространство. Бѣдный папа! что-то онъ теперь дѣлаетъ тамъ? Почему онъ не здѣсь, не съ нами, вмѣсто того, чтобы выдерживать осаду въ Хартумѣ? Тамъ, вѣрно, такъ же жарко, какъ и здѣсь, въ настоящій моментъ, и можетъ быть тамъ даже много хуже... Бѣдный папа!.. Когда-то мы опять свидимся съ нимъ?.. Я хотѣла бы, если намъ когда-либо суждено это счастіе, имѣть возможность описать вамъ, день за днемъ, часъ за часомъ, всю нашу лунную жизнь. Жизнь эта монотонна и вмѣстѣ фантастична; до того фантастична и неправдоподобна, что порою мнѣ приходится укусить себѣ кончикъ пальца, чтобы убѣдиться, что все это не сонъ, а дѣйствительность, что я не брежу, а дѣйствительно живу“.

„Каждое утро или, вѣрнѣе, каждый разъ, когда я пробуждаюсь послѣ нѣсколькихъ часовъ сна, въ искусственномъ полумракѣ моей комнаты, мнѣ нужно никакъ не менѣе пяти минутъ времени и самаго несомнѣннаго свидѣтельства Фатимы, чтобы убѣдиться, что мы дѣйствительно находимся на лунѣ. И вотъ, въ концѣ концовъ, я все же принуждена сознаться, что это въ самомъ дѣлѣ такъ, и тогда я сама не знаю, плакать мнѣ или смѣяться, печалиться-ли или радоваться этому обстоятельству“.

„Собственно говоря, мы здѣсь точно на суднѣ въ открытомъ морѣ, но съ тою только разницей, что мы при этомъ лишены возможности выходить подышать свѣжимъ воздухомъ на палубу, если только не считать того, что мы имѣемъ здѣсь возможность пройтись по эспланадѣ, благодаря этимъ проклятымъ кислороднымъ резервуарамъ и респираторамъ. Когда я въ первый разъ вышла здѣсь изъ обсерваторіи, мнѣ

это показалось весьма забавнымъ, что мы дышали только такъ, какъ обыкновенно пьютъ,—маленькими глоточками, и ходимъ не иначе, какъ скачками и прыжками, точно какіе-то клоуны или стрекозы... Но, въ концѣ концовъ, это становится скучно и надоѣдливо! Самый маленькій морской вѣтерокъ, которымъ я могла бы подышать, гуляя объ руку съ дорогимъ моимъ папà, былъ бы для меня несравненно пріятнѣй!. Изъ всѣхъ насъ только одинъ г. Моони не утомляется и проводитъ цѣлые дни на воздухѣ или, вѣрнѣе, безъ воздуха! Онъ ушелъ сегодня съ утра, т. е. я хочу сказать этимъ, тотчасъ же послѣ завтрака, въ новую экспедицію, съ цѣлью посѣтить другое, противоположное полушаріе луны, то полушаріе, котораго нельзя видѣть съ земли и которое вслѣдствіе этого осталось совершенно неизвѣстно не только для насъ, простыхъ смертныхъ, но и для гг. астрономовъ. До сего времени никто не видѣлъ его, да, вѣроятно, кромѣ насъ, никто никогда не увидитъ. Не смѣшно-ли, въ самомъ дѣлѣ, что луна обращена къ намъ всегда одной и той же стороной и никогда не показываетъ другой? Когда вамъ сообщаютъ объ этомъ впервые, это кажется нелѣпымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ это весьма естественно, такъ какъ спутница наша совершаетъ вмѣстѣ съ нами свой ежегодный обходъ вокругъ солнца. Она точно ребенокъ, который за руку съ маменькой своей обходитъ вокругъ карусели деревянныхъ лошадокъ и все время смотритъ въ центръ на того человѣка, который приводитъ въ движеніе эту карусель, и сѣдоки карусели, конечно, будутъ по временамъ терять изъ вида ребенка, но за то каждый разъ, когда они будутъ встрѣчаться, будутъ видѣть его только въ лицо. Вотъ, что сказалъ мнѣ по этому поводу г. Моони и что мнѣ показалось довольно интересно узнать. Теперь же, какъ я уже говорила, нашъ молодой ученый отправился посѣтить и изслѣдовать, насколько возможно, то полушаріе луны, котораго никто еще не видѣлъ даже и издали, при помощи самыхъ усовершенствованныхъ и сильныхъ телескоповъ. Мы всѣ также были бы очень рады сопровождать его въ этой любопытной экспедиціи, но

онъ не позволилъ намъ сдѣлать этого, потому что, во 1-хъ, это слишкомъ далеко и утомительно: онъ говорилъ, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, онъ не вернется раньше, какъ черезъ двое сутокъ; кромѣ того, онъ сказалъ намъ, что на томъ полушаріи онъ застанетъ лунную ночь и страшный холодъ. Во 2-хъ, являлась необходимость захватить съ собой двойной или даже тройной запасъ кислорода, что было бы крайне затруднительно въ томъ случаѣ, если бы и всѣ мы отправились вмѣстѣ съ нимъ въ эту экспедицію. Словомъ, какъ бы то ни было, но г. Моони отправился одинъ, въ сопровожденіи Каддура, но съ цѣлымъ арсеналомъ зрительныхъ трубъ, биноклей, различныхъ инструментовъ, необходимыхъ для всякаго рода опредѣленій, вычисленій и изслѣдованій, не говоря уже о запасахъ провизіи, весьма скромныхъ, правда, и состоявшихъ изъ небольшого количества сухарей, двухъ-трехъ жестянокъ съ консервами и небольшой фляги воды. Съ такого рода запасами онъ отправляется за триста-четыреста миль! Какъ это на него похоже! Кромѣ того, я почти увѣрена, что вы, дорогой папà, сказали бы при этомъ: „немыслимо, чтобы онъ могъ вернуться изъ этой экспедиціи въ такой короткій срокъ, какъ двое сутокъ, да еще въ странѣ, гдѣ нѣтъ не только желѣзныхъ дорогъ, но и вообще никакихъ дорогъ или другихъ путей сообщенія“. Однако, г. Моони увѣряетъ насъ, что его разсчетъ вѣренъ, и что ему потребуется восемнадцать часовъ при хотьбѣ восьмидесяти километровъ въ часъ, чтобы очутиться на другомъ полушаріи луны, и затѣмъ столько же на то, чтобы вернуться обратно въ обсерваторію, причемъ останется въ его распоряженіи еще двѣнадцать часовъ времени, чтобы отдохнуть и заняться изслѣдованіями, кое-какими вычисленіями и набросать необходимыя замѣтки. Какъ видите, дорогой папаша, на лунѣ такого рода дальнія путешествія совершаются въ семимильныхъ сапогахъ, какъ въ сказкѣ „Мальчикъ съ пальчикъ“.

„При всемъ томъ я бы очень хотѣла, чтобы г. Моони уже вернулся къ намъ. Страшно даже подумать, что можетъ

статься съ нами, если, упаси Богъ, съ нимъ случится тамъ какое нибудь несчастіе!.. Повѣрьте мнѣ, однако, дорогой папаша, что при этомъ я не питаю ни малѣйшей эгоистической мысли: вамъ хорошо извѣстно, о комъ я думаю въ настоящій моментъ, произнося эту фразу: „Что сталось-бы съ нами“!—И, въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, не баронетъ-же могъ бы вывести всѣхъ насъ изъ бѣды и взять на себя опасную и трудную задачу вернуть насъ обратно на землю!.. Бѣдный серъ Буцефалъ, теперь онъ начинаетъ понемногу оправляться послѣ своего тяжелаго плѣна; но, надо было видѣть, въ какомъ жалкомъ видѣ онъ явился къ намъ изъ своего заключенія. Невольно вспоминаются слова его вѣрнаго слуги Тирреля Смиса, который, воздѣвъ глаза къ небу, восклицалъ, глядя на своего господина: „Вотъ, однако, что могутъ сдѣлать съ настоящимъ noбльмэномъ два дня, проведенные безъ „tub“ (ванны)! Дѣйствительно, печально видѣть, что настоящій ноблъмэнъ, лишенный необходимыхъ условій своего туалета, становится уже совершенно непрезентабельнымъ, совершенно не авантажнымъ, до того непрезентабельнымъ, что, зная васъ, дорогой мой папа, я увѣрена, что при видѣ его, съ небритой бородой, въ измятомъ и грязномъ бѣльѣ, съ свѣшившимися на носъ мочальнаго цвѣта волосами, вы, навѣрное, дали бы ему десять су и при этомъ посовѣтовали бы не пропивать этихъ денегъ, а пойти постараться найти себѣ работу. Бѣдняжка, въ сущности, мнѣ отъ души было жаль его! Да и теперь мнѣ бы не слѣдовало смѣяться надъ нимъ, тѣмъ болѣе что я теперь весьма обязана ему. Любезный баронетъ такъ усердно занимается преподаваніемъ мнѣ англійскаго произношенія, что если-бы намъ суждено было пробыть здѣсь еще недѣли три, то я увѣрена, что языкъ Байрона и Шекспира не имѣлъ бы для меня болѣе никакихъ недоступныхъ тайнъ. Помните, папа, какъ много мы съ вами смѣялись тогда въ Лондонѣ, когда ни вы, ни я никакъ не могли заставить кучера фіакра понять то, чего мы хотимъ отъ него! Теперь уже такого рода увеселенія на вѣкъ будутъ утрачены для насъ, потому

что и Тиррель Смисъ уже понимаетъ отлично мой англійскій языкъ".

„Я уже говорила вамъ, папа, что можно думать, будто мы находимся на какомъ-нибудь большомъ океанскомъ пароходѣ. Наша жизнь здѣсь такъ-же точно урегулирована и однообразна. Каждые двѣнадцать часовъ мы ложимся спать, а время, когда пробуждаемся и встаемъ, одѣваемся и выходимъ въ большую круглую залу, служащую намъ и столовой, или всего вѣрнѣй „каютъ-компаніей, называемъ утромъ. Итакъ, каждое утро дядюшка дѣлаетъ свой докторскій и санитарный обходъ и осмотръ, убѣждается въ томъ, что всѣ мы въ добромъ здоровьѣ, что воздуху во всѣхъ нашихъ помѣщеніяхъ достаточно, что всѣ вентиляторы наши въ полной исправности и дѣйствуютъ, какъ слѣдуетъ. Онъ также посѣщаетъ ежедневно и тюрьму, чтобы не лишать своихъ попеченій и тѣхъ трехъ мерзкихъ людей, которые тамъ содержатся въ настоящее время. Вы, конечно, знаете, что въ его глазахъ всѣ существа, болящія, нуждающіеся въ его попеченіи и заботахъ, безъ всякаго различія ихъ нравственной и физической личности, равны. Когда онъ возвращается въ круглую залу, гдѣ мы всѣ поджидаемъ его, то начинается завтракъ. Затѣмъ я сажусь заниматься англійскимъ языкомъ или даю урокъ Фатимѣ. Я очень счастлива, что этотъ милый ребенокъ—со мной и съ каждымъ днемъ все сильнѣе привязываюсь къ ней".

„Когда мы съ вами свидимся, вы сами убѣдитесь, что моя ученица дѣлаетъ мнѣ честь: это удивительно одаренная и способная дѣвочка, которой удается положительно все, за что бы она ни взялась".

„Такъ, напримѣръ, никто лучше ея не управляется съ языкомъ глухонѣмыхъ, которому насъ продолжаетъ обучать дядюшка. Послѣ г. Моони, Фатима выказываетъ наилучшія способности. Они уже прекрасно разговариваютъ при помощи этихъ знаковъ съ Каддуромъ, который могъ-бы въ этомъ отношеніи поучить всѣхъ насъ. Вчера онъ прочелъ намъ цѣлую лекцію о томъ, что такое называется общей

грамматикой жестовъ. Очевидно, этотъ коварный маленькій карликъ просто смѣется надъ нами; но даже и здѣсь, на лунѣ, онъ все же остается самымъ смѣшнымъ и самымъ уродливымъ существомъ".

„Изъ его словъ слѣдовало, что обучать глухонѣмыхъ этой системѣ — выражать свои мысли посредствомъ условныхъ знаковъ, — одно изъ величайшихъ заблужденій; онъ говоритъ, что существуетъ универсальный, всеобщій языкъ жестовъ и мимики, который для всѣхъ народовъ одинъ и тотъ-же, — и который, быть можетъ, и есть настоящій, т. е. подлинный, примитивный языкъ всего рода человѣческаго; этому-то именно языку и слѣдовало-бы, по мнѣнію Каддура, обучать не только глухонѣмыхъ, но и всѣхъ дѣтей вообще, чтобы они впослѣдствіи владѣли универсальнымъ, общимъ для всѣхъ людей нарѣчіемъ"...

„Вотъ, что проповѣдуетъ намъ нашъ Радамехскій карликъ!.. При этомъ онъ очень серьезно увѣрялъ насъ, что этотъ универсальный языкъ знакомъ ему, и что съ помощью его онъ можетъ свободно изъясняться во всѣхъ странахъ земнаго шара, не прибѣгая къ помощи словъ. Это показалось намъ настолько необычайнымъ, что всѣ мы невольно разсмѣялись. Смѣхъ этотъ показался карлику, что мы попрежнему подозрѣваемъ его въ шарлатанствѣ, и это, повидимому, очень обидѣло его. Онъ снова сдѣлался угрюмымъ, что очень огорчило всѣхъ насъ, такъ какъ въ сущности всѣ мы сознаемъ, что не слѣдуетъ обижать существо, уже обездоленное судьбою, и людьми".

„Я полагаю, что г. Моони взялъ его съ собой именно для того, чтобы утѣшить, и изгладить изъ его памяти это дурное впечатлѣніе, чтобы бесѣдовать съ нимъ, такъ какъ они отлично объяснялись знаками, и кромѣ того, вѣроятно, для того, чтобы не оставлять его въ своемъ отсутствіи подъ одной кровлей съ нашими плѣнниками. Вы не можете себѣ представить, дорогой мой папа, какую ненависть питаетъ этотъ маленькій человѣчекъ къ этимъ людямъ. Я вамъ разсказывала уже причины этой страшной, дикой и

звѣрской ненависти, но надо его видѣть, чтобы понять, насколько это чувство сильно въ немъ, надо видѣть выраженіе его некрасиваго лица въ тотъ моментъ, когда кто-нибудь случайно произнесетъ при немъ эти ненавистныя ему имена Питера Грифинса и Игнація Фогеля, да, кстати, и Костеруса Вагнера".

„То обстоятельство, что г. Моони выбралъ его въ свои товарищи по путешествію, повергло бѣднаго Виржиля въ ужасное уныніе, близкое къ полной меланхоліи. Этотъ прекрасный, преданный слуга, любящій всей душой своего господина, видѣлъ въ этомъ явное нарушеніе своихъ правъ, почти несправедливость по отношенію къ себѣ. Мы всѣ уже пытались объяснить ему, что его господинъ оказывалъ ему несравненно большее довѣріе, оставляя на его попеченіи обсерваторію и всѣхъ насъ. Но для того, чтобы вызвать улыбку на его опечаленномъ лицѣ, потребовалось вмѣшательство Фатимы, которая тутъ-же и весьма энергично заявила ему, что онъ въ высшей степени не любезенъ по отношенію ко всѣмъ намъ, явно выказывая, что предпочелъ-бы отправиться съ господиномъ Моони, чѣмъ остаться съ нами. Какъ видите, дорогой мой папаша, я сообщаю вамъ всѣ, даже самыя мельчайшія событія и подробности нашей лунной жизни, включительно до пустяковъ".

„Виржиль этотъ по прежнему является и здѣсь, на лунѣ, неоцѣненнымъ сотрудникомъ и участникомъ всѣхъ трудовъ своего господина. Въ настоящее время онъ находится въ роли начальника мастерскихъ и, совмѣстно съ тремя плѣнниками, неустанно работаетъ надъ исправленіемъ, возстановленіемъ и приведеніемъ въ полный порядокъ всѣхъ нашихъ инсоляторовъ. Дядя и г. Моони взяли на себя исправленіе и возстановленіе всѣхъ электрическихъ аппаратовъ и приборовъ; г. Моони на этотъ разъ, если не ошибаюсь, рѣшилъ сохранить въ тайнѣ дѣйствіе главныхъ органовъ, которые должны служить къ осуществленію его новаго плана, чтобы избѣжать повторенія такого инцидента, какой былъ вызванъ въ первомъ случаѣ глупостью Тирреля Смиса. Мы

съ Фатимой такъ-же работаемъ ежедневно по нѣскольку часовъ надъ сшиваніемъ какихъ-то полосъ особой ткани, которыя, повидимому, также должны служить для какой-то цѣли въ предполагаемомъ обратномъ путешествіи на родную планету. Только баронетъ и его достойный, образцовый слуга Тиррель Смисъ продолжаютъ оставаться бездѣятельными, вѣроятно, для того, чтобы не отвыкнуть отъ этой благородной роли. Но Тиррель Смисъ по крайней мѣрѣ варитъ намъ превосходнѣйшіе черепаховые супы изъ консервовъ, слѣдовательно, все же приноситъ свою долю пользы; что касается сера Буцефала, то онъ увѣряетъ, что очутился на лунѣ совершенно противъ своей воли, не сдѣлавъ рѣшительно ничего, чтобы попасть сюда, и не предполагая даже, что онъ можетъ вдругъ очутиться на другой планетѣ, а потому г. Моони обязанъ, помимо всякаго содѣйствія съ его стороны и всякаго личнаго его участія въ дѣлѣ общаго спасенія, обратно водворить его на землю".

— „Ну, а если-бы я все-же не водворилъ васъ туда, что бы вы тогда сдѣлали?!—смѣясь сказалъ ему наканунѣ своего ухода г. Моони.—Вѣдь, въ сущности, я вовсе не обязанъ это сдѣлать! И ничто не мѣшаетъ мнѣ, если я того захочу, преспокойно распрощаться съ вами по англійски, какъ говорится у насъ въ Парижѣ, или-же по французски, какъ выражаетесь вы у себя, въ Лондонѣ"!..

„При этомъ физіономія баронета весьма замѣтно вытянулась. Вѣдь, у бѣднаго въ данномъ положеніи есть только одно утѣшеніе, мирящее его съ его недобровольнымъ путешествіемъ на луну—это перспектива, вернувшись на землю, имѣть возможность пересказать обо всемъ этомъ своимъ клубнымъ пріятелямъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, было-бы съ бѣднягой, если-бы онъ серьезно лишился этой розовой надежды, поддерживающей его среди всѣхъ невзгодъ его настоящаго существованія"?!

„Собственно говоря, вполнѣ доволенъ своей участью, кажется, только одинъ г. Моони. Онъ увѣряетъ, что луна — это рай для астрономовъ и при томъ лучшій обсерваціон-

ный постъ, какой только можетъ существовать въ пространствѣ. Онъ говоритъ, что охотно провелъ бы на лунѣ два—три года, и ни о чемъ такъ не жалѣетъ, какъ о предстоящемъ намъ близкомъ отправленіи въ обратный путь, вынужденномъ недостаткомъ воздуха. Сразу видно, съ какимъ глубокимъ сожалѣніемъ онъ отрывается отъ своихъ телескоповъ даже и днемъ. Можно себѣ представить, что съ нимъ будетъ когда, наконецъ, явится возможность дѣлать ночныя наблюденія!.. Воображаю, какія драгоцѣнныя замѣтки онъ готовитъ, какой богатый журналъ наблюденій составляетъ на пользу своей науки". . . . .

. . . .

„Четыре часа позже. Дорогой папочка, я была принуждена прервать свою ежедневную бесѣду съ вами потому, что ко мнѣ пришелъ дядя и предложилъ прогуляться вмѣстѣ съ нимъ и съ серомъ Буцефаломъ. Я уже писала вамъ, что съ самаго перваго момента нашего пребыванія на лунѣ дядя задался мыслью открыть здѣсь хотя бы малѣйшій признакъ растительности, какой-нибудь клочечекъ моху или какую-нибудь чахлую былинку. Это было бы славой и украшеніемъ его гербарія, и самъ онъ могъ бы прославиться на всѣ времена. Даже ужъ и названіе этого драгоцѣннаго растенія придумано имъ заранѣе; онъ рѣшилъ назвать его Brieta maxima, или parvula, смотряпоея величинѣ или же, можетъ быть, это всего вѣроятнѣе,—просто Brieta selenensis. Вся бѣда только въ томъ, что до настоящаго времени мы не нашли ни малѣйшаго признака какой бы то ни было растительности. Однако, дядя еще не считаетъ себя сраженнымъ и вотъ, въ виду новыхъ изслѣдованій и розысковъ его быть можетъ, не существующей былинки, онъ и пришелъ за мною звать меня на прогулку. Кромѣ того, онъ увѣряетъ, что то, что волей-неволей нужно называть открытымъ воздухомъ на лунѣ, прекрасно вліяетъ на мое здоровье, и что я непремѣнно должна ежедневно дѣлать моціонъ даже и на лунѣ, гдѣ всякій, даже и самый усиленный моціонъ, такъ неутомителенъ".

„Итакъ, мы отправились съ легкостью птицъ и въ наилучшемъ настроеніи духа съ намѣреніемъ посѣтить дно того изсохшаго потока, протекавшаго по дну глубокаго ущелья, которое оказалось столь роковымъ для сера Буцефала. Онъ указалъ намъ то мѣсто, гдѣ три негодяя набросились на него и ограбили, отнявъ у него кислородный респираторъ; при этомъ жесты его были столь патетичны и столь выразительны и краснорѣчивы, что вполнѣ замѣняли ему даръ слова,—увы, совершенно безполезный здѣсь, на лунѣ. Кстати замѣчу, что мы на этотъ разъ уже не нашли здѣсь ни малѣйшихъ признаковъ воздуха, годнаго для дыханія, что является несомнѣннымъ подтвержденіемъ теоріи г. Моони, что то былъ воздухъ, не присущій самой атмосферѣ луны, но захваченный ею съ земной атмосферы и удерживавшійся нѣкоторое время въ глубинѣ этого луннаго ущелья. Оставивъ вправо вершину, уже изслѣдованную господиномъ Моони и баронетомъ, мы направились все тою же узкой долиной ущелья къ другому, еще болѣе тѣсному и глубокому ущелью, открывавшемуся къ югу. Здѣсь мы наткнулись почти при самомъ входѣ на громадныя залежи каменнаго угля почти на самой поверхности земли, или вѣрнѣе луны. Баронетъ, восхищенный такимъ угольнымъ богатствомъ, остановился и долгое время оставался въ созерцаніи; вѣроятно, онъ вычислялъ въ своемъ умѣ, какую бы громадную цѣнность представляли эти залежи гдѣ нибудь въ графствѣ Мидльсексъ или хотя бы даже въ Ланкастеръ. Но такъ какъ ни меня, ни дядю эта оцѣнка нисколько не интересовала, то мы продолжали идти впередъ съ быстротою по меньшей мѣрѣ пятнадцати миль въ часъ, скачками по восьми и десяти метровъ, при самыхъ забавныхъ эволюціяхъ въ воздухѣ“.

„Вдругъ я увидѣла, что дядя остановился, точно вкопанный. Смотрю, онъ наклоняется, кидается на колѣни, достаетъ изъ кармана свою лупу и долго, внимательно разглядываетъ нѣчто въ родѣ крошечной желтой цвѣли или ткани на громадномъ сине-голубомъ горбулѣ камня... Нако-

нецъ, онъ вскочилъ на ноги въ страшномъ волненіи и знакомъ подозвалъ меня къ себѣ, чтобы и я въ свою очередь могла подивиться на это чудо. Такъ вотъ, дорогой мой папочка, какимъ образомъ дѣлаются самыя величайшія открытія!.. Знаменитая, долгожданная Brieta parvula была, наконецъ, найдена, но ужъ такая parvula, меньше которой я ничего не могу себѣ представить... Жалкій, крошечный чахлый мохъ, такой жалкій, едва замѣтный, что я, конечно, могла бы сто разъ пройти мимо него, не замѣчая, или же принявъ этотъ клочекъ моха за прожилинку лавы которой здѣсь кругомъ было очень много. Дядюшка былъ положительно очарованъ, а я была ужасно рада его радости. Мы пожимали другъ другу руки и поздравляли дядю самыми выразительными жестами и взглядами."

„Послѣ этого я думала, что мы благополучно двинемся дальше но видя, что дядюшка мой, повидимому, не собирается даже двинуться съ мѣста, а, напротивъ, намѣревался изслѣдовать окрестность того горбуля, на которомъ росла Brieta parvula, я знаками дала ему понять, что хочу дойти до подошвы ближайшей горы и на возвратномъ пути зайду за нимъ.

„Было-ли то въ силу какого-то тайнаго, необъяснимаго инстинкта, или же и мнѣ суждено было сдѣлать свое открытіе въ этомъ новомъ мірѣ, не знаю, но тѣмъ не менѣе меня неудержимо влекло къ подножію этой горы. И вотъ едва я успѣла обогнуть выступъ небольшого отрога лунныхъ Аппенинъ, скрывавшаго, какъ оказалось, входъ въ глубокую и темную долину, какъ очутилась передъ громадной выбоиной въ скалѣ, очевидно, пробитой здѣсь руками человѣческими или, вѣрнѣе, какими-то нечеловѣческими руками".

„Не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что то, что я видѣла передъ собою, отнюдь не было игрою природы, но дѣломъ рукъ какихъ-нибудь столь же разумныхъ, сколь сильныхъ и могучихъ существъ... Во первыхъ, открывалась гигантская лѣстница, совершенно пропорціональная во всѣхъ своихъ частяхъ, которая вела широкими, пологими ступенями къ величественному перистилю изъ циклопическихъ

колоннъ. Послѣднія были раза въ четыре или пять выше и толще колоннъ Святого Петра въ Римѣ, изваяны онѣ изъ цѣльнаго малахита и поддерживались вмѣсто фронтона самою вершиною горы".

„Перистиль этотъ упирался въ пространство, обнесенное каменной оградой, пространство, разъ въ семь или восемь большее, чѣмъ самый Колизей. И все это сказочное зданіе было такихъ грандіозныхъ размѣровъ и въ вышину, и въ ширину и отличалось такой изящностью, такой величественностью, что трудно даже вообразить себѣ что-либо подобное. Да, дорогой мой папочка, мы съ тобой никогда не видали ничего, сколько-нибудь похожаго на это колоссальное и великолѣпное сооруженіе, ни въ Египтѣ, ни на Верхнемъ Нилѣ, ни даже въ Ниневіи. Гигантскія чудовища, изваянныя прямо въ скалѣ, охраняли входъ въ ограду этого подобія храма; стѣны были покрыты безчисленными, удивительной работы фигурами и рисунками, частію выдолбленными въ камнѣ, частію изображенными барельефами и раскрашенными самыми живыми и яркими красками".

„Общее впечатлѣніе было таково, что я стояла, точно остолбенѣвшая, при видѣ всего этого великолѣпія и никогда еще невиданныхъ колоссальныхъ размѣровъ".

„Чьи это мощныя руки могли воздвигнуть подобное зданіе, подлѣ котораго самыя пирамиды фараоновъ являлись жалкими твореніями пигмеевъ"?!..—мысленно спрашивала я себя, пораженная, подавленная, почти приведенная въ ужасъ тѣмъ, что видѣла передъ собою и чему едва смѣла вѣрить".

„Надо было, во что бы то ни стало, скорѣе сообщить дядѣ о моей находкѣ или, вѣрнѣе, о моемъ невѣроятномъ, удивительномъ открытіи, а также удивить и поразить сера Буцефала. Итакъ я, скрѣпя сердце, съ большимъ трудомъ оторвалась отъ созерцанія всѣхъ великолѣпій грандіознаго сооруженія невидимыхъ титановъ и со всѣхъ ногъ бросилась бѣжать къ тому горбатому камню, который могъ назваться родиной вожделѣнной Brieta parvula, гдѣ я,

какъ и ожидала, застала дядюшку, все еще погруженнаго въ созерцаніе единственнаго представителя растительнаго міра на лунной поверхности, и сера Буцефала, только что присоединившагося къ нему. Съ большимъ трудомъ мнѣ удалось заставить ихъ послѣдовать за мной, но когда мнѣ, въ концѣ концовъ, посчастливилось настоять на своемъ, и они изъ угожденія мнѣ, хотя и неохотно, но все же отправились за мной и пришли къ тому мѣсту, куда я хотѣла ихъ привести, то удивленіе и восхищеніе ихъ положительно не знало границъ. Дядя, почти помѣшался отъ радости. Онъ воздѣвалъ руки къ небу, порывисто обнималъ и цѣловалъ меня и старался выразить мнѣ съ помощью самыхъ краснорѣчивыхъ жестовъ всю важность, какую имѣло мое открытіе, но такъ какъ это не вполнѣ удавалось ему, несмотря на всѣ его старанія, то онъ съ лихорадочнымъ возбужденіемъ вырвалъ листокъ изъ своей записной книжки и торопливо набросавъ на немъ нѣсколько словъ, передалъ его мнѣ. Я прочла слѣдующія слова:

„Дорогая моя Гертруда, ты первая открыла первый лунный памятникъ, о какомъ когда-либо было извѣстно роду человѣческому. Это, кромѣ того, является несомнѣннымъ доказательствомъ того, что луна нѣкогда была обитаема... Твое открытіе несравненно важнѣе всякаго другого открытія, какое только могутъ сдѣлать въ настоящее время всѣ наши современные археологи“.

„Вначалѣ я не вполнѣ понимала, почему это мое открытіе могло имѣть такую огромную важность, такое серьезное значеніе. Но поразмысливъ немного, между тѣмъ какъ дядя и серъ Буцефалъ съ восхищеніемъ разсматривали живопись, барельефы и всевозможныя украшенія на стѣнахъ этого предполагаемаго храма, или дворца, я пришла, мало-по-малу, къ тому убѣжденію, что подобное зданіе, дѣйствительно, свидѣтельствуетъ о томъ, что здѣсь существовали нѣкогда люди, не только существа разумныя, но еще достигавшія весьма высокой степени развитія и культуры“.

„Вы говорили мнѣ когда-то, по отношенію къ египет-

скимъ пирамидамъ, дорогой мой папа, что только для того, чтобы обтесать, поднять и сложить эти громадные камни, требуется самое основательное знанiе математики, механики и различныхъ другихъ прикладныхъ наукъ; и теперь, при видѣ этого гигантскаго сооруженiя, о размѣрахъ котораго мы, жители земли, не можемъ составить себѣ никакого, даже приблизительнаго представленiя, я подумала то же и не могла не подивиться. Такъ вотъ еще одинъ вопросъ, остававшiйся до настоящаго времени весьма сомнительнымъ, теперь рѣшенъ безповоротно, разъ на всегда! Этотъ мертвый въ настоящее время лунный мiръ нѣкогда имѣлъ своихъ обитателей, — и послѣднiе были отнюдь не первобытныя полудикiя существа, стоящiя немногимъ выше животныхъ; нѣтъ, это были искусные строители, инженеры, несравненные художники и артисты своего дѣла. Какъ же я счастлива, дорогой мой папа, что я, такая невѣжественная, такая „маленькая дѣвочка", какъ вы называете меня, могла сдѣлаться, волею судебъ, причиною такого важнаго, такого капитальнаго открытiя, которымъ вы, дорогой мой папочка, могли бы такъ гордиться, и которому вы, навѣрное, будете очень радоваться!

„По возвращенiи въ обсерваторiю, вся радость дяди по случаю находки Brieta исчезла. И знаете-ли, почему? Потому, что, при болѣе тщательномъ изслѣдованiи подъ микроскопомъ, онъ убѣдился въ абсолютной тождественности его Brieta parvula съ точно такой-же разновидностью моха на земномъ шарѣ, названiе котораго я уже успѣла позабыть, моха, чрезвычайно часто встрѣчающаго во всѣхъ полярныхъ странахъ. Правда, его экземпляръ былъ еще болѣе чахлый и выродившiйся, но, тѣмъ не менѣе, онъ отнюдь не представляетъ собою отдѣльной разновидности. Это открытiе произвело на дядю крайне удручающее впечатлѣнiе; его Brieta разомъ потеряла всю свою цѣну въ его глазахъ. Напрасно я старалась его утѣшить тѣмъ, что все же это жалкое маленькое растенiе имѣетъ за собой то несомнѣнное значенiе, что оно является единственнымъ представителемъ раститель-

наго міра, уцѣлѣвшимъ на лунѣ. Дядя говорилъ на это, что только открытіе совершенно новой, никому неизвѣстной разновидности могло бы явиться несомнѣннымъ доказательствомъ въ глазахъ земныхъ ботаниковъ, которые, признавъ ее однородной съ уже извѣстной имъ породой полярнаго моха, могутъ дойти до того, что будутъ утверждать, доказывая происхожденіе Brieta, что мы занесли ее на луну вмѣстѣ съ нашей горой и нашей обсерваторіей!.. Это, конечно, было бы признакомъ возмутительнаго недовѣрія, но дядя, очевидно, считаетъ своихъ собратьевъ способными на все, когда дѣло идетъ объ умаленіи значенія какого-нибудь новаго, самостоятельнаго открытія или труда“.....

„Какъ любопытны и интересны всѣ эти вещи, вся эта природа и всѣ наши мѣстныя, столь непривычныя для насъ условія луннаго существованія, но не смотря на это, мнѣ скучно безъ васъ! Ахъ, что бы я дала, дорогой мой папочка, за то, чтобы вы теперь были съ нами, раздѣляли наши удивленія и восторги, и вмѣстѣ съ нами могли наслаждаться всѣми этими диковинными, чудными зрѣлищами“.

VIII. Невидимое полушаріе.

Норберъ Моони не ограничился тѣмъ, что, снаряжаясь въ свою дальнюю экспедицію на невидимое полушаріе луны, захватилъ съ собою громадные запасы хлорноватаго кали, чтобы возобновлять, по мѣрѣ надобности, запасы кислорода въ респираторахъ, но позаботился сверхъ того запастись особаго рода шляпой—зонтомъ, спеціально изобрѣтенной имъ для предохраненія отъ убійственнаго вліянія солнца. Шляпа эта была снабжена особаго рода широкимъ длиннымъ козырькомъ, спускавшимся низко на затылокъ и сильно выдававшимся впередъ щитомъ изъ натянутаго на остовъ полотна. Отъ этого щитка спускался родъ такого же полотнянаго вуаля, или завѣсы, въ которой, на уровнѣ глазъ,

были вдѣланы синія стекла, предохранявшія зрѣніе отъ воспаленія. Благодаря этимъ остроумнымъ предосторожностямъ и Каддуръ, и самъ онъ, нагруженные всевозможными научными инструментами, оружіемъ и съѣстными припасами въ достаточномъ количествѣ, чтобы ихъ могло хватить на двое—трое сутокъ, могли безпрепятственно совершить въ теченіе восемнадцати часовъ времени дальнее путешествіе по меньшей мѣрѣ въ триста миль, чтобы отъ кратера Ретикуса достигнуть противуположнаго полушарія луны.

Если бы наши путешественники пренебрегли тѣми мѣрами предосторожности, о которыхъ мы только что упомянули, то не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что, по прошествіи нѣсколькихъ часовъ, они неминуемо должны были бы погибнуть отъ солнечнаго удара. Жара, съ которой трудно было мириться даже во время самой простой прогулки, становилась уже положительно невыносимой во время дальняго и продолжительнаго путешествія. Но молодой ученый и его спутникъ были люди, близко знакомые съ пустыней, хорошо знали тотъ моментъ, когда именно слѣдуетъ отдыхать, когда принимать пищу, когда возобновлять запасы кислорода въ резервуарахъ респираторовъ съ помощью маленькой спиртовой лампочки, остатковъ кислорода и стекляннаго шара, въ которомъ содержался хлористый кали. Благодаря этимъ свѣдѣніямъ, имъ удалось безъ всякихъ непріятныхъ приключеній и безъ особеннаго утомленія добраться до намѣченной ими цѣли путешествія.

Въ продолженіе этого пути одно лишеніе могло-бы особенно живо ощущаться нашими путниками, а именно, невозможность дѣлиться мыслями и впечатлѣніями, рождавшимися поминутно при видѣ этихъ, совершенно новыхъ и незнакомыхъ еще пейзажей луннаго міра. Но за послѣднее время Норберъ Моони и Каддуръ уже вполнѣ освоились со способомъ выраженія своихъ мыслей посредствомъ знаковъ.

По мѣрѣ того, какъ они приближались къ той сторонѣ лунной поверхности, которая бываетъ вѣчно скрыта отъ обитателей земнаго шара, волненіе и нетерпѣніе молодого уче-

наго выражалось все ярче и ярче посредствомъ тѣхъ-же жестовъ и знаковъ.

— При одной мысли о томъ, что мы должны будемъ вскорѣ увидѣть, — говорилъ онъ своему спутнику посредствомъ азбуки глухонѣмыхъ,—у меня дрожь пробѣгаетъ по тѣлу!... Подумайте только, Каддуръ, какое это неслыханное счастье для астронома: видѣть своими глазами то, чего еще никто до меня не видѣлъ и не могъ видѣть!... Любоваться дивной картиной лунной ночи, разстилающей свой покровъ только надъ нами одними и съ этого единственнаго въ мірѣ обсерваціоннаго поста въ пространствѣ, навсегда недоступнаго для телескоповъ всѣхъ земныхъ обсерваторій, прослѣдить всѣ свѣтила солнечнаго міра!...

— Но неужели вамъ не кажется всего болѣе вѣроятнымъ, что это невидимое полушаріе луны должно быть во всѣхъ отношеніяхъ совершенно подобно тому, которое мы видимъ?—спросилъ Каддуръ, чтобы получить кое-какія свѣдѣнія относительно этого вопроса и вмѣстѣ съ тѣмъ предостеречь отъ возможнаго разочарованія того, кого онъ чѣмъ ближе узнавалъ, тѣмъ сильнѣй научался любить.

— Дѣйствительно, такого рода тождественность весьма возможна,—отвѣчалъ Норберъ Моони,—но она еще не безусловно доказана. Къ тому-же насъ съ вами интересуетъ, главнымъ образомъ, не почва луны, но то небесное зрѣлище, которое должно открыться передъ нашими глазами съ той стороны луны. Ахъ, Каддуръ, сами вы увидите, какая это будетъ дивная картина!... Обоимъ намъ будетъ казаться, что мы впервые въ нашей жизни видимъ и „Большую Медвѣдицу“, и „Лиру“, и „Млечный Путь“, которые, однако, такъ знакомы всѣмъ намъ, и будетъ это потому, что всѣ эти созвѣздія во всѣхъ мельчайшихъ своихъ подробностяхъ съ особой яркостью и рѣзкостью должны выступать на совершенно черномъ фонѣ луннаго ночного неба.

Говоря это, конечно, посредствомъ знаковъ азбуки глухонѣмыхъ, Норберъ Моони, подстрекаемый искреннимъ энтузіазмомъ молодого ученаго, незамѣтно для самого себя уско-

рялъ шагъ, т. е. начиналъ пожирать пространство семимильными шагами и скачками въ сорокъ-пятьдесятъ метровъ, такъ что маленькій спутникъ его поспѣвалъ только съ большимъ трудомъ. Къ счастію, необычайная мускульная сила карлика возмѣщала ему длину ногъ.

Наконецъ, наши путешественники достигли довольно высокой горы, которую они давно уже видѣли передъ собой на востокѣ. Норберъ Моони не безъ основанія считалъ ее принадлежащей къ промежуточной грани двухъ полушарій, которая при коловратномъ движеніи луны, то бываетъ видна, то вновь становится невидимой для жителей земли.

Дѣйствительно, оказалось, что молодой ученый не ошибся въ своемъ предположеніи. Едва успѣли они перейти эту вершину, какъ солнце стало только отчасти видно надъ горизонтомъ. Оно оказалось позади нашихъ путешественниковъ и какъ будто, было перерѣзано линіей горизонта, а по мѣрѣ того, какъ они подвигались впередъ, замѣтно скрывалось за ними. И вотъ, наконецъ, оно какъ будто разомъ скатилось и безслѣдно пропало.—Въ тотъ-же моментъ, безъ малѣйшаго перехода, наши путешественники очутились среди глубокой ночи. Одновременно съ этимъ, они ощутили разительную перемѣну температуры, столь внезапную и вмѣстѣ столь рѣзкую, что едва были въ силахъ вынести ее. Волей-не волей, имъ пришлось, какъ можно скорѣе, вернуться обратно на полушаріе, освѣщенное солнцемъ, и, укутавшись тамъ во все теплое, что они могли захватить съ собою, постепенно пробираться вторично въ темное полушаріе. Теперь только молодому ученому дано было увидѣть то, что онъ такъ страстно хотѣлъ видѣть.

На небѣ, черномъ, какъ чернила, гдѣ не было ни солнца, ни земли, миріады звѣздъ были разсыпаны на всемъ пространствѣ, какъ алмазная пыль, усыпавшая черное сукно. Всѣ эти звѣзды не имѣли здѣсь того быстраго судорожнаго движенія, того трепетнаго дрожанія, или мерцанія, какое кажется присущемъ имъ, когда мы видимъ ихъ съ земли. Движеніе ихъ было такое, какимъ для астронома Париж-

ской обсерваторіи является движеніе полярной звѣзды: въ продолженіе цѣлыхъ трехсотъ пятидесяти часовъ онѣ стоятъ на мѣстѣ, не скрываясь ни на мгновеніе во все это время и представляя собою предметъ для самыхъ точныхъ наблюденій; ни малѣйшее облачко, никакіе атмосферическіе пары, ни малѣйшее колебаніе воздуха ни на секунду не омрачатъ блескъ и не затуманятъ очертанія этихъ свѣтилъ. Именно этого и ожидалъ Норберъ Моони, хотя и не видалъ никогда ничего подобнаго. Для астронома такого рода зрѣлище представляло собою нѣчто чарующее, нѣчто такое, что въ первые моменты положительно опьяняюще дѣйствовало на него.

Когда же онъ очнулся отъ своего оцѣпенѣнія и собирался уже установить станокъ своего походнаго телескопа, онъ вдругъ созналъ, что его охватила стужа, охватила съ такою силой, что почти совершенно парализовала его. Челюсти его сжимались сами собою, непреодолимая, сладкая сонливость и чувство полнаго оцѣпенѣнія всѣхъ членовъ овладѣвали имъ. Легкія его съ трудомъ вдыхали въ себя кислородъ изъ резервуара. Онъ чувствовалъ, что въ вискахъ у него стучитъ, а голову стягиваетъ и сжимаетъ точно ледяными тисками. Еще минута-другая,—и онъ непремѣнно долженъ былъ окончательно замерзнуть...

Съ нетерпѣливымъ, нервнымъ жестомъ онъ обернулся, чтобы сказать Каддуру, что имъ необходимо немедленно вернуться на другое полушаріе, какъ вдругъ увидалъ вдали, на самой поверхности луны, какое-то красноватое зарево, невольно приковавшее его вниманіе. Судя по колебаніямъ, этотъ огонь можно было принять за одинъ изъ тѣхъ вращающихся маяковъ, которые на морскихъ прибрежьяхъ въ Европѣ означаютъ или какую-либо скрытую опасность или же мѣсто стоянки для судовъ.

— Это или маякъ, или вулканъ! — подумалъ про себя Норберъ Моони и, схвативъ Каддура за руку, какъ берутъ маленькаго четырехлѣтняго мальчика, бросился бѣжать, что было мочи, по направленію къ виднѣвшемуся вдали зареву.

Это усиленное движеніе, конечно, вскорѣ согрѣло ихъ обоихъ. Въ нѣсколько минутъ они отмахали тѣ три-четыре мили, которыя отдѣляли ихъ отъ огня.

Дѣйствительно, то былъ вулканъ, крошечный, миніатюрный вулканъ, кратеръ котораго имѣлъ не болѣе десяти метровъ въ діаметрѣ. Онъ казался отживающимъ среди миріадовъ другихъ, уже потухшихъ и заглохшихъ кратеровъ. Это была, такъ сказать, послѣдняя тлѣющая искра, оставшаяся отъ громаднаго пожара, нѣкогда свирѣпствовавшаго въ этой долинѣ. Теперь этотъ пожаръ, эта буря огня, испускала, повидимому, свой послѣдній вздохъ.

Но какъ ни малъ, какъ ни скроменъ былъ этотъ крошечный вулканъ, тѣмъ не менѣе онъ представлялъ изъ себя очагъ, распространявшій вокругъ себя довольно сильный жаръ, поистинѣ неоцѣненный при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находились въ настоящее время Норберъ Моони и Каддуръ. Оба они тотчасъ же пріютились съ особымъ наслажденіемъ на сѣверномъ скатѣ маленькаго кратера, точно на русской печкѣ, и, не теряя времени, раскинули здѣсь свой лагерь, т. е. расположились со всѣми своими пожитками.

Подъ вліяніемъ этого пріятнаго и равномѣрнаго тепла, члены ихъ, мало-по-малу, отогрѣвались, легкія расширялись, способность двигаться и владѣть членами снова возвращалась къ нимъ.

Что же касается маленькаго вулкана, то онъ, очевидно, ни мало не подозрѣвая, что безъ его вѣдома, былъ обращенъ этими, никогда невиданными на лунѣ пришельцами, въ простую грѣлку или, вѣрнѣй лежанку, продолжалъ, какъ и раньше, время отъ времени выбрасывать легкія облачки пепла и дыма, освѣщеннаго отблесками угасавшаго очага. Иногда же въ немъ слышался глухой подземный гулъ и рокотъ, который постепенно переходилъ въ глубокій вздохъ и вдругъ оканчивался взрывомъ. Затѣмъ вдругъ сразу воцарялась на время полнѣйшая тишина. Въ одинъ изъ промежутковъ между однимъ подземнымъ раскатомъ и слѣдую-

щимъ за нимъ въ непродолжительномъ времени другимъ, Норберъ Моони, прислушиваясь, уловилъ довольно ясно слышавшійся шумъ или, вѣрнѣе, плескъ, похожій на паденіе водъ небольшого водопада.

Желая провѣрить, отчего могъ происходить подобный звукъ позади, онъ отправился изслѣдовать окружающую мѣстность и, пройдя всего нѣсколько саженъ, наткнулся у самаго подножія вулкана, на противуположномъ его скатѣ, на маленькій гейзеръ, такой же миньятюрный, какъ и вулканъ От гейзера поднимался на высоту не болѣе метра столбъ кипящей ключемъ воды, который, однако, въ моменты взрывовъ, вдругъ достигалъ высоты отъ семи и до восьми метровъ.

Вода этого гейзера оказалась не вкусной: она была настолько насыщена сѣрными остатками, что это дѣлало ее положительно тошнотворной, но все же это была вода, горячая вода, неоцѣненное сокровище въ этихъ краяхъ! Потому было рѣшено заночевать, если можно такъ выразиться, у гейзера.

Плотно поужинавъ сухарями, сушеннымъ мясомъ, консервами и чаемъ съ ромомъ и возобновивъ при содѣйствіи тепла гейзера свои запасы кислорода въ резервуарахъ респираторовъ, наши путешественники завернулись по плотнѣе въ свои теплыя одѣяла и тотчасъ же крѣпко заснули. Проснувшись, Норберъ Моони тотчасъ установилъ свой походный телескопъ и, не теряя ни минутки времени, принялся изучать небесный сводъ. Онъ сознавалъ отлично, что всѣ тѣ наблюденія, какія онъ могъ сдѣлать въ короткій срокъ времени, остававшійся въ его распоряженіи, не могли имѣть особо важнаго для него значенія; но и того уже было достаточно, чтобы окончательно убѣдить его въ тѣхъ несомнѣнныхъ и неоцѣненныхъ преимуществахъ, какія могли бы имѣть эти наблюденія при наличныхъ условіяхъ, если бы онъ имѣлъ возможность продолжить ихъ съ такого обсерваціоннаго пункта, какъ это темное полушаріе луны. Стоило только вообразить, что, будь въ данный моментъ на гори-

зонтѣ какая-нибудь комета, онъ имѣлъ бы возможность прослѣдить ее чрезъ равномѣрные промежутки времени, установленные по его усмотрѣнію, и такимъ образомъ получить цѣлую серію вполнѣ точныхъ положеній кометы, по которымъ легко было бы не только опредѣлить ея орбиту, но и вычислить ея эфимериды *).

Подумать только, что любое наблюденіе можетъ быть продолжено, провѣрено и проконтролировано въ цѣломъ рядѣ послѣдовательныхъ наблюденій, распредѣленныхъ, по желанію, на протяженіи четырнадцати круглыхъ сутокъ!... Что за радость для астронома!... Но на этотъ разъ нечего было и думать объ осуществленіи этой мечты; за то Норберъ Моони хотѣлъ насладиться созерцаніемъ одной за другой всѣхъ родственныхъ землѣ планетъ, безъ того вѣчнаго покрова земной атмосферы, сквозь который онъ до настоящаго времени всегда смотрѣлъ на нихъ.

Итакъ онъ навелъ свой походный телескопъ на Марса; его моря, материки, его полярные льды и двѣ луны,—все это Норберъ Моони видѣлъ теперь совершенно ясно. Затѣмъ онъ перевелъ его на Венеру, такую ясную, такую лучезарную и свѣтящуюся, что она озаряла вокругъ себя все небо и бросала очень рѣзкія тѣни на поверхности луны. Потомъ, не ставъ отыскивать Меркурія, такъ какъ онъ зналъ, что его можно видѣть только въ опредѣленное время, т. е. немедленно послѣ заката солнца или-же передъ самымъ его восходомъ, молодой астрономъ обратилъ теперь свое вниманіе на гигантскую планету Юпитера. Какъ передать его волненіе, его восторгъ, когда онъ увидѣлъ эту величественную и лучезарную планету, изукрашенную своими экваторіальными полосами, въ сопутствіи своихъ четырехъ спутниковъ, своихъ четырехъ лунъ!... Никогда еще этотъ громадный шаръ, превосходящій въ 1,234 раза, по своей величинѣ

*) Эфимериды—дневныя астрономическія записи, или таблицы, которыми опредѣляется для каждаго дня мѣсто каждой планеты въ зодіакѣ.

земной шаръ, не казался ему такимъ величественнымъ и прекраснымъ, какъ въ этотъ разъ.

Ни Урана, ни Нептуна здѣсь нельзя было видѣть, и потому, слегка взволнованный и съ сильно бьющимся сердцемъ, Норберъ Моони, заранѣе предвкушая предстоящее ему удовольствіе, навелъ свой телескопъ на Сатурна. Онъ долго не могъ забыть того удивительно сильнаго впечатлѣнія, какое произвела на него эта самая планета въ тотъ вечеръ, когда онъ впервые въ своей жизни увидѣлъ ее въ телескопъ въ одномъ общественномъ саду, въ самый простой, немудрый телескопъ!... Но это неизгладимое впечатлѣніе, удержавшееся въ его памяти вплоть до настоящаго момента, впечатлѣніе его ранней юности, рѣшившее его судьбу и выборъ карьеры, было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ испыталъ теперь... Никогда еще таинственное кольцо, окружающее и какъ-бы опоясывающее Сатурнъ, не представлялось ему такъ явственно, не казалось такимъ яркимъ, такимъ блестящимъ. Онъ видѣлъ его теперь очень расширеннымъ, распадающимся на три отдѣльныхъ сегмента и состоящимъ изъ нѣсколькихъ концентрическихъ круговъ. Полоса тѣни, которую кладетъ на планету это кольцо, и тѣнь шара, ложащаяся на кольцо, тѣ полосы, которыми испещренъ этотъ шаръ,—все это выдѣлялось съ особенной рельефностью, подобно огненному рисунку на черномъ фонѣ неба. Казалось, эта великолѣпная планета находится всего въ нѣсколькихъ метрахъ отсюда, и стоитъ только протянуть за ней руку, чтобы коснуться этого загадочнаго свѣтила. О, какія неоцѣненныя открытія могли дать болѣе продолжительныя наблюденія и изслѣдованія, болѣе послѣдовательныя изученія и спектральные анализы, которые можно было-бы дѣлать здѣсь, на этомъ мѣстѣ! Чего-бы ни дали наукѣ эти наблюденія, если-бы такой человѣкъ, какъ Норберъ Моони, со всей его энергіей и рвеніемъ, со всей преданностью его дѣлу науки, съ его обширнѣйшими знаніями и любовью къ дѣлу, продолжалъ ихъ!.. Углубившись въ созерцаніе всѣхъ этихъ чудесъ, молодой ученый совершенно за-

былъ о всемъ остальномъ, забылъ даже о томъ, что находится на лунѣ: онъ какъ-бы виталъ въ пространствѣ, внѣ всѣхъ условій мѣста и времени.

Вдругъ онъ почувствовалъ, что кто-то дернулъ его за рукавъ. Онъ отвелъ глаза отъ телескопа и разомъ, такъ сказать, упалъ съ высоты эмпирей на землю: онъ увидѣлъ Каддура, этого маленькаго карлика, который устремилъ на него свой умоляющій взоръ.

— А, — сказалъ онъ, отвѣчая знаками на безмолвную просьбу карлика,—это вы, милый мой Каддуръ... Вы также-бы хотѣли взглянуть въ телескопъ?... Всего еще одну минутку,—и я весь буду къ вашимъ услугамъ!...

— А знаете-ли вы, сколько времени вы уже здѣсь сидите и не отводите глазъ отъ телескопа? — спросилъ его карликъ, сопровождая свои жесты самой выразительной мимикой.

— Хмъ!... не знаю!... съ полъ-часа, можетъ быть... или немного больше...

— Съ полъ-часа!... Нѣтъ, болѣе четырехъ часовъ!—отвѣчалъ Каддуръ. — Я и теперь не сталъ-бы васъ тревожить, повѣрьте мнѣ, если-бы и теперь уже мы не просрочили того времени, какое вы назначили себѣ для этой экспедиціи и для пребыванія нашего здѣсь, на темномъ полушаріи луны. ....Ваши друзья, навѣрное, будутъ безпокоиться о васъ!..

— Да, вы правы, Каддуръ, и я очень благодаренъ вамъ за предупрежденіе. Мы не имѣемъ права причинять имъ безпокойства. Теперь вы въ свою очередь посмотрите кольца Сатурна. Посмотрите все, что только захотите, а затѣмъ мы соберемъ свои пожитки, сложимъ всѣ свои багажи и двинемся въ обратный путь...

Двадцать часовъ спустя наши путешественники, разбитые и усталые, но счастливые и довольные, вернулись въ обсерваторію, гдѣ нашли все въ должномъ порядкѣ и все, и всѣхъ на своихъ мѣстахъ.

IX. Лунный папирусъ.

Давъ имъ хорошенечко отдохнуть, всѣ, остававшіеся въ обсерваторіи и не участвовавшіе въ экспедиціи Норбера Моони, съ особымъ интересомъ и вниманіемъ выслушали отчетъ молодого ученаго о томъ, что онъ и Каддуръ видѣли и испытали и какого рода любопытныя наблюденія успѣли сдѣлать по ту сторону ихъ планеты, т. е. на темномъ, невидимомъ съ земли полушаріи луны. Затѣмъ и имъ разсказали объ удивительномъ открытіи, сдѣланномъ Гертрудой въ ихъ отсутствіи. Норберъ Моони при этомъ до того воодушевился и заинтересовался, что пожелалъ тотчасъ же отправиться туда и изслѣдовать, какъ можно подробнѣе, этотъ лунный памятникъ древности. На этотъ разъ его спутниками были Гертруда, Фатима и докторъ Бріэ.

Съ самаго перваго момента входа его во внутренность диковиннаго зданія, Норберъ Моони былъ пораженъ тѣмъ страннымъ обстоятельствомъ, какое ему, какъ астроному, невольно бросалось само собой въ глаза, а именно, онъ не могъ не замѣтить, что на всѣхъ рисункахъ, выбитыхъ въ стѣнахъ и раскрашенныхъ яркими красками, а также и на всѣхъ горельефахъ и барельефахъ были изображены два солнца въ небесахъ луны, одно большое и одно маленькое. Совершенно освоившись къ этому времени съ языкомъ знаковъ и мимики, Норберъ Моони сталъ объяснять, съ помощью этихъ знаковъ, смыслъ и значеніе этого страннаго явленія.

— Не подлежитъ сомнѣнію, господа,—говорилъ онъ,— что это большое солнце, которое мы видимъ на всѣхъ этихъ изображеніяхъ, ничто иное, какъ наша земля въ первичный періодъ, когда она была раскаленнымъ шаромъ, и это обстоятельство чрезвычайно важно въ данномъ случаѣ, такъ какъ оно является несомнѣннымъ доказательствомъ чрезвычайно глубокой древности этого памятника. Удивительно, какъ это зданіе сохранилось такъ превосходно въ теченіе, быть можетъ, нѣсколькихъ сотъ вѣковъ! Но это, по моему мнѣнію,

объясняется тѣмъ, что оно здѣсь не подвергалось никогда вліянію ни вѣтровъ, ни дождей, ни бурь, которыя такъ разрушительно дѣйствуютъ на всякого рода сооруженія, перемѣны же температуры, которымъ они поочередно подвергаются то въ теченіе луннаго дня, то въ продолженіе лунной ночи, очевидно, мало вліяютъ на тѣ матеріалы, изъ которыхъ воздвигнуто это величественное и необычайно прекрасное зданіе!

Осматривая его со всѣхъ сторонъ, Норберъ Моони замѣтилъ, что оно имѣло форму гигантской пирамиды.

— Ясно, что обитатели луны, или селениты, какъ ихъ слѣдуетъ называть, прекрасно знали законы и основанія механики за-долго до того времени, когда земля успѣла достаточно охладиться, чтобы на ней могла проявиться жизнь. Такъ какъ здѣсь, на лунѣ, сила тяжести въ шесть разъ меньше, чѣмъ у насъ, на землѣ, а прочность и устойчивость зданій и вообще всякаго рода сооруженій находится въ прямой зависимости отъ этой силы, то приходилось основаніе дѣлать несравненно шире и устойчивѣе и врывать фундаментъ несравненно глубже и утверждать его прочнѣе въ почвѣ. Это мы видимъ изъ того, что, благодаря своей конической формѣ, муравейникъ, не смотря на легкость самого сооруженія, всегда можетъ устоять противъ всякаго вѣтра и бури; а гора—можетъ устоять противъ всякихъ геологическихъ конвульсій, потрясающихъ почву. Словомъ, коническая форма, несомнѣнно, единственная, какая только могла быть принята на лунѣ, и, какъ вы видите, селениты съумѣли понять это!... Этимъ-то только и объясняется то обстоятельство, что этотъ памятникъ сѣдой древности устоялъ и уцѣлѣлъ до настоящаго времени, простоявъ тысячи вѣковъ на этомъ самомъ мѣстѣ...

— А это что такое?—спросила Гертруда, останавливаясь передъ громадной рамой въ видѣ треугольника, вдѣланной въ одну изъ стѣнъ.

Приступивъ къ болѣе тщательному осмотру этого страннаго гигантскаго треугольника, Норберъ Моони пришелъ, на-

конецъ, къ убѣжденію, что это ничто иное, какъ дверь такихъ же громадныхъ размѣровъ, какъ и все остальное. Дверь эта запиралась цѣлымъ рядомъ металлическихъ лезвій или, вѣрнѣе, узкихъ длинныхъ пластинъ, походящихъ до нѣкоторой степени на пластинки или косточки вѣера. Пластинки эти безъ труда могли отгибаться въ обратную сторону, давая такимъ образомъ возможность отворить дверь, которая вела въ другую такую-же великолѣпную смежную, залу. Но эта вторая зала не была пуста, какъ первая. Здѣсь была масса мебели, и вся эта удивительная по своимъ размѣрамъ мебель, не исключая даже и сѣдалищъ, напоминала формою своей пирамиды, благодаря чрезвычайно широкому и массивному основанію и сравнительно суживающемуся верху, болѣе легкому и заостренному. Надо замѣтить, что сѣдалища, или троны, были громадныхъ размѣровъ, оставалось только предположить, что они предназначались для идоловъ, не уступающихъпо величинѣ своей гигантскимъ изображеніямъ Будды въ древнихъ храмахъ индусовъ. Вскорѣ это предположеніе, казалось, нашло себѣ подтвержденіе: при ближайшемъ осмотрѣ оказалось, что всѣ эти сѣдалища были сдѣланы изъ чистаго золота, только потускнѣвшаго отъ времени. Несомнѣнно, здѣсь этого золота было на невѣроятно огромную сумму, если судить по той стоимости, какую еще имѣетъ у насъ на землѣ этотъ благородный металлъ.

— Это нѣчто невѣроятное!—говорилъ докторъ Бріэ, все на томъ же языкѣ глухонѣмыхъ, которому онъ обучилъ и своихъ друзей.—Чтобы тратить въ такомъ громадномъ количествѣ золото, которое здѣсь, на лунѣ, какъ надо полагать, едва ли можно встрѣтить въ большомъ количествѣ, надо, чтобы эти селениты обладали великою тайной приготовленія искусственнаго золота, т. е. обладали тѣмъ, что гг. алхимики въ былыя времена называли „философскимъ камнемъ!“.

— Какъ, дядя! Неужели вы вѣрите въ науку этихъ алхимиковъ?—удивленно спросила Гертруда, не вѣря своимъ ушамъ.

— Я не вѣрю, дитя мое, чтобы они когда либо дѣйствительно изобрѣтали этотъ секретъ добыванія золота искусственнымъ путемъ. Но, право, не вижу, почему бы этотъ философскій камень невозможно было найти! Наша современная химія съ каждымъ днемъ сокращаетъ число простыхъ, элементарныхъ тѣлъ, и кто мнѣ можетъ поручиться за то, что, въ одно прекрасное утро, наши химики не откроютъ секрета, что золото ничто иное, какъ твердый видъ какого нибудь газа, столь же обыкновеннаго и извѣстнаго, какъ азотъ или кислородъ? За послѣднее время химія и такъ уже поднесла намъ не мало всякаго рода неожиданныхъ открытій и чудесъ!

Тѣмъ временемъ наши путешественники, осмотрѣвъ всѣ достопримѣчательности этой второй залы, увидѣли другую дверь, совершенно подобную первой и отворявшуюся точно также. За этой дверью находилась еще зала, и здѣсь нашимъ изслѣдователямъ представилось по истинѣ поразительное зрѣлище.

Посреди залы, полъ которой казался вымощенъ драгоцѣнными, самоцвѣтными камнями съ рѣзкими гранями, возвышался величественный, громадныхъ размѣровъ катафалкъ, если можно такъ назвать восемь или десять гигантскихъ каменныхъ уступовъ, изъ которыхъ состоялъ онъ. На верхней его площадкѣ покоилась въ спящей позѣ, освѣщенная падавшимъ на него сверху изъ слуховаго окна свѣтомъ, проходившимъ черезъ граненое хрустальное стекло, превосходнѣйшая человѣческая фигура колоссальныхъ размѣровъ, гигантскій спящій Геркулесъ безподобной красоты, Геркулесъ, какого не могъ создать ни одинъ земной ваятель, гигантская фигура изъ массивнаго золота, фигура, болѣе цѣнная по дивной гармоніи своихъ очертаній и формъ, жизненности и пластичной правдивости всѣхъ мельчайшихъ подробностей, по силѣ, мощи и красотѣ своей мускулатуры, чѣмъ по громадной стоимости того матерьяла, который послужилъ для созданія ея.

— Ну, воля ваша, господа—заявилъ докторъ Бріэ,—а я

непремѣнно долженъ измѣрить этого золотого колосса,—и онъ сталъ съ великимъ трудомъ вскарабкиваться по громаднымъ уступамъ катафалка.

Добравшись до верхней ступени, докторъ досталъ у себя изъ кармана метръ и началъ свое измѣреніе. Но только что онъ успѣлъ получить общую длину фигуры, которая отъ ногъ до головы имѣла ровно 9 метровъ и 80 сантиметровъ, т. е. четыре сажени съ аршиномъ и вершкомъ, какъ эта великолѣпная статуя разсыпалась прахомъ отъ его прикосновенія, хотя докторъ едва коснулся ея, такъ что, будь она соткана изъ паутины, то и тогда, навѣрное, не пострадала бы отъ такого прикосновенія. И вдругъ этотъ колоссъ разсыпался и всей этой мощной и, какъ казалось, массивной фигуры разомъ не стало.

Черты прекраснаго лица исчезли, разлетѣлись легкою золотистой пылью въ воздухѣ и вмѣсто этого профиля, достойнаго рѣзца Праксителя, глазамъ озадаченнаго такимъ явленіемъ доктора предсталъ громадный человѣческій черепъ, совершенно невѣроятныхъ размѣровъ, окаменѣлый, но прекрасно сохранившійся!

— Скелетъ!.. воскликнулъ онъ. — это скелетъ Титана!..

Этотъ возгласъ повторили вслѣдъ за нимъ три—четыре эхо, гулко раздавшіяся подъ сводомъ громадной залы, напоминавшей внутренность огромнаго собора.

Значитъ, и здѣсь еще былъ воздухъ!

Но даже это важное открытіе едва обратило на себя мимолетное вниманіе: до того сильно было удивленіе, возбужденное тѣмъ, что только что сообщилъ присутствующимъ докторъ Бріэ—Скелетъ! Настоящій человѣческій скелетъ, длиною 9 метровъ и 80 сантиметровъ,—и этотъ невѣроятный скелетъ лежалъ тутъ, передъ нимъ, еще на половину прикрытый своею золотою оболочкой.

— Его длина равняется длинѣ кита въ парижскомъ Ботаническомъ саду (Sardin des Plantes),—продолжалъ докторъ, все еще склоняясь надъ своимъ диковиннымъ откры-

тіемъ и не будучи въ силахъ оторвать глазъ отъ этого скелета.

— Изъ этого мы видимъ, господа,—продолжалъ онъ,—что луна не только была обитаема когда-то, но что селениты или, иначе говоря, обитатели луны, были гиганты, о какихъ мы не имѣемъ ни малѣйшаго представленія!..

— Если не всѣ обитатели, то во всякомъ случаѣ этотъ остовъ, который мы видимъ передъ собой!—сказалъ Норберъ Моони, очень довольный тѣмъ, что имѣлъ возможность нарушить свое невольное молчаніе и сбросить на время респираторъ.

— Нѣтъ, милый мой Моони!—возразилъ съ высоты своего пьедестала докторъ. — Такое сложеніе и такіе размѣры были не только возможны, но прямо обязательны, неизбѣжны здѣсь, на лунѣ, разъ она была обитаема!.. Разъ тяжесть давленія здѣсь въ шесть разъ меньше, чѣмъ на землѣ, то растенія, животныя и люди луннаго міра въ ту пору, когда они еще существовали, неизбѣжно должны были достигать такого развитія, такого роста и такой силы мускулатуры, какіе мы только нѣсколько минутъ тому назадъ видѣли передъ собой, должны были въ силу этого слабаго давленія атмосферы.!

— Но скажите мнѣ, дядя, чѣмъ и какъ объяснить это внезапное превращеніе, совершившееся сейчасъ на нашихъ глазахъ, это превращеніе изъ превосходнѣйшей золотой статуи въ отвратительный скелетъ?!—спросила Гертруда.

— Дѣло въ томъ, что это была вовсе не статуя, дитя мое,—отвѣтилъ докторъ,—очевидно, селениты имѣли то же обыкновеніе, какое мы встрѣчаемъ иногда у египтянъ, а именно, они облекали своихъ покойниковъ тонкимъ слоемъ этого благороднаго металла, превращая его въ статую. Но, принимая въ соображеніе совершенство, съ какимъ была выполнена эта работа надъ даннымъ субъектомъ, я начинаю приходить къ убѣжденію, что нѣтъ ничего невозможнаго, или невѣроятнаго, въ томъ, что селениты прибѣгали въ этомъ случаѣ къ пріемамъ гальванопластики. Этимъ можетъ, конечно, объяс-

пяться и совершенно жизненный характеръ этой статуи, и ея высокое пластическое совершенство въ смыслѣ гармоніи формъ и красоты мускулатуры... Но время сдѣлало свое дѣло, свершило и здѣсь свой обычный трудъ уничтоженія и оставило отъ умершаго человѣка однѣ только кости, уничтоживъ все остальное, кромѣ этой тонкой, какъ папиросная бумага, золотой оболочки, которой оно позволило сохранить тѣ идеально прекрасныя формы, по которымъ она была создана. И вотъ только моя нескромная рука разрушила то, чего не посмѣли тронуть многіе вѣка...

Докторъ Бріэ ужъ собирался спустится съ высокаго катафалка, на которомъ теперь покоился полу обнаженный скелетъ Титана, когда вдругъ замѣтилъ въ правой рукѣ мертвеца довольно большой сзертокъ, или свитокъ, которымъ онъ, не задумываясь, поспѣшилъ овладѣть. Это было нѣчто въ родѣ бумаги, изготовленной, повидимому, изъ особаго вида горнаго или каменнаго льна, испещренной какими то таинственными, невѣдомыми письменами.

— Вотъ, что, быть можетъ, самое интересное изъ всего, что мы видѣли здѣсь! — проговорилъ докторъ, соскакивая, наконецъ, съ послѣдняго уступа и бережно держа въ своихъ объятіяхъ захваченную имъ добычу.

Онъ до того сгоралъ нетерпѣніемъ поскорѣе изслѣдовать свой манускриптъ, что сталъ тотчасъ же торопить возвращеніемъ въ обсерваторію. Никто не сталъ ему противорѣчить въ этомъ, и всѣ направились въ обратный путь, обмѣниваясь по дорогѣ мыслями относительно того, что имъ пришлось видѣть, пока только имѣвшійся здѣсь воздухъ дозволялъ этотъ свободный обмѣнъ мыслей.

— Мнѣ кажется, что этотъ воздухъ, сохранившійся въ герметически закупоренномъ склепѣ, долженъ быть тѣмъ самымъ воздухомъ, какимъ когда то обладала луна, и, судя по всему, не подлежитъ сомнѣнію, что въ то время, когда этотъ склепъ строился и былъ запертъ, атмосфера луны была сходна съ нашей, земной, атмосферой!—замѣтилъ Норберъ Моони.—Весьма возможно, что впослѣдствіи она только

утратила содержавшійся въ ней кислородъ и вслѣдствіе этого стала непригодной для жизни. Исходя изъ этого, у меня самымъ естественнымъ образомъ является предположеніе, что въ настоящее время лунная атмосфера представляетъ собою болѣе или менѣе чистый азотъ. Это предположеніе легко будетъ провѣрить; а это было бы не только весьма интересно, но, быть можетъ, даже и чрезвычайно важно для насъ въ данное время!

Вернувшись въ обсерваторію, докторъ Бріэ, не теряя ни минуты времени, принялся изучать свой папирусъ. Но послѣ нѣсколькихъ часовъ упорной работы и тщетныхъ усилій разобрать, онъ, наконецъ, принужденъ былъ сознаться, что отнюдь не подвинулся далѣе гг. египтологовъ до открытія извѣстнаго камня Розетты: ему не доставало ключа.

Видя, наконецъ, что онъ только даромъ тратитъ время и труды и бьется совершенно безъ толку, Каддуръ попросилъ у него разрѣшенія въ свою очередь попытать счастья надъ этимъ луннымъ папирусомъ. Просидѣвъ надъ нимъ около четверти часа, въ продолженіе котораго онъ усердно изучалъ эти письмена, карликъ вдругъ объявилъ, что, по его убѣжденію, эта надпись означаетъ:

„Солнце, сынъ сѣвернаго свѣтила, заснулъ послѣднимъ сномъ въ 4-день девятаго года 32-го цикла".

Это толкованіе было, однако, встрѣчено въ первый моментъ съ довольно явнымъ недовѣріемъ, но Каддуръ такъ упорно настаивалъ на томъ, что знаки на лунномъ папирусѣ, если ихъ истолковать, какъ иделогическій ребусъ, во всякомъ случаѣ могли имѣть такое значеніе, что, въ концѣ концовъ, докторъ счелъ себя убѣжденнымъ, при чемъ не могъ не подивиться и не восхититься находчивости и остроумію этого маленькаго человѣка.

Послѣ этого неугомонный маленькій карликъ высказалъ не безосновательную мысль, что въ этомъ папирусѣ имѣлся прекраснѣйшій образецъ письма, гдѣ изображалась и передавалась самая мысль, а не отдѣльныя слова, независимо

отъ всѣхъ языковъ, и потому доступнаго пониманію каждаго человѣка.

Въ этотъ моментъ Норберъ Моони только что вернулся въ общую залу изъ своей химической лабораторіи, въ которой онъ провелъ нѣсколько часовъ къ ряду. Его тотчасъ же посвятили въ тему даннаго разговора, который онъ, повидимому, чрезвычайно заинтересовался.

— Что касается меня лично,—проговорилъ онъ,—то я очень склоненъ вѣрить толкованію Каддура. Это доказываетъ только то, что селениты охотно присваивали себѣ названія звѣздъ и планетъ; да такъ оно и должно было быть у той расы людей, которые находились въ столь благопріятныхъ условіяхъ для наблюденій надъ свѣтилами. Тотъ циклъ, о которомъ, по мнѣнію Каддура, упоминается въ манускриптѣ, вѣроятно,—великій астрономическій циклъ, что опять таки подтверждаетъ наше общее мнѣніе касательно чрезвычайной древности этого папируса.

— Теперь скажу вамъ въ свою очередь, господа, что и я съ своей стороны сдѣлалъ довольно важное изслѣдованіе!— продолжалъ, немного погодя, Норберъ Моони,—какъ я и предполагалъ, атмосфера луны состоитъ, главнымъ образомъ, изъ азота съ очень незначительной примѣсью кислорода, при чемъ плотность азота здѣсь равняется всего 0,16200, т. е. одной шестой плотности этого самаго газа въ атмосферѣ земнаго шара. Фактъ этотъ является новымъ логическимъ доказательствомъ, подтверждающимъ констатированный нами фактъ слабой силы давленія атмосферы луны. Этимъ объясняется также абсолютная сухость атмосферы этого свѣтила и ея безусловная прозрачность. Кромѣ того, еще одно удивительное явленіе, которое чрезвычайно интересовало меня, а именно то, что нашъ запасъ кислорода въ резервуарахъ даетъ намъ возможность дышать въ продолженіе цѣлыхъ трехъ—четырехъ часовъ и даже болѣе. Въ сущности, дѣло въ томъ, что совершенно достаточно 20 или 23 процентовъ этого кислорода, смѣшаннаго съ 76 и 77 процентами луннаго азота для того, чтобы получился воздухъ, столь же пригодный для ды-

ханія, какъ и воздухъ на земномъ шарѣ. И это сліяніе нашего кислорода съ луннымъ азотомъ происходитъ у насъ само собою, благодаря тому, что наши полумаски не совсѣмъ плотно прилегаютъ къ лицу! Вотъ почему нашего запаса хватаетъ намъ на столько времени!

— Вотъ, дѣйствительно, новость первѣйшей важности для всѣхъ насъ! — воскликнулъ обрадованный этимъ открытіемъ докторъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, мы отнынѣ можемъ быть увѣрены, что не будемъ имѣть недостатка въ воздухѣ и вмѣсто того, чтобы дышать въ послѣдніе дни нашего пребыванія здѣсь чистымъ кислородомъ, въ чемъ я предвидѣлъ необходимость, мы теперь можемъ удовольствоваться изготовленіемъ, для внутренняго потребленія, въ обсерваторіи изъ соединенія кислорода и азота искусственнаго воздуха, который будетъ вполнѣ пригоденъ для нашего дыханія.

— Слѣдовательно, вы вполнѣ увѣрены, что воздухъ луны нѣкогда былъ совершенно однороднымъ съ атмосферой земнаго шара, за исключеніемъ, быть можетъ, одной только плотности своей, но, что, съ теченіемъ времени, луна поглотила весь кислородъ изъ своей атмосферы, вслѣдствіе чего и сдѣлалась непригодной для нашего дыханія—не такъ-ли?— спросилъ докторъ Бріэ.

— Именно, такъ! — отозвался Норберъ Моони. — Мы имѣемъ самое несомнѣнное доказательство въ томъ клочкѣ воздуха, который еще сохранился подъ сводомъ склепа въ усыпальницѣ „Солнца, сына сѣвернаго свѣтила“ въ знаменитомъ памятникѣ селенитской архитектуры, а такъ же и въ томъ фактѣ, что жизнь, нѣкогда существовавшая на лунѣ, въ настоящее время совершенно прекратилась! — Вы, вѣроятно, всѣ замѣтили видимое преобладаніе желѣза во всѣхъ окружающихъ насъ скалахъ и горахъ? Все это желѣзо, сильно окислено вслѣдствіе того, что и растительность, и минералы, и животныя на лунѣ въ неимовѣрномъ количествѣ пожирали и уничтожали кислородъ, и, въ концѣ концовъ, не находили уже его въ достаточномъ для себя количествѣ въ

окружающей ихъ атмосферѣ, — и тогда жизнь сама собой должна была угаснуть.

Открытіе Норбера Моони очень благотворно подѣйствовало на настроеніе духа всѣхъ обитателей обсерваторіи. Теперь имъ нечего было опасаться, что у нихъ недостанетъ воздуха для дыханія, — перспектива, въ тайнѣ грозившая имъ до открытія, сдѣланнаго молодымъ астрономомъ.

Послѣ обѣда всѣ пожелали принять участіе въ его трудахъ, чтобы озаботиться необходимыми мѣрами предосторожности и припасти извѣстное количество тепла на время долгой лунной ночи. Для этого необходимо было привести въ дѣйствіе извѣстное число инсоляторовъ, чтобы раскалить до бѣла громадные камни и осколки скалъ, затѣмъ зарывать ихъ въ подпольѣ обсерваторіи и такимъ образомъ сохранить возможно большее количество тепла, которымъ можно было-бы пользоваться.

Одновременно съ этимъ предполагалось и производство кислорода въ больших размѣрахъ для возобновленія тѣхъ громадныхъ запасовъ воздуха, которые содержались въ кратерѣ и которымъ пользовались въ настоящее время всѣ обитатели обсерваторіи; но за послѣднее время воздухъ этотъ сталъ, однако, замѣтно разрѣжаться, и потому требовалось предпринять что-нибудь для насыщенія свѣжимъ запасомъ кислорода.

Съ этою цѣлью были провѣрены имѣвшіеся еще въ наличности въ складахъ магазиновъ запасы хлорноватаго кали и его окалось до 30 бочекъ или, иначе говоря, 120,000 килограммовъ *). Этого количества было какъ разъ достаточно для добыванія кислорода, необходимаго для дыханія одиннадцати человѣкъ въ теченіе восемнадцати или двадцати сутокъ. Приспособленіе, къ которому рѣшено было прибѣгнуть въ данномъ случаѣ, было самое простое и несложное: весь аппаратъ состоялъ изъ громаднаго окисляющаго ящика,

---

*) Понятно, что на лунѣ эти сто двадцать тысячь киллограммовъ вѣсили приблизительно только около 18,680 килограммовъ.

черезъ который проходилъ весь воздухъ, проникавшій въ жилыя помѣщенія обсерваторіи, а также воздухъ, выкачиваемый со дна подземнаго резервуара посредствомъ самодѣйствующаго насоса.

На всѣ эти работы потребовалось не менѣе трехъ сутокъ по нашему, земному исчисленію времени. И въ теченіе всего этого времени нельзя было предпринимать никакихъ болѣе или менѣе продолжительныхъ экскурсій, а приходилось довольствоваться коротенькими гигіеническими прогулками вблизи обсерваторіи. Но теперь эти экскурсіи уже были не столь важны. Наши „изгнанники земли“ успѣли уже ознакомиться въ главныхъ чертахъ съ выдающимися особенностями луны. Докторъ собралъ цѣлую коллекцію весьма любопытныхъ и разнородныхъ образцовъ горныхъ породъ, кромѣ того обладалъ луннымъ папирусомъ, которымъ онъ чрезвычайно гордился; Гертруда успѣла сдѣлать наброски всего, что ей удалось видѣть интереснаго и необычайнаго на лунѣ, и вела аккуратно свой журналъ. Теперь нашей маленькой колоніи оставалось только готовиться встрѣтить съ надлежащимъ спокойствіемъ и безропотностью долгую, монотонную лунную ночь, а затѣмъ, съ возвращеніемъ солнца, покончивъ со всѣми предварительными работами и приведя въ дѣйствіе всѣ коническіе рефлекторы инсоляторовъ, можно было рѣшиться на отважную попытку пуститься въ обратный путь, на свою родную планету, куда большинство стремилось всей душой.

Но одному Богу было извѣстно, какого рода неожиданности и приключенія могли ожидать нашихъ путешественниковъ на этомъ невѣдомомъ и странномъ пути! Норберъ Моони, который въ этомъ дѣлѣ являлся, такъ сказать, отвѣтственнымъ лицомъ, не хотѣлъ ничего предоставить волѣ случая, чтобы на этотъ разъ не дать рѣшительно никакого повода къ какой либо неосторожности со стороны кого либо изъ своихъ сотоварищей по изгнанію. Съ этою цѣлью онъ изобрѣлъ для приведенія въ дѣйствіе своего главнаго, центральнаго аппарата какой-то совершенно новый механизмъ, о кото-

ромъ никто изъ окружающихъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія. Это было нѣчто въ родѣ секретнаго замка у денежнаго шкафа — и необходимо было знать его секретъ, чтобы открыть его. На этотъ разъ только онъ одинъ могъ соединить всѣ электрическіе токи и превратить по своему желанію пикъ Тэбали въ громадный невѣроятный силы магнитъ. Остатокъ луннаго дня, передъ наступленіемъ долгой ночи, наши изгнанники употребили на то, чтобы утвердить глубоко въ почвѣ эспланады высокіе желѣзные лѣса, поддерживающіе горизонтальную ось изъ полированной стали. На этой оси долженъ былъ повиснуть шелковый парашютъ громаднѣйшихъ размѣровъ, совершенно раскрытый и на готовѣ, натянутый на превосходнѣйшій металлическій разборный остовъ. Подъ парашютомъ укрѣпленъ былъ челнокъ такихъ размѣровъ, что въ немъ свободно могли помѣститься всѣ одиннадцать „изгнанниковъ земли“, чтобы довершить свое путешествіе съ луны на землю, когда они будутъ уже въ достаточно близкомъ отъ нея разстояніи.

Собственный вѣсъ ихъ долженъ былъ въ этомъ случаѣ служить баластомъ для парашюта и вести его въ томъ направленіи, гдѣ находится центръ притяженія. А горизонтальная ось, вращаясь, въ свою очередь, на стойкахъ лѣсовъ, должна была способствовать постепенному, незамѣтному измѣненію положенія парашюта и приведенію его въ движеніе, на подобіе подвѣска вокругъ этой оси. Кромѣ того, самая система прикрѣпленія или подвѣшиванія парашюта, будучи приведена въ прямое соотношеніе съ центральнымъ электрическимъ механизмомъ, должна была дать возможность парашюту моментально и незамѣтно отдѣлиться отъ лѣсовъ одновременно съ внезапнымъ прекращеніемъ магнетическаго дѣйствія. Подробности этой сложной системы давно уже созрѣли въ умѣ Норбера Моони, и теперь только ждали своего осуществленія, а это было вовсе не такъ трудно при тѣхъ рессурсахъ, какими онъ могъ располагать, благодаря своимъ складамъ и магазинамъ, гдѣ могъ найти все нужное для себя въ этомъ дѣлѣ, а также и благодаря добросовѣст-

ности, усердію и пониманію дѣла многихъ изъ тѣхъ, кто, наряду съ нимъ, являлся теперь въ качествѣ рабочихъ рукъ.

X. Затменіе солнца землею.

Пока всѣ, способные къ такого рода работамъ, временные обитатели луны были заняты этими хлопотами, Норберъ Моони, работавшій надъ этими сооруженіями чуть ли не больше всѣхъ другихъ, все же находилъ время и для наблюденія различныхъ небесныхъ явленій и, главнымъ образомъ, изучалъ выпуклости и неровности солнца. При этомъ онъ успѣлъ замѣтить, что готовится полное затменіе солнца землею. Онъ тотчасъ же сообщилъ объ этомъ всѣмъ своимъ друзьямъ, чтобы и они, въ свою очередь, могли насладиться этимъ зрѣлищемъ, которое, какъ онъ полагалъ, обѣщало быть весьма любопытнымъ, вслѣдствіе громадныхъ размѣровъ земнаго шара на лунномъ горизонтѣ. Однако, и самъ онъ былъ весьма далекъ въ своихъ ожиданіяхъ отъ того удивительнаго впечатлѣнія, какое должно было вызвать это затменіе.

Едва только наши наблюдатели затменія, вооружившись черными очками, для предохраненія зрѣнія, и своими неизбѣжными кислородными респираторами, успѣли размѣститься на эспланадѣ пика Тэбали, какъ сближеніе двухъ свѣтилъ началось.

Сначала земля медленно украсилась золотымъ серпомъ, ярко свѣтившимся вокругъ ея чернаго, громаднаго диска, производя впечатлѣніе лучезарнаго ореола. Затѣмъ, мало по малу, по мѣрѣ того, какъ солнце, какъ бы поглощаемое этимъ чернымъ дискомъ, начинало скрываться за его спиной, ореолъ этотъ разростался, начиналъ охватывать всю окружность диска и, наконецъ, окружилъ со всѣхъ сторонъ черный экранъ или круглый щитъ, какимъ она представлялась теперь для зрителей земля. Но вотъ наступило полнѣйшее

сокрытіе солнца землею, — и явленіе это вызвало у всѣхъ присутствующихъ невольный жестъ восторженнаго изумленія.

Вокругъ всего огромнѣйшаго диска, равнявшагося, по величинѣ своей, величинѣ четырнадцати полныхъ лунъ, взятыхъ вмѣстѣ, въ томъ видѣ, какъ мы видимъ ее съ поверхности земли, сіяло и горѣло блѣдно оранжевое сіяніе, окаймленное багрово-краснымъ кольцомъ. При этомъ весь лунный пейзажъ, потонувшій въ тѣни, окутался какой-то бурой дымкой, подъ которой превосходно сливались всѣ отдѣльныя подробности этого пейзажа, а вершины горъ и кратеровъ, малыхъ и большихъ, освѣщались нѣжными фіолетовыми блестками. Это было положительно нѣчто феерическое, чарующее!

Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ наши изгнанники земли оставались, какъ околдованные этимъ неожиданнымъ восхитительнымъ зрѣлищемъ, наслаждаясь этою внезапно преобразившеюся на ихъ глазахъ панорамой луннаго міра, любуясь этой новой картиной съ мягкими очертаніями и тонами, оживленное этими переливами тоновъ, этими свѣтовыми эффектами. Но такъ какъ затменіе должно было продолжаться нѣсколько часовъ, то, насладившись вдоволь этимъ зрѣлищемъ, они рѣшили было вернуться въ круглую залу обсерваторіи, чтобы таиъ свободно обмѣняться своими впечатлѣніями.

Первою мыслью Норбера Моони было снять нѣсколько фотографическихъ снимковъ съ луны при этомъ новомъ освѣщеніи, что онъ уже сдѣлалъ при обычномъ дневномъ освѣщеніи еще въ первые дни своего пребыванія на лунѣ.

На этотъ разъ получились также довольно интересные и удачные снимки. Гертрудѣ же Керсэнь это необычайное зрѣлище навѣяло совершенно другого рода мысль, мысль добрую и сострадательную, какую могло внушить ей только истинно доброе женское сердце.

— Знаете, г. Моони, я хотѣла бы попросить у васъ одной милости!.. Могу-ли я надѣяться, что вы не откажете мнѣ? — вдругъ сказала она, ласково глядя на молодого ученаго.

Эти слова даже смутили на мгновеніе Норбера Моони но, тотчасъ же оправившись, онъ отвѣчалъ съ самою любезною улыбкой:

— Ахъ, Боже мой, неужели вы думаете, что я могу отказать вамъ?! Все, чѣмъ только могу вамъ быть пріятнымъ, я охотно исполню, обѣщаю вамъ это заранѣе!

— Видите-ли,—какъ то робко и не рѣшительно начала дѣвушка, точно все еще опасалась отказа, — я сейчасъ думала объ этихъ несчастныхъ, заключенныхъ во флигелѣ, и мнѣ стало жаль, что они не попользуются этимъ превосходнымъ зрѣлищемъ, не увидятъ этого рѣдкаго явленія природы. Мнѣ кажется, что имъ и безъ того тяжело сознавать себя заброшенными на луну и при этомъ ничего не знать и не видѣть, что, вокругъ нихъ творится и происходитъ, не видѣть и не знать всѣхъ тѣхъ чудесъ, какими насъ утѣшаетъ луна въ нашемъ изгнаніи. Нельзя-ли какъ нибудь дать и имъ взглянуть на это затмѣніе?—вотъ о чемъ, я хотѣла васъ просить!

— Ничего не можетъ быть легче,—учтиво отвѣчалъ молодой астрономъ,—вы знаете, конечно, что Виржиль ежедневно два раза выпускаетъ ихъ на прогулку на большую круговую дорогу: онъ можетъ сейчасъ пойти и выпустить ихъ погулять!

— Нѣтъ, г. Моони, ужъ если дать имъ это утѣшеніе, то дать его сполна и позволить имъ придти на эспланаду: на большой круговой дорогѣ они ничего не увидятъ; вы сами знаете!

— Прекрасно, пусть ихъ приведутъ на эспланаду, разъ вы того желаете! — сказалъ Норберъ Моони, — Виржиль, — обратился онъ къ своему вѣрному слугѣ,—ты слышалъ? — Поди же и сдѣлай, какъ желаетъ мадемуазель Керсэнь!

Виржиль утвердительно кивнулъ головой и пошелъ исполнять приказанiе своего господина.

Въ этотъ моментъ глаза молодого ученаго случайно встрѣтились съ глазами Каддура, который помогалъ ему при фотографированiи, и, при видѣ выраженiя его глазъ, онъ положительно не могъ не содрогнуться: до того оно дышало непримиримой злобой, враждой и ненавистью, доходившей до какого-то звѣрски кровожаднаго чувства, производившаго прямо отталкивающее впечатлѣнiе.

— Что это значитъ? — спросилъ тутъ же Норберъ Мони,—неужели вамъ кажется страннымъ желанiе выказать нѣкоторую гуманность по отношенiю къ людямъ, дѣйствительно, не дослуживающимъ ни малѣйшаго уваженiя, но все же несчастнымъ?!..

— Несчастнымъ!.. Вы говорите, несчастнымъ?! Вы называете несчастными этихъ мерзавцевъ, этихъ негодяевъ, этихъ извергов!—буквально зарычалъ Каддуръ, не будучи болѣе въ силахъ сдерживать бушевавшiя въ немъ страсти. — Вы называете ихъ несчастными, потому что они находятся подъ арестомъ въ своей же квартирѣ, окруженные всѣми удобствами, гдѣ ихъ кормятъ, какъ царей, гдѣ они занимаются самыми прiятными и не трудными работами, полируютъ, чистятъ, смазываютъ!.. И этого всего еще мало для нихъ!.. имъ еще нужны развлеченiя! Зрѣлища!.. А! будь только моя воля, я далъ бы имъ такихъ зрѣлищъ, что у нихъ волосы стали бы дыбомъ на головѣ! Я далъ бы имъ и помѣщенiе, и лакомыя блюда, и ежедневныя прогулки по большой круговой дорогѣ!.. Да! подъ ударами хлыста!.. Да, раскаленное желѣзо на языкъ вмѣсто прекрасныхъ англiйскихъ бисквитовъ!—Да, бочку съ кипящей смолой — вмѣсто помѣщенiя!.. Да!

-- Каддуръ! какъ можете вы говорить такiя вещи, въ присутствiи мадемуазель Керсэнь? какъ можете даже въ мысляхъ имѣть подобныя отвратительныя вещи? Неужели же вы стали совсѣмъ чужды всякому человѣческому чувству?.. Неужели вы хотите насъ заставить думать, что вы какой то

дикій австраліецъ, какой то папуасъ, а не французъ, какъ вы увѣряли насъ!—укоризненно проговорилъ астрономъ.

— О, г. Моони, если бы эти негодяи заставили васъ выстрадать хоть десятую долю, хоть сотую того, что выстрадалъ изъ за нихъ я, то на врядъ-ли бы вамъ пришла мысль доставлять имъ какія либо развлеченія!..

— О, я не спорю! Вѣроятно, мнѣ въ такомъ случаѣ не пришло бы ничего подобнаго на мысль, но это еще не достаточная причина, чтобы вы не могли допустить подобной мысли и ни въ комъ другомъ, ни во мнѣ, ни въ мадемуазель Керсэнь. Помните одно, что справедливость отнюдь не есть и не должна быть мщеніемъ! Ея задача только воспрепятствовать и помѣшать, въ предѣлахъ возможнаго, злодѣю дѣлать зло и вредить другимъ, но отнюдь не присваивать себѣ права причинять виновному напрасныя, безполезныя страданія. Эти отвратительныя кары, о которыхъ вы сейчасъ говорили, приличны развѣ только какому нибудь дикарю людоѣду, но человѣкъ, вкусившій плодовъ цивилизаціи, человѣкъ образованный, ученый, какъ вы, долженъ встать выше этихъ звѣрскихъ, кровожадныхъ инстинктовъ и понять, что одна изъ важнѣйшихъ его обязанностей заключается въ томъ, чтобы не подражать звѣрскимъ пріемамъ тѣхъ, кто сдѣлалъ ему больше всего вреда!

— Да, но въ такомъ случаѣ вся выгода останется на сторонѣ негодяевъ, а пострадавшій будетъ въ роли дурака!— воскликнулъ Каддуръ.

— Нѣтъ, почему же? потому только, что негодяи, причинившіе зло, но уже лишенные возможности вредить впредь и, слѣдовательно, безвредные въ настоящее время, не выстрадаютъ всего того, что они нѣкогда заставили выстрадать васъ?.. А что за польза будетъ вамъ отъ того, что и они будутъ въ свою очередь страдать и мучаться? — Развѣ этимъ путемъ можно изгладить то, что было сдѣлано?.. Допустимъ, напр., что мы имѣли бы возможность заковать Игнація Фогеля и Питера Грифинса въ желѣзные тиски на пятнадцать лѣтъ, развѣ отъ этого вы менѣе бы пострадали

отъ вашей пытки или она сдѣлалась бы нечувствительной для васъ?

— Нѣтъ, но я былъ бы доволенъ, сознавая, что они испытываютъ на себѣ все, что испыталъ я!

— Ну, не говорите! Повѣрьте, вы были бы гораздо счастливѣе, если бы могли рѣшиться отъ души простить ихъ.

— О! это уже совершенно невозможно!

— Пусть такъ! это ужъ ваше дѣло. А мое дѣло—воспрепятствовать, всѣми зависящими отъ меня мѣрами, чтобы плѣнны`, которымъ я гарантировалъ своимъ словомъ полную безопасность, не подвергались никакимъ безполезнымъ строгостямъ. Вотъ почему я еще разъ усиленно прошу васъ оставить ихъ въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока они находятся подъ моей кровлей!

Въ этотъ моментъ Виржиль собирался привести по круговой дорогѣ на эспланаду трехъ заключенныхъ. Относительно того, что они попытаются сбѣжать, нечего было опасаться, такъ какъ они не могли существовать безъ воздуха, а запасъ кислорода въ ихъ резервуарахъ былъ разсчитанъ только на время ихъ прогулки. Въ силу этого имъ была предоставлена полная свобода.

Однако, опасаясь, чтобы видъ этихъ господъ не довелъ до послѣднихъ предѣловъ бѣшенства бѣднаго Каддура, Норберъ Моони поспѣшилъ отправить его въ химическую лабораторію, чтобы проявить только что сдѣланные имъ фотографическіе снимки. Въ продолженіе цѣлыхъ двухъ часовъ времени заключеннымъ было разрѣшено любоваться дивной картиной солнечнаго затменія и только, когда это затменіе стало подходить къ концу, Норберъ Моони отдалъ распоряженіе увести плѣнныхъ обратно въ ихъ помѣщеніе. Когда они были уведены, молодой ученый послалъ позвать Каддура, чтобы и онъ, вмѣстѣ съ остальными, могъ наблюдать послѣдній фазисъ этого явленія, который во всѣхъ отношеніяхъ былъ достоинъ перваго фазиса или, вѣрнѣе, ни въ чемъ не уступалъ ему.

Вернувшись въ свою комнату, Норберъ Моони, воспо**ль**-

зовавшись случаемъ, призвалъ къ себѣ Виржиля и сталъ подробно разспрашивать его о томъ, какъ себя держатъ ввѣренные ему плѣнные. Изъ словъ Виржиля онъ узналъ, что эти люди вообще весьма покорны, во всемъ соблюдаютъ, по отношенію къ своему тюремщику, полное повиновеніе и даже выказываютъ большую признательность за всѣ тѣ заботы и попеченія о нихъ и за всѣ маленькія снисхожденія, какія имъ оказываютъ въ ихъ положеніи; но что при этомъ они чрезвычайно лѣнивы и нерадивы въ работѣ и за всякое дѣло, даже и самое пустячное, принимаются крайне неохотно. Кромѣ того, въ нихъ замѣчается удивительное недовѣріе и подозрительность ко всякому новому дѣлу или распоряженію и, главнымъ образомъ, къ ожидающей ихъ участи.

— Я не могу выбить у нихъ изъ головы нелѣпой мысли, что будто бы вы, г. Моони, имѣете намѣреніе оставить ихъ здѣсь, когда всѣ мы отправимся въ обратный путь, чтобы вернуться на землю!—говорилъ Виржиль съ искреннимъ прискорбіемъ.—Напрасно я стараюсь всѣми средствами убѣдить ихъ въ вашей добросовѣстности и вашемъ добромъ намѣреніи по отношенію ко всѣмъ, не исключая и ихъ, и всѣми силами увѣряю ихъ, что вы никогда не питали такого злостнаго намѣренія,—они сохраняютъ все то же подозрѣніе или вѣрнѣе, вполнѣ опредѣленное мнѣніе и убѣжденіе. Они, какъ видно, судятъ о васъ по себѣ, и потому имъ кажется вполнѣ естественнымъ, чтобы вы поступили съ ними, какъ сами они не задумались-бы поступить съ вами, будь вы на ихъ мѣстѣ, а они—на вашемъ.

— Чтобы окончательно убѣдить ихъ,—замѣтилъ шутливо Норберъ Моони,—ты можешь сказать имъ, Виржиль, что я отнюдь не намѣренъ избавить ихъ отъ общественнаго суда и разбора ихъ постыдныхъ дѣйствій.—Пусть они не воображаютъ, что отдѣлаются нѣсколькими недѣлями заключенія. Я, напротивъ, намѣренъ предать ихъ въ руки правосудія, пусть оно разсудитъ ихъ и оцѣнитъ по достоинству ихъ поступки, а если они и подождутъ немного, то все же ихъ

заслуженное наказаніе не уйдетъ отъ нихъ; но что касается того, чтобы оставить ихъ здѣсь, то внуши имъ, какъ только умѣешь, что я положительно неспособенъ къ подобнаго рода вещи, что подобная мысль никогда не могла бы зародиться въ моемъ мозгу! Мало того, ты можешь имъ сказать, что ихъ усердіе въ содѣйствіи нашему дѣлу общаго спасенія много зачтется имъ въ заслугу, и мое снисхожденіе къ нимъ будетъ находиться въ зависимости отъ ихъ старанія и усердія при выполненіи необходимыхъ намъ, возложенныхъ на нихъ работъ.

Слѣдующее за симъ время было посвящено самымъ дѣятельнымъ работамъ для окончанія послѣднихъ, необходимыхъ приготовленій ввиду приближающейся лунной ночи. Двадцать двѣ бочки хлорноватаго кали ушли на изготовленія кислорода, который соединили съ остатками воздуха, имѣвшагося еще въ запасѣ въ жерлѣ кратера Ретикуса; сверхъ того оставалось еще восемь боченковъ въ складахъ и магазинахъ, что позволяло надѣяться, что обитатели обсерваторіи благополучно доживутъ до того момента, когда имъ можно будетъ отправиться въ обратный путь. Всѣ инсоляторы были уже исправлены и установлены въ полномъ порядкѣ, оставалось только докончить нѣкоторыя работы по электротехникѣ, поработать иглой и покончить съ шитьемъ и, наконецъ, заклеить бумагой всѣ щелки, скважины и отверстія дверей и оконъ, чтобы сберечь, на сколько возможно, внутреннее тепло и воспретить доступъ внѣшнему холоду, и затѣмъ вооружиться терпѣніемъ, чтобы бодро встрѣтить и прожить безконечно длинную, 354 часовую ночь, которая готова была наступить.

Дѣйствительно, солнце, описавъ, повидимому, свой полукругъ на лунномъ горизонтѣ, стало теперь склоняться къ западу. Наконецъ, оно очутилось на самомъ краю и все такъ-же медленно стало спускаться за горы.

Зрѣлище это было любопытно, потому что было ново и непривычно, но далеко не отличалось той красотой и величественностью, какъ закатъ солнца на землѣ. Дивное освѣщеніе атмосферическихъ высотъ, пурпурныя и золотистыя

облака, яркіе лучи, вѣеромъ расходящіеся по небу, когда прекрасное свѣтило дня прощается съ землею, все это незнакомо лунѣ, именно потому, что ея атмосфера безусловно прозрачна и не сохранила ни облаковъ, ни паровъ. Итакъ солнце стало просто на просто медленно опускаться за горизонтъ, не прощаясь красивымъ фейерверкомъ, если можно такъ выразиться, съ зрителями, провожавшими его своими прощальными взорами. Дискъ его медленно спускался въ продолженіе цѣлаго часа, наконецъ, скрылся и отъ него не осталось уже никакого слѣда, кромѣ кое-какихъ золотыхъ искорокъ на вершинахъ высочайшихъ горъ. Тогда безъ всякаго перехода, безъ сумерокъ, хотя-бы самыхъ кратковременныхъ, на видимой поверхности луны разомъ наступила ночь, между тѣмъ какъ другое ея полушаріе разомъ освѣтилось.

XI. При свѣтѣ луны.

Ночь такая, какою она являлась на видимой поверхности луны, отнюдь не представляла собою безусловнаго мрака, какой Норберъ Моони и Каддуръ встрѣтили на другомъ полушаріи луны. Здѣсь это былъ какой-то полумракъ, въ которомъ всѣ предметы принимали особый, таинственный, мягкій полутонъ.

Гертруда Керсэнь подошла къ одному изъ оконъ круглой залы обсерваторіи и съ живымъ интересомъ любовалась теперь уже знакомымъ ей луннымъ пейзажемъ при этой новой обстановкѣ или вѣрнѣе, при этомъ новомъ освѣщеніи. Теперь открывавшійся изъ окна видъ казался еще болѣе фантастичнымъ, чѣмъ при дневномъ, т. е. солнечномъ свѣтѣ, когда она видѣла его въ первый разъ. Тамъ, внизу, у подножія Тэбали, точно стадо овецъ, толпились кратеры потухнувшихъ вулкановъ, залитые съ одной стороны мягкимъ бѣлымъ свѣтомъ, съ другой утопавшіе въ густой, черной тѣни, точно окутанные чернымъ бархатомъ. При этомъ мертвенномъ, холодномъ свѣтѣ неподвижность всѣхъ окружающихъ предметовъ чув-

ствовалась какъ то особенно ярко. И эта странная, безжизненная неподвижность, этомъ мертвенный, холодный, леденящій, если можно такъ выразиться, свѣтъ производили такое странное, подавляющее впечатлѣніе, что Гертруда невольно стала искать причины этого страннаго освѣщенія вызывавшаго въ ней такое непонятное, необъяснимое волненіе. Она нагнулась немного къ правой сторонѣ окна и увидѣла въ западной части горизонта громадное свѣтило, совершенно незнакомое ей и изливавшее, очевидно, на луну этотъ странный мертвенный свѣтъ. То былъ громадный дискъ величиною, на сколько можно было судить, въ два или три метра въ діаметрѣ; исходившій отъ него бѣлесоватый свѣтъ напоминалъ отчасти тотъ блѣдный серебристый свѣтъ, какой льетъ на землю луна, но только свѣтъ разъ въ пятнадцать или двадцать сильнѣе. При видѣ этого свѣтила, Гертруда Керсэнь въ первый моментъ не въ силахъ была удержать восклицанія удивленія, почти ужаса,—и этотъ возгласъ ея невольно привлекъ къ окну Норбера Моони.

— Посмотрите!—сказала она, указывая рукою на странное свѣтило.—Знаете вы, что это такое, Моони?

— Какъ, неужели вы не узнаете вашей родной планеты, мадемуазель Керсэнь?—весело воскликнулъ Норберъ Моони,—это—земля!... Наша возлюбленная, старая земля, которая, по милости своей, желаетъ усладить для насъ тоскливость лунной ночи прекраснымъ земнымъ свѣтомъ, которымъ она, очевидно, будетъ дарить насъ вплоть до конца....

— Какъ это странно и вмѣстѣ съ тѣмъ естественно.... я, собственно говоря, должна была догадаться объ этомъ!.... Но въ первый моментъ я была до такой степени поражена.... мнѣ даже стало какъ-то страшно!—этотъ громадный дискъ, такой величественный и вмѣстѣ такой странный, не обычайный!... Знаете, онъ походитъ на луну, какою мы ее видѣли на третьи сутки послѣ того, какъ начался тотъ опытъ, каторый такъ неожиданно и такъ внезапно перенесъ насъ съ земли на луну!... У меня въ первую минуту мелькнула даже мысль, что намъ грозитъ опять неожиданная, внезапная

катастрофа!... Но посмотрите, Моони, что это за свѣтлыя пятна на болѣе темномъ какъ бы прозрачно черномъ фонѣ?... Одно изъ нихъ напоминаетъ отчасти, по своимъ очертаніямъ, форму Африки, видите, вонъ тамъ на лѣво....

— Оно, дѣйствительно, имѣетъ форму Африки, а не только напоминаетъ ее, такъ какъ это и есть самая Африка.... И если вы желаете пройти со мною въ куполъ обсерваторіи, я могу показать вамъ ее въ телескопъ—тогда у васъ не останется ни малѣйшаго сомнѣнія на этотъ счетъ.

— Неужели это возможно?!.. Пойдетъ скорѣе, Фатима! Дядя идемте съ нами!.. Идите посмотрѣть это чудо, котораго навѣрное еще не видалъ никто! Всю Африку въ полѣ нашего зрѣнія!..

— Да, сверхъ того еще часть Азіи и часть Европы,— добавилъ Норберъ Моони, направляясь въ куполъ обсерваторіи, гдѣ находились самые сильные его телескопы. Все остальное маленькое общество поспѣшило послѣдовать за нимъ.

Вскорѣ Гертруда Керсэнь, удобно расположившись въ покойномъ креслѣ передъ телескопомъ, съ невыразимой радостью увидѣла въ зрительномъ полѣ телескопа не только Африку въ общихъ ея очертаніяхъ, но и ту часть ея, которая омывается Краснымъ моремъ, т. е. Суданъ. Это было нѣчто въ родѣ прекрасной нѣмой карты, исполненной свѣтлыми чертами на фонѣ черныхъ облаковъ. Облака эти были ничто иное, какъ океанъ.

— Ахъ, какъ это прекрасно!.. какъ восхитительно!—восклицала она внѣ себя отъ восторга.—Какъ все это ясно отчетливо!.. Какъ чисто вырисовывается каждая мельчайшая подробность контура!.. Подумать только, что дорогой мой отецъ теперь тамъ, и убивается при мысли, что на всегда потерялъ свою дочь!.. Бѣдный папа!.. Мнѣ теперь кажется, что я такъ близко отъ него, такъ близко! А вмѣстѣ съ тѣмъ я никогда еще не была такъ далеко... бѣдный, бѣдный папа!. Я то по крайней мѣрѣ знаю, гдѣ онъ находится, а онъ?....

Что можетъ онъ думать теперь?.. Какой смертельною тревогой полна теперь его душа!.. Ахъ, г. Моони, вы такой умный, такой ученый, вы все можете сдѣлать! Нельзя-ли такъ устроить, найти такое средство, которое дало бы намъ возможность послать ему какія-нибудь вѣсти о насъ?

— Увы, мадемуазель Керсэнь, хотя, быть можетъ, это не совсѣмъ невозможно, но на это потребовались бы во всякомъ случаѣ очень продолжительныя и сложныя приготовленія и при этомъ нельзя было бы вполнѣ поручиться за то, что насъ услышатъ или увидятъ,—отвѣчалъ молодой астрономъ, глубоко опечаленный тѣмъ, что увидѣлъ двѣ крупныя слезы, навернувшіяся на глаза Гертруды.—Однако, прошу васъ, не огорчайтесь этимъ! Могу васъ увѣрить, что вскорѣ вы увидите вашего дорогого батюшку... Вы не пробудете здѣсь и часа лишняго сверхъ того времени, которое намъ безусловно необходимо выждать... Пусть только минуетъ эта лунная ночь, солнце вернется, и вы увидете, что мы не заставимъ ждать ни одной лишней минуты!.. Полноте, мадемуазель Керсэнь, вѣдь вы всегда были такая мужественная, такая бодрая во всѣхъ обстоятельствахъ жизни до настоящаго момента! Такъ неужели же теперь вы вдругъ станете падать духомъ?!..

— Нѣтъ, нѣтъ... я постараюсь быть мужественной и теперь,—сказала дѣвушка, сдѣлавъ надъ собою усиліе и попытавшись улыбнуться.—Но, право, вы не можете себѣ представить, до какой степени на меня вліяетъ видъ этой родной мнѣ планеты и сознаніе, что бѣдной мой отецъ находится тамъ... Мнѣ кажется, будто я умерла и теперь смотрю на него изъ другого загробнаго міра!.. Или же, что я лишилась его... Не знаю почему, но никогда еще я не чувствовала такъ живо, какое громадное, страшное разстояніе раздѣляетъ насъ!

— Что значитъ это разстояніе, разъ его можно пройти!— воскликнулъ Норберъ Моони.—Мы уже разъ совершили весь этотъ путь и мы совершимъ его еще разъ, на такомъ двигателѣ, который не задерживается въ пути и при томъ дви-

жется съ быстротою вдвое большей, чѣмъ полетъ пушечнаго ядра.

Гертруда слушала эта слова, но была не въ силахъ преодолѣть свое волненіе и свое горе, голосъ ее оборвался, она не могла отвѣчать ни слова и, склонившись къ плечу Фатимы, молча рыдала. Маленькая ея служанка плакала вмѣстѣ съ ней, тронутая глубокимъ горемъ своей любимой госпожи.

— Ну, полно, полно!—воскликнулъ докторъ строго и рѣзко,—это же глупо, наконецъ, чортъ возьми! Сама подумай, твой отецъ, вѣдь, не дальше отъ насъ потому только, что мы смотримъ сейчасъ на этотъ лунный свѣтъ или, вѣрнѣе, на землю при свѣтѣ ея на лунѣ, чѣмъ когда мы смотрѣли на эту самую землю при свѣтѣ солнца или же не смотрѣли вовсе на нее!.. И онъ тоже насъ видитъ, когда въ Хартумѣ погода ясная и небо чисто!

— А какъ вы полагаете, въ данный моментъ, онъ тоже видитъ насъ?—спросила Гертруда.

— Весьма возможно,—уклончиво отвѣчалъ докторъ,—почему же и нѣтъ?—При этомъ онъ сдѣлалъ Норберу Моони знакъ, чтобы удержать его отъ возраженія, уже готоваго было сорваться съ языка простодушнаго ученаго.

Эта мысль, видимо, развеселила Гертруду и до нѣкоторой степени утѣшила ее.

— Ахъ, если бы онъ только могъ видѣть насъ и знать, что всѣ мы находимся здѣсь,—тихо прошептала она,—тогда бы мнѣ казалось, что, несмотря на раздѣляющее насъ пространство между нами существуетъ какое то общеніе, что его мысль встрѣчается съ моей, когда моя летитъ къ нему... А, можетъ быть, для него лучше, что онъ не знаетъ ничего объ этомъ!—грустно добавила она.

— Нельзя же, право, смотрѣть все только на Суданъ!—воскликнулъ смѣясь докторъ, желая развлечь ее,—вотъ я тамъ, въ уголкѣ, вижу другую прекрасную страну, которая мнѣ кажется, весьма походитъ на нашу дорогую Францію... Право, она выглядываетъ совсѣмъ не дурно, плотно усѣвшись на Альпахъ и Пиринеяхъ... обернувшись лицомъ къ

Атлантическому океану!.. Милая Францiя!—восторженно добавилъ онъ.

Гертруда охотно согласилась взглянуть на Францiю, которую она узнала не безъ извѣстнаго чувства сердечной радости,. А вотъ и тонкая свѣтлая полоска немного южнѣе это—Италiя. Тамъ, повыше, надъ самой Францiей, чуть-чуть лѣвѣй, два крошечныя пятна. Это—Великобританскiе острова. Да, но сердце ея лежало больше всего къ Судану, и въ его сторону невольно обращался ея взглядъ. Требовалось новое отвлеченiе и, къ несказанному счастью Норбера Моони, у него мелькнула въ этотъ моментъ новая счастливая мысль, которая обѣщала быть много удачнѣе всѣхъ остальныхъ.

— Простите, мадемуазель Керсэнь, я сейчасъ вспомнилъ что имѣю показать вамъ нѣчто такое, что, вѣроятно, займетъ васъ,—но это въ другой сторонѣ горизонта. Позвольте—я переведу телескопъ.

Съ этими словами онъ навелъ инструментъ на созвѣдiе Лебедя, горѣвшее яркими лучистыми огнями, какъ будто оно состояло изъ крупныхъ брилліантовъ, затѣмъ поискавъ въ теченiе нѣсколькихъ минутъ, обратился опять къ Гертрудѣ съ довольнымъ видомъ и прiятной улыбкой на лицѣ.

— Присядьте, мадемуазель Керсэнь, и посмотрите теперь въ телескопъ!—проговорилъ онъ, уступая ей свое мѣсто.

— Я вижу маленькiй красный шаръ или точнѣе не красный, оранжевый... величиною приблизительно съ мандаринъ!

— Да, да, совершенно вѣрно... А знаете вы, что это за маленькiй красный шаръ?...

— Вы не догадываетесь? Нѣтъ?... ну, такъ я вамъ скажу: это—ваша крестница и тезка!

— Моя звѣзда!...—воскликнула Гертруда съ особымъ радостнымъ оживленiемъ.

— Да, это она самая и есть, это планета „Гертрудiа", такъ названная вами. Она не захотѣла, зная, что мы здѣсь, пройти, не выглянувъ на здѣшнемъ небосклонѣ и не повидавъ насъ, и теперь шлетъ вамъ свое привѣтствiе издалека.

— Это весьма любезно съ ея стороны, и я очень, очень рада познакомиться съ ней: я такъ давно желала этого!... О моей крестницѣ нельзя сказать, что она круглая и полненькая дѣвочка! Нѣтъ, но я надѣюсь, что бѣдняжка находится въ добромъ здоровьѣ!—пошутила молодая дѣвушка.

— О, да! она какъ нельзя болѣе здорова и весела, объ этомъ не безпокойтесь. Правда, размѣры ея не изъ крупныхъ и по величинѣ своей, конечно, не изъ первыхъ,— ея поверхность равняется одной тысяче-трехсотой поверхности земнаго шара, — но положеніе ея прекрасно, — между Марсомъ и Юпитеромъ, сверхъ того, она вращается вмѣстѣ съ другими своими сестрами, телескопическими планетами, въ очень интересной сферѣ солнечнаго міра. Ея путешествіе вокругъ солнца, хотя и, весьма продолжительно, но за то и весьма интересно.

— А какъ вы полагаете, обитаема она или нѣтъ?—спросила Гертруда.

— Объ этомъ мнѣ ничего рѣшительно неизвѣстно, и потому я не могу ничего вамъ сказать, но нѣтъ никакихъ основательныхъ причинъ, чтобы она была необитаема. Она имѣетъ атмосферу,—это несомнѣнно,—и геологическое строеніе, весьма сходное съ геологическимъ строеніемъ земли и и Марса. Кромѣ того, я могу еще сказать съ полной увѣренностью, что если у нея, дѣйствительно, существуютъ обитатели, какъ мы можемъ предполагать, то эти обитатели должны быть чрезвычайно легки и должны дѣлать самые невѣроятные прыжки и скачки, безъ всякаго поврежденія.

— Самая масса Гертрудии такъ слаба, что сила тяготенія не имѣетъ на ея поверхности никакой энергіи, если можно такъ сказать. Всѣ предметы не имѣютъ на ней почти никакого вѣса, и если на ея поверхности есть еще дѣйствующіе вулканы, то камни, которые они извергаютъ, вѣроятно, падаютъ на другіе міры; если есть на ней дѣти, то эти малютки могутъ бросать въ воздухѣ громадные каменья, которые будутъ исчезать безслѣдно въ пространствѣ, не возвращаясь обратно къ ихъ ногамъ. Кромѣ того, не трудно себѣ

представить, что эти обитатели должны быть еще громаднѣе, чѣмъ древніе селениты, такъ какъ ростъ людей, птицъ, животныхъ и растеній находится въ тѣсной зависимости отъ силы тяжести.

Слѣдовательно, чѣмъ самая планета мельче, тѣмъ ея обитатели, если только таковые существуютъ на ней, должны быть колоссальнѣе по своей величинѣ и размѣрамъ?

— Да, несомнѣнно такъ!—отвѣчалъ Норберъ Моони.

— Ахъ, мнѣ совсѣмъ не нравится мысль, что моя маленькая звѣзда населена такими гигантами, которые даже много больше прежнихъ селенитовъ... А во сколько разъ должны они быть больше ихъ, по вашимъ разсчетамъ?

— Разъ въ шестьдесятъ, быть можетъ.

— Въ шестьдесятъ разъ!—разсмѣялась Гертруда,—шестьдесятъ разъ девять метровъ! шестьдесятъ разъ четыре сажени!... да это 240 сажень!.. 540 метровъ вышины!!..

— Да, это почти въ десять разъ выше башень Парижскаго собора Богоматери!

— Нечего сказать, славный народецъ, чортъ возьми! Съ такими пареньками шутки плохи!—замѣтилъ докторъ Бріэ.

— Нѣтъ, как хотите, господа, мнѣ это совсѣмъ не нравится... Такіе люди должны только безобразить мою маленькую планету; я бы предпочла, чтобы ея обитатели были пропорціональны своей планетѣ, и скорѣе походили бы на карликовъ, чѣмъ на великановъ.

— Да, но что прикажете дѣлать, таковъ законъ вещей!.. Приходится съ нимъ мириться и брать этихъ невѣдомыхъ намъо битателей такими, какъ они есть,—отвѣчалъ Моони.— Если же вы непремѣнно желаете человѣчества въ миніатюрѣ, то за этимъ слѣдуетъ обратиться къ величайшему изъ свѣтилъ, какія только вращаются вокругъ солнца,—Юпитеру.

— Тамъ, вѣроятно, люди не больше муравьевъ!—весело воскликнула Гертруда Керсэнъ.

— Не только не больше, но, можетъ быть, это—просто микроскопическія созданія. Какъ видите, эти сравненія весьма

полезны, чтобы слегкау мѣрить нашу человѣческую гордость, особенно ту глупую гордость, которая держится на жалкомъ преимуществѣ нѣсколькихъ лишнихъ сантиметровъ роста!

Эти послѣднія слова, казалось, были обращены, главнымъ образомъ, по адресу Каддура, который во всякомъ случаѣ принялъ ихъ на свой счетъ, такъ какъ любезно поклонился, видимо, тронутый такимъ вниманіемъ къ себѣ.

Всѣ вернулись въ круглую залу, чтобы сѣсть за столъ, такъ какъ это было обычное время завтрака.

— Мнѣ кажется, что и теперь уже довольно холодно!— замѣтила Гертруда Керсэнъ, удивленная тѣмъ, что по всему ея тѣлу вдругъ пробѣжала дрожь;—это было такого рода ощущенія, отъ котораго она уже очень давно успѣла отвыкнуть и которое именно въ силу этого было для нея почти ново.

— Да, это можно сказать безошибочно, — подтвердилъ докторъ,—я готовъ поручиться, что въ данный моментъ у насъ уже два или три градуса ниже нуля. И, какъ я вижу, у сера Буцефала уже зубы стучатъ.

— И меня?.. Что вы, докторъ!.. поспѣшно протестовалъ баронетъ;—знаете-ли вы, любезный мой, г. Бріэ, что я видалъ холодъ почище этого! я подымался на Монъ-Бланъ въ простой шерстяной курткѣ!

Однимъ изъ многочисленныхъ претензій молодого баронета была одна претензія, впрочемъ, весьма обычная и распространенная въ Англіи, это—чрезвычайная выносливость холода и способность переносить всякую стужу и непогоду съ стоическимъ презрѣніемъ, не надѣвая теплаго пальто даже и въ самую холодную зиму.

Правда, для того, чтобы имѣть возможность безнаказанно выставлять на показъ эту мужественную выносливость и терпѣливость, онъ, какъ и всѣ англичане, съ ногъ и до головы укутывался въ теплую фланель.

— Отъ души поздравляю васъ, дорогой баронетъ, съ такой выносливостью и нечувствительностью къ холоду!—съ легкимъ оттѣнкомъ ироніи сказалъ докторъ Бріэ,—что же

касается меня, который не можетъ похвастать такими свойствами, то я скромно признаюсь, что начинаю мерзнуть и что добрый каминъ и огонекъ были бы для меня весьма желаннымъ добавленіемъ къ удобствамъ нашей жизни въ данный моментъ!

Едва успѣлъ докторъ произнести эти слова, какъ нѣчто похожее на выстрѣлъ раздалось въ стѣнѣ за его спиной.

— Ахъ! что это такое?.. воскликнула Гертруда Керсэнь, не столько испуганная, сколько недоумѣвающая.

— Это ничто иное, какъ просто камень треснулъ отъ мороза!—сказалъ Норберъ Моони, ни мало не смущаясь.— Очевидно, морозъ крѣпчаетъ и теперь уже на столько силенъ, что какой нибудь камень нашей постройки, въ которомъ почему либо, несмотря на палящій жаръ луннаго солнца, сохранилось немного сырости или влаги, разорвало, какъ гранату, или какъ каштанъ въ печи. Къ счастію, въ нашей постройкѣ очень мало такихъ камней, такъ какъ обсерваторія почти исключительно состоитъ изъ пирита. Не то это была бы такая пальба, что ей могла бы позавидовать любая канонада. Но пиритъ не разорветъ никакой морозъ, такъ какъ онъ плотенъ и тягучъ, какъ металъ.

— Какъ бы ни было, господа, но совѣтую всѣмъ вамъ готовиться къ изрядному холоду!—проговорилъ докторъ.— Если уже часъ спустя по закатѣ солнца мы дрогнемъ, какъ сейчасъ, то можете себѣ представить, что это будетъ часовъ двадцать или тридцать спустя!.. Я даже спрашиваю себя, будемъ-ли мы въ состояніи выдержать этотъ страшный холодъ.

— Въ худшемъ случаѣ намъ придется перекочевать на то полушаріе и тамъ отогрѣваться на солнышкѣ!—отвѣчалъ Норберъ Моони. — Но я надѣюсь, что мы не доживемъ до такой крайности.

— Если судить по той температурѣ какую мы съ Каддуромъ встрѣтили на томъ полушаріи, то здѣсь нужно ожидать температуру, хотя и довольно низкую,—такъ, около 30

или 35 градусовъ,—но все же вполнѣ выносимую при имѣющихся у насъ теперь въ наличности условіяхъ.

— А вы называете это вполнѣ выносимымъ холодомъ, температуру въ 30 или 35 градусовъ? благодарю!.. да вы, я вижу, вѣрно тоже изъ школы сера Буцефала!—воскликнулъ докторъ Бріэ, — нѣтъ, воля ваша, я предпочитаю теплыя страны!

— И я также, но если я говорю, что температура эта выносима, то говорю въ томъ смыслѣ, что при такой температурѣ можно жить намъ, бѣднымъ жителямъ земнаго шара, гдѣ такого рода морозы бываютъ во многихъ обитаемыхъ странахъ. Кромѣ того, мы озаботились кое-какими предохранительными мѣрами на этотъ случай.

— Кстати, Виржиль, ты хорошо бы сдѣлалъ, если-бы вырылъ теперь одинъ или два раскаленныхъ камня... Это бы отогрѣло всѣхъ насъ немного, а вы, мадемуазель Гертруда, сдѣлали-бы хорошо, если бы раскрыли свои сундучки и чемоданы и достали изъ нихъ все, что найдется въ нихъ теплаго въ видѣ шалей, платковъ, бурнусовъ и тому подобнаго.

— Къ сожалѣнію, я очень бѣдна такого рода вещами: вѣдь, въ Суакимѣ и Хартумѣ это были вещи совершенно ненужны!

— Ну, въ такомъ случаѣ, мы поищемъ кое чего для васъ и Фатимы въ гардеробѣ сера Буцефала и въ моемъ и ужъ, навѣрное, найдемъ какія нибудь теплые плащи и пальто. Нѣтъ? у васъ не найдется ни того ни другого? — продолжалъ Норберъ, замѣтивъ энергичный отрицательный жестъ баронета.

— Ну, если не плащъ и не шубу, то, во всякомъ случаѣ, теплыя одѣяла, плэды, какой нибудь ульстеръ... Мнѣ, вѣдь, не разъ случалось замѣчать, милый другъ, что если вы и ваши уважаемые компатріоты обыкновенно очень энергично возстаете противъ всякаго рода обыкновенныхъ плащей и всякой другой теплой верхней одежды, особенно мѣховой, то съ другой стороны я не видалъ ни у кого изъ другихъ народовъ во время путешестій ни такихъ теплыхъ плэдовъ,

ни такихъ превосходнѣйшихъ толстыхъ шерстяныхъ одѣялъ, ни такихъ внушительныхъ ульстеровъ, какъ у англичанъ!

Всѣ разсмѣялись этому мѣткому замѣчанію Норберу Моони, въ томъ числѣ и самъ баронетъ, который, однако, не взялся объяснить эту типичную особенность своей націи.

Между тѣмъ Виржиль притащилъ въ комнату въ громадныхъ мѣдныхъ тазахъ три огромныхъ, до бѣла раскаленныхъ инсоляторами камней, съ успѣхомъ замѣнившихъ хорошую печь, такъ какъ, зарытые въ сухой горячій песокъ они сохранили огромное количество тепла, которое теперь распространяли вокругъ себя. Это было особенно пріятное тепло, распространявшееся на всю комнату.

— Что за превосходная мысль!—восхитился докторъ,—какъ странно и прискорбно, что такого рода разумный и практическій пріемъ до сихъ поръ еще не нашелъ широкого примѣненія среди народовъ холодныхъ странъ! Если только подумать, сколько бѣдныхъ людей мерзнетъ зимою въ своихъ квартирахъ за отсутствіемъ или дороговизной топлива, и которымъ стоило бы только утилизировать вотъ такимъ образомъ солнечную теплоту! Право, обитатели земли, считающіе себя цивилизованными и прогрессистами, въ сущности, всѣ еще находятся въ младенчествѣ!.. Знать, навѣрное, что въ опредѣленное время настанетъ стужа и даже не позаботиться о томъ, чтобы припасти себѣ на это время хоть сколько нибудь той благодѣтельной теплоты, которую такъ щедро изливаетъ на насъ въ лѣтнее время сама природа.

— Нѣтъ, человѣчество пользуется этимъ тепломъ только подъ видомъ дровъ, каменнаго угля и всякаго другого топлива, которое, въ сущности, ничто иное, какъ то же солнечное тепло, припасенное въ сараяхъ и погребахъ!—сказалъ Норберъ Моони.

— Да, ваша правда, милый Моони,—согласился докторъ,—тѣмъ не менѣе вы не станете отрицать, что солнечнымъ тепломъ можно было бы пользоватьсяаи болѣе непосредственнымъ образомъ.

— Какъ видите, докторъ, я былъ одинъ изъ первыхъ,

кто это сказалъ, такъ какъ именно силой солнечнаго тепла мы съ вами переселились на луну.

— И это еще нельзя считать самымъ лучшимъ примѣненіемъ этого тепла; мнѣ кажется, что его можно было бы съ успѣхомъ примѣнить и на лучшія дѣла!

— Да, если даже и такъ, то, вѣдь, оно сослужитъ намъ еще и другую службу, вернетъ насъ обратно на землю, не забывайте и этого, докторъ!

— О, господа, когда оно водворитъ насъ обратно на нашу родную планету, тогда я воздамъ ему честь и славу и восхвалю его отъ всей души!

— Вотъ, кстати, вы упомянули о каменномъ углѣ,—замѣтилъ баронетъ,—а знаете-ли, что здѣсь, на лунѣ, въ руслѣ того изсякшаго горнаго потока есть превосходнѣйшія залежи этого угля... знаете, тамъ, на днѣ ущелья?

— Да, на днѣ ущелья, въ изсохшемъ руслѣ потока, гдѣ вамъ пришлось провести нѣсколько очень непріятныхъ для васъ минутъ! Знаю, — добавилъ Норберъ Моони,—дѣйствительно, и я самъ видѣлъ тамъ превосходнѣйшій антрацитъ; имъ, конечно, можно было бы развести здѣсь славный огонь!.. Я, конечно, говорю не о васъ, мой милый другъ, который презираетъ такія пустяки, какъ стужа, а о насъ, грѣшныхъ мерзлыхъ и зябкихъ французахъ, для которыхъ славный огонь въ каминѣ при данныхъ условіяхъ былъ бы весьма желанной роскошью!.. Но, увы! огонь пожираетъ не только топливо, но и значительное количество кислорода, а мы не имѣемъ его въ достаточномъ количествѣ, чтобы не только самимъ вдыхать его, но и питать имъ огонь. Поэтому, волей неволей, намъ придется послѣдовать вашему благому примѣру и оставаться нечувствительными къ холоду, какъ вы.

XII. Ночь на лунѣ.

Ночь на лунѣ незамѣтно ввела свои новые порядки въ обиходъ и привычки обитателей обсерваторіи. Теперь всѣ

большую часть времени проводили въ большой круглой залѣ, всѣ вмѣстѣ около очага, наполненнаго раскаленными камнями. Болтали и бесѣдовали по цѣлымъ днямъ, если только можно называть днемъ извѣстный промежутокъ въ теченіе длинной лунной ночи, тотъ промежутокъ, когда находившіеся на лунѣ люди не спали, а бодрствовали, за невозможностью проспать цѣлыхъ четырнадцать сутокъ безпробудно. Иногда затѣвались оживленныя, подвижныя игры или же всей компаніей отправлялись на коротенькую прогулку всего на какихъ нибудь минутъ десять на эспланаду или круговую дорогу, и совершали ее бѣгомъ, чтобы согрѣться. Но, несмотря на всѣ эти мѣры и пріемы, обитатели обсерваторіи страшно страдали отъ холода.

Напрасно они кутались во все, что только можно было надѣть на себя, не исключая даже шелковыхъ тканей, взятыхъ изъ кладовыхъ и магазиновъ, напрасно каждый изъ „изгнанниковъ земли" придумалъ для себя странное одѣяніе изъ всего, что онъ только могъ собрать и навьючить на себя, напрасно докторъ изобрѣлъ особаго рода подкладку для своей одежды изъ самыхъ противорѣчащихъ другъ другу журналовъ и газетъ:—ничто не помогало, а холодъ увеличивался чуть-ли не съ каждымъ часомъ. Даже и баронетъ принужденъ былъ сознаться, въ концѣ концовъ, что и у него зубъ на зубъ не попадалъ, какъ будто онъ не былъ породистый, типичный англичанинъ.

Что казалось особенно страннымъ въ этомъ усиливающемся съ каждымъ часомъ холода, такъ это то, что онъ возросталъ совершенно независимо отъ всякаго рода атмосферическихъ явленій. При этомъ не было ни снѣга, ни бурана, ничего подобнаго. Съ каждымъ часомъ барометръ падалъ все ниже и ниже: съ двадцати °/₀ ниже нуля онъ упалъ сперва до 25, затѣмъ до 30 и до 35, и, наконецъ, до 40. Однако, не смотря на это, самый пейзажъ нисколько не измѣнился и представлялъ собою, при безжизненномъ, мертвенномъ свѣтѣ земли, ту же картину, какъ и, при яркомъ свѣтѣ палящаго солнца: тотъ же безмолвный, мрач-

ный характеръ кладбища, заброшеннаго и забытаго въ продолженіе многихъ лѣтъ.

Впрочемъ, все это объяснялось очень просто. Такъ какъ атмосфера луны не обладала ни влажностью, ни какими бы то ни было парами или атмосферическими осадками, то весьма естественно, что на ней не могло развиться ни одно изъ тѣхъ явленій, которые порождаются различнымъ распредѣленіемъ этихъ элементовъ въ различныхъ слояхъ земной атмосферы. Единственные сіяющіе метеоры, время отъ времени разнообразившіе удручающую монотонность этой, казалось, безконечной ночи, были роскошныя сѣверныя сіянія, внезапно озарявшія край горизонта дивной завѣсой голубаго или блѣдно-фіолетоваго свѣта, который угасалъ также внезапно, какъ и загорался.

При началѣ этихъ ужасныхъ холодовъ докторъ Бріэ былъ чрезвычайно встревоженъ мыслью о томъ, какъ перенесетъ эту стужу Гертруда, эта дѣвушка, отличавшаяся всегда столь слабымъ, столь шаткимъ здоровьемъ. Но, не желая никого смущать, онъ скрылъ отъ всѣхъ свое безпокойство и тревогу, зная, что тутъ помочь ничѣмъ нельзя. Не смотря на свой обычный оптимизмъ, онъ едва смѣлъ надѣяться, что она перенесетъ такую стужу, и это грустное сознаніе камнемъ ложилось ему на душу. Онъ не пренебрегалъ рѣшительно ничѣмъ, чтобы согрѣть ее и уберечь отъ холода, которому всѣ они подвергались здѣсь, чтобы придать ей силы подкрѣпить на сколько только можно, и сдѣлать ее менѣе чувствительной къ вліянію этой ужасно низкой температуры.

Но, къ несказанному его удивленію и величайшей радости, онъ успѣлъ убѣдиться по прошествіи нѣсколькихъ дней, что Гертруда не только переноситъ этотъ холодъ, но выдерживаетъ его лучше и легче, чѣмъ кто либо изъ остальныхъ ея сотоварищей. Силы ея не только не падали и не слабѣли, а, наоборотъ, дѣвушка казалась сильнѣе и бодрѣе, чѣмъ когда либо. Она даже не кашляла съ тѣхъ поръ, какъ была на лунѣ, на щекахъ ея не появлялось того

лихорадочнаго румянца, пятнами выступавшаго на ея блѣдномъ личикѣ, такъ ужасно тревожившаго ея отца, заставлявшаго его проводить не одну ночь безъ сна. Вмѣсто того, чтобы худѣть, блѣднѣть и угасать, Гертруда, видимо, разцвѣтала и оживала: въ ней начинала пробиваться наружу вся молодость и прелесть ея двадцатилѣтняго возраста. Никогда еще докторъ Бріэ, слѣдившій за ней съ заботливостью нѣжной, любящей матери, не видалъ ея такой цвѣтущей и здоровой, такою свѣжей и бодрой, такъ несомнѣнно исцѣлившейся отъ роковаго наслѣдія ея матери, которое, какъ казалось, до сего времени тяготѣло надъ ней, постоянно грозя и ей той же печальною развязкой.

— Надо полагать, этотъ безусловно сухой воздухъ луны является наилучшимъ наицѣлебнѣйшимъ для всѣхъ чахоточныхъ!—думалъ въ душѣ докторъ.—Я никогда еще не видалъ столь быстраго, нѣтъ, столь поразительнаго и столь полнаго излѣченія!... У нея не только не замѣчается болѣе никакихъ тревожныхъ симптомовъ въ области легкихъ, но общее состояніе ея здоровья, повидимому, совершенно возстановлено!... Она чувствуетъ себя при этомъ сибирскомъ холодѣ лучше, чѣмъ кто либо изъ насъ... Нѣтъ, право, это уже не излѣченіе, а полнѣйшее возрожденіе... Если только намъ суждено когда нибудь вернуться на землю и увидать ея отца, и если онъ только вздумаетъ выразить какую либо претензію на наши приключенія, участницей которыхъ мы невольно сдѣлали его дочь, то я только укажу ему на нея, на ея яркій здоровый румянецъ, на эти ясные и свѣтлые глаза, и тогда мы увидимъ, посмѣетъ ли онъ намъ сказать хоть одно слово укоризны!... Нѣтъ, онъ еще будетъ благодарить насъ!...

Гертруда, пользуясь столь неожиданно вернувшимися къ ней силами и здоровьемъ, съ особеннымъ усердіемъ занималась шитьемъ, которое она съ Фатимой взяли на себя. Задача ихъ состояла въ тщательномъ сшиваніи, съ помощью шнурка, отдѣльныхъ полотнищъ шелковой ткани, предназначавшейся для парашюта громадныхъ размѣровъ. Въ скла-

дахъ обсерваторіи, правда, имѣлось значительное количество уже совершенно готовыхъ парашютовъ, но только несравненно меньшихъ размѣровъ, и Норберъ Моони задумалъ теперь замѣнить ихъ однимъ громаднымъ парашютомъ, который могъ бы сдержать всю маленькую колонію. Для этого требовалось скроить и сшить родъ зонтичной обтяжки въ видѣ полушарія съ діаметромъ приблизительно тридцати метровъ. Какъ не велико было усердіе и стараніе Гертруды Керсэнь и ея маленькой помощницы, Фатимы, врядъ-ли бы онѣ справились съ этой своей задачей въ тотъ непродолжительный срокъ времени, какой былъ предоставленъ въ ихъ распоряженіе, если бы Виржиль не предложилъ своихъ услугъ въ этомъ дѣлѣ. Оказалось, что онъ сшивалъ ничуть не хуже любого образцоваго паруснаго мастера, какими могъ похвастать въ былое время флотъ, а это, конечно, не шутка!

Норберъ, докторъ Бріэ и Каддуръ усердно занимались приведеніемъ въ порядокъ электрическихъ двигателей и машинъ, необходимыхъ для приведенія въ дѣйствіе гигантскаго искусственнаго магнита. За этимъ также было не мало дѣла, такъ какъ ужаснѣйшій толчекъ, испытанный пикомъ Тэбали въ моментъ катастрофы, значительно повредилъ многія существенныя части различныхъ электрическихъ аппаратовъ.

А потому, молодой астрономъ, работавшій болѣе всѣхъ, принужденъ былъ выгадывать на снѣ и отдыхѣ то время, которое онъ посвящалъ своимъ астрономическимъ наблюденіямъ, и отказаться отъ которыхъ онъ не могъ, не смотря ни на какую усталость. Онъ проводилъ за своимъ телескопомъ почти все время, предназначенное для отдыха и сна, все то время, которое остальные его товарищи проводили въ кровати, подъ теплыми одѣялами, отдыхая отъ дневныхъ трудовъ.

Изъ всей этой маленькой колоніи невольныхъ переселенцевъ съ земли на луну, быть можетъ, только онъ одинъ былъ искренно доволенъ своею участью, и, не смотря на

труды и холодъ, желалъ бы продлить еще на очень долго эту и безъ того страшно длинную ночь.

Никогда еще въ жизни ему не удавалось, да и не могло удаваться, собирать столь точныя и несомнѣнныя данныя, столь новыя и поразительныя явленія и съ такой сравнительной легкостью, съ такой постоянной возможностью контролировать и провѣрять свои наблюденія. Одинъ годъ пребыванія на лунѣ какого нибудь астронома при наличности тѣхъ условій, какія представляла для астрономическихъ наблюденій луна, могъ дать несравненно больше для астрономіи, чѣмъ цѣлыхъ сто лѣтъ самыхъ усердныхъ и тщательныхъ наблюденій среди атмосферы земного шара. А что бы это было, еслибы онъ могъ имѣть здѣсь въ своемъ распоряженіи такіе сильные телескопы, какіе имѣются въ главнѣйшихъ европейскихъ обсерваторіяхъ!..

Впрочемъ, надо довольствоваться тѣмъ, что имѣешь!..

— Я былъ бы прямо счастливъ, еслибы могъ пользоваться хотя бы вотъ этими моими телескопами въ теченіе пяти или шести лунныхъ ночей въ четырнадцать или пятнадцать сутокъ каждая. Этого было бы вполнѣ достаточно, чтобы встать въ ряду величайшихъ астрономовъ!—говорилъ онъ, мечтая иногда вслухъ въ присутствіи своихъ друзей.

— Ну, въ такомъ случаѣ останемся!—воскликнула Гертруда Керсэнъ.—Я увѣрена, что всѣ мы охотно принесемъ вамъ эту жертву, хотя, конечно, для насъ эта перспектива столь продолжительнаго пребыванія на лунѣ не имѣетъ ничего особенно заманчиваго!

— Ваше намѣреніе очень трогаетъ меня и я, конечно, не могу не быть вамъ крайне признательнымъ за него. Но вамъ всѣмъ хорошо извѣстно, что объ осуществленіи его нечего даже и думать. Время нашего пребыванія здѣсь строго разсчитано и находится всецѣло въ зависимости отъ нашего запаса кислорода и, слѣдовательно, воздуха пригоднаго для дыханія.

— Слѣдовательно, мы отправимся въ обратный путь съ восходомъ солнца?

— Ну, не совсѣмъ съ восходомъ солнца,—смѣясь возразилъ Норберъ Моони, — чрезъ какихъ нибудь двое сутокъ по наступленіи дня и возвращеніи къ намъ солнца. Это минимумъ того времени, которое нужно намъ для всѣхъ нашихъ приготовленій!

Среди всѣхъ этихъ заботъ и хлопотъ никто не забывалъ заключенныхъ. Норберъ Моони считалъ даже необходимымъ выказывать имъ больше доброты и снисхожденія, помня, что теперь ихъ положеніе еще болѣе ужасно при этихъ страшныхъ холодахъ. Съ этою цѣлью онъ отдалъ Виржилю строжайшій приказъ, чтобы и ихъ помѣщеніе отоплялось или, вѣрнѣе, нагрѣвалось раскаленными камнями. Кромѣ того, и имъ были отправлены теплыя вещи и что нашлось изъ лишняго платья и тканей. Кромѣ того, сверхъ обычнаго пайка, имъ посылалась еще два раза въ день различная пища, вино, горячій чай, ромъ и пиво.

Каждый разъ, когда подобное новшество вводилось, и тѣмъ самымъ улучшалось положеніе и условія трехъ заключенныхъ, это явленіе всегда вызывало новый припадокъ бѣшенства у Каддура. И какъ онъ ни старался скрывать этого, изъ уваженія къ Норберу Моони, все таки не могъ совладать съ собою. Каждый разъ чувство бѣшеной злобы и неумолимой ненависти къ этимъ людямъ вырывали у него крики ярости: лицо его подергивали злобныя конвульсіи, на губахъ появлялась пѣна, и онъ положительно выходилъ изъ себя, отъ дикаго бѣшенства.

Тогда Норберъ снова принимался ему доказывать, какъ безсильна и безполезна его злоба, какъ пагубна для него самого эта слѣпая ненависть, и всячески старался урезонить его.

— Я уже заявилъ вамъ разъ,—говорилъ онъ карлику,— что вамъ никогда не удастся сдѣлать меня орудіемъ вашей мести! Зачѣмъ-же вы снова возвращаетесь къ этому столь тяжелому для васъ предмету? Докажите-же, наконецъ, что вы дѣйствительно человѣкъ образованный, а не дикарь!.. Откажитесь отъ этихъ грубыхъ стремленій къ насилію и

казнямъ!.. Забудьте, дорогой мой Каддуръ, забудьте, прошу васъ, что эти люди сдѣлали вамъ, и вамъ самому будетъ легче!..

— Забыть!.. — восклицалъ карликъ съ невыразимой горечью,—да развѣ это можно забыть?! Пусть забываетъ тотъ, кто не зналъ и не испыталъ моихъ мукъ и страданій! Но я, я, бѣдное, всѣми осмѣянное, всѣми презираемое, всѣми поруганное существо, я, безобразный, уродливый карликъ, который видѣлъ, что при взглядѣ на меня даже содрагались отъ ужаса, а женщины отворачивались съ чувствомъ отвращенія, могу-ли я забыть?.. Поймите-же, наконецъ, какой адъ, какую вѣчную пытку создали мнѣ эти люди. Вы, г. Моони, внушившій мнѣ чувства, которыхъ я никогда не зналъ раньше, научили меня понимать, что существуютъ такія чувства, какъ привязанность и благодарность, но какъ вы не можете понять, что значатъ такія муки и страданія человѣка?.. Поймите это!.. Нѣтъ, вы не можете понять, такъ какъ для этого надо-бы, чтобы вы хотя одинъ день испытывали то, что я испытываю въ продолженіе тридцати лѣтъ!.. Да, вотъ тогда только вы съумѣли-бы понять, какое чувство ненависти могутъ мнѣ внушать эти негодяи!

— Нѣтъ, Каддуръ, я никогда не соглашусь, что вы правы, предаваясь такимъ припадкамъ бѣшеной злобы, — отвѣчалъ Норберъ Моони, подходя къ нему и ласково кладя свою руку на его плечо. — Я сознаю, что эти люди ужасно и жестоко поступили съ вами, но они заслуживаютъ презрѣнія, и вы должны стать выше ихъ. Докажите, что ваше сердце было создано для высокихъ порывовъ и побужденій и что этимъ людямъ не удалось сдѣлать его болѣе низменнымъ. Простите ихъ, Каддуръ!.. Станьте выше своей ненависти и злобы!.. Знаю, это тяжелое испытаніе! знаю, что на это потребуется упорная борьба, но дайте мнѣ дожить до радости видѣть, что вы вышли побѣдителемъ изъ этой борьбы, что вы превозмогли эти скверныя чувства!

Карликъ взглянулъ на него растеряннымъ взглядомъ.

— Вы требуете отъ меня больше, чѣмъ я могу! — вос-

кликнулъ онъ странно измѣнившимся голосомъ,—я чувствую, что вы правы, но я-то этого не могу!.. Я не могу!.. Я, проклятое, погибшее, зловредное существо, которому уже нѣтъ мѣста среди честныхъ и добрыхъ людей!.. Дайте мнѣ поступать согласно тому характеру, какой мнѣ создала эта жизнь!..

И говоря это, онъ заливался горючими слезами и отчаяннымъ жестомъ закрывалъ лицо руками.

Норберъ Моони понялъ, что ему удалось, наконецъ, тронуть душу Каддура; онъ рѣшилъ довести это излѣченіе его злобы до конца.

— Послушайте, Каддуръ, я хочу вернуть вамъ ваше самообладаніе, пріучивъ васъ видѣть вашихъ враговъ... Ненависть ваша къ нимъ поддерживается и питается, главнымъ образомъ, воспоминаніями прошлаго. Очень можетъ быть, что я поступилъ-бы разумнѣе, если-бы постарался съ самаго начала сблизить васъ съ ними. Впредь вы будете сопровождать Виржилля каждый разъ, когда онъ посѣщаетъ заключенныхъ. Я слишкомъ довѣряю вамъ, чтобы допустить мысль, что вы позволите себѣ сказать что нибудь лишнее или неумѣстное людямъ, теперь совершенно беззащитнымъ...

Съ этого времени Каддуръ сталъ какъ будто покойнѣе. Два раза въ день онъ посѣщалъ вмѣстѣ съ Виржилемъ тюрьму и видъ его мучителей, согбенныхъ теперь надъ насильственной работой, повидимому, успокоительно дѣйствовалъ на его чувство ненависти, потому что въ послѣднее время никто никогда не слыхалъ, чтобы онъ произносилъ какія-либо угрозы по ихъ адресу.

Такимъ порядкомъ проходила безконечно длинная ночь на лунѣ. По мѣрѣ того, какъ она подвигалась впередъ, холодъ усиливался все болѣе и болѣе. А по мѣрѣ того, какъ термометръ падалъ, раскаленные камни, зарытые въ подпольи, постепенно теряли свой жаръ и становились все менѣе и менѣе пригодными, чтобы хоть сколько нибудь повышать температуру комнаты. Наконецъ, насталъ моментъ,

когда холодъ достигъ такихъ предѣловъ, что даже самъ серъ Буцефалъ запросилъ пощады.

— Я готовъ пожертвовать однимъ глазомъ, лишь-бы мнѣ обогрѣться у хорошаго, жарко натопленнаго камина! — воскликнулъ онъ однажды, выходя изъ за стола. И этотъ возгласъ такъ ярко выражалъ самое страстное желаніе всей маленькой колоніи, что Норберъ Моони, видя это, не въ силахъ противустоять ему.

— Эхъ, право!—воскликнулъ онъ,— конечно, это не разумно... но, видно, надо намъ позволить себѣ эту маленькую поблажку, хотя только всего одинъ разъ!..' Зажжемъ огонь!.. Уголь имѣется въ долинѣ, всѣ мы это знаемъ, такъ пойдемте-же добывать его!

Снарядиться въ дорогу, захватить съ собой мѣшки, спуститься въ ущелье и въ русло изсякнувшаго потока, наполнить мѣшки антрацитомъ, — все это было для Виржиля и Тирреля Смиса дѣломъ какихъ нибудь десяти минутъ. Въ круговой галлереѣ навалили на желѣзные листы, наложенные на каменный полъ, цѣлую груду угля подъ отверстіемъ, продѣланнымъ въ стѣнѣ вмѣсто дымовой трубы. Затѣмъ былъ разведенъ огонь и въ продолженіе болѣе двухъ часовъ времени вся маленькая колонія невольныхъ обитателей луны съ глубокимъ наслажденіемъ поджаривала себя то съ лица, то со спины, то съ боковъ... Сварили горячаго чая, приготовили чудный пуншъ, плясали вокругъ огня. Словомъ, то было полное торжество, настоящій праздникъ для бѣдныхъ, прозябшихъ и продрогшихъ „изгнанниковъ земли". А когда послѣдняя искра затухла подъ грудою пепла, въ сердцахъ присутствующихъ все еще сохранялось то чувство чисто дѣтской радости, какое вызвалъ въ нихъ этотъ веселый огонь.

— Мы безразсудно расточительны, однако, — говорилъ между тѣмъ Норберъ, задумчиво покачивая головою,—подумать только, что мы здѣсь сожгли ради забавы то, чѣмъ всѣ могли-бы продышать въ продолженіе цѣлыхъ двадцати часовъ!

Къ счастью, однако, ночь подходила къ концу. Еще немного терпѣнья, еще на два—на три градуса меньше тепла,—и вотъ въ одинъ прекрасный вечеръ, послѣ обѣда, когда всѣ только что вышли изъ-за стола, на востокѣ показалось солнце.

Опять-таки безъ малѣйшаго признака разсвѣта или утренней зари, на краю горизонта показалась узкая золотая кайма, затѣмъ явилась маленькая частица диска, вытянувшаяся, подобно любопытному глазу изъ-за стѣны. Потомъ солнечный дискъ сталъ замѣтно увеличиваться, выплывая изъза горы и, наконецъ, появился во всей своей красѣ и метнулъ свои золотыя стрѣлы лучей по всѣмъ направленіямъ неба, заливая горячимъ свѣтомъ безчисленные кратеры, низины и песчаныя степи, на всемъ видимомъ пространствѣ.

Опять на триста пятьдесятъ четыре часа насталъ жаркій, безоблачный день.

XIII. Еще разъ коммиссары.

— Ну, господа, не будемъ терять времени, — проговорилъ Норберъ Моопи,—разстанемся скорѣе съ этимъ ледянымъ адомъ!.. Теперь уже немного осталось намъ потерпѣть. Я сейчасъ же отправлюсь осмотрѣть всѣ инсоляторы и машины, а Виржиль и Каддуръ приведутъ ихъ въ дѣйствіе. Не позже, какъ по прошествіи сорока восьми часовъ, мы отправимся въ обратное путешествіе съ луны на землю... а затѣмъ—еще шесть сутокъ, одиннадцать часовъ, восемь минутъ,—и мы уже будемъ на мѣстѣ...

— Какъ?—воскликнула Гертруда Керсэнь.—Почему мы на этотъ разъ пробудемъ на три часа дольше въ пути, чѣмъ въ первый разъ? Почему луна теперь будетъ спускаться къ землѣ дольше, чѣмъ тогда?

— Потому, что тогда она находилась на болѣе близкомъ разстояніи отъ земли, чѣмъ теперь... Но теперь намъ прежде всего слѣдуетъ позаботиться о томъ, чтобы возобновить наши

запасы кислорода еще на эту послѣднюю недѣлю нашего пребыванія на лунѣ. Виржиль, пойди и займись этимъ дѣломъ, пока я пойду дѣлать осмотръ всѣхъ машинъ и инсоляторовъ... Докторъ, не желаете-ли отправиться вмѣстѣ со мною?

Не только докторъ, но и Гертруда, и серъ Буцефалъ стали проситься у Норбера Моони взять ихъ съ собою. Всѣмъ казалось какъ-то особенно пріятно, по прошествіи этой длинной ночи, снова увидѣть яркое солнышко и погрѣться подъ его благотворными лучами... Такимъ образомъ эта ревизія и необходимый осмотръ коническихъ рефлекторовъ на большой круговой дорогѣ пика Тэбали превратились изъ дѣлового обхода въ пріятную прогулку.

Не прошло и двадцати минутъ съ тѣхъ поръ, какъ длилась эта полезная и вмѣстѣ пріятная прогулка, какъ неожиданное появленіе Виржиля въ дверяхъ обсерваторіи смутило покой маленькой компаніи. Бѣдняга, очевидно, находился въ страшно возбужденномъ состояніи: онъ махалъ руками, воздѣвалъ ихъ къ небу, словомъ, всячески старался дать понять своему господину, что случилось нѣчто необычайное, и что онъ зоветъ его поскорѣе вернуться въ обсерваторію... Всѣ поспѣшили къ Виржилю, желая узнать, въ чемъ дѣло.

— Ахъ, г. Моони!.. Какое ужасное несчастье!—воскликнулъ добрый парень, какъ только его господинъ со своими спутниками очутился въ закрытомъ помѣщеніи, такъ что могъ слышать, что ему говорятъ.

— Что случилось?.. Какое несчастье?.. —тревожно освѣдомился Норберъ Моони.

— Нашъ хлорноватый кали!..

— Такъ что же? Говори скорѣе, въ чемъ дѣло! Что случилось съ хлорноватымъ кали?

— Вы сами знаете, г. Моони, что съ наступленіемъ ночи у насъ оставалось еще въ запасѣ въ складахъ магазина цѣлыхъ восемь непочатыхъ бочекъ!.. Ну, а теперь, оказывается, только одна!

— Какъ такъ только одна! А остальныя?

— И меня это крайне удивляетъ, но, тѣмъ не менѣе, это такъ: всѣ бочки кромѣ одной, пусты!

Норберъ Моони не вѣрилъ своимъ ушамъ. Какъ могло случиться такое дѣло? Это казалось совершенно и невозможнымъ и неправдоподобнымъ. Онъ поспѣшилъ въ склады обсерваторіи, гдѣ стояли боченки съ хлорноватымъ кали. Онѣ были расположены по мѣстамъ, чинно въ рядъ, въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ онъ оставилъ ихъ четырнадцать дней тому назадъ, при наступленіи ночи. Однако, Виржиль былъ безусловно правъ: при осмотрѣ оказалось, что всѣ онѣ были пусты, кромѣ одной!

Являлось только одно возможное объясненіе: кто-то укралъ исчезнувшіе семь бочекъ хлорноватаго кали, и виновниками этого преступленія могли быть единственно только трое заключенныхъ. Но это все равно, кто бы ни укралъ ихъ, положеніе тѣмъ не менѣе становилось критическимъ, почти безъисходнымъ, отчаяннымъ. Одной бочки хлорноватаго кали, конечно, никакъ не могло хватить на изготовленіе достаточнаго количества кислорода, потребнаго для дыханія всей этой маленькой колоніи въ теченіе восьми сутокъ...

У Норбера Моони сердце сжалось смертельною тревогой. Неужели ему суждено было видѣть, какъ здѣсь же, на его глазахъ, въ этомъ новомъ мірѣ, столь далекомъ отъ родной земли, куда волею случая и отчасти по его винѣ была занесена Гертруда, неужели ему суждено было видѣть, какъ она будетъ погибать отъ недостатка воздуха, задохнется, какъ ласточка подъ колоколомъ пневматической машины?! Нѣтъ, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!.. Лучше ужъ все на свѣтѣ, только не это! Лучше ужъ казнь виновныхъ, ограниченіе всѣхъ остальныхъ, лучше собственная его смерть, чѣмъ мука видѣть, какъ Гертруда Керсэнъ будетъ задыхаться безъ воздуха, хотя бы только въ продолженіе одной минуты!..

Но прежде всего было необходимо разъяснить эту тайну. Въ сопровожденіи Виржиля и Каддура, молодой ученый отправился въ помѣщеніе заключенныхъ, гдѣ трое бывшихъ

коммиссаровъ встрѣтили ихъ появленіе съ величайшимъ равнодушіемъ. Все было тщательно осмотрѣно и обыскано. Вѣдь, семь бочекъ хлорноватаго кали не иголка, мысленно говорилъ себѣ Норберъ Моони, вѣдь, ихъ не такъ же легко спрятать. Мы все обыщемъ и найдемъ!..

Однако, какъ ни обыскивали всѣ стѣны, даже подымали плиты пола, нигдѣ не нашли ровно ничего.

Тогда приступили къ осмотру всѣхъ окрестностей флигеля, служившаго тюрьмой. Круговая дорога, магазины и склады, все зданіе обсерваторіи было обыскано и осмотрѣно съ величайшей заботливостью, стараніемъ и вниманіемъ, при свѣтѣ электрическихъ фонарей, съ помощью заступовъ, лопатъ и молотовъ. Но попрежнему нигдѣ не было ни слѣда хлорноватаго кали.

Однако трудно было допустить возможность, что его издержали или дали ему вывѣтриться и испариться. Уже въ продолженіе четырнадцати сутокъ не было пепла; все стыло и все мерзло. Кромѣ того, эти люди уже потому одному, что они были заключенные, и что на нихъ смотрѣли, какъ на плѣнныхъ, не могли бы продѣлать этого, не будучи замѣчены, такъ какъ за ними постоянно присматривали, а на израсходованіе или истребленіе семи бочекъ хлорноватаго кали потребовалось бы не мало времени и не мало возни.

У Норбера Моони и доктора Бріэ начинало зарождаться другого рода подозрѣніе. Неужели было возможно, чтобы это сдѣлалъ Каддуръ?.. Но нѣтъ!.. Такого рода предположеніе было слишкомъ гадко, слишкомъ возмутительно и недопустимо. Для этого надо было, чтобы карликъ былъ положительнымъ чудовищемъ!... А все его поведеніе за послѣднее время, съ самаго того момента,—какъ онъ былъ принятъ въ число своихъ, близкихъ людей этой маленькой колоніи „изгнанниковъ земли", явно противорѣчило подобному предположенію!... Что касается самаго Норбера Моони, то онъ отвергалъ подобную мысь всѣми силами своей души, какъ самую жестокую и возмутительную несправедливость по отношенію къ Каддуру. А между тѣмъ!... что можно было

думать?.. гдѣ искать разгадку, рѣшеніе этого труднаго, запутаннаго вопроса?... Онъ положительно не зналъ, что думать, и что предполагать.

Какъ бы инстинктивно предугадывая то подозрѣніе, какое падало на его голову, бѣдный Каддуръ болѣе всѣхъ печалился и огорчался пропажей хлорноватаго кали. Онъ страшно волновался, бѣгалъ вправо и влѣво, искалъ съ какимъ-то лихорадочнымъ рвеніемъ, пристально посматривая по сторонамъ.

Но и это рвеніе, и усердіе его обращалось какъ бы въ улику противъ него, потому что въ этомъ усматривали, что то неестественное, — и бѣдняга какъ бы чувствовалъ это. Вдругъ онъ подошелъ къ Норберу Моони и, ставъ прямо передъ нимъ, сказалъ:

— Воръ или Костерусъ Вагнеръ, руководитель этихъ негодяевъ, или же—я!.. Если я не съумѣю доказать, что это онъ, я пущу себѣ пулю въ лобъ!

— Зачѣмъ принимать такъ близко къ сердцу, дорогой мой Каддуръ? — ласково проговорилъ Норберъ Моони, стараясь его успокоить.—Докажите намъ виновность Костеруса Вагнера,—и я не желаю ничего лучшаго!

— Въ такомъ случаѣ разрѣшите мнѣ допросить его въ вашемъ присутствіи!

— Хорошо, вернемтесь въ помѣщеніе заключенныхъ!..

По дорогѣ Каддуръ объяснилъ, что заключенные могли легко пробраться ночью, въ то время, когда всѣ спали, въ склады обсерваторіи черезъ то большое отверстіе въ стѣнѣ ихъ помѣщенія, черезъ которое они получали воздухъ. Они одни могли совершить эту кражу—и они способны сдѣлать такую вещь.

— Но какая могла быть у нихъ цѣль сдѣлать это? — спросилъ Норберъ Моони.

— Ну, это мы вскорѣ увидимъ! — отвѣчалъ Каддуръ и въ этомъ, дѣйствительно, не ошибся.

На его разспросы относительно исчезновенія семи бочекъ хлорноватаго кали, Костерусъ Вагнеръ безъ всякихъ око-

ничностей признался, что виновникомъ этой покражи является онъ и его товарищи. Вѣрнѣе говоря, онъ не только признался въ этомъ, но даже прямо похвалялся своимъ поступкомъ.

— Я не сказалъ вамъ ничего объ этомъ раньше, потому что вы не спросили меня!—самодовольно говорилъ онъ.—Но если бы вмѣсто того, чтобы подкапывать и выстукивать стѣны, да искать подъ половыми плитами,—насмѣшливо продолжалъ онъ, вы бы удостоили меня вопроса, то я сразу бы сообщилъ вамъ, что васъ, повидимому, такъ сильно интересуетъ!

Такое нахальство превосходило всякія мѣры.

— А могу я спросить васъ, — воскликнулъ Норберъ Моони,—какимъ образомъ и съ какою цѣлью вы совершили это гнусное воровство или покражу?

— Какимъ образомъ?—это наша тайна, да и не все ли вамъ равно? Ну, а съ какою цѣлью,—это сейчасъ скажу. Намъ уже надоѣло сидѣть здѣсь запертыми, точно звѣри въ клѣткѣ, и работать, какъ негры, для успѣха какого-то дурацкаго предпріятія, самый успѣхъ котораго мнѣ кажется весьма сомнительнымъ. Я сталъ придумывать тогда, какой залогъ намъ бы взять въ свои руки, чтобы принудить васъ возвратить намъ свободу, — и нашелъ... Теперь я заявляю вамъ свои требованія: или вы тотчасъ же безъ промедленія возвратите намъ полную свободу и примите насъ въ число равноправныхъ участниковъ общей вашей жизни,—или же вамъ придется обойтись безъ хлорноватаго кали! Вотъ и все!...

— Довольно!—воскликнулъ Норберъ Моони,—я не хочу ничего болѣе слышать. Пойдемте, Каддуръ!

И онъ вышелъ изъ помѣщенія трехъ бывшихъ коммиссаровъ съ немного облегченнымъ сердцемъ, что хлорноватый кали все же могъ еще быть найденъ. А въ крайнемъ случаѣ всегда можно будетъ принять условія этихъ негодяевъ и такимъ образомъ купить себѣ право жизни, т. е. право дышать воздухомъ... Конечно, если бы рѣчь шла только о немъ лично, то онъ съумѣлъ бы доказать имъ, что онъ ни-

сколько не боится ихъ, или ихъ угрозъ,—но теперь, когда вопросъ дыханія и жизни являлся вопросомъ не для одного его, но и для Гертруды Керсэнъ, и для всѣхъ остальныхъ, это было дѣло совсѣмъ другого рода...

— Ну, что вы скажете на это, Каддуръ? Что бы сдѣлали вы на моемъ мѣстѣ? — спросилъ молодой астрономъ, вернувшись въ большую круглую залу, гдѣ ожидали ихъ возвращенія докторъ Бріэ и сэръ Буцефалъ.

— Я принялъ-бы предложеніе этихъ господъ, и, заставивъ ихъ вернуть себѣ хлорноватый кали, всадилъ-бы имъ каждому по двѣ, по три пули въ голову!.. — воскликнулъ карликъ.

— Такого рода вещи дѣлаются, можетъ быть, въ Суданѣ, но не здѣсь, у меня!—съ достоинствомъ возразилъ Норберъ Моони. — Какъ мнѣ жаль, бѣдный мой Каддуръ, что ваша ненависть къ этимъ людямъ на столько ослѣпляетъ васъ, что даже заставляетъ забывать самыя элементарныя чувства порядочности, даже святость даннаго слова или обѣщанія!

Каддуръ невольно опустилъ голову при этомъ справедливомъ упрекѣ, но вслѣдъ затѣмъ снова поднялъ ее.

— Въ такомъ случаѣ остается только отыскать этотъ хлорноватый кали безъ помощи этихъ негодяевъ!—проговорилъ онъ. — Согласны вы довѣрить мнѣ кирку, заступъ и электрическій фонарь?

— Охотно! возьмите все, что вамъ нужно! Я буду очень счастливъ, если ваши старанія увѣнчаются успѣхомъ.

Каддуръ мигомъ собрался, вооружился респираторомъ съ кислородомъ и всѣмъ необходимымъ и вышелъ.

— Куда это онъ отправляется?—подумалъ Норберъ Моони и его пріятели.—Неужели онъ думаетъ, что заключенные могли зарыть семь бочекъ хлорноватаго кали гдѣ-нибудь въ долинѣ? Это что-то невѣроятное!..

И всѣмъ такая мысль казалась очень странной.

Часъ спустя Каддуръ вернулся.

— Хлорноватый кали тамъ, внизу, на днѣ кратера Ретикуса!— сказалъ онъ, входя. — Эти негодяи дотащили его

въ мѣшкахъ до отверстія воздушнаго колодца и ссыпали туда... Я только что нашелъ его тамъ сваленнымъ въ кучу непосредственно подъ отверстіемъ колодца, на глубинѣ трехъ тысячъ метровъ, на днѣ кратера, ходъ въ который я открылъ и затѣмъ изслѣдовалъ тщательно во всѣхъ направленіяхъ, а найдя хлорноватый кали, снова задѣлалъ ходъ въ кратеръ...

— Да неужели это возможно, Каддуръ? Ужъ не ошиблись-ли вы?—воскликнулъ Норберъ Моони, до того осчастливленный этой развязкой дѣла, что едва смѣлъ вѣрить такому благополучію.

— А вотъ и доказательство, самое несомнѣнное доказательство того, что я не ошибаюсь, — продолжалъ карликъ, пошаривъ въ своихъ карманахъ и доставая оттуда цѣлую пригоршню хлорноватаго кали, которую онъ тутъ-же выложилъ на столъ передъ присутствующими.

Доказательство это было, дѣйствительно, подавляющее, неподлежающее никакому сомнѣнію. Всѣ принялись сердечно поздравлять Каддура съ успѣхомъ его экспедиціи, а затѣмъ стали держать совѣтъ о томъ, какъ слѣдуетъ поступить съ участниками и виновниками этого преступленія.

— Какъ ваше мнѣніе на этотъ счетъ, докторъ?—спросилъ Норберъ Моони, — какъ вы полагаете, что намъ слѣдуетъ сдѣлать съ этими негодяями, при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ мы находимся въ данное время?

— Преступленіе ихъ положительно возмутительно! — отвѣчалъ докторъ,—и не подлежитъ сомнѣнію, что на суднѣ подобнаго рода попытка была-бы наказана смертною казнью. А въ томъ критическомъ положеніи, въ какомъ мы находимся здѣсь, это преступленіе еще возмутительнѣе, еще подлѣе, чѣмъ при всякихъ иныхъ условіяхъ. Я отнюдь не жестокій и не свирѣпый человѣкъ, и мнѣ чрезвычайно тяжело произнести такого рода приговоръ, какъ этотъ, да еще разомъ надъ тремя людьми; но по совѣсти и чести долженъ сказать, что эти мерзавцы вполнѣ заслуживаютъ смертную казнь!

— А вы, серъ Буцефалъ, какого мнѣнія на этотъ счетъ?— обратился Норберъ Моони къ баронету.

— Мнѣ кажется, что въ этомъ вопросѣ не можетъ быть двухъ различныхъ мнѣній!—рѣшительно заявилъ баронетъ.— Эти негодяи постоянно грозятъ опасностью и бѣдой изъ-за угла. Мошенничество, ложь, обманъ, коварство и измѣнничество ихъ излюбленныя орудія. Отъ нихъ нельзя ожидать ни раскаянія, ни чувства признательности и благодарности— это закоренѣлые негодяи, которыхъ ничто не въ силахъ исправить. Я высказываюсь явно за ихъ смерть!

— А вы, Каддуръ?

— По моему, смерть еще слишкомъ легкое наказаніе для нихъ! Вотъ, что я могу сказать на это!—отозвался тотъ.

— А ты, Виржиль, что скажешь? — обратился Норберъ Моони къ своему вѣрному слугѣ.

— Скажу по чести, г. Моони,—отвѣтилъ добродушный алжирецъ, почесывая у себя за ухомъ, — я на своемъ вѣку видѣлъ, какъ разстрѣливали не одного бѣднягу солдата за преступленія, въ десять разъ меньшія, чѣмъ какія себѣ позволили эти люди!.. Да еще въ мирное время, замѣтьте!.. Воля ваша, а дисциплина дѣло важное! Во всемъ нуженъ порядокъ!

— Такъ какое же твое мнѣніе относительно вотъ этихъ людей?

— Разстрѣлять ихъ,—и дѣло съ концомъ!

Съ минуту Норберъ Моони оставался мрачен и задумчивъ. Очень возможно, что и онъ, поддаваясь общему мнѣнію, рѣшился бы произнести смертный приговоръ надъ тремя виновными, признавъ необходимость этой рѣшительной мѣры, какъ вдругъ Гертруда отворила дверь круглой залы и вошла въ комнату, чтобы взять со стола свою работу, забытую ею здѣсь. Это были шитыя по сукну туфли, которыя она вышивала въ свободныя минутки для отца.

— Ахъ, Боже мой!—воскликнула она входя,—я, кажется, помѣшала вамъ, господа!.. Вы собрались здѣсь вокругъ стола, точно какіе то заговорщики!

*

Дѣвушка ничего не знала о той страшной опасности, какая только что грозила всей маленькой, колоніи: все это тщательно скрыли отъ нея. Ни она, ни Фатима, ни Тиррель Смисъ не имѣли ни малѣйшаго подозрѣнія на этотъ счетъ. Ея беззаботность и добродушная довѣрчивость, ея дѣтски милое личико невольно произвели на всѣхъ присутствующихъ впечатлѣніе ласковаго, душистаго вѣтерочка, пахнувшаго весною имъ въ лицо, но никто изъ нихъ не нашелъ въ себѣ силы отвѣтить ей такой же милой шуткой или хотя бы однимъ какимъ нибудь словомъ нарушить мрачное молчаніе. Она едва замѣтно обидилась, какъ только могла обидиться на такое невнимательное къ себѣ отношеніе.

— Я положительно вижу, что я лишняя здѣсь!.. — сказала она еще разъ, поспѣшно упорхнувъ въ свою комнату, гдѣ тотчасъ же скрылась за дверью.

Это было всего одно мгновеніе, но ея приходъ оставилъ глубокое впечатлѣніе на собравшихся здѣсь, въ круглой залѣ, мужчинъ, впечатлѣніе, похожее на чувство жалости и милосердіе, какое-то христіанское снисхожденіе къ проступкамъ другого человѣка.

— Какъ, произвести тройную казнь, въ двухъ шагахъ отъ этого свѣтлаго ангела! — подумалъ Норберъ Моони, — самая мысль объ томъ кажется возмутительной!

— Господа, — сказалъ онъ, обращаясь къ присутствующимъ, — въ этомъ дѣлѣ меня останавливаетъ одно обстоятельство и я почти съ увѣренностью могу сказать, что оно остановитъ и васъ... Не смущаетъ-ли васъ мысль о томъ, что мы являемся здѣсь одновременно и судьями, и обвинителями?.. Что касается меня, то я положительно не могу отказаться отъ мысли, что для насъ смерть этихъ людей имѣетъ, кромѣ справедливаго воздаянія за ихъ проступки, еще особый, личный интересъ, такъ какъ этимъ путемъ уменьшится число потребителей кислорода, и на долю каждаго изъ насъ придется большее количество воздуха, пригоднаго для дыханія... Мнѣ кажется, что одного этого уже

вполнѣ достаточно, чтобы совершенно отнять всякую силу права у нашего приговора!

— Конечно, люди эти вполнѣ заслужили смертную казнь,— это не подлежитъ никакому сомнѣнію,—но мнѣ кажется, что мы въ данный моментъ единственные люди, которые не имѣютъ нравственнаго права примѣнить къ нимъ этотъ приговоръ и исполнить его надъ ними... А потому я предлагаю вамъ, господа, дать имъ отсрочку на нѣкоторое время, чтобы, по прибытіи на землю, предать ихъ суду безпристрастныхъ судій...

Докторъ Бріэ, баронетъ и Виржиль немедленно согласились съ рѣшеніемъ молодого ученаго, Каддуръ-же съ трудомъ могъ удержать крикъ отчаянія и бѣшенства.

— Я вполнѣ понимаю ваши чувства и до извѣстной степени раздѣляю ихъ, Каддуръ,—сказалъ Норберъ Моони, — но это дѣло рѣшенное: заключенные воспользуются еще однимъ мѣсяцемъ отсрочки. Единственно, что я могу сдѣлать для васъ, милый мой Каддуръ, такъ это поручить вамъ отнынѣ присмотръ за преступниками, совмѣстно съ Виржилемъ. Но при этомъ я строго воспрещаю вамъ всякаго рода безполезныя строгости и дурное обращеніе, даже запрещаю говорить съ ними... Вы должны будете ограничиться присмотромъ за ними и озаботиться, чтобы они отнынѣ не могли покинуть ни на минуту своей тюрьмы!

— О, что касается этого,—воскликнулъ карликъ—то я съумѣю позаботиться, чтобы этого не случилось! — и глаза его засвѣтились особымъ, торжествующимъ, злораднымъ огнемъ.—Я начну съ того, что заложу камнемъ и задѣлаю всѣ отверстія, оставивъ только такія, какія безусловно необходимы для пропуска воздуха!

— Это именно то, что я называю безполезной строгостью!— возразилъ Норберъ Моони.—Задѣлывайте на столько, на сколько это нужно, не болѣе!..

Виржиль и Каддуръ, не теряя времени, собрали всѣ нужные матеріалы, чтобы задѣлать отверстіе въ стѣнѣ помѣщенія заключенныхъ, выходившее въ круговую галлерею об-

серваторіи и служившее имъ для полученія воздуха, — настолько, чтобы это громадное отверстіе довести до размѣровъ отдушины самыхъ скромныхъ размѣровъ. Между тѣмъ заключенные съ возрастающей тревогой и безпокойствомъ слѣдили за приготовленіями, совершавшимися на ихъ глазахъ: какъ Виржиль и Каддуръ припасали все необходимое для работъ каменьщиковъ. Изъ всего этого злополучные негодяи заключили, что ихъ хотятъ замуровать живыми въ тѣсной клѣткѣ, и, повидимому, такого рода перспектива весьма мало улыбалась имъ.

— Друзья мои, дорогіе друзья мои,—взмолился вдругъ заискивающимъ, слащавымъ голосомъ Костерусъ Вагнеръ,— возможно-ли, что вы хотите замуровать насъ живыми?

— Хмъ! иронически отозвался Виржиль. — Разъ у насъ осталась всего только одна бочка хлорноватаго кали, то не вполнѣ-ли естественно, что мы желаемъ сохранить его для себя!?.

Костерусъ Вагнеръ и его сообщники многозначительно переглянулись и затѣмъ, отойдя въ сторону, стали шепотомъ совѣщаться между собой.

— Мы, вѣдь, не уничтожили этихъ семи бочекъ хлорноватого кали, снова—заговорилъ Костерусъ Вагнеръ,—и готовы даже указать вамъ, гдѣ онѣ находятся, если бы вы пожелали поступить съ нами иначе, болѣе миролюбиво.

— Въ самомъ дѣлѣ? — насмѣшливо отозвался Виржиль, продолжая разводить водою свою известку.—Ну, очень жаль, что вы такъ поздно одумались!.. Теперь выходитъ такъ, что намъ вашего хлорноватаго кали совсѣмъ не нужно.

— О, если такъ, то я очень радъ!—съ напускной развязностью воскликнулъ Костерусъ Вагнеръ, физіономія котораго, однако, далеко не выражала особой радости,—если такъ, то вы, конечно, не захотите наказать такой ужасной казнью вину, не имѣющую для васъ никакого значенія и не причиняющую вамъ никакого вреда!

— Все дѣло заключается, главнымъ образомъ, въ намѣреніи,—поучительно возразилъ Виржиль,—а я не думаю, что

ваши намѣренія по отношенію къ намъ были особенно доброжелательными!—добавилъ онъ, накладывая первый камень.

— Однако, не хотите же вы, въ самомъ дѣлѣ, заставить насъ погибнуть отъ недостатка воздуха, заставивъ задохнуться здѣсь?!—воскликнулъ Игнацій Фогель уже внѣ себя отъ страха.

— А вы что думали, когда крали нашъ воздухъ, нашъ кислородъ, которымъ всѣ мы дышемъ?!—бросилъ имъ въ отвѣтъ бывшій алжирскій стрѣлокъ,—объ этомъ вы, видно, забыли, друзья мои?

На этотъ разъ уже всѣ три негодяя, совершенно обезумѣвшіе отъ ужаса, возымѣли злополучную мысль обратиться съ мольбой о пощадѣ къ Каддуру.

— Послушайте,—обратился къ нему молящимъ голосомъ Питеръ Грифинсъ,—не заступитесь-ли вы за насъ? Конечно, мы не имѣемъ чести быть съ вами знакомыми, но все же не можемъ повѣрить, чтобы вы допустили совершить надъ нами подобное злодѣйское, неслыханное преступленіе въ вашемъ присутствіи.

— Нѣтъ?—воскликнулъ пронзительнымъ, почти нечеловѣческимъ голосомъ карликъ, который вплоть до этого момента, помня воспрещеніе Норбера Моони, не произносилъ ни слова.—Нѣтъ? Вы не допускаете мысли, чтобы я могъ дозволить совершить на моихъ глазахъ подобное гнусное преступленіе?. Однако,.. такого рода вещи дѣлаются на свѣтѣ, и вамъ объ этомъ должно быть не безъизвѣстно!.. Развѣ вы не слыхали о ребенкѣ котораго два компаньона, содержавшіе странствующій балаганъ, подъ названіемъ цирка, похитили изъ его семьи, затѣмъ замуровали въ желѣзные тиски на цѣлые пятнадцать лѣтъ, чтобы не дать ему рости и развиваться, какъ всякому нормальному человѣку, а сдѣлать изъ него урода, чудовище, посмѣшище для глупыхъ зѣвакъ!.. Вамъ никогда не расказывали такой исторіи?—мнѣ же ее когда то разсказали! И я подумалъ, что другого такого злодѣянія,—такого страшнаго преступленія, не можетъ

быть!.. Не хотите-ли, я разскажу вамъ эту страшную повѣсть, Питеръ Грифинсъ и Игнацій Фогель?.

Оба негодяя и безъ того уже были блѣдны и дрожали отъ страха, но по мѣрѣ того, какъ говорилъ Каддуръ, блѣдность ихъ становилась мертвенной, принимала какой-то желто-зеленоватый оттѣнокъ, а глаза расширились до того, что грозили, казалось, выскочить изъ орбитъ.

— Хотите-ли я разскажу вамъ, —продолжалъ Каддуръ,— какъ этого ребенка, когда онъ подросъ и пересталъ уже быть ребенкомъ, вы продали, какъ онъ двѣнадцать лѣтъ прожилъ въ Каирѣ, въ качествѣ любопытнаго, диковиннаго звѣрька, домашняго животнаго, какъ онъ потомъ бѣжалъ въ пустыню и поднялъ тамъ кровавый стягъ возстанія, и какъ, наконецъ, этотъ несчастный, жалкій ребенокъ стоитъ здѣсь передъ вами, на лунѣ, затаивъ въ своей душѣ только одно желаніе, одну завѣтную мысль, —мысль такого же отомщенія за все, чему вы были единственной причиной?!... Но нѣтъ! къ чему мнѣ вамъ это разсказывать? я вижу, что вы и сами отлично помните меня, вижу, что вы, наконецъ, узнали меня и поняли, что васъ ожидаетъ!... Да, Питеръ Грифинсъ, да, Игнацій Фогель, это я—самъ! Я, Миджи бывшій главнокомандующій мирмидоновъ султана Батавіи!... Я, тѣло котораго вы изуродовали и отдали толпѣ на поруганіе и осмѣяніе, — я, котораго вы продали хедиву... Правда, я за это послѣднее время подросъ, немного впрочемъ, на какихъ нибудь восемь сентиметровъ, и за то время, какъ вы потеряли меня изъ виду, на дѣтскомъ подбородкѣ моемъ выросла борода взрослаго мужчины... Да, но это все же я, знайте это, мерзавцы!.. И теперь вы въ моихъ рукахъ и ужъ на этотъ разъ я не выпущу васъ живыми!...

Но Каддуръ могъ бы говорить еще долго на эту тему: несчастные преступники даже не слышали его. Обезумѣвъ отъ ужаса и удивленія, пораженные этой страшной неожиданностью, они упали на колѣни и теперь съ мольбою простирали руки къ своей жертвѣ, не будучи даже въ силахъ произнести ни однаго слова мольбы о пощадѣ. Но тотъ даже

не смотрѣлъ на нихъ. Обезумѣвъ отъ дикой ярости и злобы и скрежеща зубами, какъ дикій звѣрь, онъ съ лихорадочной поспѣшностью наваливалъ камень на камень, а Виржиль молча скрѣплялъ ихъ, замазывая известкой. Вскорѣ отъ бывшаго пролома въ стѣнѣ не осталось ничего, кромѣ крошечнаго отверстія въ нѣсколько квадратныхъ дюймовъ, едва достаточнаго, чтобы ввести въ него цинковую трубу, или проводъ, благодаря которому могъ продолжаться доступъ воздуха въ помѣщеніе заключенныхъ.

XIV. Парашютъ.

Спустя четверть часа послѣ ужасной сцены, когда Каддуръ повергъ своихъ бывшихъ палачей и мучителей въ такой смертельный страхъ и ужасъ, Виржиль явился и успокоилъ ихъ, принеся пищу и питье и объявивъ, что пока все наказаніе ихъ будетъ заключаться въ томъ, что ихъ заставятъ отправиться на дно кратера Ретикуса и принести оттуда весь хлорновато-кислый кали, который они спустили туда.

Всѣ три негодяя съ такой охотой покорились этому приговору и съ такимъ усердіемъ принялись за дѣло, что, по прошествіи двѣнадцати часовъ времени, вся бѣда была уже исправлена ими. Для этого понадобилось, однако, пойти и раскрыть ходъ въ кратеръ, спуститься на дно его и, наполнивъ мѣшки кали, подымать ихъ вновь въ обсерваторію. Пришлось сдѣлать двадцать семь переходовъ, одинъ за другимъ. Когда это было сдѣлано, приступили къ дѣятельному изготовленію кислорода и одновременно съ этимъ всѣ машины начинали дѣйствовать, электрическіе аккумуляторы тоже начали дѣлать свое дѣло. И вотъ, сорокъ восемь часовъ спустя, т. е. безъ малѣйшаго промедленія или просрочки противъ разчетовъ молодого астронома, всѣ необходимыя приготовленія были окончены.—Теперь оставалось только привести въ дѣйствіе электрическіе токи,—и великое явленіе

приближенія или, вѣрнѣе, нисхожденія луны къ землѣ, должно было начаться немедленно.

За завтракомъ Норберъ Моони объявилъ всѣмъ присутствующимъ, что все уже готово, и что теперь ничто не мѣшаетъ имъ пуститься въ обратный путь, а по выходѣ изъ за стола, онъ спокойно и безъ всякихъ особыхъ церемоній, почти безъ всякаго волненія, соединилъ проводы,—и электрическій токъ началъ дѣйствовать.

— Ну, вотъ мы и въ пути!—сказалъ онъ, взглянувъ на свой хронометръ и дѣлая какія то замѣтки карандашемъ въ своей записной книжкѣ—Черезъ сто пятьдесять пять часовъ и восемь минутъ,—я не буду говорить на этотъ разъ о секундахъ,—мы прибудемъ на землю!

— На землю? Куда именно?—съ тревогой и смутной надеждой спросила Гертруда.

— Въ Суданъ! — съ торжествующимъ видомъ отвѣчалъ молодой астрономъ, счастливый тѣмъ, что можетъ порадовать этимъ отвѣтомъ Гертруду,—не даромъ же вы видите, что со вчерашняго дня меня снѣдаетъ самая лихорадочная дѣятельность, что я боюсь просрочить хотя бы одинъ часъ!.. Это потому, что въ данный моментъ земля обращена къ намъ именно этой стороной, такъ что, къ концу нашего путешествія, мы имѣемъ всѣ шансы спуститься въ пустыню Байуда... Если бы мы опоздали всего на одинъ часъ, то очутились бы на берегахъ Бенгальскаго залива, если только не въ Кохинхинѣ. Изъ этого вы видите, почему намъ было такъ важно спѣшить, чтобы въ опредѣленный день и часъ всѣ наши приготовленія были окончены, все было въ полной готовности, и ничто не могло бы задержать насъ даже на какихъ нибудь четверть часа времени!

— Если бы вы сказали мнѣ объ этомъ раньше,—воскликнула Гертруда, немного недовольная и разочарованная,—я бы попросила васъ, чтобы насъ спустили на землю въ Хартумъ!

— И я, конечно, съ величайшей готовностью исполнилъ бы ваше желаніе, если бы только могъ считать его осуще-

ствимымъ! — поспѣшилъ заявить Норберъ Моони, — но, къ сожалѣнію, въ этомъ является нѣкоторое затрудненіе, впрочемъ, довольно крупное...

— А какое именно, можно узнать?—освѣдомилась молодая дѣвушка.

— О, да, конечно! Это затрудненіе заключается въ томъ, что намъ пришлось бы ждать для этого цѣлыхъ семнадцать лѣтъ!

— Семнадцать лѣтъ!—воскликнулъ кто-то, и всѣ разсмѣялись, въ томъ числѣ и сама Гертруда.

. . . .

Между тѣмъ въ жизни обитателей обсерваторіи не произошло никакого измѣненія, все шло своимъ обычнымъ порядкомъ и ничто, казалось, не говорило—о томъ, что наши путешественники уже находятся въ пути. Можно было думать, что они все еще находились на мѣстѣ, и надо было питать ту безусловную, неограниченную вѣру къ словамъ и вычисленіямъ молодого астронома, какую питала вся маленькая колонія „изгнанниковъ земли“, чтобы убѣдить себя, что они уже находятся въ движеніи и съ каждымъ часомъ приближаются къ землѣ.

Однако, передъ отходомъ ко сну, когда путники наши подошли къ окну,—они убѣдились, что даже простымъ глазомъ можно было видѣть, что объемъ земнаго диска значительно увеличился. Дискъ земли былъ въ настоящій моментъ въ своей послѣдней четверти, такъ что судить безошибочно объ увеличеніи, помимо микроскопическихъ изслѣдованій, было трудно, но Норберъ Моони подтвердилъ впечатлѣніе своихъ товарищей по изгнанію, на основаніи научныхъ наблюденій и вычисленій.

Съ этого момента не оставалось уже никакихъ сомнѣній: лунный шаръ неудержимо стремился впередъ, вторично на встрѣчу землѣ!..

— Ну, что вы скажете про этихъ негодяевъ! Вѣдь, какой это мерзкій народъ, я просто даже сказать вамъ не могу!—бормоталъ себѣ подъ носъ Виржиль, возвратившись въ круглую залу послѣ посѣщенія заключенныхъ.

— А что такое, Виржиль? Что васъ такъ возмущаетъ?—спросила Гертруда Керсэнь, поймавшая на лету его воркотню,—Чѣмъ вы такъ недовольны?

— Да какъ же, барышня, судите сами!—отозвался Виржиль,—какъ не досадовать на этихъ господъ заключенныхъ? Что имъ ни дѣлай, какія снисхожденія ни оказывай, все не въ честь!.. Вы сами знаете, ужъ я ли не заботился объ угожденіи имъ, не осыпалъ-ли ихъ всякаго рода баловствами, по приказанію г-на Моони! Вино и пиво, и тафія, и кофе, и бисквиты, чего только мы ни давали имъ, чѣмъ только ни лакомили! Чего они ни пожелали, все было готово! И, что вы думаете, они все недовольны!.. Да, недовольны!.. Развѣ это не возмутительно?!

— Да, но, быть можетъ, они потому недовольны всѣмъ, что имъ недостаетъ одной вещи, которая, дѣйствительно, могла бы удовлетворить ихъ, свободы!—шутя замѣтила Гертруда.

— Никто и не вздумалъ бы лишить ихъ этой свободы, если бы они не устраивали заговоровъ, да измѣнъ, да предательскихъ козней противъ г-на Моони, который такъ безмѣрно добръ къ нимъ, чего они въ сущности вовсе не заслуживаютъ! И знаете-ли, чѣмъ эти люди благодарятъ его за его доброту и снисхожденіе? Тѣмъ, что упорно отказываются вѣрить, что г. Моони намѣренъ взять ихъ съ собою на землю и, несмотря на всякую очевидность, упорно держатся того убѣжденія, что онъ въ послѣдній моментъ всегда найдетъ возможность оставить ихъ на лунѣ!

— Какъ это возмутительно!—воскликнула Гертруда, —допускать подобнаго рода низкую мысль по отношенію къ г-ну Моони!.. какъ это низко! какъ недостойно!.. какіе они скверные и злые люди!

— Признаюсь, иногда у меня дѣйствительно является желаніе даже самому увѣрить ихъ въ этомъ, чтобы хотя немного наказать ихъ за неблагодарность къ г-ну Моони!—продолжалъ Виржиль.

— Ахъ, нѣтъ, не дѣлайте этого, мой добрый Виржиль,

это былъ бы слишкомъ жестоко!—воскликнула Гертруда.— Но это, право, низко и подло съ ихъ стороны не вѣрить въ благородныя чувства г. Моони, который уже столько разъ доказывалъ ихъ на дѣлѣ!

— Это все потому, что они судятъ о немъ по себѣ, барышня! Вотъ оно такъ и выходитъ, что г. Моони непремѣнно долженъ оставить ихъ здѣсь. А какъ ни говори, мерзкіе они людишки, совсѣмъ не стоющіе жить на бѣломъ свѣтѣ!

Узнавъ объ этомъ разговорѣ, Норберъ Моони счелъ своимъ долгомъ лично посѣтить заключенныхъ и увѣрить ихъ въ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ.

— До меня дошли слухи, господа,—сказалъ онъ, входя въ ихъ помѣщеніе,—что вы считаете меня способнымъ оставить васъ здѣсь, на лунѣ, безъ воздуха и пищи. Это доказываетъ только, что вы дурно судите о мнѣ и не умѣете цѣнить по достоинству ту великую жертву, какую я принесъ, въ ущербъ общему нашему благополучію, не покончивъ съ вами тогда, когда мнѣ можно только предоставить природѣ дѣйствовать за меня, въ тотъ моментъ, когда кислородъ являлся для меня столь неоцѣненнымъ сокровищемъ!... Поймите же, господа, что одинъ этотъ поступокъ мой уже ручается вамъ за будущее, являясь несомнѣннымъ доказательствомъ, опровергающимъ ваши предположенія. Помните, что я не для того даровалъ вамъ жизнь, удѣляя вамъ часть нашей пищи и воздуха, чтобы, въ концѣ концовъ, все же отдать васъ въ руки смерти, — короче и разумнѣе было бы сдѣлать это сразу,—нѣтъ, я дѣлалъ это для того, чтобы, вернувшись на землю, предать васъ въ руки правосудія. Успокойтесь-же, господа, на этотъ счетъ! Вы вернетесь въ Суданъ вмѣстѣ со мною, какъ и всѣ остальные „изгнанники земли“, очутившіеся здѣсь, на лунѣ. Я не ручаюсь вамъ, что жизнь ваша тамъ будетъ устлана розами, и что вы будете кататься тамъ, какъ сыръ въ маслѣ, но вы, во всякомъ случаѣ, вернетесь на землю!

Заключенные слушали эти слова въ мрачномъ безмолвіи,

угрюмо глядя себѣ подъ ноги, и затѣмъ въ продолженіе нѣкотораго времени, казалось, какъ будто нѣсколько успокоились. Но, согласно докладу Виржиля, вскорѣ они снова стали предаваться прежнимъ мыслямъ и приходить въ уныніе отъ грозившей имъ, по ихъ мнѣнію, ужасной участи. Теперь, однако, рѣшено было не обращать на нихъ болѣе никакого вниманія. Что можно было сдѣлать противъ того, если эти низкія души никакъ не могли вѣрить въ благородство и добрыя чувства другихъ и мѣрили всѣхъ на свой аршинъ? Къ чему было стараться побороть въ нихъ такой печальный и, повидимому, неизлѣчимый недугъ?!..

Между тѣмъ нисхожденіе луны продолжало быстро подвигаться впередъ. Оно шло уже семьдесять два часа, и съ минуты на минуту діаметръ земнаго шара увеличивался на глазахъ нашихъ путешественниковъ. Теперь земля представлялась обитателямъ обсерваторіи въ видѣ громаднѣйшаго шара свѣтлаго оттѣнка, на фонѣ котораго материки вырисовывались желтоватыми пятнами, среди морей и океановъ синевато-стальнаго цвѣта.

При этомъ круговращательное движеніе земли было настолько замѣтно, что положительно можно было видѣть даже простымъ, невооруженнымъ глазомъ различныя страны земнаго шара, появлявшіяся поочередно на восточномъ краю земнаго диска и проходившія, словно облачка, по его поверхности, чтобы исчезнуть на другомъ краю диска.

— Право, это напоминаетъ картины волшебнаго фонаря, въ которыхъ фигуры, входя съ правой стороны, исчезаютъ или скрываются въ лѣвой!—замѣтила Гертруда Керсэнь.

Дѣйствительно, это было прелестное зрѣлище. Въ телескопѣ различныя страны земнаго шара вырисовывались со всѣми подробностями; можно было совершенно ясно различать на нихъ горы, лѣса, моря, озера, а въ полярныхъ странахъ—льды и снѣга!... Иногда тоненькая, змѣйкой извивающаяся нить, не толще волоска, позволяла угадать Миссисити или Амазонку, или какая нибудь крошечная точка, точно на маленькой географической картѣ, обозначала ка-

кой нибудь большой фабричный и промышленный центръ. Особенно легко было узнать Парижъ по его мѣстоположенію и своеобразному очертанію. Отсюда онъ казался маленькой коричневой точкой, величиною съ крыло мошки.

Но вскорѣ густыя облака, скопившіяся, вѣроятно, подъ вліяніемъ усиленнаго притяженія луны, скрыли отъ глазъ любопытныхъ зрителей всѣ эти подробности. Тѣмъ не менѣе земной шаръ все же сохранялъ свой характерный, своеобразный видъ; дискъ его росъ и увеличивался по прежнему, но теперь получалъ какой то легкій воздушный видъ, какъ бы утрачивалъ свою плотную опредѣленную форму и казался окутанный хлопьями легкой бѣлой ваты.

Съ наступленіемъ сто двадцатаго часа нисхожденія луны, что составляло конецъ пятыхъ сутокъ, положеніе земли между солнцемъ и луною было уже настолько ощутительно на лунѣ, что произвело положительную, настоящую ночь, длившуюся безъ малаго полныхъ семь часовъ. Эту ночь никакъ нельзя было назвать затменіемъ, такъ какъ это отнюдь не было мгновеннымъ или временнымъ сокрытіемъ извѣстной части солнечнаго диска, а окончательнымъ, полнымъ его исчезновеніемъ за громаднымъ чернымъ щитомъ, заслонявшемъ цѣлую сторону горизонта.

Когда солнце появилось снова, то облака, окутывавшія землю, какъ бы разорвались на мгновеніе,— и въ эту то образовавшейся во внѣшнихъ покровахъ земли прорѣху, если можно такъ выразиться, Норберъ Моони ясно увидѣлъ, съ помощью своего телескопа, море, усѣянное судами; это было Средиземное море. Воды его казалось такими прозрачными, такими свѣтлыми, что ясно можно было видѣть не только острова, но даже весь рельефъ дна его, между Сициліей, Сардиніей и Тунисомъ.

Но вскорѣ густая пелена облаковъ снова окутала землю,— и видѣніе разомъ исчезло.

Срокъ нисхожденія луны къ землѣ близился къ концу. Пора было подумать и озаботиться послѣдними приготовле-

ніями для окончанія этого удивительнаго путешествія, о которомъ никто даже никогда не мечталъ.

Норберъ Моони, при содѣйствіи доктора Бріэ, Виржиля и Каддура, сталъ подымать парашютъ, который только того и ждалъ. Посреди эспланады уже около трехъ недѣль возвышались внушительныхъ размѣровъ желѣзная арматура, надежно укрѣпленная въ почвѣ пика Тэбали. Она представляла собою по внѣшнему виду классическую форму тріумфальной арки, на которой, вмѣсто фронтона, красовалась стальная полированная ось, вращавшаяся легко и свободно между двумя основательно смазанными шарнирами. Отъ этой оси спускался канатъ для подвѣшиванія парашюта, вокругъ котораго змѣйкой обвивался тоненькій электрическій проводъ, сообщавшійся съ главнымъ центральнымъ двигателемъ, регулирующимъ дѣйствіе и силу магнита.

Горизонтальный ножъ или гильотинка, укрѣпленный на высотѣ поднятой руки человѣка, былъ приспособленъ такъ, что при легкомъ нажатіи приводящей его въ движеніе пружины разомъ долженъ былъ перерѣзать начисто и канатъ, на которомъ висѣлъ парашютъ, и электрическій проводъ.

При этомъ одновременно и парашютъ отдѣлялся отъ своей арматуры или желѣзныхъ лѣсовъ, и магнетическое дѣйствіе скалы Тэбали мгновенно прекращалось. Но на этотъ разъ секретъ сложнаго механизма не былъ извѣстенъ рѣшительно никому, кромѣ самого Норбера Моони. Онъ желалъ до послѣдняго момента оставаться полнымъ господиномъ всѣхъ малѣйшихъ эволюцій этого механизма и не ввѣрять никому успѣхъ этого предпріятія, столь важнаго для всѣхъ участниковъ, не желая ничего предоставить на волю случая.

Парашютъ, состоящій изъ заранѣе заготовленныхъ полотнищъ особой шелковой ткани, хранившихся въ складахъ обсерваторіи, и собранный и сшитый подъ руководствомъ и при дѣятельномъ участіи Гертруды Керсэнъ, ея усердными помощниками, Фатимой и Виржилемъ, представлялъ собою кругъ, напоминающій споротую обтяжку зонтика, имѣвшую

въ поперечникѣ около тридцати метровъ, т. е. приблизительно 15 саженъ. Въ срединѣ онъ имѣлъ большое круглое отверстіе, куда проходили канаты, на которыхъ держался парашютъ, туго натянутый на разборный стальной остовъ и напоминавшій остовъ большого дождевого зонта. Остовъ этотъ былъ устроенъ такимъ образомъ, что могъ во всякое время, по мѣрѣ надобности, быть разобранъ по частямъ, которыя затѣмъ можно было сбросить и облегчить парашютъ, какъ только окружающій воздухъ окажется достаточно плотнымъ для поддержанія парашюта въ надлежащемъ видѣ, безъ помощи стальныхъ пружинъ.

Корзинка, подвѣшенная на шелковыхъ шнурахъ къ краямъ парашюта, состояла изъ легонькой деревянной платформы круглаго вида, имѣющей два метра въ діаметрѣ и окруженной шелковою сѣткой до высоты пояса. На этой платформочкѣ были приготовлены мѣста для одиннадцати кислородныхъ резервуаровъ крупныхъ размѣровъ, которые должны были служить одновременно и табуретами, на которыхъ могли сидѣть путешественники, и вмѣстилищами кислорода, которымъ эти путешественники должны были дышать во время пути.

Корзина со съѣстными припасами, приготовленная заботами Тирреля Смиса, и чемоданъ съ разнаго рода платьемъ и бѣльемъ на первый случай стояли посреди платформы. Тутъ же находились, довершая обстановку корзинки парашюта, барометръ-анероидъ и термометръ, а посрединѣ, надъ головами пассажировъ, болтался перекинутый вдвое и продѣтый въ блоки канатъ, на которомъ подвѣшенъ былъ парашютъ.

Раскрытый и подвѣшенный парашютъ спускался почти до уровня почвы эспланады, вися всего на разстояніи нѣсколькихъ вершковъ надъ землей и представляя изъ себя громадный маятникъ, свободно двигавшійся вокругъ стальной оси, укрѣпленной на металлическихъ лѣсахъ, какъ было уже сказано раньше.

Уже два—три часа, какъ парашютъ висѣлъ на мѣстѣ въ полной готовности, когда солнце вновь скрылось за тем-

нымъ щитомъ земного шара, и глубокая ночь низошла на ту часть эспланады, гдѣ находились въ данный моментъ наши путешественники. Это былъ совершенный, безусловно полный мракъ, если можно такъ выразиться. Не только на небѣ не виднѣлось ни малѣйшаго звѣзднаго сіянія, не сверкало ни одной блѣдной звѣздочки, но и самого неба какъ бы вовсе не существовало. Случилось это потому, что земля заслонила собою все небо отъ жителей пика Тэбали.

И ничего не было слышно, ничего не видно. Это былъ полный, черный мракъ и полная, мертвая тишина небытія.

Въ большой круглой залѣ обсерваторіи всѣ обитатели ея собрались вокругъ стола, надъ которымъ горѣла одинокая электрическая лампочка, и въ полномъ безмолвіи, съ сосредоточеннымъ выраженіемъ на лицахъ ожидали, когда Норберъ Моони подастъ имъ знакъ садиться на воздушный корабль, т. е. въ корзинку парашюта.

Сердца всѣхъ сжимались страшною, мучительной тревогой. Всѣ сознавали, что наступалъ рѣшительный моментъ, и молча, уйдя въ себя, ожидали наступленія того кризиса, который долженъ былъ окончиться или спасеніемъ, или окончательной гибелью ихъ всѣхъ.

Наконецъ, Норберъ Моони всталъ и подошелъ къ Гертрудѣ Керсэнь.

— Вотъ онъ, тотъ моментъ, о которомъ я говорилъ вамъ—сказалъ онъ совершенно спокойнымъ, ровнымъ голосомъ—Теперь ровно сто пятьдесятъ четыре съ половиною часа, какъ мы находимся въ пути. Черезъ тридцать восемь минутъ мы будемъ на землѣ! Пора садиться въ корзинку парашюта!.

— Я готова! — отвѣчала Гертруда, вставъ со своего мѣста. — Идемъ, Фатима, дитя тое!...

Обѣ онѣ взяли по респиратору и, подъ предводительствомъ доктора, который также вооружился респираторомъ, вышли на эспланаду и направились къ парашюту, гдѣ и заняли свои заранѣе намѣченныя мѣста. Устроивъ и размѣстивъ ихъ, Норберъ Моони вернулся въ круглую залу

обсерваторіи и попросилъ сера Буцефала и Тирреля Смиса также занять свои мѣста.

— Нельзя терять ни минуты, баронетъ,—говорилъ онъ съ озабоченнымъ видомъ,—я сейчасъ убѣдился, что парашютъ началъ уже замѣтно уклоняться отъ своего вертикальнаго положенія... Не позже, какъ черезъ какихъ-нибудь четверть часа, надо чтобы все рѣшительно было кончено.! Вы, серъ Буцефалъ и Тиррель Смисъ, садитесь скорѣе на свои мѣста, а я съ Виржилемъ и Каддуромъ отправимся сейчасъ во фригель, чтобы вывести нашихъ плѣнныхъ!

Баронетъ и его образцовый камердинеръ Тиррель Смисъ поспѣшили на эспланаду, между тѣмъ какъ Норберъ Моони направился въ склады, чтобы взять тамъ резервуары съ кислородомъ и респираторы, необходимые для заключенныхъ въ дорогу.

Съ электрической лампочкой въ рукѣ онъ только-что успѣлъ войти въ круговую галлерею обсерваторіи, ведущую въ склады, какъ увидѣлъ передъ собою какую-то тѣнь и почувствовалъ довольно сильный ударъ по правому плечу, такъ что невольно выронилъ лампу; почти въ тотъ же моментъ нѣсколько сильныхъ рукъ схватили его поперекъ туловища и старались повалить на полъ.

— А! вы хотѣли отправиться безъ насъ!—Но этому не бывать! знайте это!—кричалъ надъ самымъ его ухомъ задыхающійся отъ бѣшенства и злобы голосъ, въ которомъ онъ, однако, немедленно призналъ голосъ Костеруса Вагнера.

Отбиваясь изо всѣхъ силъ отъ нападающихъ, онъ видѣлъ, какъ двѣ какія то смутныя тѣни отдѣлились отъ стѣны.

— Каддуръ!.. Виржиль!... идите скорѣй ко мнѣ, помогите справиться съ нашими плѣнными: они бунтуютъ!...

Къ счастію, Виржиль и Каддуръ были тутъ же по близости; въ одну секунду они очутились подлѣ него и сразу поняли, въ чемъ дѣло. Не долго думая, они набросились па негодяевъ и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ длилась упорная борьба. Норберу Моони вскорѣ удалось справиться со своимъ противникомъ довольно ловкимъ сильнымъ дѣтиной,

котораго онъ схватилъ за горло и повалилъ на полъ, нажавъ ему колѣномъ грудь и не давая шевельнуться. Оказалось, что этотъ нападающій былъ Питеръ Грифинсъ.

Между тѣмъ Виржиль ловкимъ ударомъ кулака въ животъ повалилъ на земь Костеруса Вагнера, тогда какъ Каддуръ, со своей стороны, ухвативъ обѣими руками Игнація Фегеля, сжималъ его съ такою силой, что тотъ не могъ перевести дыханія и начиналъ хрипѣть.

— Ну, вотъ! теперь всѣ трое въ нашихъ рукахъ!—воскликнулъ Виржиль, удостовѣрившись въ полномъ пораженіи трехъ бунтовщиковъ,—канальи вы этакія!... Въ тотъ моментъ, когда пришли за вами, чтобы взять васъ съ собою, вы смѣете вести себя, какъ какіе то разбойники, нападающіе изъ за угла на безоружнаго человѣка, да еще втроемъ на одного!... Но какими судьбами дьяволъ помогъ вамъ попасть сюда, сквозь стѣны вы что-ли пролѣзли? — продолжалъ, поднявъ голову и оглядываясь кругомъ, вѣрный слуга г. Моони.

Электрическая лампочка, выбитая изъ рукъ у Норбера Мооми и валявшаяся теперь на полу, роняла свой свѣтъ какъ разъ на стѣну, отдѣлявшую круговую галлерею отъ помѣщенія заключенныхъ. При свѣтѣ ея Виржиль увидѣлъ, что камни, составлявшіе стѣну, были всѣ обиты кругомъ отъ штукатурки, такъ что достаточно было слабаго удара, чтобы они обрушились и образовали громадную брешь. Черезъ нее, очевидно, прошли заключенные злоумышленники и очутились въ круговой галлереѣ, гдѣ подкараулили приходъ Норбера Мооми.

Однако, этого дознанія было недостаточно въ данномъ случаѣ; надо было еще рѣшить, какъ быть съ этими усмиренными бунтовщиками. Если бы побѣдители имѣли при себѣ какое либо оружіе, то не подлежало сомнѣнію, что разсчеты съ ними были-бы разомъ покончены, но никто изъ троихъ не имѣлъ при себѣ рѣшительно никакого оружія, и потому они положительно не знали, что съ ними дѣлать.

— Вотъ, если вы, г. Мооми, да Каддуръ согласились попридержать вотъ этого мерзавца, я сбѣгалъ-бы за веревками,

тогда мы живо спеленаемъ ихъ и какъ нельзя лучше!— предложилъ Виржиль.

— Да, да, сдѣлай такъ!—согласился Норберъ Моони,— притащи-ка намъ своего плѣнника, мы ужъ справимся съ нимъ, а ты бѣги, да живѣе: время не терпитъ!...

Виржиль проворно схватилъ Костеруса Вагнера, котораго онъ держалъ пригвожденнымъ къ полу за шею, и полузадыхающаго волокомъ притащилъ къ тому мѣсту, гдѣ, недалеко другъ отъ друга, стояли Норберъ Моони и Каддуръ со своими плѣнными. Не выпуская ихъ изъ своихъ рукъ, они ловко сумѣли придержать и третьяго.

— Захвати съ собою фонарь, Виржиль! — Да, главное спѣши: каждая минута дорога! — крикнулъ ему во слѣдъ Моони.

Виржиль немедленно повиновался и мигомъ скрылся въ складахъ обсерваторіи. Едва успѣлъ онъ выйдти, какъ три злоумышленника тотчасъ-же сдѣлали попытку освободиться, надѣясь, что имъ втроемъ удастся какъ нибудь осилить двоихъ. Но они ошиблись въ разсчетѣ: Каддуръ одинъ могъ бы сдержать ихъ всѣхъ троихъ, а вдвоемъ съ Норберомъ, отличавшемся также недюжинною силой, ужъ и подавно, а потому и попытка отставныхъ коммиссаровъ не увѣнчалась успѣхомъ.

— Еще одно подобное движеніе,—и я притяну посильнѣе!—съ злобнымъ хохотомъ крикнулъ карликъ, унимая своихъ плѣнныхъ и сжимая въ каждой рукѣ своей шею одного изъ своихъ враговъ.

Жестъ его былъ такъ вразумителенъ, а доводъ такъ убѣдителенъ, что послѣ того никто не посмѣлъ уже шевельнуться.

Минуту спустя Виржиль вернулся съ цѣлой связкой крѣпкихъ веревокъ. Съ помощью своего огромнаго перочиннаго ножа проворный малый отхватилъ нѣсколько длинныхъ концовъ веревки,—и въ какихъ нибудь пять минутъ всѣ три злоумышленника были связаны по рукамъ и по ногамъ, точно нѣмецкія сосиски, и положены вдоль стѣны.

Несчастные не издавали ни жалобы, ни стона; они такъ были удручены постигшею ихъ неудачей, что теперь не смѣли уже болѣе питать ни малѣйшей надежды на помилованіе.

— Ну, а теперь за респираторами и живѣе!—крикнулъ Норберъ Моони,—мы привяжемъ ихъ имъ на грудь, чтобы резервуары не помѣшали намъ ухватить ихъ за руки и за ноги и такимъ образомъ потащимъ на парашютъ!—добавилъ онъ.

— Какъ! — воскликнулъ изумленный Каддуръ, положительно недоумѣвая и не вѣря своимъ ушамъ,—неужели вы еще думаете увезти ихъ съ собою, даже послѣ того, что они попытались сейчасъ сдѣлать?!... Нѣтъ, это по истинѣ невозможно!...

— Почему-же? Вѣдь, то, что они сдѣлали сейчасъ, ни мало не измѣняетъ самаго дѣла,—спокойно отвѣчалъ молодой астрономъ,—и даже, по моему убѣжденію, не увеличиваетъ мѣры ихъ злодѣяній и преступленій. Они должны быть преданы настоящему суду и наказаны по существующимъ законамъ той страны, гдѣ будутъ судиться. Я далъ себѣ слово, что міръ узнаетъ о всемъ томъ, что эти люди сдѣлали преступнаго, и что поведеніе ихъ предано будетъ гласности,—и сдержу свое слово!.... Ну же, Виржиль, тащи сюда скорѣе респираторы: надо покончить съ этимъ сейчасъ-же, время уходитъ!

Бывшій алжирскій стрѣлокъ по военному безпрекословно повиновался, какъ командѣ, приказанію своего господина, но Каддуръ не сдавался.

— Нѣтъ, это невозможно!—восклицалъ онъ,—я не могу повѣрить, что вы, имѣя подъ руками такое удобное и вполнѣ честное средство воздать по заслугамъ этимъ негодяямъ, имѣя въ своемъ распоряженіи заслуженное и естественное наказаніе, еще станете утруждать себя и другихъ перевозкою этихъ господъ на землю для того только, чтобы предать ихъ тамъ въ руки человѣческаго правосудія, когда само небесное правосудіе готово произнести надъ ними свой

пригозоръ и покарать ихъ, помимо всякаго участія вашего или чьего либо!... Нѣтъ, вы оставите ихъ здѣсь!... Развѣ они уже одной этой послѣдней предательской попыткой не утратили всякаго права на снисхожденіе и помилованіе?... Неужели вы думаете, что они увезли-бы васъ съ собою, если бы вы были въ ихъ рукахъ?... Какъ не такъ!.. А, вѣдь, еще немного,—и это бы случилось!...

— Я не намѣренъ согласовать свое поведеніе съ поведеніемъ этихъ недостойныхъ людей!—холодно возразилъ на это Норберъ Моони. — Прошу васъ, Каддуръ, ни слова болѣе объ этомъ!... Мы увеземъ этихъ людей съ собой: я такъ рѣшилъ, и такъ оно будетъ! Это ужасные негодяи, такіе негодяи, какихъ еще не носила на себѣ земля; это— самыя подлыя, самыя низкія душонки... тѣмъ не менѣе я не хочу, чтобы про меня когда нибудь могли сказать, что я по своей волѣ, по собственному своему произвольному рѣшенію, осудилъ ихъ на такую ужаснѣйшую пытку, какъ изгнаніе на луну съ неизбѣжною смертью отъ недостатка воздуха въ результатѣ!...

— Нѣтъ, нѣтъ! Я никакъ не могу допустить этого! Теперь они уже не могутъ повредить намъ, и потому бояться и опасаться ихъ намъ нечего... а оставить ихъ здѣсь значило было снизойти до ихъ собственнаго уровня.

Въ этотъ моментъ вернулся Виржиль съ респираторами. Онъ проворно привязалъ каждому изъ негодяевъ по резервуару съ кислородомъ на грудь и надѣлъ имъ респираторы съ полумасками на лицо.

— Ну, ладно! Этого впередъ!—сказалъ Норберъ Моони, указывая на Питера Грифинса.

Виржиль подхватилъ его за плечи, но карликъ не шевелился съ мѣста.

— Ну, въ такомъ случаѣ, если Каддуръ не хочетъ помочь намъ, то мы съ тобой вынесемъ его сами!—сказалъ Норберъ Моони, нагибаясь, чтобы поднять связаннаго Питера Грифинса за ноги.

Но карликъ проворно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и рѣшительно загородилъ собою дверь.

— Люди эти не выйдутъ отсюда!—проговорилъ онъ глухимъ, но рѣшительнымъ, почти властнымъ голосомъ, — я этого не хочу! и не допущу...

— Каддуръ! Да въ умѣ ли вы?.. крикнулъ Норберъ Моони.—Я—здѣсь хозяинъ и говорю вамъ, что мы вынесимъ ихъ отсюда, этихъ людей!

— Нѣтъ!—рѣшительно возразилъ Каддуръ—пока я живъ, вы не сдѣлаете этого!...

— Что-же, вы силой думаете воспрепятствовать этому?

— Да, и силой, если будетъ нужно!

— Каддуръ, отъ васъ-то я не ожидалъ такого явнаго сопротивленія моей волѣ!.. Вы забываете, кто мы съ вами, забываете, что вы обѣщали мнѣ безусловную преданность!.. Право, мнѣ тяжело напоминать вамъ о всемъ этомъ, но вы въ данный моментъ нарушаете не только всѣ свои обѣщанія, но и всѣ свои обязательства по отношенію ко мнѣ!..

Слова эти, повидимому, тронули карлика до глубины души; слезы выступили у него на глазахъ, по всему было видно, что онъ сильно взволнованъ, но тѣмъ не менѣе онъ не трогался съ мѣста и стоялъ, какъ вкопанный, въ дверяхъ, преграждая собою путь.

Полагая, что причиной этого упорства являлся ложный стыдъ со стороны Каддура, Норберъ, не говоря ни слова, далъ понять знакомъ Виржилю, чтобы тотъ опять подхватилъ подъ руки Питера Грифинса, а самъ подхватилъ его за ноги, желая все таки вынести на эспланаду къ парашюту, но карликъ загораживалъ имъ дорогу и не соглашался пропустить.

— Вы не повѣрите, насколько мнѣ тяжело и больно казаться въ вашихъ глазахъ неблагодарнымъ и непокорнымъ, г. Моони,—промолвилъ онъ искреннимъ, прочувствованнымъ голосомъ, въ которомъ слышалось непритворное огорченіе.— Но и я рѣшилъ: пока я живъ, эти люди не выйдутъ отсюда ни живыми, ни мертвыми, и рѣшеніе это безво-

воротно и непреклонно!.. Судъ надъ ними принадлежитъ мнѣ по праву, и права этого не уступлю никакому другому суду!

Между тѣмъ остальные путешественники, размѣстившіеся въ корзинкѣ парашюта, видя, что товарищи ихъ такъ долго не являются, начинали уже терять терпѣніе и даже тревожиться столь продолжительнымъ отсутствіемъ Норбера Моони. Вдругъ изъ галлереи телескоповъ донесся голосъ доктора Бріэ.

— Гдѣ же вы запропали, Моони? Идете вы или нѣтъ? Пора уже бросить ваши прогулки съ фонарями: некогда больше валандаться, нашъ парашютъ находится уже подъ угломъ 25% къ поверхности луны!..

Норберъ Моони поспѣшно досталъ свой хронометръ и былъ ужасно удивленъ тѣмъ, какъ много времени уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ вернулся въ обсерваторію.

— У насъ остается всего только еще семь минутъ времени,—проговорилъ онъ,—Каддуръ, именемъ всего, что для васъ можетъ быть свято, прошу васъ, повинуйтесь мнѣ и дайте дорогу, не заставляйте насъ прибѣгать къ насилію!.. Поймите, что вы всѣхъ насъ ставите на край гибели!.. Поймите, что не только минута, но каждая секунда теперь дорога!.. Еще немного,—и уже будетъ поздно! Тогда ничто уже не въ силахъ будетъ спасти насъ!

Но карликъ продолжалъ неподвижно стоять въ дверяхъ, скрестивъ на груди руки, съ самымъ рѣшительнымъ и непреклоннымъ видомъ.

— Идите, г. Моони, я васъ не задерживаю, но эти люди останутся здѣсь!—упрямо твердилъ онъ.

XV. Съ луны на землю.

— Неужели мнѣ придется пустить вамъ пулю въ лобъ, чтобы принудить къ повиновенію?!—воскликнулъ Норберъ Моони, выведенный, наконецъ, изъ терпѣнія упорствомъ

карлика. И онъ кинулся къ двери, чтобы принести изъ залы какое нибудь оружіе.

Каддуръ почтительно посторонился и далъ ему дорогу.

Норберъ Моони вбѣжалъ въ залу, пошарилъ на столахъ, но ничего не нашелъ подъ рукою въ темнотѣ, между тѣмъ въ окно, при свѣтѣ электрическаго фонаря, висѣвшаго подъ аркой лѣсовъ, могъ провѣрить, въ какомъ положеніи находился парашютъ. Перемѣна, происшедшая въ его положеніи, была очень замѣтная, можно сказать поразительная.

Уже въ данный моментъ парашютъ находился по отношенію къ поверхности луны подъ угломъ не въ двадцать пять, какъ говорилъ докторъ Бріэ, а въ тридцать пять градусовъ, по меньшей мѣрѣ. По отношенію къ вертикали, которую представлялъ собою парашютъ, эспланада пика Тэбали являлась уже теперь почти отвѣсной скалой. Еще какихъ нибудь нѣсколько минутъ,—и уголъ, образуемой этимъ громаднымъ навѣсомъ, какимъ являлся, въ сущности, парашютъ, и эспланадой, долженъ былъ стать прямымъ угломъ!

Именно этотъ-то моментъ и былъ избранъ Норберомъ Моони въ виду серьезныхъ соображеній, чтобы перерѣзать канатъ и прервать электрическій токъ.

Съ перваго взгляда молодому ученому стало ясно, что мѣшкать долѣе не только опасно, но положительно невозможно.

— Виржиль!.. докторъ!.. крикнулъ онъ, снова вбѣгая въ круговую галлерею, — нельзя терять ни минуты!.. Берите каждый по одному изъ этихъ людей, взвалимъ ихъ себѣ на спину, и бѣгомъ къ парашюту!..

— Люди эти не выйдутъ отсюда!—повторилъ Каддуръ все тѣмъ-же твердымъ, почти властнымъ голосомъ, преграждая путь къ выходу и снова загораживая собою дверь.

Виржиль, доведенный до послѣдней степени отчаянія этимъ невѣроятнымъ упорствомъ Каддура, кинулся было на него съ намѣреніемъ повалить на землю и открыть путь своему господину, убравъ его съ дороги, но на этотъ разъ, несмотря на свою необычайную силу, ему не только не удалось

повалить карлика, но даже и сдвинуть съ мѣста или хотя бы только обхватить его руками, потому что Каддуръ успѣлъ схватить его за обѣ руки и сдерживалъ его, повидимому, безъ малѣйшаго усилія.

Борьба эта не могла продолжаться долѣе. Норберъ Моони понялъ, наконецъ, что здѣсь нельзя было ничего подѣлать. Съ секунды на секунду стрѣлка его хронометра приближалась къ рѣшающему общую участь моменту. Нельзя было медлить ни одной секунды.

— Что дѣлать!.. сказалъ онъ. Надо уступить... Мы не имѣемъ права пожертвовать жизнью всѣхъ, а въ особенности жизнью мадемуазель Керсэнь, ради этихъ людей... живо, къ парашюту!.. Но знайте, Каддуръ, что то, что вы дѣлаете, низко, не достойно порядочнаго человѣка!.. И я никогда не прощу вамъ этого!..

Увѣренный въ томъ, что противники его теперь уже рѣшительно отказались отъ мысли увести съ собою злоумышленниковъ, тѣмъ болѣе, что они даже не имѣли болѣе времени на то, Каддуръ отошелъ отъ дверей и далъ дорогу Виржилю.

— Скорѣй,—скорѣй къ парашюту!—закричалъ Норберъ Моони, показывая дорогу остальнымъ,—слѣдуйте за мною, господа!—Еще секунда,—и уже будетъ поздно!..

— Выбѣжавъ изъ дверей обсерваторіи на эспланаду, Норберъ Моони обернулся назадъ и вдругъ замѣтилъ, что Каддуръ не слѣдуетъ за остальными, тогда онъ бѣгомъ вернулся назадъ, чтобы позвать его. Но дверь круговой галлереи оказалась запертою на ключь.

— Каддуръ! Каддуръ!—кричалъ онъ, какъ только могъ громче, стараясь взломать дверь,—идите же! Идите скорѣе; у насъ не остается ни секунды болѣе!..

Отвѣта не было. Ждать долѣе не было никакой возможности: стрѣлка хронометра подтверждала это, каждымъ своимъ вздрагиваніемъ.

— Каддуръ! Каддуръ!—крикнулъ еще разъ молодой ученый голосомъ, полнымъ смертельнаго отчаянія.—Идите!.. я

прощу васъ, только идите!.. я все забылъ!.. я ничего не помню, но только, Бога ради, идите!..

Опять никакого отвѣта. Онъ подождалъ секунду—ни звука.

— Мы отчаливаемъ!,—крикнулъ онъ еще разъ и съ томительнымъ предчувствіемъ чего страшнаго, неумолимаго, какъ сама судьба и грознаго, какъ-то рокъ, молодой астрономъ кинулся къ эспланадѣ съ тяжелымъ мучительнымъ чувствомъ въ душѣ...

И было уже пора. Парашютъ, незамѣтно вращаясь вокругъ своей оси, находился теперь по отношенію къ эспланадѣ уже подъ такимъ угломъ, что для того, чтобы вскочить въ корзинку, Норберу Моони пришлось съ проворствомъ и ловкостью обезьяны взлѣсть на желѣзныя подпоры и затѣмъ опуститься въ парашютъ по канатамъ. Едва коснувшись ногами пола корзинки, онъ взглянулъ еще разъ на свой хронометръ. Рѣшительный моментъ наступилъ!.. Еще сто двадцать секундъ времени,—и если наши путешественники не успѣютъ за это время очутиться въ пространствѣ и, отдѣлившись отъ луны, вернуть ей полную свободу, прервавъ электрическій токъ, устанавливавшій дѣйствіе пика. Тэбали въ качествѣ магнита, то между луной и землей должно будетъ произойти такое страшное столкновеніе, при которомъ несчастный парашютъ неминуемо долженъ быть раздавленъ сжатымъ воздухомъ... Съ щемящемъ сердце чувствомъ Норберъ Моони протянулъ руку къ пружинѣ, приводящей въ дѣйствіе гильотинку. Въ этотъ моментъ на порогѣ обсерваторіи показался Каддуръ. Онъ держалъ высоко надъ головою электрическій фонарь и освѣщалъ имъ эспланаду, стараясь разглядѣть, что дѣлается съ парашютомъ.

— Идите!.. Идите!.. —казалось, говорили ему всѣ,—всѣ руки разомъ протянулись къ нему отчаяннымъ, призывнымъ жестомъ.

Но Каддуръ грустно покачалъ головою въ знакъ отрицанія и сталъ махать имъ платкомъ, какъ бы говоря этимъ вѣчное безмолвное „прости“!

— Что дѣлать!—мысленно вздохнулъ Норберъ Моони,— жребій брошенъ! Видно, Богу такъ было угодно, я не въ правѣ промедлить ни одной секунды!..

И онъ нажалъ пружину гильотинки. Разомъ, даже почти безъ сотрясенія, парашютъ отдѣлился отъ своей оси и упалъ, подобно зрѣлому плоду, въ пространство.

Почти въ тотъ же моментъ и прежде даже, чѣмъ наши путешественники успѣли понять, въ чемъ дѣло и что вокругъ нихъ происходитъ, обсерваторія, эспланада и самый пикъ Тэбали,—все разомъ скрылось у нихъ изъ глазъ, потонувъ въ безпросвѣтномъ мракѣ. Луна разомъ вернулась къ своему обычному пути, внезапнымъ прекращеніемъ дѣйствія магнита, который своею силою неудержимо привлекалъ ее къ землѣ. Только глухой гулъ и отдаленные раскаты, доносившіеся до нашихъ путниковъ изъ глубины пространства, свидѣтельствовали о томъ, что это внезапное разлученіе луны съ землею не обошлись безъ катастрофы. Огни, напоминавшіе свѣтъ и блескъ молніи, временами вздрагивали въ облакахъ, клубившихся подъ луною, и тотчасъ же угасали.

Между тѣмъ парашютъ, поддаваясь силѣ притяженія крупнѣйшей и тяжелѣйшей изъ двухъ планетъ, неудержимо спускался къ землѣ. Онъ падалъ до того быстро, что барометръ—анероидъ поднимался на цѣлыхъ два градуса въ секунду... А между тѣмъ находящимся въ корзинкѣ парашюта казалось, что онъ по прежнему остается неподвиженъ. Ни малѣйшее колебаніе воздуха, ни едва примѣтное содраганіе парашюта не говорили нашимъ путешественникамъ о быстротѣ и силѣ этого паденія или полета.

Только полъ корзинки, круглая деревянная платформочка, нагрѣвавшаяся отъ быстраго движенія, свидѣтельствовала объ этомъ замѣтно повышающейся температурой. Сначала Норберъ Моони не считалъ нужнымъ умѣрить эту чрезвычайную быстроту паденія, убѣжденный, что чѣмъ скорѣе они выйдутъ изъ верхнихъ слоевъ земной атмосферы, тѣмъ лучше. По его разсчетамъ, они разстались съ луною на высотѣ

9.000 метровъ надъ уровнемъ моря. Когда стрѣлка барометра стала указывать высоту 4.500 метровъ, то полагая не безъ основанія, что теперь атмосфера, окружающая ихъ, уже пригодна для дыханія, онъ рѣшился привести въ дѣйствіе пружины, посредствомъ которыхъ совершалась разборка металлическаго остова парашюта и тогда нѣкоторыя отдѣльныя части его могли быть выкинуты за бортъ, вслѣдствіе чего самый парашютъ облегчался отъ части своего груза.

— Ну-ка, Виржиль!—проговорилъ Норберъ Моони, снимая свой респираторъ,—давай сбрасывать лишній грузъ, и живо!

Всѣ, къ великому своему удовольствію, услышали эти слова молодаго астронома и стали отвязывать одну за другой составныя части остова парашюта и сбрасывать ихъ за бортъ. Падая несравненно быстрѣе, чѣмъ парашютъ, поддерживаемый своимъ сильно раздутымъ шелковымъ парусомъ, въ видѣ зонтика, эти металлическіе предметы быстро и безслѣдно пропадали въ пространствѣ.

— Господа, еще нѣсколько минутъ, — и мы будемъ на землѣ!—заявилъ Норберъ Моони, когда разборка остова парашюта была окончена.—Конечно, мы прибыли-бы на землю еще скорѣе, если бы не разобрали и не выкинули металлическихъ частей нашего парашюта, но дѣло не въ томъ, чтобы спуститься скорѣй, а въ томъ, чтобъ спуститься возможно осторожнѣе!

Видя, что молодой ученый свободно обходится безъ респиратора и кислороднаго резервуара, всѣ остальные также послѣдовали его примѣру и сняли респираторы, считая ихъ уже безполезными теперь.

Но, странное дѣло, никто изъ собравшихся въ корзинкѣ парашюта людей не думалъ даже радоваться и поздравлять другаго съ близкимъ окончаніемъ этого опаснаго и страшнаго путешествія. Вѣроятно, тяжелое, удручающее впечатлѣніе послѣднихъ минутъ разставанія съ луной не успѣло еще разсѣяться и все еще лежало камнемъ на сердцѣ у всѣхъ. Кромѣ того, мертвая, давящая тишина и глубокій мракъ, въ

которомъ они совершали теперь свое послѣднее путешествіе, также не мало вліяли на душевное настроеніе путешественниковъ, весьма близкое къ оцѣпенѣнію.

Чувство, или состояніе это, усиливалось въ нихъ по мѣрѣ того, какъ окружающій мракъ сгущался. Наконецъ, ко всему прочему присоединилось еще крайне непріятное ощущеніе сырости и непріятнаго, пронизывающаго холода: очевидно, они вступали теперь въ полосу облаковъ.

Густой туманъ окружалъ ихъ со всѣхъ сторонъ, такъ что на разстояніи уже одного аршина путешественники не только не узнавали одинъ другого, но не могли ничего различать, не смотря даже на электрическій фонарь, самый свѣтъ котораго заволакивался какимъ-то густымъ бѣлымъ облакомъ.

Норберъ Моони попытался было воздѣйствовать противъ этого всеобщаго удрученнаго состоянія и страннаго чувства апатіи, которыя онъ не безъ основанія считалъ не только не желательными, но даже безусловно опасными для всѣхъ, и потому, сдѣлавъ надъ собою усиліе, заговорилъ.

— Вотъ, господа, всего еще нѣсколько минутъ, — громкимъ, почти веселымъ голосомъ сказалъ онъ,—и мы очутимся на землѣ. Надѣюсь, это совершится сравнительно медленно но возможно, конечно, что первое прикосновеніе наше къ землѣ будетъ сопровождаться довольно сильнымъ толчкомъ. Чтобы ослабить силу этого толчка, намъ слѣдуетъ прежде всего выбросить за бортъ всѣ безполезные предметы, какіе только найдутся у насъ здѣсь, начиная съ кислородныхъ резервуаровъ и респираторовъ, на что они намъ теперь?... Затѣмъ предупреждаю васъ, друзья мои, что когда настанетъ рѣшительный моментъ, о которомъ я своевременно предупрежу васъ, надо уцѣпиться руками за кругъ верхнихъ частей сѣтки которая замѣняетъ стѣнки нашей корзинки, и повиснуть на рукахъ... Какъ вы полагаете, господа, съумѣете вы удержаться на рукахъ въ теченіе нѣсколькихъ секундъ всего, хватитъ у васъ на это силы?—спросилъ онъ, обращаясь прямо къ Гертрудѣ Керсэнъ, которая, положивъ голову на плечо

доктора Бріэ и обхвативъ руками шею Фатимы, казалась особенно обезкураженной и удрученной.

— Да, думаю, что могу,—отвѣчала она.—Но я положительно не могу не думать объ этихъ несчастныхъ, которыхъ мы оставили тамъ... Мысль о нихъ положительно мучаетъ... Возможноли, что мы въ самомъ дѣлѣ оставили ихъ тамъ?.. Что они теперь думаютъ о насъ?... Что съ ними будетъ тамъ?... несчастные!... Участь ихъ должна быть ужасна!... И къ тому они такъ ненавидятъ другъ друга!...

— Я сдѣлалъ все, не только возможное но даже и невозможное, чтобы увезти ихъ съ собою,—проговорилъ Норберъ Моони, желая оправдаться въ глазахъ Гертруды,—но всѣ мои усилія разбились о непреклонную волю и упорство этого несчастнаго Каддура. Не могъ же я пожертвовать жизнью всѣхъ насъ и вашей въ томъ числѣ, и кромѣ того еще, быть можетъ, жизнью всѣхъ обитателей тѣхъ земныхъ странъ, съ которыми должно было произойти столкновеніе луны или, вѣрнѣе, на которыя должна была обрушиться луна, придавивъ своей тяжестью все живущее? Я не счелъ себя въ правѣ сдѣлать это. Вѣдь еще двѣ минуты,—и катастрофа, ничѣмъ не поправимая катастрофа, совершилась-бы на нашихъ глазахъ, и никто въ мірѣ не въ силахъ былъ-бы помѣшать этому! Теперь вы сами видите, что я не могъ сдѣлать иначе, какъ уступить силѣ необходимости и предоставить этихъ людей своей участи!.

— Но скажите, чего-же собственно хотѣлъ Каддуръ?

— Онъ требовалъ, чтобы мы оставили его враговъ на лунѣ, и дошелъ до того, что силою воспротивился моему желанію увезти ихъ съ собою. Конечно, мы все время упорно отвергали такое безчеловѣчное требованіе, при чемъ я никакъ не могъ ожидать, чтобы этотъ бѣдный карликъ былъ способенъ проявить такое невѣроятное упорство, такую непреклонную волю и дойти даже до того, чтобы пожертвовать своею собственною жизнью ради чувства мести! Знай я это раньше, я, конечно, съумѣлъ-бы предотвратить эти печальныя послѣдствія, принявъ нѣкоторыя мѣры пре-

достороҗности. Но вы сами знаете, какъ искусно Каддуръ въ послѣдніе дни избѣгалъ всякаго малѣйшаго упоминанія о заключенныхъ. Онъ даже систематически небрежно слѣдилъ за ними въ эти дни, какъ бы опасаясь своей обычной чрезмѣрной бдительностью и строгостью навлечь наше вниманіе на свое чувство ненависти. Въ результатѣ этой то небрежности и явилась въ послѣдній, рѣшительный моментъ отчаянная попытка этихъ негодяевъ силой овладѣть парашютомъ и забрать меня въ свои руки, и эта рукопашная схватка, въ которой мы съ Виржилемъ чуть было не стали жертвами, и которая имѣла бы самыя печальныя послѣдствія для всѣхъ безъ исключенія, какъ сами вы понимаете.

Тѣмъ временемъ физіономія луны проявляла себя все болѣе и болѣе явственными признаками. Вдругъ поднялся довольно сильный вѣтеръ, причинявшій парашюту весьма чувствительные толчки то въ ту, то въ другую сторону и преимущественно относившій его къ востоку. Кругомъ все еще царилъ глубокій мракъ; но внимательно вглядываясь въ пространство, находившееся подъ ними, Норберъ Моони начиналъ смутно различать силуэты деревьевъ, возвышенности почвы, и т. п. Вдругъ закапалъ мелкій частый дождичекъ, но путешественники нисколько не страдали отъ него, такъ какъ находились подъ прикрытіемъ парашюта. Мало того, это новое явленіе было встрѣчено ими даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, какъ нѣчто совершенно подлунное, нѣчто такое, отъ чего всѣ они давно успѣли отвыкнуть.

Вскорѣ они замѣтили, что вѣтеръ началъ стихать мало по малу, вѣроятно, подъ вліяніемъ дождя, какъ это часто бываетъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ дождь сдѣлалъ шелковую ткань парашюта болѣе тяжелой, и Норберъ Моони вдругъ замѣтилъ, что они стали спускаться что-то ужъ слишкомъ быстро и стремительно.

— Слушайте, господа!—крикнулъ онъ, — пусть каждый изъ васъ выброситъ за бортъ свой респираторъ и кислородный резервуаръ!

Приказаніе его было немедленно и дружно исполнено

всѣми присутствующими, и паденіе парашюта замѣтно замедлилось.

Почти вслѣдъ за тѣмъ до путешественниковъ стали доноситься порывами горячее дыханіе вѣтра съ цѣлыми тучами мелкаго раскаленнаго песку, благодаря чему парашютъ въ нѣсколько секундъ успѣлъ окончательно просохнуть, и его стало относить къ западу. Но тутъ корзинка парашюта за что-то задѣла, и затѣмъ, медленно миновавъ это препятствіе, поплыла дальше, сопровождаемая характернымъ шелестомъ.

— Это—дерево!... Господа, мы сейчасъ задѣли за дерево!—воскликнулъ Норберъ Моони,—всѣ—въ кружокъ! хватайтесь руками за веревки и старайтесь повиснуть на рукахъ... уберите ноги, какъ можно выше. Намъ не грозитъ ни малѣйшей опасности, если только мы съумѣемъ уберечь себя въ моментъ перваго толчка!... Не надо ли вамъ помочь, мадемуазель Керсэнь?.. А вамъ, докторъ?..

Довольно сильный толчекъ прервалъ его на полусловѣ. Парашютъ коснулся земли. Всѣ путешественники удержались на ногахъ, благодаря своевременному предупрежденію и указаніямъ Норбера Моони, только Тиррель Смисъ полетѣлъ черезъ голову за бортъ корзинки, вслѣдствіе чего парашютъ на мгновеніе слегка подпрыгнулъ.

— Берегитесь второго толчка, господа!—крикнулъ снова Норберъ. — Это предпослѣдній!.. держитесь крѣпче!... Я сейчасъ соскочу съ причаломъ... Но вы, господа, не трогайтесь со своихъ мѣстъ!

Вслѣдъ за этимъ онъ исполнилъ то, что сказалъ; въ тотъ-же самый моментъ парашютъ подскочилъ еще разъ и въ третій разъ коснулся земли, но теперь его удержалъ на мѣстѣ Норберъ, державшій причалъ и кинувшійся плашмя на землю. Почти въ тотъ же моментъ шелковый парусъ парашюта грузно опустился и накрылъ его своими тяжелыми складками.

— Выпутывайтесь, выбирайтесь изъ подъ парашюта, господа!... Смѣло становитесь на ноги!—крикнулъ онъ глухимъ голосомъ.—Мы на землѣ!

XVI. На берегахъ Нила.

Послѣ довольно продолжительныхъ усилій выбраться изъ-подъ громадной пелены парашюта, наши путешественники стали, наконецъ, одинъ за другимъ, выбираться на открытый воздухъ, не безъ труда выползая изъ-подъ тяжелаго покрова, накрывшаго ихъ всѣхъ. Къ счастію, никто особенно не пострадалъ. Только у одного оказался легкій вывихъ, у другого зашиблена рука, или плечо помято, Гертруда Керсэнь получила порядочную ссадину на рукѣ, Фатима подставила себѣ рогъ на лбу, серъ Буцефалъ былъ слегка ошеломленъ.

Всѣ испытывали странное, болѣзненно ноющее ощущеніе во всѣхъ членахъ, какую-то тяжесть и сильное утомленіе, какъ будто члены ихъ были разбиты параличемъ или точно къ ногамъ ихъ были привязаны тяжести по нѣсколько пудовъ къ каждой. Но на ряду съ этимъ непріятнымъ и тяжелымъ физическимъ ощущеніемъ, каждый испытывалъ въ душѣ отрадное чувство, вызываемое сознаніемъ, что они снова находятся на землѣ, что у нихъ подъ ногами родная почва. Фатима, во всемъ страстная и экспансивная, выразила со свойственною ей наивностью свое чувство горячей привязанности къ „матери землѣ“: она порывисто бросилась на колѣни и, припавъ лицомъ къ землѣ, буквально поцѣловала ее, воскликнувъ:

— Мать моя, родная земля!..

И это была, дѣйствительно, единственная мать ея, которую она знала, такъ какъ та женщина, которую она когда-то, въ раннемъ дѣтствѣ, звала матерью, давно почила вѣчнымъ сномъ, и память о ней сохранилась въ душѣ Фатимы, какъ смутное воспоминаніе о чемъ то очень далекомъ...

Что же касается доктора, то онъ былъ на столько-же ошеломленъ, какъ и серъ Буцефалъ, но профессіональный

инстинктъ его никогда ни на минуту не покидалъ его, даже и въ полуснѣ, или во снѣ. А потому, первымъ его движеніемъ, какъ только онъ сколько нибудь очнулся, было розыскать свои инструменты и затѣмъ пощупать первый попавшійся ему подъ руку пульсъ.

— Прекрасный пульсъ!.. — автоматически промолвилъ онъ.—Ровный и полный!—двадцать четыре пульсаціи... прекрасно, какъ нельзя лучше,—продолжалъ докторъ,—и впредь слѣдуетъ придерживаться простого здороваго режима...

— Эй, докторъ!—смѣясь окрикнулъ его Норберъ Моони,—вотъ ужъ по истинѣ можно сказать, что вы упали съ луны!

— Упалъ съ луны!.. хмъ, да, дѣйствительно!.. да, оно, кажется, вѣдь, такъ и есть. Но скажи-же мнѣ, ради Бога, гдѣ же мы находимся въ данный моментъ?

— Я, конечно, охотно сообщилъ бы вамъ это, если бы только зналъ самъ... Но все, что я могу сказать теперь съ нѣкоторой увѣренностью, такъ это то, что мы, очевидно, въ Суданѣ и, вѣроятнѣе всего, въ Нубійской пустынѣ... Почва подъ нами безусловно песчаная и этому обстоятельству мы, безъ сомнѣнія, обязаны тѣмъ, что наше паденіе было сильно ослаблено, и мы нисколько не пострадали отъ него. Сверхъ этого я ничего не могу сказать вамъ, да еще въ такой темнотѣ, гдѣ рѣшительно ничего не вижу и не могу разглядѣть...

— Дѣйствительно, я еще никогда не видалъ такой темной ночи, какъ эта, если только не считать того страшнаго, безусловнаго мрака, какой окружалъ насъ сейчасъ тамъ, въ пространствѣ между луною и землей!.. Но какъ бы то ни было, а все же мы, наконецъ, на коровьемъ паркетѣ! — засмѣялся докторъ, — это самое главное!.. Ну, а мы какъ себя чувствуемъ?.. Хмъ, Гертруда, ты что на это скажешь? — освѣдомился докторъ, обращаясь къ своей племянницѣ.

— Племянница ваша, г. докторъ, говоритъ что чувствуетъ себя прекрасно!—отвѣтилъ за нее Норберъ Моони.

— А вы, серъ Буцефалъ?

— Я чувствую себя немного разбитымъ и утомленнымъ, немного какъ бы помятымъ и придавленнымъ, но надѣюсь, что ни одинъ изъ жизненныхъ органовъ у меня серьезно не пострадалъ.

— А вы, Виржиль, цѣлы и невредимы?

— Да, г. докторъ, и цѣлъ, и невредимъ, и весь къ вашимъ услугамъ, готовъ хоть сейчасъ повторить еще разъ ту-же-штуку!

— Вотъ, что я называю молодцомъ!—весело воскликнулъ докторъ,—такого парня хоть куда! Всюду онъ будетъ хорошъ и на своемъ мѣстѣ! Отъ души позравляю васъ, Виржиль, съ прибытіемъ на землю!... Ну, а Фатима какъ?... А Тиррель Смисъ?... да гдѣ же Тиррель Смисъ?... Что-то его не видать!..

— Да, въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же Тиррель?—освѣдомился баронетъ, оглядываясь во всѣ стороны.—Тиррель!—крикнулъ онъ.

На призывъ сера Буцефала отозвался какой то глухой стонъ, какъ бы исходившій изъ-подъ земли. Принялись разыскивать его ощупью, такъ какъ было до такой степени темно, что легко можно было незамѣтить человѣка даже въ двухъ шагахъ разстоянія. Наконецъ, Виржиль случайно наткнулся, шагахъ въ десяти отъ общаго лагеря, на нѣчто такое, что, судя по очертаніямъ, положительно нельзя было признать за человѣка, но на ощупь предметъ этотъ имѣлъ много общаго съ образцовымъ камердинеромъ сера Буцефала Когхилль.

Однако Виржиль очень затруднялся объяснить себѣ, въ какой позѣ онъ засталъ своего пріятеля Тирреля Смисъ. Это было положительно что-то непостижимое.

— Эй, товаришъ! что вы тутъ дѣлаете?—крикнулъ онъ, видя, что тотъ остается совершенно неподвижнымъ и молчитъ.

Вглядываясь съ особеннымъ вниманіемъ въ находившуюся передъ нимъ фигуру, Виржиль замѣтилъ, наконецъ, что Смисъ стоитъ головой внизъ и на ногахъ, согнувшись положительно въ дугу.

— Я не знаю, гдѣ я!.. Не знаю, что со мной!—отвѣчалъ какой то замогильный голосъ,—чувствую, что у меня земля въ глазахъ, во рту, въ носу, въ ушахъ, словомъ,—вездѣ!... И мнѣ такъ тяжело.. всѣ мои члены ноютъ и болятъ... я полагаю, что на вѣрное переломилъ себѣ руки и ноги... охъ!.

— Бросьте вы это, товарищъ!—весело вскрикнулъ Виржиль. Вы просто ткнулись головой въ песокъ, ну, что называется, рѣдьку закопали! Да такъ вотъ и стоите... у васъ и по сейчасъ еще носъ въ пескѣ! Встаньте, выпрямитесь, поотряхнитесь и все пройдетъ!—утѣшалъ его Виржиль, наконецъ, понявъ въ чемъ дѣло.—Да что вы думаете, ужъ не приняли-ли вы Нубійскую пустыню за ванную съ деревяннымъ поломъ?.. Тутъ, вѣдь, нырять не удобно!.. Ну, же пріятель, подбодритесь немного, постарайтесь выпрямиться и поднять голову.—И сопровождая слова свои соотвѣтствующимъ движеніемъ, Виржиль поднялъ Тирреля Смиса въ надлежащее положеніе человѣка, стоящаго на ногахъ, и, затѣмъ поддерживая его подъ руки, привелъ къ тому мѣсту, гдѣ собрались и расположились тѣсною группой остальные путешественники, безъ церемоніи разсѣвшіеся на землѣ.

— Ну, вотъ, вы теперь сами видите, пріятель, что вы еще не сломались на куски!—шутилъ Виржиль.

— А вотъ и ты, Тиррель!..—воскликнулъ серъ Буцефалъ, которому теперь вернулось самое благодушное настроеніе,—я ужъ опасался было, что ты собираешься измѣнить мнѣ и лишить меня своей пріятной компаніи, мой милый!.. Ну, что ты не имѣешь ни малѣйшаго желанія снова отправиться съ нами на луну?

— Опять на луну?!—воскликнула Гертруда Керсэнъ съ искреннимъ ужасомъ. — О, надѣюсь, что никто объ этомъ даже не помышляетъ, даже вы, г. Моони! Не правда-ли?

— Что касается меня, то я, право, не поручусь вамъ за себя въ этомъ отношеніи!..—отвѣчалъ молодой астрономъ,—тамъ осталось еще столько любопытнаго, столько такого, что было бы достойно изученія и основательнаго изслѣдованія что мнѣ, право, жаль, что мы принуждены были бросить все

это безъ вниманія!.. Для меня одной перспективы повторить это путешествіе съ тѣми же спутниками уже достаточно, чтобы заставить рѣшиться вторично отправиться на луну!

— То, что вы говорите, конечно, весьма любезно, милый г. Мooни, но если вы позволите, то я за себя лично извинюсь передъ вами и воздержусь отъ повторенія этого путешествія!—смѣясь проговорилъ докторъ Бріэ.

— Ну, а ты? Каковъ твой отвѣтъ, Тиррель? — освѣдомился баронетъ.—Неужели ты отпустишь меня одного теперь на луну?

Бѣдный образцовый камердинеръ съ трудомъ подавилъ возгласъ и жестъ отвращенія и ужаса при этомъ вопросѣ. Какъ! Неужели ему придется снова вернуться на эту непривлекательную луну, которую онъ давно уже проклялъ въ душѣ!.. Вернуться снова на луну, тогда какъ онъ уже мечталъ, въ тайнѣ своего сердца, увидѣть вскорѣ Керзонъстритъ и, отказавшись отъ этой кочевой жизни и мыканья въ пространствѣ, снова зажить той корректной и элегантной жизнью, какая приличествуетъ настоящему, идеальному butler'у настоящаго англійскаго баронета! Да, перспектива вернуться снова на луну была, несомнѣнно, тяжкимъ и совершенно уже не предвиденнымъ ударомъ для бѣднаго Тирреля Смиса. Но онъ еще никогда въ своей жизни не погрѣшилъ противъ священныхъ обязанностей примѣрнаго слуги и потому отвѣчалъ:

— Я весь къ вашимъ услугамъ, милордъ!

Между тѣмъ Фатима, державшая въ своей рукѣ руку госпожи, съ непритворнымъ страхомъ и ужасомъ внимала этому разговору, и нервная дрожь, пробѣгавшая по всему ея тѣлу, свидѣтельствовала о томъ безграничномъ, смертельномъ страхѣ, какой внушала ей подобная перспектива.

— Полно, дитя мое,—ласково проговорила Гертруда Керсэнь,—успокойся, родная! Наше странствіе окончено, и если мы его и повторимъ, то во всякомъ случаѣ не такъ скоро...

Серъ Буцефалъ шутитъ, Тиррель Смисъ!—успокоила она и безмѣрно огорченнаго примѣрнаго камердинера.

При этихъ словахъ Фатима съ облегченіемъ вздохнула полною грудью, у нея точно камень свалился съ души, а Тиррель Смисъ своимъ обычнымъ, естественнымъ голосомъ обратился къ баронету со словами:

— Если милордъ чувствуетъ себя въ аппетитѣ, то смѣю доложить, что корзина съ съѣстными припасами здѣсь, и я могу сервировать столъ, если вы пожелаете!

— Вотъ это самая умная мысль, какую кто либо высказалъ здѣсь до сихъ поръ!—воскликнулъ докторъ Бріэ.—Право, мы не можемъ лучше отпраздновать наше возвращеніе на alma parens, какъ хорошимъ маленькимъ ужиномъ!

Отправились распаковать карзину, которую, спустя нѣсколько времени, нашли вмѣстѣ съ электрическимъ фонаремъ подъ тканью парашюта, а минутъ пять спустя, наши путешественники съ особымъ удовольствіемъ подкрѣпляли свои силы, отдавая должную честь угощенію, приготовленному для нихъ стараніями Тирреля Смиса.

Тѣмъ временемъ первые лучи дневнаго свѣта стали появляться на востокѣ, а затѣмъ, немного спустя, стало уже на столько свѣтло, что наши путешественники могли до нѣкоторой степени судить о характерѣ той мѣстности, гдѣ они находились. Это была громадная песчаная равнина, усѣянная тамъ и сямъ группами высокихъ пальмъ съ тянущеюся съ восточной стороны сплошной линіей темной зелени, очевидно, окаймлявшей берега какой нибудь рѣки.

— Я былъ-бы крайне удивленъ, если бы то, что мы видимъ вонъ тамъ, вдали, не было Ниломъ! — воскликнулъ Норберъ Моони.—Подождемте, господа, пока совсѣмъ разсвѣтетъ, и тогда пройдемте туда, чтобы убѣдиться, вѣрно ли мое предположеніе.

— Къ чему-же ждать?!—возразила Гертруда Керсэнъ,—пойдемте туда сейчасъ, г. Моони! Всѣмъ будетъ очень пріятно пройтись теперь, когда утро такъ свѣжо и прохладно

а воздухъ такъ чистъ, и мы имѣемъ возможность обходиться безъ этихъ надоѣдливыхъ, противныхъ респираторовъ!

— Такъ вы очень сердиты на нихъ?!—пошутилъ молодой астрономъ.— А подумали-ли вы о томъ, что безъ нихъ мы теперь не были-бы здѣсь, гдѣ намъ такъ хорошо и пріятно?!

— Ну, считайте меня и черствой, и неблагодарной, сколько вамъ угодно!—такъ же шутливо отвѣтила молодая дѣвушка,—а я все же скажу, что предпочитаю нашъ земной воздухъ самому лучшему, самому чистому кислороду, которымъ мы принуждены были пользоваться на лунѣ!

Всѣ остальные вполнѣ согласились съ ней. Не заботясь о парашютѣ, который теперь былъ положительно ни къ чему не пригоденъ, наши путешественники направились къ зеленѣющей вдали группѣ деревьевъ.

Дойти туда было не такъ-то близко; на это потребовалось болѣе часа. Однако, наши путешественники за это время на столько успѣли отвыкнуть отъ своего земнаго вѣса, что тяжесть тѣла ихъ казалась имъ ужасно затруднительной, и они съ большимъ трудомъ совершили этотъ небольшой переходъ въ пять или шесть километровъ. Теперь ужъ солнце выплыло на горизонтъ, когда они, измученные и усталые, опустились на траву на берегу рѣки, заливавшей свои берега желтовато-мутными волнами.

— Да, это—Нилъ!... Это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію!—заявилъ Норберъ Моони,—другой подобной рѣки нѣтъ въ этой части свѣта. Но какая-же это часть Нила, вотъ въ чемъ вопросъ, потому что, вѣдь, Нилъ-то имѣетъ пятьсотъ миль длины... А сказать сейчасъ, гдѣ, именно, мы находимся, весьма трудно. Тѣмъ не менѣе я склоненъ думать, что мы находимся немного ниже по теченію отъ Донголы!

— Я также такъ думаю,—сказалъ докторъ Бріэ.

— А что именно заставляетъ васъ такъ думать?—освѣдомился молодой астрономъ.—Я, лично, основываюсь исключительно только на научныхъ данныхъ по моей спеціальности.

— А я особенно пораженъ тѣмъ, что здѣсь воды Нила не представляютъ ни малѣйшихъ признаковъ suda, какъ обыкновенно называютъ вверхъ отъ Берберъ, эти плавучія растенія и травы, которыя образуютъ цѣлые плавучіе острова, настоящія плавучія мели изъ травъ и перегноя, нерѣдко преграждающіе путь судамъ.

— Это самая характерная особенность Верхняго Нила, какъ, вѣроятно, знаете и вы.

— И такъ, все, повидимому, клонится къ тому, что мы во всякомъ случаѣ находимся ниже Бербера!—замѣтилъ серъ Буцефалъ.

— Сейчасъ мы будемъ имѣть возможность съ достовѣрностью судить объ этомъ!—воскликнула Гертруда Керсэнь, зрѣніе которой было такъ же прекрасно, какъ и ея глаза...

— Я вижу вонъ тамъ, вдали, черную точку, которая, по моему мнѣнію, должна быть нискои лодкой—„дахабіэ“.

Всѣ взоры обратились къ сѣверу, въ томъ направленіи, куда указывала молодая дѣвушка, и вскорѣ каждый могъ, дѣйствительно, увидѣть на водѣ черную движущуюся точку.

— Ахъ, вотъ оно что значитъ—глаза-то въ двадцать лѣтъ!—воскликнулъ докторъ,—а я, наприм., не вижу ничего, кромѣ ослѣпительно яркаго солнца и кружащагося въ воздухѣ песка...

Между тѣмъ черная точка на рѣкѣ замѣтно увеличивалась съ минуты на минуту, и Гертруда Керсэнь заявила теперь, что это не только дахабіэ, но что на ней находятся какіе-то красные мундиры...

— Красные мундиры!—воскликнулъ баронетъ,—неужели это англійскіе солдаты? Неужели вы въ самомъ дѣлѣ не ошибаетесь?

— Ура, старая Англія!—вдругъ заревѣлъ Тиррель Смисъ въ порывѣ невыразимаго патріотическаго чувства и вслѣдъ за этой столь неожиданной съ его стороны манифестаціей, снова погрузился въ свою обычную характерную апатію, подъ которой скрывались всѣ страсти и порывы этой чисто-британской души.

— Если такъ, и если это въ самомъ дѣлѣ англійскіе солдаты, то это доказываетъ одно изъ двухъ,—или то, что мы находимся здѣсь вблизи границы Египта, или же, что армія, которую призывалъ къ себѣ на помощь Гордонъ, уже поднялась вверхъ по Нилу!... Какъ бы то ни было, но все же мы сейчасъ получимъ вѣсть о томъ, что дѣлается въ Хартумѣ.

— Вѣсти изъ Хартума!—воскликнула молодая дѣвушка, не будучи, въ силахъ удержать своихъ слезъ, которыя такъ и брызнули у нея изъ глазъ.—О, дорогой мой папа! Какъ бы я желала имѣть какія нибудь вѣсти о васъ!

Между тѣмъ дахабіэ приближалась все больше и больше. Это, дѣйствительно, было длинное египетское судно, сходное, по своему внѣшнему виду, съ тѣми судами, какія мы встрѣчаемъ на изображеніяхъ стѣнной живописи (фрескахъ) временъ фараоновъ, уцѣлѣвшихъ до настоящаго времени. Она отчасти напоминала своей носовой частью гондолу съ двадцатью ловкими туземными гребцами на длинныхъ веслахъ и высокой рубкой на кормѣ.

Рубка эта была, дѣйствительно, занята англійскими солдатами, которые подымались вверхъ по Нилу съ очевиднымъ намѣреніемъ произвести рекогносцировку, такъ какъ они внимательно изучали берега, по обѣ стороны рѣки, впиваясь въ нихъ испытующимъ взглядомъ.

Камандующій этимъ отрядомъ офицеръ, замѣтивъ на правомъ берегу группу людей, которые дѣлали ему призывные знаки, велѣлъ лодкѣ подплыть къ берегу и крикнулъ строимъ, отрывистымъ тономъ, по англійски:

— Кто вы такіе, что здѣсь дѣлаете? откуда вы явились?

Баронетъ подошелъ къ самому краю берега, чтобы отвѣтить на окликъ англійскаго офицера, но вдругъ его невольно поразила мысль, какой нелѣпицей будетъ звучать въ ушахъ этого офицера то заявленіе, какое онъ собирался ему сдѣлать.

— Вѣдь, не могу же я сказать ему, друзья мои, что мы

всѣ только что свалились съ луны!—пропешталъ онъ, невольно усмѣхаясь при этомъ и обращаясь къ своимъ спутникамъ.

— Ну, что же?.. Будете вы отвѣчать мнѣ или нѣтъ?— съ нетерпѣніемъ крикнулъ между тѣмъ англійскій офицеръ сердитымъ голосомъ.

— Я—серъ Буцефалъ Когхилль, изъ Керзонъ—Стритъ, 29, въ Лондонѣ и Вигморъ-Кэстля въ Девонширѣ!—торжественно заявилъ баронетъ,—а эти господа—мои друзья... Что-же касается того, откуда мы явились и что здѣсь дѣлаемъ, то извините: на это я ничего не отвѣчу!

— Въ такомъ случаѣ чего же вы хотите отъ меня?— спросилъ офицеръ, видимо недовольный отвѣтомъ.

— Мы хотимъ только, чтобы вы были столь любезны и сказали намъ, гдѣ, именно, мы теперь находимся и затѣмъ, если вы найдете это удобнымъ, довезли насъ въ вашу штабъ квартиру.

— Вы находитесь близъ Уади-Хальфа! — отвѣтилъ офицеръ, немного смягченный вѣжливымъ и любезнымъ тономъ разговаривавшаго съ нимъ человѣка, не смотря на то что путешественники эти, на его вэлядъ, казались ему болѣе, чѣмъ подозрительными людьми.—Что же касается того, что бы доставить васъ въ нашу штабъ-квартиру, то я былъ-бы обязанъ это сдѣлать по долгу службы, даже если бы вы и не просили меня о томъ!.. Вотъ почему я исполню ваше желаніе съ полной готовностью!

Поискавъ подходящее мѣсто, чтобы какъ можно ближе пристать къ берегу, англійскій офицеръ исполнилъ этотъ маневръ весьма удачно, но не торопливо, а съ надлежащей осторожностью и осмотрительностью. Затѣмъ, когда дахабіэ подошла уже совершенно близко къ берегу, то вмѣсто мостика или трапа были переброшены доски, и наши путешественники благополучно перебрались на судно.

Послѣ того гребцамъ было отдано приказаніе немедленно повернуть обратно и плыть внизъ по теченію.

— Вы, вѣроятно, принадлежите къ арміи подкрѣпленія?—

освѣдомился самымъ развязнымъ тономъ серъ Буцефалъ, какъ только дахабіэ тронулась внизъ по рѣкѣ.

— Какой арміи подкрѣпленія? — довольно пренебрежительно переспросилъ офицеръ, такъ какъ внѣшній видъ этихъ путешественниковъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ онъ разглядѣлъ ихъ вблизи, казался ему все болѣе и болѣе подозрительнымъ.

— Ну, я хочу сказать, той англійской арміи, которую ожидалъ въ Хартумѣ генералъ Гордонъ.

— Я положительно не знаю, будетъ-ли когда нибудь такая вспомогательная армія!— отвѣчалъ офицеръ, — мы въ числѣ двухсотъ человѣкъ откомандированы изъ Каира въ Ассуанъ и Уади-Хальфа для....

Вдругъ онъ прервалъ себя на полусловѣ: имъ снова овладѣли подозрѣнія относительно этихъ людей.

— Почему вы спрашиваете у меня объ этомъ? на какомъ основаніи это можетъ интересовать васъ?—вдругъ спросилъ онъ, строго и испытующе глядя на сера Буцефала.—Ужъ не тайный-ли вы агентъ Махди?... Всѣ вы мнѣ кажетесь людьми весьма подозрительнаго сорта! Что вы за путешественники? Откуда вы явились?... Гдѣ ваши документы и бумаги?.

— Документы? бумаги?... Право, у меня нѣтъ при себѣ никакихъ... Я даже никогда и не имѣлъ ихъ съ собою,— отвѣчалъ серъ Буцефалъ, тѣмъ не менѣе, шаря съ весьма растеряннымъ видомъ во всѣхъ своихъ карманахъ. — Но у меня есть при себѣ моя визитная карточка, —вотъ она возьмите!.

— Хммъ!—промычалъ офицеръ,—визитная карточка, что она можетъ значитъ? какое значеніе можетъ имѣть простая визитная карточка... Впрочемъ, вы объясните все это въ штабъ-квартирѣ... Это, конечно, ваше дѣло, а не мое...

Къ счастію, плаваніе по Нилу продолжалось не долго, и наши путешественники вскорѣ прибыли въ Уади-Хальфа, довольно большое, но грязное и жалкое селенье у вторыхъ пороговъ. Англичане только что начали строить здѣсь свои укрѣпленія, какъ бы предвидя, что нѣсколько мѣсяцевъ спу-

стя, имъ придется укрывать запоздалую и злополучную экспедицію, которая, въ концѣ концовъ, концентрировалась здѣсь.

Доставленные подъ конвоемъ въ главный лагерь штабъквартиры, расположенной въ старой, полуразвалившейся казармѣ, наши путешественники были введены въ довольно большую низкую залу нижняго этажа, гдѣ ихъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій и объясненій заперли. Здѣсь они имѣли вполнѣ достаточно времени для размышленій, такъ какъ въ продолженіе цѣлыхъ двухъ часовъ никто не вспомнилъ о нихъ. Чѣмъ больше всѣ они обсуждали со всѣхъ сторонъ тѣ отвѣты, которые имъ придется давать на неизбѣжные вопросы англійскаго начальства, тѣмъ больше начинали убѣждаться вмѣстѣ съ серомъ Буцефаломъ въ томъ, что было бы совершенно невозможно сказать этимъ людямъ, что они толькочто свалились съ луны. Послѣ зрѣлаго обсужденія этого затруднительнаго вопроса, рѣшено было оставить этотъ вопросъ не разъясненнымъ и, просто на просто, объявить, что они на воздушномъ шарѣ прибыли сюда съ пика Тэбали, гдѣ ихъ осаждала армія махдистовъ. Такимъ образомъ можно было по крайней мѣрѣ надѣяться снять съ себя непріятныя подозрѣнія и избѣжать всякихъ смѣхотворныхъ недоразумѣній, которыя, неизбѣжно, должны были бы возникнуть при болѣе подробномъ и точномъ отвѣтѣ путешественниковъ.

Было около девяти часовъ утра, когда двери залы, гдѣ были заперты наши бѣдные друзья, наконецъ, отворились, и вооруженный пикетъ явился за „подозрительными личностями“, какъ они были обозначены въ рапортѣ лейтенанта Броуна, командовавшаго маленькимъ рекогносцировочнымъ отрядомъ на дахабіэ. Подъ конвоемъ путешественники были препровождены въ помѣщеніе перваго этажа „предъ ясныя очи“ майора Вартона, командира англійскаго отряда въ Уади-Хальфа.

Майоръ Вартонъ былъ бравый, видный офицеръ, очень горячо и строго относившійся ко всѣмъ своимъ обязанностямъ, чрезвычайно пунктуальный и точный во всѣхъ своихъ

привычахъ, но, къ сожалѣнію, страдавшій однимъ недостаткомъ, впрочемъ, весьма распространеннымъ, но весьма печальнымъ и не желательнымъ въ начальникахъ и командирахъ аванпостныхъ частей: онъ, какъ и большинство своихъ собратій, видѣлъ враговъ и шпіоновъ вездѣ и во всѣхъ. Кромѣ того, лейтенантъ Броунъ, который встрѣтилъ и доставилъ путешественниковъ сюда, съ своей стороны представилъ ему дѣло „поимки", какъ было сказано въ его рапортѣ, быть можетъ, немного въ ложныхъ краскахъ. Движимый, очевидно, весьма естественнымъ, но тѣмъ не менѣе не совсѣмъ похвальнымъ желаніемъ выдвинуться и проявить свое усердіе по службѣ, молодой офицеръ особенно упиралъ, не имѣя подъ рукой другихъ болѣе вѣскихъ доказательствъ, на непрезентабельный видъ этихъ людей, найденныхъ имъ на берегу Нила безъ верблюдовъ, безъ судна, безъ каравана или какого бы то ни было конвоя, на разодранное платье двоихъ изъ нихъ, именно Норбера Моони и Виржиля, платье которыхъ носило на себѣ еще слѣды той рукопашной борьбы съ тремя негодяями, которую имъ пришлось вынести почти въ самый моментъ ихъ отправленія, и кромѣ того утромъ еще на уклончивые отвѣты того субъекта, который безъ всякаго на то доказательства выдавалъ себя за англійскаго баронета.

Словомъ, почтенный майоръ Вартонъ былъ уже заранѣе довольно плохо настроенъ и весьма мало расположенъ отнестись благосклонно къ тѣмъ людямъ, которые должны были сейчасъ предстать передъ нимъ, а потому принялъ ихъ чрезвычайно грубо.

Онъ засѣдалъ въ низенькой, но довольно большой, почти совершенно пустой залѣ, вмѣстѣ съ плечистымъ унтеръ-офицеромъ, исполнявшимъ при немъ должность секретаря, за маленькимъ некрашеннымъ столомъ. Кромѣ стола, двухъ стульевъ и простой длинной деревянной скамьи въ комнатѣ не было никакой мебели.

— Кто вы такіе и откуда явились?—спросилъ онъ рѣзкимъ, сердитымъ голосомъ, уставившись въ баронета, кото-

рый взялся на этотъ разъ вести переговоры, большими, холодными голубыми глазами, надъ которыми вырисовывались густыя рыжеватыя брови.

Баронетъ принялся излагать, голосомъ, который, по его мнѣнію, долженъ былъ быть полонъ чувства собственнаго достоинства, но въ сущности былъ слегка дрожащій, объясненія, которыя на общемъ совѣтѣ рѣшено было дать грозному майору. Онъ сообщилъ, что самъ онъ вмѣстѣ со своими друзьями только что прибылъ на воздушномъ шарѣ съ пика Тэбали, гдѣ они въ продолженіе долгаго времени держались противъ осаждавшей ихъ арміи махдистовъ; сказалъ, что, совершивъ благополучно свой полетъ, они спустились въ разстояніи пяти или шести миль отъ береговъ Нила, куда добрались пѣшкомъ, въ надеждѣ встрѣтить здѣсь людей, которые окажутъ имъ содѣйствіе.

Однако, майоръ не захотѣлъ даже дослушать до конца эти, правда, немного запутанныя объясненія.

— Пикъ Тэбали! Что это за гора? я никогда не слыхалъ о ней!... Ея нѣтъ на нашихъ картахъ генеральнаго штаба!—отвѣчалъ онъ громовымъ голосомъ.— Воздушный шаръ.... Гдѣ-же онъ, вашъ воздушный шаръ! Подайте мнѣ его сюда!.. Вы говорите, что васъ осаждала армія махдистовъ... Но прежде всего такой арміи вовсе не существуетъ... Существуетъ только сборище разныхъ мерзавцевъ, разбойниковъ, воровъ, словомъ, разнаго сброда, шайка негодяевъ, которая осмѣливается присваивать себѣ это почетное наименованіе, и которую мы рано или поздно перевѣшаемъ, какъ собакъ, при первой возможности... Уже одно это плохо рекомендуетъ васъ, что вы, говоря объ этой презрѣнной оравѣ, даете ей такое почетное званіе... Изъ этого я заключаю, что вы отнюдь не питаете къ нимъ никакихъ враждебныхъ чувствъ, и потому я былъ бы не мало удивленъ, если бы вмѣсто того, чтобы быть осажденными этой канальей, напротивъ, не... хмъ!.. да... это весьма возможно!.. Потрудитесь предъявить ваши бумаги!

— Я не имѣю при себѣ никакихъ бумагъ и докумен-

товъ, кромѣ моей карточки!—жалостливо прошепталъ баронетъ.

— Ваша карточка! Дудки! Неужели вы думаете, что я удовольствуюсь какимъ то клочкомъ бумаги безъ всякихъ доказательствъ! — Нѣтъ-съ, извините, не на такого напали!.. Ну, а эти господа, есть у нихъ бумаги?..

— Нѣтъ, милостивый государь,—вмѣшался, наконецъ, Норберъ Моони, выведенный изъ терпѣнія такимъ образомъ дѣйствіи майора, у насъ нѣтъ при себѣ никакихъ бумагъ, потому что, какъ сами вы хорошо понимаете, мы не могли захватить въ корзинку ничего, кромѣ самаго необходимаго для нашего полета. Но смѣю васъ увѣрить, что всѣ мы порядочные люди и я предупреждаю васъ, что вамъ и правительству вашему придется отвѣчать за насильственное и самовольное задержаніе, учиненное надъ особами французскихъ гражданъ, а, главнымъ образомъ, г-жею Керсэнь, которую вы видите передъ собою, дочерью французскаго генеральнаго консула Судана, пребывающаго въ Хартумѣ.

— Аа!—воскликнулъ майоръ Вартонъ, физіономія котораго вдругъ освѣтилась лучомъ веселой ироніи.—Я очень радъ узнать, что эта барышня дочь г. Керсэнь, французскаго консела въ Хартумѣ! Очень, очень радъ узнать объ этомъ! Это весьма интересная для меня подробность...

Онъ подозвалъ унтеръ офицера, командовавшаго пикетомъ, и отдалъ ему въ полъ-голоса какое-то приказаніе. Тотъ круто повернулся на каблукахъ и тотчасъ-же вышелъ тѣмъ особымъ, размѣреннымъ, неестественнымъ шагомъ, который и сейчасъ еще удержался въ британскихъ войскахъ.

— Какъ видите, я чрезвычайно доволенъ, узнавъ объ этой подробности,—снова заговорилъ все тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ майоръ Вартонъ,—не могу ли я узнать, кто вы такой или, вѣрнѣе, кѣмъ вы желаете себя назвать?—обратился онъ на этотъ разъ уже прямо къ Норберу Моони съ выраженіемъ лица, которое, по его мнѣнію, должно было быть очень грознымъ, но въ сущности было только очень комично.

— Я — Моони, астрономъ, состоящій при Парижской Главной обсерваторіи, а это докторъ Бріе, прославившійся своими ислѣдованіями въ Африкѣ и своими трудами по ботаникѣ. А это—мой слуга; это—камердинеръ баронета, сера Буцефала Когхилль, британскій подданный, какъ и его господинъ. Эта дѣвушка состоитъ въ услуженіи при г-жѣ Керсэнь.

— Такъ вы продолжаете всетаки утверждать, что эта молодая особа дочь г. Керсэнь, французскаго консула въ Хартумѣ?— настойчиво переспросилъ еще разъ майоръ Вартонъ.

— Безъ сомнѣнія!

— Прекрасно, сейчасъ мы окончательно разоблачимъ вашу наглую ложь!—воскликнулъ съ торжествующимъ видомъ майоръ, услыхавъ шаги за дверями залы.—Г. Керсэнь самъ лично приметъ на себя трудъ поговорить съ вами, потому что вашъ онъ какъ разъ самъ, своею собственной персоной.

Всѣ обернулись къ дверямъ. Дѣйствительно, въ комноту вошелъ г. Керсэнь по просьбѣ майора Вартона, который послалъ за нимъ своего унтеръ-офицера.

— Папа! Папа! дорогой мой, любимый мой папа!—воскликнула Гертруда, бросаясь къ вошедшему. — Какъ я счастлива!..

Г. Керсэнь принялъ ее въ свои объятія, и она, обхвативъ его шею, громко зарыдала отъ этого неожиданнаго, радостнаго свиданья.

XVII. Взаимныя объясненія.

Самъ г. Керсэнь былъ не менѣе счастливъ и потрясенъ этой неожиданной встрѣчей, чѣмъ его дочь.

— Гертруда!.. Дитя мое!.. Дорогое, любимое дитя мое!..— повторялъ онъ, прижимая ее къ своей груди и цѣлуя ея шелковистую головку.—Тебя ли я вижу здѣсь? Какими судьбами могло это случиться?.. Я, конечно, и сегодня еще ду-

малъ о тебѣ, какъ думаю и думалъ постоянно... но какъ могъ я ожидать увидѣть тебя здѣсь сегодня!..

— Но сами вы, дорогой мой Корсэнь, какими судьбами очутились здѣсь, въ Уади-Хальфа? — спросилъ докторъ Бріэ своего зятя.

— Генералъ Гордонъ просилъ меня оказать ему услугу и отправиться внизъ по теченію Нила на одномъ изъ его канонерскихъ судовъ, которое онъ послалъ сюда, чтобы я съѣздилъ въ Европу и тамъ лично объяснилъ его положеніе передъ лицомъ всего цивилизованнаго міра. Я согласился на его просьбу, такъ какъ, во первыхъ, не могъ отказать ему въ этомъ, а, вовторыхъ, потому, что это было единственное средство снять блокаду съ Тэбали, гдѣ, какъ мнѣ было извѣстно, вы выдерживали продолжительную осаду.—Но какъ вамъ выразить мои смертельную тревоги, мой страхъ за васъ?..

Здѣсь майоръ Вартонъ, физіономія котораго теперь разомъ приняла совершенно иное выраженіе, счелъ нужнымъ вмѣшаться въ разговоръ съ чрезвычайной, заискивающей любезностью.

— Дорогой г. Керсэнь,—проговорилъ онъ,—какъ я вижу, всѣ эти господа знакомы вамъ и вы можете отвѣчать за нихъ... Я очень прошу ихъ извинить мнѣ то недоразумѣніе, какое произошло здѣсь между нами, и которое заставило меня принять ихъ не за то, что они есть на самомъ дѣлѣ. Я былъ-бы чрезвычайно радъ, если бы они согласились сдѣлать мнѣ честь позавтракать вмѣстѣ съ нами и съ вашей дочерью.

Недавніе арестанты молча поклонились. Однако, майору нужна была жертва, на которую бы могъ обрушиться его гнѣвъ, и онъ вскорѣ нашелъ виновника всѣхъ бѣдъ. Подозвавъ къ себѣ унтеръ-офицера, онъ, хмуро сдвинувъ брови, проговорилъ.

— Лейтенантъ Броунъ отправится подъ арестъ на пятнадцать сутокъ за самовольный арестъ этихъ господъ и неточныя показанія въ соемъ рапортѣ!

Между тѣмъ Гертруда, обхвативъ обѣими руками шею отца и повиснувъ на немъ, была не въ силахъ отвѣчать ему на слова. Всѣ волненія, страхи, ужасы, скорбь и грусть прошедшаго мѣсяца разомъ нахлынули на нее и положительно надломили ея силы. Сознавая себя теперь внѣ всякой опасности, сознавая, что она нашла, наконецъ, надежное убѣжище въ объятіяхъ отца, она вдругъ почувствовала, что та сила и бодрость, которыя все время поддерживали ее во всѣ трудныя минуты послѣдняго мѣсяца разомъ оставили ее. И, какъ малый ребенокъ, спрятавъ свое милое личико на плечѣ у отца, она тихо плакала, какъ робкое огорченное дитя, какъ маленькая дѣвочка.

Не объясняя себѣ этого волненія и слезъ иначе, какъ отголоскомъ тѣхъ опасностей, которымъ, вѣроятно, только что должна была подвергаться она, какъ и онъ самъ, г. Керсэнь постарался успокоить дочь.

— Ну, полно, полно, дитя мое, не плачь, дѣвочка моя маленькая!—говорилъ онъ, лаская ее.—Теперь мы вмѣстѣ и на всегда, дорогая моя!

— Ахъ, да, да, дорогой папа, я никогда—никогда болѣе не разстанусь съ вами,—шептала она, прижимаясь къ его груди.—Никогда!.. Никогда!..

— Да, никогда, дорогое дитя мое!—повторилъ и онъ за ней голосомъ, полнымъ нѣжности и ласки,—я слишкомъ много выстрадалъ за это время нашей разлуки съ тобой!.. Однако, довольно объ этомъ, разскажи-ка ты мнѣ лучше, какъ вы попали сюда, дядя твой и ты.

— Вамъ будетъ удобнѣе бесѣдовать здѣсь, въ этой маленькой гостиной,—любезно предложилъ майоръ Вартонъ, пріотворяя дверь и вводя отца съ дочерью въ маленькую смежную комнатку, которая служила ему кабинетомъ.

Прочіе остались вмѣстѣ съ хозяиномъ, ставшимъ теперь любезнымъ и привѣтливымъ, въ общей большой залѣ, изъ которой уже давно успѣли уйти солдаты пикета. Всецѣло охваченный радостью свиданія съ дочерью, г. Керсэнь даже и не замѣтилъ присутствія здѣсь Норбера Моони и сера

Буцефала, которые, изъ чувства скромности и деликатности, нарочно держались немного поодаль.

Оставшись наединѣ съ отцомъ, Гертруда Керсэнь, наконецъ, преодолѣла свое волненіе. Она глубоко вздохнула и, положивъ обѣ руки на плечи отцу, сказала.

— Ахъ, дорогой мой папа, еслибы вы только могли знать, какія странныя и невѣроятныя приключенія мнѣ пришлось пережить за это время!.. Но, право, я боюсь, что вы не повѣрили бы мнѣ сразу, такъ какъ я сама минутами начинаю сомнѣваться въ томъ, было ли это все на самомъ дѣлѣ или только въ бреду и во снѣ. Между тѣмъ это—сущая правда и дѣйствительность!.. И дядя мой, и серъ Буцефалъ, и г. Моони, и Фатима, и Виржиль, и Тиррель Смисъ,—всѣ они могутъ засвидѣтельствовать вамъ, что я не брежу, и что мы дѣйствительно провели двадцать девять дней на лунѣ!

— На лунѣ!—воскликнулъ г. Керсэнь не безъ ужаса,— и первая мелькнувшая у него мысль была та, что его Гертруда лишилась разсудка.—Ну, что ты говоришь мнѣ, дорогое дитя, на лунѣ! Да какъ могу я этому повѣрить?!..

— Ну, конечно, вамъ этому трудно повѣрить, дорогой папа,—продолжала Гертруда,—а между тѣмъ это дѣйствительно такъ! Клянусь вамъ, что я не лишилась разсудка, какъ вы, быть можетъ, думаете... Вѣдь, вамъ извѣстны были планы г. Моони, не такъ ли?.. Ну, эти мечты и планы его осуществились,—вотъ и все!.. И вотъ, почти все это время разлуки мы провели на лунѣ...

— Нѣтъ сомнѣнья!..—съ ужасомъ и скорбью прошепталъ г. Керэнь.—Мученья и горе разлуки помутили разсудокъ моей бѣдной дѣвочки!.. Она положительно бредитъ, бредитъ тою обстановкой, въ которой она жила это время!

— Дитя мое,—проговорилъ, стараясь скрыть отъ нея слезы, напрашивавшіяся у него на глаза при этомъ печальномъ открытіи,—ты, кажется, сказала мнѣ, что г. Моони и серъ Буцефалъ Когхилль, здѣсь съ тобою и съ твоимъ дядей?

— Да, папа, они все время не разставались съ нами, вмѣстѣ съ ними я и совершила это невѣроятное путешествіе!. Мы спустились на землю только вчера ночью!

Г. Керсень не могъ вынести долѣе этого страннаго мучительнаго состоянія, кинулся къ дверямъ и, разпахнувъ ихъ настежъ, съ блуждающими глазами, мертвенно блѣднымъ лицомъ, не своимъ голосомъ позвалъ:

— Г. Моони! Вы здѣсь?

— Да, г. консулъ!—отвѣтилъ молодой астрономъ, поспѣшно подходя къ г. Керсэнь. Онъ также былъ очень блѣденъ и взволнованъ.

— Простите ли мнѣ когда нибудь, г. консулъ?..—началъ онъ, горячо пожимая протянутую ему руку.

— Простить что?.. Что я долженъ вамъ простить, дорогой мой Моони?—спросилъ несчастный отецъ.

— Простить то, что я подвергалъ вашу дочь всѣмъ опасностямъ такой трудной и рискованной экспедиціи!.. Она сама засвидѣтельствуетъ вамъ, что это случилось совершенно противъ моей воли и не по моей винѣ!.. Событія сами собою приняли совершенно непредвидѣнный оборотъ... И если мы очутились на лунѣ, то могу васъ увѣрить, что это было совершенно непреднамѣренно...

— Какъ!—воскликнулъ Консулъ,—какъ, и вы что ли лишились разсудка? Бріэ!.. Серъ Буцефалъ!

Докторъ и баронетъ поспѣшили на зовъ.

— Господа, что все это значитъ?—спросилъ ихъ г. Керсэнь, едва только успѣвъ затворить за ними дверь.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ, какъ всегда, добродушн шутливымъ тономъ докторъ Бріэ.

— Да вотъ, Гертруда, дитя мое, и г. Моони увѣряютъ, что вы... что вы только-что вернулись съ луны!—съ усиліемъ выговорилъ г. Керсэнь, едва произнося эти слова.

— Ну, да, это совершенно вѣрно, дорогой мой Керсэнь!—подтвердилъ улыбаясь докторъ.

— Да, это, къ сожалѣнію, правда, г. Керсэнь,—и эт печальная истина будетъ стоитъ мнѣ тридцать тысячъ фун-

товъ стерлинговъ!—добавилъ серъ Буцефалъ такимъ тономъ, который былъ далеко не такъ веселъ, какъ тонъ доктора Бріэ.

— Какъ! Неужели и вы, какъ Гертруда и г. Моони, станете увѣрять меня, что...

— Что мы отправились на луну, что провели тамъ цѣлый лунный мѣсяцъ, и что только прошлую ночью вернулись оттуда!.. Ну, да, дорогой мой Керсэнь! Какъ же вы хотите, чтобы мы сказали вамъ что нибудь другое, когда это сущая истина!—проговорилъ докторъ Бріэ.— Впрочемъ, вотъ, если вы еще сомнѣваетесь въ нашихъ показаніяхъ, я сейчасъ покажу вамъ мою превосходнѣйшую коллекцію горныхъ породъ различныхъ геологическихъ образцовъ, которую мнѣ удалось тамъ собрать! —добавилъ онъ, шаря во всѣхъ своихъ карманахъ.

— Эхъ, чортъ возьми!—воскликнулъ онъ съ прискорбіемъ,—вѣдь, я забылъ ее на столѣ въ своей комнатѣ!— Какая у меня голова-то!.. Право, хуже, чѣмъ у какой-нибудь чечетки!.. Но мой папирусъ при мнѣ, мой лунный папирусъ!..

При этихъ словахъ онъ, дѣйствительно, досталъ изъ своего объемистаго портфеля знаменитый папирусъ и съ торжествующимъ видомъ сталъ потрясать имъ передъ глазами г. Керсэнь, который не зналъ, что ему дѣлать, и что думать объ этихъ столь единогласныхъ и столь увѣренныхъ показаніяхъ четырехъ лицъ, собравшихся около него.

Наконецъ, ему было представлено столько доказательствъ, столько подробностей, что онъ, въ концѣ концовъ, волей-неволей, долженъ былъ признать этотъ странный фактъ за дѣйствительность. Но для того, чтобы рѣшиться на это, ему все же таки понадобилось свидѣтельство Виржиля, Фатимы и даже Тирелля Смиса, которыхъ онъ призвалъ и которые, въ свою очередь, подтвердили слова остальныхъ участниковъ этой странной экспедиціи.

— Теперь, позвольте мнѣ дать вамъ одинъ благой совѣтъ, господа,—сказалъ онъ, когда убѣжденіе его, наконецъ,

совершенно сложилось.—Сохраните эти воспоминанія о своемъ путешествіи на луну для себя и никому не разсказывайте о нихъ, развѣ только послѣ того, какъ вамъ удастся принять всѣ необходимыя мѣры и заручиться полнымъ довѣріемъ къ вашимъ словамъ.—А то иначе васъ непремѣнно примутъ за шарлатановъ или за помѣшанныхъ!

— Да, мы уже имѣли случай въ томъ убѣдиться утромъ,— проговорилъ докторъ,—убѣдиться на горькомъ опытѣ, такъ какъ наши показанія привели къ тому, что насъ сочли нужнымъ засадить подъ арестъ и затѣмъ заставили играть довольно печальную роль передъ этимъ грознымъ англійскимъ майоромъ. Но потерпите только!.. Мы съумѣемъ все доказать... все установить...

Послѣ этого всѣ стали обмѣниваться различными свѣдѣніями, столь обычными послѣ такой продолжительной разлуки, да еще послѣ такой неожиданной и странной встрѣчи. Гертруда въ общихъ чертахъ разсказала отцу о томъ чудесномъ путешествіи, какое она только что совершила, а г. Керсэнь въ свою очередь сообщилъ нашимъ путешественникамъ кое-какія новости и подробности относительно положенія генерала Гордона въ Хартумѣ.—Съ самаго момента нашествія махдистовъ и осады Хартума этими шайками разнузданныхъ разбойниковъ,—разсказывалъ онъ,—телеграфныя проволоки были, очевидно, порваны, перерѣзаны или же самыя телеграммы перехватывались, потому что, судя по самому характеру получающихся свѣдѣній, не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія относительно того источника, изъ котораго получались нами эти извѣстія и сообщенія. Генералъ, не теряя времени, приказалъ строить укрѣпленія, земляные валы, возвелъ до пятидесяти батарей и тѣмъ, конечно, поставилъ насъ въ сравнительную безопасность отъ неожиданнаго погрома и нападенія непріятельскихъ ордъ. Днемъ и ночью онъ занимался съ солдатами мѣстнаго гарнизона, всячески стараясь заставить ихъ воспрянуть духомъ. Постоянныя военныя упражненія и умѣлое обращеніе съ ними генерала вскорѣ возстановили дисциплину въ рядахъ

распущенныхъ войскъ, и нѣсколько недѣль спустя, ему удалось добиться прекраснѣйшихъ результатовъ. Но всѣ эти труды и всѣ его старанія не послужили ни къ чему, если бы только не подоспѣло на помощь то подкрѣпленіе, котораго просилъ Гордонъ, иначе вопросъ паденія Хартума былъ только вопросомъ времени. А между тѣмъ англійское правительство, повидимому, и не собиралось посылать на Верхній Нилъ того экспедиціоннаго корпуса, о которомъ просилъ и котораго требовалъ Гордонъ такъ настоятельно и такъ резонно. Вотъ въ такихъ то условіяхъ онъ и рѣшилъ обратиться не только къ своей родинѣ, а и ко всѣмъ цивилизованнымъ народамъ, въ интересахъ которыхъ было, чтобы Суданъ не очутился въ рукахъ Махди, и потому генералъ Гордонъ просилъ меня принять на себя эту миссію и обратиться отъ его имени къ Европейскимъ державамъ съ просьбой о помощи и содѣйствіи ему въ его трудномъ дѣлѣ. Я могъ свободно это сдѣлать, такъ какъ Хартумъ былъ обложенъ со всѣхъ сторонъ толпами осаждающихъ, и о тѣхъ планахъ, съ какими я ѣхалъ въ Хартумъ пять, шесть мѣсяцевъ тому назадъ, теперь, конечно, и рѣчи быть не могло, а потому присутствіе мое въ Хартумѣ отнюдь не являлось необходимымъ въ данный моментъ. Кромѣ того, я былъ даже обязанъ сдѣлать это, такъ какъ планъ генерала Гордона являлся единственнымъ возможнымъ и практически осуществимымъ средствомъ, чтобы защитить дѣйствительно тѣ полторы двѣ тысячи европейцевъ, которые находятся въ Хартумѣ, не говоря уже объ египетскихъ войскахъ. И такъ, я принялъ на себя, какъ особую честь, возложенное на меня Гордономъ порученіе. Конечно, я не безъ опасностей могъ исполнить или вѣрнѣе только начать исполнять возложенное на меня порученіе и добраться до линіи англійскихъ кордоновъ. Надо вамъ сказать, что наше канонерское судно выдержало уже не менѣе семнадцати нападеній между сліяніемъ Желтаго и Голубого Нила и Донгола...

— Но вотъ я, наконецъ, у надежной пристани, благодареніе Богу! И мнѣ не остается теперь уже ничего болѣе,

какъ только отправиться въ Парижъ, какъ я обѣщалъ Гордону, чтобы обратить вниманіе печати стараго и новаго свѣта на его отчаянный призывъ, на его страстное воззваніе ко всѣмъ сторонникамъ цивилизаціи, и попытаться собрать какія нибудь средства для дальнѣйшихъ дѣйствій.....

— Какъ вы полагаете, докторъ,—добавилъ г. Керсэнъ, покончивъ съ этими объясненіями,—можно-ли будетъ Гертрудѣ сопровождать меня въ это европейское путешествіе безъ особаго риска для ея здоровья?... Теперь и тамъ ужъ наступаетъ лѣто.....

— О, Гертруда! О ней не безпокойтесь, милѣйшій мой Керсэнъ: она можетъ теперь поѣхать съ вами хоть въ Лапландію, если только захочетъ!— засмѣялся докторъ Бріэ,— да развѣ вы не видите, какой у нея яркій, здоровый румянецъ, какіе ясные, блестящіе глаза?! Не видите, какъ замѣтно она измѣнилась, расцвѣла и ожила! Да, это положительный феноменъ!... Что касается меня, какъ врача, и могу сказать,—опытнаго врача, видавшаго не мало различныхъ примѣровъ на своемъ вѣку, то я прибавлю только одно, что ничего подобнаго въ опытѣ поразительныхъ явленій съ точки зрѣнія терапевтики я еще въ жизни моей не наблюдалъ. Климатъ луны со своею разрѣженной, безусловно, чистой и сухой атмосферой, кажется, былъ нарочно созданъ для нея. Съ первыхъ же дней нашего прибытія на луну она такъ замѣтно окрѣпла, что, живя на кратерѣ Ретикусѣ безнаказанно выносила такой холодъ, о какомъ не имѣютъ понятія даже въ Сибири: и даже болѣе, она лучше всѣхъ остальныхъ переносила длинную и морозную лунную ночь, продолжавшуюся ровно четырнадцать сутокъ. Теперь я смѣло поручусь вамъ за нее, милый мой Керсэнъ; вы можете увезти Гертруду, куда только вамъ вздумается, и она не причинитъ вамъ ни малѣйшаго безпокойства своимъ здоровьемъ. Да, милый мой зятекъ, вотъ вамъ одинъ изъ любопытныхъ результатовъ нашего страннаго, невѣроятнаго путешествія.

— Да, дѣйствительно,—сказалъ г. Керсэнъ, чрезвычайно довольный и осчастливленный этими увѣреніями своего шу-

рина,—я и самъ съ перваго же взгляда на Гертруду замѣтилъ въ ней разительную перемѣну, какой то необычайно бодрый здоровый видъ, какое то присутствіе силы и молодости, которые сразу поразили меня. Но неужели я могу вѣрить, что это возрожденіе не временное, не случайное, а окончательное и настолько полное, что дожди и сырой холодный климатъ уже отнынѣ не можетъ быть опаснымъ для ея здоровья?

— Да я же говорю вамъ, что это уже дѣло испытанное и надежно испытанное, милѣйшій мой!—возразилъ докторъ.— Я самъ до того пораженъ, до того удивленъ этой перемѣной съ того самаго момента, какой видѣлъ ее, совершающейся на моихъ глазахъ, что, право, теперь не далекъ отъ мысли—вернуться снова къ тому проэкту, который зародился у меня въ головѣ, глядя на Гертруду, и одно время сильно прельщавшему меня!

— Къ какому проэкту?—полюбопытствовалъ г. Керсэнь.

— Къ проэкту, милый мой,—снова отправиться на луну и основать тамъ образцовую санаторію! — Это явилось бы удивительной блестящей конкуренціей для всѣхъ земныхъ станцій нашихъ грудныхъ больныхъ!

— Шшъ!... ни слова болѣе о лунѣ, милый мой Бріэ!— вы сами знаете, что до поры до времени эта запрещенная тема разговора!... — замѣтилъ г. Керсэнь, услыхавъ за дверями шаги майора Вартона, который явился приглашать своихъ гостей перейти въ столовую.

Бѣдный майоръ теперь старался всячески загладить свою грубость и невѣжливость по отношенію къ этимъ господамъ, которые изъ его подсудимыхъ вдругъ превратились въ гостей, и потому теперь старался быть съ ними вдвойнѣ любезнымъ, внимательнымъ и предусмотрительнымъ, чтобы показаться имъ съ другой, болѣе выгодной стороны. Онъ пожелалъ, во что бы то ни стало, узнать, гдѣ именно спустились путешественники, чтобы отправить туда патруль для розысканія парашюта и багажа, оставленнаго тамъ нашими путешественниками. Разспросивъ обо всемъ со всевозможной

точностью, онъ отправилъ туда маленькій пикетъ, но когда англійскіе солдаты пришли на указанное имъ мѣсто, то не нашли тамъ ни парашюта, ни корзины, ни остальныхъ багажей. Очевидно, арабы грабители успѣли уже побывать на этомъ мѣстѣ и унесли съ собою все, что здѣсь было оставлено.

Послѣ самыхъ тщательныхъ поисковъ, продолжавшихся нѣсколько часовъ, высланный майоромъ Вартономъ патруль вернулся ни съ чѣмъ, что вызвало новый гнѣвъ раздражительнаго, и безъ того уже раздосадованнаго своимъ промахомъ, майора. Онъ обрушился цѣлымъ градомъ упрековъ на своихъ злополучныхъ солдатъ и тутъ же щедро наградилъ ихъ арестами, лишними дежурствами и всякаго рода взысканіями.

Съ закатомъ солнца г. Керсэнь рѣшилъ продолжать свой путь по направленію къ Каиру, а такъ какъ канонерское судно, на которомъ онъ приплылъ сюда, получило приказаніе генерала Гордона, если только будетъ возможно, немедленно вернуться въ Хартумъ, то пришлось уговориться съ однимъ noggour'омъ или большимъ плоскодоннымъ судномъ, которое то двигалось съ помощью длинныхъ веселъ, то тащилось бичевою волами, чтобы на этомъ суднѣ добраться сперва до Ассуана, а затѣмъ уже къ Нильской дельтѣ въ Египтѣ. Само собою разумѣется, что Гертруда и Фатима, Норберъ Моони и Виржиль, баронетъ и Тиррель Смисъ, а также докторъ Бріэ, отправились вмѣстѣ съ г. Керсэнь на этомъ суднѣ, направляясь, какъ и онъ, въ Европу черезъ Египетъ.

Конечно, путешествіе на ноггурѣ не можетъ быть наз вано однимъ изъ пріятнѣйшихъ удовольствій, однако, оно не такъ уже затруднительно и мучительно, когда находишься въ дружной, пріятной компаніи. Понятно, нужно съумѣть устроиться такъ, чтобы не быть въ зависимости отъ лодочниковъ и гребцовъ или отъ прибрежнаго населенія.

Слѣдуетъ отдать справедливость майору Вартону за то, что онъ озаботился представить въ распоряженіе своихъ гостей все,

что только могло имъ понадобиться во время пути: и провіантъ, и одежду и оружіе, и многое другое; сверхъ того онъ далъ имъ военный конвой, чтобы совершенно обезопасить ихъ въ пути, и „пропуски“ такого рода, которые должны были помочь нашимъ путешественникамъ преодолѣть всѣ, могущіеся встрѣтиться на ихъ пути препятствія и препоны.

Плаваніе внизъ по Нилу окончилось сравнительно довольно скоро и при томъ прошло такъ весело и такъ пріятно, какъ оно могло пройти только для тѣхъ, которые, наконецъ, послѣ долгихъ и опасныхъ скитаній и множества разныхъ положительно трагическихъ приключеній, чувствуютъ себя внѣ всякой опасности въ дружномъ, тѣсномъ кругу близкихъ друзей и дорогихъ сердцу родныхъ. И вотъ, однажды вечеромъ, не за долго до ихъ прибытія въ Каиръ, когда ноггуръ медленно подвигался внизъ по теченію, Норберъ Моони, сидя на кормовой части судна вмѣстѣ съ г. Керсэнь и Гертрудой, рѣшился, наконецъ, заговорить о томъ предметѣ, который лежалъ у него на сердцѣ съ самаго того момента, какъ онъ въ послѣдній разъ видѣлся съ г. Керсэнь въ Хартумѣ—если только не съ самаго своего пріѣзда въ Суакимъ.

Ночь была темная, звѣздная. На всемъ громадномъ протяженіи Нила, раскинувшагося, на сколько только хваталъ глазъ, въ своей живописной равнинѣ, не раздавалось ни малѣйшаго звука, кромѣ мѣрнаго шума веселъ и монотонной, тоскливой пѣсни гребца, выкрикивавшаго тактъ для дружныхъ, одновременныхъ ударовъ веселъ. На востокѣ луна только что взошла и какъ то грустно смотрѣла на землю и на того молодого піонера науки, который осмѣлился пробудить ее отъ ея обычной вѣковой спячки, и дважды вырывалъ ее изъ ея колеи, въ которой она такъ мирно и безмятежно совершаетъ день за днемъ, годъ за годомъ, вѣкъ за вѣкомъ, указанный ей путь. Такъ кротокъ, ласковъ и ясенъ былъ ея блѣдный ликъ, такъ мягокъ и печаленъ ея свѣтъ, обдававшій все своимъ серебристо

голубоватымъ сіяньемъ. Но этотъ молодой піонеръ науки, столь смѣлый и отважный во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, въ минуты самой страшной опасности, въ моменты страшнѣйшихъ переворотовъ и ужасовъ теперь робѣлъ и не рѣшался произнести ни одного слова, котораго ожидалъ отъ него г. Керсэнь, котораго въ тайнѣ ожидала и сама Гертруда и которое съ каждою минутой становилось все болѣе и болѣе необходимо произнести. И онъ сознавалъ это.

И вотъ, собравшись съ духомъ, призвавъ на помощь всѣ свои силы, онъ началъ такъ:

— Господинъ консулъ, два мѣсяца тому назадъ,—говорилъ онъ немного дрогнувшимъ, растроганнымъ и взволнованнымъ голосомъ,—я имѣлъ честь просить у васъ руки вашей дочери. Вы тогда были столь добры, что изъявили согласіе отдать мнѣ ее, если только я удостоюсь получить согласіе самой мадемуазель Гертруды. Теперь я полагаю, что дочь ваша имѣла случай узнать меня ближе, чѣмъ тогда. Мы прожили одною общею жизнью, подъ одной кровлей, цѣлыхъ два мѣсяца, вмѣстѣ пережили самыя трудныя, самыя страшныя минуты, когда характеры людей проявляются съ наибольшею яркостью, и когда лучше всего можно судить о человѣкѣ. И вотъ, въ моменты этихъ тяжелыхъ испытаній, я имѣлъ случай убѣдиться и понять, что ея мужество, ея умъ, ея чуткое, доброе сердце и, кстати, позвольте мнѣ еще прибавить,—ея милое обхожденіе и характеръ, на много превышаетъ ту мѣру, въ какой я приписывалъ ей всѣ эти качества, предугадывая ихъ въ ней до того времени. Теперь позвольте мнѣ въ свою очередь спросить, какого рода оцѣнку успѣла дать мнѣ за это время ваша дочь и смѣю ли я надѣяться, что мадемуазель Гертруда, когда либо скрѣпитъ своимъ согласіемъ ваше обѣщаніе?..

— Если бы вы, дорогой мой Моони, спросили у меня объ этомъ раньше, — ласково и любовно отвѣтилъ г. Керсэнь, — то знали бы уже то, что я могу сказать вамъ; а именно, что дочь моя Гертруда настолько же любитъ васъ, насколько удивляется вамъ и восхищается вами. Она вмѣстѣ

со мной полагаетъ, что вы будете лучшимъ изъ мужей, какъ теперь вы—отважнѣйшій, благороднѣйшій и честнѣйшій изъ людей! — растроганно закончилъ старикъ. Затѣмъ, взявъ руку своей дочери, г" Керсэнь вложилъ ее въ руку Норбера Моони и нѣжно прижалъ ихъ обоихъ къ своей груди.

XVIII. Въ Парижѣ.

Послѣ вышеописанныхъ событій прошло уже около года. На дворѣ стоялъ февраль мѣсяцъ и на улицахъ Парижа уже стали зажигать газовые рожки, когда маленькая двухмѣстная каретка подкатила къ подъѣзду красиваго внушительнаго вида дома въ улицѣ Обсерваторіи. Въ каретѣ сидѣлъ нашъ старый знакомецъ г. докторъ Бріэ. Онъ проворно взбѣжалъ по теплой, ярко освѣщенной лѣстницѣ во второй этажъ и на площадкѣ былъ встрѣченъ лакеемъ, привѣтствовавшимъ его особенно радушнымъ, почти дружескимъ „Здравствуйте, г. докторъ!“ Слуга этотъ, настолько корректный лакей, какимъ только можетъ стать бывшій алжирскій стрѣлокъ, былъ никто иной, какъ Виржиль, но Виржиль новѣйшаго образца, въ черномъ суконномъ рединготѣ и съ полнымъ отсутсвіемъ его возлюбленной фески.

— Всѣ собрались здѣсь! — проговорилъ Виржиль, вводя доктора въ элегантный, изящный салонъ, гдѣ г. Керсэнь, сидя у камина, въ удобномъ и покойномъ креслѣ, читалъ газету, а тутъ же рядомъ, у стола, сидѣла госпожа Моони съ работой и что-то вышивала при свѣтѣ лампы подъ большимъ шелковымъ абажуромъ, а мужъ ея, сидя возлѣ нея, мечталъ о чемъ-то.

— Знаете-ли, друзья мои, что они осмѣливаются утверждать?—воскликнулъ докторъ, влетая, какъ бомба, въ комнату и даже не здороваясь ни съ кѣмъ въ пылу негодованія. — Нѣтъ, знаете-ли, что они смѣютъ утверждать! Что мой лунный папирусъ ничто иное, какъ простой эфіопскій папирусъ!.. а? Каково?!

— А кто же это утверждаетъ? — спросили хоромъ Гертруда и ея мужъ.

— Да наша Академія, чортъ возьми!.. Оказывается, что древніе эфіопскіе цари имѣли обыкновеніе заставлять писать свои декреты на аміантовыхъ (азбестовыхъ) листахъ и, что еще особенно любопытно, — употребляли для изложенія своихъ мыслей тѣ же идеографическія изображенія, какія мы видимъ на моемъ лунномъ папирусѣ. Всѣ они видятъ въ этомъ такого рода совпаденія, которыя совершенно рѣшаютъ вопросъ о происхожденіи моего папируса въ смыслѣ самаго обыкновеннаго древне-эфіопскаго манускрипта. А въ такомъ случаѣ я оказываюсь на волосъ отъ роли лгуна и обманщика, если утверждаю, что привезъ съ собою этотъ папирусъ съ луны!

— Ахъ, дядя, а мы-то! — воскликнула Гертруда, — неужели вы думаете, что къ намъ относятся лучше! Наши астрономы имѣютъ наглость опровергать всѣ записки и наблюденія Норбера подъ предлогомъ, что будто бы Обсерваторія не могла не замѣтить и не знать о томъ, если бы луна дѣйствительно дважды спускалась къ зениту! А надо вамъ сказать, что въ тѣ дни, которые вполнѣ совпадаютъ съ днями нисхожденія луны, небо повсюду было до того покрыто густыми облаками, что не было никакой возможности сдѣлать никакихъ наблюденій. Эта чрезвычайная облачность нашей атмосферы объясняется только тѣмъ, что луна приблизилась въ это время къ землѣ. Кромѣ того, надо замѣтить, что именно дни нисхожденія луны къ землѣ были отмѣчены на всей поверхности земного шара совершенно исключительными бурями и необычайными приливами, какихъ никто не могъ ни предвидѣть, ни ожидать, и причины которыхъ никто не можетъ объяснить! Это-ли не явное доказательство того, что эти бури и другія необычайныя явленія были вызваны приближеніемъ къ нашей планетѣ ея спутника?! Но нѣтъ, несмотря на всѣ эти доказательства и подтвержденія, никто не хочетъ допустить самаго простого и естественнаго объясненія, какое мы съ мужемъ даемъ

имъ, и всѣ упорно стоятъ на томъ, что наше путешествіе на луну ничто иное, какъ простая выдумка!

Докторъ Бріэ, еще совсѣмъ разгоряченный своими спорами и преніями въ Академіи, слушалъ Гертруду съ видимымъ волненіемъ.

— Ахъ, я ужъ слишкомъ хорошо знаю, что всѣ смотрятъ на наше путешествіе, какъ на выдумку! Но согласитесь, что это прямо возмутительно! Можно дойти до отчаянія даже самому уравновѣшенному и миролюбивому человѣку... Никто никогда не доходилъ до такого неслыханнаго недовѣрія!.. Утверждать, что лунный папирусъ, который я на вашихъ же глазахъ вынулъ изъ руки луннаго Титана, ничто иное, какъ простой египетскій папирусъ!.. Вы, можетъ быть, не представляете даже, что это за нелѣпость! Это даже несравненно возмутительнѣе, чѣмъ всѣ опроверженія г.г. астрономовъ. Вѣдь, астрономія все же, какъ хотите, наука положительная, точная; я, пожалуй, могу допустить, что какой нибудь физикъ и математикъ отказывается принять на вѣру какой нибудь необычайный феноменъ, котораго онъ не видалъ своими глазами... это я еще понимаю!.. Да, не смѣйтесь: будь я астрономомъ, я былъ бы крайне остороженъ и осмотрителенъ въ такого рода вещахъ и, признаюсь, когда ко мнѣ явились бы и сказали: „Я только-что вернулся съ луны“, право, не сразу бы повѣрилъ этому, воля ваша!..

— Но въ археологіи дѣло совсѣмъ другого рода!.. отчего нельзя отличить документъ, единственный въ своемъ родѣ, не имѣющій ничего подобнаго, документъ, какихъ никогда не было, словомъ, такой, какъ мой лунный папирусъ, отъ столь обычнаго и простого манускрипта, какъ древне-эфіопскій папирусъ?..

— Но что же вы хотите, дорогой дядя?—воскликнула г-жа Моони, отъ души смѣясь волненію и негодованію доктора,—чего же ожидали отъ постороннихъ, если мы встрѣчаемся съ такимъ полнѣйшимъ недовѣріемъ даже въ лю-

дяхъ намъ близкихъ, которые должны были бы первые поддержать насъ и наши показанія?..

— Я увѣренъ, что дочь моя Гертруда намекаетъ въ этомъ на меня!—воскликнулъ улыбаясь г. Керсэнь, отложивъ въ сторону свою газету,—да, признаюсь, хотя я тогда сгоряча повѣрилъ вашей исторіи, все же мнѣ весьма трудно теперь, когда я успѣлъ поразмыслить объ этомъ дѣлѣ, сохранить въ себѣ эту вѣру и не предположить, что все это, просто на-просто, было игрою воображенія, какой то странною иллюзіей.

— Ну, да! Ну, да!—воскликнулъ докторъ явно пренебрежительнымъ тономъ,—игра воображенія, плодъ фантазіи, галлюцинація, охватившая сразу семь—восемь человѣкъ или вѣрнѣе, одиннадцать человѣкъ. Да слыханное-ли это дѣло?!..

— А почему бы и нѣтъ?

— Ну, да, ну, да... ужъ я отлично знаю, что вы теперь преподнесете намъ старую теорію этого сумасшедшаго, умалишеннаго врача, доктора Маротта, который видѣлъ во всѣхъ людяхъ субъектовъ, подверженныхъ припадку „осаднаго“ бреда!—Конечно, чего нельзя придумать! Мы отправились тогда изъ Хартума въ моментъ осады города, попали въ руки Махди, насъ подвергали жестокому обращенію, вслѣдствіе чего мы всѣ потеряли разсудокъ. Когда же для насъ миновала опасность, то путемъ заразительнаго умопомѣшательства всѣ мы, сколько насъ не было, приняли одинъ и тотъ же видъ помѣшательства, подъ вліяніемъ г. Моони, издавно страдавшаго маніей величія... не такъ-ли? Право, очень мило придуманная исторія, даже довольно вѣроятная, если хотите!.. Но позвольте вамъ замѣтить, однако, что этотъ самый г. Мароттъ, къ сожалѣнію, самъ считается заподозрѣннымъ въ томъ, что, какъ самъ онъ выражается, „ему стукнули молоткомъ по мозгамъ“. Впрочемъ, онъ уже не впервые угощаетъ насъ такими теоріями, а развивалъ ее уже однажды съ нѣкоторымъ успѣхомъ по поводу событій 1870—71 года. Я увѣренъ, что онъ охотно объяс-

нилъ бы такимъ образомъ всю древнюю, новую и новѣйшую исторію послѣдовательнымъ рядомъ припадковъ осаднаго бреда или сумасшествія!.. А хотите ли узнать мое мнѣніе относительно этого вопроса? Ну, такъ вотъ, во всемъ этомъ дѣлѣ самый опасный помѣшанный, это самъ докторъ Мароттъ! Его слѣдовало бы прежде всего засадить, вмѣсто того, чтобъ поручать ему уходъ за больными, вотъ мое мнѣніе!..

— Вы, право, могли-бы избавить себя отъ труда этой горячей, убѣдительной рѣчи, милый мой докторъ,– засмѣялся г. Керсэнь,—такъ какъ я отнюдь не придерживаюсь теоріи доктора Маротта. У меня создалась своя собственная теорія и я вполнѣ довольствуюсь ею.

— Ну-съ, нельзя-ли полюбопытствовать, какая именно, господинъ управляющій консульскими дѣлами?

— Моя теорія заключается въ томъ, что всѣ вы въ полномъ разсудкѣ и даже вполнѣ искренни...

— Ну, слава Богу! хоть это-то вы признали за нами,—и на томъ спасибо!

— Да, вы всѣ въ полномъ разсудкѣ, вполнѣ искренни и утверждаете только то, въ чемъ сами вполнѣ увѣрены,—повторилъ еще разъ г. Керсэнь.—Но только...

— Только что?—поспѣшилъ освѣдомиться докторъ Бріэ, сгорая отъ нетерпѣнія услышать теорію своего зятя.

— Но только вы попали въ руки этого проклятаго Радамехскаго карлика, величайшаго шарлатана и кудесника въ мірѣ. Онъ, которому извѣстны были планы и замыслы Моони въ Суданѣ, зная, что всѣ мы болѣе или менѣе увлекаемся его мечтами, вздумалъ зло подшутить надъ вами.— Что онъ при этомъ могъ имѣть ввиду и съ какою цѣлью это сдѣлалъ я, конечно, не знаю, но только ему удалось увѣрить васъ въ томъ, что все то, чего вы ожидали, дѣйствительно случилось.

— Но позвольте узнать, какъ это могло ему удаться, смѣю спросить?..

— Какъ?—Очень просто, посредствомъ одного изъ его удивительныхъ фокусническихъ пріемовъ, посредствомъ гипнотизма. Допустимъ, что загипнотизировавъ васъ всѣхъ, онъ внушилъ вамъ эту исторію,—вѣдь теперь всѣ уже вѣрятъ въ силу внушенія,—или же просто угостилъ васъ гашишемъ и затѣмъ разсказалъ вамъ все это, или вообще прибѣгнулъ для этой цѣли къ какому нибудь изъ своихъ таинственныхъ зелій.

— Такъ изъ этого слѣдуетъ, что, по вашему мнѣнію, мы тоже, что бдящіе спящіе въ сказкѣ изъ „Тысячи одной ночи“?

— Да совершенно то же!

— Прекрасно-съ! ну, а мой лунный манускриптъ, мой лунный папирусъ! Что, я и его также видѣлъ во снѣ, по вашему?

— Нѣтъ,—спокойно и невозмутимо возразилъ г. Керсэнъ,—но это могъ быть не болѣе, какъ простой аксессуаръ, которымъ воспользовался ловкій карликъ, чтобы лучше заставить васъ повѣрить иллюзіи и придать имъ нѣчто осязательное. Вотъ изъ этого-то, скажу кстати, быть можетъ, и вытекаетъ то невинное заключеніе, что Академія, быть можетъ, не такъ слѣпа, какъ вы полагаете, и не такъ ошибается въ своихъ заключеніяхъ, какъ оно бы казалось съ перваго взгляда, когда принимали вашъ лунный папирусъ за папирусъ эфіопскаго происхожденія.

— Теперь вы все сказали, что имѣли сказать? —освѣдомился докторъ Бріэ, котораго послѣднія слова зятя задѣли особенно за живое.

— Да все!—отвѣтилъ г. Керсэнъ.

— Прекрасно! прекрасно!—воскликнулъ докторъ, вскакивая со своего мѣста и идя прямо на г. Кессэнь, какъ бы ожидая, что его аргументъ, хранимый имъ на всякій случай про запасъ, долженъ будетъ окончательно подавить и уничтожить его оппонента,—прекрасно-съ!—продолжалъ онъ, потирая руки,—но въ такомъ случаѣ потрудитесь мнѣ объяснить, какимъ образомъ Виржиль, баронетъ и его образцо-

вый слуга Тиррель Смисъ, которыхъ не было съ нами, когда мы попали въ руки Каддура, какимъ образомъ и они подпали той же иллюзіи, какъ мы, хмъ!?

— Да весьма просто. Карликъ, захвативъ васъ въ плѣнъ, овладѣлъ пикомъ Тэбали, гдѣ онъ нашелъ Виржиля, баронета и его вѣрнаго слугу Тирреля Смиса, и для него не представлялось, конечно, никакихъ затрудненій учинить надъ ними то же самое, что онъ учинилъ надъ вами.

— Ну, а нашъ парашютъ? И онъ тоже плодъ воображенія?—насмѣшливо подтрунилъ докторъ.

— Но его нигдѣ не нашли!

Докторъ прошелся раза два—три по залѣ, кусая ногти съ досады, затѣмъ, вдругъ остановившись передъ своимъ зятемъ, воскликнулъ:

— Нѣтъ, признаюсь, съ вами нѣтъ никакой возможности разсуждать серьезно объ этомъ предметѣ!.. Но если бы я только не позабылъ на столѣ въ своей комнатѣ свою геологическую коллекцію, которая теперь, къ сожалѣнію, осталась на лунѣ, то посмотрѣлъ бы, что бы вы тогда на это сказали!..

— Эта коллекція образцовъ также ничего бы рѣшительно не доказывала, какъ и вашъ лунный папирусъ,—засмѣялся Норберъ Моони,—потому что образцы эти представляли собою большую аналогію съ земными горными породами.

— А! вотъ теперь и вы становитесь на сторону нашихъ протовниковъ! Прекрасно, нечего сказать!—воскликнулъ докторъ.—только еще вашего отступничества не доставало, чтобы окончательно доканать насъ!

— Я отнюдь не измѣняю нашему дѣлу!—смѣясь возразилъ Норберъ Моони,—а хочу только прослѣдить до конца аргументацію нашихъ противниковъ, чтобы имѣть возможность дать себѣ отчетъ въ направленіи ихъ умовъ; собственно говоря оппозиція ихъ мало меня тревожитъ: я вскорѣ буду имѣть случай заставить ихъ прикусить свои языки путемъ научныхъ трудовъ, основанныхъ на моихъ наблюденіяхъ во время нашего прибыванія на лунѣ, и эти

доказательства будутъ совершенно неопровержимы. А пока довольствуюсь тѣмъ довѣріемъ, какое мнѣ оказываютъ наши акціонеры, что, конечно, очень трогательно и потому цѣнятся мной особенно высоко.

— Какъ? Неужели они вѣрятъ въ наше путешествіе на луну? вѣрятъ?! да?

— О, если бы они не вѣрили въ него, то не были бы настоящими акціонерами! Это не подлежитъ сомнѣнію! — смѣясь отозвался Норберъ. — Такъ какъ они пожертвовали свои кровныя денежки на нашъ опытъ и тѣмъ самымъ дали намъ возможность осуществить его, то весьма понятно, что они принимаютъ на вѣру все въ общемъ и въ мельчайшихъ подробностяхъ! Мало того, наши акціонеры прислали мнѣ торжественныя поздравленія и даютъ возможность возстановить нашъ основной капиталъ выпускомъ облигацій, чтобы при первой возможности возобновить наши работы.

— Такъ вотъ, если вы когда нибудь снова отправитесь на луну, возьмите меня съ собою; я непремѣнно хочу участвовать въ этомъ путешествіи! — воскликнулъ докторъ. — Хочу во что бы то ни стало доказать...

— Увы, дорогой докторъ, — возразилъ молодой астрономъ,—я весьма боюсь, что на этотъ разъ такого рода путешествіе будетъ дѣломъ весьма не легкимъ, во всякомъ случаѣ на весьма долгое время. Не говоря уже о томъ, что не легко будетъ найти вторую такую пиритную скалу, какою являлась гора Тэбали, намъ, вѣроятно, будетъ еще труднѣе, если только не совсѣмъ невозможно, найти другую такую страну, какъ Суданъ, гдѣ бы имѣлись на лицо, всѣ тѣ необходимыя для успѣха такого предпріятія условія, какія можно встрѣтить только въ Суданѣ, а Суданъ еще не скоро сдѣлается легко доступнымъ для насъ, европейцевъ!..

— Послушайте, друзья мои,—проговорилъ г. Керсэнъ,— знаете, что я хотѣлъ бы предложить вамъ? Давайте, дадимъ всѣ другъ другу слово никогда болѣе не говорить объ этомъ дѣлѣ!.. Не говоря уже о томъ, что эта тема грозитъ испор-

тить наши милыя и хорошія взаимныя отношенія и сдѣлать наши характеры раздражительными, я, кромѣ того, могу васъ увѣрить, что отъ этихъ разговоровъ положительно начинаетъ голова трещать и мысли путаться. Вѣдь, мы съ вами теперь рѣшительно ни о чемъ другомъ даже и не говоримъ; всѣ наши разговоры, какъ бѣлка въ колесѣ, вертятся вокругъ этой безотрадной темы. Всѣ въ домѣ, не исключая даже маленькой Фатимы, не могутъ раскрыть рта, чтобъ не сказать: „Когда мы были на лунѣ...“ да, на лунѣ и на лунѣ,.. вѣдь стоитъ только ихъ послушать, они съ Виржилемъ цѣлые дни только и дѣлаютъ, что возятся съ своими, такъ называемыми, лунными воспоминаніями... Просто смѣхъ и досада...

— Позвольте еще только одно слово! — воскликнулъ докторъ,—имѣете вы какія нибудь извѣстія о серѣ Буцефалѣ?

— Да, какъ же, прекрасныя! Онъ собирается въ скоромъ времени побывать въ Парижѣ и провести здѣсь съ нами двѣ — три недѣльки. Знаете, что съ нимъ случилось, благодаря этой вашей знаменитой исторіи? Какъ намъ извѣстно, милый докторъ, Серъ Буцефалъ держалъ пари въ тридцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ, относительно того, что мнѣ не удастся попасть на луну, — сказалъ Норберъ Моони, — и вотъ, вернувшись въ Лондонъ, онъ, какъ честный и порядочный человѣкъ, отправилъ своему оппоненту проигранную имъ условленную сумму, но тотъ отказался принять ее подъ предлогомъ или, если хотите, на томъ основаніи, что онъ яко-бы не выигралъ этого пари. Баронетъ, однако, продолжалъ упорствовать, но и его оппонентъ также. Въ результатѣ рѣшено было избрать судей, и тѣ рѣшили, что эта сумма, оставшаяся безъ надлежащиго примѣненія вслѣдствіе взаимнаго отказа обѣихъ сторонъ признать за собою на нее права законной собственности, должна быть употреблена на сооруженіе госпиталя. Серу Буцефалу при этомъ удалось добиться, чтобы госпиталь этотъ былъ названъ Séléné Hôspital (т. е. Лунный госпиталь) въ память его удивительнаго путешествія. Но названіе это не приви-

лось и въ публики за нимъ вскорѣ укрѣпилось имя „Lunatics Hospital“, т. е. „госпиталь сумашедшихъ“.

— Ахъ, Боже мой! какія прискорбныя вѣсти! — воскликнулъ вдругъ г. Керсэнь, который въ это время уже снова успѣлъ погрузиться въ чтеніе своей газеты, стараясь такимъ образомъ избѣгнуть вѣчныхъ преній по поводу луннаго эпизода, какъ онъ мысленно называетъ эту излюбленную тэму.

Взглядъ его случайно упалъ на „Новѣйшія извѣстія“: Хартумъ взятъ!... генералъ Гордонъ палъ въ числѣ первыхъ жертвъ всеобщей поголовной рѣзни!... Англійская вспомогательная армія подъ командой Уольсли прибыла подъ Хартумъ, когда городъ былъ уже въ рукахъ Махди!...

— Какія грустныя извѣстія! Бѣдный Гордонъ!...

— Да, этого, впрочемъ, слѣдовало ожидать!... печально продолжалъ г. Керсэнь. — Вѣдь, вамъ извѣстно, съ какимъ оскорбительнымъ безучастіемъ и равнодушіемъ было встрѣчено по всюду это горячее воззваніе, этотъ крикъ о помощи, съ которымъ я явился къ цивилизованнымъ народамъ Европы отъ имени бѣднаго Гордона. Англійское правительство, пославшее его въ Суданъ, все колебалось между чувствомъ сознанія своей тяжкой отвѣтственности и желаніемъ не ввязываться въ такого рода предпріятіе, которое не обѣщало никакого желаннаго исхода. Въ концѣ концовъ оно рѣшилось, по моимъ настояніямъ и, очевидно, нехотя, отправить къ нему вспомогательную армію, которой однако было предписано не спѣшить, въ тайной надеждѣ, что она явится слишкомъ поздно... Такъ оно дѣйствительно и вышло, она явилась слишкомъ поздно, чтобы спасти этого благороднаго героя!... Бѣдный, доблестный Гордонъ!... Честный, благородный и смѣлый воинъ!... Онъ лично говорилъ мнѣ въ послѣднее время, что уже не надѣется на помощь отъ своихъ!...

Всѣ были еще подъ впечатлѣніемъ тяжелаго чувства, вызваннаго этой печальной вѣстью, когда Виржиль распахнулъ дверь въ столовую и, появившись на порогѣ гостиной,

доложилъ, что подано кушать. Вскорѣ за дружеской бесѣдой, во время обѣденнаго стола, трагическій образъ такъ печально погибшаго Гордона изгладился изъ мыслей этихъ лицъ, нѣкогда лично знавшихъ этого героя. Таковъ ужъ свѣтъ,—и это хорошо, такъ какъ иначе жизнь стала бы ужасной, если бы печальные призраки тѣхъ, кого мы нѣкогда любили и уважали, постоянно являлись и садились съ нами за столъ.

. . . .

Въ то самое время, когда то, что мы только что описали, происходило въ Парижѣ, компанія веселыхъ камердинеровъ и лакеевъ собрались въ одной изъ особыхъ залъ старинной портерной въ Керзонъ-Стритъ въ Лондонѣ. Героемъ этого маленькаго клуба являлся нашъ старый знакомый Тиррель Смисъ, вернувшійся къ родному очагу, ступившій теперь на родную почву возлюбленной имъ Англіи и почти столь же извѣстный и прославленный въ своемъ кругу, какъ морякъ Синдбадъ. Его пріятели отнюдь не придерживались того мнѣнія, какъ г. Керсэнь, по отношенію къ путешествію на луну; напротивъ, они никогда не уставали слушать его разсказы и повѣствованія, которыя сдѣлались самой излюбленной темой всѣхъ шутокъ и разговоровъ этого клуба.

— Да, полно; ты еще станешь, пожалуй, увѣрять насъ, что на лунѣ жили люди!—восклицалъ кто нибудь изъ членовъ почтеннаго собранія.

— Даю въ томъ мое честное слово! Да, тамъ жили люди, да еще какіе! Такіе рослые красавцы, что развѣ только немного пониже колонны Трафальгаръ-Сквера!

— Ну!.. ну..., пріятель... ужъ и наговорилъ ты намъ всякой дичи!..

— Да нѣтъ же! это такъ и есть, какъ я вамъ говорю!

— Но въ сущности тебѣ не очень-то понравилось, какъ видно, тамъ, на лунѣ!

— Да, признаюсь, не совсѣмъ по вкусу пришлась мнѣ эта луна! Повѣрите-ли, тамъ нельзя было даже трубочки закурить! Да, ни одной, даю вамъ слово!.. нельзя было и

погулять спокойно и прилично, какъ подобаетъ воспитаннымъ и пристойнымъ людямъ, а приходилось постоянно скакать, какъ стрекозы или кузнечики, дѣлая скачки и прыжки въ двѣнадцать ярдовъ и болѣе... Вы можете себѣ представить, какой видъ придаетъ это порядочному, почтенному человѣку. Затѣмъ, все тамъ идетъ совершенно другимъ порядкомъ; все не такъ, какъ надо быть, а наоборотъ. Такъ, напр., приходится плакать горькими слезами, чтобы имѣть возможность развести самый жалкій огонекъ въ такую стужу, какой, быть можетъ, не видалъ ни одинъ бѣдняга сибирскій казакъ! Мы пили чай, вскипяченный на солнцѣ! Можете себѣ представить, какой вкусъ имѣла эта настойка... а когда настала ночь, — такъ вотъ, доложу вамъ, вышла совсѣмъ плохая шутка! Что значатъ въ сравненіи съ этой ночью наши туманы, продолжающіеся по цѣлымъ недѣлямъ?!.. Полныхъ четырнадцать сутокъ безпросвѣтнаго мрака, да еще при громадной лунѣ, только это, конечно, была не луна, а такъ только похожа на нее. Наши ученые называли это свѣтомъ земли, но я хотѣлъ бы знать, какъ можно этому вѣрить; точно земля свѣтится ночью! Что за выдумки! А между тѣмъ они такъ утверждали! Такъ вотъ, когда человѣкъ испыталъ все это, то онъ въ концѣ концовъ непремѣнно долженъ будетъ сказать, что на всемъ свѣтѣ нѣтъ ничего такого, что было бы лучше добраго стакана эля въ Лондонѣ, въ кругу добрыхъ друзей, и что эта глупая луна не стоитъ одного квадратнаго фута земли въ веселой, возлюбленной нами Англіи!.. Ура!..— покончилъ Тиррель Смисъ свои разглагольствованія. — Ура! за старую Англію!..

Тостъ его, какъ и слѣдовало ожидать, не остался безъ подражателей.

Нѣсколько минутъ спустя, когда нашъ пріятель Тиррель Смисъ ушелъ, увидя по часамъ, что приближается время идти одѣвать его господина къ обѣду,—весь маленькій клубъ въ улицѣ Кёрзонъ сталъ печально покачивать головами, глядя ему во слѣдъ, а немного спустя, послѣ нѣко-

тораго вдумчиваго молчанія, одинъ почтенный старый камердинеръ взялъ на себя трудъ резюмировать въ двухъ словахъ общую мысль относительно веселаго, вдохновеннаго разсказчика всякихъ небылицъ, но предварительно закурилъ свою трубочку и съ наслажденіемъ затянулся изъ нея.

— Бѣдняга, у него чердачекъ опустѣлъ! — сказалъ онъ, дотрагиваясь указательнымъ пальцемъ до своего лба.

КОНЕЦЪ.